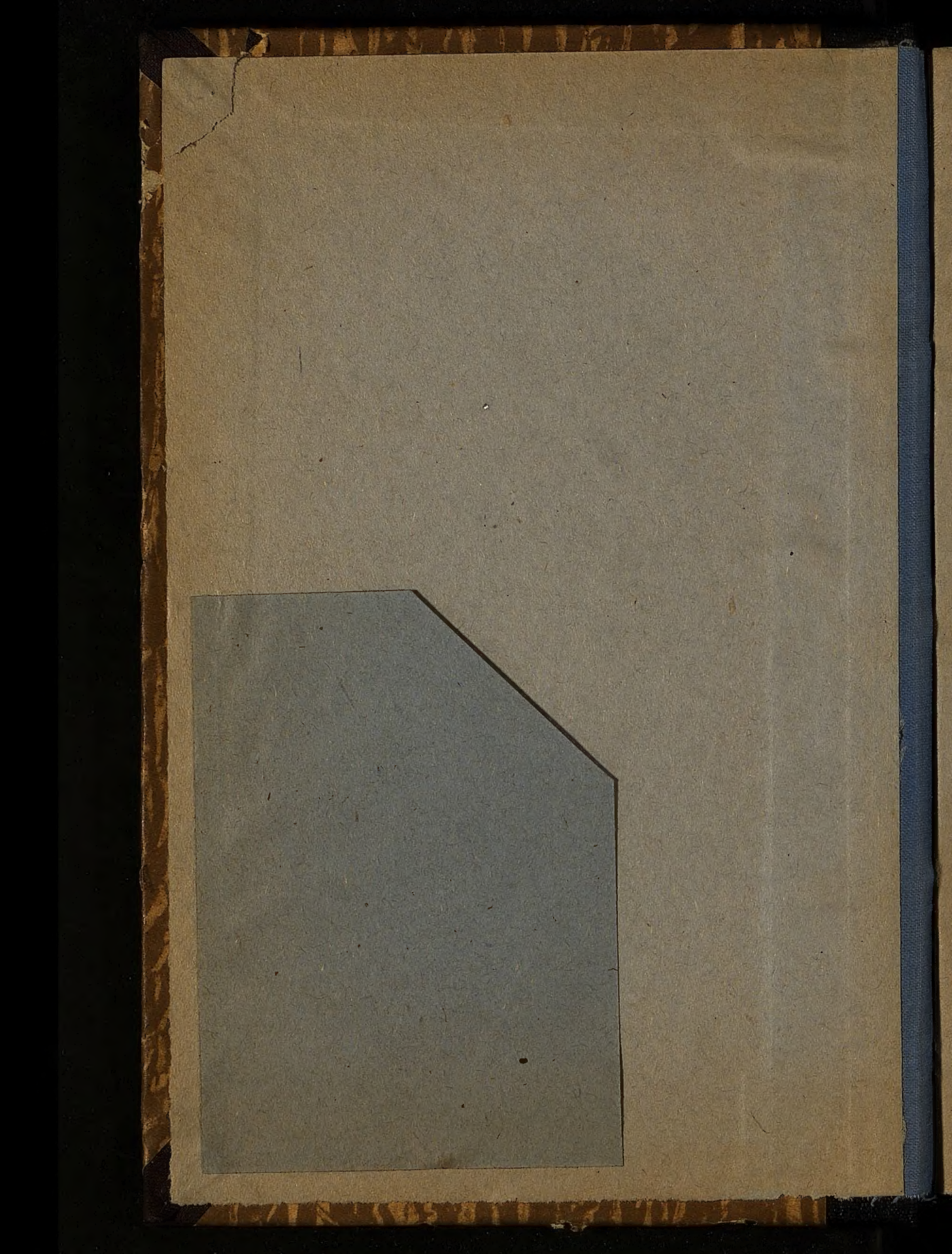
Русскій
Вѣстник.
1865. № 2.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ.

1865

ФЕВРАЛЬ.

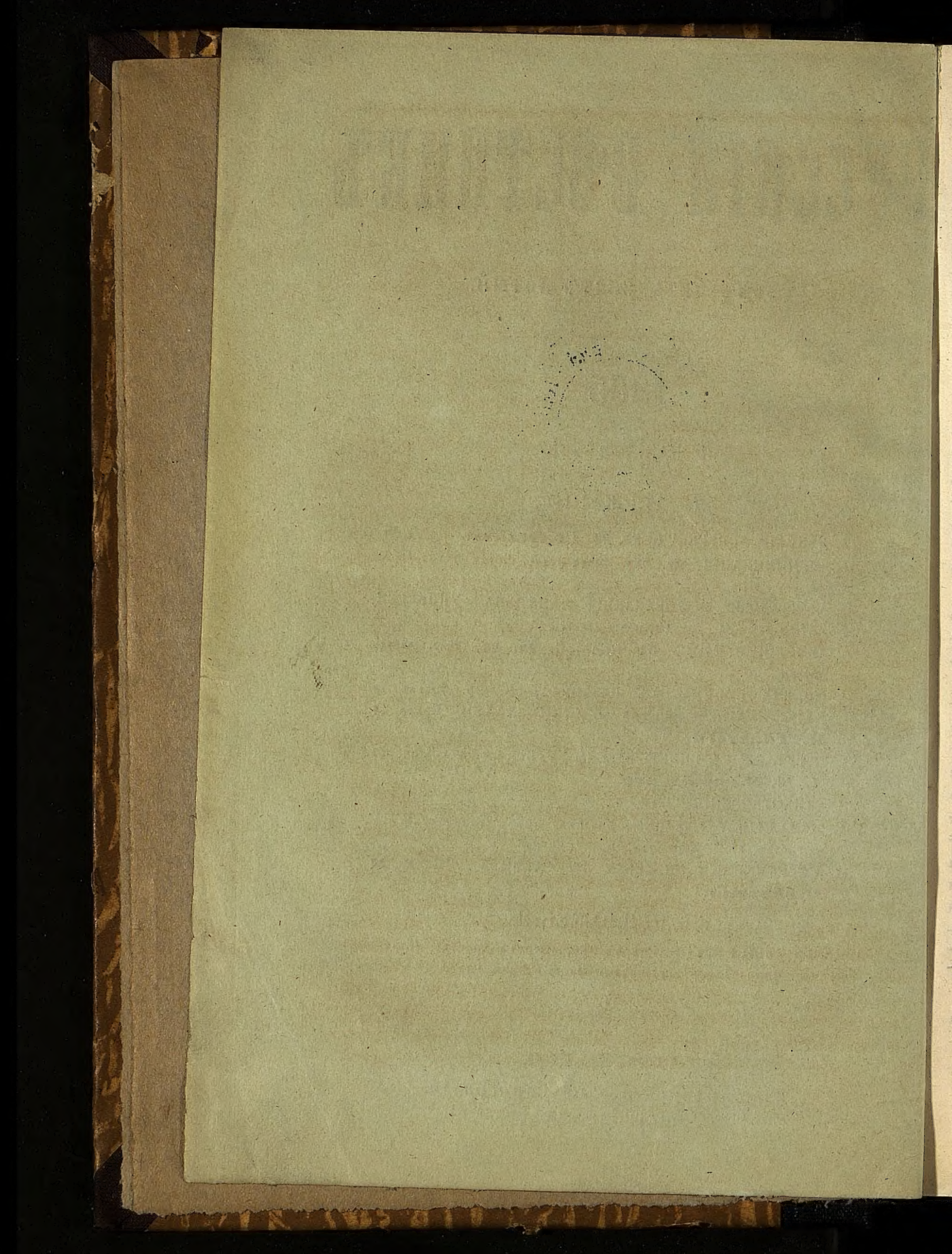
СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи

(КАТКОВЪ и К°).

ВѢНСКІЙ КОНГРЕССЪ

Лѣтомъ 1814 года веселая столица цезарей, Вѣна, готовилась къ великому, небывалому торжеству, къ длинному ряду праздниковъ: въ нее должны были съѣхаться государи, министры, и рѣшить судьбу Европы, потрясенной революціей и сыномъ революціи, Наполеономъ. Кто же были эти теперь мирные рѣшители судебъ Европы? съ какими взглядами и желаніями пріѣдутъ они въ Вѣну? какихъ интересовъ и началъ будутъ здѣсь представителями?

Начнемъ съ хозяина, императора Франца, и знаменитаго министра его Меттерниха.

Императоръ Францъ былъ полный представитель своего государства, истый императоръ австрійскій. Посредствомъ брачныхъ союзовъ Австрійская монархія сложилась изъ нѣсколькихъ разноплеменныхъ народовъ, изъ нѣсколькихъ государствъ, жившихъ долго порознь и удержавшихъ много своихъ особенностей. Было въ Европѣ еще государство, сложившееся тѣмъ же путемъ, путемъ брачнаго союза, путемъ, повидимому, мирнымъ, но столь же насильственнымъ для народовъ, какъ и завоеваніе, ибо здѣсь отдѣльные народы насильно связываются другъ съ другомъ, отдаются въ приданое. Это государство было Польское, гдѣ два народа, польскій и западнорусскій, насильно соединены были бракомъ Ягайла литовскаго на Ядвигѣ польской. Польша поплатилась за это. Но Австрія была крѣпче, крѣпче уже потому, что со-

ставилась не изъ двухъ, но изъ нѣсколькихъ разноплеменныхъ народовъ, которые можно было раздѣлять, чтобы надъ ними властвовать (dividere et imperare). Имѣя постоянно дѣло внутри со многими народами, сталкивающимися другъ съ другомъ, заботясь о сохраненіи равновѣсія между ними, занимаясь и внутри преимущественно международными отношеніями, австрійское правительство по необходимости принимало характеръ дипломатическій; всѣ средства, считавшіяся въ дипломатіи позволенными относительно чужихъ народовъ, были употребляемы тутъ внутри монархіи. Пестрый составъ государства, въ которомъ каждая часть жила болѣе или менѣе особою жизнію, внѣшнее дипломатическое отношеніе правительства къ этимъ разнороднымъ, механически сопоставленнымъ частямъ, необходимо укореняли въ правительственныхъ лицахъ представленіе о государствѣ не какъ о живомъ организмѣ, но какъ о машинѣ: отсюда привычка къ одному механическому способу дѣйствія, къ формализму, къ канцелярскимъ и полицейскимъ пріемамъ въ управленіи,—все живое, самостоятельно движущееся возбуждало отвращеніе и страхъ, ибо мѣшало правильному движенію мертвой машины.

Разъ на престолѣ Австрійскомъ явился государь, который вздумалъ пойдти противъ этихъ установившихся взглядовъ, противъ этого установившагося порядка: то былъ Іосифъ II. Онъ вздумалъ оживить машину тѣмъ духомъ, который въ его время вѣялъ по Европѣ; онъ вздумалъ привести къ единству разнообразныя части своихъ владѣній, дать господство одному элементу, именно нѣмецкому, у котораго, по его мнѣнію, было больше нравственныхъ средствъ осилить другіе элементы. Но Іосифъ дорого поплатился за свою смѣлую попытку преобразованія: умирая, онъ видѣлъ какъ государство его замутилось, видѣлъ страшное неудовольствіе, сильныя волненія. Примѣръ Іосифа II послужилъ урокомъ для его преемниковъ. Императоръ Леопольдъ II ловкими мѣрами успѣлъ успокоить волненія, не дѣйствуя слишкомъ круто и противъ Іосифовскихъ преобразованій; но преемникъ Леопольда Францъ II, возбуждавшій характеромъ своимъ такую антипатію въ дядѣ Іосифѣ, завелъ свою машину совершенно на старый ладъ.

Францъ II ясно высказалъ свой австрійскій взглядъ на государство, какъ на машину: все государственное управленіе, по его мнѣнію, должно было идти какъ заведенные часы.

Ничто не должно нарушать обычнаго хода машины: разъ заведена, и пусть идетъ. Нечего трогать, перемѣнять, только испортишь: Іосифъ II, какъ безпокойный, пытливый ребенокъ, вздумалъ потрогать машину, перемѣнить колеса,—и что же вышло? только разстроилъ. Хорошо шла машина прежде, пусть и теперь такъ же идетъ. „Держитесь старины, старина хорошее дѣло,“ говорилъ Францъ профессорамъ Лайбахскаго лицея; „нашимъ предкамъ было хорошо при старинѣ: отчего же намъ будетъ дурно? Теперь новыя идеи въ модѣ: я ихъ не могу одобрить, никогда не одобрю.“ Новыхъ идей было много въ новыхъ нѣмецкихъ книгахъ, печатанныхъ въ сѣверной Германіи, и потому эти нѣмецкія книги были строго запрещены въ нѣмецкой Австріи. Но при Іосифѣ II и въ самой Австріи было напечатано много книгъ съ разными идеями: болѣе 2500 этихъ старыхъ Іосифовскихъ книгъ было теперь запрещено въ Австріи. Въ книжной торговлѣ господствовали рыцарскіе романы. Рыцарскіе романы можно читать: они не бударажатъ головы разными идеями, не препятствуютъ пищеваренію, и это главное; здоровый желудокъ, хорошій столъ и хорошая музыка — больше ничего не нужно для народнаго благосостоянія. Ѣсть, пить, наслаждаться музыкою и какъ можно меньше отягощать себя мыслію—вотъ главное правило добраго подданнаго. Музыка очень хорошее искусство: она услаждаетъ и успокоиваетъ, убаюкиваетъ. Францъ II былъ большой охотникъ до музыки и музыкантовъ: при немъ музыкантъ могъ дойдти до генералъ-адъютантскаго званія. Францъ II не любилъ войны и въ мирное время не любилъ военныхъ упражненій: тутъ было много движенія, шума, блеска; все это способно было возбуждать, а не успокоивать. Другое дѣло—канцелярія: тамъ все тихо, спокойно и правильно; бумага составляется, прочитывается, докладывается, занумеровывается, подписывается и предается законному, правильному теченію; течетъ тихо, плавно, спокойно, медленно, величаво, своимъ появленіемъ въ извѣстныхъ узаконенныхъ мѣстахъ возбуждаетъ тихое, спокойное движеніе переписки, отписки; наконецъ бумага совершаетъ свой путь и впадаетъ въ море—океанъ бумажный. Теченіе бумаги окончено, дѣло сдѣлано. Какое дѣло? спрашиваютъ; но такіе вопросы могутъ поднимать только идеологи. При Францѣ II, въ принятіи общихъ, важныхъ мѣръ, крайняя слабость, неповоротливость; собираются отовсюду мнѣнія, но

сладить съ противорѣчіями ихъ нѣтъ умѣнья, и отсюда новыя причины нерѣшительности, проволочки. Но за то въ частностяхъ, въ отношеніяхъ къ отдѣльнымъ лицамъ другое дѣло: тутъ страсть давать аудіенціи, вступать въ длинные разговоры по частнымъ дѣламъ, входить во всѣ мелочи.

Но что̀ Францъ II, какъ истый австрійскій государь, соблюдалъ на практикѣ, то министръ его Меттернихъ возвелъ въ теорію, и предлагалъ эту теорію для подражанія другимъ народамъ, другимъ государямъ. Скромный Францъ II не любилъ, опасался непосредственныхъ сношеній съ государями и послами ихъ, ибо здѣсь нужна была большая сила соображенія, умѣнье взвѣшивать каждое слово; за то Меттернихъ любилъ играть роль наставника царей, руководителя министровъ. Онъ зналъ все что̀ дѣлается тайнаго въ разныхъ углахъ Европы, и готовъ былъ служить каждому государю сообщеніемъ нужныхъ для послѣдняго свѣдѣній, причемъ сообщалъ свои взгляды на то, какъ должно управлять народами для ихъ благоденствія и для благоденствія правительствъ. Въ своей теоріи Меттернихъ указываетъ на массу простаго рабочаго народа и говоритъ, что это *настоящій народъ* (le veritable peuple). Къ этому настоящему народу устремлены всѣ симпатіи австрійскаго министра. Этотъ народъ, по словамъ Меттерниха, занятъ положительными и постоянными работами, и недосугъ ему кидаться въ отвлеченности и въ честолюбіе, этотъ народъ повсюду желаетъ только одного: сохраненія спокойствія. Враги этого спокойствія, враги настоящаго народа—это люди обыкновенно изъ средняго класса, которыхъ самонадѣянность, постоянная спутница полузнанія, побуждаетъ стремиться къ новому, къ перемѣнамъ. Противъ этихъ-то людей Меттернихъ приглашаетъ правительства составить союзъ (ligue entre tous les gouvernements contre les factions dans tous les états).

Но благодѣтель настоящаго народа забывалъ о достоинствѣ и обязанностяхъ настоящаго правительства. Правительство, которое сознаетъ свое достоинство, знаетъ, что обязанность его не питать только, но воспитывать свой народъ. Настоящее правительство не задерживаетъ свой народъ, не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; напротивъ, оно вызываетъ изъ массы лучшія силы и употребляетъ ихъ на благо народа; оно не боится этихъ силъ, оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними. Чтобы не бояться ничего, пра-

вительство должно быть либерально и сильно. Оно должно быть либерально, чтобы поддерживать и развивать въ народѣ жизненныя силы, постоянно кропить народъ живою водой, не допускать въ немъ застоя, слѣдовательно гніенія, не задерживать его въ состояніи младенчества, нравственнаго безсилія, которое, въ минуту искушенія, дѣлаетъ его неспособнымъ отразить ударъ, встрѣтить твердо и спокойно, какъ прилично мужамъ, всякое движеніе, всякую новизну, извнѣ приходящую, и слѣдовательно, критически относиться къ каждому явленію; народу нужно либеральное, широкое воспитаніе, чтобъ ему не колебаться, не мястись при первомъ порывѣ вѣтра, не восторгаться первымъ громкимъ и краснымъ словомъ, не дурачиться и не бить стеколъ, какъ ребятишки, которыхъ долго держали въ заперти и вдругъ выпустили на свободу. Но либеральное правительство должно быть сильно, а сильно оно тогда, когда привлекаетъ къ себѣ лучшія силы народа, заключаетъ неразрывный союзъ съ ними, опирается на нихъ; правительство слабое не можетъ проводить либеральныхъ мѣръ спокойно, оно рискуетъ подвергнуть народъ тѣмъ болѣзненнымъ припадкамъ, которые называются революціями, ибо возбудивъ, освободивъ извѣстную силу, надобно и направить ее. Такъ либерально и вмѣстѣ сильно было у насъ правительство Екатерины II. Правительство сильное имѣетъ право быть безнаказанно либеральнымъ, и только люди очень близорукіе считаютъ нелиберальныя правительства сильными, думаютъ, что эту силу они пріобрѣли вслѣдствіе нелиберальныхъ мѣръ. Давить и душить очень легкое дѣло, и особенной силы не требуется. Дайте волю слабому ребенку, и сколько хорошихъ вещей онъ перепортитъ, перебьетъ, переломаетъ! Обращаться съ мертвымъ тѣломъ очень просто; но другіе пріемы, потруднѣе и посложнѣе, требуются при обращеніи съ тѣломъ живымъ, при охраненіи и развитіи жизни. Тутъ надобно *править* въ буквальномъ смыслѣ слова, и живые народы благоговѣйно преклоняются предъ людьми, ими дѣйствительно правящими.

Прежде чѣмъ императоръ Францъ могъ съ полнымъ спокойствіемъ опереться на даровитаго министра, такъ искусно проводившаго австрійскую успокоительную теорію, монархія Габсбурговъ должна была выдержать сильное искушеніе, и въ минуты крайней опасности рѣшалась иногда измѣнять

отеческимъ преданіямъ, обращаться къ другой, не австрійской системѣ. Никогда бурбонская Франція, ни при Ришелье, ни при Лудовикѣ XIV, не была такъ страшна постоянной соперницѣ своей, Австріи, какъ стала страшна Франція революціонная, свергнувшая Бурбоновъ, и потомъ Франція бонапартовская. Въ 1796 году, французское войско съ своимъ молодымъ генераломъ, Наполеономъ Бонапартомъ, приближалось къ Вѣнѣ, и знатные люди начали уже выбираться изъ столицы; средство спасенія еще оставалось: поднять народную войну; но одинъ изъ ревнителей отеческихъ преданій, графъ Коллоредо, сказалъ: „Побѣдоносному врагу заткну я ротъ одною провинціей, а вооружить народъ значитъ тронъ низвергнуть.“ И побѣдоносный врагъ былъ остановленъ миромъ въ Кампо-Форміо. Два раза потомъ Австрія схватывалась съ Франціею, съ Наполеономъ, и оба раза должна была затыкать ротъ побѣдоносному врагу провинціями. Но борьба не могла прекратиться, дѣло шло о существованіи, ибо императоръ Французовъ не церемонился съ старыми династіями и смѣнялъ ихъ. Австрія рѣшилась еще разъ попытать счастія въ войнѣ; союзныхъ государей на континентѣ не было, и Австрія рѣшилась на ужасное, отчаянное средство, рѣшилась опереться на народное движеніе. Нашелся министръ, который не дрогнулъ передъ этимъ средствомъ: то былъ Стадіонъ. Австрійскіе солдаты услыхали небывалыя воззванія: „Свобода Европы нашла убѣжище подъ нашими знаменами; ваши побѣды разобьютъ оковы; ваши нѣмецкіе братья ждутъ отъ васъ спасенія.“ Австрія, повидимому, спѣшила освободиться отъ упрека, который дѣлалъ ей Питтъ, будто она отстаетъ всегда на годъ, на войско, на идею. Возбужденный Тироль, эта австрійская Вандея, отбивался отчаянно; въ сѣверной Германіи вспыхнуло возстаніе противъ Французовъ; успѣхъ дѣла зависѣлъ оттого, выдержитъ ли Австрія свое напряженное, непривычное состояніе. Она не выдержала и преклонилась предъ Ваграмскимъ побѣдителемъ, покинувъ ему на жертву Тироль и сѣверную Германію. Движеніе разворошило то что̀ накопилось вслѣдствіе долгаго бездѣйствія, и обнаружились печальныя явленія. Съ одной стороны императоръ Францъ, вѣрный своему взгляду, призываетъ къ себѣ поэта Кастелли, написавшаго патріотическія пѣсни, и съ строгимъ видомъ спрашиваетъ его: „Кто тебѣ приказалъ писать такія

пѣсни?“ Съ другой стороны явленія противоположныя, но находящіяся въ тѣсной связи съ предыдущимъ, какъ необходимыя слѣдствія застоя, неразвитости, ребячества: молодые эрцгерцоги затѣваютъ заговоры, тайныя общества, популярничаютъ. Императоръ Францъ былъ правъ: попыталась Австрія пойдти по новой дорогѣ, и вышло не хорошо; лучше повернуть на старую. И повернули. Поворотъ обнаружился въ томъ, что мѣсто Стадіона заступилъ Меттернихъ.

Для окончанія войны нужно было сдѣлать новыя пожертвованія; но гдѣ же будетъ конецъ пожертвованіямъ? гдѣ средство спасенія отъ завоевательныхъ замысловъ Наполеона? Ища спасенія, Австрія обратилась къ старому своему божеству-покровителю, Гименею. Благодаря этому божеству, Австрія образовалась въ огромную монархію, благодаря этому божеству, Габсбургскій домъ держалъ долго въ рукахъ своихъ судьбы Европы; не даромъ извѣстные латинскіе стихи говорили, что пусть другія державы разными средствами хлопочутъ о своемъ усиленіи. „А ты, счастливая Австрія, заключай браки! (Et tu, felix Austria, nube).“ И теперь Австрія будетъ спасена Гименеемъ: эрцгерцогиня Марія Луиза выдана замужъ за Наполеона. Австрія спокойна и счастлива: вотъ что значитъ обратиться къ старому преданію, къ старому божеству!

Но безпокойный родственникъ пошелъ въ Россію, и возвратился оттуда—безъ войска. Европа поднялась, отставать отъ нея теперь было крайне неразчетливо, и императоръ Францъ побывалъ въ Парижѣ, только не въ гостяхъ у зятя и дочери. Теперь онъ возвратился изъ дальняго воинскаго похода, но труды далеко еще не кончены, надобно выдержать сильную, опасную дипломатическую борьбу; страшнаго Наполеона нѣтъ болѣе, но нельзя дать усилиться союзникамъ—русскому императору и королю прусскому. Александръ заступилъ мѣсто Наполеона, ему нѣтъ соперниковъ, это первенствующее лицо въ Европѣ, привыкшее распоряжаться ея судьбами: бѣда отъ такого могущества!

Александръ, котораго такъ боялись и такъ не любили теперь въ Вѣнѣ, былъ любимый внукъ великой Екатерины. При восшествіи своемъ на престолъ, Александръ объявилъ, что принимаетъ обязанность управлять по законамъ и по сердцу бабки своей, шествовать по ея премудрымъ намѣреніямъ. Уваженіе къ памяти Екатерины поднялось чрезвы-

чайно сильно въ царствованіе Павла I, и Александръ ничѣмъ не могъ такъ обрадовать свой народъ какъ обѣщаніемъ подражать „премудрой матери отечества.“ „Сравнивая всѣ извѣстныя намъ времена Россіи, едва ли не всякій изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было одно изъ счастливѣйшихъ для Россіи, едва ли не всякій изъ насъ пожелалъ бы жить тогда.“ Эти слова, написанныя Карамзинымъ въ 1811 году, какъ нельзя больше шли ко времени, предшествовавшему воцаренію Александра I. Новый императоръ, въ исполненіе обѣщанія своего, на первыхъ же порахъ дѣйствительно возстановилъ многое въ томъ видѣ, какъ оно было до 1796 года, и во внѣшней политикѣ, во время борьбы съ Французскою имперіей, за исключеніемъ тильзитской системы, Александръ шествовалъ по „премудрымъ намѣреніямъ“ Екатерины. Но одно царствованіе никогда не можетъ быть сколкомъ съ другаго. Личный характеръ царствующаго лица, его воспитаніе и условія времени служатъ тому препятствіемъ. Время, въ которое совершалось воспитаніе Александра I, отличалось стремленіями къ общему, отвлеченному; толкуя о человѣкѣ и человѣчествѣ, не обращали должнаго вниманія на народъ и его исторію; и только французская революція, показавшая несостоятельность примѣненія общихъ идей къ живому, исторически образовавшемуся народному тѣлу, да насилія первой Французской имперіи, произвели реакцію, повели къ поднятію вопроса о народности и народностяхъ, возбудили должное уваженіе къ народной личности, къ ея правамъ и къ процессу ея образованія посредствомъ исторіи. Событія, происшедшія на западѣ Европы въ концѣ XVIII вѣка, приковали къ себѣ вниманіе всѣхъ живыхъ людей, должны были приковать къ себѣ и вниманіе живаго, воспріимчиваго, энергическаго Александра, и, въ возрастѣ самомъ впечатлительномъ, опредѣлить главное направленіе его послѣдующей дѣятельности. Ставъ императоромъ, Александръ I долженъ былъ принять самое дѣятельное участіе въ великой и продолжительной борьбѣ, отъ рѣшенія которой зависѣла участь Европы, а это, разумѣется, постоянно отвлекало его вниманіе отъ внутренняго ко внѣшнему, отъ своего, отъ національнаго, къ общему, чужому. Такимъ образомъ все содѣйствовало тому, чтобы сдѣлать Александра способнымъ играть великую роль на сценѣ всемірной исторіи; но при этомъ, какъ обыкновенно

бываетъ, свое, частное, національное, служило не всегда цѣлію, а иногда и средствомъ только.

Никогда еще Европа не переживала такого страшнаго времени, какъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Выдерживала она и прежде опасныя борьбы за независимость, сначала противъ стремленій Габсбургскаго дома, потомъ противъ честолюбивыхъ замысловъ Лудовика XIV; но эти борьбы далеко были не такъ опасны, не требовали такого напряженія силъ, какъ борьба за независимость противъ революціонной и императорской Франціи. Опасность заключалась, съ одной стороны, въ сильномъ возбужденіи, полученномъ отъ революціи Французами, народомъ и безъ того самымъ подвижнымъ и воинственнымъ въ Европѣ; національное стремленіе идти впереди соединилось съ фанатическимъ стремленіемъ къ проповѣди новыхъ началъ и съ разсчетомъ на возможность успѣха только при всеобщемъ переворотѣ въ Европѣ, при смѣнѣ старыхъ правительствъ новыми. Когда внутреннія революціонныя волненія начали стихать во Франціи, когда напряженіе всѣхъ другихъ силъ ослабѣло, войско, могучее быстрымъ поднятіемъ талантовъ снизу вверхъ, одушевленное побѣдами, представляло силу нетронутую, становилось поэтому на первый планъ, и самый побѣдоносный изъ вождей его становился естественно главою государства, когда сбылись пророческія слова Адріана Дюпора, сказанныя въ разгарѣ революціи: „Надобно поспѣшить, чтобы воспрепятствовать окончательной дезорганизаціи; не нужно стѣснять свободы и равенства, но нужно обхватить ихъ правительствомъ справедливымъ и сильнымъ. Если этого нельзя сдѣлать, то конституція погибнетъ, и государство будетъ растерзано партіями. Потомъ, послѣ долгихъ и тяжелыхъ опытовъ, знаете ли кому будетъ принадлежать государство? Деспотизму, въ которомъ станутъ искать убѣжища всѣ души истомленныя, истощенныя.“

Всѣ души истомленныя, истощенныя поспѣшили сыскать себѣ убѣжище въ сильномъ правительствѣ Наполеона. Но и это правительство не могло дать имъ успокоенія. Главное право полководца на верховную власть была побѣда, и было необходимостію для него возобновлять, укрѣплять это право новыми побѣдами, постоянно упражнять ту силу, которая дала ему господство во Франціи и въ Европѣ. Кромѣ того, революціонная, республиканская Франція, вступивъ въ борьбу

съ монархическою Европой, сдѣлала завоеванія, и стремясь къ уменьшенію числа противниковъ, къ пріобрѣтенію союзниковъ, которые стояли бы за нее по единству правительственной формы, старалась окружать себя созданными ею республиками. Этимъ положено было начало вражды, которая не могла окончиться безъ возвращенія завоеваній; но Франція могла ли возвратить ихъ безъ борьбы отчаянной? Эта борьба условливала выдвинутіе войска на первый планъ, возведеніе великаго полководца въ государи, и этотъ новый государь, несмотря на то что уничтожилъ республику во Франціи, становился необходимо во враждебныя отношенія къ старымъ государямъ, и вражда усиливалась съ каждымъ новымъ торжествомъ его, съ каждымъ новымъ завоеваніемъ; какъ республиканская Франція, для оплота себѣ, для умноженія союзниковъ, создавала новыя подобныя ей республики, такъ новый императоръ съ тою же цѣлію создаетъ новыя монархіи, изъ старыхъ изгоняетъ прежнія династіи и замѣняетъ ихъ новыми, сажая всюду на престолѣ своихъ братьевъ и родственниковъ; переработкѣ европейскихъ государствъ не предвидѣлось конца.

Таковы были причины постоянно успѣшнаго, воинственнаго движенія со стороны Франціи; со стороны остальной Европы вызывала это движеніе, благопріятствуя ему, слабость европейскихъ державъ, особенно сосѣднихъ Франціи. Могла ли выставить упорное сопротивленіе разбитая параличомъ Испанія, маленькая Голландія съ своими ничтожными сухопутными средствами къ войнѣ, раздробленныя и потому безсильныя Италія и Германія? Далѣе къ востоку являлись державы болѣе могущественныя, болѣе способныя, повидимому, сдержать напоръ: Австрія, Пруссія. Но пестрая Австрія заключала, какъ мы видѣли, въ этой пестротѣ своей, условія слабости. Пруссія была сильнѣе и единствомъ господствующаго народонаселенія, и бо́льшими въ немъ задатками жизни, развитія, силы. Но эти задатки для Пруссіи въ концѣ XVIII и въ первые года XIX вѣка оставались только задатками: при Фридрихѣ II Пруссія явилась военнымъ, завоевательнымъ государствомъ; при его преемникахъ Пруссія оставалась также военнымъ государствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ упорно противилась убѣжденіямъ сосѣдей принять участіе въ общей борьбѣ противъ Франціи, упорно отстаивая свое право оставаться нейтральною, оставаться въ мирѣ

со всѣми. Что же вышло? Пруссія оставалась военнымъ государствомъ; войско было на первомъ планѣ, оно тяжело лежало на остальномъ народонаселеніи, давило, сжимало остальныя силы, а само, безъ войны, безъ упражненія, дряхлѣло, ветшало день-ото-дня, становилось парaднымъ войскомъ и разсыпалось въ прахъ при первомъ столкновеніи съ Наполеономъ.

Въ западной Европѣ оставалась одна Англія, которая не преклонялась предъ революціонною и императорскою Франціей. Если въ окончательной борьбѣ Европы съ Габсбургомъ за независимость главная роль принадлежала Франціи, то въ борьбѣ Европы съ Франціею, съ Лудовикомъ XIV за независимость главная роль принадлежала Англіи, которая въ началѣ XVIII вѣка освободилась отъ своихъ внутреннихъ революціонныхъ волненій, мѣшавшихъ ей принимать дѣятельное участіе въ судьбахъ континента, и явилась душою союза, остановившаго завоевательныя стремленія Лудовика XIV. И теперь, когда революціонная, а потомъ императорская Франція стала грозить опять европейской независимости, Англія вооружается и, съ краткимъ промежуткомъ Аміенскаго мира, не полагаетъ оружія до окончательнаго разрушенія Французской имперіи, которой никогда не признавала. Но дѣйствія Англіи въ этой борьбѣ, какъ державы островной, морской, необходимо отличались односторонностію, ея участіе въ континентальныхъ союзахъ преимущественно состояло въ денежныхъ пособіяхъ, и владычествуя на моряхъ, истребляя здѣсь флоты Франціи, Англія не могла спасти континентальной Европы отъ владычества Наполеонова; европейскіе народы, въ борьбѣ съ послѣднимъ, не могли найдти въ ней твердой, континентальной опоры; эту опору могли они найдти только въ громадномъ, континентальномъ государствѣ, занимающемъ своею областью востокъ Европы, въ Россіи. Только морскимъ могуществомъ Англіи и континентальнымъ могуществомъ Россіи Европа обезпечивалась отъ безпокойныхъ движеній воинственной Галліи. Вотъ почему союзъ Россіи съ Англіей былъ такимъ необходимымъ, основнымъ явленіемъ въ борьбѣ Европы съ Франціей; только тогда дѣло шло успѣшно, когда этотъ союзъ былъ проченъ; только опираясь на него, примыкая къ нему, европейскіе народы могли освободиться отъ Наполеоновскаго гнета.

Сознаніе необходимости для Россіи служить опорою Европѣ противъ завоевательныхъ стремленій Франціи, и вмѣстѣ сознаніе необходимости при этомъ англійскаго союза было ясно въ умѣ Екатерины II въ послѣднее время ея царствованія. Конечно были люди близорукіе, которые, смотря на карту Европы чисто географическимъ взглядомъ, толковали: зачѣмъ намъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, въ чужія войны? развѣ можетъ намъ грозить какая-нибудь опасность со стороны Франціи, столь отъ насъ отдаленной? Дѣйствительно, на картѣ Франція была далеко отъ Россіи; но стоило только взять въ соображеніе состояніе государствъ, находящихся между Россіей и Франціей, чтобы придти къ заключенію, что Франція очень недалеко отъ Россіи, что эти двѣ страны почти граничатъ другъ съ другомъ, и событія 1812 года доказали какъ нельзя лучше справедливость этого заключенія.

Помѣха Екатерининской системѣ, происшедшая въ началѣ и концѣ царствованія ея преемника, имѣла самые печальные результаты для Европы, способствовавъ образованію во Франціи военной имперіи. Императоръ Александръ, восшедъ на престолъ, рѣшился всѣми зависѣвшими отъ него средствами противодѣйствовать этому печальному состоянію Европы; 4 іюля 1801 года онъ объявилъ, что отказывается отъ всякаго проекта завоеваній и увеличенія своей имперіи: „Если я примусь за оружіе, такъ только для защиты моего народа и жертвъ честолюбія, грозящаго безопасности цѣлой Европы. Я не вмѣшаюсь во внутреннія несогласія, волнующія другія государства; мнѣ нѣтъ нужды, какую бы форму правленія ни устанавливали у себя народы, пусть только руководствуются въ отношеніи къ моей имперіи тѣмъ же духомъ справедливости, какимъ руководствуюсь я, и мы останемся въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Восшедъ на престолъ, я увидѣлъ, что связанъ договорами, изъ которыхъ многіе прямо противорѣчили интересамъ моего государства, а нѣкоторые были неудобны къ выполненію по географическому положенію; но, желая дать очень рѣдкій примѣръ уваженія къ святости публичныхъ обязательствъ, я возложилъ на себя тяжкое бремя выполненія этихъ обязательствъ, насколько это въ моей власти. Такъ поддержаны были союзники въ договорѣ съ Англіею; тотъ же смыслъ имѣла интервенція въ пользу короля Обѣихъ Сицилій. *Будучи убѣж-*

денъ, что только союзъ великихъ державъ можетъ повести къ возстановленію мира и общественнаго порядка, котораго нарушители въ восторгѣ отъ гибельнаго несогласія, возникшаго между союзниками, я счелъ одною изъ главныхъ моихъ обязанностей обмануть ихъ надежды, обратившись къ Вѣнскому двору съ искреннимъ желаніемъ предать забвенію все прошлое. Императоръ римскій, руководимый тѣми же побужденіями, пошелъ навстрѣчу моимъ желаніямъ. Бо́льшая часть германскихъ владѣтелей просятъ моей помощи. Независимость и безопасность Германіи такъ важны для будущаго мира, и я не могу пренебречь этимъ случаемъ, чтобы сохранить для Россіи первенствующее вліяніе на дѣла имперіи. При рѣшеніи моемъ продолжать переговоры, начатые съ Франціей, я руководился двоякимъ побужденіемъ: вопервыхъ, я желалъ упрочить для своей имперіи миръ, необходимый для возстановленія порядка въ разныхъ частяхъ государственнаго управленія, и въ то же время содѣйствовать, сколько моихъ силъ достанетъ, ускоренію общеевропейскаго мира, который бы далъ Европѣ, по крайней мѣрѣ, время возстановить потрясенное зданіе соціальной системы. Если первый консулъ поддержаніе и утвержденіе своей власти поставитъ въ зависимость отъ несогласія и смутъ, волнующихъ Европу; если онъ не признаетъ, что могущество, основанное на неправдѣ, никогда не можетъ быть прочно, потому что оно питаетъ ненависть и даетъ законность возстанію; если онъ позволитъ увлечь себя потоку революціи; если, наконецъ, онъ будетъ довѣрять одной судьбѣ, — то война можетъ продолжаться, и при такомъ порядкѣ вещей человѣкъ, уполномоченный охранять мои интересы во Франціи, долженъ ограничиться наблюденіемъ движеній тамошняго правительства, пока обстоятельства благопріятнѣйшія позволятъ употребленіе средствъ болѣе дѣйствительныхъ. Но въ случаѣ, если первый консулъ, понявъ лучше свои собственные интересы и ставъ чувствителенъ къ своей славѣ, захотѣлъ бы залѣчить раны, нанесенныя революціей, и дать своей власти болѣе прочное основаніе, уважая независимость другихъ правительствъ, то много очень важныхъ причинъ могутъ внушить ему желаніе искренняго согласія съ Россіею и установленія, обще съ нею, мѣръ для возстановленія европейскаго равновѣсія; въ такомъ случаѣ, переговоры, начатые въ Парижѣ, могутъ повести къ удовлетворитель-

нымъ результатамъ. Въ этомъ предположеніи мой уполномоченный получилъ приказаніе сдѣлать Тюльерійскому кабинету многія предложенія, могущія служить основаніемъ всеобщаго умиротворенія. Легкость, съ какою Бонапартъ допустилъ бо́льшую часть ихъ, вовсе не представляетъ мнѣ достаточнаго ручательства за то, что онъ вошелъ въ мои виды; быть-можетъ онъ будетъ содѣйствовать моимъ видамъ, когда лучше узнаетъ ихъ безкорыстіе; вѣрно одно, что въ царствованіе покойнаго императора первый консулъ имѣлъ преимущественно въ виду полученіе помощи отъ моего августѣйшаго родителя противъ Великобританіи, и теперь, быть-можетъ, онъ старается только какъ бы выиграть время, чтобы вызнать мою систему и сообразно съ этимъ направить свои политическія операціи, не обращая вниманія на обязательства, которыя онъ между тѣмъ заключилъ. Дальнѣйшее поведеніе его опредѣлитъ мой взглядъ; а теперь осторожность не позволяетъ мнѣ этого опредѣленія."

Случилось худшее изъ того что предполагалъ императоръ Александръ. Бонапартъ сблизился съ Россіею; оба государства договорились распорядиться вмѣстѣ дѣлами Германіи и Италіи, вознагражденіемъ германскихъ владѣльцевъ, потерявшихъ земли на лѣвомъ берегу Рейна, и короля Сардинскаго, потерявшаго свои владѣнія на твердой землѣ; Бонапартъ обязывался уважать независимость Неаполя, Іоническихъ острововъ. Но, какъ уже предвидѣлъ императоръ Александръ, первый консулъ бралъ на себя эти обязательства вовсе не для того чтобъ исполнять ихъ, а чтобы выиграть время, уединить Россію и тѣмъ не дать возможности скораго образованія коалиціи. Онъ рѣшительно отвергъ предложеніе Петербургскаго кабинета уладить германскія дѣла сообща между Россіею, Франціею и Пруссіей, и настоялъ на то чтобъ они были улажены только между Россіею и Франціей, имѣющими, будто бы, одинаковые интересы. Бонапартъ съ самаго начала понималъ очень хорошо, что никакія побѣды не помогутъ ему, если вся Европа дружно ополчится противъ него, и потому основнымъ правиломъ его политики было—разъединять державы и бить ихъ порознь, тогда какъ основное правило русской политики было—соединять державы въ виду общей опасности. Могъ ли существовать миръ и союзъ между двумя главными государствами континентальной Европы при такой противоположности ихъ стремленій? Притомъ первый

консулъ слово „союзникъ“ принималъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ принимали его Римляне, то-есть въ смыслѣ подчиненнаго, и не могъ выносить равенства; это сейчасъ же обнаружилось въ непріятныхъ столкновеніяхъ съ русскимъ уполномоченнымъ, Марковымъ. Привыкнувъ въ царствованіе Екатерины къ первенствующей роли, какую играла тогда Россія, Марковъ велъ себя какъ представитель великой державы, и не унижался предъ воинственнымъ правительствомъ Франціи, подобно представителямъ другихъ державъ, особенно германскихъ, которые своею уступчивостію и раболѣпствомъ пріучили Наполеона къ повелительному тону, къ неумѣнью сдерживаться, выносить чужія требованія, противорѣчія, дѣлать по ихъ поводу рѣзкія выходки, публично *распекать* иностранныхъ посланниковъ. Братъ перваго консула Луціанъ Бонапартъ, въ откровенномъ разговорѣ съ Марковымъ, объявилъ, что онъ, Луціанъ, съ братомъ Іосифомъ часто говорили о немъ, Марковѣ, брату Наполеону, и тотъ никогда не жаловался на него, только находилъ въ немъ какую-то гордость или рѣзкость характера, *который его оскорбляетъ, тѣмъ болѣе что всѣ остальные посланники преклонялись предъ нимъ.* Въ припадкѣ откровенности Луціанъ прибавилъ, что они съ братомъ Іосифомъ часто оплакивали мягкость русскаго императора въ отношеніи къ первому консулу; еслибы Наполеонъ испыталъ болѣе сопротивленія со стороны Россіи, то сдержался бы и подумалъ прежде чѣмъ рѣшиться на многія вещи; но увѣренный, что издали не будетъ ему помѣхи, и низложивъ или обольстивъ все окружающее, онъ считаетъ для себя все позволеннымъ и не перестаетъ вдаваться въ предпріятія, которыя рано или поздно погубятъ его и все его семейство.

Императоръ Александръ принужденъ былъ отозвать Маркова, объявивъ французскому правительству, что отозваніе послѣдовало не потому чтобы Марковъ былъ виновенъ въ чемъ-нибудь, но вслѣдствіе просьбъ самого Маркова, котораго нельзя оставлять въ непріятномъ положеніи. Обязательства послѣдняго договора не были исполнены со стороны Франціи. Наконецъ первый консулъ позволилъ себѣ вопіющее нарушеніе народнаго права, схвативши въ Баденскихъ владѣніяхъ герцога Ангіенскаго и велѣвъ разстрѣлять его. Россія протестовала. „Это было сдѣлано (какъ объясняло само правительство) вовсе не изъ пристрастія къ Бурбонамъ, но

изъ убѣжденія, что унизительно для Россіи хранить молчаніе послѣ подобнаго поступка; выходило, что въ Европѣ не было болѣе ничего священнаго, и всѣ понятія народнаго права теряли значеніе: такъ надобно было, по крайней мѣрѣ, указать на опасность и своимъ молчаніемъ не участвовать въ столь гибельномъ порядкѣ вещей, чтобы не уполномочить и не ободрить къ новымъ нарушеніямъ самыхъ священныхъ правъ.“ На протестъ былъ данъ оскорбительный отвѣтъ; русскій повѣренный въ дѣлахъ выѣхалъ изъ Парижа. „Какъ скоро Россія рѣшилась на подобное поведеніе, то ея положеніе, относительно Франціи, должно было совершенно измѣниться. Съ одной стороны объясненія, къ которымъ оно повело, показывали слишкомъ ясно, что Бонапартъ не хотѣлъ ничего сдѣлать для предупрежденія разрыва; съ другой стороны отозваніе русской миссіи и объявленія, по этому случаю сдѣланныя, становились первымъ враждебнымъ шагомъ, который не могъ остаться безъ послѣдствій. Горечь и удаленіе между двумя государствами высказывались все болѣе и болѣе, средства соглашенія и улаженія дѣла становились все менѣе и менѣе возможными. Искать этихъ средствъ со стороны Россіи было нельзя не унижая себя во мнѣніи Европы, не навлекая на себя упрековъ въ непослѣдовательности и въ отсутствіи энергіи. Если до сихъ поръ Бонапартъ имѣлъ постоянною цѣлію отнимать у Россіи значеніе, не выпускать ее, какъ самъ выражался, изъ ея лѣсовъ; то теперь политика его въ этомъ отношеніи становилась гораздо страстнѣе и усилія постояннѣе. Война могла открыться непосредственно, и потому необходимость требовала остерегаться болѣе прежняго и употребить все стараніе для убѣжденія государствъ въ необходимости соединиться.“

Разумѣется, не нужно было много труда, чтобъ убѣдить въ этой необходимости Англію, которая уже воевала съ Франціей; надобно было только скрѣпить союзъ, условившись какъ вести дѣло. Для этихъ соглашеній отправился въ Лондонъ Новосильцевъ, какъ человѣкъ пользующійся неограниченною довѣренностію императора и знающій всѣ его мысли. По этимъ мыслямъ оба союзныя правительства должны были отказаться отъ намѣренія возстановить старый дореволюціонный порядокъ вещей въ тѣхъ странахъ, которыя они освободятъ отъ ига Бонапарта, то-есть въ Италіи, Швейцаріи, Голландіи; надобно дать имъ полную свободу устро-

иться какъ хотятъ. Франціи надобно объявить, что сражаются не съ нею, а съ ея правительствомъ, которое одинаково тяжело и для нея и для цѣлой Европы, что ей дастся свободный выборъ правленія. Выборъ короля во Франціи—дѣло второстепенное для Европы. Чтобы положить границы честолюбію Бонапарта и воспрепятствовать дальнѣйшему расширенію Франціи, надобно окружить ее отовсюду государствами довольно сильными, которыя бы не боялись первыхъ ударовъ и могли заставить уважать свою независимость. Послѣ мира ничто не помѣшаетъ заняться трактатомъ, который ляжетъ въ основаніе взаимныхъ отношеній европейскихъ государствъ; здѣсь дѣло идетъ не объ осуществленіи мечты вѣчнаго мира, однако будетъ что-то похожее, если въ этомъ трактатѣ опредѣлятся ясныя и точныя начала народнаго права.

Въ тронной рѣчи англійскаго короля было превознесено великодушіе русскаго императора; но послѣднія слова, сказанныя Фоксомъ Новосильцеву, были: „идите, по крайней мѣрѣ, тихонько — *piano-piano*.“ Австрійцы поспѣшили съ своимъ Макомъ перейдти чрезъ Иннъ; быть-можетъ поспѣшили и Русскіе передъ Аустерлицемъ; Прусаки двигались слишкомъ *piano* съ своимъ вооруженнымъ посредничествомъ, и слѣдствіемъ было пораженіе коалиціи, Пресбургскій миръ, Рейнскій союзъ, занятіе престоловъ родственниками Наполеона. И послѣ Аустерлица Александръ остался вѣренъ прежней системѣ: „моя система будетъ состоять преимущественно въ томъ, что я буду защищать свои владѣнія, защищать и тѣ державы, которыя обратятся ко мнѣ съ просьбою о помощи, или которыхъ существованіе будетъ необходимо для моей безопасности.“ Пруссія просила помощи; существованіе Пруссіи было необходимо для безопасности Россіи: Александръ подалъ помощь Пруссіи. Русскіе изумили Европу рѣзнею при Эйлау, изумили тѣмъ, что Наполеонъ не могъ выйдти изъ боя рѣшительнымъ побѣдителемъ; но это все что могла Россія сдѣлать одна, безъ союзниковъ; одна она не могла выдержать другаго Фридланда. Когда русскій посолъ въ Англіи, Алопеусъ, объявилъ Каннингу о Тильзитскомъ мирѣ, объяснилъ побужденія, заставившія Россію заключить его, представилъ, что императоръ Александръ послѣ Эйлау всю зиму дожидался что Австрія и Англія примутъ дѣятельное участіе въ войнѣ, особенно Англія, которая такъ

много обѣщала, то Каннингъ отвѣчалъ: „прочтите нынѣшнюю газету: тамъ найдете вы мою рѣчь, говоренную вчера въ палатѣ общинъ: я защищалъ поведеніе Россіи и показалъ ясно вины нашего кабинета.“

„Раздѣлимъ міръ!“ сказалъ Наполеонъ Александру въ Тильзитѣ. Старая система была измѣнена: мѣсто прежняго противоборства заступилъ союзъ съ завоевательною Франціей и собственныя завоевательныя движенія противъ сосѣдей. Но страшно тяжелая для Россіи, и въ нравственномъ и въ матеріяльномъ отношеніи, тильзитская система не могла быть продолжительна. Раздѣленіе міра между двумя императорами-друзьями было только на словахъ. Имѣя сильныя побужденія къ прекращенію тяжкой войны, предлагая тѣсную дружбу русскому императору, предлагая ему раздѣлъ міра, Наполеонъ тѣмъ самымъ признавалъ равенство его положенія съ своимъ, оставлялъ на континентѣ другую великую, независимую державу, къ которой попрежнему будутъ обращаться взоры всѣхъ, которую надобно было удерживать въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Франціи, въ уединеніи отъ враговъ, увѣреніями въ дружбѣ, манить выгодами, льстить, обманывать, унижаться, то-есть употреблять орудіе слабаго, а это бываетъ очень тяжело для сильныхъ. Никакое изъ этихъ средствъ не было пощажено, когда было нужно чтобы Россія позанялась чѣмъ-нибудь на востокѣ и не помѣшала Наполеону распорядиться насчетъ Пиренейскаго полуострова. Не пощажены были со стороны Наполеона увѣренія въ „нѣжной преданности“ къ императору Александру,—увѣренія, что онъ не питаетъ никакого чувства зависти къ Россіи, а напротивъ, желаетъ ея славы, ея счастія, расширенія ея предѣловъ. Какъ человѣкъ истинно и нѣжно преданный, Наполеонъ обращается къ русскому императору съ совѣтомъ расширить свои границы на сѣверо-западѣ, отдалить Шведовъ отъ своей столицы; потомъ бросается въ другую сторону, открываетъ великолѣпную картину: русско-французская армія движется чрезъ Константинополь въ Азію, вотъ она уже на Евфратѣ, и трепещущая Англія бросается на колѣна предъ континентомъ. „Мы съ вами охотно предпочли бы наслажденія мира,“ писалъ Наполеонъ Александру, „мы съ вами желали бы проводить жизнь посреди своихъ обширныхъ имперій, животворить ихъ, дѣлать счастливыми посредствомъ искусствъ и благодѣяній администраціи. Всемірные враги не

хотятъ этого. Дѣлать нечего: противъ желанія, намъ приходится быть болѣе великими. Мудрость и политика предписываютъ исполненіе великихъ судебъ, велятъ идти туда, куда влечетъ насъ неотразимый ходъ событій. Тильзитское дѣло устроитъ судьбы міра. Признаемъ, что наступила эпоха великихъ перемѣнъ и великихъ событій.“ Съ одной стороны, хотѣлось воспламенить воображеніе блестящими видами на востокъ и сѣверъ, представлялась одна армія на Евфратѣ, другая въ Стокгольмѣ; съ другой стороны, хотѣлось возбудить въ императорѣ Александрѣ *подозрѣніе противъ собственныхъ подданныхъ, недовольныхъ тильзитскимъ дѣломъ, противъ собственнаго дворянства, „этой тучи пигмеевъ, неспособныхъ стать въ уровень съ высотою тильзитскихъ событій.*“ Толкуя о высотѣ тильзитскихъ событій, Наполеонъ изворачивался всѣми средствами, чтобъ уклониться отъ исполненія Тильзитскаго договора. Въ Тильзитѣ было постановлено: если Турція не приметъ французскаго посредничества, то Франція соединится противъ нея съ Россіей, и обѣ союзныя державы будутъ стараться объ освобожденіи европейскихъ провинцій отъ турецкаго ига Порты, исключая городъ Константинополь и провинціи Румыніи. На конференціяхъ между обоими императорами, Наполеонъ согласился, чтобы русскія войска не выходили изъ Дунайскихъ Княжествъ, и при заключеніи мира между Россіей и Портою, обѣщалъ не препятствовать присоединенію Молдавіи и Валахіи къ Россіи. Чтобы заставить забыть объ этомъ пунктѣ договора, Наполеонъ и пускалъ туманъ Ефратомъ, Индіей, Стокгольмомъ, а русскому посланнику, настаивавшему на исполненіи договора, на очищеніи Пруссіи отъ французскихъ войскъ, объявилъ, что тогда только согласится на присоединеніе Дунайскихъ Княжествъ къ Россіи, когда Россія согласится на отнятіе Силезіи у Пруссіи. „Если вы хотите, чтобъ я вамъ пожертвовалъ своимъ союзникомъ (султаномъ), то справедливость требуетъ, чтобы вы пожертвовали мнѣ своимъ (королемъ прусскимъ) и не противились отнятію у него Силезіи, тѣмъ болѣе что она далеко отъ вашихъ границъ. Силезію я хочу взять ни для себя, ни для какого-нибудь родственника моего: я отдамъ ее такому государству, которое будетъ благодарно мнѣ, и ослаблю Пруссію, которой я сдѣлалъ столько зла, что уже разчитывать на нее не могу. Я свято исполню Тильзитскій трактатъ, если вы согла-

ситесь очистить турецкія владѣнія, или рѣшитесь на какую-нибудь сдѣлку.“ Русскій посланникъ требовалъ исполненія Тильзитскаго договора, вывода французскихъ войскъ изъ Пруссіи, а Наполеонъ отвѣчалъ ему: пусть Россія овладѣваетъ всею Швеціей, даже Стокгольмомъ, онъ согласится на это. Тутъ же изъявлялъ, что готовитъ экспедицію противъ Африки, хочетъ разрушить Варварійскія владѣнія и запереть Средиземное море для Англичанъ. Толковалось объ Африкѣ только для того чтобы прикрыть замыслы относительно Испаніи. Наконецъ, эти замыслы обнаружились: Бурбонская династія перестала здѣсь царствовать.

Россія признала Іосифа Бонапарта королемъ испанскимъ, а Мюрата—неаполитанскимъ. На эрфуртскомъ свиданіи Наполеонъ согласился на присоединеніе Финляндіи и Дунайскихъ княжествъ къ Россіи; Россія обязалась быть заодно съ Франціей въ случаѣ войны австрійской. Россія исполнила свое обязательство; но Наполеонъ не былъ доволенъ медленностью движенія русскихъ войскъ. Явились и другія, болѣе важныя причины неудовольствія. Свергая старыя династіи съ престоловъ европейскихъ, сажая около себя королями братьевъ и родственниковъ, Наполеонъ, съ другой стороны, старался укрѣплять свою династію брачными связями съ царственными домами Европы. Съ этою цѣлію онъ сталъ искать для себя руки великой княжны русской, сестры императора Александра; предложеніе было отклонено. Наполеонъ и безъ того тяготился тѣмъ, что былъ принужденъ признавать равенство Россіи съ своею имперіей, а тутъ ему давали чувствовать, что Россія, въ извѣстномъ отношеніи, не хочетъ признавать это равенство. Бракъ на эрцгерцогинѣ австрійской могъ успокоить оскорбленное самолюбіе, но Россія не переставала напоминать о своемъ независимомъ, полноправномъ положеніи. Не имѣя возможности поразить Англію, какъ поражалъ континентальныя державы, Наполеонъ съ ожесточеніемъ преслѣдовалъ ея товары, запирая для нихъ всѣ гавани материка. Россія разорвала съ Англіею вслѣдствіе Тильзита; она не допускала англійскихъ судовъ въ свои гавани, но допускала суда нейтральныя, именно американскія, на которыхъ могли быть провозимы и англійскія товары; Наполеону давали знать, что даже англійскіе купцы пробираются въ Россію подъ нейтральнымъ флагомъ. Чѣмъ сильнѣе хлопоталъ Наполеонъ о водвореніи континенталь-

ной системы въ Европѣ, тѣмъ сильнѣе раздражался, видя что на востокѣ Европы не хотятъ проводить этой системы во всей строгости, и этимъ раздѣлываютъ его дѣло. Раздраженіе еще болѣе увеличилось, когда, прибѣгая къ разнымъ средствамъ для поправленія своихъ разстроенныхъ финансовъ, русское правительство издало тарифъ, облагавшій высокою пошлиной произведенія французской промышленности. Захватывая всѣ пути, которыми могли ввозиться на континентъ англійскіе товары, Наполеонъ захватилъ Ганзейскіе города, захватилъ владѣнія герцога Ольденбургскаго. родственника русскаго императора. Россія протестовала. Опять, какъ по смерти герцога Ангіенскаго, при всеобщемъ молчаніи раздался этотъ протестующій голосъ? Надобно было, во что бы то ни стало, заглушить его. Но не однимъ раздраженіемъ человѣка, отвыкшаго встрѣчать препятствія своей волѣ, объясняется походъ Наполеона 1812 года. Между Россіею и Франціею охлажденіе, Россія протестуетъ: что если она вдругъ приметъ враждебное положеніе? До сихъ поръ Россія постоянно становилась въ челѣ коалиціи противъ Франціи. Теперь, повидимому, это невозможно: Австрія соединена родственнымъ союзомъ, Пруссія слишкомъ слаба; но это было только повидимому. Наполеону давали знать изъ Германіи, что тамошнее народонаселеніе, выведенное изъ терпѣнія нравственнымъ униженіемъ и лишеніями матеріяльными, пылаетъ ненавистью къ Французамъ, что порохъ ждетъ первой искры. Наполеонъ зналъ очень хорошо, какое сильное движеніе обнаружилось въ Германіи во время послѣдней австрійской войны, зналъ, что еслибъ Австрія сумѣла продержаться, и Англія высадила бы отрядъ войска на германскіе берега для поддержки возстанія, то дѣла приняли бы очень неблагопріятный для Французовъ оборотъ. И теперь стоило только русскимъ войскамъ явиться въ Пруссіи, какъ Германія встанетъ, и Россія явится уже въ челѣ коалиціи народовъ противъ Франціи. Уже шли сильные толки о томъ, чтобъ императору Александру провозгласить себя королемъ польскимъ, и этимъ возстановить и Поляковъ противъ Франціи. Отсюда понятно, почему Наполеонъ такъ старался предупредить Россію, собрать громадное войско и явиться съ нимъ на ея границахъ. Прежде Россія двигала европейскія державы противъ Франціи; теперь Франція двигаетъ волею-неволею почти всѣ европейскіе народы противъ

одинокой Россіи. Успѣхъ, кажется, несомнѣненъ! Поразить Россію въ самой Россіи, заставить ее пасть къ ногамъ побѣдителя, подчиниться всѣмъ его требованіямъ, значило задавить послѣднее сопротивленіе на континентѣ, значило нанести рѣшительный ударъ и самой Англіи, а съ Испаніей уже легко было тогда справиться. Вступая въ предѣлы Россіи съ войсками почти всей Европы, увѣренный въ своемъ торжествѣ, Наполеонъ рѣшился написать императору Александру: „Наступитъ время, когда Ваше Величество признаетесь, что еслибы вы не перемѣнились съ 1810 года, еслибы вы, желая измѣненій въ Тильзитскомъ трактатѣ, прибѣгли къ прямымъ, откровеннымъ переговорамъ, то вамъ принадлежало бы одно изъ самыхъ прекрасныхъ царствованій въ Россіи. У Вашего Величества не достало стойкости, довѣрчивости и, позвольте мнѣ это вамъ сказать, искренности. *Вы испортили все свое будущее.*“

Трудно найдти въ исторіи болѣе страшныя слова: „Вы испортили все свое будущее!“ Это было написано въ то самое время, когда небывалое могущество человѣка, написавшаго эти слова, приблизилось къ своему паденію, и необыкновенная слава готовились осѣнить того, кому грозили порчею всего будущаго.

Вся будущность Наполеона была испорчена походомъ 1812 года. Въ 1813 и 1814 годахъ игрокъ игралъ до послѣдней крайности, чтобы вдругъ отыграть все; не отыгрался—и палъ. Въ первую минуту восторга, произведеннаго этимъ паденіемъ, русскій императоръ стоялъ на высотѣ недосягаемой, какъ освободитель Европы. „Всѣ надежды обращаются къ вашему государю, вождю этой безсмертной коалиціи; ему принадлежитъ честь дать миръ вселенной“, говорилъ англійскій принцъ-регентъ русскому посланнику. Одинъ англійскій дипломатъ писалъ другому: „Справедливость требуетъ провозгласить, что если континентъ былъ проклятъ въ Бонапартѣ, то теперь получилъ благословеніе въ Александрѣ, этомъ законномъ императорѣ, который своимъ постоянно твердымъ и славнымъ поведеніемъ вполнѣ заслужилъ названіе освободителя человѣчества.“ Но прошли первыя минуты восторга, и обнаружились другія чувства, другіе взгляды. Наполеонъ палъ, страшная Французская имперія рушилась, но что̀ выиграла Европа, когда съ этимъ паденіемъ поднялась на степень первой державы въ мірѣ и безъ того уже

страшная своимъ могуществомъ Россія? Что выиграла Европа, промѣнявшая Наполеона на Александра, который, благодаря могуществу своего государства, своимъ подвигамъ въ послѣдней борьбѣ, своимъ личнымъ достоинствамъ, помрачаетъ всѣхъ другихъ монарховъ и распоряжается всѣмъ? Благоразуміе не требуетъ ли соединиться въ виду страшной опасности грозящей теперь съ востока, какъ передъ тѣмъ соединялись противъ властолюбія Наполеонова? Уже въ іюнѣ 1814 года всюду слышались толки о властолюбивыхъ замыслахъ русскаго императора. Австрія первая забила тревогу изъ зависти и страха; около Меттерниха сосредоточивались всѣ внушенія враждебныя Россіи. „Меттернихъ закутался въ свои собственныя интриги, писалъ Поццо-ди-Борго, и Австрія стремится къ огромнымъ завоеваніямъ— съ тономъ великаго уничиженія."

Разумѣется, было легко уничтожить разомъ всѣ эти толки, сдуть паутину сплетенную завистью и страхомъ, какой бы ловкій паукъ ни сидѣлъ въ этой паутинѣ: стоило только повторить провозглашеніе, сдѣланное въ началѣ царствованія, что Россія не хочетъ никакого вознагражденія за все то что она сдѣлала для Европы. Требуя чего-нибудь для себя, становясь участникомъ въ дѣлежѣ, русскій императоръ тѣмъ самымъ терялъ свою независимость при рѣшеніи дѣла, подчинялся чуждому суду; тогда какъ явясь вполнѣ безкорыстнымъ, онъ заставлялъ умолкнуть завистливые толки и оставался на недосягаемой для другихъ высотѣ, оставался попрежнему главнымъ авторитетомъ. Разумѣется также, что толки о властолюбивыхъ замыслахъ русскаго императора должны были бы умолкнуть, еслибы вспомнился историческій народный взглядъ знаменитой собирательницы русскихъ земель, и Россія потребовала бы на конгрессѣ послѣдней русской области, Червонной Руси: спору не было бы при такомъ умѣренномъ требованіи. Но у императора Александра былъ другой планъ, который онъ хотѣлъ теперь провести, пользуясь обстоятельствами, своимъ первенствующимъ положеніемъ: этотъ планъ былъ планъ возстановленія Польскаго королевства, которое должно было соединиться съ Русскою имперіей подъ державою одного государя.

Планъ возстановленія Польши былъ первоначально плодомъ привязанности молодаго Александра къ князю Адаму Чарторыйскому и вмѣстѣ плодомъ неисторическаго взгляда

на такъ-называемые раздѣлы Польши. Чарторыйскій, будучи русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, думалъ постоянно объ осуществленіи этого плана. Въ 1805 году, когда Пруссія, изъ роковой привязанности своей къ нейтралитету, не соглашалась вступить въ коалицію противъ Франціи, Чарторыйскій настаивалъ, чтобы Россія силою принудила ее къ этому, ввела свои войска въ прусскія владѣнія; цѣлію Чарторыйскаго при этомъ было поднятіе прусской Польши. Онъ и въ 1806 году толковалъ, что вся неудача кампаніи 1805 года произошла оттого, что замедлили вступить въ Пруссію; этимъ блестящимъ дѣломъ, по его мнѣнію, должно было начать: „Мы имѣли бы ту важную выгоду, писалъ Чарторыйскій, что вели бы войну въ странѣ совершенно намъ сочувствовавшей; энтузіазмъ былъ общій; вся Польша готова была подняться и требовала одного, чтобы государь русскій присоединилъ къ своему титулу титулъ короля польскаго.“

По Тильзитскому миру изъ прусской Польши было образовано Наполеономъ герцогство Варшавское и отдано саксонскому королю. Это герцогство, образованное съ явною цѣлію имѣть въ рукахъ постоянное пугало для Россіи и Австріи, не замедлило стать поводомъ къ столкновенію между двумя императорами, продолжавшими считаться друзьями и союзниками. Послѣ австрійской кампаніи 1809 года герцогство Варшавское было увеличено: это обстоятельство особенно одушевило Поляковъ, усиливая мысль о близкомъ возстановленіи королевства Польскаго. Россія поставила Наполеону на видъ это движеніе и предложила конвенцію для опредѣленія будущей судьбы герцогства Варшавскаго. Наполеонъ согласился; посланникъ его въ Петербургѣ, Коленкуръ, получилъ полномочіе, и конвенція была заключена 23 декабря 1809 г. (4-го января 1810 г.), но Наполеонъ отвергъ ее, объявивъ, что Коленкуръ превысилъ полномочіе. Дѣло стало за первый пунктъ, въ которомъ говорилось, что Польша не будетъ никогда возстановлена; Наполеонъ предлагалъ перемѣнить пунктъ такъ, что Франція обязывается не содѣйствовать ни прямо, ни косвенно возстановленію Польши; причиною своего отказа утвердить конвенцію Наполеонъ представлялъ то, что не можетъ предварять рѣшеній Провидѣнія и не хочетъ воевать съ другими государствами, которымъ придетъ фантазія возстановлять

Польшу. Такая увертка, такое слишкомъ несеріозное толкованіе въ дѣлѣ столь важномъ не могли не возбудить сильнаго подозрѣнія относительно искренности Наполеона. Россія не согласилась на перемѣну перваго пункта конвенціи и дѣло затянулось, а между тѣмъ, какъ мы видѣли, явились новыя причины къ разрыву. Распространяясь, по своему обычаю, объ этихъ причинахъ съ русскимъ посланникомъ, княземъ Куракинымъ, Наполеонъ не разъ касался и Польши: „Все мое вниманіе обращено на Англію, Голландію, Испанію и Италію. Только интересы этихъ странъ меня занимаютъ и заботятъ, слѣдовательно нѣтъ ничего что могло бы дать поводъ къ недоразумѣнію между нами. Развѣ дѣла польскія? Они могутъ внушить вамъ недовѣрчивость; но вы сами виноваты. Такъ какъ вы не дѣйствовали съ самаго начала войны австрійской и не заняли тотчасъ же Галицію, то этимъ самымъ дали польскимъ инсургентамъ время овладѣть ею и отняли у себя возможность получить ее, ибо, разъ занятая вашими войсками, эта провинція должна была бы принадлежать вамъ. Я не хочу возстановленія Польши; кажется, я это довольно доказалъ, ибо я могъ бы возстановить Польшу и въ Тильзитѣ и послѣ Вѣнскаго мира. При заключеніи послѣдняго переговоры именно затянулись вслѣдствіе натого, что я не хотѣлъ возстановленія Польши. Австрія настаивала, что отдастъ всѣ свои польскія земли для сохраненія областей нѣмецкихъ. Еслибъ я хотѣлъ возстановить Польшу, то поручилъ бы герцогство Варшавское не саксонскому королю, человѣку слабому, апатичному, который никогда не шелохнется.“ Графу Шувалову Наполеонъ говорилъ: „Я не хочу воевать съ Россіей: это было бы преступленіе съ моей стороны, ибо война была бы безъ цѣли, а я еще, слава Богу, не потерялъ голову, я не дуракъ. Ужь не думаютъ ли, что я захочу пожертвовать 200.000 Французовъ для возстановленія Польши?“ Но другое довѣренное лицо, посланное императоромъ Александромъ въ Парижъ, Чернышевъ, писалъ оттуда: „Хотя Наполеонъ и показываетъ себя миролюбивымъ, но это притворство: его честолюбію и захватамъ нѣтъ предѣловъ. Во Франціи всеобщее неудовольствіе, вслѣдствіе несчастной войны испанской, прекращенія торговли, банкрутствъ, деспотизма. Нужно поскорѣе заключить миръ съ Турціею, снестись съ Австріей и Швеціею, первой обѣщать часть Валахіи и Сербіи, второй Норвегію, войдти внезапно въ герцог-

ство Варшавское, и императору Александру провозгласить себя королемъ польскимъ. Участь Поляковъ печальна: налоги, лишенія всякаго рода; они все это сносятъ въ надеждѣ сдѣлаться націей, и если императоръ Александръ осуществитъ эту надежду, то Поляки примутъ сторону русскаго императора противъ французскаго."

Между тѣмъ Наполеонъ продолжалъ увѣрять князя Куракина: „Я не хочу войны, я не хочу идти за нею такъ далеко на сѣверъ, я не хочу возстановлять Польшу; я это объявилъ положительно въ моихъ публичныхъ рѣчахъ законодательному корпусу и всякими способами; я это сказалъ князю Понятовскому, Поляки это знаютъ. Если я буду приневоленъ къ войнѣ, то и я могу быть побѣжденъ, но если я не буду побѣжденъ, возстановленіе Польши будетъ первымъ результатомъ моего успѣха." Наполеонъ грозилъ возстановленіемъ Польши какъ первымъ слѣдствіемъ его успѣховъ въ новой войнѣ; Чернышевъ писалъ, что императору Александру надобно предупредить Наполеона и провозгласить себя королемъ польскимъ. Въ Петербургѣ, вмѣсто Чарторыйскаго, занимался польскимъ дѣломъ Михаилъ Огинскій. Сильно замѣшанный въ литовскомъ возстаніи передъ третьимъ раздѣломъ Польши, Огинскій эмигрировалъ, интриговалъ противъ Россіи и въ Парижѣ, и въ Константинополѣ. За границей исчезла всякая надежда на помощь польскому дѣлу; надежда эта воскресла въ Петербургѣ съ восшествіемъ на престолъ Александра: Огинскій явился въ Петербургъ, сдѣланъ былъ сенаторомъ, и въ маѣ 1811 года предложилъ императору отдѣлить 8 губерній (Виленскую, Гродненскую, Витебскую, Могилевскую, Минскую, Кіевскую, Волынскую и Подольскую), подъ именемъ великаго княжества Литовскаго, и поручить управленіе ими великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Императоръ, по словамъ Огинскаго, отвѣчалъ ему: „очень радъ, что наши идеи сошлись; уже полгода какъ я занимаюсь планомъ въ духѣ вашего." Огинскій предлагалъ также, чтобъ императоръ, когда начнется война съ Наполеономъ, провозгласилъ себя королемъ польскимъ. Генералу Армфельду и барону Розенкампфу поручена была редакція конституціи новаго великаго княжества. Но императоръ, какъ онъ объявилъ Огинскому, не былъ доволенъ работою Армфельда и Розенкампфа, и предложилъ заняться ею самому Огинскому. Тотъ отвѣчалъ, что уже давно зани-

мается, вмѣстѣ съ княземъ Любецкимъ и графомъ Казимиромъ Плятеромъ. Императоръ изъявилъ удовольствіе, но прибавилъ: „Не забудьте земледѣльцевъ: это классъ самый полезный, а ваши крестьяне были всегда трактованы какъ илоты.“

Наконецъ, совѣтъ провозгласить себя королемъ польскимъ приходилъ къ императору Александру изъ Швеціи. Наслѣдный принцъ шведскій, бывшій французскій маршалъ Бернадотъ, не любилъ Наполеона, имѣя съ нимъ старые счеты, когда еще оба были только генералами французской республики; ставъ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, Бернадотъ увидалъ, что соблюдая французскіе интересы, проводя континентальную систему, раззорительную для Швеція, онъ никогда не пріобрѣтетъ популярности въ новомъ своемъ отечествѣ: отсюда въ немъ сильное желаніе, чтобъ Европа освободилась отъ наполеоновскаго гнета, чтобы въ предстоящей окончательной борьбѣ между Франціею и Россіею не Наполеонъ вышелъ побѣдителемъ. Императоръ Александръ своею предупредительностію успокоилъ самолюбіе Бернадота, и тотъ, съ самаго начала своихъ сношеній съ русскимъ императоромъ, началъ прямо изъясняться насчетъ своихъ чувствъ и плановъ. Въ январѣ 1811 года, послѣ полученія письма отъ императора Александра, Бернадотъ говорилъ русскому посланнику Сухтелену: „Изъ всѣхъ писемъ, какія я когда-либо получалъ въ моей жизни, это самое для меня лестное. Не могу выразить какъ оно меня тронуло, особенно этотъ задушевный, дружескій тонъ письма, который, смѣю сказать, я заслуживаю моимъ уваженіемъ и преданностію къ особѣ императора; я это докажу ему въ продолженіе всей моей жизни, каждый разъ какъ онъ потребуетъ отъ меня этого доказательства. Въ томъ положеніи, въ какомъ находится Швеція относительно Россіи, послѣдняя не имѣетъ нужды въ насъ, но мы не можемъ обойдтись безъ ея дружбы, и я сдѣлаю все отъ меня зависящее для сохраненія этой дружбы. Здѣсь жалѣютъ о Финляндіи, и конечно это большая потеря для этой страны; но Финляндія была для васъ такъ необходима, что между обѣими державами не могло существовать продолжительнаго согласія, пока она была за нами. Предположимъ, что вслѣдствіе чрезвычайныхъ усилій и благодаря благопріятнымъ обстоятельствамъ, я былъ бы такъ счастливъ, что отнялъ бы у васъ Финляндію; но на долго ли?

Могу ли я долго бороться на твердой землѣ съ двумя милліонами моихъ Шведовъ противъ вашихъ сорока милліоновъ? Я пожертвую всѣмъ, чтобы пріобрѣсть дружбу императора. Пока я обладаю этою дружбой, я не боюсь никого на свѣтѣ. Если Швеція можетъ желать чего-нибудь, то конечно не съ вашей стороны. Но я доволенъ моимъ жребіемъ. Я лично люблю императора Наполеона; мы съ нимъ товарищи по службѣ; я могъ бы, и онъ это знаетъ, овладѣть французскою короной, когда онъ былъ въ Египтѣ; и, быть-можетъ, послѣ еще. Во все продолженіе моего военнаго поприща я трудился для славы и особенно для блага моего отечества и человѣчества вообще. Они потеряли свой процессъ; теперь никто не счастливъ, ни самъ императоръ Наполеонъ. Я ему предсказывалъ, что онъ никогда не будетъ счастливъ. Его честолюбіе никогда не насытится. Я ему обязанъ, особенно за то, что онъ оставилъ мнѣ голову на плечахъ во многихъ случаяхъ, когда онъ зналъ что я не одобряю его поступковъ. Дѣйствительно, нужно было имѣть величіе души, чтобы простить мнѣ, когда послѣ Ваграмскаго сраженія мои солдаты осмѣлились кричать: да здравствуетъ Бернадотъ! Онъ мнѣ оставилъ жизнь, и это много. Такъ какъ я уже здѣсь, то я буду здѣсь независимъ насколько законы страны мнѣ это позволяютъ, и я не позволю предписывать себѣ законы, или паду достойнымъ меня образомъ. Если императоръ Наполеонъ будетъ продолжать свои завоеванія, предположимъ, что ему удастся оттѣснить вашего императора до Москвы, Швеція будетъ ли отъ этого счастлива? Нѣтъ, при тѣхъ чувствахъ, которыя ко мнѣ питаетъ императоръ Александръ, Россія не можетъ быть ни слишкомъ велика, ни слишкомъ могущественна для насъ. Если вамъ грозятъ польскимъ королемъ, предупредите; если Поляки хотятъ короля, пусть императоръ дастъ имъ одного изъ своихъ братьевъ; императоръ и тутъ все же останется государемъ Польши, и цѣлой Польши."

Въ концѣ 1811 года Бернадотъ опять совѣтовалъ возстановить Польшу; въ январѣ 1812 тѣ же совѣты: объявить себя польскимъ королемъ, заключить, какъ можно скорѣе, миръ съ Турціею на какихъ бы то ни было условіяхъ; склонить на свою сторону эрцгерцога Карла Австрійскаго обѣщаніемъ королевства, хотя бы Баваріи, войдти въ сношенія съ Испаніею. „Я прошу императора, говорилъ Бернадатъ, не

давать генеральныхъ сраженій; маневрировать, отступать, длить войну—вотъ лучшій способъ дѣйствія противъ французской арміи. Если *онъ* подойдетъ къ воротамъ Петербурга, я буду считать его ближе къ погибели чѣмъ въ томъ случаѣ, еслибы ваши войска стояли на берегахъ Рейна. Особенно употребляйте казаковъ; они даютъ вамъ большое преимущество предъ французскою арміей, которая не имѣетъ ничего подобнаго. Пусть казаки имѣютъ въ виду великую задачу—искать случая проникнуть въ главную квартиру и схватить, если возможно, самого императора Наполеона. Пусть казаки забираютъ все у французской арміи: французскіе солдаты дерутся хорошо, но теряютъ духъ при лишеніяхъ; не берите плѣнныхъ, исключая офицеровъ."

Несмотря на внушенія съ разныхъ сторонъ, императоръ Александръ не провозгласилъ себя королемъ польскимъ ни въ 11, ни въ 12 году, потому что твердо рѣшился удержать за собою нравственное преимущество—не быть зачинщикомъ въ послѣдней, страшной борьбѣ. Поляки съ восторгомъ встрѣтили Наполеона на пути его въ Россію, встрѣтили какъ возстановителя; но услыхали отъ него охлаждающій отвѣтъ, что еще не время. На обратномъ пути изъ Россіи Наполеонъ тайкомъ проѣхалъ черезъ Польшу, повторяя, что отъ великаго до смѣшнаго одинъ только шагъ, и Поляки обратились къ императору Александру, когда тотъ переходилъ свою границу для освобожденія Европы. Въ январѣ 1813 года князь Адамъ Чарторыйскій переслалъ императору Александру предложеніе Мостовскаго и Матушевича о возстановленіи Польши для успѣшнаго окончанія борьбы съ Наполеономъ. Предложенія эти встрѣтили сильныя возраженія со стороны весьма близкихъ къ императору людей: „Проектъ возстановленія Польши можетъ быть разсматриваемъ только какъ *средство*, и никогда какъ *цѣль*; ибо какую цѣль можетъ имѣть Россія, отказавшись отъ трехъ или четырехъ лучшихъ своихъ областей? Отъ этого не выиграетъ ни ея сила, ни ея спокойствіе, ни ея вліяніе. Въ головѣ Наполеона идея возстановленія была всегда только средствомъ достиженія цѣли—ослабленія Россіи. Герцогство Варшавское такъ слабо, что не можетъ сдѣлать намъ вреда, ни принести пользы въ борьбѣ съ Наполеономъ (арміи 6.000 душъ, страна раззорена на 10 лѣтъ, расходу 70 милліоновъ, доходу 40 милліоновъ флориновъ). Въ продолженіе всей войны Волынь,

Подолія и Украйна были покойны и послушны намъ; для чего же намъ отъ нихъ отказываться? А вотъ невыгоды возстановленія: изъ всѣхъ европейскихъ народовъ польскій самый легкомысленный и безпокойный. Польская исторія есть исторія долгой анархіи, заключающая постоянные элементы войнъ и раздоровъ между сосѣдями. Если раздѣленіе Польши было противно публичному праву и равновѣсію, то результатъ былъ благодѣтеленъ. Съ возстановленіемъ Польши намъ нужно будетъ навсегда отказаться отъ союза съ Австріей, которая не захочетъ потерять своей части, и бросится въ объятія Франціи; Наполеонъ не возстановилъ въ послѣднее время Польши именно потому что не хотѣлъ трогать Австрію. Россія непремѣнно потеряетъ свои провинціи, ибо соединеніе Польши съ Россіею подъ однимъ скипетромъ есть состояніе переходное: совершенная независимость отъ Россіи есть задняя мысль всякаго Поляка. Нравственное состояніе этого народа, состоящаго изъ нѣсколькихъ магнатовъ, анархической массы мелкой шляхты, жидовскаго средняго сословія и толпы невольниковъ, униженныхъ до скотства самымъ жестокимъ рабствомъ—дѣлаетъ его неспособнымъ къ той степени мудрости, умѣренности и просвѣщенія, какая необходима для свободы, основанной на общественныхъ правахъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стóитъ только всмотрѣться въ настоящее состояніе герцогства Варшавскаго: хотя здѣсь конституція даетъ большую власть королю, однако царствуетъ полная анархія; администраторы—невѣжды, взяточники, своевольники; управляемые несчастны, утѣснены, ожесточены, общественное и частное благосостояніе уничтожены. На русскихъ императоровъ возложится трудная задача быть въ одно время самодержцами и конституціонными королями; только Двина и Днѣпръ будутъ раздѣлять политическія учрежденія, столь противорѣчивыя; они всячески будутъ сталкиваться, и рано или поздно одни необходимо должны будутъ поглотить другія. Третье побужденіе не соглашаться на возстановленіе Польши, это сопротивленіе каждаго Русскаго, и теперь, послѣ такихъ подвиговъ преданности, оскорбить Русскихъ возстановленіемъ Польши будетъ несправедливо и неполитично. Русскій народъ увидитъ здѣсь вознагражденіе тѣмъ провинціямъ, которыя его всего менѣе заслужили, увидитъ

награду союзникамъ Наполеона, которые во время нашествія поступали съ Русскими жесточе Французовъ."

Польша не была возстановлена въ 1813 году; но въ 1814 вопросъ поднялся съ новою силой, которую давало ему неодолимое желаніе могущественнаго императора русскаго. Вопросъ долженъ былъ рѣшиться въ Вѣнѣ. Но мы видѣли, что еще до съѣзда государей въ этотъ городъ, уже понеслись слухи о властолюбивыхъ намѣреніяхъ русскаго императора, и что эти слухи распространялись преимущественно Австрійскимъ дворомъ, слѣдовательно съ этой стороны нужно было ожидать сильнаго сопротивленія, хотя и не прямыми, открытыми средствами. Оставались двѣ другія союзницы—Пруссія и Англія. Со стороны Пруссіи, ни по характеру и личнымъ отношеніамъ короля, ни по видамъ государственныхъ людей, сопротивленія не ожидалось. Прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III отличался простотою въ жизни, умѣренностью, привычкою къ строгой дисциплинѣ, открытымъ, прямымъ характеромъ, религіозностію безъ мистицизма, къ которому былъ такъ наклоненъ отецъ его, чувствомъ долга, любовію къ порядку; но воспитаніе не могло развить въ немъ увѣренности въ самомъ себѣ, быстрой рѣшительности, твердости воли, потому что въ царствованіе отца, до 27-лѣтняго возраста, онъ былъ совершенно удаленъ отъ дѣлъ и окруженъ посредственностями. Привычка къ такому окруженію и долговременное удаленіе отъ дѣлъ развили въ королѣ боязнь къ сильнымъ, выдающимся людямъ, къ сильнымъ, рѣшительнымъ мѣрамъ. Вступивъ на престолъ въ самое бурное для Европы время, Фридрихъ Вильгельмъ схватился за нейтралитетъ, какъ средство жить мирно и спокойно среди всеобщихъ волненій; но нейтралитетъ долго сохранить было нельзя, и Фридрихъ Вильгельмъ съ отчаяніемъ говорилъ: „много государей погибло вслѣдствіе того что любили войну, а я погибну вслѣдствіе того что люблю миръ." Дѣйствительно погибель была близка; но въ страшную минуту спасеніе было найдено въ Россіи, въ русскомъ императорѣ: отсюда сильная привязанность и довѣріе Фридриха Вильгельма къ Александру; эти чувства были скрѣплены въ 1813—1814 годахъ, и императоръ Александръ могъ разчитывать на согласіе Фридриха Вильгельма при рѣшеніи польскаго вопроса, тѣмъ болѣе что совѣтники короля были подкуплены видами на усиленіе Пруссіи, которое могло вести къ единству Германіи.

Мы видѣли, что одною изъ главныхъ причинъ успѣха революціонной и императорской Франціи была слабость окружающихъ континентальныхъ государствъ, особенно раздробленной Германіи. Страшная тяжесть и униженіе, испытанныя Германіею во время французскаго ига, указали лучшимъ людямъ на причину бѣдствій, заставили ихъ думать, какъ бы отстранить эту причину, породили мысль о необходимости единства Германіи. Но какимъ же средствомъ можно было достигнуть этого блага? Исторія другихъ европейскихъ государствъ представляла самый вѣрный къ тому способъ: одна изъ частей раздробленной страны, усилившись какимъ-нибудь случаемъ, осиливала чрезъ это всѣ остальныя слабѣйшія, и такимъ образомъ собирала землю. То же средство должно было служить и къ объединенію Германіи, а изъ государствъ ея сильнѣе всѣхъ матеріяльно и нравственно, особенно послѣ 1813 года, была Пруссія, ибо Австрія не представляла въ себѣ господства германскаго элемента. Пруссію хотѣли усилить присоединеніемъ къ ней Саксоніи, которой король, вслѣдствіе преданности Наполеону, находился въ плѣну у союзниковъ и считался въ Германіи измѣнникомъ народному дѣлу, потерявшимъ потому право на корону. Императоръ Александръ соглашался на присоединеніе Саксоніи къ Пруссіи, причемъ Пруссія отказывалась отъ правъ своихъ на польскія области: согласиться было легко, ибо освобождаясь отъ чуждаго, польскаго элемента, Пруссія пріобрѣтала въ замѣнъ германское обширное и богатое королевство. Такимъ образомъ въ 1814 году вопросъ о германскомъ единствѣ тѣсно связывался съ вопросомъ о возстановленіи Польши.

Россія и Пруссія были согласны; но легко понять, какъ должна была смотрѣть на это соглашеніе Австрія, подлѣ которой, съ одной стороны, поднималось страшное въ ея глазахъ могущество русскаго императора и короля, съ другой не менѣе страшное могущество Пруссіи. Легко понять, какъ испугались второстепенные германскіе государи, особенно наполеоновскіе короли, видя, что саксонскаго короля за союзъ съ Наполеономъ хотятъ лишить владѣній и отдать ихъ Пруссіи, чѣмъ должно положиться начало объединенію Германіи. Сильнѣе всѣхъ заметалась Баварія. Но не въ Баваріи пока было дѣло: что скажетъ четвертый великій членъ союза, Англія? Англія поставила вопросъ между прошедшимъ и бу-

дущимъ: прошедшее показало, какъ опасно для Европы усиленіе Франціи, какъ необходимо слѣдовательно постановить оплотъ этому усиленію; но Франція, по крайней мѣрѣ на время, была ослаблена, и въ ближайшемъ будущемъ грозно было могущество Россіи, поднявшееся на развалинахъ французскаго могущества; слѣдовательно въ средней Европѣ должны существовать сильныя государства, которыя могли бы сдерживать и натискъ съ запада, со стороны Франціи, и натискъ съ востока, со стороны Россіи; эти государства, разумѣется, Австрія и Пруссія, и потому Англія была согласна на усиленіе Пруссіи чрезъ присоединеніе Саксоніи, но никакъ не хотѣла согласиться на усиленіе Россіи чрезъ присоединеніе къ ней возстановленной Польши.

Только два союзника были вполнѣ согласны, третій былъ противъ, четвертый противъ на половину; но легко было предвидѣть, что когда дѣло пойдетъ на что-нибудь рѣшительное, то Англія примкнетъ совершенно къ Австріи. Итакъ, между союзниками ссора при дѣлежѣ: двое на двое. Кто же будетъ больше всѣхъ радъ этому? Разумѣется, та держава, противъ которой былъ составленъ союзъ, Франція. Несмотря на провозглашеніе союзниковъ, что они воюютъ съ Наполеономъ, а не съ Франціею, по сверженіи Наполеона, по возстановленіи Бурбоновъ, Франція продолжала быть державой опальною: ее обрѣзывали, противъ нея строили плотины, образовывали королевство Нидерландское, усиливали королевство Сардинское, хлопотали объ усиленіи Германіи. Слова явно не ладили съ дѣломъ: всѣ эти предосторожности были направлены не противъ эльбскаго императора, а прямо противъ Франціи. Положеніе новаго короля, Лудовика XVIII было тяжело и унизительно, ибо его восшествіе на престолъ не избавило Францію отъ униженія и враждебности со стороны остальной Европы. Надобно было, слѣдовательно, для пріобрѣтенія популярности среди славолюбиваго народа, поднять значеніе Франціи, дать ей мѣсто среди великихъ державъ. Несогласія между союзниками давали лучшее къ тому средство: въ Вѣнѣ, среди столкновеній дипломатическихъ между четырьмя державами, ловкій представитель Франціи легко найдетъ возможность занять почетное мѣсто, заставить себя выслушивать; разссорившіеся союзники естественно будутъ стараться привлечь французскаго уполномоченнаго на свою сторону; положеніе его будетъ самое

выгодное, потому что Франція, при этомъ столкновеніи интересовъ, ничего не будетъ требовать для себя, и потому получитъ значеніе безкорыстной, безпристрастной рѣшительницы споровъ. А если эти споры поведутъ къ войнѣ между союзниками, Франція примкнетъ къ одной изъ сторонъ, и новому правительству Франціи представится случай ознаменовать свое вступленіе побѣдами, воспользоваться ими для измѣненія условій послѣдняго, Парижскаго мира, новою славою ослабить воспоминаніе старой Наполеоновской славы и вмѣстѣ дать упражненіе безпокойнымъ силамъ оставшимся отъ императорскихъ временъ и столь опаснымъ для возстановленной династіи.

Чью же сторону могла принять Франція въ распрѣ между союзниками? Сторону ли Россіи и Пруссіи, или сторону Австріи и Англіи? Здѣсь прежде всего мы должны обратиться къ личнымъ отношеніямъ короля Людовика XVIII къ императору Александру.

Когда Людовикъ XVIII жилъ изгнанникомъ въ Митавѣ, и о правахъ его на престолъ французскій забывали все болѣе и болѣе повсюду, императоръ Александръ не считалъ своею обязанностью напоминать объ нихъ, и мы видѣли, что въ началѣ своего царствованія, предлагая Англіи о необходимости свергнуть Наполеона, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалъ предоставить самимъ Французамъ рѣшить вопросъ относительно будущаго своего правительства. Въ 1805 году, когда императоръ Александръ становился во главѣ коалиціи противъ Наполеона, Людовикъ XVIII напомнилъ ему о себѣ письмомъ отъ 20 февраля (4 марта) изъ Митавы: король вызывался быть при войскѣ, которое должно было дѣйствовать противъ Франціи, писалъ, что надобно вызвать средство, которое одно можетъ дать успѣхъ коалиціи, средство нравственное, *мнѣніе* (l'opinion), ибо до сихъ поръ, въ борьбѣ съ революціонною Франціей, „никогда не противополагали права преступленію, наслѣдника 30 королей эфемернымъ тиранамъ, легитимность (legitimité) революціи.“ 8 (20) октября 1806 года новое письмо: „Личное и дѣятельное участіе (въ борьбѣ) *короля французскаго* есть единственное оружіе, которымъ можно низложить похитителя и похищеніе. Зло, опасность для Европы, состоитъ не въ честолюбіи и личныхъ средствахъ одного человѣка, а въ самой революціи. Если захотятъ предписать новые законы Франціи, то возмутятъ

ее; если объявятъ, что она вольна сама создать себѣ правительство, какое хочетъ, то этимъ предложится ей анархія. Между этими двумя опасностями есть вѣрная дорога — противопоставить право насилію, законнаго государя похищенію, болѣе даже чѣмъ похитителю.“ Лудовикъ обращался въ своихъ письмахъ къ императору Александру: „Monsieur, mon Frère et Cousin!“ Императоръ отвѣчалъ ему: „*Monsieur le Comte*!“ Обстоятельства предписываютъ подождать развязки прежде чѣмъ рѣшиться на средство, упомянутое въ вашемъ письмѣ.“ Дождавшись развязки, Лудовикъ опять написалъ императору 22 октября (3 ноября): „Король прусскій потерпѣлъ пораженіе, Берлинъ во власти Бонапарта. Чѣмъ сильнѣе опасность, тѣмъ необходимѣе принять противъ нея средство. Чтобъ извлечь изъ дѣятельнаго вмѣшательства *короля* всю пользу, надобно провести меня во Францію, на берега моего отечества, съ войскомъ достаточнымъ для обезпеченія высадки и для доставленія опоры моимъ вѣрнымъ подданнымъ.“ Александръ отвѣчалъ: „Несмотря на мое убѣжденіе, что предложенная вами мѣра могла бы имѣть хорошій успѣхъ, эта мѣра неудобоисполнима въ настоящую минуту, по причинѣ поздняго времени года и долговременныхъ приготовленій, необходимыхъ для подобной экспедиціи.“ Въ 1807 году племянникъ короля, герцогъ Ангулемскій, просился волонтеромъ въ русскую армію (сражаться съ Французами!); просьба не была принята.

Тильзитскій миръ заставилъ Лудовика XVIII искать убѣжища въ Англіи. Наступилъ 1812 годъ, наступила рѣшительная для всей Европы борьба между Россіею и Франціей; Бурбоны опять напомнили о себѣ. 23 іюля герцогъ Ангулемскій опять прислалъ императору Александру письмо съ просьбою о вступленіи волонтеромъ въ русскую армію; императоръ отвѣчалъ (9 октября): „Я бы принялъ ваше предложеніе, еслибы замышлялъ высадку на французскіе берега; но изъ Англіи это сдѣлать удобнѣе.“ Армія Неполеона исчезла въ Россіи, Александръ перешелъ за границу для окончанія борьбы; Лудовикъ XVIII возобновилъ свои домогательства подъ благовиднымъ предлогомъ; 14 февраля 1813 года онъ написалъ императору Александру изъ Гартуэля: „Жребій войны отдалъ въ руки вашего императорскаго величества болѣе 150.000 плѣнныхъ, большая часть ихъ Французы; мнѣ нѣтъ нужды подъ какими знаменами они шли: они несчастны,

и я вижу въ нихъ только дѣтей моихъ; поручаю ихъ щедротамъ Вашего императорскаго Величества." Послѣ этого нѣжнаго введенія, король приступаетъ къ дѣлу, проситъ императора объявить себя за Бурбонскую династію во Франціи и предлагаетъ высадку въ Нормандію. 26 марта (7 апрѣля) другое письмо, въ которомъ король проситъ позволенія герцогу Ангулемскому пріѣхать въ русскую армію. Отвѣтъ прежній (отъ 24 апрѣля): „Съ великимъ бы удовольствіемъ увидалъ я герцога Ангулемскаго на континентѣ; но думаю, что настоящая минута еще къ тому неблагопріятна."

Прогремѣла битва народовъ; Наполеонъ долженъ былъ уйдти за Рейнъ, и вслѣдъ за нимъ союзники готовились вступить во Францію; въ челѣ союза стоялъ русскій императоръ, и Лудовикъ XVIII снова обращается къ неумолимому; письмо изъ Бата, отъ 15 ноября: „Похититель не можетъ защитить несправедливыхъ завоеваній; но онъ старается встревожить Французовъ насчетъ намѣренія государей, вооружившихся противъ его нападеній. Единственное средство вырвать у него это послѣднее оружіе—это указать Франціи вѣрную гарантію ея независимости и счастія въ возстановленіи отеческой и законной власти. Я не могу безъ живаго безпокойства видѣть чуждую армію на границахъ моихъ владѣній, тогда какъ намѣренія союзниковъ неизвѣстны, мои права не признаны и моя законная власть не провозглашена. Я никогда не желалъ сохранить завоеванія, столь же гибельныя для спокойствія Франціи, сколько несовмѣстныя съ безопасностію другихъ правительствъ; но я боюсь честолюбивыхъ видовъ, которые, встревожа Французовъ, заставятъ ихъ защищать власть ненавистную. Меня увѣряютъ, что генералъ Сультъ, тайный врагъ Бонапарта, очень расположенъ служить моему дѣлу, и что если Ваше императорское Величество изволите гарантировать обѣщаніе, которое мнѣ предложили ему сдѣлать, то онъ скоро обратитъ свое оружіе противъ тирана."

Но императоръ Александръ продолжалъ считать лучшимъ ручательствомъ независимости и блага Франціи—право устроить самой свое правительство, не считалъ поэтому себя въ правѣ мѣшать Бурбонамъ, если сама Франція ихъ призоветъ, но не хотѣлъ дѣлать ни одного шага, произносить ни одного слова въ ихъ пользу, и по своимъ личнымъ симпатіямъ, желалъ лучше видѣть на французскомъ престолѣ Бернадота

чѣмъ Лудовика XVIII. Иначе смотрѣло англійское правительство, которое считало Бурбоновъ наиболѣе возможнымъ правительствомъ для Франціи послѣ Наполеона, и, разумѣется, для Англіи было выгодно возстановленіе Лудовика XVIII, нашедшаго у нея пріютъ и сочувствіе, тогда какъ со стороны главныхъ континентальныхъ государей онъ встрѣчалъ только холодность. Еще въ началѣ 1814 года принцъ-регентъ высказался предъ русскимъ посланникомъ, что онъ считаетъ нужнымъ дать Французамъ свободу распорядиться насчетъ своего будущаго правительства, но думаетъ, что было бы не безполезно напомнить имъ о существованіи ихъ законной династіи. Но тутъ же принцъ-регентъ предоставлялъ это дѣло русскому императору, „вождю безсмертной коалиціи, къ которому обращены всѣ надежды.“ Вождь безсмертной коалиціи достигъ своей цѣли: Парижъ находился въ рукахъ союзниковъ; царствованіе Наполеона оканчивалось, Лудовику XVIII надобно было сдѣлать послѣдній шагъ, чтобы заставить русскаго императора высказаться за него въ рѣшительную минуту: къ русскому посланнику въ Лондонъ является любимецъ Лудовика, Блака, съ изъявленіемъ чувствъ благодарности своего государя къ императору Александру, какъ спасителю Франціи и Бурбоновъ: „Король, говорилъ Блака, чувствуетъ, сколько онъ еще можетъ надѣяться впередъ для счастія своей страны и для утвержденія своего трона отъ могущественнаго покровительства его Императорскаго Величества. Чѣмъ болѣе король сознаетъ благодѣянія императора и долгъ благодарности за нихъ, тѣмъ болѣе желаетъ скрѣпить самыми тѣсными узами связь между двумя государствами, которая обезпечивала бы его народамъ постоянное расположеніе ихъ покровителя.“ Блака, отъ имени королевскаго, предложилъ бракъ между сестрою императора Александра и племянникомъ Лудовика XVIII, герцогомъ Беррійскимъ, причемъ однако сдѣлалъ намекъ, что королева французская должна быть римско-католическаго исповѣданія, и приводилъ въ примѣръ русскую княжну Анну Ярославну, бывшую за французскимъ королемъ Генрихомъ I. Императоръ Александръ велѣлъ отвѣчать, что онъ готовъ содѣйствовать браку сестры съ герцогомъ Беррійскимъ, но рѣшеніе зависитъ отъ вдовствующей императрицы; притомъ, если перемѣна исповѣданія есть непремѣнное условіе брака, то онъ невозможенъ.

Русскій императоръ остался до конца вѣренъ своему взгляду: Бурбоны были возстановлены безъ помѣхи и безъ содѣйствія съ его стороны. Разумѣется, Лудовикъ XVIII не считалъ себя обязаннымъ высоко цѣнить подобное поведеніе; какъ истый эмигрантъ, въ этомъ случаѣ, онъ не хотѣлъ забыть прошедшаго для будущаго, не хотѣлъ лишить себя удовольствія отомстить русскому императору за то, что прежде безполезно унижался предъ нимъ, величая спасителемъ и покровителемъ Франціи и своимъ. Месть, на первыхъ порахъ, высказывалась мелко, но высказывалась и не могла не оскорбить; притомъ старанія императора Александра о томъ, чтобы реставрація получила наиболѣе либеральныя формы, никакъ не могли содѣйствовать примиренію его съ Бурбонами старой линіи и ихъ безусловными приверженцами.

Но чѣмъ болѣе чувствовали побужденій удаляться отъ Россіи, тамъ болѣе хлопотали о тѣснѣйшемъ сближеніи съ Англіею. Когда дѣло реставраціи было рѣшено въ Парижѣ, и Лудовикъ XVIII, уже какъ французскій король, съ торжествомъ въѣхалъ въ Лондонъ, то рѣшился сказать принцу-регенту: „Послѣ Провидѣнія, я буду всегда приписывать возстановленіе мое на тронѣ предковъ совѣтамъ вашего королевскаго высочества, вашей славной странѣ и довѣрію ея жителей.“ Заискиванія Франціи приводили въ затрудненіе англійское министерство; лордъ Касльри, министръ иностранныхъ дѣлъ, считалъ неприличнымъ чрезъ сближеніе съ Франціею преждевременно порвать союзъ; притомъ же сближеніе съ Франціею было непопулярно въ Англіи. Но Лудовикъ XVIII и его министръ иностранныхъ дѣлъ, Талейранъ, не отчаивались; у нихъ въ Парижѣ остался герцогъ Веллингтонъ, котораго Талейранъ скоро успѣлъ убѣдить въ необходимости англо-французскаго союза; Веллингтонъ писалъ къ Касльри: „Положеніе дѣлъ таково, что Англіи и Франціи будетъ *естественно* принадлежать рѣшеніе всѣхъ вопросовъ на конгрессѣ, если только онѣ поймутъ другъ друга, и это пониманіе можетъ сохранить общій миръ.“ Веллингтонъ считалъ нужнымъ, чтобы Касльри, на дорогѣ въ Вѣну, заѣхалъ въ Парижъ для соглашеній съ Талейраномъ, хотя это и произведетъ непріятное впечатлѣніе на союзниковъ. Герцогъ Беррійскій былъ отправленъ въ Лондонъ съ объявленіемъ, что король, его дядя, считаетъ тождественными интересы обоихъ государствъ

Талейранъ отправился въ Вѣну на конгрессъ, съ цѣлію разбить четверной союзъ и на его развалинахъ поднять значеніе Франціи. Никто не былъ способнѣе его достигнуть этой цѣли. Талейранъ, знатный господинъ временъ старой монархіи, сбросилъ съ себя епископство передъ силою революціоннаго движенія: „Только сумашедшіе остаются въ домѣ, который горитъ,“ говаривалъ онъ. Талейранъ вовремя успѣлъ уйдти отъ гильотины; вовремя возвратился въ отечество, когда революціонная горячка стала утихать; вовремя сталъ служить Наполеону; разссорился съ нимъ, но какъ успѣлъ цѣлъ и невредимъ уйдти отъ революціи, такъ цѣлъ и невредимъ ушелъ отъ гнѣва разъяреннаго послѣднею отчаянною борьбой льва; вовремя объявилъ, что нельзя больше держаться Наполеона: „только сумашедшій остается въ домѣ, который горитъ;“ вовремя провозгласилъ необходимость возстановленія Бурбоновъ, и теперь отправлялся въ Вѣну уполномоченнымъ отъ короля Лудовика XVIII. Громадный дипломатическій авторитетъ, блестящія манеры, французская представительность, французское умѣнье товаръ лицомъ продать, смѣлость, умѣнье не стѣсняться ничѣмъ, озадачивать, свободно, властительно, по-барски обращаться съ каждымъ вопросомъ, съ каждымъ явленіемъ,— все это давало Талейрану средства разыграть въ Вѣнѣ дипломатическаго Наполеона. Онъ повезъ съ собою слѣдующія инструкціи, имъ самимъ составленныя:

„Конгрессъ долженъ быть общій, и всѣ государства, принимавшія участіе въ войнѣ, должны прислать на него своихъ уполномоченныхъ, не исключая самыхъ малыхъ. Самыя малыя государства, которыя можно было бы исключить по ихъ слабости, всѣ или почти всѣ находятся въ Германіи. Германія должна образовать конфедерацію, которой они будутъ членами, слѣдовательно организація ея интересуетъ ихъ въ высшей степени, ее нельзя сдѣлать безъ нихъ, не нарушая ихъ естественной независимости, признанной VI параграфомъ трактата 30 мая; организація будетъ сдѣлана на конгрессѣ, слѣдовательно несправедливо исключать ихъ изъ участія въ конгрессѣ. Кромѣ справедливости, присутствія уполномоченныхъ отъ мелкихъ государствъ требуетъ и польза Франціи. Интересы мелкихъ государствъ тѣсно связаны съ ея интересами. Всѣ они захотятъ сохранить свое существованіе: Франція должна желать этого сохраненія. Нѣко-

торыя изъ нихъ могутъ желать распространенія своихъ предѣловъ: Франціи выгодно это распространеніе, восколько оно препятствуетъ распространенію большихъ государствъ. Политика Франціи должна состоять въ покровительствѣ мелкимъ державамъ; но это надобно дѣлать такъ, чтобы не возбудить подозрѣнія. Покровительствовать имъ будетъ неудобно, если уполномоченные ихъ не будутъ присутствовать на конгрессѣ, когда придется предъявлять за нихъ требованія, вмѣсто того чтобы только поддерживать требованія заявленныя ихъ уполномоченными. Съ другой стороны, нужда, которую они будутъ чувствовать въ помощи Франціи, дастъ послѣдней вліяніе на нихъ.

„Публичное право имѣетъ два основныя положенія: власть надъ государствомъ не можетъ быть пріобрѣтена простымъ фактомъ завоеванія, ни перейдти къ завоевателю, если государь не уступитъ ему ея; никакое право на власть не имѣетъ силы для другихъ государствъ, пока они не признали его. Государь, котораго владѣнія завоеваны, не переставая быть государемъ (если только самъ не уступилъ или не отказался отъ своихъ правъ), сохраняетъ право послать своего уполномоченнаго на конгрессъ. Такимъ образомъ саксонскій король можетъ прислать своего уполномоченнаго на конгрессъ, и не только можетъ, но это необходимо, потому что въ случаѣ, когда станутъ распоряжаться его владѣніями, всѣми или частію, этого нельзя сдѣлать законно безъ уступки или отказа съ его стороны, и надобно, чтобы кто-нибудь, имъ уполномоченный, могъ уступить или отказаться его именемъ; и такъ какъ третье положеніе публичнаго европейскаго права говоритъ, что уступка или отказъ недѣйствительны, если они сдѣланы не свободно, самимъ государемъ, не находящимся на свободѣ, то посланники французскіе должны стараться, чтобы кто-нибудь на конгрессѣ потребовалъ освобожденія саксонскаго короля, и должны поддерживать это требованіе; въ случаѣ же нужды должны сами сдѣлать его.

„Въ Италіи надобно препятствовать господству Австріи, противопоставляя ея вліянію вліянія противныя; въ Германіи надобно противодѣйствовать Пруссіи. Физическая конституція Прусской монархіи дѣлаетъ для нея честолюбіе необходимостью. Всякій предлогъ для нея хорошъ. Никакое внушеніе совѣсти ее не останавливаетъ. Такимъ образомъ въ 63 году она увеличила свое народонаселеніе отъ 4 до 10

милліоновъ и образовала кадры громадной монархіи, захватывая здѣсь и тамъ отдѣльныя области, которыя старается соединить, подбирая и области между-лежащія. Страшное паденіе, навлеченное ея честолюбіемъ, не исправило ея. Въ эту минуту ея эмиссары и приверженцы волнуютъ Германію, толкуютъ, что Франція снова готова напасть на нее и что одна Пруссія въ состояніи защитить ее, кричатъ, что для сохраненія Германіи нужно отдать ее Пруссіи. Пруссія хочетъ имѣть Бельгію и все пространство земель между нынѣшними границами Франціи, Маасомъ и Рейномъ. Она хочетъ и Луксембурга. Все потеряно, если ей не дадутъ Майнца; нѣтъ для нея безопасности, если она не владѣетъ Саксоніею. Говорятъ, союзники обязались возстановить Пруссію въ прежнемъ ея могуществѣ, то-есть съ 10.000.000 подданныхъ. Пусть дадутъ ей волю: скоро у нея будетъ 20 милліоновъ, и Германія цѣликомъ будетъ въ ея рукахъ. Итакъ, необходимо положить преграду ея честолюбію, ограничивая, по возможности, ея владѣнія въ Германіи, и потомъ ограничивая ея вліяніе федеральною организацiей. Распространеніе ея владѣній будетъ ограничено сохраненіемъ всѣхъ мелкихъ государствъ и увеличеніемъ среднихъ. Всѣ мелкія государства должны быть сохранены, потому что они существуютъ. Но если мелкія государства должны быть сохранены, то тѣмъ болѣе королевство Саксонское. Король саксонскій сорокъ лѣтъ управлялъ своими подданными какъ отецъ, подавая примѣръ добродѣтелей частнаго человѣка и государя. Застигнутый бурею въ возрастъ долженствующій быть возрастомъ покоя, и возстановленный тою же самою рукой, которая низложила его, если онъ и оказался виновнымъ, то развѣ въ законной боязни и въ томъ чувствѣ, которое всегда почтенно, кто бы ни былъ предметомъ этого чувства. Тѣ, которые его упрекаютъ, виноваты гораздо болѣе его, не имѣя тѣхъ извиненій, какія имѣетъ онъ. Что было ему дано, было дано безъ его просьбы, безъ его желанія, даже безъ его вѣдома. Онъ перенесъ счастіе съ умѣренностью, и теперь переноситъ бѣдствія съ достоинствомъ. Къ этимъ побужденіямъ, которыя одни могли заставить короля не покидать короля Саксонскаго, присоединяются узы родства, ихъ соединяющія, и необходимость воспрепятствовать, чтобы Саксонія не досталась Пруссіи, которая этимъ пріобрѣтеніемъ

сдѣлаетъ рѣшительный шагъ къ безусловному владычеству надъ Германіею.

„Если короля Саксоніи захотятъ перемѣстить на другой престолъ, то и въ такомъ случаѣ Саксонія должна оставаться независимымъ королевствомъ; пусть ее отдадутъ герцогской линіи, что будетъ особенно пріятно русскому императору, ибо наслѣдникомъ Саксоніи будетъ тогда его зять, наслѣдникъ веймарскій. Если нельзя отдать Саксонію Пруссакамъ, то нельзя отдать и Майнца, нельзя отдать ни клочка земли на лѣвомъ берегу Мозеля. Пусть съ этой стороны распространитъ свои границы Голландія, пусть увеличиваютъ свои владѣнія Баварія, Гессенъ, Брауншвейгъ и особенно Ганноверъ, чтобы доля Пруссіи была какъ можно меньше.

„Возстановленіе королевства Польскаго было бы благомъ и великимъ благомъ, но только подъ тремя условіями: 1) чтобъ оно было независимо, 2) чтобы получило крѣпкую конституцію, 3) чтобы не нужно было вознаграждать Австрію и Пруссію за тѣ польскія области, которыми онѣ владѣли по раздѣламъ; но эти условія всѣ невозможны, и второе болѣе чѣмъ другія. Прежде всего Россія не хочетъ возстановленія Польши съ условіемъ потери пріобрѣтеннаго для себя; она хочетъ этого возстановленія съ тѣмъ чтобы пріобрѣсти и то чѣмъ не владѣетъ. Но возстановить Польшу съ тѣмъ чтобы всецѣло отдать ее Россіи и увеличить народонаселеніе послѣдней въ Европѣ до 44 милліоновъ, и границы ея распространить до Одера, это значитъ создать для Европы опасность столь великую и столь близкую, что, хотя слѣдуетъ все сдѣлать для сохраненія мира, но если исполненіе такого плана можетъ быть остановлено только силою оружія, не должно колебаться ни минуты для объявленія войны. Тщетная надежда, что Польша, такимъ образомъ соединенная съ Россіею, отложится отъ нея сама собою. Неизвѣстно еще, чтобъ она этого захотѣла; еще менѣе вѣрно, чтобъ она могла это сдѣлать; но несомнѣнно одно, что еслибъ она хотѣла и могла бы сдѣлать это въ извѣстное время, то освободится отъ ига только съ тѣмъ, чтобы снова подпасть подъ него, ибо Польша, получивъ независимость, вмѣстѣ съ этимъ будетъ предана на жертву анархіи. Величина страны исключаетъ собственно такъ-называемую аристократію, а монархія не можетъ существовать тамъ, гдѣ народъ не имѣетъ гражданской свободы, гдѣ шляхта

имѣетъ свободу политическую, или независимость, и гдѣ царствуетъ анархія. Разумъ говоритъ это, исторія цѣлой Европы подтверждаетъ. Какимъ образомъ, возстановляя Польшу, отнять политическую свободу у шляхты, или дать гражданскую свободу народу? Послѣдняя не можетъ быть дана манифестомъ, закономъ. Гражданская свобода будетъ пустымъ словомъ, если народъ, которому ее даютъ, не имѣетъ независимыхъ средствъ къ существованію, собственности, промышленности, искусствъ, и этого всего ни манифестъ, ни законъ создать не могутъ, все это можетъ создать только время. Польша могла выйти изъ анархіи только съ помощію самодержавія; и такъ какъ въ ней самой не было элементовъ самодержавія, то оно пришло извнѣ, то-есть Польша была покорена. Она была покорена, какъ скоро сосѣди этого захотѣли, и это покореніе было для нея счастіемъ: доказательствомъ служитъ прогрессъ тѣхъ ея частей, которыя достались на долю народовъ, болѣе цивилизованныхъ. Пусть дадутъ Польшѣ независимость, пусть дадутъ ей короля, не избирательнаго, а наслѣдственнаго, пусть присоединятъ къ тому всѣ возможныя учрежденія: чѣмъ менѣе эти учрежденія будутъ свободны, тѣмъ противнѣе они будутъ духу, привычкамъ, воспоминаніямъ шляхты, которую надобно будетъ подчинять силою,—а гдѣ взять эту силу? Съ другой стороны, чѣмъ свободнѣе будутъ эти учрежденія, тѣмъ скорѣе Польша опять впадетъ въ анархію, которая окончится попрежнему завоеваніемъ. Въ Польшѣ два народа, для котораго нужны двѣ конституціи, исключающія другъ друга. Не имѣя возможности слить эти два народа, ни создать единую власть, могущую примирить все, не имѣя возможности, съ другой стороны, безъ явной опасности для Европы, отдать всю Польшу Россіи, всего лучше оставить Польшу такъ, какъ она была послѣ третьяго раздѣла. Это тѣмъ важнѣе, что положитъ конецъ притязаніямъ Пруссіи на Саксонію, потому что Пруссія осмѣливается требовать Саксоніи только въ предположеніи возстановленія Польши. Австрія, вѣроятно, также потребуетъ вознагражденія за потерю 5 милліоновъ подданныхъ въ двухъ Галиціяхъ; или, если она этого не потребуетъ, то станетъ тѣмъ сильнѣе во всѣхъ италіянскихъ вопросахъ. Если, вопреки всякому вѣроятію, русскій императоръ согласится отдать то чѣмъ онъ владѣетъ по раздѣламъ Польши, если захотятъ сдѣлать опытъ,

то король не станетъ этому противодѣйствовать, хотя и не ждетъ никакихъ счастливыхъ результатовъ. Въ такомъ случаѣ желательно было бы, чтобы король саксонскій былъ и королемъ польскимъ. Но если Польша не можетъ быть возстановлена съ полною независимостью, то пусть все остается какъ было по третьему раздѣлу. Оставаясь раздѣленною Польша не будетъ навсегда уничтожена. Не образуя болѣе политическаго тѣла, Поляки всегда будутъ составлять одно семейство. У нихъ не будетъ одного общаго отечества, но у нихъ останется одинъ общій языкъ, слѣдовательно между ними останется самая крѣпкая и самая долговѣчная связь. Подъ чуждымъ владычествомъ они достигнутъ зрѣлаго возраста, до котораго не могли достигнуть въ десять вѣковъ независимости, и моментъ, въ который они созрѣютъ, не будетъ далеко отъ момента ихъ освобожденія и сосредоточенія около одного центра.

„Англія, завоевательница внѣ Европы, въ дѣлахъ европейскихъ руководится охранительнымъ началомъ. Это, можетъ-быть, зависитъ исключительно отъ ея островнаго положенія и отъ ея относительной слабости, не позволяющей ей сохранять завоеваній на континентѣ. Но все равно, необходимость это или добродѣтель, Англія дѣйствуетъ въ охранительномъ духѣ даже относительно Франціи, своей соперницы: такъ она дѣйствовала при Генрихѣ VIII, Елизаветѣ, Аннѣ и, быть-можетъ, также въ эпоху къ намъ ближайшую. Франція, приносящая на конгрессъ виды вполнѣ охранительные, имѣетъ право надѣяться, что Англія поможетъ ей, если только она сама удовлетворитъ самымъ сильнымъ желаніямъ Англіи, которая ничего такъ не желаетъ, какъ уничтоженія торга неграми. Въ заключеніи инструкціи пересчитываются четыре пункта, на которые долженъ былъ настаивать Талейранъ: 1) не оставлять Австріи никакой возможности посадить на Сардинскій престолъ принца изъ своего дома; 2) Неаполь долженъ быть отнятъ у Мюрата и отданъ Бурбонамъ; 3) Польша во всей своей цѣлости не должна быть отдана Россіи; 4) Пруссія не должна пріобрѣсти ни Саксоніи, по крайней мѣрѣ въ цѣлости, ни Майнца."

Такимъ образомъ уполномоченные Франціи и Англіи являлись на конгрессъ съ охранительными видами; вслѣдствіе этихъ самыхъ видовъ, къ нимъ необходимо должна была пристать Австрія; союзъ естественно разрушался: три державы

съ охранительными видами становились противъ двухъ державъ съ видами революціонными. Конгрессъ долженъ былъ кончиться или войной Австріи, Англіи и Франціи противъ Россіи и Пруссіи, или уступкою со стороны двухъ послѣднихъ охранительному началу, выставленному тремя первыми. Во всякомъ случаѣ побѣда останется за Франціею, за Талейраномъ, за этимъ представителемъ побѣжденной, опальной державы, котораго изъ милости пригласили на конгрессъ, котораго сначала въ Вѣнѣ не хотѣли допускать до участія въ обсужденіи вопросовъ по земельнымъ раздѣламъ въ Германіи, Италіи и Польшѣ. 28-го сентября Талейранъ получилъ отъ Меттерниха коротенькій пригласительный билетъ на конференцію, имѣющую быть на другой день: Меттернихъ приглашалъ къ себѣ Талейрана *присутствовать* (assister) при конференціи, въ которой найдетъ собранными (réunis) уполномоченныхъ Англіи, Россіи и Пруссіи. Такой же пригласительный билетъ получилъ и уполномоченный испанскій, Лабрадоръ. Въ назначенный часъ конференція собралась: за зеленымъ столомъ сидѣли Касльри (на предсѣдательскомъ мѣстѣ), Меттернихъ, Нессельроде и уполномоченные прусскіе, Гарденбергъ и Вильгельмъ Гумбольдтъ; знаменитый публицистъ Генцъ велъ протоколъ; для французскаго уполномоченнаго оставлено было мѣсто между президентомъ и Меттернихомъ; входитъ Талейранъ и представляетъ собранію Лабрадора: уполномоченный младшей линіи Бурбоновъ подъ крыломъ уполномоченнаго старшей. Приступаютъ къ дѣлу. „Цѣль нынѣшней конференціи, говоритъ предсѣдатель, обращаясь къ Талейрану, познакомить васъ съ тѣмъ что̀ четыре двора уже сдѣлали со времени своего прибытія сюда... У васъ протоколъ?“ продолжалъ онъ, обращаясь къ Меттерниху. Тотъ подалъ Талейрану бумагу, скрѣпленную пятью подписями. Первое что̀ остановило Талейрана въ протоколѣ, это слово *союзники*, какъ еще продолжали называть себя четыре державы. „Союзники! сказалъ Талейранъ; позвольте спросить: гдѣ мы? въ Шомонѣ или Лаонѣ? развѣ миръ не заключенъ? развѣ идетъ еще война? и противъ кого?“—Ему отвѣчали, что слово „союзники“ нисколько не противорѣчитъ существующимъ отношеніямъ, и что оно употреблено только для краткости.—„Для краткости, возразилъ Талейранъ, нельзя жертвовать точностію выраженія.“ Талейранъ началъ опять чи-

тать протоколъ и черезъ нѣсколько минутъ проговорилъ: „Не понимаю!“ Опять углубился въ чтеніе, и опять восклицаніе: „Все же ничего не понимаю!“ Комедія кончилась, и Талейранъ объявилъ прямо, что для него существуютъ двѣ даты, между которыми нѣтъ ничего: 30-го мая, когда было рѣшено созваніе конгресса, и 1-го октября, когда долженъ конгрессъ открыться; все, что сдѣлано въ промежутокъ времени между этими двумя числами, для него чуждо, не существуетъ; собрались на конгрессъ для того чтобъ удовлетворить правамъ всѣхъ, и было бы большое несчастіе, еслибы начали нарушеніемъ этихъ правъ; мысль — покончить все, прежде чѣмъ конгрессъ собрался, для него нова; онъ думалъ, что надобно начать съ того, чѣмъ теперь хотятъ кончить. Послѣ долгихъ разговоровъ, разъѣхались, ничего не рѣшивъ. Искусный полководецъ сбилъ враговъ съ позиціи, заставилъ ихъ ретироваться въ безпорядкѣ. Генцъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Вмѣшательство Талейрана и Лабрадора страшно разстроило и разорвало наши планы; они протестовали противъ формы, какую мы приняли; они насъ отлично отдѣлывали цѣлые два часа; я никогда не забуду этой сцены.“

Черезъ день, 1-го октября, другая сцена. Талейранъ былъ приглашенъ къ императору Александру. Они увидѣлись не впервые въ Вѣнѣ. Говорятъ, что еще въ Ерфуртѣ Талейранъ, уже недовольный Наполеономъ, сблизился съ русскимъ императоромъ; въ тайныхъ разговорахъ не скрылъ отъ него своихъ мрачныхъ предчувствій насчетъ судьбы ненасытнаго завоевателя, даже будто бы позволялъ себѣ давать такія внушенія, давать такіе совѣты, за которые Наполеонъ, еслибъ узналъ, не былъ бы благодаренъ. Восколько это вѣрно — мы не знаемъ, ибо не знаемъ людей, которые могли бы подслушать эти тайные разговоры. 15-го сентября 1810 года Талейранъ писалъ императору Александру, что расположеніе, оказанное ему императоромъ во дни печали, стало утѣхою и гордостію всей его жизни. Жалуясь на цѣлую систему упрековъ, стѣсненій, внутреннихъ мученій, какую онъ претерпѣваетъ со времени эрфуртскаго свиданія, систему, разстроившую его дѣла, Талейранъ просилъ у императора полтора милліона франковъ. Императоръ отказалъ въ этой просьбѣ, отвѣчая, что ея исполненіе можетъ повредить самому Талейрану и противно тѣмъ чистымъ и простымъ правиламъ, которыми императоръ руководится въ своихъ сношеніяхъ съ иностран-

ными государями и съ тѣми, которые имъ служатъ. Въ 1814 году императоръ Александръ опять увидался съ Талейраномъ совершенно при другихъ обстоятельствахъ, чѣмъ въ Эрфуртѣ. Императоръ остановился въ домѣ Талейрана; императоръ согласился съ Талейраномъ, что возстановленіе Бурбоновъ необходимо для Франціи. Бурбоны были возстановлены. Но мы видѣли, какія образовались отношенія между императоромъ Александромъ и новымъ правительствомъ Франціи. Талейранъ, чтобъ удержать портфель иностранныхъ дѣлъ при Лудовикѣ XVIII, долженъ былъ сообразоваться со взглядами послѣдняго, то-есть удаляться отъ Россіи и приближаться къ Англіи. Императоръ Александръ уѣхалъ изъ Парижа, не простившись съ Талейраномъ. Это очень обезпокоило Талейрана; онъ былъ дальновиднѣе своего короля; гнѣвъ могущественнаго императора русскаго могъ быть опасенъ, и Талейранъ написалъ письмо Александру (13-го іюня 1814 г.): „Я не видалъ Ваше Величество передъ вашимъ отъѣздомъ и осмѣливаюсь сдѣлать за это упрекъ въ почтительной искренности самой нѣжной привязанности. Государь, давно уже важныя сношенія открыли вамъ мои сокровенныя чувства, ваше уваженіе было слѣдствіемъ этого; оно меня утѣшало въ продолженіе многихъ лѣтъ и помогало мнѣ сносить тяжкія искушенія. Я предугадывалъ вашу судьбу, я чувствовалъ, что придетъ время, когда я, оставаясь Французомъ, буду имѣть право присоединиться къ вашимъ проектамъ, ибо они не измѣнили бы своего великодушнаго характера; вы совершенно исполнили это прекрасное предназначеніе; если я слѣдовалъ за вами въ вашей благородной карьерѣ, то не лишайте меня моей награды: я этого прошу у героя моего воображенія, и смѣю прибавить, у героя моего сердца.“

Теперь въ Вѣнѣ Талейранъ опять увидѣлся съ героемъ своего воображенія и сердца, который считалъ необходимымъ склонить французскаго уполномоченнаго къ тому, чтобъ онъ не мѣшалъ польско-саксонскому проекту. Въ донесеніи своемъ королю Лудовику XVIII Талейранъ подробно описалъ свое свиданіе съ русскимъ императоромъ. Мы оставляемъ подробности, ибо не знаемъ, какія жертвы французскій дипломатъ принесъ точности повѣствованія; существенное заключалось въ томъ, что императоръ высказалъ рѣшительно свою волю относительно присоединенія къ Россіи

герцогства Варшавскаго подъ именемъ Польши, и присоединенія Саксоніи къ Пруссіи, высказался, что для исполненія этого онъ не остановится и передъ войною, а Талейранъ противопоставлялъ желанію императора права другихъ и обычное великодушіе самого Александра.

Объясненіе не повело ни къ чему, развѣ къ бо́льшему охлажденію между объяснявшимися. Благодаря Талейрану, открытіе конгресса замедлилось и было отсрочено до 1-го ноября; французскій уполномоченный, вѣрный своимъ инструкціямъ, настаивалъ, чтобы представители всѣхъ державъ приняли живое участіе въ конгрессѣ. Это ему не удалось; но удалось внести въ объявленіе объ отсрочкѣ конгресса до 1-го ноября выраженіе, что конгрессъ будетъ руководствоваться *началами народнаго права.* По поводу этого выраженія былъ сильный споръ; Гарденбергъ настаивалъ, что выраженіе лишнее: само собою разумѣется, что конгрессъ будетъ поступать на основаніи народнаго права. „Это будетъ разумѣться гораздо лучше, если будетъ точно выражено," отвѣчалъ Талейранъ. „Какое значеніе имѣетъ здѣсь публичное право?" спросилъ Гумбольдтъ. „Благодаря публичному праву вы здѣсь," отвѣчалъ Талейранъ. Такъ дѣйствовалъ представитель Франціи на конференціяхъ, гдѣ теперь кромѣ представителей Россіи, Англіи, Австріи, Пруссіи, Франціи, Испаніи присутствовали представители Португаліи и Швеціи. Внѣ конференцій Талейранъ сближался съ представителями второстепенныхъ державъ, жаловался имъ на конгрессъ, на легкомысліе представителей великихъ державъ, на неприготовленность къ рѣшенію ни одного важнаго вопроса, при чемъ выставлялось безкорыстіе Франціи, охранительницы права, защитницы всѣхъ утѣсненныхъ: „Франція не желаетъ для себя ничего, ни одной деревни, она желаетъ только справедливости для всѣхъ; если не будутъ меня слушать, я выйду изъ конгресса, я подамъ протестъ." Въ Парижѣ шли дальше: здѣсь Веллингтонъ, въ сношеніяхъ съ любимцемъ королевскимъ Блака, утверждалъ, что присоединіе Саксоніи къ Пруссіи нисколько не противорѣчитъ здравой политикѣ; Блака возражалъ, что Лудовикъ XVIII никогда не согласится на это присоединеніе, и внушалъ, что Саксонія—это единственный пунктъ, чрезъ который Англія и Франція могутъ проводить свое вліяніе на сѣверъ Европы. Когда Веллингтонъ указывалъ на возможность вой-

ны и на опасность, какою эта война могла грозить Бурбонской династіи, Блака отвѣчалъ: если Англія не будетъ противъ Франціи, то нѣтъ никакой опасности, и въ извѣстныхъ обстоятельствахъ миръ опаснѣе самой несчастной войны.

Открытіе конгресса было отсрочено до 1-го ноября именно для того, чтобы дать важнѣйшимъ вопросамъ время созрѣть для рѣшенія. Важнѣйшимъ вопросомъ былъ вопросъ польскій. Послѣ личнаго свиданія съ императоромъ Александромъ, которое не повело ни къ чему, Касльри 12-го октября обратился къ нему съ письменными объясненіями по польскому вопросу: „Такъ какъ я сопровождалъ Ваше Величество во время трудной и нерѣшительной борьбы, то считаю себя въ правѣ особенно сильно желать, чтобы конецъ дѣла соотвѣтствовалъ его общему характеру, чтобы Ваше Величество употребили свое вліяніе и свой примѣръ для внушенія европейскимъ кабинетамъ, при настоящихъ великихъ отношеніяхъ, духа примиренія, умѣренности и великодушія; этотъ духъ одинъ можетъ упрочить Европѣ спокойствіе, для котораго Ваше Величество сражались, а Вашему Величеству славу, которая должна окружать ваше имя. Умоляю Ваше Величество не вѣрить, что я буду смотрѣть безъ удовольствія на значительное расширеніе вашихъ границъ со стороны Польши. Мои возраженія касаются только пространства и формы этого расширенія. Ваше Величество можете получить очень значительный залогъ благодарности Европы, не требуя отъ своихъ союзниковъ и сосѣдей распоряженія несовмѣстнаго съ ихъ политическою независимостью. Я могу, если нужно, обратиться къ прошедшему для доказательства, что я и мое правительство чужды политики, враждебной способу воззрѣнія и интересамъ Россіи. Мы только-что разстались съ тяжкою политикой относительно Норвегіи; мы долго обрекали себя на эту политику по настояніямъ Вашего Величества, чтобъ обезпечить вамъ поддержку Швеціи во время войны, чтобъ укрѣпить за вами Финляндію, доставивъ Швеціи въ Норвегіи соотвѣтственное вознагражденіе съ другой стороны. Руководимые тѣмъ же дружественнымъ чувствомъ своего правительства къ Вашему Величеству наши министры при Портѣ Оттоманской содѣйствовали заключенію мира между Россіею и Турціею, который доставилъ вашей имперіи обширную область. Миръ съ Персіей,

доставившій вамъ важныя и обширныя пріобрѣтенія, былъ заключенъ вслѣдствіе дѣятельнаго посредничества англійскаго посланника. Если я упоминаю объ этомъ, то единственно изъ опасенія, чтобы Вашему Величеству не истолковали дурно моихъ побужденій въ настоящее время, когда я изъ чувства моихъ общественныхъ обязанностей къ Европѣ и особенно къ Вашему Величеству, долженъ настаивать на измѣненіи, а не на отказѣ отъ вашихъ требованій. Духъ, съ какимъ Ваше Величество отнесетесь къ вопросу объ увеличеніи вашего государства, исключительно рѣшитъ, долженъ ли настоящій конгрессъ составить счастіе вселенной, или представить только сцену раздоровъ, интригъ и несдержанной борьбы для пріобрѣтенія власти насчетъ принциповъ. Положеніе, занимаемое Вашимъ Величествомъ теперь въ Европѣ, позволяетъ вамъ сдѣлать все для общаго блага, если вы оснуете свое посредничество на справедливыхъ началахъ, предъ которыми преклонится Европа. Есть путь, на которомъ Ваше Величество можете соединить ваши благодѣтельныя намѣренія относительно польскихъ подданныхъ вашихъ съ тѣмъ чего требуютъ ваши союзники и цѣлая Европа. Они не желаютъ, чтобы Поляки были унижены, лишены административной системы, кроткой, примирительной, сообразной съ ихъ потребностями. Они не желаютъ, чтобы Ваше Величество заключили такія условія, которыя стѣсняли бы вашу верховную власть надъ вашими собственными областями. Они желаютъ только, чтобы для сохраненія мира Ваше Величество шествовали постепенно къ улучшенію административной системы въ Польшѣ, чтобы вы (если только не рѣшились на полное возстановленіе и совершенную независимость Польши) избѣжали мѣры, которая, при громкомъ титулѣ короля, распространитъ безпокойство въ Россіи и странахъ сосѣднихъ, и которая, льстя честолюбію малаго числа людей изъ знатныхъ фамилій, въ сущности дастъ менѣе свободы и настоящаго благоденствія, чѣмъ болѣе умѣренное и скромное измѣненіе въ административной системѣ страны.“ Къ этому письму былъ приложенъ меморандумъ: здѣсь Кэсльри указываетъ, что Россія, Австрія и Пруссія связаны договорами 1813 года, въ которыхъ утверждено, что эти три державы раздѣлятъ между собою герцогство Варшавское, распорядятся имъ полюбовно. Планъ русскаго императора присоединить гер-

цогство Варшавское къ русскимъ областямъ, доставшимся Россіи по тремъ раздѣламъ, и сдѣлать изъ нихъ отдѣльную монархію подъ властію русскаго императора, какъ польскаго короля,—этотъ планъ распространилъ волненіе и ужасъ при дворахъ Австрійскомъ и Прусскомъ, наполнилъ страхомъ всѣ государства Европы: Россія, уже увеличенная Финляндіей, Бессарабіею, землями персидскими, устремляется на западъ, въ сердце Германіи, не имѣющей съ этой стороны оборонительной линіи; Россія приглашаетъ Поляковъ соединиться около русскаго знамени для возстановленія ихъ королевства, Россія возбуждаетъ этотъ легкомысленный и безпокойный народъ къ тѣмъ внутреннимъ и внѣшнимъ борьбамъ, которыми Поляки ознаменовали себя въ исторіи. Планъ русскаго императора противорѣчитъ не только буквѣ, но и духу договоровъ 1813 года: можно ли предположить, чтобъ императоръ австрійскій и король прусскій, уговорившись раздѣлить герцогство Варшавское съ Россіею, согласились теперь отдать его все России, разрушая собственныя границы и оставляя столицы свои беззащитными? Проектъ русскаго императора не можетъ быть разсматриваемъ и какъ нравственный долгъ. Если нравственный долгъ требуетъ, чтобы положеніе Поляковъ было улучшено такимъ рѣшительнымъ способомъ, какъ возстановленіе ихъ монархіи, то пусть эти дѣла совершатся по принципу широкому и либеральному, пусть возстановляется нація независимая, а не дѣлается изъ нея страшное военное орудіе въ рукахъ одного государства. Такая либеральная мѣра будетъ принята съ восторгомъ всею Европой. Правда, это была бы жертва со стороны Россіи, по обыкновеннымъ государственнымъ разчетамъ; но если императоръ русскій не готовъ къ такой жертвѣ по отношенію къ собственной имперіи, то онъ не имѣетъ никакого нравственнаго права дѣлать подобные опыты насчетъ своихъ союзниковъ и сосѣдей. Русскій императоръ не можетъ надѣяться, чтобъ уполномоченные Австріи и Пруссіи, по собственному побужденію, предъ глазами Европы, предложили покинутіе своихъ военныхъ границъ какъ мѣру благоразумную и почетную. Уполномоченные Великобританіи, Франціи, Испаніи и вѣроятно другихъ государствъ, большихъ и малыхъ, имѣютъ одинаковый взглядъ насчетъ этого проекта. Въ какомъ же печальномъ положеніи очутится Европа, если его император-

ское величество не захочетъ отказаться отъ своего проекта и рѣшился овладѣть герцогствомъ Варшавскимъ противъ общаго мнѣнія?

Письмо и меморандумъ Касльри, быть-можетъ безъ яснаго сознанія автора, имѣли способность произвести сильное раздраженіе. Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ (30-го октября) императоръ Александръ естественно обратился къ исчисленію заслугъ Англіи въ пользу расширенія русскихъ предѣловъ, и возстановилъ настоящее значеніе этихъ заслугъ: „Мы приступаемъ къ разсужденію о будущемъ, и для этого естественно объясниться насчетъ прошедшаго. Всѣ пріобрѣтенія, мною сдѣланныя, имѣютъ только оборонительное значеніе. Еслибы во время борьбы на жизнь и на смерть, какую я велъ въ сердцѣ моихъ владѣній, я не былъ спокоенъ со стороны Турокъ, то могъ ли бы я употребить для продолженія войны всѣ великія средства, которыя я ей посвятилъ, и Европа была ли бы освобождена? Вы говорите, что Англія согласилась на присоединеніе Норвегіи къ Швеціи только для того чтобъ обезпечить меня насчетъ обладанія Финляндіею. Что касается до меня, то я отправлялся отъ принципа болѣе великодушнаго: уговаривая Англію гарантировать Швеціи обладаніе Норвегіей, я хотѣлъ присоединить Швецію къ нашему союзу. Я не могъ потерять изъ виду великія морскія выгоды, которыя Норвегія доставляла Швеціи противъ меня. Впрочемъ моя столица становилась неприступною, а Швеціи, болѣе сосредоточенной, нечего было больше бояться. Такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ выигрывали относительно безопасности, и всѣ причины распрей и опасеній были отстранены. Если уже тутъ не соблюдены правила равновѣсія, то не знаю гдѣ ихъ больше послѣ того искать. Вы видите, милордъ, что я очень хорошо понимаю настоящій смыслъ, въ которомъ вы привели нѣсколько дѣйствій вашей политики, и я вовсе не намѣренъ уменьшать достоинство этихъ дѣйствій. Безъ сомнѣнія, отъ исхода настоящаго конгресса зависитъ будущая судьба европейскихъ государствъ, и всѣ мои старанія, всѣ мои пожертвованія имѣютъ ту цѣль, чтобы члены нашего союза пріобрѣли размѣры способные поддержать общее равновѣсіе. Я не понимаю, какимъ образомъ, при такихъ принципахъ, конгрессъ можетъ сдѣлаться сценою интригъ, вражды и беззаконныхъ усилій для пріобрѣтенія могущества. Пусть цѣлый

міръ, который видѣлъ мои принципы, со времени перехода черезъ Вислу до перехода черезъ Сену, рѣшитъ, можетъ ли желаніе пріобрѣсти лишній милліонъ душъ или упрочить за собою какой-нибудь перевѣсъ одушевлять меня и руководить моими поступками? Чистота моихъ намѣреній дастъ мнѣ силу; если я стою за порядокъ вещей, который я хотѣлъ бы установить въ Польшѣ, такъ это вслѣдствіе убѣжденія, что его установленіе послужитъ къ общей пользѣ. Такая нравственная политика, какой бы оттѣнокъ вы ей ни давали, быть-можетъ найдетъ цѣнителей у народовъ, которымъ нравится все что безкорыстно и благодушно."

Къ письму было присоединенъ меморандумъ написанный Чарторыйскимъ: здѣсь объяснялось, что договоры 1813 года насчетъ герцогства Варшавскаго въ настоящее время не могутъ имѣть никакого значенія, ибо они состоялись въ то время, когда Австрія и Пруссія не могли имѣть въ виду огромныхъ владѣній, какія достаются имъ теперь; при этихъ условіяхъ и Россія получаетъ право требовать бо́льшія вознагражденія. Въ первомъ договорѣ 1813 г. говорится о раздѣлѣ герцогства Варшавскаго между тремя союзными державами, а во второмъ уже говорится только о полюбовномъ распоряженіи ихъ насчетъ будущей судьбы герцогства. Условія послѣдняго договора выполнены. Пруссія получила Данцигъ съ округомъ, Австрія Галицію, соляныя копи Велички, предмѣстье и уѣздъ Краковскій. Страна, которую получитъ Пруссія для связи между своими древними провинціями, одна изъ самыхъ населенныхъ и самыхъ богатыхъ въ герцогствѣ, самая цивилизованная, самая цвѣтущая земледѣліемъ и промыслами, наполненная мануфактурами, которыхъ нѣтъ въ остальныхъ частяхъ. Выходитъ, что Австрія возвращаетъ себѣ, кромѣ трехъ милліоновъ гульденовъ чистаго дохода, участокъ богатый каменно-угольными копями и сѣрою, уѣздъ, безъ котораго Краковъ не значитъ ничего; слѣдовательно Россія отказывается въ герцогствѣ отъ четвертой доли народонаселенія и отъ третьей доли богатствъ и доходовъ, пріобрѣтаетъ такимъ образомъ 2.200.000 душъ и около 8 милліоновъ гульденовъ дохода. Можно ли послѣ этого еще болѣе ограничивать русскій участокъ? Можно ли это пріобрѣтеніе назвать громаднымъ, какъ оно величается въ англійскомъ меморандумѣ? Можетъ ли онъ быть названъ значительнымъ и равнымъ въ сравненіи съ участками

Австріи и Пруссіи, расположенными въ странахъ наиболѣе облагодѣтельствованныхъ природой, обильныхъ источниками промышленности и богатства? Если къ этому авторъ меморандума прибавитъ картину внутренняго состоянія герцогства, раззореннаго войною, голодомъ, заразительными болѣзнями, выселеніями, то что̀ останется отъ его горячихъ выходокъ противъ громадности этого пріобрѣтенія? Напрасно авторъ меморандума вопіетъ, что съ присоединеніемъ герцогства къ Россіи страшная опасность станетъ грозить беззащитнымъ столицамъ Австріи и Пруссіи. Достаточно бросить взглядъ на карту для убѣжденія, что эти опасности существуютъ только въ воображеніи. Защита естественная находится на сторонѣ Австріи, искусственная посредствомъ крѣпостей на сторонѣ Пруссіи, а герцогство, выдающееся между этими двумя государствами, всегда можетъ быть схвачено ихъ арміями. Національность, которая должна быть возвращена Полякамъ, не представляетъ никакой опасности; напротивъ здѣсь будетъ вѣрное средство утишить безпокойство, въ которомъ упрекаютъ Поляковъ, и примирить всѣ интересы. Императоръ носитъ въ себѣ это убѣжденіе; время и событія докажутъ, что оно основательно.

То обстоятельство, что меморандумъ былъ написанъ Чарторыйскимъ, внушило Касльри мысль, что онъ можетъ безцеремонно отвѣчать на него, не нарушая уваженія къ особѣ императора. Отвѣтному меморандуму (отъ 4 ноября) Касльри представилъ извинительное письмо къ императору: „Я нахожу большое облегченіе въ мысли, что меморандумъ, съ которымъ имѣю дѣло, не выражаетъ собственныхъ идей Вашего Императорскаго Величества. Мои замѣчанія написаны съ полною свободой спора, съ цѣлію представить предъ вашимъ трибуналомъ, государь, начала, въ которыхъ я несогласенъ съ авторомъ меморандума.“ Касльри утверждаетъ, что договоры 1813 года, Рейхенбахскій и Теплицкій, сохраняютъ всю свою силу: развѣ императоръ австрійскій согласился, въ силу расширенія своихъ владѣній въ Италіи, отказаться отъ права, даннаго ему Рейхенбахскимъ договоромъ, отъ права быть защищеннымъ со стороны Польши? Развѣ различныя государства, принявшія участіе въ Парижскомъ мирѣ, назначая По границею Австріи въ Италіи, думали, что они этимъ самымъ уничтожаютъ военную границу между Россіей и Австріей со стороны Польши? Касльри настаиваетъ, что нель-

зя ничего доказывать на основаніи характера императора: каковы бы ни были добродѣтели государя, не на личной довѣренности, не на жизни одного человѣка должны основываться свобода и безопасность государствъ. Потомъ Кассльри указываетъ на ложныя показанія, которыя позволилъ себѣ Чарторыйскій: число жителей Варшавскаго герцогства уменьшено болѣе чѣмъ на милліонъ, доходъ ея соляныхъ копей для Австріи вмѣсто 300.000 показанъ въ 3 милліона: „Мы бы не кончили, говоритъ Кассльри, еслибы захотѣли означить всѣ неточности, которыхъ множество на каждой страницѣ меморандума.“ Въ заключеніе Кассльри сильно упрекаетъ Чарторыйскаго за выставленный въ меморандумѣ принципъ, что военныя издержки могутъ быть вознаграждаемы земельными пріобрѣтеніями: великія военныя державы, восторжествовавшія въ борьбѣ, должны вспомнить, что онѣ боролись за собственную свободу и свободу Европы, а не для расширенія своихъ владѣній.

21 ноября Кассльри получилъ отвѣтный русскій меморандумъ (написанный Каподистріею). Обращаясь къ договорамъ 1813 года, меморандумъ говоритъ, что исторія дипломатіи представляетъ нѣсколько примѣромъ, когда одна изъ договаривавшихся сторонъ не считала болѣе обязательными для себя договоровъ по причинѣ совершенной перемѣны обстоятельствъ. Сама Англія, основываясь на этомъ принципѣ, не сочла себя обязанною исполнять Аміенскій договоръ. Неизмѣнное правило справедливости требуетъ, чтобы выгоды, пріобрѣтаемыя каждымъ изъ союзниковъ при торжествѣ общаго дѣла, были пропорціональны его усиліямъ и величинѣ пожертвованій. Необходимость политическаго равновѣсія предписываетъ, съ своей стороны, давать каждому государству силу, способную содержать гарантію политическихъ интересовъ въ собственныхъ средствахъ, какія она имѣетъ, для того чтобы заставить уважать ихъ. Сообразуясь неизмѣнно съ этими двумя принципами, императоръ рѣшился вести войну, въ началѣ одинъ, и продолжать ее посредствомъ коалиціи до тѣхъ поръ пока общее умиротвореніе Европы могло опереться на прочныя несокрушимыя основанія независимости народовъ и священныя права націй. Когда Одеръ былъ перейденъ, Россія сражалась только за своихъ союзниковъ, для увеличенія могущества Пруссіи и Австріи, для освобожденія Германіи, для спасенія Франціи отъ бѣшенствъ деспотизма. Если-

бы императоръ основалъ свою политику на разчетахъ частнаго интереса, то заключилъ бы миръ съ Франціею въ то время, когда армія Наполеона, собранная на иждивеніи цѣлой Европы, нашла себѣ могилу въ Россіи. Но императоръ воспользовался великодушнымъ порывомъ своего народа, чтобы сражаться за дѣло, съ которымъ связаны судьбы всего человѣчества. Россія давно могла бы дать силу своимъ правамъ надъ страною, завоеванною ея оружіемъ безъ всякаго посторонняго содѣйствія; но она постоянно удерживалась отъ всякаго произвольнаго поступка и отсрочила проектъ законнаго увеличенія своихъ владѣній до того времени, когда всѣ европейскія государства, получившія полную независимость, придутъ разсуждать о своихъ интересахъ и способствовать соглашенію интересовъ союзниковъ. Это время наступило, и союзники, получившіе значительное приращеніе своего могущества, не въ правѣ оспаривать у Россіи того что̀ она требуетъ не въ видахъ усиленія своихъ средствъ, но для равновѣсія Европы. Могущество Великобританіи обхватываетъ весь земной шаръ: она господствуетъ на океанѣ, распространяется на всѣхъ морскихъ берегахъ, властвуетъ въ Индіи, предписываетъ законы американскому континенту, разрабатываетъ неистощимый рудникъ Леванта, держитъ въ своихъ рукахъ ключи Средиземнаго моря; нѣтъ соперниковъ ея могуществу морскому и торговому, а ея отношенія къ Голландіи и возвращеніе курфиршества Ганноверскаго даютъ ей прямое и сильное вліяніе на дѣла континента. Австрія распространяетъ свой скипетръ и свое вліяніе на лучшую половину Германіи, покрытой развалинами своихъ древнихъ учрежденій; она обладаетъ прекрасными областями Италіи, которыя были покорены соединенными усиліями великаго союза подъ самыми стѣнами Парижа; она присоединила къ своимъ обширнымъ владѣніямъ провинціи Иллирійскія, которыя доставляютъ ей господство на Адріатическомъ морѣ и обезпечиваютъ первенствующее вліяніе въ Европейской Турціи; по своему настоящему положенію въ Италіи она способна предписывать законы королевствамъ Неаполитанскому и Сардинскому, могущественно вліять на Швейцарію и охранять противъ Франціи границу альпійскую. Пруссія беретъ на себя сѣверную часть великаго наслѣдства Германской имперіи и упрочиваетъ свою власть на

Вислѣ, Эльбѣ и Рейнѣ. Германія получаетъ политическую крѣпость, какой прежде никогда не имѣла. Франція, обрѣзанная вслѣдствіе крайностей колоссальнаго честолюбія, безъ флота и торговли, можетъ надѣяться только на мудрость своего правительства. Пиринейскій полуостровъ, истощенный и занятый гибельною борьбой съ собственными колоніями, не представляетъ никакой точки опоры. Остается Россія. Что̀ это за увеличенія ея владѣній, которыя грозятъ спокойствію Европы? Неужели пріобрѣтеніе Финляндіи и Бессарабіи можетъ подать поводъ къ такимъ опасеніямъ? Нельзя ли спросить наоборотъ: неужели Германія или Италія могутъ обезпечить Россію противъ враждебныхъ замысловъ какой-нибудь державы, которая захочетъ воспользоваться своими новыми выгодами? Россія можетъ ли льстить себя совершенною безопасностію внутри, если не получитъ хорошей военной границы, и особенно если покинетъ жителей герцогства Варшавскаго на жертву отчаянію и прельщенію съ разныхъ сторонъ? Для Россіи предметъ первой важности—положить конецъ всѣмъ безпокойствамъ Поляковъ. Затушенныя теперь, эти безпокойства вспыхнутъ когда-нибудь подъ иностраннымъ вліяніемъ, и эта вспышка взволнуетъ необходимо Россію и весь сѣверъ.

Этому второму меморандуму предпослано было письмо императора Александра къ Касльри въ нѣсколькихъ строкахъ, гдѣ императоръ выражаетъ надежду, что частная корреспонденція этимъ и окончится, и проситъ лорда на будущее время представлять свои бумаги обыкновеннымъ порядкомъ.

Безполезная полемика кончилась; дѣла пошли обыкновеннымъ порядкомъ. Касльри настаивалъ, какъ мы видѣли, что договоры 1813 года имѣютъ силу потому самому, что другіе союзники не могутъ желать уничтоженія ихъ обязательной силы. Въ подтвержденіе этого, 2-го ноября, Меттернихъ, по приказанію своего государя, обратился къ прусскому канцлеру Гарденбергу со слѣдующею нотой: „Прусскому министерству не безызвѣстно, сколько виды русскаго двора относительно герцогства Варшавскаго,—виды, совершенно противные смыслу трактатовъ, заключенныхъ союзными государями противъ Франціи,—воспрепятствовали соглашенію государствъ между собою относительно своихъ интересовъ и ходу конгресса. Его Императорское Величество (австрійское) сочтетъ неисполненіемъ своихъ обя-

занностей относительно счастія и спокойствія своихъ народовъ, если не будетъ настаивать самымъ рѣшительнымъ образомъ на исполненіи трактатовъ, которые должны обезпечить, какъ Австріи, такъ и Пруссіи, военную границу, необходимую для безопасности и спокойствія обѣихъ монархій. Его Императорское Величество обращается къ Его Величеству Прусскому съ просьбою напомнить Его Величеству императору всероссійскому объ ихъ общихъ правахъ." Къ нотѣ былъ присоединенъ меморандумъ насчетъ устройства будущей судьбы герцогства Варшавскаго: 1) Одушевляемая принципами самыми либеральными и наиболѣе соотвѣтствующими установленію системы европейскаго равновѣсія, противодѣйствуя съ 1772 года всѣмъ проектамъ раздѣла Польши, * Австрія готова согласиться на возстановленіе этого королевства, свободнаго и независимаго отъ всякаго иностраннаго вліянія, въ границахъ до перваго раздѣла. 2) Допуская что мало вѣроятности въ принятіи подобнаго проекта Русскимъ дворомъ, Австрія согласна на возстановленіе свободной и независимой Польши въ предѣлахъ 1791 года. 3) Если императоръ русскій не приметъ и этого предложенія, Австрія готова согласиться на расширеніе русскихъ границъ до праваго берега Вислы; Россія удержитъ Варшаву съ уѣздомъ, Пруссія—Торнъ, Висла должна остаться свободною для владѣльцевъ обоихъ береговъ. 4) Австрія, постоянно далекая отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла своихъ сосѣдей, предоставитъ императору всероссійскому попеченіе дать своимъ польскимъ провинціямъ такую форму управленія, какую онъ сочтетъ полезною и приличною. Австрія будетъ согласна и на то, чтобъ императоръ всероссійскій назвалъ свои новыя владѣнія, порознь или вмѣстѣ съ старыми польскими провинціями, королевствомъ Польскимъ сѣвернымъ или восточнымъ; но въ такомъ случаѣ Его Императорское Величество (австрійское) предоставляетъ себѣ право соединить свои польскія провинціи подъ названіемъ королевства Польскаго южнаго; такое же право должно быть предоставлено и Его Величеству Прусскому.

Гарденбергъ поспѣшилъ исполнить желаніе Вѣнскаго двора, имѣлъ съ императоромъ Александромъ длинный разговоръ,

---

* Подробности этого противодѣйствія см. въ нашей *Исторіи паденія Польши.*

который описалъ въ секретномъ меморандумѣ лорду Касльри (отъ 7 ноября): „Длинный разговоръ, который я, въ присутствіи короля, имѣлъ съ русскимъ императоромъ, не привелъ ни къ чему. Его Императорское Величество продолжалъ жаловаться на упорство, съ какимъ противятся его намѣреніямъ, тогда какъ великія услуги, которыя онъ оказалъ общему дѣлу, дали Австріи, Пруссіи и другимъ государямъ не только возможность войдти въ прежніе предѣлы, но и увеличить свои владѣнія. Считая себя въ правѣ требовать того же и для себя, императоръ ограничился такою мѣрой, которая обезпечиваетъ спокойствіе Европы, успокоивая окончательно націю недовольную и волнующуюся, поставляя ее подъ управленіе кабинета, который сумѣетъ ее сдержать; союзники, вмѣсто того чтобы считать эту мѣру опасною, должны, напротивъ, поддерживать ее, тѣмъ болѣе что императоръ готовъ дать всевозможныя гарантіи: онъ присоединитъ къ новому королевству всѣ русскія провинціи, бывшія прежде польскими, дастъ конституцію, которая отдѣлитъ его отъ Россіи, выведетъ изъ него всѣ русскія войска. На мои представленія о наступательной линіи, которую дастъ Польшѣ обладаніе Торномъ, Калишемъ, Ченстоховомъ и Краковомъ, императоръ объявилъ, что онъ готовъ обязаться никогда не укрѣплять Кракова. Я кончилъ разговоръ сильными настаиваніями, чтобъ императоръ согласился на какую-нибудь сдѣлку, причемъ я прибавилъ, что, по моему мнѣнію, ему уступятъ относительно политическаго вопроса, если онъ что-нибудь уступитъ относительно границъ. По вѣрнымъ извѣстіямъ, даже и князь Чарторыйскій хлопочетъ теперь, чтобъ императоръ уладился насчетъ границъ. По моему мнѣнію, надобно употребить всѣ усилія, чтобы достигнуть въ этомъ отношеніи приличнаго соглашенія. Чѣмъ болѣе я объ этомъ думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что мы должны уступить насчетъ политическаго вопроса, потому что я здѣсь вижу гораздо бо́льшія выгоды, чѣмъ опасности для спокойствія Европы вообще, и для сосѣдей Россіи въ особенности. *Сила Россіи скорѣе ослабѣетъ, чѣмъ увеличится отъ этого новаго Польскаго королевства, подъ скипетромъ одного съ нею государя находящагося.* Собственная Россія потеряетъ области очень значительныя и плодоносныя. Соединенныя съ герцогствомъ Варшавскимъ, онѣ получатъ конституцію совершенно отличную и гораздо бо-

лѣе либеральную чѣмъ конституція Имперіи. *Поляки будутъ пользоваться привилегіями, какихъ нѣтъ у Русскихъ. Скоро духъ двухъ націй станетъ въ совершенной оппозиціи;* зависть между ними помѣшаетъ единству, родятся всякаго рода затрудненія, *императоръ русскій и вмѣстѣ король польскій будетъ гораздо менѣе страшенъ, чѣмъ государь имперіи Россійской,* присоединяющей къ Россіи бо́льшую часть Польши, которую у него не оспариваютъ какъ провинцію. Я вовсе не боюсь, чтобы польскіе подданные Австріи и Пруссіи, стремясь соединиться съ своими соотечественниками, производили бы смуты. Управленіе мудрое и отеческое легко устранитъ опасенія подобнаго рода. Однимъ словомъ, въ моемъ умѣ образовалось самое глубокое убѣжденіе, что *препятствуя императору возстановлять королевство Польское подъ своимъ скипетромъ, мы работаемъ противъ нашего собственнаго интереса.* Признаюсь также, что, размышляя объ устроеніи трехъ польскихъ королевствъ, я тутъ вижу большія неудобства безъ всякой существенной выгоды. Развѣ этимъ мы не будемъ питать стремленія къ соединенію, чего такъ боимся? Притомъ же прусская доля особенно, каковы бы ни были уступки, которыя удастся получить отъ императора Александра, будетъ всегда такъ незначительна, что не сто́итъ давать ей титулъ королевства. Такъ рѣшимъ безъ дальнѣйшихъ проволочекъ объявить императору, что, отказываясь отъ секретнаго параграфа договора $^{15}/_{29}$ января 1797 года, мы согласимся на возстановленіе королевства Польскаго, отдѣльнаго отъ имперіи Россійской, къ которому онъ присоединитъ всѣ русскія провинціи, прежде бывшія польскими, и дастъ особенную конституцію, если только онъ согласится на такое земельное распредѣленіе, которое насъ удовлетворитъ, и если онъ намъ гарантируетъ наши польскія владѣнія. Насчетъ этихъ владѣній я останусь при прежнихъ требованіяхъ; Австрія уже нѣсколько разъ заявляла, что она удовольствуется Краковомъ съ страною до рѣки Ниды и округомъ Замойскимъ; Пруссія требовала Торна и линію Варты. Требовать теперь линію Вислы и на лѣвомъ берегу уступать только Варшаву съ уѣздомъ, значитъ еще болѣе раздражать и удаляться отъ нашей цѣли.“

Мнѣніе Гарденберга было принято; основаніе соглашеній, которыя онъ былъ уполномоченъ сдѣлать императору Але-

ксандру, были слѣдующія: Пруссія получаетъ Торнъ и линію Варты, Австрія—уѣздъ Замойскій и Краковъ, и границею здѣсь будетъ рѣка Нида. Если императоръ приметъ эти условія, то Австрія и Пруссія готовы согласиться на его политическіе виды относительно Польши съ гарантіями, которыя будутъ опредѣлены съ общаго согласія. Контръ-проектъ, сообщенный съ русской стороны, предлагалъ Торнъ и Краковъ сдѣлать вольными городами и пограничную линію провести между Краковомъ и Сендомиромъ черезъ Калишъ на западѣ и Вислу на югѣ; но такъ какъ эту линію представляютъ опасною для союзниковъ, то императоръ соглашался отнять у нея этотъ характеръ съ условіемъ sine qua non, чтобы Саксонія вся была присоединена къ Пруссіи, а Маинцъ сдѣланъ былъ имперскою крѣпостью. Но тутъ Меттернихъ объявляетъ Гарденбергу, что Пруссія должна ограничить свои требованія относительно Саксоніи, и Касльри становится на сторону Австріи. Дѣло объясняется тѣмъ, что второстепенныя державы Германіи, особенно Баварія, съ ожесточеніемъ возстали противъ плана присоединенія Саксоніи къ Пруссіи и, разумѣется, нашли точку опоры въ Талейранѣ. Меттернихъ, который прежде не имѣлъ духа прямо противиться требованіямъ Пруссіи и обѣщалъ Гарденбергу свое согласіе на присоединеніе цѣлой Саксоніи, теперь, найдя сильную поддержку, выступаетъ прямо противъ такого присоединенія: „Австрія, говоритъ онъ, становится въ челѣ державъ, которыя противятся присоединенію Саксоніи къ Пруссіи; Австрія дѣлаетъ это прежде всего для того, чтобы не уступить этой роли Франціи.“ Касльри же сталъ уклоняться отъ своего прежняго намѣренія, потому что король саксонскій нашелъ сильныхъ приверженцевъ въ Англіи, и самъ принцъ-регентъ былъ за него.

Въ прусскомъ лагерѣ забили сильную тревогу. 16-го декабря Гарденбергъ подалъ императору Александру ноту: „Объявленіе князя Меттерниха, писалъ Гарденбергъ, діаметрально противоположно всѣмъ объясненіямъ, письменнымъ и словеснымъ, которыя до сихъ поръ происходили между кабинетами Прусскимъ и Австрійскимъ, особенно письму князя Меттерниха, отъ 22-го октября, въ которомъ Австрія соглашается, подъ извѣстными условіями, на всецѣлое присоединеніе Саксоніи къ Пруссіи, и письму, отъ того же числа, къ лорду Касльри, содержащему объявленія совершенно въ

томъ же смыслѣ. Самыя сильныя причины противятся раздробленію Саксоніи: народное благо и народное желаніе, громко заявляющее себя каждый день, слово, данное Его Величествомъ императоромъ всероссійскимъ, интересъ Пруссіи, интересъ, наконецъ, Европы. Пруссія должна быть сильна для поддержанія равновѣсія и спокойствія Европы; она должна быть устроена такъ, чтобы могла защищаться; ее нельзя заставлять стремиться къ дальнѣйшему распространенію своихъ предѣловъ для пріобрѣтенія средствъ, необходимыхъ для ея защиты. Его Величество король докажетъ свои права предъ союзниками, но особенно онъ полагается на дружбу Его Величества императора всероссійскаго, которой слѣдствія онъ уже часто испытывалъ."

Саксонскій вопросъ сталъ на первый планъ и возбудилъ страшное ожесточеніе. Представители второстепенныхъ германскихъ державъ толковали о войнѣ, которая должна окончиться паденіемъ Пруссіи. Пруссія не переставала требовать всей Саксоніи, и, въ свою очередь, грозила войной. Талейранъ умѣлъ воспользоваться обстоятельствами, и по его мысли, 3-го января 1815 года, былъ заключенъ секретно оборонительный союзъ между Австріею, Англіею и Франціею, которыя „сочли необходимымъ, какъ сказано въ договорѣ, по причинѣ претензій недавно обнаруженныхъ, искать средствъ къ отраженію всякаго нападенія на свои владѣнія." Договаривающіяся стороны обязываются: если вслѣдствіе предложеній, которыя онѣ будутъ дѣлать и поддерживать вмѣстѣ, владѣнія одной изъ нихъ подвергнутся нападенію, то всѣ три державы будутъ считать себя подвергнувшимися нападенію и станутъ защищаться сообща; каждая держава выставляетъ для этого 150.000 войска, которое выступаетъ въ походъ не позднѣе шести недѣль по востребованію; Англія имѣетъ право при этомъ выставить наемное иностранное войско или платить по 20 фунтовъ стерлинговъ за каждаго пѣхотнаго солдата и по 30 за кавалериста; договаривающіяся державы могутъ приглашать другія государства присоединиться къ договору, — и приглашаютъ къ тому немедленно королей баварскаго, ганноверскаго и нидерландскаго.

Талейранъ былъ въ восторгѣ; онъ далъ знать Лудовику XVIII, что разорвалъ коалицію и далъ Франціи такую систему союзовъ, какую едва ли могли бы приготовить пятьдесятъ лѣтъ переговоровъ. Утверждая, что Россія и Пруссія не

рѣшатся на войну, Талейранъ требовалъ, однако, у своего правительства на всякій случай, чтобы присланъ былъ къ нему генералъ Рикаръ, отлично знавшій Польшу, и убѣдилъ новыхъ союзниковъ, въ случаѣ надобности, пригласить и Порту къ нападенію на Россію. Баварія съ Гессенъ-Дармштадтомъ, Ганноверъ и Нидерланды приступили къ союзу. Но война не открылась. Больше всѣхъ боялся ея Касльри, боялся онъ дать Франціи возможность поправить свое положеніе и предъявить новыя требованія, боялся ввести французскія войска туда, откуда съ такими усиліями ихъ вытѣснили; отвѣтственный министръ боялся больше всего расположенія умовъ въ Англіи, зналъ, что тамъ ждутъ отъ конгресса полнаго умиротворенія, а не войны, зналъ, что война въ союзѣ съ Франціею должна быть менѣе всего популярна въ Англіи, особенно война противъ Пруссіи. На третій день по заключеніи договора, Касльри, въ разговорѣ съ императоромъ Александромъ, уже старался убѣдить его, что если отдать Пруссіи всю Саксонію, то саксонскаго короля придется перемѣстить на лѣвый берегъ Рейна, гдѣ онъ непремѣнно будетъ союзникомъ Франціи; надобно оставить часть Саксоніи старому королю, и все бы легко уладилось, еслибъ императоръ согласился уступить еще кой-что въ Польшѣ. Императоръ отвѣчалъ, что польское дѣло кончено; что же касается Саксоніи, то онъ согласится на раздѣленіе, если прусскій король объявитъ себя удовлетвореннымъ, въ противномъ случаѣ нѣтъ. Вѣсти, получаемыя изъ Франціи о затрудненіяхъ тамошняго правительства, изъ Италіи о народномъ здѣсь неудовольствіи на Австрію, должны были еще болѣе убѣдить Касльри и Меттерниха въ необходимости покончить конгрессъ мирнымъ образомъ, дать Пруссіи значичительную часть Саксоніи, а за остальную вознаградить въ другихъ мѣстахъ. Пруссія пошла на эту сдѣлку; самъ императоръ Александръ совѣтовалъ Гарденбергу согласиться напередъ съ лордомъ Касльри насчетъ плана раздѣла, прежде нежели начнутся разсужденія объ этомъ въ конференціяхъ. Дѣла останавливались за тѣмъ, что Пруссіи не хотѣлось отказаться отъ Лейпцига, который вмѣстѣ съ Дрезденомъ хотѣли возвратить старому королю: императоръ Александръ предложилъ Пруссіи въ замѣнъ Лейпцига Торнъ, отказываясь отъ прежняго намѣренія сдѣлать его вольнымъ городомъ. Такимъ образомъ устранены были всѣ препятствія,

и два важнѣйшіе вопроса, польскій и саксонскій, грозившіе повести ко всеобщей войнѣ, были порѣшены.

Но кто же при этомъ рѣшеніи имѣлъ право быть довольнѣе всѣхъ? Перечтемъ инструкціи Талейрана и получимъ отвѣтъ. Блистательная дипломатическая кампанія была совершена французскимъ уполномоченнымъ. Наполеону какъ-будто стало завидно, и онъ поспѣшилъ прекратить торжество своего стараго министра и непримиримаго врага. Наполеонъ ушелъ съ Эльбы и явился во Францію.

С. СОЛОВЬЕВЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ

Ф. Ф. ВИГЕЛЯ.*

V.

Мнѣ, право, совѣстно, что въ послѣднихъ трехъ главахъ сряду говорилъ я все о себѣ и о приключавшемся со мною. Какъ быть! предыдущіе годы были гораздо обильнѣе предметами, болѣе чѣмъ я достойными вниманія читателей моихъ. Во всей Европѣ, какъ и въ Россіи, въ наступившіе годы было или казалось все тихо; у насъ это было дѣйствіемъ успокоенія умовъ, въ другихъ земляхъ слѣдствіемъ усталости. Самъ императоръ Александръ какъ будто отказался отъ прежней дѣятельности въ отношеніи къ внутреннимъ преобразованіямъ по гражданской части. Но по военной возникли новыя учрежденія....

Неизвѣстно, Аракчеевъ подалъ ли государю мысль о военныхъ поселеніяхъ, или, усвоивъ ее себѣ, сдѣлался ревностнымъ ея исполнителемъ и черезъ то болѣе чѣмъ когда нужнымъ царю? Въ древности Римляне на берегахъ Рейна и въ Панноніи заводили вооруженныя колоніи, дабы защитить имперію отъ варварскихъ вторженій. Нынѣ въ Венгріи, вдоль по Дунаю, подъ именемъ военной границы поселены

* См. *Русск. Вѣстн.* 1864 г. №№: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 11, и 1865 г. № 1.

храбрые сербскіе полки. Во дни порабощенія Россіи, ея безсилія и неустройствъ, на южныхъ предѣлахъ ея, безъ ея участія и вѣдома, сама собою встала живая стѣна, составленная изъ ратниковъ, которые удальствомъ своимъ долго изумляли окрестные края. То что мудрость человѣческая сдѣлала для охраненія Рима и не спасла его, Провидѣнію угодно было то сотворить для насъ. Отъ обоихъ береговъ Днѣпра, отъ пороговъ его, и вдоль по тихому Дону, перстомъ Всевышняго проведена была блестящая черта; она должна была какъ межа означить будущія владѣнія возвеличенной имъ Россіи. Когда же онѣ достигли до этой грани, то черта сама собою, естественнымъ образомъ, стала передвигаться и тянуться на нескончаемое пространство. Мы находимъ ее на берегахъ Кубани и Терека, Урала и Иртыша и, наконецъ, ее видѣли на Амурѣ, до втока его въ Тихое море. Запасъ самимъ небомъ для насъ приготовленный, за который мы не можемъ достаточно возблагодарить его,—казачье войско сберегло намъ половину Украйны, помогло взять обратно другую и теперь въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ стоитъ вездѣ на стражѣ, какъ передовые ведеты силъ русскихъ. Его заслуги неисчислимы.

Ничего съ нимъ общаго не могло имѣть аракчеевское созданіе. Для чего внутри государства нужны военныя поселенія, и отъ какихъ внутреннихъ враговъ могутъ они защитить его? вотъ вопросы, которые многіе дѣлали другъ другу. Надобно полагать, что государь во время послѣдняго пребыванія своего за границей, убѣдясь въ непокорномъ расположеніи западныхъ народовъ къ правительствамъ своимъ, и предвидя въ будущемъ новыя тамъ безпокойства, нашелъ необходимымъ для обузданія ихъ сохранить многочисленную армію, которая нужна ему была во время общей войны. Онъ думалъ о средствахъ сдѣлать сіе безъ обремененія государства, и несчастная мысль о военныхъ поселеніяхъ представилась ему. Вѣроятно, онъ открылся въ ней Аракчееву, который, бывъ избранъ главнымъ орудіемъ въ этомъ важномъ предпріятіи, не посмѣлъ, или, скорѣе думать надобно, не захотѣлъ ее оспаривать. Сначала, приступая къ дѣлу медленно, государь, какъ видно, имѣлъ намѣреніе колонизировать всю армію, которая, такимъ образомъ утроенная, сама бы себя содержала. Первый опытъ сдѣланъ надъ казенными у помѣщиковъ на сей предметъ скупленными крестьянами въ селеніяхъ Новгородской губерніи, находящихся по близости къ

владѣніямъ графа Аракчеева. Заведенный имъ въ достопамятномъ съ той поры селѣ его Грузинѣ ужасный порядокъ, превращающій людей въ безчувственныя машины, сталъ распространяться на несчастныхъ хлѣбопашцевъ, въ окрестности живущихъ, и на воиновъ, посреди ихъ селимыхъ. Въ слѣдующихъ годахъ по этому образцу заведены военныя поселенія въ Бѣлоруссіи, потомъ на Бугѣ и наконецъ въ Харьковской губерніи, въ Чугуевѣ. Кажется, что будущая дешевизна содержанія войскъ въ настоящемъ обходилась чрезмѣрно дорого и была раззорительна для казны. Сіе самое остановило распространеніе зла, коего несчастныя послѣдствія были бы неисчислимы.

Примѣръ казаковъ безъ всякаго пособія, безъ всякаго надзора образовавшихся, первоначально долженъ былъ породить мысль о семъ чудовищномъ учрежденіи. Искусство въ этомъ случаѣ, подражая природѣ, думало превзойдти ее. Произведеніе ея, совокупно съ обстоятельствами,—казаки были какая-то особая стихія, въ составъ коей вошли всѣ другія. У нихъ все было свободно какъ степной воздухъ, коимъ они дышали, въ сердцахъ и взорахъ ихъ не угасалъ огонь отваги, движенія ихъ были быстры какъ теченіе рѣкъ, по коимъ они селились, и между тѣмъ какъ земля ихъ, покорная законамъ той же природы, и они непринужденно повиновались властямъ надъ ними поставленнымъ. А тутъ бѣдные поселенцы осуждены были на вѣчную каторгу. Два состоянія между собою различныя впряжены были подъ однимъ ярмомъ: хлѣбопашца приневолили взяться за ружье, а воина за соху. Русскій человѣкъ, трудолюбивый и безпечный вмѣстѣ, послѣ работы вмѣсто отдыха любитъ погулять на свободѣ. Что за дѣло, если изба его не слишкомъ чиста, лишь бы, по пословицѣ, она красна была пирогами. Отъ всего несчастные должны были отказаться: все было на нѣмецкій, на прусскій манеръ, все было счетомъ, все на вѣсъ, на мѣру. Измученный полевою работой, военный поселянинъ долженъ былъ вытягиваться во фронтъ и маршировать; а возвратясь домой, онъ не могъ находить успокоенія, его заставляли мыть и чистить избу свою и мести улицу. Онъ долженъ былъ объявлять о каждомъ яйцѣ, которое принесетъ его курица. Женщины не смѣли родить дома, и чувствуя приближеніе родовъ, онѣ должны были являться въ штабъ.

Жестокости Аракчеева не всѣмъ Русскимъ могли быть

понятны: его безсердіе было чисто-нѣмецкое. Онъ любилъ ломать безсильныя препятствія, неволить человѣческую натуру и все подводить подъ одинъ уровень. Всѣ выше мною означенныя подробности принадлежатъ ему исключительно, про многія изъ нихъ не вѣдалъ Царь. Терпѣніе, коимъ одарены Русскіе у военныхъ поселянъ иногда лопалось: бывали сильныя возмущенія, за которыми слѣдовали кровавыя усмиренія ихъ.

Между происшествіями, въ мирное время, важное мѣсто занимаетъ всякая перемѣна министра, и я долгомъ считаю ихъ означить здѣсь.

Предсѣдателя государственнаго совѣта, фельдмаршала князя Салтыкова, несмотря на неудовольствіе, которое имѣли на него, не хотѣли тревожить, не трогали его съ мѣста, со дня на день все ожидая, что какъ ватхое зданіе онъ самъ собою разрушится: дѣйствительно, онъ не заставилъ долго ожидать кончины своей. На его мѣсто, въ концѣ 1816 года, назначенъ свѣтлѣйшій князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ, умный человѣкъ, опытный и свѣдущій въ дѣлахъ, бывшій генералъ-губернаторомъ, генералъ-прокуроромъ и министромъ юстиціи, но состарѣвшійся и слабѣющій. Такой именно предсѣдатель и нуженъ былъ Аракчееву, который одинъ тогда входилъ съ докладами къ Александру, по совѣту и по комитету министровъ, и который во всѣ остальные годы его царствованія могъ почитаться первымъ министромъ.

Въ необычайное время, когда сношенія русскаго правительства съ иностранными державами превратились болѣе въ личные переговоры императора съ европейскими государями, нѣкоторымъ образомъ долженъ былъ измѣниться существовавшій по сей части порядокъ. Управленіе коллегіей иностранныхъ дѣлъ какъ будто отдѣлилось отъ чисто-дипломатической части, и пока старшій чиновникъ первой, Дивовъ, управлялъ ею, два статсъ-секретаря подъ личнымъ наблюденіемъ Александра въ Вѣнѣ и Парижѣ занимались послѣднею.

Я почти мимоходомъ упомянулъ о министрѣ Нессельроде: здѣсь кажется мѣсто сказать о немъ подробнѣе. Есть люди весьма обыкновенные, коихъ имя случай дѣлаетъ всемірно извѣстнымъ, примѣшивая его ко всѣмъ важнымъ событіямъ исторіи ихъ времени.

Одинъ изъ членовъ младшей линіи, на берегахъ Рейна, знаменитѣйшаго дома Нессельроде Эресговенъ, графъ Виль-

гельмъ, вступилъ въ русскую службу при Екатеринѣ. Образованность и любезность его доставили ему много успѣховъ при ея дворѣ, и онъ отправленъ былъ ею чрезвычайнымъ посланникомъ въ Лиссабонѣ. Не извѣстно, нужда ли, бѣдность, или любовь заставили его вступить въ бракъ съ дочерью франкфуртскаго банкира, еврея Гонтара. Только надобно полагать, что въ Россіи былъ онъ уже женатъ, ибо во время морскаго путешествія на англійскомъ кораблѣ, почти въ виду лиссабонскаго рейда, родился будущій министръ, Карлъ Васильевичъ, сынъ его.

Въ изъявленіе особеннаго благоволенія своего къ отцу, Екатерина новорожденнаго сына его пожаловала прямо мичманомъ. Какъ бы изъ волнъ морскихъ возникшій маленькій Тритонъ, Нессельроде, еще въ пеленкахъ, посвященъ былъ бурной стихіи, среди коей родился. Павелъ Первый былъ еще милостивѣе къ этому семейству, и почти малолѣтнаго мичмана взялъ къ себѣ флигель-адъютантомъ и перевелъ поручикомъ въ конную гвардію. Но скоро въ юношѣ оказалось совершенное отсутствіе воинственныхъ доблестей, какъ сухопутныхъ такъ и морскихъ; его произвели въ дѣйствительные каммергеры, то-есть въ четвертый классъ. Тутъ начинается темная эпоха его жизни; объ немъ ничего не было слышно, какъ вдругъ послѣ Тильзитскаго мира является онъ совѣтникомъ посольства въ Парижѣ. Пробывъ тамъ не болѣе трехъ лѣтъ, предпочелъ онъ находиться въ канцеляріи графа Румянцева. Изъ разныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для хорошаго дипломата, не забылъ онъ усовершенствовать себя и по части познаній въ поваренномъ искусствѣ: познаніями въ семъ искусствѣ доходилъ онъ до изящества. Это сблизило его съ первымъ гастрономомъ въ Петербургѣ, министромъ финансовъ Гурьевымъ, на дочери котораго онъ и женился.

Зачѣмъ вскорѣ послѣ свадьбы онъ отправился въ армію къ Барклаю? На этотъ вопросъ буду отвѣчать какъ Малороссіяне: „не скажу“, то-есть не знаю: вѣроятно по тѣмъ же предчувствіямъ, которыя влекли его въ Петербургъ. Въ предыдущей части я уже разказалъ какъ сама судьба всунула его въ руку побѣдоноснаго Александра, и какъ пригодился онъ ему въ Парижѣ, гдѣ передъ этимъ провелъ онъ нѣсколько лѣтъ. Утверждаютъ, что по возвращеніи своемъ оттуда въ 1814 году, государь сказалъ Румянцеву: „Вы отка-

зались отъ службы, я не хотѣлъ вамъ дать преемника, самъ поступилъ на ваше мѣсто, а по дорогамъ беру съ собою только писца."

Въ толпѣ уполномоченныхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ писецъ игралъ невидную роль. Нельзя было государю того не замѣтить, и онъ избралъ ему сотрудника, который превосходствомъ своимъ долженъ былъ въ тѣни оставить Нессельроде; но по странному стеченію благопріятныхъ для него обстоятельствъ и сей соперникъ былъ для него не опасенъ. По окончаніи послѣдней войны съ Наполеономъ, Нессельроде назначенъ управляющимъ коллегіей иностранныхъ дѣлъ, какъ будто на мѣсто чиновника ея Дивова; заграничная же часть осталась въ рукахъ графа Каподистрія.

Этого человѣка лично я не зналъ, никогда его даже не видывалъ; не со многими онъ былъ коротко знакомъ, но отъ сихъ немногихъ много я объ немъ наслышанъ. Боюсь какъ бы не соврать говоря о столь важномъ историческомъ лицѣ, но и умолчать о немъ не могу.

Послѣ паденія Венеціянской республики, принадлежавшіе ей Іоническіе острова поступили если не въ подданство, то подъ непосредственное покровительство Россіи, что̀ одно и то же. Слава этого полезнаго пріобрѣтенія принадлежитъ Павлу Первому. Но мои современники столь же равнодушно посмотрѣли на сіе достославное происшествіе его царствованія какъ и на уступку владычества надъ сими островами Франціи, сдѣланную сыномъ его при заключеніи Тильзитскаго мира: мнѣ не случалось слышать чтобы кто-нибудь пожалѣлъ о томъ. Мы еще были весьма не сильны въ исторіи и въ дѣлахъ внѣшней политики. Когда Англія, которая вскорѣ потомъ присвоила себѣ Іоническіе острова, съ тѣмъ чтобы никогда не возвращать намъ ихъ, — когда Англія, говорю я, хорошенько проучитъ насъ, тогда мы будемъ умнѣе и лучше будемъ понимать наши выгоды.

Извѣстно, что венеціянскіе нобили отвергали всякія титла, (каждый изъ нихъ почиталъ себя частицею догатства или герцогства Венеціянскаго), и что они щедро раздавали графское достоинство подданнымъ республики, живущимъ вдоль Адріатическаго моря. * Уроженецъ изъ Корфу, неимущій

* Мнѣ въ Петербургѣ давалъ уроки италіянскаго языка нѣкто Варука, который, вмѣсто того чтобы хвастать своимъ графскимъ

графъ Іоаннъ Каподистрія (у насъ Иванъ Антоновичъ) въ Болонскомъ университетѣ, говорятъ, сперва учился медицинѣ и едва ли не получилъ докторскаго диплома. Ему бы стоило отправиться въ Турцію и практиковать тамъ, чтобы нажить великое богатство, но онъ не имѣлъ склонности къ сему, впрочемъ, столь почтенному и полезному дѣлу. Высокій умъ соединялся въ немъ съ благородствомъ чувствъ и безпримѣрнымъ безкорыстіемъ: онъ казался выходцемъ изъ древней Греціи и современникомъ Аристида. Кажется, въ это время отечество его, освободясь отъ черстваго ига все болѣе ниспадающей республики, познало надъ собой покровительственную власть великой имперіи. Въ это время, всѣ восточные христіане, еще не обманутые въ своихъ надеждахъ, видѣли въ Россіи будущую свою спасительницу, а во всѣхъ Русскихъ милыхъ сердцу братій, которымъ одна необходимость препятствуетъ только летѣть къ нимъ на помощь. Каподистрія вступилъ въ русскую службу, не покидая Корфу.

Ни италіянское, ни французское, ни англійское владычество не приходилось по сердцу жителямъ Кефалоніи, Корфу и Занте, кореннымъ Грекамъ. Имъ гораздо радостнѣе было съ сѣверными единовѣрцами своими, которые принесли имъ съ собою жизнь и упованіе. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ они, такъ же какъ и Каподистрія, подъ патронатствомъ Россіи, видѣли въ себѣ починъ, зародышъ новой Греціи. Англія, которая, какъ жадный Ахеронъ, никогда изъ рукъ не выпускаетъ добычи своей, истребила въ нихъ всю надежду. Дабы увидѣть, по крайней мѣрѣ, тѣнь ея на берегахъ Невы, Каподистрія переселился въ Петербургъ. Онъ не показывался въ большихъ обществахъ, за то въ маломъ кругу, который посѣщалъ, возбуждалъ онъ энтузіазмъ. Онъ былъ еще молодъ; не столько красивыя и правильныя черты, сколько благородство ихъ выраженія дѣлали его примѣчательнымъ; высокая наука не пугала въ немъ, а нравилась. Канцлеръ Румянцевъ умѣлъ оцѣнить его достоинства и старался о скорѣйшемъ его повышеніи. Въ это время сблизился онъ съ семействомъ молдавскаго боляра Стурдзы, коего жена была Гречанка, а дѣти обоего пола имѣли столь много разнообраз-

титуломъ, совѣстился признаваться въ неоспоримыхъ правахъ, которыя на него имѣлъ, и сердился когда ему о томъ напоминали.

ныхъ познаній, что могли составить изъ себя семейную академію.

Тутъ прерываются свѣдѣнія мои о немъ: гдѣ былъ онъ употребленъ потомъ за границей, какія оказалъ услуги Россіи, мнѣ невѣдомо; знаю только, что въ концѣ 1813 года былъ онъ посланникомъ нашимъ въ Швейцаріи. При императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ находилась тогда за границею любимая фрейлина ея Александра Скарлатовна Стурдза, одна изъ умнѣйшихъ и любезнѣйшихъ женщинъ, которыхъ я знавалъ. Съ воображеніемъ пламеннымъ, она имѣла великую наклонность къ мистицизму, и это сблизило ее въ Вѣнѣ съ самимъ Александромъ. По связямъ ея семейства съ Каподистріа, она втайнѣ прочила его себѣ мужемъ и рѣшилась говорить о немъ государю, который дотолѣ вовсе его не зналъ. По ея совѣту, для испытанія вызвалъ онъ его на конгрессъ, и оставилъ потомъ при себѣ вторымъ статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ.

Тогда же назначенъ онъ былъ бы министромъ, но къ сожалѣнію онъ не зналъ русскаго языка и, какъ выше я сказалъ, долженъ былъ съ Нессельроде раздѣлять управленіе сею частью. Они оба ходили вмѣстѣ съ докладомъ къ государю. Безпрестанно сличая сихъ людей между собою, императоръ Александръ невольнымъ образомъ одному изъ нихъ оказывалъ явное предпочтеніе.

По военному министерству, коего настоящею главой продолжалъ быть начальникъ штаба князь Волконскій, послѣдовала небольшая перемѣна. Военный министръ графъ Коновницынъ умеръ, и на его мѣсто назначенъ инспекторъ всей артиллеріи, баронъ Петръ Ивановичъ Меллеръ-Закомельской, который вѣрно былъ добрый человѣкъ, ибо его никто не бранилъ.

Въ то же время министерство народнаго просвѣщенія наскучило богатому и гордому графу Разумовскому, который давно уже вздыхалъ о московскомъ дворцѣ своемъ и о подмосковномъ замкѣ и сталъ проситься въ отставку. Кого было дать ему преемникомъ? Свобода и христіанство были паролемъ и лозунгомъ того времени: одна должна была умѣряться другимъ. Дабы дать юношеству нѣкоторымъ образомъ духовное образованіе, избранъ былъ любимецъ государевъ, главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ

исповѣданій, князь Александръ Николаевичъ, который влѣзъ тогда по уши въ мистицизмъ.

Малое министерство, коимъ онъ управлялъ, оставлено ему было въ приданое и въ соединеніи съ большимъ составило министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, раздѣленное на два департамента. Директоромъ перваго назначенъ уже управлявшій сею частью Александръ Тургеневъ. Въ этомъ департаментѣ положено быть четыремъ отдѣленіямъ: 1-е для дѣлъ православныхъ, 2-е для римско-католическихъ, 3-е для протестантскихъ и 4-е для магометанскихъ и еврейскихъ. Итакъ, Голицыну съ Тургеневымъ удалось господствующую вѣру сравнять не только съ другими терпимыми, но даже съ нехристіанскими: на негодованіе, на ропотъ нашего духовенства не обратили вниманія. До полученія званія министра, Голицынъ продолжалъ сохранять должность оберъ-прокурора святѣйшаго синода; тутъ на свое мѣсто избралъ онъ князя Петра Сергѣевича Мещерскаго, нѣкоторымъ образомъ подчинивъ его департаменту духовныхъ дѣлъ. Должности у насъ такимъ образомъ часто подвергаются возвышенію и пониженію курса.

Въ департаментѣ народнаго просвѣщенія сдѣланъ былъ директоромъ Василій Михайловичъ Поповъ, кроткій изувѣръ, смирный, простой человѣкъ, котораго однакожъ именемъ вѣры можно было подвигнуть на злодѣянія. Забавно подумать (если можно только назвать сіе забавнымъ) что оба директора чуждались ввѣренныхъ имъ частей: Тургеневъ весь занятъ былъ обществомъ и происками, а Поповъ помышлялъ единственно о дѣлахъ религіозныхъ. Онъ былъ орудіемъ „Библейскаго Общества,“ усердствуя соединенію вѣръ, о чемъ непрестанно молится наша церковь, сдѣлался скорѣе вмѣстѣ съ министромъ своимъ гонителемъ ихъ и покровителемъ всѣхъ сектъ. Размноженіе ихъ послѣдователей, во время управленія Голицына, было неимовѣрное.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, примѣру Разумовскаго послѣдовалъ другой украинецъ, Трощинскій: онъ былъ правъ. Въ первые полт ра года царствованія Александра, по гражданской части былъ онъ ближайшимъ къ нему человѣкомъ. Въ 1806 году вышелъ онъ въ отставку а въ 1814 опять вступилъ министромъ юстиціи. Но съ 1812 года, исключая двухъ или трехъ, министры никогда не видѣли царя; всѣ доклады ихъ шли черезъ Аракчеева. Никакая награда, никакое от-

личіе не ознаменовали тогда вниманія государя къ Трощинскому; онъ былъ старъ и богатъ, и можно сказать, бросилъ службу. Кому было поступить на его мѣсто если не человѣку, для котораго суетливость и нѣкоторый кредитъ при дворѣ были необходимостью. Старикъ, который никогда не бывалъ въ гражданской службѣ, во время послѣдней всеобщей войны занимавшійся только формированіемъ полковъ и послѣ того остававшійся безъ дѣла, Димитрій Ивановичъ Лобановъ, князь Тильзитскаго мира, по рекомендаціи Аракчеева назначенъ былъ министромъ юстиціи.

Въ эти годы одному удачному выбору, сдѣланному государемъ, съ радостію рукоплескали обѣ столицы, дворяне и войска. Нужно было въ примиренную съ нами Персію отправить посла, поручивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ главное управленіе въ Грузіи. Избранный по сему случаю представитель Россіи, однимъ видомъ, однимъ орлинымъ взглядомъ своимъ могъ уже дать высокое о ней понятіе, а простымъ обращеніемъ, вмѣстѣ со страхомъ, между Персіянами поселить къ ней довѣренность. Умъ и храбрость, добродушіе и твердость, высокія дарованія правителя и полководца, а паче всего неистощимая любовь къ отечеству, къ отечественному и къ соотечественникамъ, все это встрѣтилось въ одномъ Ермоловѣ. Говоря о семъ истинно-русскомъ человѣкѣ, нельзя не употребить простаго русскаго выраженія, онъ на все былъ гораздъ. При штурмѣ Праги мальчикомъ схватилъ онъ Георгіевскій крестъ, при Павлѣ не служилъ, а потомъ вездѣ гдѣ только Русскіе сражались съ Наполеономъ, вездѣ войска его громилъ онъ своими пушками. Его появленіемъ вдругъ озарился весь Закавказскій край, и десять лѣтъ сряду его одно только имя горѣло и гремѣло на цѣломъ Востокѣ. Его наружность и превосходныя качества изображать здѣсь не буду, въ надеждѣ сдѣлать сіе когда буду описывать время, въ которое осчастливенъ былъ его личнымъ знакомствомъ.

Желая что-нибудь предоставить Нессельроде, Каподистрія не хотѣлъ входить ни въ какія распоряженія при отправленіи посольства въ Персію. Имя Ермолова было весьма привлекательно, но онъ объявилъ, что возьметъ съ собою только тѣхъ дипломатовъ, которыхъ ему дадутъ, не участвуя въ ихъ выборѣ. Дашковъ пожелалъ быть совѣтникомъ этого посольства, и Нессельроде далъ было слово назначить его на сіе мѣсто; но потомъ началъ дѣлать затрудненія, представилъ къ

утвержденію совѣтникомъ одного г. Соколова, а ему велѣлъ сказать не хочетъ ли онъ быть секретаремъ посольства, зная что тотъ откажется. Черезъ полтора года графъ Каподистрія самъ предложилъ ему въ качествѣ совѣтника отправиться въ Константинополь.

Въ первый разъ послѣ пожара, осенью 1816 года, государь посѣтилъ Москву, которая изъ развалинъ начинала подыматься. Онъ оказалъ себя въ ней чрезвычайно милостивымъ и щедрымъ. Одинъ указъ имъ подписанный тамъ всѣхъ крайне удивилъ. Въ немъ было сказано, что по дошедшимъ невыгоднымъ слухамъ о Сперанскомъ и Магницкомъ, они были удалены отъ должностей, но дабы дать имъ возможность оправдать себя, назначаются они первый гражданскимъ губернаторомъ въ Пензу, а послѣдній вице-губернаторомъ въ Симбирскъ. Они были не только отставлены, они были сосланы, слѣдовательно наказаны: за что̀ же? неужели по однимъ только подозрѣніямъ? это походило на право выслуги дарованное разжалованнымъ. Вмѣсто того чтобъ объясниться, это дѣло стало еще темнѣе.

О Сперанскомъ совсѣмъ почти забыли, а когда вспомнили, то уже начали жалѣть о немъ. Не знаю, назвать ли это добродушіемъ Русскихъ или слабодушіемъ ихъ? Онъ два года прожилъ въ Перми, никѣмъ почти не посѣщаемый; но человѣкъ съ высокими думами уединеніе всегда предпочтетъ обществу необразованныхъ людей. Въ бездѣйствіи, въ уныніи, онъ обратился, говорятъ, къ Богу, къ подателю всѣхъ утѣшеній и занялся переводомъ *Подражанія Іисусу Христу* Ѳомы Кемпійскаго. Я стараюсь увѣрить себя, что тутъ не было лицемѣрія, желанія сблизиться вновь съ набожнымъ императоромъ. Онъ не нажилъ богатства; все имущество его состояло въ небольшой деревнѣ близь Новгорода, въ которую, по ходатайству сосѣда Аракчеева, дозволено ему было переселиться. Оттуда, вѣроятно, пошли переговоры: изо всѣхъ отдаленныхъ губерній мысль о Пензѣ его менѣе пугала; она находилась внѣ большихъ путевыхъ сообщеній; ея уединеніе, здоровый воздухъ ему нравились; тамъ же находилось преданное ему семейство Столыпиныхъ.

Вспоминая прошедшее, мнѣ какъ будто не вѣрилось. По извѣстіямъ изъ Пензы Сперанскій полюбился тамъ своею кроткою и умѣренною обходительностію. Управленіе ладьею послѣ стопушечнаго корабля не могло казаться важнымъ

опытному моряку: оттого-то онъ мало входилъ въ дѣла, подобно предмѣстникамъ своимъ предоставляя большую власть Арфалову, въ которомъ помѣщики начинали уже видѣть неизбѣжную судьбину. Губернаторское мѣсто почиталъ Сперанскій почетною для себя ссылкой.

Возвращаясь къ Пензѣ, мнѣ самому передъ собой дѣлается совѣстно, ибо давно не говоря ни слова о моемъ семействѣ, я какъ будто совсѣмъ его забылъ. Въ это спокойное время никакихъ большихъ перемѣнъ въ немъ не послѣдовало, исключая одной, о которой буду говорить ниже. Братъ и вторая сестра моя съ мужемъ продолжали за границей пользоваться огромнымъ содержаніемъ, жили тамъ припѣваючи, свободно разъѣжали изъ Мобёжа и Ретеля въ Парижъ и Брюссель, однимъ словомъ, катались по Франціи какъ сыръ въ маслѣ. Все болѣе старѣющая мать моя терпѣливѣе переносила вѣчную разлуку съ единственнымъ другомъ сердца своего. Старшая сестра моя, Елизавета, находясь при ней неотлучно, одна заботилась объ ея успокоеніи. Ей перешло гораздо за сорокъ лѣтъ и она имѣла уже всѣ маленькія слабости старыхъ дѣвокъ, между коими маленькое тщеславіе занимало не последнее мѣсто. На публичныхъ балахъ, Сперанскій всегда открывалъ ихъ съ нею польскимъ, а у себя водилъ къ столу, какъ старшую въ чинѣ по матери. Это дѣлало ее совершенно счастливою, и она осталась понынѣ самою сильною защитницей незабвеннаго Михаила Михайловича.

Меньшая сестра моя, Александра, Москву и Петербургъ видѣла только мелькомъ и всю жизнь провела въ провинціи: въ ней было нѣсколько странностей, но и въ нихъ не было ничего столичнаго. Ей уже исполнилось двадцать пять лѣтъ, и я полагалъ, что ее ожидаетъ одинаковая участь съ старшею сестрой, однакожь она умѣла сыскать себѣ жениха въ Пензѣ.

Отъ времени до времени, не на показъ впрочемъ читателямъ, все вытаскиваю я пензенскихъ дворянъ и все не могу кончить,потому что я дѣлаю сіе только въ случаѣ крайней необходимости. Я не говорилъ еще о семействѣ Ю—хъ, состоящемъ изъ матери-вдовы, трехъ замужнихъ дочерей и трехъ сыновей. Старшій, Степанъ Ивановичъ, былъ женатъ, второй, Дмитрій, былъ сумашедшій и третій, Петръ, еще чрезвычайно молодъ. У нихъ, вмѣстѣ у матери съ дѣтьми, было болѣе полуторы тысячъ душъ въ Саратовской губер-

ніи, гдѣ лѣтомъ жили они въ родовомъ селеніи Юматовкѣ, а на зиму пріѣзжали въ Пензу. Анна Дмитріевна Ю—ва была предобрѣйшая женщина, за то уже черезчуръ проста. Разъ случилось, что одинъ учитель изъ гимназіи, желая похвастаться ученостію, разказывалъ при ней какъ городъ Помпею завалило пепломъ изъ Везувія, и она нѣсколько ночей потомъ не могла заснуть въ безпокойствѣ, чтобы подобная бѣда не случилась съ Пензой. Никакого воспитанія дѣтямъ она не дала и не могла дать; только меньшой, семнадцатилѣтній мальчикъ, съ ополченіемъ ходилъ на войну, былъ въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ и Гамбургѣ, и между военными за границей немного понатерся. Возвратясь изъ похода, онъ сдѣлался первымъ пензенскимъ танцовщикомъ и франтомъ. Онъ какъ-то полюбился сестрѣ моей и предложилъ ей руку. Мать моя не хотѣла согласиться по многимъ причинамъ, тѣмъ болѣе что женихъ былъ четырьмя годами моложе невѣсты и имѣлъ только чинъ коллежскаго секретаря, а чинъ въ это время былъ еще преважное дѣло. У насъ пошла о томъ переписка, и я старался склонить мою мать на согласіе, представляя ей, что для дѣвицы, начинающей перезрѣвать, хорошій дворянинъ, добрый человѣкъ, имѣющій пять сотъ душъ, можетъ почитаться находкой. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1816 года совершился сей бракъ.

VI.

Лѣто тысяча восемьсотъ семнадцатаго года ознаменовано было у насъ однимъ событіемъ, которое всѣ почитали тогда весьма обыкновеннымъ, но которое имѣло важныя послѣдствія для Россіи.

Въ началѣ 1814 года молоденькій великій князь Николай Павловичъ, съ меньшимъ братомъ проѣзжая черезъ Берлинъ, во время отсутствія короля, во дворцѣ его былъ угощаемъ его семействомъ. Тутъ первый разъ въ жизни влюбился онъ въ старшую дочь его и умѣлъ понравиться сей только изъ ребячества выходившей принцессѣ Шарлоттѣ. Дѣтская любовь сія не потухла, а скоро превратилась въ серіозную, въ настоящую. Дружественныя связи императора съ королемъ, брачный союзъ между ихъ семействами дѣлали возможнымъ, и въ 1816 году всѣ говорили о немъ какъ о дѣлѣ положенномъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ пріѣхала невѣста въ сопровожденіи брата своего, принца Вильгельма: 25 числа въ день рожденія жениха было обрученіе, мѵропомазаніе ея и нарѣченіе Александрой Θеодоровной, а 1 іюля, въ день ея рожденія, была свадьба.

Вскорѣ послѣ увеселеній по случаю сего брака, одинъ изъ общихъ друзей нашихъ, Жуковскій, опредѣленъ былъ преподавателемъ русскаго языка къ молодой великой княгинѣ. На сіе мѣсто императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, и безъ того милостиво къ нему расположенной, рекомендованъ былъ онъ Карамзинымъ, который, съ семействомъ совсѣмъ переселясь въ Петербургъ, начиналъ уже имѣть великій вѣсъ у государя и у его матери. Жуковскій понравился новобрачной четѣ и сдѣлался близкимъ къ ней человѣкомъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, государь со всѣмъ семействомъ и со всѣмъ дворомъ своимъ на цѣлую зиму поѣхалъ въ Москву, дабы болѣе поднять послѣ раззоренія оживающую столицу. Жуковскій, невзначай придворный человѣкъ, отправился туда же, и съ его отъѣздомъ навсегда прекратились собранія Арзамаса.

Въ Москвѣ всю зиму веселились и пировали, въ Петербургѣ тоже не скучали, а для меня эта зима была совсѣмъ не забавна. Первый разъ въ жизни посѣтила меня серіозная хроническая болѣзнь. Я почувствовалъ жестокую, мучительную боль въ лѣвой ногѣ; днемъ она утихала, а ночью будила и съ крикомъ заставляла покидать ложе. Насчетъ сей болѣзни врачи были не согласны: одни въ ломотѣ видѣли сильный ревматизмъ, другіе полагали, что боль происходитъ отъ прилива къ одному мѣсту дурныхъ соковъ, которыхъ, право, кажется, во мнѣ не было. Но всѣ, не исключая Эллизина, находили, что зимой дѣлать нечего, и что я терпѣливо долженъ дожидаться весны, теплаго времени. Нѣкоторые посылали меня за Рейнъ въ Висбаденъ, утверждая, что тамъ только могу получить я исцѣленіе. Мысль о путешествіи за границу никогда не приходила мнѣ въ голову; для такого предпріятія гдѣ взялъ бы я денегъ? Тутъ все само собою такъ устроилось, что путешествіе сіе сдѣлалось для меня возможнымъ и пріятнымъ.

Постоянно всю зиму государь не оставался въ Москвѣ; на нѣкоторое время отлучался въ Варшаву и на нѣсколько дней въ январѣ пріѣзжалъ и въ Петербургъ. Его присутстві-

емъ воспользовался исполненный тогда ко мнѣ нѣжности Бетанкуръ, чтобъ испросить мнѣ полугодовой отпускъ съ сохраненіемъ жалованья, да сверхъ того съ пожалованіемъ единовременно, въ видѣ вспомоществованія, годоваго моего оклада. Государь велѣлъ сдѣлать представленіе черезъ комитетъ министровъ и въ мартѣ мѣсяцѣ утвердилъ его. Съ другой стороны, мать моя, узнавъ о тягостномъ положеніи моемъ, лишила себя четырехъ тысячь рублей ассигнаціями, изъ числа сбереженныхъ ею денегъ, и ими снабдила меня на дорогу. Но все это было бы недостаточно, чтобы совершенно обезпечить меня на время сего дальняго (потогдашнему) путешествія, еслибъ одинъ счастливый случай не пришелъ мнѣ на помощь.

Изъ всѣхъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Полетикѣ и Блудову болѣе всѣхъ Каподистрія оказывалъ пріязнь и уваженіе; послѣдняго даже называлъ перломъ русскихъ дипломатовъ. Первый зимою изъ Лондона былъ имъ вызванъ въ Москву и, по его представленію, назначенъ тамъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Сѣверо-Американскихъ Штатахъ; Блудовъ же, также призванный въ Москву, на его мѣсто опредѣленъ совѣтникомъ посольства въ Лондонъ. Семейство его въ эти годы нѣсколько умножилось; при малолѣтныхъ дѣтяхъ нужны были няньки, кормилицы, что вмѣстѣ съ прислугой заставляло его взять лишній экипажъ. А какъ мнѣ купить таковый было не подъ силу, и я страшился ѣзды въ дилижансахъ, мнѣ незнакомыхъ, а онъ отправлялся не моремъ, а черезъ Германію и Францію, то и предложилъ онъ мнѣ одно мѣсто въ своемъ, съ тѣмъ чтобы счетъ издержкамъ на одну мою персону свести по окончаніи сей совмѣстной поѣздки. Сколь ни выгодно было для меня предложеніе сіе, я не отъ всякаго бы принялъ его. Вышло на повѣрку, что дѣло обошлось для меня еще дешевле чѣмъ я ожидалъ, ибо когда пришлось мнѣ, окончивъ путь, разставаться съ Блудовымъ, онъ объявилъ мнѣ, что счеты потеряны, и что не стоитъ спорить о такой бездѣлкѣ: какъ быть, вся деликатность поступка осталась на его сторонѣ. Однимъ словомъ, я прокатился даромъ.

VII.

Еще въ концѣ марта уступилъ я даровую, казенную квартиру мою помощнику моему Нодену. За высокую для него цѣну, съ семействомъ, жилъ онъ дотолѣ въ наемной. Итакъ, слава Богу, при этомъ случаѣ удалось и мнѣ кому-нибудь сдѣлать одолженіе. Я переселился къ Блудову въ тотъ самый верхній этажъ купленнаго имъ потомъ каменнаго дома на Невскомъ проспектѣ, гдѣ за одинадцать лѣтъ передъ тѣмъ жилъ я такъ печально съ сестрой своею Алексѣевой. Вскорѣ пріѣхалъ изъ Москвы и Петръ Ивановичъ Полетика, и пользуясь также гостепріимствомъ хозяина моего, поселился со мной рядомъ. У всѣхъ у насъ апрѣль прошелъ въ сборахъ къ отъѣзду.

Наконецъ, 27-го числа началось второе мое, большое и любопытное путешествіе. Такъ же какъ и при описаніи перваго буду я говорить единственно о тѣхъ предметахъ, которые занимали *меня*, которые возбуждали во *мнѣ* вниманіе. Нынѣ размножилась порода туристовъ; изъ самыхъ отдаленныхъ степныхъ губерній нашихъ, провинціалки такъ и валятъ въ чужія края, и поѣздка за границу сдѣлалась столь обыкновеннымъ дѣломъ, скажу даже столь пошлымъ, что бывало въ старину поѣздка изъ Москвы къ Троицѣ или въ Ростовъ почиталась гораздо важнѣе. Слѣдственно соотечественникамъ разказывать подробно о томъ что̀ они всѣ видѣли, а потомству о томъ что̀ оно, вѣроятно, увидитъ, почитаю занятіемъ совсѣмъ излишнимъ.

Въ день выѣзда нашего погода была самая благопріятная, и я довольно радостно отправился въ путь. Такъ стояла она и слѣдующіе дни; несмотря на то множество затрудненій и непріятностей мы должны были сначала встрѣтить. Отобѣдавъ въ Петербургѣ, до Стрѣльны по гладкой дорогѣ доѣхали мы довольно шибко; на дворѣ было уже не рано, мы перемѣнили лошадей и намѣрены были ѣхать часть ночи. Шести верстъ не доѣзжая до станціи Кипени, подлѣ Ропши, подымаясь на небольшую гору, нашли мы ужасные сугробы снѣга, которые не успѣли еще стаять. Въ это время совершенно смерклось. Нельзя себѣ представить мучительнѣй ѣз-

ды въ лѣтнемъ экипажѣ по глубокому полурастаявшему снѣгу, въ которомъ каждое колесо пробиваетъ новую колею. Положеніе бѣдной Анны Андреевны было ужасное: она сидѣла съ малыми дѣтьми и женщинами въ большой, тяжелой, четвероместной каретѣ и каждую минуту видѣла опасность быть опрокинутою и расшибиться вмѣстѣ съ ними. Съ мужемъ ея слѣдовали мы въ открытой коляскѣ и также не весьма веселымъ образомъ качались со стороны на сторону; пѣшкомъ идти было тоже невозможно, ибо на каждомъ шагу надобно было проваливаться. Не менѣе трехъ часовъ подвергнуты мы были этой пыткѣ, и шагъ за шагомъ, уже за полночь узрѣли мы, какъ обѣтованную землю, красивый, чистый и хорошо прибранный станціонный домъ Кипени.

Мы спокойно переночевали и думали, что тутъ конецъ страданіямъ нашимъ. На слѣдующее утро, яркое солнце освѣтило передъ нами ужасную картину: на необозримомъ пространствѣ глубокій снѣгъ покрывалъ землю и ослѣпительно отражалъ лучи его. Намъ объявили, что придется намъ, по крайней мѣрѣ, семьдесять верстъ бороться съ нимъ. Для Блудова съ семействомъ сыскали пару саней, женщины помѣстились въ коляскѣ, а я поселился одинъ въ опустѣвшей каретѣ и ѣхалъ въ ней какъ въ ладьѣ по бурнымъ волнамъ. Такимъ образомъ во все утро проѣхали мы одну станцію и въ обѣденное время, достигнувъ Каскова, расположились въ немъ немного отдохнуть. По глупой моей тогда привычкѣ, французить и каламбурить, назвалъ я эту станцію cassecou; Блудовъ былъ въ дурномъ расположеніи духа и наморщился. Однакоже, чтобы не захватить ночи, должны мы были отправиться далѣе. Непонятно откуда взялось такое великое количество снѣга; вѣроятно зимой со всей Россіи нанесло его на сей несчастный пунктъ. А воздухъ, между тѣмъ, былъ чистъ и усладителенъ; смѣшеніе солнечнаго жара со студеными испареніями земли производило пріятную прохладу. Выѣхавшій черезъ недѣлю послѣ насъ изъ Петербурга и обогнавшій насъ въ Пруссіи, Полетика сказывалъ, что на этомъ пути не встрѣтилъ и слѣдовъ снѣга. Послѣ обѣда съ трудомъ могли мы сдѣлать еще одну станцію до Чирковицъ. Тутъ при въѣздѣ въ селеніе, не избѣгнулъ я цѣлый день грозящей мнѣ судьбины: карета упала на бокъ; какіе-то ларчики, дѣтскія игрушки полетѣли у меня мимо лица, мимо глазъ ничего не повредивъ, и вся бѣда кончилась для меня неболь-

шимъ испугомъ и великимъ затрудненіемъ вылезти изъ опрокинутой кареты. Я вхожу въ подробное описаніе непріятностей этого путешествія, потому что я испыталъ ихъ одинъ разъ, а другому можетъ-быть никогда не удастся.

На другой день, 29-го числа, отдохнувъ, отправились мы далѣе. Мы повстрѣчались съ однимъ весьма малоизвѣстнымъ, хотя и превосходительнымъ дипломатомъ, Крейдеманомъ, который возвращался изъ-за границы и проваливаясь шелъ пѣшкомъ за своей коляской. Съ трудомъ могли мы разъѣхаться и помѣняться извѣстіями о дорогѣ. Онъ обрадовалъ насъ, сказавъ что въ двухъ или трехъ верстахъ не найдемъ мы болѣе снѣгу, а мы принуждены были объявить ему, что онъ только вступаетъ въ снѣжную пустыню. И дѣйствительно, скоро стали показываться большіе потоки воды, потомъ грязь, а подъѣзжая къ Ополью, нашли совсѣмъ сухую дорогу. Берегъ! берегъ! и на немъ въ умноженіе удовольствія нашего встрѣтила насъ веселая услужливая Нѣмка-трактирщица, которая славно насъ накормила и дешево взяла за обѣдъ. Не замѣшкавшись пустились мы впередъ; въ Ямбургѣ только что перемѣнили лошадей и оттуда какъ бы мигомъ прискакали въ Нарву. Дорога, кажется, была мнѣ знакомая, въ третій разъ проѣзжалъ я тутъ, но ничего не узнавалъ на ней кромѣ красивыхъ почтовыхъ домовъ. Почувствовавъ необычайную усталость, особенно женскій полъ между нами, рѣшились мы остатокъ дня провести въ Нарвѣ, и изъ этого города для меня было настоящее начало нашего путешествія.

Мы выѣхали въ Эстляндію, печальную страну, гдѣ родился отецъ мой, гдѣ природа и люди равно жестоки къ населяющей ее несчастной Чуди, гдѣ послѣдніе завоеватели не могутъ или не хотятъ защитить жителей отъ угнетеній прежнихъ завоевателей. Вмѣсто селеній вездѣ разбросанныя мызы, вездѣ бѣдность, неопрятность и недовольныя лица; койгдѣ покажется кирхшпиль, деревянная кирка съ пасторатскимъ строеніемъ. Въ замѣнъ врожденной смѣлости, природнаго смысла и тѣлесныхъ силъ, коими Богъ одарилъ русскихъ сосѣдей ихъ, бѣднымъ Чухонцамъ послалъ онъ христіанскую вѣру, которая, и въ обнаженномъ лютеранами видѣ своемъ, служитъ имъ утѣшеніемъ и даетъ надежду на лучшій міръ, гдѣ будутъ они равны немилосердымъ баронамъ своимъ. Они всѣ грамотные, не такъ какъ наши пра-

вославные мужички, которые знаютъ одни лишь церковные обряды и ихъ только исполняютъ. Что бы ни говорили, а эдакъ мнѣ кажется лучше. Со сжатымъ трудами и, по лѣниво обращающейся крови, тупымъ воображеніемъ Маймистовъ, они не умствуютъ: но у насъ, съ распространеніемъ грамотности, или родится безвѣріе, безнравственность, или размножатся расколы. Нужно только улучшить состояніе священниковъ и быть строже, осмотрительнѣе въ ихъ выборѣ, дабы гласъ Божій изъ устъ сихъ пастырей внятно гремѣлъ между нашими бойкими баранами и велъ ихъ къ благой цѣли. Вотъ меня куда занесло.

Съ дамами и дѣтьми ѣхать скоро невозможно. Проѣхавъ Вайвару, Іеве, мѣста мнѣ знакомыя и на дѣлѣ и по слуху, сдѣлавъ не болѣе семидесяти верстъ, остановились мы ночевать въ Клейнъ-Пунгернѣ. На другой день, 1-го мая, подлѣ станціи Ненналь увидѣлъ я въ первый разъ отчизну снятковъ, Чудское озеро: громадныя льдины были еще прибиты къ берегамъ его и отъ нихъ несло несовсѣмъ пріятною свѣжестію, а само озеро, отражая голубое небо, было красиво и чисто какъ стекло. Сдѣлавъ сто верстъ въ этотъ день, не доѣзжая Дерпта, на послѣдней къ нему станціи Игаферѣ, ночевали мы не весьма покойно. Съ званіемъ коммиссара, то-есть, по нашему, станціоннаго смотрителя, находился тутъ одинъ молодой еще студентъ, котораго, помню, звали Крейцбергъ. Онъ угощалъ, близко отъ насъ, пріѣхавшихъ изъ Дерпта товарищей; они курили, пили пиво, пѣли пѣсни, однимъ словомъ, предавались нѣмецкой швермереи. Хотя мы были очень далеко еще отъ Германіи, но все ее уже возвѣщало.

Рано по утру 2-го мая, пріѣхали мы въ Дерптъ и остановились въ деревянномъ одноэтажномъ, чистенькомъ домѣ, который, кажется, назывался гостиница Аландъ. Связи съ Жуковскимъ не только сближаютъ друзей его, но какъ будто роднятъ ихъ между собою. Въ Дерптѣ находилась часть семейства, въ которомъ былъ онъ воспитанъ. Александру Ѳедоровичу Воейкову, женатому на меньшей Протасовой, пришла охота сдѣлаться профессоромъ русской литературы въ Дерптскомъ университетѣ: тамъ посѣтила его теща съ старшею дочерью, и онъ нашелъ средство просватать послѣднюю за профессора медицины Мойера; самъ же, видя что преподаваемою имъ наукой молодые Нѣмцы не хотятъ заниматься, вскорѣ уѣхалъ обратно въ Петербургъ. Какъ стра-

ненъ этотъ бракъ долженъ былъ казаться въ Орловской губерніи, откуда пріѣхали Протасовы; дворянская спѣсь русской барышнѣ прежде никакъ бы не дозволила выйдти за профессора, за доктора; конечно, это предразсудки старины, но я тогда раздѣлялъ ихъ и полно не раздѣляю ли еще и понынѣ? По-заочности давно уже будучи знакомы, не помню, кто изъ насъ кого посѣтилъ первый, только помню, что въ этотъ же день я обѣдалъ уже у г. Мойера съ его женой и тещей, Катериной Аѳанасьевной, что подавали все нѣмецкое кушанье и что я, за три дня до того тонувшій въ снѣгу, сидѣлъ за столомъ въ садикѣ подъ распускающимися липами, ins grüne. Послѣ обѣда повелъ насъ г. Мойеръ осматривать городъ. Подъ именемъ Юрьева-Ливонскаго построенный Русскими, которые нигдѣ для частнаго употребленія кромѣ деревянныхъ домовъ не ставили, по близости къ границѣ, вѣроятно, часто раззоряемый войною, онъ, подобно укрѣпленной Нарвѣ, не сохранилъ вида древности. Единственный остатокъ ея, католическая соборная церковь, въ которую входили мы, обращена уже была въ университетскую библіотеку. Провели мы вечеръ и ужинали у тѣхъ же Мойеровъ. Тутъ случилась одна гостья, учтивая Нѣмка, которая желая потѣшить меня, сказала мнѣ, что и она была въ Россіи. „Мнѣ кажется вы и теперь въ ней,“ отвѣчалъ я. Отъ этого простаго замѣчанія она смѣшалась и не знала что сказать.

Я не могу здѣсь умолчать о впечатлѣніи, которое сдѣлала на меня Марья Андреевна Мойеръ. Это совсѣмъ не любовь; къ сему небесному чувству примѣшивается слишкомъ много земнаго; къ тому же, мимоѣздомъ, въ продолженіе немногихъ часовъ влюбиться, мнѣ кажется смѣшно и даже невозможно. Она была вовсе не красавица; разбирая черты ея, я находилъ даже, что она болѣе дурна; но во всемъ существѣ ея, въ голосѣ, во взглядѣ было нѣчто неизъяснимо обворожительное. Въ ея улыбкѣ не было ничего ни радостнаго, ни грустнаго, а что-то покорное. Съ большимъ умомъ и свѣдѣніями соединяла она необыкновенную скромность и смиреніе. Начиная съ ея имени все было въ ней просто, естественно и въ то же время восхитительно. Другихъ женщинъ, которыя нравятся, кажется такъ взялъ бы да и разцѣловалъ; а находясь съ такими какъ она, въ сердечномъ

умиленіи, все хочется пасть къ ногамъ ихъ. Ну точно она была какъ будто не отъ міра сего. „Какъ въ одинъ день все это могъ ты разсмотрѣть?“ скажутъ мнѣ. Я выгоднымъ образомъ былъ предупрежденъ насчетъ этой женщины; тутъ повѣрялъ я слышанное и нашелъ въ немъ не преувеличеніе, а ослабленіе истины.

И это совершенство сдѣлалось добычей дюжаго Нѣмца, правда, добраго, честнаго и ученаго, который всемѣрно старался сдѣлать ее счастливой; но успѣвалъ ли? Въ этомъ позволю я себѣ сомнѣваться. Смотрѣть на сей неровный союзъ было мнѣ нестерпимо; эту кантату, эту элегію, никакъ не умѣлъ я приладить къ холодной диссертаціи. Глядя на госпожу Мойеръ, такъ разсуждалъ я самъ съ собой, кто бы не былъ осчастливенъ ея рукой? И какъ ни одинъ изъ молодыхъ русскихъ дворянъ не искалъ ее? Впрочемъ, кто знаетъ, были вѣроятно какія-нибудь препятствія, и тутъ кроется, можетъ-быть, какой-нибудь трогательный романъ? Она не долго послѣ того жила на свѣтѣ: подобнымъ ей, видно, на краткій срокъ дается сюда отпускъ изъ мѣста настоящаго жительства ихъ.

Разставшись на другой день съ Дерптомъ и Мойерами, дня три ѣхали мы до Риги, оттого что въ иныхъ мѣстахъ не было лошадей, а въ другихъ было много глубокаго песку. Мы первую ночь провели въ Гульбенѣ, другую въ Роопѣ, и видѣли небольшіе города Валкъ и Волмаръ, которые показались мнѣ замѣчательны въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ даже деревень. Примѣчательно, что въ странѣ, которая болѣе сталѣтъ вновь принадлежитъ Россіи, начиная отъ Нарвы совсѣмъ уже не пахнетъ русскимъ духомъ, что въ ней не услышишь русскаго слова. Никто не думалъ у насъ о введеніи тутъ народнаго языка нашего сколько-нибудь въ употребленіе, тогда какъ нѣмецкіе владѣльцы, преданные отдаленному и раздробленному отечеству своему, всячески стараются сохранить и распространить языкъ его между населеніемъ, совершенно ему чуждымъ. Путешествія за границу въ старину почитались диковинкой, одни знатные господа позволяли ихъ себѣ: имъ удобно и пріятно казалось, выѣхавъ изъ петергофской заставы, находить тотчасъ преддверіе чужихъ краевъ. Я могу хорошо судить и смѣло говорить о томъ, ибо хотя отнюдь не принадлежалъ къ ихъ сословію,

имѣлъ, однакоже, многія изъ ихъ привычекъ и предразсудковъ. Долженъ покаяться въ томъ; мнѣ наскучило разъѣзжать по Россіи изъ края въ край, и я почувствовалъ непозволительное удовольствіе, когда нѣкоторымъ образомъ переступилъ ея границу.

Прибывъ въ Ригу 5-го числа къ вечеру, съ трудомъ могли отыскать плохую квартиру въ плохой гостиницѣ, которая, однакоже, называлась отель де-Пари. Не было ни ярмарки, ни дворянскаго съѣзда, а во всѣхъ трактирахъ номера были заняты. Такъ бывало всегда, когда послѣ случалось мнѣ проѣзжать этотъ городъ: содержатели гостиницъ все еще трепещутъ передъ всемогуществомъ рыцарей и должны всегда держать про нихъ комнаты въ запасѣ. На другой день пошелъ я гулять по городу; его узкія улицы и высокіе старые дома возбудили бы во мнѣ болѣе любопытства еслибъ я не видѣлъ Нарвы. Всѣ эти древніе города на Западѣ болѣе или менѣе между собою схожи; въ средніе вѣка всѣ они были укрѣплены: жители окрестныхъ мѣстъ, часто раззоряемыхъ огнемъ и мечомъ, укрывались въ нихъ и тѣснились на небольшомъ пространствѣ подъ защитою каменныхъ стѣнъ и рвовъ, коими были они окружены. Пока я не пригядѣлся къ нимъ, они мнѣ очень не нравились: мнѣ все казалось, что я вижу запачканныхъ стариковъ въ морщинахъ, которые жмутся и всѣ на одинъ ладъ и покрой; я выросъ и возмужалъ среди простора Петербурга и русскихъ городовъ. Мнѣ хотѣлось видѣть что-нибудь примѣчанія достойное, и мнѣ указали на залу Черноголовыхъ или Шварцгейптеровъ, Рижскій музеумъ. Я не очень помню въ чемъ состояли сокровища, тутъ собранныя, исключая сапоговъ Карла XII. * Долго оставаться тутъ намъ было не для чего, мы ни съ кѣмъ не были знакомы и 7-го числа отправились далѣе. Накануне это было бы труднѣе, ибо въ этотъ день только навели пловучій мостъ черезъ Западную Двину.

Разстояніе между двумя столицами Лифляндіи и Курляндіи такъ не велико, что одна можетъ почитаться предмѣстіемъ другой. Въ нѣсколько часовъ изъ Риги пріѣхали мы въ

* Хотя бы по примѣру Ревеля, Нѣмцы держали тутъ изсохшій трупъ какого-нибудь герцога Круа, на показъ проѣзжимъ, для потѣхи своей, для прибыли! И какъ терпится такое безчеловѣчное ругательство надъ святостію могилъ!

Митаву, городъ уже новаго изданія, на осмотръ котораго нужно было посвятить еще нѣсколько часовъ. Вотъ что погубило насъ: какъ грозная тѣнь, возсталъ передъ нами умирающій фельдмаршалъ Барклай и цѣлую недѣлю заслонялъ намъ дорогу. Только вечеромъ узнали мы, что онъ находится въ Митавѣ, и что всѣ почтовыя лошади взяты подъ многочисленную свиту его. Настоящимъ образомъ не зная въ какомъ состояніи находится здоровье его, мы разочли, что намъ лучше пустить его впередъ, чтобы не имѣть болѣе затрудненій въ дорогѣ. На другой день выѣхалъ онъ или лучше сказать вывезли его не очень рано, и пока самъ Блудовъ, вооруженный казенною подорожной по экстренной надобности, ходилъ къ губернатору за приказаніемъ дать ему лошадей и получилъ его, пошелъ я къ подъѣзду фельдмаршала, котораго прежде не случалось мнѣ видѣть, и стоя въ толпѣ смотрѣлъ какъ полумертваго почти выносили его и клали въ карету. Нынѣ не даютъ людямъ спокойно умереть дома; тѣмъ, кои имѣютъ нѣкоторый достатокъ, сіе не дозволяется; по приказанію медиковъ (обыкновенно иностранцевъ), въ предсмертныхъ страданіяхъ должны они напередъ прокатиться по Европѣ.

Попрежнему отобѣдавъ, а понынѣшнему позавтракавъ, смотря по времени, въ гостиницѣ г. Мореля, въ которой ночевали, отправились мы. Наканунѣ, въ удовлетвореніе любопытства своего, ходилъ я за городъ посмотрѣть на зáмокъ герцоговъ курляндскихъ, не ветхое, даже не старое, и совсѣмъ не древнее четверостороннее зданіе безъ укрѣпленій и башенъ, безъ парка и даже безъ сада, посреди чистаго поля, выстроенное не Кеттлерами, а Биронами, и доказывающее варварскій вкусъ этого послѣдняго семейства. Туда влекло меня не одно любопытство, но и желаніе поклониться убѣжищу Бурбоновъ, къ величію и несчастіямъ коихъ я тогда питалъ еще какое-то священное уваженіе. Въ этомъ дворцѣ помѣщено было тогда нѣсколько чиновниковъ, а главныя комнаты оставались пусты на случай пріѣзда тогдашняго генералъ-губернатора маркиза Паулуччи; теперь помѣщены тамъ всѣ присутственныя мѣста; о сохраненіи историческихъ памятниковъ у насъ немного заботятся. Уходя, сквозь желѣзную рѣшетку заглянулъ я въ подвалы замка, гдѣ находятся гробницы послѣднихъ герцоговъ.

Одного изъ нихъ, знаменитаго Эрнста Іоанна, не защити-

ла рѣшетка отъ поруганія одной бѣшеной женщины: этотъ анекдотъ стоитъ, мнѣ кажется, чтобы найдти здѣсь мѣсто. При Павлѣ и сначала при Александрѣ, губернаторами въ Остзейскія провинціи опредѣляемы были все Русскіе. Курляндскимъ былъ нѣкто Николай Ивановичъ А—въ, человѣкъ смирный, но жена его была совсѣмъ не смирна. Сошедъ въ подвалы, она велѣла открыть гробъ Бирона и плюнула ему въ лицо. Не знаю до какой степени можно осудить это бабье мщеніе; конечно оно гадко, но тутъ не было личности, а наслѣдственное чувство ненависти ея соотечественниковъ. Она была женщина не злая, но тщеславная и взбалмошная. Послѣ представленія королевѣ, супругѣ Лудовика XVIII, она ожидала отъ нея посѣщенія, и узнавъ что она совсѣмъ не расположена сдѣлать его, прогнѣвалась. „Чѣмъ эта дура такъ гордится"? сказала она, „Тѣмъ что она Бурбоньша? Да я сама Х—ская." Тутъ видны безразсудность и невѣжество, но вмѣстѣ съ тѣмъ и народное самолюбіе, которое мнѣ не противно.

Отъѣхавъ одну только станцію до Доблена, принадлежащаго вдовѣ послѣдняго герцога, мы опять должны были остановиться. Молодой коммиссаръ, онъ же и содержатель гостиницы и управляющій имѣніемъ герцогини, малый очень учтивый и почтительный, показалъ намъ конюшни, въ которыхъ не оставалось ни одной лошади: не къ чему было такъ торопиться. Но по крайней мѣрѣ пріятности мѣста, гдѣ мы находились, дали намъ возможность терпѣливѣе перенесть нашу невзгоду. Почтовый домъ, въ которомъ мы весьма удобно помѣстились, отдѣленъ былъ отъ развалинъ древняго замка хорошо сохранившимся, глубокимъ оврагомъ, на днѣ котораго текъ ручей или малая рѣчка. Стараніями коммиссара, разумѣется на деньги владѣлицы, все это пространство засажено было деревьями и устроенъ очень хорошенькій англійскій садъ. Для насъ была тутъ весьма пріятная прогулка, а для меня особенно занимательно и любопытно было въ первый разъ видѣть настоящія развалины, произведенныя не искусствомъ людей, а ихъ забвеніемъ и дѣйствіемъ времени.

Нашъ передовой, который не заготовлялъ намъ, а отнималъ у насъ лошадей, ѣхалъ сперва довольно поспѣшно. Цѣлыми сутками былъ онъ у насъ впереди, и оттого-то слѣдующіе два дни имѣли мы мало остановокъ. Мы же всегда

ночевали; первую ночь провели въ Дрогденѣ, другую въ Рутцау, почти на самой границѣ. Тутъ старикъ коммиссаръ, отставной изъ военныхъ, мнѣ чрезвычайно полюбился своею веселостію и не существующимъ уже нынѣ нѣмецкимъ добродушіемъ. Утѣхой жизни его была золотая табакерка, которую великая княгиня Марія Павловна въ проѣздъ ему пожаловала: намъ, какъ и всѣмъ у него останавливающимся, выносилъ онъ ее на показъ.

Нельзя было не замѣтить намъ великой разницы между двумя сосѣдними провинціями. Въ Курляндіи, которая также населена Латышами, народъ какъ будто смышленѣе, почва земли плодороднѣе и поля лучше обработаны. За то она гораздо болѣе онѣмечена, чѣмъ Ливонія; тамъ вездѣ еще встрѣчаются финско-латышскія названія мѣстъ, а тутъ всѣ они окрещены въ нѣмецкій языкъ. Однимъ словомъ, Курляндія, кажется, такъ и просится въ Пруссію; и не знаю, хорошо ли дѣлаютъ оставляя въ ней и понынѣ весь прежній порядокъ.

Наконецъ, 11-го поутру, пріѣхали мы на границу и переѣхали за нее. Тутъ въ Полангенѣ наша Самогиція выдвигается клинышкомъ. Въ этомъ мѣстечкѣ видѣлъ я море, но не видалъ гавани, двѣнадцать лѣтъ спустя найденной тутъ однимъ ученымъ Французомъ, засѣдающимъ въ палатѣ депутатовъ. Ни въ Полангенѣ на нашей границѣ, ни въ Иммерзатѣ на прусской не были мы много обезпокоены таможнями. Блудовъ ѣхалъ къ должности по волѣ русскаго императора, и оттого потомъ нигдѣ не подвергались мы жестокимъ обыскамъ.

Вотъ, наконецъ, я въ Мемелѣ, первый разъ въ заграничномъ городѣ. Хотя мы пріѣхали въ него довольно рано, остановясь въ такъ-называемомъ *Нѣмецкомъ Домѣ*, я не поспѣшилъ насладиться воззрѣніемъ на него. Боли въ ногѣ съ наступленіемъ теплаго времени у меня какъ будто замерли, и я почти забылъ о нихъ; но во время проѣзда черезъ Курляндію сдѣлалось сыро и холодно, и я вновь началъ страдать, что вмѣстѣ съ усталостію совсѣмъ не располагало меня къ прогулкамъ. Еще солнце не сѣло, когда, почувствовавъ облегченіе, заснулъ я богатырскимъ сномъ и проснулся только слѣдующимъ утромъ. Тогда пустился я ходить; но что примѣчательное можно найдти въ Мемелѣ? Прямыя улицы, каменные дома порядочные, какъ у насъ

правильно выстроенные. Это какъ разговоръ иныхъ людей не богатыхъ идеями, но благовоспитанныхъ, благопристойныхъ; хорошо говорятъ, а ничего не скажутъ. Я пошелъ взглянуть на домъ, въ которомъ нѣсколько мѣсяцевъ жила королева, любезная русскимъ сердцамъ, когда изо всего обширнаго, хотя разбросаннаго государства мужа ея этотъ одинъ уголокъ оставался въ его владѣніи.

Рѣка Неманъ, вытекая изъ славянской земли, при устьѣ своемъ образуетъ тутъ широкій заливъ. Она дала свое имя этому городу, а сама оттого получила названіе Мемеля, отъ Нѣмцевъ ли или Самогитовъ—мнѣ неизвѣстно. Вдоль по рѣкѣ сей поѣхали мы, и вотъ отчего: неизбѣжный Барклай выѣхалъ изъ Мемеля только въ день нашего пріѣзда; болѣе двухъ станцій въ сутки, по слабости своей, онъ дѣлать не могъ. Насъ обманули, сказавъ, что онъ выбралъ кратчайшій путь Куришъ-Гафомъ по штранду. Мы бросились въ другую сторону и на первой станціи, въ Прокульсѣ, узнали свою ошибку; но было уже поздно, дѣлать было нечего какъ слѣдовать за тѣмъ, коего встрѣчи мы такъ боялись. Съ нимъ были жена и сынъ, адъютанты и медики, и шествіе его походило на тріумфальное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на погребальное. Однакоже надобно признаться, что заграничныя почты устроены лучше нашихъ; на усталыхъ еще послѣ него коняхъ кое-какъ добрались мы на ночлегъ въ плохое мѣстечко Шаматкеменъ.

Мѣста, коими проѣзжали мы, обитаемы народомъ, который игралъ важную роль въ исторіи нашего отечества, ибо Самогиты или Жмудь, Ятвяги и Литва все одно и то же. Но что̀ это за народъ? и откуда взялся онъ? Я долго полагалъ, что онъ смѣшеніе готѳскаго племени съ славянскимъ и финскимъ, но слѣдовъ ихъ нарѣчій не встрѣчается въ особомъ языкѣ, коимъ говоритъ сей народъ, а по большей части латинскія слова. Къ тому же въ Славянахъ и въ Финнахъ никогда не было звѣронравія, коимъ сначала отличались сіи дикіе выходцы изъ лѣсовъ; впрочемъ, Маджары, или Венгры, тоже финскаго происхожденія. Должно полагать, что и вся Пруссія нѣкогда населена была Жмудью; многіе изъ древнихъ князей ея носили имя Прусъ. Не долго Литовцы поблистали и погремѣли въ мірѣ: сперва завоеванная ими обширная, православная Русь начала была поглощать ихъ; потомъ, приставъ къ католической Польшѣ, они затмились

и исчезли въ ея объятіяхъ. Такъ будетъ со всякимъ государствомъ, которое, не сохраняя своей самоцвѣтности, не старается между покоренными вводить свои нравы, обычаи, законы, языкъ и вѣру: завоеванія будутъ его гибелью, оно потонетъ въ нихъ. Польша, несмотря на свои безпорядки, на безразсудность свою, хорошо это понимала и спѣшила все окрасить собою. Оттого-то она пережила самое себя, оттого-то находишь ее тамъ, гдѣ бы давно ей не должно быть, оттого-то ея духомъ еще полонъ нашъ юго-западный край, гдѣ, за двѣсти лѣтъ тому назадъ, имя ея было проклинаемо. Съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ я на Самогитовъ: лица не хороши, но чрезвычайно выразительны.

Проѣзжая слѣдующимъ утромъ по мосту, черезъ Неманъ, при въѣздѣ въ Тильзитъ, взглянулъ я на мѣсто свиданія двухъ императоровъ, на мѣсто, гдѣ стоялъ историческій постъ. Тильзитъ! при имени его обидномъ, теперь не поблѣднѣетъ Россъ, сказалъ Пушкинъ. И дѣйствительно, что̀ нашли мы на почтовомъ дворѣ? Французскаго инвалида, не знаю какъ здѣсь оставшагося, который съ гордымъ еще видомъ просилъ милостыню. Пруссаки въ это время съ нами были отмѣнно услужливы; коммиссаръ совѣтывалъ намъ стараться опередить фельдмаршала, далъ свѣжихъ, хорошихъ лошадей и записку къ сосѣду своему, коммиссару, на слѣдующей станціи въ Оствеҭенѣ, гдѣ, по словамъ его, Барклай долженъ былъ остановиться обѣдать. Моему нетерпѣнію не было границъ, вслухъ пожелалъ я, чтобы герой нашъ на дорогѣ умеръ и чтобы мы проѣхали по трупу его. Услышавъ мои преступныя желанія, Блудовъ даже вскрикнулъ отъ негодованія. Въ Оствеҭенѣ коммиссаръ наморщился, почесалъ затылокъ, но видно товарищъ его имѣлъ надъ нимъ большую силу, онъ тотчасъ велѣлъ намъ дать лошадей. Одной мили не доѣзжая до города Инстербурга, на лѣвой сторонѣ дороги, увидѣли мы небольшую мызу и на дворѣ ея множество каретъ. Мы заключили изъ этого, что вѣрно больной остановился тутъ отдохнуть.

Мы не намѣрены были до свѣту выѣхать изъ Инстербурга, но возможно ли это съ дамами? Пока, одѣваясь, мы пили чай, пришли намъ сказать, что фельдмаршалъ въ эту ночь, на видѣнной нами мызѣ, скончался, и что посланный оттуда пріѣхалъ заказывать гробъ. Меня какъ по кожѣ подрало: вмѣсто радости почувствовалъ я угрызеніе совѣсти, точно

какъ будто желаніемъ своимъ я уморилъ его. Однакоже, карета была у подъѣзда: мы не римскіе католики, и пожелавъ добродѣтельному еретику царствія небеснаго, пустились въ дорогу. Мы едва могли переводить духъ, такъ скоро перемѣняли намъ лошадей и такъ прытко везли насъ. На каретѣ, подъ княжескою короной изображенъ былъ гербъ Блудова вмѣстѣ съ Щербатовскимъ и, сверхъ того, выставлена литера В. Поэтому принимали насъ за семейство или за свиту князя Барклая. Таплакенъ, Велау, Тапіау, Погауенъ,— вотъ станціи или мѣста, черезъ кои вихремъ пронеслись мы до Кёнигсберга. Я называю ихъ потому, что они у меня были записаны и что дорога сія въ Тильзитъ, замѣненная другою укороченною, болѣе не существуетъ.

Въ Кёнигсбергѣ, на небольшой площади подвезли насъ къ г. Грегори, къ Нѣмецкому дому, Deutsches Haus, въ которомъ приготовлена была квартира для покойнаго. На площади нашли мы начальствовавшаго въ городѣ генерала Штуттергейма со всѣмъ штабомъ, во всей формѣ, и съ рапортомъ въ рукахъ. Онъ очень удивился, когда мы сказали ему, что трудъ его напрасенъ, и что Барклая болѣе нѣтъ. Это было засвѣтло 14 мая.

Не знаю, почему Кёнигсбергъ почитаютъ прусскою Москвою? Какія священныя воспоминанія наполняютъ его? Точно такъ же какъ Венгрію, какъ Ломбардію, какъ Шлезвигъ, Нѣмцы почитаютъ Пруссію заграничнымъ своимъ владѣніемъ; донынѣ не входила она еще въ составъ Германскаго Союза. Да что же она такое? Подъ предлогомъ обращенія язычниковъ въ христіанскую вѣру, Тевтоническимъ орденомъ завоеванный приморскій край. Не знаю, по какому праву папы и императоры дали рыцарямъ право владѣнія въ немъ. Они спокойно въ немъ не господствовали. Напрасно упрекаютъ Поляковъ въ томъ, что будто бы они добровольно и безпечно дали имъ у себя тутъ утвердиться: добрые католики, они приняли ихъ сначала какъ вспомогательное Христово войско, къ услугамъ ихъ готовое, для обузданія во тьмѣ язычества пребывающихъ, часто непокорныхъ данниковъ ихъ; но скоро увидя ихъ обманъ, столѣтія воевали съ ними. Съ другой стороны, и Литва, вдругъ поднявшался, угнетенныхъ единокровныхъ возбуждала къ возстанію, сильно вступалась за нихъ и помогала имъ. И нѣтъ сомнѣнія, что владычество ордена было бы тутъ раздавлено, еслибъ

у него не было великихъ богатствъ въ цѣлой Германіи, и еслибъ оттуда безпрестанно не приходили къ нему на помощь новыя рати. Ливонскій орденъ Меченосцевъ, лѣтъ за тридцать прежде того и почти одинаковымъ образомъ основавшійся въ Россіи, вмѣстѣ съ магистромъ своимъ призналъ надъ собою власть его, подчинилъ себя ему, и этотъ союзъ обоимъ былъ чрезвычайно полезенъ. Однакоже, повременамъ, погибель грозила обоимъ; Ягелло, Витовтъ и еще прежде нашъ Александръ Невскій до основанія потрясали ихъ могущество. Польша восторжествовала, но тщеславіе ея довольствовалось званіемъ вассала, которое принялъ орденъ; тогда-то въ честь польскаго короля, небольшой городокъ, построенный на Прегелѣ, названъ Королевцемъ. При Казимірѣ IV преобладаніе Польши до того умножилось, до того потѣснилъ онъ рыцарей, что оставилъ имъ одну только восточную половину Пруссіи, и что изъ Маріенбурга на Вислѣ, постоянной резиденціи великаго магистра и главнаго мѣста управленія ордена, они должны были въ послѣдней половинѣ XV вѣка перенести его въ Королевецъ, который, кажется, съ тѣхъ поръ началъ назызаться Кёнигсбергомъ: древность не весьма древняя. Извѣстно, что въ началѣ XVI вѣка лютеранизмъ нанесъ смертельный ударъ воинственно-монашествующимъ орденамъ, и что Альбертъ Бранденбургскій, магистръ Тевтоническаго, и Готтардъ Кеттлеръ—Ливонскаго, принявъ новую вѣру, объявили себя независимыми герцогами, первый въ Пруссіи, послѣдній въ Курляндіи. Тотъ и другой отреклись отъ Нѣмецкой или Святой Римской имперіи и поставили себя подъ покровительство католической Польши. Она въ немъ не отказала имъ, ибо въ совершенномъ отдѣленіи ихъ отъ Германіи видѣла ихъ ослабленіе; къ тому же самъ король Сигизмундъ-Августъ имѣлъ наклонность къ протестантизму. Разчетъ былъ плохой: послѣ Альберта Пруссія, по наслѣдству, досталась маркграфамъ и курфирстамъ Бранденбургскимъ, изъ коихъ одинъ пожаловалъ ее королевствомъ, а себя произвелъ въ короли, и кончилось тѣмъ, что часть самой Польши сдѣлалась ихъ добычею. Зачѣмъ вклеилъ я тутъ это краткое историческое начертаніе? Да такъ, пришлось къ слову.

Первый вечеръ, проведенный въ Кёнигсбергѣ, было мнѣ нехорошо; я почувствовалъ лихорадку; не для меня одного послали за докторомъ; явился Англичанинъ Мотерби, про-

писалъ мнѣ что-то успокоительное, и на другое утро я былъ какъ встрепаный. Пользуясь лучшимъ состояніемъ здоровья и хорошею погодой, я пошелъ по городу и зашелъ къ Павлу Ивановичу Аверину, управляющему ликвидаціонною коммиссіей по заграничнымъ разчетамъ послѣ войны и оканчивавшему тутъ свои занятія, который наканунѣ былъ у меня, чтобы удостовѣриться насчетъ слуховъ о кончинѣ Барклая. Онъ человѣкъ съ необыкновенными, можно сказать, съ несносными странностями, и мнѣ хотѣлось бы его здѣсь представить; но говорить о немъ нельзя иначе какъ пространно, а мнѣ теперь некогда.

Въ это же утро какой-то нѣмецкій слуга повелъ меня смотрѣть достопримѣчательности; ихъ было немного. Я побывалъ во дворцѣ или замкѣ и въ соборномъ храмѣ. Первый стоитъ на высокомъ мѣстѣ и имѣетъ четыре фаса или лица, выходящихъ на улицы, а внутри дворъ. Одна изъ сторонъ, старинная, построена еще великими магистрами, которые тутъ жили, а нынѣ помѣщаются какіе-то чиновники и какія-то канцеляріи. Другая сторона, гораздо новѣе, выстроена первымъ прусскимъ королемъ, горбатымъ Фридерикомъ I. Тутъ вѣнчался онъ на престолъ; разумѣется не мѵропомазывался, и въ точномъ подражаніи реймской церемоніи не доставало Сентъ-Ампули; тутъ останавливаются короли, и въ несчастное для Пруссіи время полтора года прожила тутъ нынѣшняя королевская фамилія. Комнаты высоки, просторны и довольно богато прибраны; одна показалась мнѣ замѣчательною: она оранжеваго цвѣта, по карнизамъ расписана цѣпь Чернаго Орла, а на стѣнахъ изображенъ синій крестъ его. Изъ нея видъ далеко въ поле, и, говорятъ, будто Наполеонъ смотрѣлъ тутъ изъ окошка, когда ретирующійся арріергардъ, не знаю, русскій или прусскій, сражался съ его войсками.

Третья сторона, послѣ пристроенная, довольно безобразная, заключаетъ въ себѣ службы, кухни, конюшни и тому подобное. Четвертая вся состоитъ изъ одной огромной, нескончаемой залы, называемой Московскою. Пруссаки полагаютъ что названіе сіе дано ей прихотью королей, тогда какъ она построена прихотью русской императрицы. По сходству именъ, Елизаветѣ Петровнѣ почудилось, что она имѣетъ неоспоримыя права на Пруссію; она хотѣла тутъ короноваться, и во время Семилѣтней войны велѣла для того вы-

строить эту залу, которая, подобна большому манежу, до сихъ поръ стоитъ не отдѣланная: нынѣ, говорятъ, устроены въ ней гимнастическія упражненія. Провожатый мой ни какъ не хотѣлъ мнѣ повѣрить, что Русскіе воздвигли эту залу, когда болѣе двухъ лѣтъ они хозяйничали въ Пруссіи. Что дѣлать! уже такой обычай у этого кочеваго, варварскаго народа: куда ни придетъ, въ виду непріятеля, подъ пушечными выстрѣлами его, вездѣ строитъ города. Этимъ только въ завоеваніяхъ своихъ отличается онъ отъ Аттилъ и Тамерлановъ.

Продолжаю мой дневникъ. Выѣхавъ изъ Кёнигсберга 16 числа, мы первый день не сдѣлали даже и одной станціи, ибо не доѣзжая четверть версты до мѣстечка Бранденбурга, гдѣ почтовой дворъ, мы должны были остановиться. Дышло у кареты переломилось по поламъ, шагу нельзя было сдѣлать далѣе, и мы вошли въ первый попавшійся домишко, въ которомъ было чистенькихъ двѣ комнаты. Но рядомъ съ ними продавались пиво и водка, однимъ словомъ это былъ кабакъ на берегу моря. Оттуда, къ несчастію, съ самаго утра подулъ сильный сѣверный вѣтеръ, воздухъ сдѣлался вдругъ ужасно холоденъ, а въ жилищѣ нашемъ нѣкоторыя окна были разбиты. Анна Андреевна принуждена была затыкать ихъ подушками, чтобы сколько-нибудь бѣдныхъ дѣтей защитить отъ непогоды. Я былъ въ совершенномъ отчаяніи, одна бѣда дорогой смѣняла намъ другую, и я начиналъ думать, что не попаду къ удобному времени въ мѣсто моего лѣченія. Скуки ради ходилъ я пѣшкомъ въ мѣстечко и видѣлъ барское житье Алетмана, который въ одно время содержалъ почту, трактиръ для проѣзжихъ и управлялъ казеннымъ имѣніемъ. Около сутокъ нужно было для сдѣланія дышла, и мы на другой день часовъ въ одинадцать могли отправиться далѣе.

Дорога, по которой мы ѣхали, нынѣ брошена и проложена другая, гораздо короче. Однако я назову станціи, которыя у меня записаны: Гоппенбрукъ, Бражунсбергъ, гдѣ коммиссаромъ нашли мы безногаго офицера съ Пуръ ле-Меритомъ на шеѣ, который бранилъ Французовъ на чемъ свѣтъ стоитъ, а Русскихъ превозносилъ до небесъ, чего нынѣ не услышишь,—Мильгаузенъ, гдѣ мы ночевали, потомъ Прейшъ-Голландъ, Прейшъ-Маркъ, городокъ Ризенбургъ и наконецъ Маріенвердеръ. Дорога была вовсе не занимательна, возили

тогда тихо, не такъ какъ послѣ возвращенія короля изъ послѣдней поѣздки въ Россію, и разстояніе до Берлина казалось намъ ужаснымъ.

Маріенвердеръ, мѣсто примѣчательное, часто упоминаемое въ исторіи Тевтоническаго ордена, нѣкогда бывшее тоже главнымъ въ Пруссіи, и стоило бы осмотрѣть его, но мы пріѣхали въ него слишкомъ поздно и выѣхали изъ него слишкомъ рано. Мимоѣздомъ видъ его показался намъ пріятенъ, нѣчто въ родѣ Москвы, смѣшеніе красивыхъ, новыхъ домовъ съ древними хорошо сохранившимися зданіями. Въ это время король чрезъ Познань предпринималъ путешествіе, чтобы поклониться Москвѣ, которая всесожженіемъ искупила независимость Европы, навѣстить тамъ любимѣйшую дочь и повидаться съ другомъ-союзникомъ. Въ Маріенвердерѣ нашли мы генерала Борстеля, который ѣхалъ къ нему на встрѣчу; онъ велъ себя съ нами очень любезно и сказалъ, что опереждая насъ вездѣ будетъ заказывать намъ лошадей. Нынѣ никто не повѣритъ до какой степени Пруссаки, по примѣру государя своего, были предупредительны съ Русскими, и какъ охотно они братались съ нами.

Переѣхавъ широкую Вислу, прибыли мы въ незавидный городокъ Нови, который Нѣмцы назвали Нейенбургомъ. Тутъ начинается Западная Пруссія, то-есть все то что по первому раздѣлу отхвачено отъ Польши и верстъ на сто тянущійся густой, а мѣстами и дремучій Тухельской лѣсъ, Tuchelsche Heide. Тутъ одинъ лишь высшій классъ, коммиссары, трактирщики, говорятъ по-нѣмецки, прислуга же, почтари, всѣ прочіе жители чистымъ польскимъ языкомъ. Такъ же какъ Нови, всѣмъ мѣстечкамъ даны нѣмецкія имена, оставлено только *Плохочину*, и то съ прибавкою слова *гроссъ*. На обратномъ пути мнѣ пріятно было встрѣтить тутъ почти земляковъ и услышать почти родные звуки, а тогда мнѣ было досадно, мнѣ казалось, что это отдаляетъ меня отъ Германіи, куда я спѣшилъ. Время между тѣмъ стояло ясное, холодное, несносное, на каждомъ ночлегѣ приходилось топить, мрачный лѣсъ раждалъ мрачныя мысли; въ Тухелѣ, давшемъ лѣсу названіе, сдѣлалось теплѣе, за то пошелъ безпрерывный, проливной дождь и сдѣлалось грязно; ничего отраднаго не видѣли мы на всемъ пути. Въ городкѣ Коницѣ конецъ лѣсу и польскому нарѣчію и начало почтовой дороги, по которой ѣздятъ и понынѣ. Только видно что

все еще славянская страна, ибо часто встрѣчаются славянскія названія мѣстъ и деревень, какъ напримѣръ Ястровъ.* Послѣ того есть Рушенъ-Дорфъ, коего жители Нѣмцы, но предки, говорятъ, были Русскіе, и я охотно повѣрилъ тому, ибо нигдѣ такъ шибко насъ не везли.

Переночевавъ въ Шлоппе, 22 числа пріѣхали мы рано въ Гохцейтъ. Утро было радостно какъ названіе сей деревни (свадьба), день сіялъ, солнце грѣло, а не палило, и на почтовомъ дворѣ, въ небольшомъ саду, какъ роднымъ послѣ разлуки обрадовался я дикимъ каштанамъ и тополямъ. Около двадцати лѣтъ разставшись съ Кіевомъ, гдѣ ихъ довольно, я жилъ все на сѣверѣ и на сѣверо-востокѣ, а тутъ вдругъ неожиданно перенесли они меня въ счастливое мое ребячество. И потомъ сколь часто случалось мнѣ какъ ребенку мгновенно забывать продолжительное горе! Здѣсь же вступали мы въ настоящую Германію, въ Неймаркъ, въ Новую Мархію Бранденбургскую, которая, впрочемъ, тоже не иное что какъ отрѣзанный ломоть отъ Помераніи. Наконецъ я начиналъ прозрѣвать берегъ. Продолжительные дожди испортили однакоже дорогу, и мы не очень поспѣшно могли ѣхать по ней. Мы ночевали въ прекрасной гостиницѣ хорошенькаго города Ландсберга. На другой день увидѣли мы Одеръ, который всегда былъ и долженъ бы оставаться естественною границей славянскаго племени; но далеко, далеко за него простерлось нѣмецкое владычество.

На берегу сей рѣки стоитъ Кюстринъ. Въ крѣпость его тогда не въѣзжали, а останавливались на почтовомъ дворѣ среди обгорѣвшаго во время войны и еще не обстроеннаго

---

* Тутъ уже не Польша, а продолженіе Поморья (Помераніи) или малая Померанія, или Померелія, какъ зовутъ ее Нѣмцы, которая болѣе двухъ сотъ лѣтъ имѣла особыхъ князей, Самбора, Мистивоя, Вазимира и другихъ. Всѣ они упорно и отчаянно дрались съ Орденомъ. Ими основаны Гданскъ (Данцигъ), гдѣ и была ихъ столица, Столбо (Столпе) и монастырь Олива, гдѣ они и похоронены. На малое это княжество попеременно нападали Бранденбургъ, рыцари и Поляки; окончательно побѣда осталась за послѣдними. Послѣ смерти послѣдняго князя, по пресѣченіи княжескаго рода въ четырнадцатомъ вѣкѣ, Польша присоединила этотъ край къ своимъ владѣніямъ. И для чего? для того чтобы въ восемнадцатомъ его отняли у нея Нѣмцы.

форштата. Пока приготовляли намъ тутъ обѣдъ и лошадей, я взглянулъ въ зеркало и испугался себя: я весь обросъ бородой; я спросилъ цырульника обрить меня; привели дѣвку; я нашелъ что обычай этотъ хорошъ, только довольно страненъ. Въ первый разъ обѣдалъ я тутъ за общимъ столомъ и въ первый разъ увидѣлъ вблизи прусскихъ офицеровъ, коихъ за нимъ было множество. Какъ назвать то что отличаетъ ихъ отъ воиновъ другихъ націй? Въ русскомъ языкѣ нѣтъ для того слова, и на французскомъ недавно пріискано старинное outrecuidance. Они говорили мало даже между собою, но каждый изъ презрительныхъ взглядовъ ихъ вызывалъ пощечину. Отчего именно прусскіе офицеры такъ нестерпимы въ обращеніи? Оттого что почти всѣ они славянскаго происхожденія, изъ Помераніи, изъ Польши, изъ Шлезіи, изъ Лузаціи. Тщеславіе, врожденное въ Славянахъ, въ другихъ земляхъ смягчается ихъ добросердечіемъ, а тутъ оно облечено и закалено въ нѣмецкую грубость. Побѣды Фридерика ихъ возгордили, побѣды надъ ними Наполеона раздражили ихъ. Ничто имъ, сказалъ я про себя, и спасибо Французамъ. Народное самолюбіе еще болѣе возбуждало во мнѣ досаду. У меня передъ глазами была неприступная крѣпость, осажденная Русскими въ Семилѣтнюю войну; я находился въ одной мили только отъ Цорндорфа и въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Кунерсдорфа и Гроссъ-Егерндорфа, отъ мѣстъ гдѣ Русскіе подъ предводительствомъ не совсѣмъ искусныхъ генераловъ, Апраксина и Салтыкова, разбили въ прахъ первѣйшаго полководца своего времени. Названія мѣстъ славныя, нынѣ забытыя, едва извѣстныя Русскимъ! я васъ вспомнилъ тутъ. „Что, подумалъ я, еслибы еще когда-нибудь случилось.... вѣдь наши лучше прежняго отколотили бы ихъ; но увы, не нашему поколѣнію это видѣть.“

Въ этотъ день мы не попали еще въ столицу Прусской монархіи. Двѣ мили не доѣзжая Мюнхеберга, гдѣ мы ночевали, начиналось шоссе, для меня совершенная невидальщина, ибо въ Россіи мы этой роскоши еще не знали.

При самой благопріятной погодѣ, по тополевой аллеѣ, какъ корридоромъ, между двухъ высокихъ, зеленыхъ стѣнъ, 24 мая, прибыли мы въ Берлинъ и остановились въ Петербургской гостиницѣ, на Липовой улицѣ, unter den Linden, столь извѣстной всѣмъ проѣзжающимъ чужестранцамъ. Странно, что города, гдѣ бываю я лѣтомъ, въ хорошую погоду, всѣ мнѣ

нравятся; оттого-то, вѣроятно, полюбился мнѣ для всѣхъ скучный Берлинъ. Онъ далеко простирается на сѣверъ и на югъ; одна Фридрихсштрассе, пересѣкающая Липовую улицу, имѣетъ три версты протяженія; но кто кромѣ жителей знаетъ тѣ кварталы? Тутъ же, гдѣ мы остановились, на маломъ пространствѣ сосредоточивается вся жизнь Берлина, который послѣ Петербурга регулярностію своею меня удивить не могъ. Липовая аллея, въ четыре ряда деревъевъ, занимающая середину улицы, не знаю длины имѣетъ ли болѣе полуверсты, начинается у большаго королевскаго дворца и оканчивается у Бранденбургскихъ воротъ, гдѣ застава и выѣздъ изъ города. По обѣимъ сторонамъ аллеи находятся всѣ гостиницы, а изъ середины ея чрезвычайно пріятный видъ на прекрасныя ворота, совершенно греческія пропилеи, съ возвышающеюся надъ ними бронзовою Викторіей, похищенною Французами и опять тутъ возстановленною. Тотчасъ за воротами начинается Тиргартенъ, звѣринецъ или паркъ, и бѣлизна колоннъ ихъ еще болѣе виднѣется на густой зелени его деревъевъ. Удобство немалое изъ центра города, черезъ четверть часа, быть на свѣжемъ воздухѣ, среди прохлады прекрасной рощи.

Нѣкоторыя починки въ каретѣ и необходимость перемыть все бѣлье, ибо на столь продолжительномъ пути мы всѣ обносились, заставили насъ дни на четыре остановиться въ Берлинѣ. Не разъ бывши за границей, Блудовъ успѣлъ сдѣлать нѣкоторыя знакомства; сверхъ того, какъ немаловажный дипломатическій агентъ, нѣкоторымъ образомъ обязанъ былъ посѣщать русскихъ дипломатовъ и получалъ отъ нихъ приглашенія. Два дни сряду обѣдалъ онъ у нашего посланника Алопеуса и у португальскаго Лобо. Я же велъ уличную жизнь, по лѣности моей находя что на столь короткое время не стоитъ труда представляться и знакомиться. Пользуясь свободою, я старался и успѣлъ видѣть почти все что въ этомъ городѣ есть примѣчательнаго: но подробно описывать видѣнное мною не стану.

Дворецъ великъ; насъ водили по комнатамъ его. Ихъ роскошь была старинная, благоразумная, слѣдственно не изумительная: широкіе размѣры, штофныя обои, хорошіе паркеты, большія зеркала, мѣстами позолота, все какъ слѣдуетъ, безъ преувеличенія. Нашъ чичероне толковалъ все о какой-то драгоцѣнной *кронѣ* Фридерика; я

полагалъ, что это алмазная корона его, а вышло, что подъ этимъ словомъ онъ разумѣлъ люстру изъ восточнаго хрусталя, которая, впрочемъ, стóитъ, говорятъ, 80 тысячъ рейсхталеровъ. Всего богаче показалась мнѣ комната, убранная по случаю проѣзда императрицы Елизаветы Алексѣевны; всѣ занавѣсы у оконъ и кровати были изъ серебряно-голубаго глазета съ золотыми шнурками, кистями и бахрамой. Особый домъ близь дворца, въ которомъ жилъ король, отдѣланъ былъ, какъ намъ сказывали, болѣе въ новомъ вкусѣ; но хотя онъ былъ въ отсутствіи, не знаю почему насъ въ него не пустили. Въ самый день пріѣзда нашего посѣтилъ я театръ, называемый Королевскимъ; играли какую то нѣмецкую комедію, и весьма не дурно, но мнѣ показалось скучно. Есть еще оперный домъ, въ которомъ бываютъ великолѣпныя представленія; при насъ, лѣтомъ, кажется не играли въ немъ.

Церквами этотъ городъ не богатъ; ихъ мало и онѣ не красивы, что доказываетъ и прежнюю бѣдность этого края и недостатокъ усердія къ вѣрѣ въ правительствѣ и жителяхъ. Домкирхе, или соборъ, въ который входилъ я, чтобы посмотрѣть на могилы послѣднихъ курфирстовъ и первыхъ королей, пространствомъ менѣе всякой петербургской церкви. Одна католическая, Святой Бригитты, нѣсколько замѣчательна; она построена ротондой по образцу римскаго Пантеона. Въ воскресный день былъ я у обѣдни въ нашей Посольской, домовой, церкви, и потомъ у священника Чудовскаго, который показался мнѣ весьма обыкновеннымъ, но весьма порядочнымъ человѣкомъ. Выходя отъ него на Вильгельмштрассе, по близости, завернулъ я на Вильгельмову площадь, на которой, какъ куклы, разставлены мраморныя статуи шести героевъ Семилѣтней войны, Цитена, Зейдлица, Винтерфельда и другихъ.

Всякій вечеръ гулялъ я по липовой аллеѣ. Мнѣ сказали, что есть Лустгартенъ, увеселительный садъ позади дворца,— захотѣлось мнѣ и тамъ погулять. Я нашелъ тамъ большой, совершенный недостатокъ въ одномъ, въ деревьяхъ, за то простору очень много. Совсѣмъ иное въ Тиргартенѣ, куда въ воскресенье вечеромъ направилъ я стопы свои, и направлялъ ихъ по многимъ его направленіямъ: это весьма пріятная прогулка. Я поспѣшилъ къ увеселительному мѣсту, гдѣ вдоль рѣчки построены небольшіе домики; какъ сказать,

что это трактирцы, кабачки? Французы называютъ это генгетъ. На воздухѣ передъ ними рядами сидѣли чинно женщины и дѣвицы, довольно нарядныя, съ виду совсѣмъ не принадлежащія къ низшему сословію; мущины тутъ гуляющіе также были очень хорошо одѣты. Ни одна изъ сидящихъ не была безъ рукодѣлья, всѣ вязали чулки; не знаю отчего эта милая простота была мнѣ не по вкусу. Между чулочницами ничто не нарушало благопристойности, хотя вблизи ихъ пуншъ, пиво и табакъ стояли на столѣ. Тутъ, на берегу узенькой Шпре, встрѣтилъ я источникъ будущихъ золъ для всѣхъ чувствительныхъ зрѣній и обоняній въ Европѣ: картавые мальчишки кругомъ кричали: *цигагосъ*! и мѣстами растилались облака табачнаго дыму, конечно, не такъ густо какъ нынѣ въ Павловскомъ воксалѣ, въ виду высокихъ посѣтительницъ, но все-таки сильно заражали благорастворенный, весенній воздухъ парка.

Посреди Тиргартена находится загородный дворецъ принца Августа, называемый Бельвю; по усталости не вошелъ я въ садъ его. Далѣе, съ полмили отъ Бранденбургской заставы, Шарлоттенбургъ съ небольшимъ садомъ. Такая близость мнѣ нравится; я люблю, гдѣ *rus* и *urbs* сходятся, чтобы бѣднымъ людямъ не далеко было ходить за невинными наслажденіями природы. Тогда по широкой аллеѣ парка ѣздили мы въ открытой колясkѣ. Дворецъ Шарлоттенбурга не высокъ, но длиненъ и довольно великъ: хорошо сдѣлали, что сохранили простоту внутренняго его убранства, мода на него опять пришла; по большей части стѣны въ комнатахъ покрыты выбѣленнымъ деревомъ съ вычурными позолочеными украшеніями. Въ одной изъ нихъ съ любопытствомъ остановился я предъ изображеніемъ Фридерика Великаго въ восемнадцать лѣтъ; онъ написанъ совершеннымъ красавцемъ, а между тѣмъ схожъ со всѣми извѣстными его портретами. Весьма искусно живописецъ выразилъ быстрый, проницательный взглядъ его, предъ коимъ на одинъ мигъ опустилъ я глаза, и въ коемъ есть нѣчто не земное, хотя и не небесное. Малую только часть сада успѣли мы видѣть; мы ходили смотрѣть великолѣпный памятникъ королевы Луизы. Онъ имѣетъ видъ небольшаго греческаго храма, а внутри на продолговатомъ камнѣ находится бѣлая, мраморная, лежачая статуя ея, чудесное произведеніе знаменитаго ваятеля Рауха. Видѣвъ ее въ Петербургѣ, я нашелъ большое сходство; какъ

во снѣ она кажется живая; по сторонамъ сходы въ склепъ, въ которомъ положено ея тѣло. Королеву похоронить не въ Божіемъ храмѣ, а въ саду! Оно такъ и слѣдуетъ, можетъ-быть, по-протестантскому, но только что-то не хорошо по нашему, по-христіанскому.

Я не видѣлъ общества въ Берлинѣ и не могу судить о немъ; за то сколько можно поверхностно, въ короткое время, старался я разглядѣть Берлинцевъ вообще. Я замѣтилъ въ нихъ претензіи на какую-то особую щеголеватость, чрезвычайныя усилія подражать во всемъ ненавистной имъ Франціи. Самъ Фридерикъ, прозванный Великимъ, во всемъ что касалось до блеска двора, перенималъ у Лудовика XV, котораго онъ такъ презиралъ; философы и другіе Французы, его часто посѣщавшіе, вмѣстѣ съ невѣріемъ старались распространять любезность въ обществахъ; однимъ словомъ, имъ введена галломанія въ Пруссію. Послѣ него, супруга его преемника, одна изъ гордыхъ принцессъ гессенъ-дармштатскихъ, родная сестра Натальи Алексѣевны, первой супруги Павла Перваго, умѣла поддержать все величіе королевскаго достоинства. Но лишь только она овдовѣла, молодая, прекрасная, веселая Луиза какъ бабочка вспорхнула на тронъ, и всѣ сердца къ ней полетѣли. Она жила среди забавъ и охотно раздѣляла ихъ со всѣми, безъ большаго различія. Веселость Нѣмокъ выражается обыкновенно смѣхомъ, пляской, нарядами: складу въ рѣчахъ не ищи тутъ. Если же которая изъ нихъ примется за умъ, то она не станетъ попустому тратить его на замысловатость и острословіе въ разговорахъ, не предастся его кокетству столь обворожительному даже въ старѣющихъ Француженкахъ; она ухватится за науку, за сентиментальность, за педантство. Въ этомъ нельзя было упрекать королеву Луизу; долго изъ чаши жизни пила она однѣ только радости; тогда по голосу ея, какъ отъ звуковъ волшебной флейты, вся Пруссія запрыгала. Тряпичная, но не менѣе того раззорительная роскошь при ней доходила до настоящей модоманіи. Въ Парижѣ едва лишь мода успѣетъ тогда провозгласить новый законъ, а Берлинъ спѣшитъ первый привести его въ исполненіе.* Весе-

* Нѣмки великія охотницы наряжаться, за то онѣ и великія мастерицы въ этомъ дѣлѣ; оттого-то и вкусъ ихъ къ маскарадамъ. Какъ бывало въ ребячествѣ съ нетерпѣніемъ ожидалъ я святокъ

лость двора уменьшила его важность въ глазахъ народа: но въ Германіи это еще не бѣда; тамъ на каждомъ шагу встрѣчають членовъ владѣтельныхъ фамилій, и скорѣе любятъ свободное ихъ обхожденіе. Но худо то, что Пруссія была одна только держава, которая сохраняла постоянныя сношенія съ конвентомъ и директоріею Французской республики. Революціонеры безпрепятственно пріѣзжали въ нее и разсѣвали въ ней духъ якобинизма, къ чему она и приготовлена была безбожіемъ правительства. Сколько мнѣ извѣстно, Пруссаки до войны въ великомъ полководцѣ Франціи видѣли продолженіе революціи, а онъ былъ Наполеонъ, сокрушитель ея. Можетъ-быть

и появленія переряженной дворни, по большой части въ вывороченныхъ тулупахъ, такъ въ первой молодости съ радостнымъ трепетомъ видѣлъ я, многогрѣшный, приближеніе вторника на первой недѣли поста, когда бываютъ такъ-называемые нѣмецкіе маскарады. Но, право, очень безвинно вкушалъ я отъ сего запрещеннаго плода; наглядѣться на странные, чудные или блестящіе наряды,—вотъ въ чемъ состояла вся моя претензія. Чего, бывало, Нѣмки и Нѣмцы тутъ не выдумаютъ! И какая вѣрность, точность въ сохраненіи костюмовъ! Большая часть изъ нихъ безъ масокъ, пресеріозно разговариваютъ съ встрѣчающимися знакомыми, а незнакомымъ маскированнымъ просто не отвѣчаютъ. Услышишь, какъ Рейтценштейнберггоферша богато одѣта! или какъ Лисхенъ мила пастушкой! или какъ Лоттхенъ въ амазонскомъ платьѣ хорошо держитъ пику! Все это степенно тянется церемоніальнымъ маршемъ, и сколько пройдетъ мимо тебя глупыхъ фигаро, скучныхъ пьерро и неподвижныхъ арлекиновъ. Не суйся говорить съ ними: одинъ съ досадою что-то пробормочетъ, другой отвернется, третій, поучтивѣе, поклонится и пойдетъ далѣе: вотъ и все тутъ. Послѣ, когда я былъ постарѣе, мнѣ это не только наскучило, даже опротивѣло. Но когда, сквозь пеструю толпу, завидишь быструю походку, когда подъ широкимъ простымъ капуциномъ угадаешь ловкія движенія, будь увѣренъ что это француженка, поспѣши къ ней, изъ подъ маленькой черной маски, полюбуйся бѣленькой шейкой, миленькимъ подбородкомъ и какъ звѣзды блестящими глазками, заговори съ ней смѣло, она отвѣтитъ тебѣ умно, оригинально, забавно и пристойно, и если слегка кольнетъ твое самолюбіе, то такъ мило что скорѣе захочешь смѣяться чѣмъ сердиться: вотъ наслажденіе. Гораздо болѣе богатства, но право не болѣе ума въ этихъ торжественныхъ шествіяхъ, недавно, какъ великія забавы, введенныхъ въ употребленіе. Да и самыя живыя картины, гдѣ нужно только разодѣться, да съ минуту неподвижно постоять или посидѣть, должны быть непремѣнно выдумкою Нѣмокъ.

это самое было причиною недостатка въ усиліяхъ всенародно сопротивляться ему. Съ другой стороны, Франція такъ привыкла къ покорности Пруссіи, что разрывъ ея съ нею Наполеонъ почиталъ почти мятежемъ, а побѣды свои усмиреніемъ его. Не похитителя престоловъ, а истребителя свободы народовъ, возненавидѣла въ немъ раздавленная имъ Пруссія; не законнаго монарха, благодушнаго и твердаго, полюбила она въ Александрѣ, а Штейномъ обѣщаннаго ей либерала; и я увѣренъ, что тайно Пруссаки были заодно съ врагами порядка во Франціи. Шестилѣтнее, потомъ, пребываніе Французовъ и владычество ихъ имѣли также сильное вліяніе на нравы этой земли, и она осталась грубымъ отпечаткомъ непріязненнаго ей народа. Самый нѣмецкій языкъ наполнился французскими словами, какъ напримѣръ, die elegante Welt, die Eleganz, за которою такъ неудачно гоняются.

Мнѣ, первый разъ въ жизни увидѣвшему европейскую столицу, въ лучшее время года, послѣ скучнаго путешествія, могъ еще Берлинъ понравиться. Но и мнѣ чего-то не доставало; душа была какъ будто сжата. Военные смотрѣли дерзкими побѣдителями, гражданскіе люди хотѣли казаться глубокомысленными, всѣ вообще почитали себя отлично образованными. Притязанія на первенство между нѣмецкими городами, зависть противъ Вѣны и Петербурга, о красѣ и пріятностяхъ коихъ Берлинцы равнодушно не могутъ слышать, наконецъ, изъ-за довольно прихотливой роскоши сквозящая шпарзамкейтъ, что̀ гораздо сильнѣе нашей бережливости,—все это, конечно, довольно смѣшно, но то что̀ смѣшно не всегда бываетъ забавно. Берлинъ прослылъ скучнѣйшимъ городомъ въ мірѣ, и даже Русскіе, которые нынѣ вездѣ шатаются, бываютъ въ немъ только проѣздомъ.

Мы оставили его 28 числа поутру. Въ Потсдамѣ не удалось намъ посмотрѣть на жилище великаго Фридерика, ни на Сансуси его, а успѣли только-что отобѣдать. Въ Трейенбриценѣ, гдѣ мы ночевали, была старая граница, въ послѣднее время далеко за Эльбу передвинутая, но тогда таможня не была еще перенесена. Пьяный чиновникъ ея явился было очень грубо насъ осматривать и былъ весьма недоволенъ когда ему доказали, что онъ не имѣетъ на то права. На другой день въ Виттенбергѣ такая же неудача какъ наканунѣ въ Потсдамѣ. Естественной потребности—обѣдать пожертвовали мы благополучіемъ поклониться могиламъ великихъ мужей Гер-

маніи. Прахъ Лютера и Меланхтона былъ близко отъ меня въ большой церкви, а мнѣ не судьба была взглянуть на ихъ памятники. Третій годъ только край этотъ находился во владѣніи Пруссіи, и жители его сохраняли еще прежній простодушный видъ свой. Хозяинъ трактира, гдѣ мы обѣдали въ Виттенбергѣ, добрый старикъ, со слезами на глазахъ говорилъ намъ о другомъ добромъ старикѣ, королѣ саксонскомъ, коего отеческаго управленія лишились они. Вдругъ онъ спохватился, испугался и немного наклонясь сказалъ шопотомъ: die Herren, Preussen sind zu nahe (господа, Пруссаки близко). Бѣдняжка! онъ думалъ, что всѣ такъ же ненавидятъ и боятся Пруссаковъ какъ Саксонцы и всѣ другіе Нѣмцы. По наведенному мосту переѣхали мы черезъ Эльбу, коей берегъ такъ же тутъ песчанъ какъ днѣпровскій; шоссе еще не было, мы часто вязли и съ нѣмецкою ѣздой долго тащились до городка Шмидеберга. Это у насъ отняло много времени, но мы успѣли сдѣлать еще одну станцію до Дюбена и далѣе не поѣхали.

Въ одинадцатомъ часу утра на другой день увидѣлъ я съ ребячества знакомый мнѣ Лейпцигъ. Въ немъ учился учитель мой, добрый мужъ, который вѣчно про него разказывалъ. Этотъ городъ, и ученый и торговый, всегда оживляемый университетомъ и часто ярмарками, мнѣ показался не великъ. Послѣ того онъ распространился, но въ это время былъ онъ весь сжатъ и вытянутъ вверхъ; улицы преузенькія, а дома въ пять или въ шесть этажей; у самаго же въѣзда его, кругомъ прелестнѣйшіе сады. Это мнѣ чрезвычайно нравилось въ старинныхъ нѣмецкихъ городахъ. Зимой, когда воздухъ сдѣлается свѣжъ и перестанетъ быть заразителенъ, всѣ соберутся на небольшомъ пространствѣ. Чтобы посѣтить пріятеля или знакомаго, на улицѣ, нужно сдѣлать только два шага; за то, правда, взойдти надобно и сойдти сотню ступеней по лѣстницѣ. Кареты дѣлаются излишними; въ первый разъ увидѣлъ я тутъ портшезы, одноместныя каретки на носилкахъ; для жителя Петербурга зрѣлище довольно странное. Въ Отель де-Франсъ, на Флейшерской улицѣ, гдѣ остановились мы, я кажется и часу не посидѣлъ дома; было гдѣ погулять и на что посмотрѣть.

Сперва лазилъ я на Плейссенбургъ (остатокъ древняго укрѣпленія, чрезвычайно высокая башня съ обсерваторіей). Оттуда смотрѣлъ я не на небо, а на знаменитое поле Лейп-

цигской битвы, гдѣ началось рѣшительное паденіе Наполеона. Тутъ все было какъ на ладони, и снисходительный, услужливый смотритель указывалъ мнѣ на мѣста, гдѣ находились какія войска. Кто не бывалъ никогда въ Лейпцигѣ, тотъ не посѣтилъ значитъ и Плейссенбурга; въ огромномъ фоліантѣ, гдѣ всѣ вписываются, смотритель заставилъ и меня похоронить свое имя. Оттуда пошелъ я въ загородный садъ Рейхеля, у самыхъ городскихъ воротъ находящійся. Безъ дальныхъ украшеній онъ чрезвычайно великъ и хорошо содержался. Въ большомъ каменномъ домѣ была ресторація, а въ каждой куртинѣ, въ густотѣ деревъевъ спрятанный небольшой домикъ, съ прекраснымъ цвѣтникомъ, и надобно было нарочно заглянуть чтобъ увидѣть его. Холостые и семейные, смотря по величинѣ домиковъ, нанимали ихъ на лѣто. Въ этомъ случаѣ какъ не отдать справедливости Нѣмцамъ: они лучше насъ умѣютъ наслаждаться природой. Привлеченный названіемъ, заходилъ я въ Розенталь, дубовую рощу, гдѣ не видалъ я ни одной розы. Окончилъ я бѣготню свою достойнымъ примѣчанія садомъ Рейхенбаха. Хозяинъ, вѣроятно весьма богатый человѣкъ, со вкусомъ и роскошью изукрасилъ его. На берегу одной изъ двухъ рѣчекъ, Эльстера и Плейсы, между коими онъ находится, построенъ хорошенькій павильйонъ. У этого мѣста, французскій маршалъ, князь Іосифъ Понятовскій, съ лошадью бросился въ рѣку, когда Французы черезъ сады, огороды, овраги, куда ни попало, опрометью кинулись отъ союзниковъ-побѣдителей. Эльстеръ, (по-русски сорока) весьма не широка, но чрезвычайно глубока, берегъ ея не высокъ, но крутъ; и сія сорока-воровка похитила у Поляковъ надежду ихъ, ибо Понятовскаго прочили они себѣ въ короли. Подлѣ павильйона, на берегу рѣчки, самъ хозяинъ воздвигъ тутъ небольшой памятникъ погибшему герою. Но другой, гораздо болѣе, въ видѣ продолговатаго могильнаго камня, поставили Поляки посреди сада; на немъ нашелъ я много надписей сдѣланныхъ карандашемъ польскими патріотами; очень нужно было какому-то русскому начертать и свои сожалѣнія о его участи. Предокъ Понятовскаго, слѣдуя за Карломъ XII, вездѣ сражался съ нашими войсками, и хотя дядя его, Станиславъ, Россіи былъ обязанъ королевскимъ титуломъ своимъ, племянникъ не отказался отъ наслѣдственной къ намъ ненависти. Нынѣ, подъ русскимъ управленіемъ, и въ Варшавѣ,

если не ошибаюсь, поставленъ памятникъ заклятому врагу нашему.

Болѣе меня свѣдущій въ исторіи, Блудовъ утверждалъ, что Лейпцигъ построенъ Славянами подъ именемъ Липецка. Мнѣ казалось это невѣроятнымъ, но я не спорилъ, ибо тогда мнѣ было все равно. Впрочемъ и нынѣ я такъ далеко не простираю своихъ видовъ; я гораздо скромнѣе въ желаніяхъ своихъ; лишь бы до Одера могъ съ этой стороны дойдти славянскій міръ и православіе, душа его, я былъ бы совершенно доволенъ.

Во время продолжительной прогулки моей по Лейпцигу и его садамъ,—прогулки весьма пріятной,—непріятно мнѣ было только часто встрѣчать студентовъ. Въ другихъ мѣстахъ нельзя ихъ различить отъ прочихъ молодыхъ жителей, а тутъ, среди смирнаго населенія Лейпцига, легко было узнать ихъ по ихъ дерзкимъ взглядамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, еще весьма немногіе, одѣлись въ странный нарядъ по портретамъ Альберта Дюрера, въ черной шапочкѣ, въ черномъ почти казачьемъ короткомъ платьѣ, съ распущеными волосами. Это, кажется, называлось *алтдейтисъ* и возвѣщало желаніе единства Германіи, чего осудить никакъ нельзя; но призваніе на помощь воспоминаній ея древности по моему плохое къ тому средство. Конечно, при прежнемъ раздробленіи ея на мелкія частицы, власть императорская была гораздо сильнѣе; но того ли хотятъ молодые Нѣмцы? По невѣжеству моему привыкъ я почитать студентовъ взрослыми, большими школьниками, подчиненными строгому порядку, которымъ слѣдуетъ доучиваться, а потомъ, вступивъ на какое-либо поприще, присоединять опытность къ пріобрѣтеннымъ познаніямъ. Такъ, кажется, оно и было въ Германіи до 1813 г. Страдая отъ владычества Франціи и въ то же время заражаясь ея идеями, профессоры вводили сихъ несовершеннолѣтнихъ въ тайныя общества, дѣлали ихъ участниками своихъ замысловъ и готовили ихъ быть орудіями освобожденія отечества. Пришли Русскіе, настоящіе избавители, тогда всѣ они, въ товариществѣ съ профессорами, являлись на поляхъ сраженій. Послѣ того возрасли они какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ общемъ мнѣніи, и сдѣлались въ Германіи особою грозною стихіей. Вездѣ слышали они громкое имя свободы, на дѣлѣ же еще мало ее видѣли, а злодѣи профессоры продолжали возбуждать ихъ. Въ

нетерпѣніи своемъ, кипучая ихъ молодость успѣла тогда уже выказать мятежный духъ свой; въ предыдущемъ году собравшись изъ разныхъ университетовъ въ Вартбургѣ, успѣли уже они, среди непристойной оргіи, пѣть возмутительныя пѣсни и жечь знаки монархическихъ установленій; между ими несчастный Сеидъ, хладнокровно изступленный Зандъ, точилъ уже тогда кинжалъ на Коцебу. Въ слѣдующихъ годахъ строгія мѣры приняты противъ главныхъ виновниковъ, профессоровъ, Окена и другихъ, на время усмирили ихъ буйство. Я начиналъ вступать въ тотъ возрастъ, въ которомъ на двадцатилѣтнихъ смотрятъ почти какъ на мальчиковъ, и эти показались мнѣ досадны и несносны.

Кромѣ пріятнаго отдохновенія ничто не удерживало насъ въ Лейпцигѣ, и на другой день, послѣднее число мая, рано поутру мы оставили его. Цѣлый день видѣли мы мѣста прелестныя, чудесныя, но въ продолженіе послѣднихъ столѣтій часто орашаемыя потоками крови человѣческой. Сперва Лютценъ: еслибы мы забыли о Густавѣ Адольфѣ, о немъ напомнилъ бы намъ поставленный ему тутъ памятникъ. Далѣе Россбахъ, гдѣ Пруссаки вѣчнымъ стыдомъ покрыли Францію; потомъ Наумбургъ, коего имя тѣсно связано съ воспоминаніями о Гусситахъ, * и наконецъ Ауэрштадтъ, гдѣ Французы за Россбахъ воздали Пруссакамъ сторицею. Я не буду говорить о другихъ примѣчанія достойныхъ мѣстахъ, чрезъ кои въ этотъ день мы проѣхали: о Вейссенфельсѣ, столицѣ уже несуществующаго герцогства, отъ коего остался въ немъ одинъ старинный дворецъ, ни о Экартсбергѣ, гдѣ въ развалинахъ древній зáмокъ, построенный маркгра-

* Въ Англіи, принявъ ученіе Виклефа, можетъ-быть заблуждался Иванъ Гуссъ; за то и былъ онъ изжаренъ на Константскомъ соборѣ. Жаль что за догматами вѣры не обратился онъ къ Царюграду, тогда еще (въ 1400 году) турецкимъ мечемъ не покоренному; Господь Богъ спасъ бы его, а они утвердились бы въ Богеміи. Хотя Нѣмцы и почитаютъ его предтечею Лютера, но поносятъ его, ибо онъ первый съ успѣхомъ дерзнулъ сильно возстать противъ католицизма и германизма, враждебныхъ славянской породѣ. Не менѣе того нѣмецкіе историки стараются затмить славу неукротимаго, неумолимаго предводителя Гусситовъ Ивана Жижки и преемника его великаго Прокопія. Чехи не смѣли донынѣ вступиться за нихъ: авось ли между чешскими или нашими писателями найдется, наконецъ, защитникъ памяти сихъ трехъ безсмертныхъ мужей.

фомъ Экартомъ и служившій потомъ притономъ многочисленной разбойничьей шайкѣ. Я спѣшу въ Веймаръ, гдѣ въ этотъ же вечеръ простились мы съ маемъ мѣсяцемъ и встрѣтили іюнь, разумѣется по нашему, по старинному численію.

Имя Веймара извѣстно всѣмъ состояніямъ въ Россіи, вездѣ произносится оно въ ней съ любовію и почтеніемъ; въ этомъ городѣ болѣе тридцати лѣтъ живетъ великая княгиня, еще болѣе русская по сердцу и по чувствамъ чѣмъ по имени. Покоряясь судьбѣ, живетъ она вдали отъ Россіи, которая осталась ея любимою мечтой: она часто осуществляется передъ нею проѣзжими Русскими; всѣ они смѣло идутъ къ ней на поклоненіе. Блудовы обязаны были явиться къ Маріи Павловнѣ, особенно Анна Андреевна, которая, нѣсколько лѣтъ находясь при императорскомъ дворѣ, была ей лично извѣстна и знакома. Мнѣ же хотѣлось и можно было бы, и даже слѣдовало, ей представиться, да со мной мундира не было. Но въ этомъ случаѣ какой церемоніялъ соблюдается при маленькомъ дворѣ? Съ почтеніемъ и за совѣтами пошли мы съ Блудовымъ къ находившемуся тутъ, на обратномъ пути изъ чужихъ краевъ въ Россію, князю Александру Борисовичу Куракину. Онъ остановился въ Веймарѣ на все лѣто, въ ожиданіи прибытія осенью вдовствующей императрицы, которой всею душою былъ онъ преданъ, и которая въ старости, послѣдній разъ хотѣла еще взглянуть на родину. Достопочтенный и можно сказать милый старецъ, нѣкогда мой начальникъ и всегда милостивецъ, встрѣтилъ насъ съ улыбкой радости, казался здоровъ, веселъ, шутилъ, вспоминалъ со мною о Пензѣ и о нашемъ Симбухинѣ, и разказалъ какъ поступить въ дѣлѣ представленія.* Въ тотъ же день великая княгиня прислала придворную карету свою за Анной Андреевной, приняла ее у себя за-просто и предложила ложу свою

* Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ того скончался онъ въ Веймарѣ отъ приключившейся ему внезапно болѣзни. Онъ былъ сложенія крѣпкаго и могъ бы долго прожить; но во время пожара бывшаго въ Парижѣ, на праздникѣ у князя Шварценберга, по случаю свадьбы Наполеона, гдѣ сгорѣла и невѣстка самого Шварценберга, спасающеюся толпой былъ онъ опрокинутъ и истоптанъ. Онъ вышелъ съ обгорѣвшими волосами и руками и никогда въ здоровьѣ своемъ послѣ того не могъ поправиться. Согласно желанію его, похоронили его въ церкви Павловскаго, гдѣ императрица поставила ему памятникъ, съ надписью: Другу супруга моего.

въ театрѣ. Не имѣя права вступать въ нее, я пошелъ въ него за свои деньги, нашелъ что онъ очень хорошъ, но что̀ играли въ немъ? пусть не спрашиваютъ, совѣстно сказать, не помню.

Это точно непростительно: Веймаръ почитался нѣмецкими Аѳинами; Шиллеръ, Гёте, Виландъ, Гердеръ долго жили въ семъ городкѣ, подъ покровительствомъ старой герцогини Луизы; слѣдственно и на сценѣ кромѣ изящнаго ничего быть не могло. Поименованныхъ писателей не было уже на свѣтѣ, одинъ Гёте былъ живъ и тотъ находился въ отсутствіи. Чиновникъ посольства, или повѣренный въ дѣлахъ, Струве, племянникъ чудака мною нѣкогда изображеннаго, предложилъ Блудову идти осмотрѣть его жилище; я не сопровождалъ ихъ; такая набожность къ знаменитости въ моемъ мнѣніи не столь высокой, еще живой, чужеземной, показалась мнѣ непонятною и неумѣренною.

Наши путешественники очень хорошо знаютъ теперь, что всѣ эти нѣмецкія великокняжескія резиденціи точно то же, ни болѣе ни менѣе, что загородныя, увеселительныя мѣста нашихъ царей. Народонаселеніемъ и тогда Веймаръ былъ богаче Царскаго Села, но пространствомъ и на половину не могъ съ нимъ равняться. Изъ нашихъ комнатъ, въ гостиницѣ Слона, на площади въ срединѣ города, вездѣ не въ дальнемъ разстояніи можно было видѣть выѣздъ изъ него: дома были тѣсно между собою построены, но не высоки, и не красивы. Дворецъ герцогскій, который я видѣлъ только снаружи, показался мнѣ обширенъ, а паркъ его, пріятно и искусно расположенный, еще болѣе. Я не замѣтилъ тутъ павильйоновъ, памятниковъ и тому подобныхъ обыкновенныхъ украшеній парковъ; видѣлъ въ немъ только продолговатую безъ купола грекороссійскую церковь нашу, и на другой день, который былъ воскресный, я пошелъ въ нее.

Болѣе всего хотѣлось мнѣ взглянуть на великую княгиню. Во время обѣдни, обыкновенно, она замѣчала всѣ новыя лица, послѣ того разспрашивала о нихъ и подзывала къ себѣ; я не намѣренъ былъ представляться и старался такъ стать чтобы мнѣ хорошо было видѣть ее, а ей совсѣмъ не видать меня. Изъ малаго числа присутствовавшихъ примѣтилъ я только одну, мнѣ послѣ столь знакомую княгиню Мещерскую, которая два года какъ тутъ поселилась: это была Ка-

терина Ивановна, жена синодальнаго оберъ-прокурора, сестра будущаго министра Чернышева и мать будущаго руссо-французскаго писателя, князя Элима. Послѣ обѣдни, Блудовы переодѣлись, нарядились и поѣхали представляться къ велико-герцогскому двору, послѣ чего получили приглашеніе къ обѣду. По возвращеніи ихъ, я съ любопытствомъ обо всемъ разспрашивалъ, и мнѣ не отказано было въ удовлетвореніи. Королевскія повадки герцогини Луизы, подобострастіе придворныхъ, коимъ умѣла она окружить себя, и позаочности мнѣ понравились: жаль только, что не на болѣе возвышенной сценѣ она была поставлена. Сестры ея, русская, Наталья Алексѣевна, прусская, вдовствующая королева, уже покойныя, и маркграфиня баденская, мать императрицы Елизаветы Алексѣевны, такъ же какъ и она, на самомъ краю поддерживали еще величіе владѣтельныхъ особъ, когда въ цѣлой Европѣ оно готово было рушиться. Послѣ изображенія свекрови, мнѣ пріятно было слышать о любезности невѣстки, не менѣе исполненной достоинства, также о похвалахъ, которыя невольно расточала она отечеству своему, даже блеску и бѣлизнѣ нашихъ снѣговъ. О ихъ мужьяхъ упомянуто было мало; впрочемъ извѣстно, что одинъ былъ старый, почтенный воинъ временъ Фридерика, а нынѣ царствующій сынъ и наслѣдникъ его — весьма добрый и простой человѣкъ.

Послѣ Веймара, что станція то столица или по крайней мѣрѣ извѣстный городъ. На первой станціи, въ укрѣпленномъ Эрфуртѣ, мы остановились не надолго. Намъ указали домъ, гдѣ жилъ Александръ, а не тотъ, въ которомъ принималъ его Наполеонъ. Тутъ опять увидѣлъ я подъ именемъ Орла Прусскаго чернаго ворона, въ бѣломъ полѣ, который такъ надоѣлъ мнѣ, также и синіе мундиры съ оранжевымъ воротникомъ прусскихъ почтарей, послѣ которыхъ полюбился было мнѣ даже канареечный цвѣтъ саксонскихъ. Пруссія по всей сѣверной Германіи провела черезполосныя владѣнія свои, съ явнымъ намѣреніемъ при удобномъ случаѣ захватить между ними лежащее и приблизиться къ великой цѣли единства Германіи.

Въ Готѣ, не въѣзжая въ городъ для перемѣны лошадей, останавливаются на горѣ, откуда, впрочемъ, весь онъ виденъ. Онъ обширнѣе и болѣе похожъ на столицу чѣмъ Веймаръ: жаль мнѣ было, что вблизи не могъ я посмотрѣть на мѣсто изданія любимаго моего *Готскаго Календаря* и житель-

ства издателя его, всемірнаго путеводителя Рейхардта. Ночевали мы въ другой, только бывшей столицѣ, Эйзенахѣ. Вся эта страна принадлежала нѣкогда къ обширнымъ владѣніямъ ландграфовъ Тюрингенскихъ; когда же досталась Саксонскимъ герцогамъ, они почали дробить ее на удѣлы между сыновьями и внуками; оттого-то такъ много саксонскихъ линій, изъ коихъ нѣкоторыя пресѣклись. Русскій съ деньгами въ Германіи не умретъ съ голоду, вездѣ накормятъ его дешево и сытно; но это могло случиться съ нами въ Эйзенахѣ. Хозяинъ гостиницы Полулунія, воспитанный на французскій манеръ, нашелъ, вѣроятно, что желудки образованныхъ людей какъ мы не могутъ вынести другой пищи кромѣ самой деликатной, подалъ намъ къ ужину легонькій бульйонъ, цыплятъ и бисквиты: извѣстно каковъ аппетитъ у путешественниковъ, но намъ было и смѣшно и досадно.

Выѣхавъ оттуда на другой день, мы забыли и голодъ, и едва чувствовали жаръ, который безпрестанно увеличивался, до того окрестности дороги, по которой проѣзжали мы, были живописны и очаровательны: это были остатки знаменитаго Тюрингенскаго лѣса, нѣкогда страшнаго. Мы взглянули на Вартбургъ, гдѣ недавно происходили преступныя проказы университетской молодежи; далѣе подивились двумъ человѣкообразнымъ скаламъ, извѣстнымъ подъ именемъ монаха и монахини. Мнѣ хотѣлось бы увѣрить по крайней мѣрѣ католиковъ, что это обращенные въ камень Августиніанскій монахъ Мартынъ Лютеръ и клятвопреступная монахиня его Катерина де-Бора, нарушившіе произнесенные ими обѣты; но мы живемъ не въ вѣкъ Овидіевыхъ превращеній. Если не столицы, то небольшіе города за Эйзенахомъ встрѣчаются намъ при каждой перемѣнѣ лошадей: Марксулъ, Фахъ, Буттларъ. Первый въ прошедшемъ вѣкѣ пересталъ быть также столицей небольшаго Саксонскаго герцогства, коему давалъ свое имя; послѣдніе два находятся уже въ Гессенъ-Кассельскихъ владѣніяхъ.

Мы довольно рано пріѣхали ночевать въ Фульду, чтобъ увидѣть тутъ въ сумерки пребольшой дворецъ съ большимъ садомъ. Лѣтъ за тридцать до того жительствовалъ въ немъ не епископъ, а просто аббатъ, и владѣлъ не однимъ городомъ, а небольшею областью: онъ имѣлъ дворъ, гвардію и до четырехъ тысячъ войска. Такія чудеса могъ творить только римскій католицизмъ и примѣръ папъ. До реформаціи Гер-

манія была наполнена такими князьями-аббатами и княгинями-аббатисами; въ новѣйшее время всѣ эти gefürstete Abbtei были упразднены или секулиризованы. Послѣ Аміенскаго трактата Фульда отдана была принцу Оранскому въ вознагражденіе за потерю правъ въ Голландіи, и онъ тутъ державствовалъ: теперь она простой гессенскій городъ. Какъ сѣверный житель, я не могъ не замѣтить въ Фульдѣ, что начиная отъ самаго Кёнигсберга, величина печей мѣнялась въ формахъ, и все болѣе уменьшаясь по мѣрѣ приближенія къ Рейну, достигла тутъ до пропорцій небольшаго чугуннаго столба, служащаго какъ бы подножіемъ чугунной вазѣ. Къ удовольствію моему, это доказывало умноженіе теплоты климата, а еще болѣе, какъ на опытѣ я узналъ, горячій темпераментъ жителей. Лѣтомъ до того они раскалятся, что едва достанетъ имъ зимы, чтобы совершенно простыть. За Фульдой пойдутъ опять города, Шлюхтернъ, Саальмюнстеръ, Гелнгаузенъ, кои, подобно большей части нашихъ, едва ли заслуживаютъ сіе имя, развѣ потому только что обведены валящеюся каменною стѣной и при въѣздахъ имѣютъ небольшія башни. Послѣ нихъ Ганау, съ дворцемъ, долженъ былъ показаться намъ большимъ городомъ. Въ немъ прежде имѣлъ пребываніе наслѣдникъ Кассельскаго престола и назывался графомъ Ганаусскимъ. Но и этотъ городъ не остановилъ насъ; мы разочли, что еще поспѣемъ въ Франкфуртъ на Майнѣ, куда и прибыли 5-го іюня къ вечеру.

Главный изъ оставшихся четырехъ Вольныхъ Имперскихъ городовъ, мѣстопребываніе Германскаго сейма, Франкфуртъ нѣкоторымъ образомъ можетъ почитаться столицею всей Германіи, и путешественникамъ нельзя въ немъ не остановиться. Тутъ же приходилось мнѣ разстаться съ любезнѣйшими моими спутниками. Висбаденъ находился въ сторонѣ, въ нѣсколькихъ только миляхъ. Но въ жаркое время почувствовалъ я совершенное облегченіе, и мнѣ растолковали, что для полнаго курса лѣченія нужно мнѣ не болѣе шести недѣль, а около трехъ мѣсяцевъ оставалось еще того что называютъ воднымъ временемъ года, saison des eaux. Я уже не такъ торопился, къ тому же мнѣ чрезвычайно хотѣлось повидаться съ любимою сестрой. На продолжительномъ пути, люди ѣдущіе вмѣстѣ обыкновенно подъ конецъ ужасно какъ надоѣдаютъ другъ другу: тутъ видно этого не было, ибо Блудовы стали уговаривать меня доѣхать съ ними до Шалона, откуда

очень близко до Ретеля, гдѣ находились мои родные. Предложеніе это было мнѣ слишкомъ по-сердцу, чтобъ я не принялъ его. Но если уже разъ измѣнился первый планъ мой, сказали мнѣ, то почему бы мнѣ не доѣхать до Парижа, что другой случай не скоро представится, и притомъ въ Парижъ я могу выписать брата и сестру. Какъ сказано, такъ и сдѣлано, и въ тотъ же день о намѣреніи моемъ я написалъ къ брату въ Мобёжъ.

Коль скоро дѣло рѣшено что я увижу Парижъ, на Франкфуртъ что-то не хотѣлось уже мнѣ и смотрѣть. А стоило того: онъ образуетъ полукружіе, коего оба конца упираются въ рѣку Майнъ; такъ же какъ Лейпцигъ онъ не великъ, но гораздо лучше и пышнѣе его, разодетъ онъ въ великолѣпные, обширные сады, которые внѣ города тянутся далеко отъ него, въ иномъ мѣстѣ на полмили; примыкая къ нему узкимъ концемъ они составляютъ вокругъ него какъ бы огромный, распущенный зеленый вѣеръ. Этого мало: какъ цвѣтною лентой весь опоясанъ онъ бульваромъ, который, обхватывая его, идетъ изъ конца въ конецъ. Мѣсто, которое занимали сломанныя стѣны, срытый валъ и засыпанные рвы, расчищено и засажено деревьями и кустами: подъ скромнымъ именемъ бульвара это прешерокій и еще болѣе длинный садъ, въ которомъ проведены излучистыя дорожки. Преимущественно онъ былъ наполненъ розовыми кустами; а какъ въ это время всѣ они были въ цвѣту, то глазъ могъ любоваться милліонами розановъ. Я пристрастился къ этому мѣсту, и три дня что мы тутъ пробыли, утромъ и вечеромъ, ходилъ гулять въ него. Другаго ничего не хотѣлось мнѣ видѣть: ни городскихъ памятниковъ, ни даже знаменитыхъ садовъ, которые у меня были въ виду: отчего? Самъ не знаю; можетъ-быть отъ пресыщеннаго, притупленнаго любопытства. Прогуливаясь тутъ, мнѣ случалось иногда мысленно переноситься не въ темныя, а въ мрачныя времена европейской исторіи, не столь отъ насъ отдаленныя. На этомъ мѣстѣ, думалъ я, гдѣ нынѣ благоухаютъ розы, гдѣ столько пріятностей и удобствъ для прогуливающейся безпечности, такъ же какъ и во всѣхъ городахъ Западной Европы, вѣчно тревожные жители сторожили приближеніе враговъ: ни покоя, ни безопасности не знали люди. Шайки, числомъ разбойниковъ равняющіяся сильному войску, называемыя большими кампаніями, нанимаемы были владѣтельными государями, попеременно служили врагамъ и изъ

платы губили народъ. Ну если подобныя времена возвратятся? Нѣтъ, не можетъ статься, отвѣчалъ я себѣ. Нынѣ, увы, я менѣе чѣмъ прежде увѣренъ въ этой невозможности.

Мы жили на большой улицѣ Цейль, всѣмъ проѣзжающимъ извѣстной, въ гостиницѣ подъ вывѣской „Римскаго Императора." Большая деревянная человѣческая фигура, вся вызолоченная, въ мантіи и съ короной, поставлена была надъ воротами. Нигдѣ принцы такъ не приглядѣлись какъ во Франкфуртѣ, нигдѣ не обращаютъ на нихъ менѣе вниманія: они безпрестанно пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ изъ него. Въ комнатѣ, которую я занималъ, я имѣлъ сосѣдомъ съ одной стороны эрцгерцога Палатина Венгерскаго, съ другой — сосѣдкой моей была герцогиня Генріетта Виртембергская. Тамъ гдѣ русскій посланникъ жилъ на улицу въ большомъ домѣ, на дворѣ въ нижнемъ этажѣ помѣщалась бывшая испанская королева, мадамъ Жозефъ Бонапарте, а въ самомъ верхнемъ— бывшій шведскій король, именующій себя то Вазой, то полковникомъ Густавсономъ. Изъ любви къ исторіи и преданіямъ древности Нѣмцы сохраняютъ еще нѣкоторое уваженіе къ владѣтельнымъ домамъ; не удивительно если это чувство совсѣмъ исчезнетъ въ нихъ. За то въ торговомъ Франкфуртѣ съ благоговѣніемъ говорили о банкирахъ, вездѣ упоминаемо было имя Бетмана; о Ротшильдахъ тогда что-то еще мало было слышно также и о Гонтарахъ: видно дѣла послѣднихъ не были въ столь цвѣтущемъ состояніи.

Дорогой я не любилъ бриться и одѣваться; оттого-то никого охотно я не посѣщалъ. Я не былъ и не обѣдалъ съ Блудовымъ у нашего посланника при Сеймѣ; только почти въ минуту нашего отъѣзда приневолилъ онъ меня съ собою идти къ нему. Я нашелъ въ г. Анштетѣ умнаго Нѣмца съ французскою любезностію, неутомимаго, искуснаго говоруна, который, какъ мнѣ казалось, въ многорѣчіи топитъ заповѣдныя свои мысли.

Съ тѣмъ чтобы ночевать въ Майнцѣ, послѣ поздняго обѣда, 9 числа выѣхали мы изъ Франкфурта. Я слыхалъ объ этой неприступной твердынѣ, и думалъ что увижу передъ собой высокія, огромныя укрѣпленія; мои ожиданія были обмануты, но это доказываетъ только невѣдѣніе мое въ фортификаціонной наукѣ. Въ первый, но не въ послѣдній разъ я переѣхалъ тутъ по мосту черезъ Рейнъ, который Нѣмцы почитаютъ собственностію, а Французы—законною, естествен-

ною границей. Мнѣ не судьба была видѣть эту знаменитую рѣку во всей красѣ ея, среди виноградниковъ, навислыхъ скалъ и живописныхъ развалинъ; гдѣ я ни проѣзжалъ ее она текла въ ровныхъ берегахъ. Было еще довольно рано когда мы пріѣхали въ Майнцъ, дѣлать было нечего, и я пошелъ смотрѣть на закатъ солнца. Картина точно прекрасная и величественная, когда пламенное свѣтило тонетъ и гаснетъ въ спокойныхъ волнахъ широкаго Рейна.

Одну только станцію до Алцея ѣхали мы Гессенъ-Дармштатскимъ владѣніемъ, потомъ вступили въ часть Палатината, принадлежащую Баваріи. За Рейномъ нѣтъ еще тутъ Франціи, но все тогда отзывалось ею, все показывало недавнее ея владычество, особенно же чрезвычайно быстрая ѣзда. Какъ нынѣ устроена другая кратчайшая дорога на Ингельгеймъ, мѣсто рожденія Карла Великаго, гдѣ находятся остатки дворца его, и на Сарлуи, то на-скоку назову я только здѣсь мѣста, чрезъ кои мы пролетали: Кирхенполандъ, Стандебюль, Ландштуль. Переночевавъ въ Рорбахѣ, на другое утро въ Сарбрюкѣ опять показался было Прусскій Орелъ, но не успѣлъ я отвернуться, его уже не стало, и близь Форбаха мы переѣхали новую французскую границу. Вездѣ на станціяхъ слышали мы забавный французскій языкъ, коимъ говорятъ Нѣмцы, мѣняя *буки* на *покой*, *вѣди* на *ферть*, *живете* на *ша*, и наоборотъ. Всѣ тѣ, кои могли на немъ объясняться, какъ бы гнушались природнымъ языкомъ своимъ. Не знаю можно ли осуждать Французовъ за то, что они неохотно учатся иностраннымъ языкамъ и даже смѣются надъ ними: за то свой въ мѣстахъ ими занимаемыхъ вводятъ въ общее употребленіе и тѣмъ прикрѣпляютъ ихъ къ Франціи.

Излишняя точность въ разказѣ бываетъ иногда утомительна, и не знаю хорошо ли я дѣлалъ называя почти всѣ станціи. Воздержусь отъ того, и на предлежащемъ мнѣ пути за справками отошлю читателя къ печатнымъ маршрутамъ. Въ первомъ французскомъ, или скорѣе офранцуженномъ, городѣ Метцѣ нельзя было не остановиться. Тутъ рѣзко обозначена была разница между двумя народами; тутъ галлскій элементъ совершенно подавилъ и поглотилъ германскій. Мы гуляя пошли смотрѣть какіе-то ряды; на улицахъ вездѣ говоръ, хохотъ, грохотъ, веселые взгляды, быстрая походка. Такая живость оживила и меня. Блудовъ придрался къ

случаю посмѣяться надъ моею галломаніей, а я былъ въ такомъ веселомъ расположеніи духа, что самъ помогалъ ему въ томъ. Слѣдующій день ночевали мы въ другомъ изъ трехъ лотарингскихъ епископствъ, насильственно, но справедливо Лудовикомъ XIV присоединенныхъ къ Франціи, въ Верденѣ, который славится своими конфектами. Тутъ уже настоящая Франція, и не остается почти слѣдовъ нѣмецкой чистоплотности. Въ лучшемъ трактирѣ, куда насъ привезли, надобно было проходить чрезъ огромную кухню, высокую, въ два свѣта, чтобы по устроенной въ ней узкой лѣстницѣ войдти въ жилые покои. Сіи послѣднія были довольно щеголевато и даже богато убраны, но полъ въ нихъ былъ кирпичный, вымазанный темнокрасною краской и натертый воскомъ, какъ это водится во всѣхъ небогатыхъ домахъ Франціи. Мы непріятнымъ образомъ были этимъ изумлены, особенно же Анна Андреевна. Хотя нельзя не хвалить опрятность, однакожъ я замѣчалъ что тѣ, которые слишкомъ строго ее соблюдаютъ, бываютъ обыкновенно люди сердитые, суровые; добродушіе безпечнѣе на этотъ счетъ, и вотъ одна изъ немногихъ чертъ сходства нашего съ Французами.

Не доѣзжая до Шалона, пока запрягали намъ лошадей на станціи Понъ де-Соммевелѣ, я разговаривалъ со старикомъ, смотрителемъ почты, почтенной наружности, котораго нарядъ меня немного удивилъ. Онъ былъ напудренъ, причесанъ à l'aile de pigeon, съ косой, въ короткомъ черномъ нижнемъ платьѣ, въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ огромными пряжками, точно такъ какъ одѣвались лѣтъ за тридцать прежде того. По его словамъ, онъ болѣе тридцати пяти лѣтъ находился на одномъ мѣстѣ и никогда не хотѣлъ мѣнять костюма. Онъ разказывалъ мнѣ какъ трудно было ему удержаться отъ изъявленія горести и даже слезъ, когда провозили тутъ захваченнаго въ Вареннѣ Лудовика XVI. Въ скромной долѣ своей онъ оставался недвижимъ среди народныхъ волненій: терроризмъ, война проходили надъ слабою головой его, не коснувшись ея. Насчетъ наряда своего онъ сказалъ мнѣ, что въ Парижѣ я увижу много ему подобныхъ, а еще болѣе внутри Франціи. Впрочемъ это не должно было бы удивлять меня, когда начиная отъ Метца всѣ почтари, а въ иныхъ мѣстахъ и мужики, въ блузахъ, носили еще престрашные напудренные катоганы. Сколько стран-

ностей въ этомъ непонятномъ народѣ, сколько контрастовъ, сколько постоянства при всей его верченности!

Еще ближе къ Шалону мы невольно должны были остановиться на нѣсколько минутъ въ селеніи, гдѣ не мѣняютъ лошадей, чтобы полюбоваться его церковью. Это пребольшой соборъ называемый Нотръ Дамъ де-Лепинъ, и не думаю чтобы въ цѣлой Франціи нашелся другой ему равный въ красѣ. Сколько искусства, терпѣнія, и какъ много времени нужно было, чтобы изъ камня изсѣчь такое множество кружевъ и ими покрыть храмъ Богородицы. Для одной этой церкви стоило бы учредить тутъ городъ.

Въ Шалонѣ на Марнѣ показывается сія рѣчка (рѣкой назвать ее много) и потомъ до самаго Парижа сопутствуетъ ѣдущимъ въ него. Берега ея обсажены виноградниками, изъза нихъ подымаются мѣловыя горы, не весьма пріятныя для вида; самые дома построены изъ мѣловатаго мягкаго камня, который онѣ производятъ. Вообще вся эта страна не очень красива, сами Французы называютъ ее вшивою Шампаніей и жителей ея попрекаютъ глупостію. Русскіе молодые офицеры говорятъ о ней гораздо болѣе съ уваженіемъ; въ ней источникъ частыхъ для нихъ радостей. Не съ равными ихъ восторгами, но съ достодолжнымъ почтеніемъ проѣхали мы Эперне и прилегающее къ нему мѣстечко Аи, и купили бутылку вина, которую и тутъ заплатили довольно дорого, девять франковъ. Становилось уже темно когда названіе Дормана еще болѣе расположило насъ ко сну, и на этой станціи мы имѣли послѣдній ночлегъ передъ Парижемъ.

Въ Шато Тіерри, родинѣ Лафонтена, въ хорошенькомъ городкѣ, лучшемъ изо всѣхъ, кои видѣли мы во Франціи, по мосту переѣхали мы опять Марну, и съ правой она очутилась у насъ на лѣвой сторонѣ. Почва земли изъ бѣлой превращается тутъ въ черную, и мѣста становятся гораздо пріятнѣе. Отсюда также начинается прежняя провинція Бри, снабжающая Парижъ сыромъ. Отъ Ла-Ферте-су-Жуаръ идетъ вплоть до столицы высокая вязовая аллея, но дорога все не дѣлается лучше. Въ этомъ случаѣ Французы должны уступить Нѣмцамъ: первымъ ѣхать пусть бы больно, лишь бы шибко; а послѣднимъ, хотя бы тихо, только покойно. Оттого-то въ Германіи почти вездѣ находили мы шоссе, а во Франціи должны были скакать по мостовой изъ крупныхъ каменьевъ, не вездѣ равныхъ. Теперь, говорятъ, сдѣлано тамъ

прекрасное шоссе; опять Французы въ этомъ похожи на насъ: чего сами не выдумаютъ, то удачно переймутъ и перещеголяютъ.

Довольно большой городъ Мо, верстахъ въ сорока отъ Парижа, можетъ уже почитаться предмѣстіемъ его; за нимъ селенія почти безпрерывно тѣснятся на дорогѣ, а немного проѣхавъ Клэ, предпослѣднюю станцію, я увидѣлъ издали мѣльницы на высотахъ Монмартра, которыя такъ недавно еще Русскіе взяли штурмомъ.

VIII.

Сильно забилось во мнѣ сердце, когда 14 іюня, въ шестомъ часу пополудни, я сталъ подъѣзжать къ Парижу. Неожиданность поѣздки моей въ него, воспоминанія о побѣдахъ нашихъ, которыя вновь намъ открыли въ него путь, надежда скоро увидѣть въ немъ родныхъ, до высочайшей степени возбужденное любопытство въ минуту, въ которую оно должно было удовлетвориться, прекраснѣйшая погода, тысяча оживленныхъ предметовъ встрѣчающихся на дорогѣ, все соединилось чтобы сдѣлать этотъ часъ однимъ изъ радостнѣйшихъ въ моей жизни.

Предмѣстіе Св. Мартына, чрезъ которое въѣхали мы, мало разнствуетъ отъ Пантена и Лавиллета, ему предшествующихъ, называемыхъ деревнями, но плотно застроенныхъ двухъ-этажными домами. Когда же проѣхавъ вороты Сенъ-Мартена поворотили мы вправо по бульвару, то увидѣли настоящее волненіе шумнаго Парижа. Вся уличная дѣятельность его выступаетъ на бульвары, коими такъ же какъ въ Москвѣ, окружена вся главная середина его. Только его бульвары не похожи на московскія: они ни что иное какъ безконечная, почти единственная широкая въ немъ улица, по обѣимъ сторонамъ которой, близко къ домамъ, стоитъ по одному ряду полуизсохшихъ деревъевъ. Чтобы немногимъ, которые не бывали или не будутъ въ Парижѣ, дать понятіе о суетливости, объ ужасномъ движеніи, какое тутъ царствуетъ, скажу я, что это вѣчная ярмарка, къ которой ежедневно присоединяется гулянье, бывающее у насъ только на Святой недѣлѣ.

Чтобы лучше отдохнуть, мы поворотили въ улицу де-ла-Пэ, остановились въ отелѣ де-ла-Пэ, и какъ цѣлый день бы-

ли не ѣвши, то скорѣе потребовали обѣдъ. Пока его приготовляли, трактирный слуга, domestique de place, какъ ихъ называютъ, мсье Шарль, судя по весьма неблагообразному дорожному костюму моему, принявъ меня за собрата, за Француза, принадлежащаго къ прислугѣ Блудова, обошелся со мной очень дружелюбно, и какъ внизу, въ большихъ покояхъ, не оставалось для меня помѣщенія, онъ предложилъ мнѣ небольшую комнатку подлѣ своей. Мнѣ было очень весело, и вмѣсто того чтобы разсердиться за такую ошибку, она мнѣ показалась забавна, и я даже принялъ его предложеніе. Онъ повелъ меня въ пятое, въ шестое, или не знаю какое жилье, въ мансарду, по нашему просто на чердакъ, но я нашелъ тутъ чистенькую комнатку съ обойцами, съ зеркальцемъ надъ каминомъ и съ хорошею постелью; на первый случай чего мнѣ было болѣе? Немного попозже Шарль долженъ былъ удивиться увидя меня за столомъ у Блудова, а себя за стуломъ моимъ; можетъ-быть онъ полагалъ, что въ Россіи существуетъ обычай, чтобы слуги обѣдали съ господами, можетъ-быть тайно и позавидовалъ тому. Какъ бы ни было, я ему обязанъ за первую ночь въ Парижѣ въ пріятномъ снѣ проведенную. Улица Мира была ни тиха, ни покойна, немного пониже мнѣ долго не дали бы уснуть, но я подъятъ былъ надъ нею подъ облака, и шумъ ея, какъ дальній говоръ морскихъ волнъ, еще лучше усыплялъ меня. Въ этотъ день выѣхали мы почти до свѣту, въ жаръ по мостовой проскакали болѣе ста верстъ, и послѣ сильныхъ ощущеній чувствовалъ я большое изнеможеніе, такъ что съ закатомъ солнца покатился и я на постелю свою. На ней улыбаясь вспомнилъ я стихи, коими Дмитріевъ описываетъ путешествіе Василья Пушкина.

Въ шестомъ жильѣ, откуда вывѣски, кареты,
Все, все и въ лучшіе лорнеты
Съ утра до вечера во мглѣ.

Съ этою улыбкой на устахъ заснулъ я, а можетъ-быть и проспалъ всю ночь.

Мнѣ что-то веселое грезилось, когда рано поутру послышался стукъ у дверей моихъ; онѣ отворились, и братъ мой Павелъ Филипповичъ кинулся обнимать меня: мнѣ показалось, что пріятный сонъ мой еще длится. Получивъ письмо мое изъ Франкфурта, пока мы оставались въ этомъ городѣ,

и ѣхали до Парижа, онъ выпросилъ въ Мобёжѣ дозволеніе отлучиться и прискакалъ наканунѣ нашего пріѣзда: въ русскомъ посольствѣ справляясь о прибытіи Блудова, узналъ даже гдѣ онъ живетъ. Мы пошли внизъ къ Блудову, которому я представилъ брата, и который передалъ меня ему съ рукъ-на-руки.

Первымъ дѣломъ нашимъ было идти къ портному Леже, одному изъ знаменитѣйшихъ того времени, чтобы съ ногъ до головы одѣть меня франтомъ. Платье на другой день было готово; когда за него хотѣлъ я расплатиться, портной сказалъ мнѣ, что имѣетъ счеты съ братомъ, а не со мной. То же самое услышалъ я отъ содержателя гостиницы де-ла-Мёзъ въ улицѣ Нотръ Дамъ де-Виктоаръ, куда перевезъ меня братъ; онъ объявилъ мнѣ, что за квартиру, которую я занялъ, получены деньги впередъ за цѣлый мѣсяцъ. Чтобы ознакомиться съ мѣстностями города, первые дни я гулялъ съ братомъ неразлучно. Карманъ былъ у меня не пустъ и въ щепетильномъ Парижѣ глазѣлъ я на тысячу прекрасныхъ и дешевыхъ бездѣлушекъ, кои въ немъ на каждомъ шагу видны за стеклами. Ни одной не удалось мнѣ купить; лишь только спрошу о цѣнѣ, а уже за нее заплачено, и она моя. Послѣ того въ присутствіи брата я долженъ былъ прекратить изъявленіе своихъ желаній. Въ это время какъ будто судьба опредѣлила мнѣ быть у кого-нибудь на содержаніи. Двадцать четыре тысячи франковъ русскій полковникъ во Франціи получалъ тогда ежегодно; въ Мобёжѣ прожить ихъ брату было не на что; рѣдко посѣщая Парижъ, онъ имѣлъ благоразуміе лишнія деньги откладывать. Тутъ захотѣлось ему хоть разъ погулять въ немъ, понатѣшить меня и потчивать имъ.

Почти рядомъ съ нами жилъ искусный докторъ Гарданнъ, знакомый всѣму русскому корпусу, цѣлитель его. Братъ повелъ меня къ нему на консультацію. Разспросивъ меня подробно о предполагаемыхъ причинахъ моей болѣзни, о началѣ, ходѣ и слѣдствіяхъ ея, объявилъ, что на воды ѣхать мнѣ не зачѣмъ, что и теперь уже совсѣмъ прекратились мои боли, а онъ постарается возвращеніе ихъ сдѣлать невозможнымъ: а мнѣ только и надобно было. Къ тому же и человѣкъ мнѣ полюбился: онъ былъ скроменъ, вѣжливъ, не замѣтно въ немъ было ни малѣйшаго шарлатанства, откровенная его наружность вселяла довѣренность; я предвидѣлъ, что

частыя сношенія съ нимъ должны быть пріятны. Лѣченіе мое, не весьма строгое, началось на другой же день.

Скоро изъ Ретеля пріѣхали для свиданія со мною еще новые содержатели мои, сестра съ мужемъ, тогда какъ прежніе содержатели Блудовы не успѣли еще отправиться въ Лондонъ. Какъ слѣдуетъ русскому генералу, Алексѣевъ нанялъ славную квартиру въ отелѣ де-Бретань, на Ришельевской улицѣ, вблизи отъ моднаго италіянскаго бульвара и знаменитаго кафэ Тортони, насупротивъ знатнаго игрецкаго дома, извѣстнаго подъ именемъ Фраскати. Мы съ братомъ переѣхали къ нему, хотя гораздо скромнѣйшая квартира моя осталась все за мной. Тутъ-то мы пожили. Вообще всѣ русскіе изъ скучныхъ супрефектуръ своихъ пріѣзжали въ Парижъ не за тѣмъ чтобы беречь деньги; Алексѣевъ былъ охотникъ погулять, повеселиться, а какъ это было на короткое время, то жена дала ему на то полную волю. Помогая ему сорить деньгами, я иногда вспоминалъ русскія поговорки: „копѣйка ребромъ, хоть часъ да вскачь" и тому подобныя. Никакой издержки не позволено мнѣ было дѣлать; всѣ трое хозяйничали во Франціи, а я былъ у нихъ пріѣзжимъ гостемъ. Дома мы никогда не обѣдали, на дешевые трактиры, на обыкновенный столъ смотрѣть не хотѣли: подавай намъ Бовилье, Вери, Фреръ-Провансо, Роше де-Канкаль; каждый день попеременно мы у нихъ роскошничали въ особыхъ комнатахъ. Оно было не совсѣмъ хорошо при необходимой для меня діэтѣ, но строгое соблюденіе ея я все откладывалъ до ихъ отъѣзда.

Послѣ обѣда я уже становился распорядителемъ остальнаго времени дня, и хотя былъ пріѣзжій, но зналъ Парижъ понаслышкѣ не хуже ихъ и едва ли не лучше. Многіе изъ отдаленныхъ кварталовъ, которые нынѣ поглощены всепожирающимъ Парижемъ, тогда цвѣли и подъ гостепріимную сѣнь своихъ вѣковыхъ деревьевъ призывали веселиться жителей. Таковы были сады: Руджіери, Беллевю, Тиволи, Фоли-Божонъ; содержатели ихъ истощили французское воображеніе свое, чтобы для единоземцевъ и иностранцевъ заманчивымъ образомъ украсить ихъ. Минутнымъ посѣтителямъ нечего было гоняться за большимъ свѣтомъ, который, впрочемъ, какъ и вездѣ, жилъ въ это время за городомъ. Въ вышеупомянутыя мѣста почти каждый вечеръ возилъ я моихъ родныхъ, разумѣется, въ нанимаемыхъ ими колякахъ. Въ каждомъ изъ

сихъ садовъ еженедѣльно было по три праздника, fêtes champêtres, и плата за входъ была весьма умѣренная. А чего въ нихъ не было? Искусно освѣщенныя горы для катанья, воздушныя шары, которые спускались въ видѣ дельфиновъ, орловъ, иногда и людей, препорядочные фейрверки, небольшія иллюминаціи, но пріятно для глазъ устроенныя изъ разноцвѣтныхъ огней или китайскихъ фонарей; на все то что называется колифише Французы великія мастера. Въ разныхъ мѣстахъ находилась музыка, и была зала для танцующихъ. Общество тутъ встрѣчаемое нельзя было назвать отборнымъ или блестящимъ: по большей части оно состояло изъ субретокъ, гризетокъ, писцовъ, комми, парикмахеровъ и тому подобнаго. Но какъ все это было хорошо одѣто, какъ весело и какъ пристойно! Не стыдно было маркизамъ и дюшессамъ посѣщать сіи мѣста, и ихъ малое число было очень примѣтно по снисходительнымъ улыбкамъ, съ которыми смотрѣли онѣ на веселящихся, не мѣшаясь съ ними. Когда вспомнишь это и посмотришь на наши нынѣшнія лѣтнія увеселенія, совсѣмъ не простонародныя, то становится и стыдно, и грустно, и досадно.

Какъ ни весела была такая жизнь, послѣ трехъ недѣль сдѣлалась она для меня утомительна. Когда родные мои разъѣхались по корпуснымъ и дивизіоннымъ квартирамъ своимъ, я началъ уже жить собственнымъ умомъ и собственными деньгами. Прежде чѣмъ уѣхалъ братъ, я услышалъ отъ него нѣкоторыя подробности о его служеніи, которыя нѣсколько опечалили меня. . . . .
. . . .
. . . .

Хотя я остался совершенно одинъ въ большомъ городѣ, чужомъ, для меня совсѣмъ новомъ, однакоже довольно хорошо узналъ его и довольно ко всѣму въ немъ прицѣнился, чтобы, не тратя лишнихъ денегъ, могъ пріятнымъ образомъ провести въ немъ время. Это, я думаю, одинъ городъ въ мірѣ, въ которомъ одинокая уличная жизнь не скоро можетъ прискучить, особенно въ молодости. Потомъ каждый, согласно со склонностями своими и образомъ мыслей, можетъ составить себѣ кругъ знакомства, и даже довольно обширный: вотъ что притягиваетъ и прилѣпляетъ къ этому городу. Только нужно на то время; тамъ, гдѣ пріѣзжимъ числа нѣтъ, не бросаются иностранцамъ на шею какъ у насъ въ Москвѣ:

препрославленное ея гостепріимство по большей части дѣйствіе тщеславія и любопытства ея жителей. Старикъ Шишковъ самъ былъ смѣшонъ, когда насмѣхался надъ Василіемъ Пушкинымъ, утверждая что въ Парижѣ зналъ онъ однѣ только улицы и дома, а сей послѣдній казался еще смѣшнѣе, когда въ отвѣтъ ему хвастался знакомствомъ Фонтана, Герля, Легуве. Для русскаго хорошаго писателя знакомство съ извѣстнымъ писателемъ французскимъ, даже можетъ-быть большое взаимное удовольствіе, отнюдь не высокая честь. Одинъ только былъ тогда писатель во Франціи, предъ коимъ и по заочности былъ я колѣнопреклоненъ и передъ которымъ готовъ былъ предстать въ этомъ видѣ: это Шатобріанъ, но его тогда не было въ Парижѣ.

Лѣто самое невыгодное время для наблюдательныхъ посѣтителей Парижа: общество живетъ за городомъ, камеры бываютъ закрыты, всѣ курсы прекращены и самый театръ лишается лучшихъ своихъ актеровъ: они разъѣзжаютъ въ это время по большимъ городамъ Франціи и кучами франковъ собираютъ дань удивленія съ жителей. Остаются однѣ только прогулки въ городѣ и за заставами его и лѣтнія увеселенія самаго веселаго народа въ мірѣ. Ими старался я воспользоваться. По воскресеньямъ ходилъ я въ Елисейскія поля смотрѣть, какъ въ двухъ ротондахъ, называемыхъ залами Аполлона и Марса, парижскіе мѣщане и солдаты отчаянно пляшутъ кадрили, съ разряженными, миленькими ленжерками и здоровыми кошуазами, въ народномъ костюмѣ съ превысокими шлыками и баволетами. Между собою этотъ народъ былъ, право, гораздо учтивѣе, чѣмъ нынѣ иные молодые люди обходятся съ дамами въ хорошихъ обществахъ. Изъ любопытства я разъ былъ и въ загородномъ трактирѣ ла-Куртиль, по воскреснымъ днямъ многочисленною публикой посѣщаемомъ, гдѣ не оплаченное акцизомъ дешевое вино льется ручьями. Тамъ большой учтивости я не замѣтилъ; слышалъ жаркіе споры, сильную брань, но до драки при мнѣ не доходило. Любимымъ предметомъ моихъ прогулокъ былъ бульваръ Тампля, по обѣимъ сторонамъ котораго тянутся увеселительныя мѣста: сперва театры, о коихъ говорить буду послѣ, потомъ манежъ знаменитаго волтижера Франкони, далѣе, небольшая сцена, съ которой шутъ Бобешъ полтора часа не умолкая, вретъ народу каламбуры, далѣе аккробаты. На другой сторонѣ, турецкій садъ, занимающій простран-

ство не болѣе сорока квадратныхъ саженъ, но который французское мелочное искусство умѣло поднять въ три этажа, насыпавъ горка на горку, соединивъ ихъ мостиками, во впадинахъ устроивъ гроты, а другіе начинивъ цвѣтничками и выгадавъ мѣсто для галлереи въ турецкомъ вкусѣ, довольно длинной, въ концѣ коей за конторкой съ напитками сидѣла въ турецкомъ нарядѣ толстуха. Рядомъ съ этимъ садомъ былъ другой, впятеро его болѣе, называемый „Садомъ Принцевъ": чего въ немъ не было? И портретъ г-жи Мансонъ, несчастной, невинной женщины, замѣшанной въ уголовномъ дѣлѣ объ убійствѣ Фюалдеса, занимавшемъ тогда всю Францію; и калейдоскопъ-гигантъ, изобрѣтеніе того года; и ученая собака Минуто, играющая въ домино; и работающія блохи; все это послѣ было очень обыкновенно, но, вѣроятно, замѣнено другими причудами. Эти сады или садики, каждый вечеръ, были очень хорошо иллюминованы, и входъ стоилъ въ нихъ бездѣлицу.

Вѣчно одному находиться въ этой толпѣ было бы наконецъ скучно: судьба наслала мнѣ не товарища, не путеводителя, не собесѣдника, а такъ сказать согулятеля. Въ жизни этого человѣка было довольно превратностей, чтобы вкратцѣ упомянуть о нихъ. Когда, во избѣжаніе поединковъ, Александръ офицерамъ своей гвардіи велѣлъ носить въ Парижѣ фраки, каждый полкъ, по своему вкусу, выбралъ себѣ портнаго. На Монмартрскомъ бульварѣ былъ одинъ магазинъ платьевъ, который полюбился Измайловскимъ офицерамъ. Красивый и веселый мальчикъ, довольно самолюбивый, изъ него носилъ къ нимъ примѣривать жилеты и панталоны: онъ всѣмъ имъ чрезвычайно понравился, полкомъ его усыновили и хотѣли увезти съ собой въ Россію; но въ услуженіе онъ ни къ кому не хотѣлъ идти. Какъ быть? рѣшились на обманъ, отыскали гдѣ-то неимущаго, молодаго легитимиста, кавалера Св. Лудовика, который за двадцать луидоровъ согласился написать и подписать просительное письмо къ Константину Павловичу. Въ немъ онъ объяснялъ, что несчастія революціи заставили роднаго племянника его, древне благороднаго происхожденія, скорѣе чѣмъ служить хищнику, тирану, приняться за ремесло, но что нынѣ желаетъ онъ посвятить его на служеніе избавителю Европы. А этотъ мнимый племянникъ былъ сынъ гюиссье, родъ сторожа неважнаго суда въ небольшомъ городѣ Оксеррѣ, и назывался Оже. Извѣстно, что

цесаревичъ имѣлъ слабость къ Французамъ: на основаніи этого единственнаго документа молодой человѣкъ принятъ подпрапорщикомъ въ Измайловскій полкъ и съ нимъ на кораблѣ приплылъ въ Петербургъ.

Не удивительно что тайна хорошо сохранилась: всѣ были виновны въ подлогѣ. Ипполитъ Оже или г. Оже *де*-Сентъ Ипполитъ, какъ онъ назвалъ себя, содержимъ былъ на счетъ офицерской складчины: „съ міра по ниткѣ, голому рубашка," говоритъ пословица. Подпрапорщики позволяли себѣ также не носить тогда мундировъ, и онъ введенъ былъ кое въ какія общества. Я увидѣлъ его у двоюродной невѣстки моей Тухачевской, о галломаніи коей я уже говорилъ; она затѣяла домашній французскій теартъ, и онъ игралъ на немъ. Бульварные фарсы въ точномъ смыслѣ не были прежде извѣстны въ Петербургѣ; о Жокриссахъ, о Каде Русселѣ зналъ я только по наслышкѣ; но мнѣ сдавалось что онъ долженъ на нихъ походить. Это былъ настоящій парижскій gamin, малый очень добрый, но вооруженный чудеснымъ безстыдствомъ; онъ не краснѣя говорилъ о великихъ своихъ имуществахъ во Франціи, выдавалъ за свои стихи, которые вѣроятно выкапывалъ изъ безчисленныхъ, брошенныхъ и забытыхъ альманаховъ. Послѣ вторичнаго возвращенія государя, всѣ военные одѣлись опять въ мундиры; а онъ въ продолженіе этого времени нехотѣлъ выучиться ни русской грамотѣ, ни фронтовой службѣ, не зналъ никакой дисциплины, становился дерзокъ, всѣмъ надоѣлъ и его просто вытурили изъ полка. Въ это время составилась какая-то французская вольная труппа актеровъ изъ оборышей прежней и вербовала всѣхъ кто ей ни попадался. Государь слышать не хотѣлъ о принятіи ее на казенное содержаніе, и она играла въ манежѣ князя Юсупова на Обуховскомъ проспектѣ: мнѣ сказывали что ничего нельзя было видѣть хуже. Не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, бѣдный Оже рѣшился показаться тутъ на сценѣ и тѣмъ довершилъ паденіе свое въ мнѣніи небольшаго круга, которому былъ извѣстенъ. Не знаю, послѣ того что бы онъ сталъ дѣлать, еслибы кавалергадскій Лунинъ не вышелъ въ отставку, осенью не поѣхалъ бы моремъ во Францію за новыми либеральными идеями и не взялъ бы его съ собою.

Я нечаянно встрѣтилъ его въ Тюилерійскомъ саду, и онъ мнѣ чрезвычайно обрадовался. Видно обстоятельства его бы-

ли не въ самомъ лучшемъ положеніи, ибо несмотря на нероскошное житье мое, онъ охотно ко мнѣ приписался. Чѣмъ онъ жилъ, право не знаю: полагать должно, какъ тысячи другихъ въ огромномъ Парижѣ, падающими крупицами. Около меня много поживиться ему было нечего; правда, почти каждый день, хотя умѣренно, но даромъ, онъ обѣдалъ, часто даромъ ѣздилъ гулять и ходилъ въ театръ, а для Француза, которому забавы потребны столько же какъ воздухъ, это уже очень много. Подъ конецъ, однакоже, за его услужливость, за всегдашнюю готовность исполнять мои порученія, нечаянно удалось и мнѣ оказать ему услугу. За нѣсколько времени до выѣзда изъ Пензы, чтобы чѣмъ-нибудь развлечь грусть свою и занять умъ, я перевелъ па французскій языкъ *Марѳу Пасадницу* Карамзина; не знаю какимъ образомъ рукопись эта была со мною. Оже увидѣлъ ее, нашелъ что не худо бы напечатать ее, а я предоставилъ ее въ полное его владѣніе. Кто могъ бы ожидать? за нее книгопродавецъ предложилъ ему полторы тысячи франковъ. Либераламъ полюбилась мысль, что и посреди снѣговъ сѣвера, въ варварской Россіи, въ отчизнѣ рабовъ, знали нѣкогда свободу, имѣли народное правленіе. Она вышла въ свѣтъ какъ сочиненіе г. Оже и подражаніе Карамзину. Даже слогомъ остались довольны; когда знали бы что писано Русскимъ, были бы взыскательнѣе: Французы чужестранцамъ не охотно позволяютъ хорошо писать на ихъ языкѣ. Послѣ того корифеи оппозиціи, и между прочимъ, самъ Бенжаменъ Констанъ пожелали узнать Оже; онъ былъ не безграмотенъ, стали употреблять его, заставляли писать въ журналахъ, поправляли его статьи, поддерживали его, и онъ, не думавъ, не гадавъ, попалъ въ литераторы. Съ легкой руки пошелъ онъ въ гору, только поднялся не высоко. Гораздо послѣ случалось мнѣ, если не читать, то пробѣгать его печатные романы, и я находилъ что они ничѣмъ не хуже многихъ другихъ краткожизненныхъ своихъ собратій.

Все споспѣшествовало тому, чтобы пребываніе мое въ Парижѣ сдѣлать пріятнымъ для меня. Давно уже не жилъ я такъ чтобы мнѣ не нужно было помышлять, заботиться о завтрашнемъ днѣ. Съ самаго начала революціи жерло ея никогда не казалось такъ покойно какъ въ этомъ году. Всѣ ужасы, въ мое время, какъ будто бы отлетѣли отъ Парижа. Тщетно желалъ я слушать адвокатовъ въ уголовномъ судѣ, cour

d'assises; ни одного важнаго дѣла въ немъ не производилось, ни одной торговой казни при мнѣ въ немъ не было. Я любопытствовалъ заходить въ Моргу: ни одного утопленника, ни одного трупа никогда не находилъ. Не знаю, назвать ли это счастіемъ или неудачей?

Квартиры своей не мѣнялъ я до самаго отъѣзда: я такъ былъ доволенъ ею, что не могу отказать себѣ въ удовольствіи здѣсь описать ее. Она была о трехъ окошкахъ на улицу и состояла изъ двухъ высокихъ комнатъ. Первая довольно узкая, раздѣлена была еще на двое: въ одной половинѣ ея, составляющей темную переднюю, за ширмами спалъ привезенный мнѣ изъ Мобёжа русскій служитель; другая, съ окномъ, называлась туалетнымъ кабинетомъ, но я рѣдко входилъ въ нее. Въ большой же широкой комнатѣ была глубокая впадина, или ниша, въ которой за занавѣсами находилась роскошная постель; по бокамъ же въ двухъ другихъ малыхъ впадинахъ могъ помѣщаться гардеробъ. Комната оклеена была сѣренькими обоями съ черною шерстяною каймой; мебель въ ней, краснаго дерева, обита была желтымъ утрехтскимъ бархатомъ; она украшена была двумя большими зеркалами въ позолоченыхъ рамахъ: одно въ простенкѣ, другое надъ большимъ мраморнымъ каминомъ, на которомъ стояли бронзовые часы и фарфоровыя вазы съ искусственными цвѣтами. * И за все это въ центрѣ города, въ двухъ шагахъ отъ Пале-Рояля, платилъ я по 75 франковъ въ мѣсяцъ; нынѣ, говорятъ, не менѣе двухъ сотъ стóитъ такое помѣщеніе.

Мнѣ хотѣлось, пользуясь совершенною независимостью, только-что таскаться по публичнымъ мѣстамъ; однакоже безъ нѣкоторыхъ знакомствъ и посѣщеній дѣло не обошлось. Бетанкуръ и его институтскіе Французы утверждали, что будучи такъ близко отъ Парижа, нельзя чтобы я не завернулъ въ него и на всякій случай надавали мнѣ писемъ. Я начну съ описанія знакомствъ, которыя они мнѣ доставили.

Отецъ моего любезнѣйшаго Базена былъ предобрѣйшій чело-

---

* Такая роскошь тогда недавно еще распространилась въ Парижѣ; для меня была она предметомъ удивленія въ наемной квартирѣ. Нынѣ, говорятъ, благодаря успѣхамъ промышленности и соревнованію промышляющихъ можно найдти ее даже въ каморкахъ превратниковъ.

вѣкъ. Черезъ покровительство сына онъ получилъ мѣсто надсмотрщика за провозомъ товаровъ, на отдаленнѣйшей изъ заставъ парижскихъ, называемой Адскою, barrière d'Enfer. Тамъ я нашелъ его совсѣмъ не въ красивомъ нарядѣ, со щупомъ въ рукахъ. Нельзя описать добродушной радости его, когда онъ увидалъ письмо отъ сына: у него показались слезы, и онъ бросился мнѣ на шею. Потомъ громко позвалъ жену, которая хотѣла было сдѣлать то же, но, къ счастію, остановилась: она что-то стирала, и руки по локоть были у нея въ мылѣ. Она спросила, что этотъ мсье знаетъ нашего сына? notre fils, le colonel de là bas: даже Россіи назвать не умѣла. Они просили меня въ слѣдующее воскресенье къ себѣ обѣдать Изъ пріязни къ Базену и изъ любопытства посмотрѣть на житье этого класса людей, я согласился и далъ слово. Я нашелъ тутъ въ хорошей казенной квартирѣ, которую могъ бы занимать и не надсмотрщикъ octroi, одно только семейство его. Старики жили одни и по воскреснымъ днямъ только собирали у себя разсѣянныхъ по городу дѣтей своихъ. Тутъ находилась старшая дочь съ мужемъ-портнымъ, двѣ другія дочери, которыя гдѣ-то жили въ швеяхъ, и, наконецъ, премилый молодой человѣкъ, меньшой сынъ, который оканчивалъ науки въ Политехнической школѣ. Чего не было напечено, наварено, нажарено! Ремесленные люди во Франціи обыкновенно бываютъ довольно умѣренны въ пищѣ; за то, придерживаясь старины, по прежней привычкѣ, въ первый день новой седмицы, спѣшатъ вознаградить себя за воздержаніе. Даже во время революціи они знать не хотѣли декади, десятый день для отдыха ею установленный, и я думаю, что отчасти это сохранило между ними христіанскіе обычаи и слѣдственно вѣрованія. Мнѣ полюбились тутъ и почтительно-свободное обхожденіе дѣтей съ родителями, и ласково-повелительный съ ними тонъ сихъ послѣднихъ. Какая простота царствуетъ между этимъ народомъ, какое невѣденіе зла, представить себѣ нельзя! Ну, право, въ нашихъ уѣздныхъ городахъ каждый зажиточный мѣщанинъ, каждый мелкій чиновникъ гораздо болѣе обо всемъ имѣетъ понятій.

Я былъ тутъ какъ посланный, какъ представитель отсутствующаго божества; имя его безпрестанно повторялось. Не знали чѣмъ угодить мнѣ, чѣмъ угостить меня. Я былъ растроганъ: душевное уваженіе мое къ Базену, который не гнушался своихъ родныхъ, въ этотъ день еще болѣе умножилось.

Десять лѣтъ онъ не видалъ ихъ и оставилъ ихъ въ положеніи гораздо хуже того, въ которомъ я нашелъ ихъ. Я вспомнилъ, съ какою нѣжностью передъ отъѣздомъ моимъ говорилъ онъ о своихъ родителяхъ, какъ просилъ, въ случаѣ если буду въ Парижѣ, навѣстить ихъ, стараться быть съ ними ласковымъ. Послѣ этого обѣда не помню случилось ли еще разъ мнѣ быть у нихъ.

Также и Монферранъ адресовалъ меня къ родительницѣ своей, мадамъ Коммаріе, по второму мужу. Счастливый случай свелъ эту женщину, вдову безвѣстнаго бѣднаго артиста съ русскимъ богачемъ Николаемъ Никитичемъ Демидовымъ. Не знаю какого рода услуги она могла оказать ему, только пользовалась полною довѣренностью какъ его самого, такъ и супруги его, урожденной Строгоновой, недавно передъ тѣмъ преставившейся. На русскія деньги нанимала она, въ улицѣ Тетбу, большую и щеголеватую квартиру, и въ ней нерѣдко принимала гостей, подчивая ихъ вкуснымъ обѣдомъ. Ея знакомство для меня было весьма пріятно, а для богатыхъ Русскихъ могло быть и полезно. Она имѣла связи во всѣхъ лучшихъ магазинахъ Парижа; вмѣстѣ съ нею можно было покупать въ нихъ лучшія вещи безубыточно, такъ что и продавецъ оставался безъ накладу, и она была съ барышемъ. Разговоръ г-жи Коммаріе остался милъ, чрезвычайно живъ и смѣлъ, однакоже слегка подернутъ полупрозрачною благопристойностью. Такой животрепещущейся старухи мнѣ не случалось еще видѣть: сколько разъ, гуляя съ ней, долженъ я бывало просить ее убавить ходу, когда въ шестьдесятъ лѣтъ, въ капотъ розъ, въ соломенной шляпкѣ съ розонами, она скорѣе бѣжала чѣмъ шла со мною по бульвару.

На чернорабочій народъ вскользь посмотрѣлъ я въ ла-Куртиль, ремесленный видѣлъ у Базеновъ, а у Коммаріе увидѣлъ я особое общество получестное, полуобразованное, въ большихъ сношеніяхъ съ журналистами. Мнѣ надобно было ознакомиться и съ аристократіей промышленности и торговли, и я воспользовался представившимся къ тому случаемъ. Бетанкуръ и Брегетъ, друзья-механики, довольно часто переписывались другъ съ другомъ. Первый письмомъ просилъ послѣдняго, въ случаѣ пріѣзда моего, оказать мнѣ возможное пособіе, и если нужда потребуетъ, то снабдить меня и деньгами, сколько бы я ни попросилъ, и что онъ за все

ручается. Нечаянно узнавъ о томъ, я поспѣшилъ къ Брегету, а онъ встрѣтилъ меня предложеніемъ услугъ, отъ коихъ я отказался. Въ продолженіе нашего знакомства, онъ не разъ повторялъ свои предложенія, а я, не имѣя нужды въ деньгахъ, все отказывался отъ нихъ; наконецъ, онъ сказалъ что между Русскими онъ еще не видалъ столь порядочнаго (rangé) молодаго человѣка: ему было за семьдесятъ лѣтъ и оттого-то онъ такъ называлъ меня.

У него былъ собственный домъ въ Сите, на этомъ большомъ острову Сены, который составлялъ весь Парижъ въ первыя столѣтія его существованія. Домъ этомъ въ три этажа, сквозной, одною стороной выходилъ на набережную де л'Орложъ, а другою — на площадь Дофинъ. Ни жилище, ни житье его не имѣли блестящей наружности; за то какъ въ томъ такъ и въ другомъ замѣтно было нѣчто наслѣдственное, прочно устроенное. Предки его были часовщики, такъ же какъ и онъ самъ; но онъ болѣе ихъ усовершенствовалъ ихъ искусство и умножилъ состояніе свое; домъ принадлежавшій имъ оставилъ онъ въ прежнемъ видѣ, не увиличивъ его; только мало-по-малу уменьшая число наемщиковъ, наконецъ самъ весь занялъ его. Эти полинялые обои, вѣроятно, свѣжими видѣлъ отецъ его; въ эти набольшія зеркала, на этомъ же мѣстѣ смотрѣлся онъ. Я не могъ надивиться такой неподвижности среди народныхъ бурь, такъ часто тутъ свирѣпствовавшихъ. Самъ Брегетъ занимался мною мало; степенные люди того времени не искали сближенія съ людьми гораздо моложе ихъ. Но единственный сынъ его, тридцати восьмилѣтній, молодой человѣкъ въ глазахъ его, старался быть со мною любезно-гостепріимнымъ, предлагалъ свой кабріолетъ, своихъ верховыхъ лошадей. Вмѣсто умершей жены Брегета хозяйствомъ заправляла старуха, сестра его, добрая дѣвка лѣтъ шестидесяти пяти. По разспросамъ она очень хорошо знала что̀ докторъ дозволяетъ мнѣ ѣсть, и всегда заботилась о томъ чтобы я былъ сытъ когда у нихъ обѣдаю, а это, по ихъ приглашеніямъ, случалось почти каждую недѣлю.

Простота нравовъ соединялась въ этомъ семействѣ съ большимъ просвѣщеніемъ. Хозяинъ дома былъ довольно богатъ чтобы находиться въ короткихъ сношеніяхъ съ банкирами, съ финансовыми князьями, но онъ не искалъ ихъ: его болѣе посѣщали ученые, артисты и литераторы, и самъ онъ былъ членомъ института по части наукъ. Почти всегда

я встрѣчалъ у него двухъ довольно извѣстныхъ людей: Прони, начальника Политехнической школы, сочинителя многихъ полезныхъ математическихъ книгъ, и другаго—Лемонте, остроумнаго, но лѣниваго писателя. Сей послѣдній пріобрѣлъ извѣстность нѣсколькими сатирическими, забавными повѣстями, а болѣе изданіемъ Записокъ маркиза Данжо, съ прибавленіемъ пространныхъ критическихъ замѣчаній, что̀ и составило часть исторіи Лудовика XIV. Оба были ко мнѣ очень благосклонны, и еслибъ я остался въ Парижѣ, чрезъ нихъ могъ бы расширить знакомство свое въ ученомъ кругу, но по краткости времени мнѣ о томъ и думать нельзя было. Всѣ эти господа были очень наклонны къ либерализму, а Брегеты, отецъ и сынъ, были всегда въ восторгѣ отъ изобрѣтательной Англіи.

Въ другую атмосферу попасть я не могъ. Мнѣ не слѣдовало бы говорить о мимолетномъ знакомствѣ моемъ съ маркизомъ де ла-Мезонфоръ, но это была единственная дверь, которая отворилась передо мною для входа въ общество высшихъ легитимистовъ, и что̀ всего страннѣе, ее отперъ мнѣ бывшій террористъ Сенноверъ. Я уже разказалъ какъ въ Петербургѣ умѣлъ онъ прикинуться эмигрантомъ; тамъ свелъ онъ короткое знакомство съ этимъ маркизомъ, который, находясь въ русской службѣ, занималъ неважныя должности по дипломатической части, какъ напримѣръ, повѣреннаго въ дѣлахъ въ Брауншвейгѣ. Послѣ реставраціи онъ получилъ важное мѣсто интенданта королевскаго двора, не столь высокое какъ у насъ — министра императорскаго, однакоже, кажется, равное гофмаршалской должности въ соединеніи съ гофмейстерскою; онъ имѣлъ большое содержаніе и обширное помѣщеніе въ придворныхъ зданіяхъ на Вандомской площади. Онъ слылъ за чрезвычайно спѣсиваго и по возвращеніи на родину, оказалъ себя таковымъ даже и съ Русскими, но тѣ какъ-то отучили его. Я видѣлъ его въ петербургскихъ обществахъ и онъ тотчасъ узналъ меня, когда я завезъ ему письмо Сенновера. Со мною онъ былъ очень привѣтливъ, сказалъ что мало бываетъ въ Парижѣ, а лѣтомъ большую часть времени проводитъ около Марли, въ Люсіеннѣ, любимомъ мѣстопребываніи извѣстной Дюбарри; сказалъ что тамъ надѣется познакомить меня со многими изъ благомыслящихъ его соотечественниковъ и записалъ мой адресъ. Черезъ нѣсколько дней онъ прислалъ пригласить меня туда

обѣдать, но я не могъ, ибо приглашенъ уже былъ въ другое мѣсто. Я опять засталъ его дома, чтобы извиниться и благодарить за приглашеніе, опять онъ самъ заѣзжалъ звать меня и опять я не поѣхалъ подъ какимъ-то предлогомъ. Тѣмъ и кончилось наше знакомство; зимой я съ пользою могъ бы возобновить его, но я такъ долго не остался. Послѣ онъ былъ посланникомъ въ Флоренціи, и я уже объ немъ болѣе не слыхалъ.

Изъ Русскихъ довольно часто видѣлъ я двухъ не весьма обыкновенныхъ людей, которые, не будучи вовсе знакомы между собою, едва ли зная о существованіи другъ друга, въ нѣкоторомъ смыслѣ имѣли большое сходство и вели одинаковый образъ жизни. У обоихъ ровно ничего не было, а ихъ житью иной достаточный человѣкъ могъ бы позавидовать. Карты объясняютъ расточительность иныхъ бѣдныхъ людей, но ни который изъ нихъ не былъ игрокомъ: цѣлый вѣкъ умѣли они скрывать отъ глазъ человѣческихъ тайникъ, изъ коего черпали средства къ постоянному поддерживанію своей роскоши. Первый, служившій тогда въ генеральномъ штабѣ при дивизіи Алексѣева, часто отлучался изъ Ретеля и всегда останавливался въ отелѣ, въ которомъ я жилъ. Не задолго передъ тѣмъ меньшая сестра его, сиротка, вышла за сына двоюроднаго брата моего: все вмѣстѣ сдѣлало для меня знакомство его неизбѣжнымъ. Откуда онъ былъ родомъ и какого происхожденія? мнѣ неизвѣстно: судя по фамильному имени надобно было почитать его Италіянцемъ или Грекомъ, но онъ не имѣлъ понятія о языкахъ сихъ народовъ, зналъ хорошо только русскій и принадлежалъ къ православному исповѣданію. Умомъ и даже разсудкомъ былъ онъ отъ природы достаточно награжденъ: только въ послѣднемъ чего-то недоставало. Какими бы средствами человѣкъ не собиралъ матеріялы для сооруженія фортуны своей, по крайней мѣрѣ нельзя отказать ему въ предусмотрительности; но тутъ этого вовсе не было: добытыя деньги медленнѣе приходили къ нему чѣмъ уходили. Вѣчно бы ему пировать; еслибъ еще онъ былъ бы весельчакъ, ни мало: онъ всегда былъ мраченъ, и въ мутныхъ глазахъ его никогда не блистала радость. Въ немъ было бедуинское гостепріимство, и онъ готовъ былъ и на одолженія, отчего многіе его любили. Добраго Алексѣева тайно поджигалъ онъ противъ Воронцова, ко всѣмъ распрямъ между военными былъ онъ примѣшанъ, являясь будто примирителемъ, болѣе возбуждалъ ссорящих-

ся и потомъ предлагалъ себя секундантомъ. Многимъ оттого казался онъ страшенъ; но были другіе, которые увѣряли, что когда дѣло дойдетъ собственно до него, то ни въ ратоборствѣ, ни въ единоборствѣ онъ большой твердости духа не покажетъ.

Всякій разъ, какъ немного поднявшись по лѣстницѣ заходилъ къ нему, находилъ изобильный завтракъ или пышный обѣдъ: на столѣ стояли горы огромныхъ персиковъ, душистыхъ грушъ и дорогаго винограда, искусственно произрастающаго въ Фонтенебло, подъ названіемъ шассела. Я не принималъ участія въ сихъ Лукулловскихъ трапезахъ: предписанная мнѣ діета служила мнѣ предлогомъ къ отказу. И кого угощалъ онъ? людей съ такими подозрительными рожами, что совѣстно и страшно было вступать съ ними въ разговоры. Разъ одинъ изъ нихъ мнѣ понравился: у него было очень умное лицо, на которомъ было замѣтно, что сильныя страсти не потухли въ немъ, а утихли. Онъ былъ очень вѣжливъ, сказалъ что обожаетъ Русскихъ и въ особенности мнѣ желалъ бы на что-нибудь пригодиться: тотчасъ послѣ того объяснилъ какого рода услуги онъ можетъ оказать мнѣ. Какъ султанъ властвовалъ онъ надъ всѣми красавицами, которыя продали и погубили свою честь. Видя что я съ улыбкой слушаю его, онъ сказалъ: „я не скрою отъ васъ моего имени, васъ по крайней мѣрѣ не должно оно пугать: я Видокъ.“ И дѣйствительно оно не испугало меня, потому что я услышалъ его въ первый разъ. Вскорѣ растолковали мнѣ, что я знакомъ съ главою парижскихъ шпіоновъ, мушаровъ, какъ ихъ называли; что этотъ человѣкъ за великія преступленія былъ осужденъ, нѣсколько лѣтъ былъ гребцомъ на галерахъ и носитъ клеймо на спинѣ. Нѣтъ, отъ такого человѣка не захотѣлъ бы я и магометова рая. Не помню послѣ того былъ ли я у Z? Непріятно же было всегда встрѣчать каторжныхъ. И что за охота принимать такихъ людей? Изъ любопытства, подумалъ я, чрезъ нихъ знаетъ онъ всю подноготную, всѣ таинства Парижа, которыя тогда еще не были напечатаны. Послѣ я лучше понялъ причины знакомства съ сими людьми; такъ же какъ они Z. одною ногой стоялъ на ультрамонархическомъ, а другою на ультрасвободномъ грунтѣ, всегда готовый къ услугамъ побѣдителей той или другой стороны.

Другой промышленникъ, С., былъ давнишній мой знакомецъ.

Урожденецъ изъ Бѣлоруссіи, сынъ шкловскаго священника, онъ хорошо учился въ Московскомъ университетѣ подъ покровительствомъ отца Тургеневыхъ. Изъ нихъ нѣсколькими годами старѣе Александра, сохранялъ онъ съ нимъ связи, а черезъ него былъ знакомъ и съ нами. Пользуясь природными способностями, быстротою понятія, удивительною легкостію въ работѣ, гибкостію характера, онъ сталъ шибко подвигаться въ чинахъ по части юстиціи и въ званіи начальника отдѣленія канцеляріи, сдѣлался любимцемъ самого министра князя Лопухина. Но онъ слишкомъ любилъ житейское, веселыя холостыя бесѣды; не имѣя денежныхъ средствъ, чтобы вдоволь натѣшиться, онъ началъ прибѣгать къ займамъ; это много повредило ему, самые невыгодные о немъ слухи стали доходить до министра, который просто велѣлъ ему оставить службу. Привычка дѣлать долги обратилась у него въ страсть; пока онъ находился въ службѣ, она легко могла быть удовлетворяема, заимодавцы его по большей части были просители, коихъ дѣла были ему поручены, они не преслѣдовали его. Но тутъ на свободѣ надобно было видѣть изворотливость его, когда, не отказывая себѣ ни въ чемъ, ему пришлось жить одними долгами; надобно было видѣть ловкость, искусство, съ какими, умножая число кредиторовъ своихъ, онъ умѣлъ защищать себя, убѣгать отъ нихъ. Такая тревожная жизнь другому была бы мукою, но онъ находилъ въ ней наслажденіе. Наконецъ, когда угрожаемъ былъ тюрьмою, онъ рѣшился спастись отъ нея службой и опредѣлился правителемъ канцеляріи къ герцогу Александру Виртембергскому, котораго тогда назначили бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ. Подъ его именемъ управлялъ онъ краемъ, и надобно полагать, не нуждался тамъ ни въ чемъ. Онъ начиналъ уже не ладить съ своимъ герцогомъ, когда послѣдовало нашествіе Галловъ; тогда онъ присталъ къ ретирующейся нашей арміи, и съ нею болѣе не разставался отъ Витебска до Москвы и отъ Москвы до Парижа. Своею вкрадчивостію, всегда веселымъ видомъ, длинными, но искусными разказами, на половину приправленными краснымъ словцомъ, сей умный и пріятный краснобай плѣнилъ всѣхъ нашихъ генераловъ, начиная съ Милорадовича и Платова; находился то при томъ, то при другомъ, въ какомъ качествѣ не знаю, и жилъ въ изобиліи, беззаботно, на казенный ли счетъ или на непріятельскій не вѣдаю.

Достигнувъ Парижа, онъ долго не могъ оторваться отъ него, да и не думалъ о томъ; какъ рыбѣ въ быстрой и широкой рѣкѣ, было въ немъ ему раздолье. Онъ сдѣлался корреспондентомъ корпуснаго начальника, графа Воронцова, получалъ за то содержаніе изъ экстраординарныхъ суммъ и забавлялъ его исправно не весьма правдивыми, но всегда любопытными извѣстіями. Тутъ-то совершенно разладилъ онъ съ постояннымъ, почтенія достойнымъ, трудомъ, который открылъ ему дорогу по службѣ; мелочной дѣятельности его представилось тысячу предметовъ, изъ коихъ плелъ онъ свои сплетни. Умъ и ласковое обхожденіе всегда привлекаютъ Французовъ и С., въ которомъ вообще было много липкаго, полюбили они, хотя и почитали тайнымъ агентомъ Россіи. Кого не зналъ онъ въ Парижѣ? журналистовъ, адвокатовъ, депутатовъ, проникнулъ даже въ Сенъ-Жерменское предмѣстье. Политическихъ мнѣній своихъ онъ рѣшительно не объявлялъ, потому что не имѣлъ ихъ, говорилъ всегда двусмысленно, и каждая партія почитала его своимъ.

Число такихъ людей, къ несчастію, чрезвычайно размножилось; они суть порожденіе вѣка сомнѣній и эгоизма. Въ прежніе вѣка, когда боролись за религію или за независимость, люди чистосердечно поддерживали свои правила сильными, откровенными рѣчами и мощно вооруженною рукой. Нынѣ, хотя многіе хорошо понимаютъ безразсудность господствующихъ мнѣній, не имѣютъ твердости имъ противиться и надѣются извлечь изъ нихъ личную пользу. Что имъ до отчизны, до ея чести, до ея благоденствія, лишь бы они насладились всѣмъ, а поглядишь, поздно раскаявшись, они гибнутъ съ нею.

Много непонятнаго, необъяснимаго было тогда въ жизни С.; самъ онъ искусно накидывалъ на нее таинственность, которая придавала ему нѣкоторую важность. Денегъ, получаемыхъ отъ Воронцова, ему не могло быть достаточно; въ Парижѣ долги дѣлать легко, но отдѣлываться отъ нихъ трудно. Тамъ была неумолимая, Святая Пелагея, не мученица, а мучительница; тѣ, коихъ заключала она въ холодныя свои объятія, не скоро могли отъ нихъ освободиться. Чѣмъ же онъ жилъ? И для чего нанималъ онъ въ одно время три квартиры, въ разныхъ частяхъ города, отдаленныхъ одна отъ другой, и прятался въ нихъ отъ посѣтителей? Меня же всегда предупреждалъ о томъ гдѣ могу его

найдти, и вообще сохранилъ ко мнѣ прежнюю обязательность. Его помощь была мнѣ даже полезна въ нижеслѣдующемъ случаѣ.

Разъ, прогуливаясь въ такъ-называемомъ саду Пале-Рояля, я замѣтилъ большую толпу подлѣ аркадовъ, коими онъ окруженъ. Приблизившись, подъ аркадами, я увидѣлъ высокаго мущину, важно шествующаго въ довольно богатомъ, восточномъ нарядѣ, съ предлинною бородой; нескромныя женщины, которыя населяли тогда Пале-Рояль, нескромными рѣчами, нескромными движеніями изумляли степеннаго мужа, теребили его бороду, тащили его за рукава; народъ кругомъ хохоталъ. Я узналъ Калліархи, одного петербургскаго знакомаго, поспѣшилъ къ нему на помощь, и оборотясь къ зрителямъ сказалъ, что стыдно Французамъ отдавать на поруганіе пріѣзжихъ почтенныхъ людей. Едва успѣлъ я произнесть сіи слова, какъ они прикрикнули на дамъ, которыя всѣ разбѣжались. Г. Калліархи не зналъ какъ меня благодарить; мнѣ случалось съ нимъ разговаривать, но я зналъ его мало; тотъ убѣдительно просилъ меня навѣстить его, сказалъ гдѣ его квартира, спросилъ гдѣ я живу и объявилъ, что не болѣе трехъ часовъ, находясь въ Парижѣ, полюбопытствовалъ онъ взглянуть на Пале-Рояль, гдѣ, какъ сказали ему, онъ найдетъ лучшіе товары и встрѣтитъ лучшее общество: въ послѣднемъ онъ долженъ былъ разувѣриться.

Но что это за человѣкъ? нужно объяснить. Онъ былъ изъ числа тѣхъ фанарныхъ Грековъ, которыхъ порта черезъ каждые семь лѣтъ съ господарями отправляла понажиться въ Молдавію и Валахію, то-есть немного пограбить сіи княжества. Два семилѣтія Калліархи находился постельничимъ, то-есть оберъ-камергеромъ при князѣ Ипсиланти и каймаканомъ его, то-есть намѣстникомъ на время отсутствія его изъ столицы. Въ 1806 году, вмѣстѣ съ его свѣтлостію, бѣжалъ онъ въ Россію и успѣлъ увести нажитыя деньги. Въ награду за преданность Ипсиланти, четыремъ приближеннымъ къ нему особамъ, между прочимъ, Калліархи данъ былъ прямо чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Онъ имъ не воспользовался, а продолжалъ величаться прежними, странными для насъ титлами. Снисходительность правительства въ такомъ случаѣ непонятна; какъ было не снять съ него дарованный ему чинъ? но въ это время графъ Каподистрія покровительствовалъ всѣмъ Грекамъ, и они чрезвычайно

подняли носъ. При совершенномъ невѣжествѣ, слабый умъ Калліархи былъ еще затемняемъ необычайнымъ тщеславіемъ, и еслибы не присоединялась къ тому маленькая греческая хитрость, его просто можно было бы почитать дуракомъ. Въ княжествахъ онъ, какъ говорится, не положилъ на руку охулки, ибо при большой расточительности, капиталы имъ оттуда вывезенные только черезъ двадцать лѣтъ примѣтно начали таять. Болѣе всего тратился онъ на одежду, богатствомъ коей старался превзойдти господарей. У него былъ цѣлый магазинъ дорогихъ шубъ: мнѣ показывалъ онъ длинный кафтанъ съ широкими рукавами изъ турецкихъ шалей, съ широкими золотыми петлицами, къ концамъ коихъ алмазными пуговицами прикрѣплены были жемчужныя кисти, да еще огромный кинжалъ, украшенный изумрудами и яхонтами. Въ семъ нарядѣ представлялся онъ Лудовику XVIII, и этотъ король, который русскихъ генераловъ, открывшихъ ему путь къ престолу, въ публичныхъ аудіенціяхъ, не удостоивалъ ни единымъ словомъ, а только едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы, этого шута принималъ приватно и наговорилъ ему много любезнаго. Надобно сказать, что не одинъ восточный нарядъ, но и большая настойчивость и безстыдство помогли въ этомъ случаѣ Калліархи. Во время одного важнаго торжества, о коемъ буду говорить ниже, онъ пробился сквозь царедворцевъ и сталъ у самаго подножія королевскаго трона.

Я повторяю: какъ человѣка этого такъ и репутацію его зналъ я мало, и ему легко было обмануть меня. Ему вздумалось мнѣ покровительствовать; онъ увѣрилъ меня, что онъ задушевный другъ находившемуся тогда въ Парижѣ графу Растопчину, что говорилъ ему обо мнѣ, и что онъ на другой день приглашаетъ насъ вмѣстѣ обѣдать къ себѣ. Я былъ въ затрудненіи: зять мой Алексѣевъ, который коротко знакомъ былъ съ графомъ, предлагалъ уже мнѣ представиться ему, и я отказался; тутъ какъ ни стѣснительно мнѣ казалось, не принять сдѣланной мнѣ чести я не посмѣлъ. Въ открытой коляскѣ я отправился съ Калліархи и его длинною бородой; у подъѣзда слуга объявилъ намъ, что графиня нездорова, а графъ не обѣдаетъ дома, и я замѣтилъ, что слова сіи сопровождались улыбкой: я почти былъ радъ. Дня черезъ два пришелъ ко мнѣ С. съ жестокими упреками. Онъ часто бывалъ у Растопчина, который ему сказывалъ, что

Калліархи хотѣлъ ему навязать какого-то неизвѣстнаго ему человѣка (называя меня) и хотѣлъ привезти къ нему обѣдать; что онъ сперва изъявилъ было согласіе, но послѣ спохватился и велѣлъ отказать. С. вступился за меня, увѣряя, что я единственно, по ошибкѣ, могъ дать себя протежировать человѣку, котораго въ этомъ домѣ только-что дурачили, и родилъ въ Растопчинѣ желаніе узнать меня и поправить то что̀ онъ почиталъ своею неучтивостію. Напугавъ меня тѣмъ, что я слабостію своего поступка замаралъ себя, С., не давъ ни минуты опомниться, утащилъ меня съ собою.

Я не видалъ Растопчина съ той памятной для меня минуты, когда братъ водилъ меня къ нему мальчикомъ съ просьбою объ опредѣленіи въ службу, и я не безъ робости вошелъ въ его кабинетъ. Лѣта, покойное, тихое положеніе, въ коемъ онъ находился, и привѣтливый видъ, который хотѣлъ онъ показать мнѣ, смягчили прежнюю угрюмость лица его. Разговоръ начался о странности моего введенія, и я объяснилъ, сколь мало могу почитаться тутъ виновнымъ въ нескромности. Растопчинъ видно перемѣнилъ мнѣніе свое обо мнѣ, ибо пригласилъ, когда я буду свободенъ, посѣщать его, хотя всякій день, отъ одинадцати часовъ до трехъ пополудни, время, въ которое начиналъ онъ свои прогулки. Такъ какъ скоро послѣ того я долженъ былъ оставить Парижъ, то не болѣе трехъ или четырехъ разъ могъ я воспользоваться этимъ дозволеніемъ.

Растопчинъ, какъ всѣ старѣющіе люди, что̀ я знаю по себѣ, любилъ разказывать о быломъ. Разница только въ томъ, что отъ иныхъ разкащиковъ всѣ бѣгутъ, а другихъ не наслушаются. Не уважая и не любя Французовъ, извѣстный ихъ врагъ въ 812 году, онъ жилъ безопасно между ими, забавлялся ихъ легкомысліемъ, прислушивался къ народнымъ толкамъ, все замѣчалъ, все записывалъ, и со стороны собиралъ свѣдѣнія въ чемъ много помогалъ ему С. Наблюденія его и вслѣдствіе ихъ сужденія о настоящемъ, всегда остроумныя, часто справедливыя, умножали занимательность его разговора. Жаль только, что совершенно отказавшись отъ честолюбія, онъ предавался забавамъ, неприличнымъ его лѣтамъ и высокому званію.

Регентство, Лудовикъ XV, необузданность и расточительность Маріи Антуанетты, а послѣ нихъ революціонный ужасъ

пополамъ съ развратомъ, Парижъ совершенно превратили въ Вавилонъ новѣйшихъ временъ. Старики еще болѣе молодыхъ испытываютъ вліяніе этой нравственной заразы: особенно же тѣ, кои неохотно оставивъ бремя государственныхъ дѣлъ, чувственными наслажденіями хотятъ заглушить сожалѣнія о потерянной власти. Совсѣмъ не схожій съ Растопчинымъ, другой недовольный Чичаговъ сотовариществовалъ ему въ его увеселеніяхъ. Не знаю могутъ ли Парижане гордиться тѣмъ, что знаменитые люди, въ ихъ стѣнахъ, какъ въ непристойномъ мѣстѣ, почитаютъ все себѣ дозволеннымъ. Разъ получилъ я отъ Растопчина предложеніе потѣшиться съ нимъ забавнымъ зрѣлищемъ, приготовленнымъ у одной пожилой маркизы д'Эстенвиль, въ пышныхъ ея апартаментахъ, подлѣ королевской библіотеки, подъ аркадою Кольберта. Это была настоящая маркиза, не вымышленная; но не только Сенъ-Жерменское-предмѣстіе, а всѣ порядочныя женщины другихъ состояній давно уже чуждались ея общества. Во время революціи, а можетъ-быть и прежде, лишилась она большаго состоянія, но и въ бѣдности сохранила тонъ важной дамы. Знатные, богатые люди, во мзду ея угодливости, старались окружить ее новою роскошью и домъ ея поставить на высокой ногѣ. Къ ней Чичаговъ взялся представить Калліархи, а Растопчинъ съ старшимъ сыномъ своимъ, котораго знавалъ я въ Петербургѣ, съ С. и со мною долженъ былъ пріѣхать невзначай какъ будто въ гости. Особыя почести, особыя церемоніи ожидали тамъ новаго Мамамуши, котораго хотѣли возвести на высокое сѣдалище въ видѣ трона. Ни чести, ни безчестія не видѣлъ я въ посѣщеніи д'Эстенвиль, меня къ ней чрезвычайно зазывало, но мнѣ больно было бы видѣть русскихъ вельможъ, которые, думая дурачить одного человѣка, сами немного бы дурачились, и я нашелъ какой-то предлогъ извиниться, чтобы не участвовать въ этой продѣлкѣ. На другой день поспѣшилъ я навѣстить тщеславнаго Калліархи, который не могъ надивиться смѣлому, свободному обхожденію первостатейныхъ дамъ въ Парижѣ. „Удивительно, сказалъ онъ мнѣ съ самодовольствіемъ, какъ онѣ любятъ восточный костюмъ! Повѣрите ли вы, что эти молодыя, прекрасныя графини и виконтессы всѣ въ меня влюбились; я не зналъ куда дѣваться отъ стрѣлъ ихъ страстныхъ взоровъ.“ Я отвѣчалъ, что мнѣ остается только завидовать его счастію.

Итакъ онъ былъ у Растопчина домашнимъ буффономъ, С. весьма полезнымъ вѣстовщикомъ, я же, кажется, ни на что ему не годился. А онъ оказывалъ мнѣ много благосклонности, я думаю, оттого что я всегда съ жадностію слушалъ умныя его рѣчи. Послѣ того я уже не видалъ его въ жизни: на прощаніи онъ подарилъ мнѣ литографированный портретъ свой, весьма похожій, съ подписью:

Безъ дѣла и безъ скуки,
Сижу поджавши руки,

который у меня до сихъ поръ хранится.

(До слѣд. №)

УСТРОЙСТВО И УПРАВЛЕНІЕ НѢМЕЦКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ*

I.

Организація нѣмецкихъ университетовъ, съ перваго взгляда, повидимому, мало чѣмъ отличается отъ принятой у насъ, да и та разница, какая есть, ограничивается какъ будто больше однѣми подробностями и частностями, не касаясь главнаго и существеннаго. Но если вглядѣться пристальнѣе и глубже, то окажется, что, напротивъ, сходство ихъ это только наружное, а различіе весьма существенное, и что подъ одними и тѣми же названіями скрывается здѣсь и тамъ весьма различное содержаніе.

* Источниками для этой статьи послужили, кромѣ матеріяловъ и замѣтокъ, собранныхъ при посѣщеніи въ 1862—1863 г. двухъ швейцарскихъ (базельскаго и цюрихскаго) и семи германскихъ университетовъ (мюнхенскаго, лейпцигскаго, берлинскаго, геттингенскаго, боннскаго, гейдельбергскаго и тюбингенскаго), еще слѣдующія сочиненія: 1) *Rönne*: Das Unterrichtswesen des preussischen Staates. Berlin 1855 г. Томъ второй, заключающій въ себѣ очеркъ историческаго развитія университетовъ въ Германіи, стр. 368—397; 2) *I. F. Hautz*: Geschichte der Universität Heidelberg. Mannheim 1862—1864.

Университетская организація, какъ и все остальное въ Германіи, объясняется гораздо больше исторіей, чѣмъ мы привыкли думать. Если университеты дали здѣсь такіе превосходные результаты, если Германія есть классическая страна университетской науки и жизни, то это совсѣмъ не благодаря университетскимъ статутамъ, особливо въ томъ видѣ какъ они выработались въ послѣднее время, а помимо ихъ, благодаря нѣмецкому народному генію и множеству историческихъ обстоятельствъ; этотъ геній и эти историческія условія отчасти отразились въ университетскихъ уставахъ, но гораздо болѣе въ университетскихъ преданіяхъ, обычаяхъ и

Очеркъ внутренняго устройства университетовъ въ первые два, три вѣка послѣ ихъ основанія (см. Т. I, стр. 31—103); 3) *Rob. u. Rich. Keil*: Geschichte des Jenaischen Studentenlebens etc. Leipzig 18:8. Первыя страницы этой книги содержатъ любопытныя историческія свѣдѣнія о нѣмецкихъ университетахъ вообще; 4) *Gretschel*: Die Universität Leipzig in der Vergangenheit und Gegenwart. Dresden. 1830; 5) *Unger*: Göttingen und die Georgia Augusta. Göttingen 1861; 6) Geschichte der Universität Göttingen, въ 4-хъ томахъ. Первые два составлены *Pütter*'омъ и изданы въ Гёттингенѣ въ 1765 и 1788 годахъ, третій *Saalfeld*'омъ, изданъ въ Ганноверѣ въ 1820, четвертый составленъ университетскимъ совѣтникомъ *Oesterley*, изданъ въ Гёттингенѣ въ 1838 году; 7) *Klühfel*: Geschichte und Beschreibung der Universität Tübingen. Tübingen 1849. Но классическими сочиненіями для устройства и управленія университетовъ остаются, къ сожалѣнію, теперь уже устарѣвшія изслѣдованія гёттингенскаго профессора *Meiners*'а: Geschichte und Entwickelung der hohen Schulen unsers Erdtheils. Göttingen 1802—1805, 4 части, и Verfassung und Verwaltung deutscher Universitäten. Göttingen 1800—1802, двѣ части. Для настоящаго времени нѣтъ ничего подобнаго сочиненіямъ Мейнерса; несмотря на то, что число изданныхъ источниковъ чрезвычайно умножилось, и критическая исторія университетовъ была бы теперь возможнѣе, чѣмъ въ его время. Для изученія нынѣшняго устройства и управленія университетовъ нѣтъ другихъ средствъ, какъ собирать постановленія на мѣстахъ; многіе изъ нихъ не напечатаны и существуютъ въ рукописяхъ собранія университетскихъ постановленій: Коха—для прусскихъ университетовъ, Дёллингера—для баварскихъ, Рейшера—для тюбингенскаго не полны и не доведены до нашего времени. Рукописное собраніе постановленій геттингенскаго университета, подъ названіемъ *Kundebuch*, не доступно для публики. Мы пользовались имъ по особенной благосклонности тогдашняго проректора университета, профессора Германа.

правахъ, въ духѣ, живущемъ въ нѣмецкихъ университетахъ, которому статуты нерѣдко противодѣйствовали и вредили.

Университеты появились сперва въ Италіи. Древнѣйшіе изъ нихъ, не только тамъ, но и во Франціи, были свободными собраніями или правильнѣе союзами преподавателей и учениковъ; между послѣдними были люди всѣхъ званій и возрастовъ, стекавшіеся отовсюду слушать знаменитыхъ ученыхъ. Теперешніе университеты даютъ объ этихъ своихъ первообразахъ очень недостаточное понятіе. Послѣдніе не знали ни правилъ для пріема и выпуска, ни программъ преподаванія, ни примѣненія курсовъ къ практическимъ потребностямъ, ни опредѣленныхъ отношеній ученаго диплома къ правамъ на службу, на преподаваніе, на званіе или на практику, ни условій для того, чтобы быть преподавателемъ или студентомъ. И преподаваніе и ученіе были свободны; знаніе, талантъ и слава давали право быть профессоромъ; преподаваніе не было организовано систематически и не имѣло опредѣленной практической цѣли; знаніе считалось полезнымъ, необходимымъ, потому что оно—знаніе, и казалось само по себѣ всюду пригоднымъ. На первомъ планѣ стояло богословіе, которое еще не отдѣлялось отъ философіи, какъ въ послѣдствіи: это былъ важнѣйшій интересъ; затѣмъ—юриспруденція, исключительно каноническая и римская, состоявшая въ толкованіи сборниковъ и постановленій, очень занимала умы и своею практическою полезностью привлекала учениковъ; позднѣе къ этимъ двумъ отраслямъ знанія прибавилась еще медицина. Науки, соединенныя теперь въ философскомъ факультетѣ, но въ совершенно другомъ видѣ и объемѣ, считались лишь приготовительными, школою предварительнаго общаго образованія для слушанія специіяльныхъ предметовъ; самосостоятельнымъ кругомъ специіальныхъ наукъ, какъ теперь, онѣ тогда не были.

Всякое особое занятіе или промыселъ образовали въ средніе вѣка особыя мѣстныя общины или корпораціи, которыя управлялись и судились сами собою, имѣли свое имущество, находившееся въ ихъ завѣдываніи и во всѣхъ внутреннихъ распорядкахъ руководствовались своими правилами, добровольно постановленными. Въ такія-то общины или корпораціи сложились и университеты. При появленіи ихъ въ нихъ не было ничего собственно-воспитательнаго, въ теперешнемъ смыслѣ слова; этимъ объясняется почему универ-

ситетскія корпораціи могли пользоваться всѣми правами прочихъ общинъ; студенты далеко не были исключительно юноши, хотя многіе изъ нихъ и были очень молоды, гораздо моложе теперешнихъ самыхъ молодыхъ студентовъ; учась сами, многіе изъ студентовъ, въ то же время, преподавали своимъ младшимъ товарищамъ. Къ такимъ ученикамъ (о профессорахъ и говорить нечего) могли примѣняться и примѣнялись всѣ административные и судебные корпоративные порядки, существовавшіе въ гильдіяхъ и цехахъ для подмастерьевъ и учениковъ.

Мы замѣтили выше, что въ самомъ началѣ университетскія корпораціи были свободныя. Профессоры никѣмъ не опредѣлялись, не получали жалованья, а жили своими трудами и платою за лекціи. Надъ ними существовалъ только самый общій и далекій надзоръ: имъ запрещалось преподавать противное религіи.

Въ XIII и XIV вѣкахъ эти первоначальныя черты университетовъ нѣсколько измѣняются; оставаясь корпораціями, они принимаютъ церковный характеръ. Какъ представители науки и ученія, они естественно приблизились къ церкви, въ ту эпоху, когда религія была первѣйшимъ, почти исключительнымъ источниковъ всякаго знанія, и стали органами церкви, основывались всюду для утвержденія и укрѣпленія вѣры, съ благословенія и разрѣшенія папъ, которые благосклонно принимали прошеніе объ основаніи университетовъ, покровительствовали имъ, брали ихъ подъ свою защиту и надзоръ посредствомъ нарочно для того назначенныхъ канцлеровъ и снабжали профессоровъ и студентовъ матеріяльными средствами, преимущественно доходами отъ духовныхъ должностей и съ приходовъ (пребендами). Эта тѣсная связь университетовъ съ церковью не замедлила обнаружиться и во внутреннемъ ихъ быту; въ нихъ водворился монастырскій духъ; безбрачіе стало правиломъ для профессоровъ; между студентами ввелось общежитіе въ общихъ домахъ (collegia), подобное монастырскому, и съ разными обычаями, взятыми съ монашескаго быта. Очень вѣроятно, что образцомъ для такихъ общихъ квартиръ послужили школы, существовавшія при монастыряхъ.

Въ эту-то эпоху, когда университеты стали учрежденіями по преимуществу церковными, именно во второй половинѣ XIV вѣка и въ началѣ XV-го, были основаны первые универ-

ситеты и въ Германіи: въ Вѣнѣ * (1365), Гейдельбергѣ (1387), Кельнѣ (1388), Эрфуртѣ (1392), Вюрцбургѣ (1403), Лейпцигѣ (1409), Ростокѣ (1419). Вполнѣ свободными корпораціями, какъ нѣкогда италіянскіе университеты и въ началѣ своего существованія Парижскій, они никогда не были, основывались по мысли и ходатайству владѣтельныхъ государей и городовъ, которые обезпечивали ихъ матеріяльное существованіе доходами, землями, угодьями и другими вкладами. Въ послѣдствіи къ этому присоединялись щедрыя пожертвованія другихъ общинъ и частныхъ лицъ.

Такимъ образомъ, въ Германіи университеты, съ самаго начала, были любимыми учрежденіями не только церкви, но и свѣтскихъ владѣтелей, городскихъ общинъ и высшихъ сословій. На нихъ смотрѣли какъ въ иное время на монастыри и монашескіе ордены: они были источниками всякаго свѣта и знанія, необходимаго для души, полезнаго въ жизни. Гдѣ были университеты, тамъ собиралось около нихъ множество людей, жаждущихъ знанія и ученія, а это, въ свою очередь, подымало городъ, дѣлало его извѣстнымъ и славнымъ, усиливало промыслы и обороты, увеличивало матеріяльное благосостояніе и довольство мѣстныхъ жителей. Какъ средоточіе всякаго знанія университеты стали играть большую роль, потому что просвѣщеніе было распространено очень мало, а потребность въ немъ ощущалась все больше и больше. При сомнѣніяхъ въ дѣлахъ вѣры и церкви, особливо съ тѣхъ поръ какъ внутри ея стали появляться и усиливаться неустройство, раздоры и расколы, обращались за совѣтами и разрѣшеніями къ университетамъ; встрѣчались ли особенно трудные и запутанные судебныя дѣла, съ которыми судьи не могли справиться по недостатку знанія, возникали ли сомнительные медицинскіе случаи, требовавшіе, для своего разрѣшенія, помощи ученыхъ спеціялистовъ,—прибѣгали тоже къ университетамъ. Чрезъ это они, по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ, гдѣ нужна была помощь науки, возвысились на степень верховныхъ судилищъ или трибуналовъ, какъ средоточія высшаго знанія, по всѣмъ предметамъ и во всѣхъ отношеніяхъ.

Реформація, измѣнившая церковный и политическій бытъ

* Въ Прагѣ университетъ основанъ въ 1348 году, но онъ былъ не нѣмецкій, а чешскій.

части Германіи, и возникшее, вслѣдъ затѣмъ, научное протестантское движеніе не измѣнили, въ сущности, положеніе и значеніе нѣмецкихъ университетовъ, число которыхъ съ половины XV вѣка и до XVIII продолжало быстро возрастать. * Протестантскіе университеты сдѣлались хранителями и центрами преобразованнаго вѣроученія, а въ послѣдствіи свободной науки. Вышедши изъ-подъ опеки католической церкви, они стали подъ опеку свѣтской власти. Бытъ ихъ подъ вліяніемъ реформаціи секуляризировался и утратилъ монастырскій отпечатокъ, вмѣстѣ съ постепенною отмѣной безбрачія профессоровъ и сожительства студентовъ въ общихъ квартирахъ—коллегіяхъ или бурсахъ. Но главное и существенное удержалось попрежнему: университеты, старые и новые, остались центрами, источниками и хранителями высшаго ученія и знанія, изъ которыхъ свѣтъ разливался всюду. Оттого университеты были любимы, оттого они и основывались на-перерывъ. Каждый городъ и каждый владѣтельный государь хотѣли имѣть свой университетъ поближе, подъ руками. Неизмѣннымъ остался также и корпоративный характеръ университетовъ,—ихъ самосудъ, самоуправленіе и всѣ остальныя принадлежности средневѣковаго общиннаго устройства.

Дальнѣйшій ходъ европейской исторіи исподволь подготовилъ и наконецъ произвелъ важныя измѣненія въ значеніи, положеніи и самомъ устройствѣ нѣмецкихъ университетовъ.

Вопервыхъ, большое и большее распространеніе знаній и образованности во всѣхъ слояхъ общества,—чему существенно содѣйствовало основаніе безчисленнаго множества учебныхъ заведеній, низшихъ, среднихъ и высшихъ спеціяльныхъ, по всѣмъ частямъ, — не могло не ослабить монополіи высшаго знанія, которою университеты пользовались прежде почти исключительно. Помощь ихъ при разрѣшеніи

* Послѣ Ростокскаго университета основаны въ означенный періодъ времени слѣдующіе: въ Грейфсвальдѣ (1456), Фрейбургѣ (1457), Базелѣ (1460), Трирѣ и Ингольштадтѣ (1472), Тюбингенѣ (1477), Майнцѣ (1477), Грацѣ (1486), Виттенбергѣ (1502), Франкфуртѣ на Одерѣ 1506), Марбургѣ (1527), Кёнигсбергѣ (1544), Іенѣ (1548—58), Дилингенѣ (1549), Гельмштедтѣ (1576), Олмюцѣ (1581), Бамбергѣ (1585), Гиссенѣ (1607), Падерборнѣ (1616), Альтдорфѣ (1622), Зальцбургѣ (1622), Оснабрюкѣ (1632), Дюисбургѣ (1655), Килѣ (1665), Инспрукѣ (1672), Галлѣ (1694).

спорныхъ и сомнительныхъ вопросовъ, богословскихъ, юридическихъ, медицинскихъ и вообще научныхъ, безъ которой прежде обойдтись было невозможно, становилась все менѣе и менѣе нужною. Какъ повсемѣстное распространеніе промышленности и торговли приводитъ мало-по-малу въ упадокъ ярмарки, такъ и распространеніе просвѣщенія и знаній по всѣмъ отраслямъ рѣже и рѣже заставляетъ обращаться за совѣтомъ, указаніемъ, разъясненіемъ къ центрамъ науки и высшаго знанія. Видное положеніе университетовъ, значеніе, которое они имѣли, мало-по-малу стало ими утрачиваться. Другое обстоятельство, почему университеты постепенно потеряли прежній всенародный свой характеръ, заключается въ существенномъ, коренномъ измѣненіи самаго характера и значенія науки. Когда университеты впервые появились въ Германіи и еще долго послѣ наука и вѣра шли рука объ руку, первая дополняла вторую и не отдѣлялась отъ нея. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи наука естественно и неизбѣжно стала стремиться къ полной самостоятельности, получила критическое направленіе. Эта переходная эпоха была неизбѣжна, рано или поздно наука должна была войдти въ эту колею, развиваться въ этомъ смыслѣ. Конца этой эпохи мы еще не видимъ, хоть и начинаемъ его предчувствовать. Критическій складъ, представляя въ общемъ развитіи мысли и знанія относительно высшую ступень, временно отнялъ однако у науки ея всенародный, общедоступный характеръ, сузилъ кругъ ея непосредственнаго дѣйствія. Всякое изслѣдованіе и критика, какъ приготовительная работа, мало доступны для большинства людей и потому не могутъ имѣть на него такого глубокаго вліянія, какъ выработанное и законченное ученіе, приведенное къ нѣсколькимъ очевиднымъ, простѣйшимъ истинамъ, понятнымъ для всѣхъ. Чтобы разработать предметы и возвести ихъ въ научное знаніе, критика сперва дробитъ ихъ на части и каждую изслѣдуетъ отдѣльно. Пока этотъ тяжкій и продолжительный трудъ не доведенъ до конца во всѣхъ подробностяхъ и предметы не возсозданы во всей ихъ полнотѣ въ новой научной формѣ, наука представляетъ лишь отрывочное, неполное, сухое знаніе, которое не можетъ глубоко западать въ массы и остается удѣломъ лишь ученыхъ спеціялистовъ, много-много образованнѣйшаго меньшинства. Этотъ есте-

ственный ходъ науки имѣлъ большое вліяніе на значеніе и роль университетовъ. Ихъ общественное положеніе было очень видное, они стояли на первомъ планѣ, какъ свѣтильники всякой премудрости, пока наука и вѣра составляли одно цѣлое и проникали другъ друга. Но съ постепеннымъ выдѣленіемъ науки, которой они были органами, кругъ ихъ дѣйствія ограничился болѣе опредѣленными и тѣсными предѣлами; учебный характеръ выдвинулся значительно на первый планъ, всенародный сгладился; ставъ исключительно свѣтскими учрежденіями, они мало-по-малу перестали быть представителями чрезвычайно обширнаго круга интересовъ вѣры и церкви. Изъ центровъ высшаго знанія, изъ свѣтильниковъ, поставленныхъ высоко, на которые были обращены глаза всѣхъ, къ которымъ всѣ прибѣгали за помощью, совѣтомъ и поученіемъ, они постепенно все болѣе и болѣе обращались въ спеціальныя учрежденія, въ лабораторіи науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ померкло понемногу и ясное сознаніе о томъ что̀ такое университеты, для чего они существуютъ. Явился вопросъ: считать ли ихъ за учрежденія для разработки науки или за высшія учебныя заведенія, и какъ согласить эти двѣ цѣли, столько между собою различныя, особливо съ тѣхъ поръ какъ научныя системы, пріемы и взгляды начали, вслѣдствіе преобладающаго критическаго направленія, быстро смѣняться, да и самое знаніе при этомъ направленіи, все болѣе и болѣе расходилось съ ежедневною практическою дѣйствительностью и уже не могло непосредственно удовлетворять ежедневнымъ насущнымъ потребностямъ большинства. Эти послѣдствія отразились на положеніи и значеніи университетовъ, конечно, гораздо позднѣе и особенно сильно чувствуются лишь теперь; но то что̀ мы теперь видимъ подготовлялось издавна и долгое время.

Наконецъ, сильное вліяніе имѣло на университеты постепенное упраздненіе средневѣковыхъ юридическихъ и общественныхъ порядковъ. Съ отмѣною привилегій, съ водвореніемъ гражданской равноправности, съ централизаціей власти, съ развитіемъ бюрократической администраціи, возникшей на развалинахъ корпоративнаго самоуправленія и стремившейся подвести разнообразіе средневѣковыхъ учрежденій подъ одинаковыя, упрощенныя формы, автономія и корпоративность университетовъ не могли удержаться въ прежнемъ видѣ, ихъ свобода и привилегіи стали аномаліей посреди

новыхъ формъ общественности, и постепенное ихъ введеніе въ общую колею администраціи и суда, подчиненіе общему законодательству и административной регламентаціи было естественнымъ послѣдствіемъ новаго порядка дѣлъ, установившагося въ Германіи. Это сдѣлалось тѣмъ легче, что нѣмецкіе университеты, какъ мы выше замѣтили, никогда не были вполнѣ свободными корпораціями, ибо образовались не сами собою, а были основаны городами или владѣтельными государями, сперва съ разрѣшенія папъ, а въ послѣдствіи—императоровъ. Конечно, сначала законодательство и администрація очень мало и какъ бы издалека касались университетовъ; корпоративныя университетскія учрежденія поставлены были только подъ административный надзоръ и контроль, были только утверждаемы постановленіями и распоряженіями правительства. Автономія университетскихъ корпорацій считалась такою существенною принадлежностью ихъ, такъ срослась съ понятіемъ объ университетахъ, что даже тѣ изъ нихъ, которые были основаны въ Германіи въ теченіе XVIII и въ началѣ XIX вѣка, * уже подъ вліяніемъ новыхъ идей о ихъ назначеніи и призваніи, получили устройство одинаковое съ прочими университетами, существовавшими издавна. Но въ послѣдствіи вмѣшательство государственной власти въ бытъ и внутренніе порядки университетскихъ корпорацій значительно усилилось. Къ указаннымъ выше общимъ причинамъ, которыя скрывались въ новыхъ условіяхъ общественности, присоединились еще другія ближайшія, именно политическія, вызванныя отчасти событіями, отчасти и критическимъ направленіемъ науки. Первая французская революція, закончившая цѣлый періодъ европейской исторіи и начавшая новыя войны и перевороты, которые она родила, и возникшее, вслѣдствіе того, національное движеніе въ Германіи, произвели сильное и глубокое впечатлѣніе на молодыя университетскія поколѣнія. Въ нихъ появилось броженіе, имѣвшее политическій характеръ, по крайней мѣрѣ политическій оттѣнокъ. Въ самомъ ли дѣлѣ оно грозило перейдти въ революціонное движеніе, или реакція только воспользовалась имъ для своихъ цѣлей, на это раз-

* Въ Бреславлѣ (1702), Геттингенѣ (1733), Фульдѣ (1734), Эрлангенѣ (1742), Мюнстерѣ (1773), Штутгардтѣ (1781), Берлинѣ (1809), Боннѣ (1818).

личныя партіи смотрятъ различно, и каждая объясняетъ дѣло съ своей точки зрѣнія, преувеличивая, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, то что говоритъ въ ея пользу, сглушевывая и скрадывая доводы въ пользу противной стороны. Такъ или иначе, но броженіе обнаружившееся въ университетахъ подало поводъ къ цѣлому ряду правительственныхъ мѣръ. Послѣ окончанія отечественныхъ войнъ, преподаваніе и преподаватели, подобно студентамъ, подверглись въ германскихъ университетахъ непосредственному строгому надзору правительства. Автономія университетовъ въ дозволеніи читать университетскія лекціи прекратилась; опредѣленіе профессоровъ стало болѣе зависѣть отъ министерствъ, причемъ выборомъ нерѣдко руководили соображенія, неимѣвшія ничего общаго съ наукою.

Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, исторія внутренняго устройства нѣмецкихъ университетовъ. Оно сложилось вначалѣ по образцу современныхъ средневѣковыхъ учрежденій. Каждая новая эпоха отмѣняла въ немъ что-нибудь и приносила что-нибудь новое. Эти постепенныя историческія наслоенія сохранились болѣе или менѣе явственно и о сю пору. Отголоски отъ всѣхъ предыдущихъ эпохъ слышатся и въ настоящее время въ нѣмецкомъ университетскомъ быту и понять его невозможно, не восходя иногда къ очень отдаленнымъ временамъ. Вслѣдствіе этого, при изложеніи нынѣшняго устройства и управленія нѣмецкихъ университетовъ, мы должны будемъ, для объясненія ихъ, чаще прибѣгать къ исторіи, чѣмъ къ общимъ теоретическимъ соображеніямъ, хотя, разумѣется, и для послѣднихъ нѣмецкая университетская организація представляетъ множество драгоцѣнныхъ и поучительныхъ матеріяловъ.

Въ настоящее время нѣмецкіе университеты суть высшія учебныя заведенія, назначенныя болѣе для общаго научнаго, чѣмъ для специально-техническаго образованія молодыхъ людей. Говоримъ *болѣе*, потому что различіе между тѣмъ и другимъ на самомъ дѣлѣ не проведено строго-послѣдовательно, и по нѣкоторымъ частямъ университеты ничѣмъ теперь не отличаются отъ высшихъ специальныхъ школъ. Они приготовляютъ къ будущей практической дѣятельности судебныхъ и административныхъ чиновниковъ, пасторовъ и проповѣдниковъ, врачей и учителей, какъ политехническіе

институты—инженеровъ и техниковъ, земледѣльческія училища—агрономовъ и т. п.

Основныя черты университетской организаціи заключаются въ слѣдующемъ. Каждый университетъ представляетъ въ юридическомъ и административномъ смыслѣ единое цѣлое, въ составѣ котораго находятся факультеты, такія же административныя и юридическія единицы, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подчиненныя университету, въ другихъ—дѣйствующія самостоятельно. Личный составъ университета и факультетовъ образуется изъ преподающихъ, университетскихъ воспитанниковъ и сверхъ того изъ разныхъ должностныхъ лицъ по университетскому управленію, не принадлежащихъ къ числу преподавателей. Что касается университетскихъ воспитанниковъ, то не всѣ они принадлежатъ къ личному составу университета, а только тѣ изъ нихъ, которые въ немъ записаны. Каждый изъ записанныхъ непремѣнно числится по одному изъ факультетовъ. Точно также не всѣ преподающіе въ университетѣ принадлежатъ къ его составу, а только тѣ, которые зачислены. Они раздѣляются на нѣсколько категорій. Преподающіе извѣстныхъ разрядовъ непремѣнно принадлежатъ къ тому или другому факультету, иногда къ двумъ или нѣсколькимъ факультетамъ вмѣстѣ; преподающіе другихъ разрядовъ, напротивъ, числятся только по университету, не принадлежа ни къ одному факультету.

Въ университетскомъ управленіи принимаютъ участіе не всѣ разряды преподавателей, даже изъ числа принадлежащихъ къ составу университета. Управленіе факультетское принадлежитъ факультетскимъ профессорамъ съ деканомъ во главѣ, а обще-университетское—университетскимъ сенатамъ, одному или двумъ, разнымъ коммиссіямъ, предсѣдательствующему въ тѣхъ или другихъ ректору, который избирается профессорами изъ своей среды, и наконецъ коронныммъ чиновникамъ, при значительномъ участіи центральнаго правительства, преимущественно же министерствъ и ихъ непосредственныхъ органовъ, состоящихъ при нѣкоторыхъ университетахъ. Разныя комбинаціи всѣхъ этихъ органовъ управленія, различный кругъ ихъ дѣятельности, разная степень ихъ власти и подчиненности производятъ большое разнообразіе, замѣчаемое въ устройствѣ и управленіи нѣмецкихъ университетовъ. Это же устройство существуетъ и у

насъ, но какъ всякое заимствованіе, оно, на новой почвѣ, потеряло свой историческій характеръ. Установившіяся формы мы принимаемъ за теоретическія основанія университетской организаціи и стараемся только приладить ихъ къ нашимъ условіямъ и потребностямъ; въ Германіи же они сохранили всю свою, если можно такъ выразиться, историческую прозрачность. Здѣсь, въ ихъ родинѣ, эти отвлеченныя схемы являются живыми произведеніями исторіи, и теоретическое ихъ значеніе теснѣйшимъ образомъ слито со всѣмъ бытомъ и преданіями. Освѣщенныя исторіей, онѣ и для насъ оживаютъ; мы получаемъ возможность взглянуть на нихъ глубже, многостороннѣе, отрѣшиться, при ихъ обсужденіи, отъ догматизма и доктринерства, которые всего болѣе затемняютъ правильный взглядъ на учрежденія.

Если мы, при всѣхъ усиліяхъ, никакъ не можемъ теоретически различить университетовъ отъ высшихъ спеціяльныхъ учебныхъ заведеній, то это потому, что различіе между тѣми и другими опредѣляется не теоріей, а исторіей. Университеты принадлежатъ къ древнѣйшей формаціи, спеціяльныя школы—къ новѣйшей. Университеты возникли въ то время, когда вѣра и наука, теорія и ея примѣненія не были еще различены и сливались въ одно цѣлое; когда кругъ наукъ опредѣлялся совсѣмъ иначе чѣмъ теперь. Это происхожденіе университетовъ и придаетъ имъ особый характеръ, который они сохранили до сихъ поръ, чрезъ цѣлые вѣка, и отличаетъ ихъ отъ высшихъ спеціяльныхъ школъ.

Къ личному составу университетовъ, къ коллегіяльнымъ формамъ его управленія, къ преобладанію въ немъ выборнаго начала, мы такъ привыкли, все это такъ срослось въ нашихъ понятіяхъ съ представленіемъ объ университетахъ, что намъ и въ голову не приходитъ спросить себя: откуда же все это взялось? Почему университеты существуютъ именно въ этомъ видѣ, а не въ какомъ-нибудь другомъ? Насъ ничто и не наводитъ на эти вопросы, потому что ничто не напоминаетъ намъ о происхожденіи этихъ формъ и этой организаціи. Не то въ нѣмецкихъ университетахъ. Въ Германіи они запечатлѣны воспоминаніями и полны обломками старины. Коллегіяльныя формы и выборное начало носятъ живые слѣды того времени, когда университеты, сложившіеся по образцу промышленныхъ и ремесленныхъ корпорацій, сами собою управлялись и судились. Принадлежность къ

составу университета, теперь для насъ непонятная, получаетъ полный свой смыслъ въ Германіи, гдѣ она до сихъ поръ называется правомъ академическаго гражданства, гдѣ пріемъ въ университетъ и выходъ изъ него сопровождаются, для студентовъ и для профессоровъ, разными торжественными формами, причемъ студенты обѣщаютъ ректору строго соблюдать всѣ университетскія постановленія (прежде они присягали, а профессоры и теперь еще даютъ въ этомъ присягу. Это право гражданства, эти торжественные обряды, наглядно представляютъ намъ ту эпоху, когда университеты, подобно прочимъ средневѣковымъ корпораціямъ, составляли замкнутыя общины, члены которыхъ образовали между собою особый союзъ, рѣзко отдѣленный отъ прочихъ. Теперь эти союзы больше не существуютъ; отжившія ихъ формы нерѣдко противорѣчатъ новымъ условіямъ общественности и производятъ чрезвычайно запутанныя различія между лицами, принадлежащими и не принадлежащими къ составу университета,—различія, которыя нѣмецкое университетское законодательство напрасно старается возвести къ общимъ теоретическимъ основаніямъ.

Нѣмецкіе университеты имѣютъ и по сю пору обширную юрисдикцію. Они судятъ не только дисциплинарные проступки студентовъ и профессоровъ, но даже полицейскія и гражданскія дѣла, а недавно еще нѣкоторые университеты имѣли юрисдикцію даже въ дѣлахъ уголовныхъ и брачныхъ. Чѣмъ дальше отъ нашего времени, тѣмъ кругъ дѣлъ и лицъ подсудимыхъ университетамъ былъ обширнѣе. Въ наше время университетская юрисдикція есть открытый теоретическій вопросъ; въ пользу и противъ нея приводятся очень основательные доводы и идетъ горячій споръ. Но откуда взялась университетская юрисдикція? На это отвѣчаетъ исторія. Мы можемъ и теперь еще видѣть въ Германіи, что университетскій судъ есть уцѣлѣвшій остатокъ самосуда средневѣковыхъ корпорацій. Постепенныя стѣсненія его представляютъ до сихъ поръ продолжающіяся сдѣлки между старыми и новыми условіями общественнаго быта, причемъ первыя мало-по-малу преобразуются и упраздняются послѣдними. Никакія теоретическія соображенія не въ состояніи разрѣшить вопроса, почему одни дѣла должны подлежать университетской юрисдикціи, другіе—общей, земской; всѣ такія соображенія оказываются очень произвольными, натянутыми, без-

плодными и не приводятъ къ яснымъ, положительнымъ результатамъ; но посмотрите на нѣмецкіе университеты, съ ихъ преданіями и живыми обломками старины, загляните въ исторію, чтобъ объяснить себѣ эти преданія и обломки, обратившіеся въ какіе-то загадочные іероглифы посреди другой обстановки, и вопросъ вдругъ выяснится вполнѣ; окажется, что въ старину, когда общаго государственнаго и земскаго суда и управленія еще не было, человѣкъ принадлежалъ вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ къ корпораціи, вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ состоялъ подъ ея управленіемъ и судомъ; когда же этотъ корпоративный бытъ сталъ замѣняться государственнымъ и земскимъ, послѣдній началъ постепенно отсвоивать у перваго и судъ и полицію. Отсюда и замѣчаемая теперь половинчатость правъ университетскаго гражданства и университетской юрисдикціи.

Сказаннаго, мы думаемъ, совершенно достаточно, чтобъ объяснить, въ какомъ отношеніи болѣе подробное изученіе нѣмецкой университетской организаціи кажется намъ особенно интереснымъ и поучительнымъ для насъ, Русскихъ. Поэтому не останавливаясь далѣе на общихъ соображеніяхъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію теперешней нѣмецкой университетской организаціи и управленію, и постараемся объяснить исторически ихъ особенности, которыя суть уцѣлѣвшіе обломки прошедшаго, во многомъ не согласненные съ теперешнимъ назначеніемъ и характеромъ университетовъ.

Начнемъ съ *факультетовъ*. Ихъ личный составъ, организація и предметы занятій удержали гораздо болѣе слѣдовъ старины, чѣмъ обще-университетское устройство и управленіе. Послѣднее подверглось, въ нынѣшнемъ столѣтіи, существеннымъ перемѣнамъ, которыя менѣе коснулись факультетовъ. Мы теперь видимъ въ факультетахъ лишь подраздѣленіе университетскихъ преподавателей и студентовъ по главнымъ отдѣламъ или группамъ, на которыя систематически дѣлится вся область знанія. Но такой взглядъ позднѣйшаго происхожденія; онъ возникъ когда факультеты давно уже сложились въ теперешнемъ своемъ видѣ, и есть ничто иное какъ попытка возвести въ теорію существующій фактъ, придать ему научное объясненіе, оправдать его общею разумною причиной. Такихъ теоретическихъ объясненій многое множество. Наука загромождена ими до сихъ поръ, и историческая критика лишь понемногу освобождаетъ ее отъ такихъ произ-

вольныхъ построеній, докапываясь до историческихъ фактовъ, которые служатъ имъ первоначальнымъ основаніемъ и поводомъ.

Въ началѣ университеты совсѣмъ не обнимали всего круга наукъ. Названіе ихъ, universitates, сперва вовсе не означало совокупности знанія (universitas litterarum), какъ придумали въ послѣдствіи, а только совокупность преподавателей или учащихся, или же тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Такъ назывались и другія средневѣковыя корпораціи, представлявшія каждая и совокупность лицъ, занимавшихся извѣстнымъ ремесломъ или промысломъ. Университеты также подходили подъ эту категорію, и потому получили свое названіе. Древнѣйшіе изъ нихъ не имѣли вовсе факультетовъ, потому что о полнотѣ научнаго преподаванія не было и не могло быть тогда рѣчи. Лица, принадлежащія къ университетской корпораціи раздѣлились первоначально, по своему происхожденію, на народы (nationes), а народы на провинціи. Земляки образовали такимъ образомъ особыя корпораціи, которыя въ совокупности и составили университетъ. Сколько извѣстно, такихъ корпорацій было въ каждомъ университетѣ обыкновенно четыре, такъ: въ Парижскомъ — Французы, Пикарды, Норманны и Англичане (въ послѣдствіи Нѣмцы); въ Прагѣ—Чехи, Баварцы, Поляки и Саксонцы; въ Вѣнѣ—Южане (послѣ Австрійцы), Саксонцы, Баварцы и Поляки. Такія же подраздѣленія на четыре націи существовали и въ другихъ древнѣйшихъ университетахъ кромѣ италіянскихъ, гдѣ число націй было различно. Не ранѣе XIV вѣка, рядомъ съ корпораціями по народностямъ образуются во всѣхъ университетахъ факультетскія корпораціи, которыя постепенно развиваются, берутъ верхъ надъ первыми и, наконецъ, вытѣсняютъ ихъ совсѣмъ. Университеты, основанные въ XV вѣкѣ, состоятъ изъ однихъ факультетовъ и не знаютъ вовсе корпорацій по народностямъ; только въ Лейпцигскомъ онѣ возникли при самомъ началѣ, удержались почти до нашего времени и отмѣнены лишь въ 1830 году.

Факультеты, замѣнившіе общины земляковъ, были, какъ мы сказали, тоже корпораціи, только устроенныя по другому началу. Основаніемъ къ раздѣленію на факультеты служили не народности, а отрасли наукъ. Этимъ факультеты еще болѣе, чѣмъ общины земляковъ, приближались къ про-

мышленнымъ и ремесленнымъ средневѣковымъ корпораціямъ и цехамъ, которые тоже были основаны на раздѣленіи занятій. Право факультетовъ производить въ ученыя степени по экзамену довершаетъ сходство съ средневѣковыми гильдіями и цехами, которые, каждый по своей части и тоже по экзамену, производили своихъ членовъ въ мастера и подмастерьи. Припомнимъ, что степени доктора первоначально не было, а были только магистры,—то же что maister,—мастеры.

Живые слѣды прежняго корпоративнаго устройства и быта факультетовъ сохраняются въ Германіи и по настоящее время. Они видны, вопервыхъ, въ отношеніяхъ факультетовъ къ цѣлому университету. У насъ факультеты не болѣе какъ подраздѣленіе университета, имѣющіе гораздо болѣе значенія въ научномъ педагогическомъ чѣмъ въ административномъ отношеніи. Въ Германіи факультеты суть почти вездѣ самостоятельныя единицы, только отчасти подчиненныя университету, въ остальномъ же независимыя отъ него и непосредственно подвѣдомственныя министерству и центральной власти.

Что факультеты были прежде корпораціями, это видно, вовторыхъ, изъ того, что и преподаватели и студенты записываются въ факультетскіе списки. Въ нѣкоторыхъ университетахъ, напримѣръ Базельскомъ, профессоры матрикулируются и платятъ за это пошлину, такъ же какъ и студенты, и получаютъ матрикулу; въ другихъ, напримѣръ Берлинскомъ и Боннскомъ, каждый факультетъ имѣетъ особую книгу (Stammbuch), въ которую вносятся имена принадлежащихъ къ нимъ профессоровъ, съ разными о нихъ свѣдѣніями и подробностями. Этотъ альбомъ формулярныхъ списковъ факультетскихъ профессоровъ есть тоже остатокъ ихъ матрикуляціи. Далѣе: переходы студентовъ изъ одного факультета въ другой производятся чрезъ взаимныя сношенія между собою факультетовъ, помимо общаго университетскаго управленія.

Слѣды корпоративности удержались, втретьихъ, въ томъ, что факультеты въ нѣкоторыхъ университетахъ и теперь еще имѣютъ свои собственныя, движимыя и недвижимыя, имущества, которыя никогда не смѣшиваются съ принадлежащими цѣлому университету. Такъ, юридическій факультетъ Лейпцигскаго университета имѣетъ собственный домъ и при немъ смотрителя, который назначается самимъ фа-

культетомъ; философскому факультету Тюбингенскаго университета принадлежатъ два луга. Въ настоящее время право факультетовъ распоряжаться и завѣдывать этими имуществами очень ограничено. Управленіе ими въ Лейпцигскомъ университетѣ принадлежитъ университетскому рентмейстеру; деканъ факультета имѣетъ только право провѣрять счеты и дѣлать на нихъ свои замѣчанія; эти замѣчанія, вмѣстѣ съ объясненіями рентмейстера, представляются въ министерство, при счетахъ. Если деканъ встрѣтитъ сомнѣніе, котораго самъ собою рѣшить не можетъ, то предлагаетъ на обсужденіе факультета. Въ Тюбингенскомъ университетѣ управленіе факультетскими имуществами сосредоточено въ административной коммиссіи, подъ надзоромъ и контролемъ академическаго сената и, въ высшей инстанціи, — министерства.

Независимо отъ имущества и получаемыхъ отъ нихъ доходовъ, которые идутъ частью на факультетскіе потребности, частью въ пользу членовъ факультета, согласно съ волею основателей факультетскихъ фундушей, факультеты имѣютъ другіе доходы и мелочные расходы. Первые состоятъ въ пошлинахъ, взыскиваемыхъ за внесеніе студентовъ въ факультетскіе списки, за удостоеніе ученой степени, за испытаніе ученыхъ, ищущихъ званія приватъ-доцентовъ и т д. Большая часть этихъ пошлинъ раздѣляется между деканомъ и членами факультета, принимающими участіе въ экзаменахъ, диспутахъ и т. п.; но нѣкоторая часть остается въ факультетской кассѣ на покрытіе мелкихъ факультетскихъ расходовъ.

Воспоминаніе о томъ, что факультеты были когда-то самостоятельными корпораціями,сохранилось, вчетвертыхъ, въ нѣкоторыхъ правахъ и аттрибутахъ ихъ, придающихъ имъ характеръ вполнѣ самостоятельныхъ учрежденій. Значеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ правъ и аттрибутовъ теперь очень умалилось и сузилось противъ прежняго, но все же они существуютъ по наше время. Такъ, всѣ юридическіе факультеты германскихъ университетовъ, которые намъ удалось посѣтить, имѣютъ для нѣкоторыхъ (впрочемъ, теперь немногихъ) странъ Германіи значеніе судебныхъ инстанцій, къ которымъ тяжущіеся и суды обращаются за рѣшеніемъ.

Въ этомъ отношеніи юридическіе факультеты образуютъ такъ-называемые Spruchcollegia, и имѣютъ довольно разно-

образное устройство и уставы. Медицинскіе факультеты, напримѣръ Берлинскій, Боннскій, по требованію правительственныхъ мѣстъ и частныхъ лицъ, сообщаютъ результаты своихъ врачебныхъ совѣщаній (ärztliche Berathungen) и даютъ судебно-медицинскія мнѣнія (gerichtlich-medicinische Gutachten). Медицинскій факультетъ Мюнхенскаго университета организованъ даже, подъ названіемъ медицинскаго комитета (Medicinalcomité), въ особое административное учрежденіе по мидицинской части. Богословскіе факультеты, напримѣръ, Берлинскій—евангелическій, Боннскіе — евангелическій и римско-католическій, даютъ мнѣнія и отвѣты (responsa) по вопросамъ вѣры и церкви, которые предлагаются имъ правительствомъ или частными лицами; нѣкоторые евангелическіе богословскіе факультеты, напримѣръ Лейпцигскій, имѣютъ даже право посвящать въ духовный санъ (ordiniren); замѣтимъ также, что юридическій факультетъ Лейпцигскаго университета, не играющій роли судебной инстанціи въ Саксонскомъ королевствѣ, имѣетъ, однако, право давать юридическіе консультаціи (responsa) по сложнымъ дѣламъ, когда къ нему обращаются съ вопросами. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ университетахъ, факультеты, при участіи постороннихъ лицъ, назначаемыхъ правительствомъ, образуютъ экзаменаціонныя коммиссіи для испытанія учителей, пасторовъ и проповѣдниковъ, медиковъ и юристовъ, желающихъ пріобрѣсти право службы или практики.

Большая часть нѣмецкихъ университетовъ имѣютъ по четыре факультета, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ въ слѣдующей постепенности. Выше всѣхъ стоитъ богословскій, за нимъ второе мѣсто занимаетъ юридическій, третье—медицинскій, четвертое—философскій. По привычкѣ и рутинѣ, такой четырехъ-факультетный составъ и распредѣленіе между ними наукъ кажутся намъ весьма естественными; но тщетно стали бы мы подыскивать научное основаніе къ тому что объясняется историческимъ происхожденіемъ. Почему философскій факультетъ считается послѣднимъ и чѣмъ объяснить его разнородный, пестрый составъ? Почему юридическій и медицинскій считаются выше философскаго? Мы знаемъ, что на всѣ эти вопросы придумано очень много остроумныхъ соображеній, но они только отводятъ глаза, не давая положительнаго, яснаго отвѣта. Если, убѣдившись, наконецъ, въ безплодности стараній рѣшить эти вопросы теоретическими по-

строеніями, мы обратимся къ исторіи, то въ ней найдемъ безъ труда объясненіе этихъ загадокъ, для которыхъ нѣтъ ключа въ современныхъ понятіяхъ и взглядахъ. Когда факультеты возникли, ученіе вѣры и философія еще не были различены какъ въ послѣдствіи. Вѣра была на первомъ планѣ, и богословскій факультетъ, обнимая и философію тогдашняго времени, былъ, разумѣется, первымъ. Каноническое право, выдѣлившееся изъ числа богословскихъ наукъ, дало юридическому факультету второе мѣсто послѣ богословскаго; медицинскія науки сначала вовсе не преподавались въ университетахъ, и лишь современемъ вошли въ составъ университетскаго ученія. Эти три отдѣла, составившіе три факультета, обнимали въ средніе вѣка весь кругъ знаній, всю науку. Господствовавшія тогда понятія и послѣдовательное расширеніе университетскаго преподаванія, опредѣлили взаимное отношеніе и старшинство факультетовъ. Что касается до философскаго факультета, то онъ получилъ это названіе лишь въ XVI вѣкѣ, и сначала вовсе не считался факультетомъ наукъ, какъ три первые, а факультетомъ искусствъ (artium) и служилъ общеобразовательнымъ, приготовительнымъ для прочихъ. Существованіе такого факультета объясняется тѣмъ, что въ средніе вѣка среднихъ учебныхъ заведеній, которыя подобно нынѣшнимъ гимназіямъ приготовляли бы къ университету, вовсе не было. Философскій факультетъ заступалъ ихъ мѣсто, оттого-то въ немъ иногда учились, рядомъ со взрослыми, дѣти восьми лѣтъ. Обращеніе къ изученію классической древности возвело факультетъ искусствъ въ самостоятельный факультетъ наукъ, въ которомъ нашли мѣсто, кромѣ классической филологіи и древностей, и исторія и естественныя науки, по мѣрѣ того какъ онѣ развивались и выдвигались на первый планъ.

Такъ объясняется четырехъ-факультетный составъ университетовъ, сохранившійся и донынѣ, хотя здѣсь и тамъ обнаруживаются болѣе или менѣе значительныя попытки измѣнить старинный порядокъ. Такъ, въ Базельскомъ университетѣ философскій факультетъ считается не четвертымъ, а первымъ. Что побудило къ этой перестановкѣ — трудно сказать, но едва ли съ нею соединяется какой-нибудь новый взглядъ на философскій факультетъ; всего вѣроятнѣе, что найдено болѣе приличнымъ и удобнымъ называть сперва тотъ факультетъ, съ котораго, какъ

съ общаго и приготовительнаго, молодые люди должны начинать университетское ученіе. Существованіе въ Боннскомъ и Тюбингенскомъ университетахъ двухъ богословскихъ факультетовъ, евангелическаго и римско-католическаго, нельзя считать отступленіемъ отъ четырехъ-факультетнаго состава; но за отступленіе должно быть признано учрежденіе въ Мюнхенскомъ университетѣ особаго политико-экономическаго или камеральнаго факультета, въ Тюбингенскомъ — особыхъ факультетовъ политико-экономическаго и естественныхъ наукъ. Въ Цюрихскомъ университетѣ юридическій факультетъ названъ факультетомъ государственныхъ наукъ (staatswissenschaftliche Facultät), а философскій раздѣленъ, на самомъ дѣлѣ, на два: философско-филологическій и математико-естественный. Хотя каждый изъ этихъ факультетовъ и считается лишь отдѣленіемъ философскаго, и оба вмѣстѣ должны составлять одно цѣлое; однако, каждое отдѣленіе имѣетъ своего особаго декана, и потому мы вправѣ считать ихъ за отдѣльные, самостоятельные факультеты. Въ Боннскомъ университетѣ придумали среднюю мѣру для соглашенія университетскаго преданія съ новыми потребностями: философскій факультетъ удержанъ, какъ единое цѣлое, съ однимъ деканомъ во главѣ, но подраздѣленъ на четыре отдѣленія: философское, филологическое, историко-политическое и математико-естествовѣдное. Каждое отдѣльно имѣетъ своего распорядителя (Dirigent),—одного изъ профессоровъ отдѣленія,—который остается годъ въ этой должности и затѣмъ смѣняется другимъ; смѣна происходитъ по порядку старшинства (Anciennität). Общефакультетскія дѣла, какъ-то: выборъ декана, удостоеніе ученыхъ степеней и нѣкоторыя другія, производятся факультетомъ и деканомъ; особенныя, касающіяся отдѣленій, какъ напримѣръ, распредѣленіе лекцій на предстоящій семестръ, руководство студентовъ въ ихъ занятіяхъ, составленіе отзывовъ и мнѣній по вопросамъ относящимся къ ученой спеціяльности, предложеніе кандидатовъ на открывающіяся каѳедры или о повышеніи приватъ-доцентовъ, предложеніе задачъ на конкурсъ, разсмотрѣніе и оцѣнка поступившихъ на конкурсъ сочиненій,—все это производится сперва въ отдѣленіяхъ. По свойству дѣла, оно можетъ также производиться въ соединенныхъ отдѣленіяхъ, или хотя и въ одномъ, но съ присоединеніемъ къ нему членовъ изъ другаго или другихъ отдѣленій. Въ томъ и другомъ случаѣ, предло-

женіе дѣлается деканомъ; заключеніе отдѣленія не приводится, однако, въ исполненіе, а переносится деканомъ на утвержденіе факультета.

Разсмотримъ теперь личный составъ факультетовъ. Онъ очень различенъ, смотря по тому будемъ ли мы имѣть въ виду факультетъ вообще, какъ совокупность всѣхъ принадлежащихъ къ нему лицъ, или же какъ административное университетское учрежденіе. Административное значеніе и устройство факультетовъ мы изложимъ ниже; здѣсь же займемся ихъ личнымъ составомъ.

Къ личному составу факультета вообще принадлежатъ теперь всѣ записанные въ немъ университетскіе преподаватели и студенты. Но рядомъ съ ними есть преподаватели, хотя и читающіе лекціи на факультетѣ, но которые въ немъ не записаны и потому не принадлежатъ къ его составу; есть точно также учащіеся, слушающіе лекціи факультета, но безъ записки въ число студентовъ. Лишь считающіеся принадлежащими къ составу факультетовъ пользуются нѣкоторыми правами и привилегіями, которыхъ прочіе не имѣютъ; каждое изъ этихъ правъ и привилегій образовалось вслѣдствіе бывшаго когда-то корпоративнаго устройства факультетовъ. Такъ, преподаватели, причисленные къ факультету, пользуются извѣстными служебными преимуществами, которыхъ не имѣютъ посторонніе: они состоятъ въ извѣстной мѣрѣ подъ дисциплинарною властью и юрисдикціей факультета и могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, участвовать въ факультетскихъ дѣлахъ, въ разныхъ доходахъ и другихъ выгодахъ, принадлежащихъ членамъ факультета; студенты, записанные въ факультетѣ, точно также состоятъ подъ особою университетскою юрисдикціей и полиціей, пользуются стипендіями и другаго рода вспоможеніями, участвуютъ въ конкурсахъ на установленныя преміи за лучшія сочиненія на задаваемыя ежегодно темы и т. д.

Факультетскіе преподаватели раздѣляются вообще на нѣсколько видовъ или разрядовъ, каковы: ординарные профессоры, почетные и экстра-ординарные, приватъ-доценты, лекторы, учители искусствъ (Exercicienmeister) и сторонніе преподаватели. Изъ этихъ разрядовъ лекторы и учители искусствъ опредѣляются правительствомъ, и въ нѣкоторыхъ университетахъ, напримѣръ въ Лейпцигскомъ, числятся по философскому факультету, всего же чаще

состоятъ вообще при университетѣ, безъ причисленія къ факультетамъ. Что касается до стороннихъ лицъ, преподающихъ въ университетѣ, но не принадлежащихъ юридически къ его составу, то сюда относятся въ нѣкоторыхъ университетахъ извѣстные разряды ученыхъ, имѣющіе право преподавать въ университетѣ по своему званію, не будучи членами ни университета, ни факультетовъ; такъ члены Берлинской академіи наукъ имѣютъ право, по своему званію, читать лекціи въ Берлинскомъ университетѣ. Но большею частью къ этой категоріи принадлежатъ лица, не имѣющія условій для того чтобы быть профессорами или приватъ-доцентами, и несмотря на то получившія право преподавать въ университетѣ, по тому или другому факультету. Такое право дается имъ, въ однихъ университетахъ—академическимъ сенатомъ (университетскимъ совѣтомъ), въ другихъ—министерствомъ, вслѣдствіе предложенія сената, или, наконецъ, по непосредственному усмотрѣнію правительства. Есть даже примѣры, хотя и рѣдкіе, что стороннія лица, не имѣя условій и права быть университетскими преподавателями, опредѣлялись членами факультетовъ по усмотрѣнію правительства, вопреки мнѣнію и даже формальному протесту со стороны университета и факультетовъ. Вообще, стороннихъ преподавателей, кромѣ Берлинскаго университета, мы нашли въ университетахъ Гейдельбергскомъ, Геттингенскомъ и Мюнхенскомъ.

Исторія какъ нельзя лучше объясняетъ теперешній личный составъ факультетскихъ преподавателей, равно какъ и существованіе частныхъ преподавателей рядомъ съ опредѣленными отъ правительства. Въ древнѣйшія времена въ италіянскихъ университетахъ преподаватели совсѣмъ не раздѣлялись на разряды и даже вовсе не принадлежали къ университетской корпораціи. Они временно избирались и приглашались для чтенія лекцій слушателямъ, которые только и были собственно членами университета, раздѣляясь по народамъ и провинціямъ. Въ Парижскомъ университетѣ находимъ сначала другой порядокъ. Здѣсь никогда слушатели не распоряжались личнымъ составомъ преподавателей, а либо послѣдніе призывали новыхъ членовъ, либо каждый, считавшій себя способнымъ преподавать, становился профессоромъ. Полнѣйшая свобода существовала въ этомъ отношеніи, и никакихъ условій и экзаменовъ для вступленія въ число университетскихъ преподава-

телей сначала не было. Къ концу XIII вѣка этотъ порядокъ дѣлъ нѣсколько измѣнился. Полная свобода преподаванія ограничена испытаніями. Кто хотѣлъ преподавать въ университетѣ, тотъ долженъ былъ выдержать экзаменъ. Но чрезъ это положеніе университетскихъ преподавателей въ сущности не измѣнилось. Выдержавшіе испытаніе имѣли, уже на одномъ этомъ основаніи, право преподавать, если хотѣли: никто ихъ не приглашалъ, никто ихъ не опредѣлялъ въ должность, ни отъ кого они не получали за это жалованья. Они пользовались лишь гонораріемъ да доходами отъ факультета, въ качествѣ членовъ факультетской корпораціи, и кромѣ того еще нѣкоторыми другими.

Жалованье профессорамъ появилось лишь съ XIII вѣка, при основаніи новыхъ университетовъ. Поводомъ послужило желаніе привлечь профессоровъ въ какую-нибудь новую мѣстность, гдѣ прежде не было университета, и гдѣ, слѣдовательно, профессоръ не могъ разчитывать на хорошій гонораріи. Современемъ эти жалованья получили характеръ пожизненнаго содержанія, которое обязывало преподавателя читать свой предметъ безвозмездно. Но рядомъ съ тѣмъ существовали другіе преподаватели, читавшіе попрежнему за одинъ гонораріи.

Съ начала XVI вѣка преподаватели, получавшіе жалованье, стали назначаться главою государства или избираться университетами и получили, въ отличіе отъ другихъ своихъ товарищей, названіе профессоровъ. Назначеніе или выборъ стали необходимы, потому что преподавателей было много, а число жалованій или содержаній, сравнительно, гораздо меньше и зависѣло отъ назначенныхъ для того денежныхъ средствъ. Такимъ-то образомъ, первоначальный личный составъ факультетскихъ корпорацій мало-по-малу измѣнился. Сначала факультеты обнимали всѣхъ преподающихъ, потомъ всѣхъ получившихъ, посредствомъ экзамена, право преподавать, хотя бы они на самомъ дѣлѣ и не преподавали. Эти въ послѣдствіи устранены изъ факультетовъ, и остались одни преподающіе; но сперва они не различались между собою, а потомъ образовалось различіе между получавшими и не получавшими жалованье. Принадлежность къ первой изъ этихъ категорій не зависѣла отъ одного экзамена, а отъ усмотрѣнія правительства, или отъ выбора факультета. Назначеніе профессорамъ жалованья, по выборамъ корпораціи, совреме-

немъ тоже утратилось и обратилось въ право представлять правительству кандидатовъ на занятіе вакантной каѳедры, съ которою было соединено опредѣленное жалованье. Точно также исчезло мало-по-малу право каждаго доктора и магистра преподавать въ университетѣ; введены, сверхъ испытанія на ученую степень, особыя испытанія для желающихъ преподавать въ университетѣ; сверхъ того, полученіе такого права поставлено въ зависимость отъ согласія и утвержденія правительства.

Вотъ какъ образовалось различіе между профессорами и приватъ-доцентами. Послѣдніе, даже въ теперешнемъ своемъ значеніи, существенно измѣненномъ противъ стариннаго, болѣе напоминаютъ первоначальный бытъ и устройство факультетовъ. Что касается до подраздѣленій профессорскаго званія, то оно находится въ связи съ различіемъ предметовъ и наукъ, для которыхъ учреждены каѳедры, отъ тѣхъ, для которыхъ каѳедръ не положено, и кромѣ того зависитъ еще отъ нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, о которыхъ удобнѣе будетъ сказать въ другомъ мѣстѣ.

Въ способѣ опредѣленія на службу профессоровъ до сихъ поръ сохранился, въ нѣкоторыхъ старинныхъ университетахъ, или хотя и новыхъ, но устроенныхъ по старинному образцу, отголосокъ корпоративнаго университетскаго и факультетскаго быта. Тогда какъ во многихъ университетахъ, особливо новыхъ, профессоры опредѣляются по непосредственному усмотрѣнію и выбору министерствъ и центральныхъ правительствъ, и этотъ способъ опредѣленія становится все болѣе и болѣе общимъ, — въ статутахъ нѣкоторыхъ университетовъ за факультетами удержалось право представлять правительству кандидатовъ на открывающіяся вакансіи ординарныхъ профессоровъ. На основаніи этого права, факультеты представляютъ правительству нѣсколькихъ, обыкновенно трехъ, выбранныхъ ими кандидатовъ, и правительство опредѣляетъ одного изъ нихъ. Такимъ образомъ факультетская корпорація какъ бы возобновляется сама собою, только подъ авторитетомъ правительства. Теперь такимъ правомъ пользуются еще университеты Берлинскій, Боннскій, Лейпцигскій и Тюбингенскій. Но въ Боннскомъ университетѣ право предложить кандидата на вакантную каѳедру принадлежитъ и сенату и попечителю университета; въ Лейпцигскомъ оно огра-

пичивается, кажется, однѣми старыми каѳедрами; факультеты, сколько мы знаемъ, не имѣютъ права предлагать кандидатовъ на вакансіи, открывающіяся по новымъ каѳедрамъ (novae fundationes); наконецъ, Тюбингенскій университетъ представляетъ въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, замѣчательныя особенности. Въ немъ неизмѣнно дѣйствуетъ правило, что вакансія ординарнаго профессора ни въ какомъ случаѣ не замѣщается помимо согласія и желанія факультета; мало того: изъ числа представленныхъ или одобренныхъ факультетомъ кандидатовъ, никогда не назначается второй по порядку помимо перваго. Однако и въ Тюбингенскомъ университетѣ право предлагать кандидатовъ принадлежитъ не одному факультету, но и сенату, и министерству, и канцлеру, или, когда нѣтъ канцлера, ректору лично; только всѣ эти предложенія окончательно обсуждаются факультетомъ, и опредѣленіе профессора всегда дѣлается согласно съ факультетскимъ заключеніемъ. Факультетъ не обязанъ, впрочемъ, предлагать непремѣнно трехъ кандидатовъ; онъ можетъ ограничиться двумя и даже однимъ, когда не имѣетъ въ виду другихъ. Еслибы правительство опредѣлило профессора помимо факультета, то послѣдній имѣетъ право возражать противъ такого распоряженія (jus remonstrandi). Нигдѣ, сколько мы знаемъ, это право факультетовъ не сохраняется такъ строго и неприкосновенно какъ въ Тюбингенскомъ университетѣ; во всѣхъ другихъ, которые намъ удалось посѣтить, и гдѣ оно существуетъ на бумагѣ, оно далеко не всегда соблюдается. Въ Лейпцигскомъ существуетъ тоже право возражать противъ назначенія профессоровъ правительствомъ, безъ соблюденія установленныхъ правилъ; но это право существуетъ только на бумагѣ, и право факультетовъ предлагать кандидатовъ (jus denominandi) нисколько не обязываетъ правительство опредѣлить непремѣнно одного изъ предложенныхъ; случается, что оно опредѣляетъ отъ себя другаго, не стѣсняясь предложеніями. Право факультета протестовать противъ назначеній профессоровъ существуетъ также, сколько мы знаемъ, и въ Мюнхенскомъ университетѣ, хотя онъ и не представляетъ кандидатовъ на вакантныя каѳедры; протестъ, слѣдовательно, можетъ имѣть мѣсто только въ такомъ случаѣ, когда профессоръ не соединяетъ въ себѣ требуемыхъ условій, напримѣръ не имѣетъ ученой степени; но существуетъ ли право протеста въ дру-

гихъ университетахъ, которымъ предоставлено статутами предлагать кандидатовъ, намъ неизвѣстно; кажется, что нѣтъ; въ Боннѣ, напримѣръ, назначеніе профессоровъ помимо предложенныхъ кандидатовъ — дѣло довольно обыкновенное.

О правѣ факультетовъ представлять кандидатовъ на вакантныя профессуры, объ обязанности правительства опредѣлить непремѣнно одного изъ нихъ, наконецъ о правѣ факультетовъ настаивать на соблюденіи этого правила, протестовать противъ его нарушенія, существуютъ въ Германіи очень различныя мнѣнія. Многіе, съ которыми намъ удалось говорить объ этомъ, въ томъ числѣ даже профессоры, находятъ, что юридическое участіе университетовъ въ замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ вредно, потому что на выборъ кандидатовъ имѣютъ вліяніе партіи и интриги, личныя соображенія, духъ касты или узко и односторонне понимаемые мѣстные интересы, сепаратизмъ и партикуляризмъ, которыми страдаетъ Германія; находятъ, что Тюбингенскій университетъ, благодаря именно этому обстоятельству болѣе и болѣе уединяется, получаетъ односторонній характеръ, становится исключительно мѣстнымъ университетомъ и наполняется главнымъ образомъ одними Швабами, съ возможнымъ устраненіемъ другихъ уроженцевъ; что, напротивъ, Мюнхенскій университетъ обновился и расцвѣлъ именно потому, что правительство, ничѣмъ не стѣсняемое въ выборѣ профессоровъ, могло привлечь туда лучшія силы. Основываясь на этомъ, многіе радуются, когда министерство, не обращая вниманія на предложенныхъ кандидатовъ, назначаетъ отъ себя другихъ, и считаютъ очень благопріятнымъ условіемъ для университета, когда обновленіе его учебнаго состава зависитъ исключительно отъ правительства, безъ участія факультетовъ. Вопросъ о томъ, какой способъ замѣщенія каѳедръ лучше, едва ли разрѣшимъ теоретически. Участіе факультетовъ въ обновленіи своего личнаго состава имѣетъ свои дурныя стороны, это безспорно; но развѣ обновленіе его однимъ министерствомъ не имѣетъ ихъ, по крайней мѣрѣ въ той же степени? То же пристрастіе, односторонность и духъ партій могутъ руководить и имъ, какъ и факультетами. Примѣры, и недавніе, есть въ Германіи на лицо, даже тамъ, гдѣ, въ большинствѣ случаевъ, выборъ профессоровъ до сихъ поръ отличался самымъ просвѣщеннымъ безпристрастіемъ. Въ университетахъ Мюнхен-

скомъ, Геттингенскомъ, Гейдельбергскомъ и двухъ швейцарскихъ факультеты могутъ участвовать въ выборѣ профессоровъ не юридически, а лишь заявленіемъ своего мнѣнія, которое выражаютъ правительству по собственной инціативѣ, а чаще по предложенію и требованію о томъ министерства: ни въ одномъ изъ нихъ не удержалось формальное право предлагать кандидатовъ на вакантныя каѳедры; въ Гейдельбергскомъ университетѣ, напримѣръ, правительство или замѣщаетъ вакантныя каѳедры по своему усмотрѣнію, или предоставляетъ факультету предложить своихъ кандидатовъ; въ Цюрихскомъ факультетамъ предоставлено право предлагать кандидатовъ, но не въ томъ значеніи какъ въ названныхъ выше четырехъ университетахъ. Цюрихскій университетъ новѣйшій и потому менѣе всѣхъ другихъ напоминаетъ старинный университетскій корпоративный бытъ. При опредѣленіи профессоровъ въ этомъ университетѣ, правительство спрашиваетъ мнѣнія факультета, но послѣднее для него нисколько не обязательно. Въ Мюнхенѣ, при замѣщеніи каѳедръ богословскаго факультета, правительство спрашиваетъ мнѣнія факультета, сената и сверхъ того требуетъ отзыва епархіальнаго епископа о правовѣріи и нравственности кандидата. Въ Цюрихѣ, въ подобномъ случаѣ, спрашивается мнѣніе церковнаго совѣта. Въ этомъ послѣднемъ университетѣ факультеты имѣютъ право предлагать своихъ кандидатовъ на вакантныя каѳедры, но такія предложенія для правительства не обязательны. Наконецъ, въ Базельскомъ и Геттингенскомъ университетахъ профессоровъ назначаетъ правительство по своему усмотрѣнію, безъ всякаго участія факультетовъ и университета.

Все сказанное относится къ ординарнымъ профессорамъ или каѳедрамъ. Что касается до экстра-ординарныхъ и почетныхъ профессоровъ, а также лекторовъ и учителей, преподающихъ въ университетахъ, то они вездѣ опредѣляются правительствомъ по его непосредственному усмотрѣнію, безъ всякаго права участія въ томъ университета или факультетовъ. Разумѣется, на дѣлѣ правительство можетъ спросить и нерѣдко спрашиваетъ объ имѣющихся въ виду кандидатахъ мнѣнія академическаго сената или факультета; но мы говоримъ здѣсь не о томъ какъ бываетъ на дѣлѣ, а о правахъ факультетовъ и университета. Изъ этого общаго правила есть одно только изъятіе. Званіе экстра-ординарнаго

профессора дается нерѣдко, въ видѣ повышенія, лучшимъ изъ приватъ-доцентовъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ успѣхомъ преподавали въ университетѣ. Въ Берлинскомъ и Боннскомъ университетахъ факультеты, по просьбѣ приватъ-доцента о повышеніи, если признаютъ ее заслуживающею уваженія, могутъ отъ себя предложить министерству о дарованіи просителю званія экстра-ординарнаго профессора; въ другихъ приватъ-доцентъ обращается съ такою просьбой непосредственно въ министерство, и въ этихъ случаяхъ последнее сперва всегда спрашиваетъ мнѣніе сената или непосредственно того факультета, по которому числится проситель, чтобъ узнать достоинъ ли онъ повышенія. Итакъ, въ обоихъ случаяхъ, правила какъ бы предоставляютъ самимъ университетамъ нѣкоторое участіе въ удостоеніи приватъ-доцентовъ званія экстра-ординарнаго профессора; но это участіе ограничивается, вопервыхъ, только повышеніемъ приватъ-доцентовъ въ томъ же самомъ университетѣ, такъ что еслибъ правительство нашло полезнымъ или нужнымъ опредѣлить приватъ-доцента экстра-ординарнымъ профессоромъ въ другой университетъ, то сенаты и факультеты обоихъ университетовъ ни мало бы въ такомъ повышеніи не участвовали; вовторыхъ, участіе ихъ, въ приведенныхъ выше двухъ случаяхъ, состоитъ только въ ходатайствѣ, въ представленіи по начальству, или же въ изложеніи мнѣнія и засвидѣтельствованіи по требованію начальства и слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ не есть такое право факультета, которое бы юридически имѣло вліяніе на производство приватъ-доцента въ экстра-ординарные профессоры. Прибавимъ, въ заключеніе, что въ швейцарскихъ университетахъ, не имѣющихъ историческихъ преданій, званіе ординарнаго и экстра-ординарнаго профессора, точно такъ же какъ и званіе приватъ-доцента, не сохранило почти никакихъ слѣдовъ прежняго своего значенія; это не болѣе какъ разные виды и разряды университетскихъ преподавателей, одни ниже, другіе выше, почетнѣе, пользующіеся бо́льшими правами. Званіе ординарнаго профессора, связанное вездѣ съ извѣстною каѳедрой, въ Бальзельскомъ и Цюрихскомъ университетахъ можетъ быть даваемо за заслуги, какъ титулъ, независимо отъ каѳедры, со всѣми правами, именно съ правомъ быть членомъ академическаго сената и факультета. Такое повышеніе дается обыкновенно экстра-ординарнымъ профессорамъ, но можетъ быть дано, по уставу Базельскаго

университета, и стороннимъ университетскимъ преподавателямъ и вообще ученымъ, оказавшимъ особыя услуги университету. Въ Тюбингенскомъ званія ординарнаго и экстраординарнаго профессора даются нерѣдко въ видѣ почетнаго титула, безъ соединенныхъ съ ними правъ. Почти во всѣхъ германскихъ университетахъ профессоры несмѣстимы, подобно судьямъ. Юридически это начало принято въ прусскихъ университетахъ и въ баденскихъ, также и въ Тюбингенскомъ; въ швейцарскихъ оно не существуетъ; не существуетъ оно, какъ мы думаемъ, тоже въ баварскихъ и въ Геттингенскомъ, хотя и не смѣемъ утверждать этого положительно; въ Лейпцигскомъ старые порядки сильно потрясены и нерѣдко нарушаются, почему и нельзя теперь сказать какое начало дѣйствуетъ тамъ въ этомъ отношеніи. Но, за исключеніемъ швейцарскихъ университетовъ, собственно въ Германіи, начало несмѣстимости профессоровъ существуетъ вездѣ; если не по закону, то по обычаю профессоръ, живущій на покоѣ и получающій пенсію, продолжаетъ считаться профессоромъ и членомъ университета и факультета.

Въ доказательство, какъ строго хранится начало несмѣстимости профессоровъ въ нѣкоторыхъ старинныхъ университетахъ Германіи, приведемъ слѣдующій случай. Въ Тюбингенскомъ университетѣ опредѣленъ былъ ординарнымъ профессоромъ одинъ очень извѣстный ученый, перешедшій въ послѣдствіи въ Цюрихскій университетъ. По обычаю, существующему почти во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ, онъ читалъ передъ многочисленнымъ университетскимъ собраніемъ вступительную рѣчь, въ которой непозволительно-рѣзко отозвался о религіи. Эта рѣчь произвела скандалъ и въ высшей степени раздражила богословскіе факультеты, въ особенности католическій. Правительство поставлено было этимъ въ самое затруднительное и щекотливое положеніе. Какъ же оно поступило? Профессору, тотчасъ послѣ этой рѣчи, дана была командировка съ ученою цѣлью на годъ, и онъ оставилъ Тюбингенъ, не начавъ курса. Между тѣмъ, въ теченіе года, впечатлѣніе, произведенное рѣчью, постепенно сгладилось, волненіе умовъ улеглось, и профессоръ, возвратившись изъ поѣздки, могъ открыть свой курсъ.

Обратимся теперь къ приватъ-доцентамъ. Мы уже замѣтили выше, что изъ всѣхъ разрядовъ университетскихъ препода-

вателей они болѣе всѣхъ другихъ сохранили живой отпечатокъ первоначальнаго университетскаго быта, и очень замѣчательно, что именно они, составляя теперь исключительную принадлежность нѣмецкихъ университетовъ, и суть одна изъ главныхъ причинъ ихъ блистательнаго развитія и процвѣтанія. Нѣмцы гордятся этимъ учрежденіемъ; иностранцы завидуютъ имъ въ этомъ. Правда, институтъ приватъ-доцентовъ тоже подвергся многимъ существеннымъ измѣненіямъ и ограниченіямъ противъ прежняго времени, но все-таки онъ о сю пору напоминаетъ о томъ что были когда-то всѣ вообще университетскіе преподаватели. Приватъ-доценты не опредѣляются ни правительствомъ, ни кѣмъ бы то ни было, не считаются въ службѣ, не получаютъ жалованья; это ученые, которымъ дано право преподавать въ университетѣ, на основаніи экзамена, и которые пользуются этимъ правомъ своимъ безъ всякаго офиціяльнаго характера. Именно таковы и были члены старинныхъ корпорацій университетскихъ преподавателей, съ тѣхъ поръ какъ экзаменъ и ученая степень стали необходимымъ условіемъ права преподавать, и въ составѣ факультетовъ остались одни дѣйствительно преподающіе.

Бо́льшая часть стѣсненій и ограниченій, которымъ подверглись приватъ-доценты, появились послѣ наполеоновскихъ войнъ и Вѣнскаго конгресса, когда въ Германіи произошелъ разладъ между государствомъ и наукой, вызванный отчасти реакціей отживавшихъ элементовъ, а отчасти тѣмъ, что наука менѣе ясно, чѣмъ теперь, понимала свою задачу и свои границы. Важнѣйшія измѣненія и ограниченія института приватъ-доцентовъ суть слѣдующія: 1) чтобы быть приватъ-доцентомъ мало имѣть дипломъ на ученую степень, а нужно выдержать особое испытаніе. Это, конечно, объясняется отчасти тѣмъ, что по мѣрѣ того какъ ученыя степени теряли прежнее свое значеніе и стали постепенно обращаться въ одно лишь почетное званіе, безъ всякихъ правъ, самыя испытанія на степени, удержавъ старинный характеръ, болѣе и болѣе дѣлались одною лишь формальностью, которая не соотвѣтствовала потребностямъ и состоянію науки, а потому и не могла служить дѣйствительною повѣркой живаго знанія. Но со всѣмъ тѣмъ, характеръ условій, которыхъ начали теперь требовать отъ ученаго, желавшаго быть приватъ-доцентомъ, показываетъ, что не одна ученая недостаточность и несостоятельность испытаній на

степени побудила ввести особые экзамены на званіе приватъ-доцента. Германскій сеймъ постановилъ, 12-го іюня 1834 года, что только тотъ можетъ быть допущенъ въ университетъ приватъ-доцентомъ, кто выдержитъ съ отличіемъ экзаменъ, предписанный для кандидатовъ на поступленіе въ службу; кто намѣренъ читать науки, служащія для приготовленія къ государственной службѣ, тотъ долженъ сперва ознакомиться съ дѣлами тѣмъ порядкомъ, какой предписанъ для приготовленія къ дѣйствительной службѣ. Эти требованія или условія должны были внести въ преподаваніе приватъ-доцентовъ практическое служебное направленіе и противодѣйствовать чисто-научному теоретическому, которое будто бы и было главною причиной дѣйствительнаго или предполагаемаго зла отъ университетскаго преподаванія. Это постановленіе, косвенно ограничивши свободу преподаванія и доступъ къ нему, не было однако введено всюду, а только въ нѣкоторыхъ университетахъ, напримѣръ, въ Лейпцигскомъ и Мюнхенскомъ; ганноверское правительство не ввело его въ Геттингенскомъ. 2) Гораздо важнѣе было ограниченіе числа приватъ-доцентовъ и времени, на которое они допускались къ преподаванію. Факультетскими статутами Боннскаго университета, изданными 18-го октября 1834 года, число приватъ-доцентовъ при каждомъ факультетѣ ограничено извѣстною цифрой, и изъятія зависятъ отъ усмотрѣнія министерства; вмѣстѣ съ тѣмъ положено правиломъ, что разрѣшеніе читать лекціи въ университетѣ дается лишь на четыре года, по истеченіи которыхъ отъ факультета зависитъ продолжить срокъ. Срочное допущеніе приватъ-доцентовъ къ чтенію въ университетѣ въ послѣдствіи было отмѣнено, но ограниченіе числа ихъ осталось. Правила эти, сколько намъ извѣстно, въ другихъ университетахъ, кромѣ Боннскаго, не существуютъ. 3) Во всей Германіи допущеніе къ званію приватъ-доцента зависитъ теперь отъ усмотрѣнія и разрѣшенія правительства, а не одного факультета или университета. Научное знаніе и педагогическая способность, сами по себѣ, еще не открываютъ для желающаго дверей университета. 4) Званіе приватъ-доцента всегда можетъ быть отнято административнымъ порядкомъ. Временное или окончательное лишеніе права преподавать въ университетѣ зависитъ не отъ факультета или университета, а отъ министерства. 5) Никто не можетъ сдѣлаться приватъ-доцентомъ въ томъ же университетѣ, гдѣ слушалъ лекціи, до ис-

теченія двухъ лѣтъ по окончаніи курса; равнымъ образомъ, нельзя вообще искать званія приватъ-доцента непосредственно по полученіи ученой степени, а лишь спустя извѣстное время послѣ того, годъ или два. Первое изъ этихъ ограниченій постановлено въ томъ же 1834 году Германскимъ сеймомъ; мы встрѣтили его только въ Гейдельбергскомъ университетѣ, хотя можетъ-быть оно имѣетъ силу и въ нѣкоторыхъ другихъ; что касается до втораго, то оно очень разнообразно въ разныхъ университетахъ. Въ Геттингенскомъ положено допускать къ чтенію въ университетѣ, въ качествѣ приватъ-доцента, лишь годъ спустя по удостоеніи степени доктора; а по богословскому факультету спустя не менѣе двухъ лѣтъ по выслушаніи трехгодичнаго университетскаго курса. Послѣднее правило находится и въ статутахъ обоихъ богословскихъ факультетовъ Боннскаго университета; въ Лейпцигскомъ, по юридическому факультету, годъ спустя по выдержаніи экзамена, дающаго право быть практическимъ юристомъ или кандидатомъ на принятіе въ государственную службу; наконецъ, въ Мюнхенскомъ приватъ-доцентомъ по юридическому, медицинскому и камеральному факультетамъ можно сдѣлаться не прежде какъ послѣ практическихъ занятій предметомъ будущаго преподаванія въ теченіе по крайней мѣрѣ двухъ лѣтъ и по выдержаніи особаго практическаго экзамена по этому предмету. 6) Въ заключеніе, самый кругъ преподаванія приватъ-доцента въ нѣкоторыхъ университетахъ ограниченъ только извѣстными предметами; такъ въ Берлинскомъ приватъ-доцентъ можетъ читать лишь тотъ предметъ, по которому подвергался испытанію; въ богословскихъ факультетахъ Боннскаго университета это ограниченіе относится только къ имѣющимъ степень лиценціата, а не доктора богословія; въ Геттингенскомъ—только къ приватъ-доцентамъ философскаго факультета; въ другихъ же, напримѣръ, въ Гейдельбергскомъ, приватъ-доцентъ не имѣетъ права читать лишь предметовъ принадлежащихъ къ кругу преподаванія другихъ факультетовъ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ ограниченій, прежнее значеніе приватъ-доцентовъ нѣсколько измѣнилось. Приватъ-доценты подчинены факультетамъ, находятся, по закону, подъ ихъ надзоромъ и зависятъ отъ нихъ во многихъ отношеніяхъ. Въ швейцарскихъ университетахъ и въ южно-германскихъ, съ которыми мы познакомились, приватъ-доценты

приближаются даже къ типу чиновниковъ по учебной части, опредѣляемыхъ правительствомъ, такъ что различіе ихъ отъ профессоровъ указать очень трудно: оно здѣсь болѣе іерархическое, служебное, а не такое коренное, существенное, какъ въ сѣверной Германіи. Такъ, въ Базельскомъ университетѣ приватъ-доценты, по правиламъ, допускаются къ преподаванію по постановленію университетскаго совѣта, съ утвержденія попечительства. Совѣту представляетъ факультетъ, который удостовѣряется въ знаніяхъ и педагогическихъ способностяхъ просителя. Но еслибы факультетъ и совѣтъ не признали просителя достойнымъ преподавать въ университетѣ, то онъ можетъ обратиться къ попечительству, которое имѣетъ право, если признаетъ заключеніе факультета и совѣта не заслуживающими уваженія, разрѣшить просителю быть приватъ-доцентомъ, помимо факультета и совѣта. Въ Базельскомъ университетѣ нѣтъ въ настоящее время приватъ-доцентовъ. Зная университетскіе нравы Германіи и Швейцаріи, мы убѣждены, что попечительство только въ крайнемъ случаѣ рѣшилось бы воспользоваться своимъ правомъ опредѣлить приватъ-доцента вопреки постановленію факультета и университетскаго совѣта; но въ Германіи такой случай совсѣмъ невозможенъ и немыслимъ, потому что въ вопросахъ науки и преподаванія на рѣшеніе факультета и университета нѣтъ аппелляціи. Въ Цюрихскомъ университетѣ факультетъ не имѣетъ почти никакого дѣла съ ищущимъ званія приватъ-доцента. Послѣдній прямо обращается къ директору публичнаго обученія, отъ котораго и зависитъ дать ему это право или отказать. Получивъ просьбу, директоръ предлагаетъ факультету удостовѣриться въ научныхъ познаніяхъ просителя и представить ему свое мнѣніе. Факультетъ имѣетъ право, если признаетъ нужнымъ, проэкзаменовать просителя, и затѣмъ представляетъ директору свое мнѣніе чрезъ сенатскую коммиссію, которая, если сочтетъ необходимымъ, можетъ представить мнѣніе и отъ себя. Все остальное затѣмъ— дѣло директора, который сообщаетъ просителю свое рѣшеніе чрезъ факультетъ. Если проситель профессоръ или старшій учитель (Oberlehrer) Кантональной школы или профессоръ Политехнической школы, то отъ директора зависитъ освободить его и отъ испытанія. Изъ этого видно, что въ Цюрихскомъ университетѣ, младшемъ изъ всѣхъ заграничныхъ, не сохранилось и слѣдовъ корпоративнаго значенія

факультетовъ, которое отчасти держится еще въ Германіи въ учрежденіи приватъ-доцентовъ и придаетъ послѣднему всю его силу и важность, къ сожалѣнію, ослабѣвающія теперь подъ вліяніемъ разныхъ административныхъ ограниченій. Въ Цюрихѣ приватъ-доцентъ есть просто университетскій преподаватель, опредѣляемый правительствомъ, которое только удостовѣряется чрезъ факультетъ знаетъ ли онъ свое дѣло какъ слѣдуетъ, когда нѣтъ признаковъ, по которымъ правительство могло бы о томъ судить и безъ факультета. Въ Мюнхенскомъ университетѣ, еще въ началѣ нынѣшняго вѣка, вовсе не было приватъ-доцентовъ; вѣроятно, вслѣдствіе этого, они имѣютъ здѣсь служебный характеръ. Допущеніе ихъ къ преподаванію требуетъ разрѣшенія короля. Если приватъ-доцентъ не баварскій подданный, то онъ приноситъ, при допущеніи, присягу на вѣрность службы. Это характеризуетъ понятіе, связанное здѣсь съ званіемъ приватъ-доцента. Наконецъ, въ Тюбингенскомъ университетѣ, рядомъ съ приватъ-доцентами въ обыкновенномъ смыслѣ, какой имъ придается во всей Германіи, существуютъ другіе, которые, имѣя то же названіе, существенно отъ нихъ отличаются своимъ положеніемъ, а именно: они опредѣляются правительствомъ для преподаванія извѣстныхъ предметовъ и получаютъ извѣстное жалованье; другими словами, они тѣ же профессоры и отличаются отъ нихъ существенно только тѣмъ, что послѣдніе несмѣстимы административнымъ порядкомъ, тогда какъ приватъ-доценты не пользуются этимъ преимуществомъ и могутъ быть всегда лишены своего званія. Таковъ личный составъ факультетскихъ преподавателей вообще. Но факультетъ не есть только совокупность преподающихъ и учащихся; онъ, какъ мы сказали, есть въ то же время юридическая и административная единица, звѣно въ университетской организаціи, и въ этомъ значеніи имѣетъ свой кругъ дѣятельности, свои предметы вѣдомства, извѣстную степень власти и отвѣтственность, извѣстныя права и обязанности, подчиненность и административныя отношенія къ другимъ университетскимъ учрежденіямъ.

Организація факультетовъ въ юридическомъ и административномъ смыслѣ представляетъ свои особенности. Дѣла факультетскаго управленія ввѣрены не всѣмъ преподавателямъ, принадлежащимъ къ личному составу факультета, а только нѣкоторымъ ихъ разрядамъ. Они-то и образуютъ факуль-

тетскую коллегію, подъ предсѣдательствомъ декана,—одного изъ факультетскихъ преподавателей, принадлежащихъ къ этимъ разрядамъ, который остается въ должности обыкновенно въ теченіе года, и затѣмъ смѣняется другимъ. Факультетъ въ этомъ значеніи имѣетъ устройство общее всѣмъ вообще коллегіямъ. Факультетскія дѣла разсматриваются и рѣшаются по большинству голосовъ; предсѣдатель, деканъ, приводитъ въ исполненіе факультетскіе постановленія и пользуется вообще всѣми правами, принадлежащими предсѣдателю коллегіи; сверхъ того, онъ отправляетъ самостоятельно, хотя и подъ надзоромъ и контролемъ факультета, менѣе значительныя текущія дѣла, а также дѣла не терпящія отлагательства, — послѣднія подъ собственною отвѣтственностью и съ обязанностью тотчасъ же дать факультету подробный отчетъ о сдѣланныхъ распоряженіяхъ и принятыхъ мѣрахъ. Эти общія черты факультетской административной организаціи значительно видоизмѣняются въ разныхъ университетахъ. Вообще членами факультетовъ въ административномъ смыслѣ считаются только ординарные профессоры; но въ Цюрихскомъ университетѣ, кромѣ ординарныхъ, въ факультетской коллегіи участвуютъ еще и экстра-ординарные. Въ Тюбингенскомъ университетѣ экстра-ординарные профессоры могутъ быть тоже членами факультета, по особому повелѣнію короля, и въ такомъ случаѣ участвуютъ во всѣхъ факультетскихъ дѣлахъ и занятіяхъ, кромѣ, однако, совѣщаній о замѣщеніи открывающихся профессорскихъ вакансій; въ Боннскомъ университетѣ факультетъ, въ административномъ смыслѣ, состоитъ изъ однихъ ординарныхъ профессоровъ, но не въ силу этого званія, а по особому назначенію правительства; когда же въ факультетѣ производятся выборы въ академическій сенатъ, то въ нихъ принимаютъ участіе и почетные профессоры, въ качествѣ избирателей и избираемыхъ; въ Геттингенскомъ университетѣ право удостоивать ученыхъ степеней принадлежитъ не всѣмъ членамъ факультетской административной коллегіи, именно, не всѣмъ ординарнымъ профессорамъ, а только нѣкоторымъ изъ нихъ, составляющимъ въ факультетѣ какъ бы болѣе тѣсный факультетъ, называемый по привилегіи, которою онъ исключительно пользуется, Honoren-Facultät. Происхожденіе этой привилегіи довольно темно. Можно догадываться, что она нахо-

дится въ связи съ бывшимъ во многихъ университетахъ различіемъ каѳедръ старыхъ и новыхъ (veterae et novae fundationis). Профессоры, занимавшіе старинныя каѳедры, неохотно допускали къ участію въ факультетскихъ дѣлахъ новыхъ товарищей, по весьма понятной причинѣ: съ увеличеніемъ числа профессоровъ приходилось на каждаго изъ нихъ меньше доходовъ, которые они получали, въ качествѣ членовъ факультета, отъ разныхъ статей, въ томъ числѣ и отъ удостоенія ученыхъ степеней. Профессоры были въ полномъ правѣ не уступать новымъ своимъ товарищамъ часть этихъ доходовъ, потому что послѣдніе были имъ предоставлены при приглашеніи ихъ на каѳедры. Чрезъ это образовалось указанное выше различіе между профессорами одного и того же факультета: извѣстное число ихъ пользовалось доходами по должности, другіе не пользовались. Въ послѣдствіи это различіе исчезло почти всюду, вслѣдствіе увеличенія жалованья и отмѣны разныхъ доходныхъ статей профессоровъ, по мѣрѣ ихъ выбытія. Такимъ способомъ, еще не такъ давно, отмѣнено это различіе въ Лейпцигскомъ университетѣ. Но въ Геттингенскомъ слѣды его сохранились, хотя и не въ первоначальномъ видѣ. Ганноверское правительство стало было отмѣнять различіе между профессорами относительно права участія въ возведеніи въ ученыя степени, и въ факультетахъ богословскомъ и медицинскомъ оно болѣе не существуетъ; но въ двухъ остальныхъ оно удержалось до сихъ поръ: въ юридическомъ факультетѣ изъ девяти профессоровъ только пять принадлежатъ къ Honoren-Facultät, а въ философскомъ изъ двадцати восьми только семь.

Точно также разнообразны правила о назначеніи декановъ. Въ швейцарскихъ университетахъ, Базельскомъ и Цюрихскомъ, и въ двухъ прусскихъ, Берлинскомъ и Боннскомъ, деканъ избирается факультетскими коллегіями изъ своей среды, вслѣдствіе чего въ Цюрихскомъ университетѣ деканомъ можетъ быть и экстра-ординарный профессоръ; въ остальныхъ пяти университетахъ — Мюнхенскомъ, Лейпцигскомъ, Геттингенскомъ, Гейдельбергскомъ и Тюбингенскомъ, — порядокъ назначенія декановъ совсѣмъ иной: вопервыхъ, они не избираются и не опредѣляются правительствомъ, а смѣняются погодно въ извѣстной преемственности (turnus), которая опредѣляется старшинствомъ службы въ университетѣ или въ званіи ординарнаго профессора; вовторыхъ, въ

нѣкоторыхъ изъ этихъ университетовъ, напримѣръ въ Мюнхенскомъ, Лейпцигскомъ и Геттингенскомъ, во всѣхъ или только въ нѣкоторыхъ факультетахъ, не всѣ ординарные профессоры, члены факультета, могутъ быть деканами, а только нѣкоторые: въ Геттингенскомъ только члены Honoren-Facultät; въ богословскомъ факультетѣ Мюнхенскаго университета только четверо старшихъ ординарныхъ профессоровъ изъ числа семи, въ юридическомъ пять изъ девяти, въ камеральномъ трое изъ семи, въ медицинскомъ шестеро изъ тринадцати, въ философскомъ семь изъ двадцати трехъ. Тоже самое въ медицинскомъ и философскомъ факультетахъ Лейпцигскаго университета; разница только въ числовыхъ отношеніяхъ профессоровъ, имѣющихъ и не имѣющихъ права быть деканами. Въ Геттингенскомъ университетѣ эти особенности усложняются еще тѣмъ, что нѣкоторые профессоры имѣютъ право быть деканами не въ продолженіе цѣлаго года, а лишь въ теченіе шести мѣсяцевъ, вслѣдствіе чего два профессора, имѣющіе право на половину деканства, заключаютъ иногда между собою особыя условія, въ силу которыхъ каждый изъ нихъ правитъ должность декана въ теченіе цѣлаго года, но за то въ слѣдующую затѣмъ очередь уступаетъ свое полугодье товарищу, который точно также правитъ должность декана не полгода, а круглый годъ. Всѣ эти особенности и странности имѣютъ общій источникъ съ исключительною привилегіей производить въ ученыя степени. Публичныя должности, подобно праву суда и правамъ владѣтельнымъ, получили въ средніе вѣка частный, приватный характеръ, и разсматривались съ точки зрѣнія гражданскаго права. Съ должностью декана были соединены разные доходы, которые выговаривались профессорами, въ числѣ прочихъ, при опредѣленіи на каѳедру. Такимъ образомъ они становились гражданскимъ правомъ, гражданскою частною собственностью; общественное, публичное значеніе должности оттиралось на второй планъ, и она мало-по-малу ниспала на степень привилегіи, сдѣлалась монополіей немногихъ, зорко оберегаемою отъ прочихъ,—монополіей, которая, какъ доходная статья, передавалась, дѣлилась, становилась предметомъ частныхъ сдѣлокъ. Въ новѣйшее время эти привилегіи большею частью отмѣнены увеличеніемъ жалованья профессорамъ, обращеніемъ доходныхъ статей, соединенныхъ съ

должностями, въ пользу университетской казны и вознагражденіемъ тѣхъ, которые ими пользовались, или же невключеніемъ этихъ статей въ условія съ профессорами, вновь опредѣляемыми. Но отмѣна прежнихъ порядковъ нигдѣ не проведена до конца, отчасти по недостатку денежныхъ средствъ на вознагражденіе профессоровъ за потерю старыхъ привилегій; только въ самыхъ новыхъ или въ возобновленныхъ въ недавнее время университетахъ (напримѣръ въ Базельскомъ) частный характеръ университетскихъ должностей могъ быть устраненъ вполнѣ, какъ несоотвѣтствующій современнымъ понятіямъ. Мы видѣли, что деканы обыкновенно остаются годъ въ должности. Они не утверждаются правительствомъ; о вступленіи въ должность новаго декана дается только знать министерству. Но и эти правила не безъ исключеній: въ Цюрихскомъ университетѣ деканы избираются срокомъ на два года; въ Боннскомъ утверждаются министерствомъ.

Теперешняя коллегіальная организація факультетовъ есть, очевидно, остатокъ ихъ корпоративнаго устройства и быта. Въ древнѣйшихъ италіянскихъ университетахъ корпоративная автономія и самоуправленіе принадлежали университетскимъ слушателямъ, за исключеніемъ преподавателей; въ Парижскомъ и нѣмецкихъ, напротивъ, слушатели были исключены изъ участія въ управленіи, и оно принадлежало однимъ преподавателямъ. Съ образованіемъ факультетскихъ корпорацій, факультетскія административныя коллегіи составлялись не только изъ всѣхъ факультетскихъ преподавателей, но и изъ всѣхъ имѣвшихъ право преподавать, то-есть всѣхъ получившихъ отъ факультета ученыя степени; въ послѣдствіи этотъ первоначальный составъ измѣнился и умалился, вслѣдствіе исключенія не преподающихъ членовъ и появленія различія между преподавателями, получающими и неполучающими жалованья. По мѣрѣ того какъ факультетскія корпораціи теряли свою самостоятельность, и на нихъ распространялась власть и администрація государства, факультетскіе преподаватели, опредѣленные или утвержденные правительствомъ, получили преимущество передъ прочими, и послѣдніе вытѣснены изъ факультетскихъ коллегій. Такъ положено начало теперешнему административному составу факультетовъ, который видоизмѣняется въ разныхъ университетахъ по частымъ, разнообразнымъ, теоретическимъ и практическимъ соображеніямъ.

Такимъ образомъ, въ основаніи теперешней административной факультетской организаціи лежитъ тотъ же старинный корпоративный бытъ, къ которому безпрестанно приводитъ насъ и все это устройство нѣмецкихъ университетовъ,—конечно, передѣланный, измѣненный подъ вліяніемъ условій новой общественности, установившійся со времени замѣны средневѣковыхъ корпоративныхъ порядковъ земскими и государственными. Но есть факультеты, въ которыхъ тѣ или другія старинныя факультетскія учрежденія сохранились, почти безъ всякихъ перемѣнъ, до сей поры, утративъ всякое живое значеніе. Чтобы понять ихъ, необходимо возвращаться къ отдаленнымъ временамъ, допрашивать давно минувшій строй университетскаго быта, отъ котораго, за послѣдующими перемѣнами, не осталось ничего болѣе кромѣ этихъ запоздалыхъ памятниковъ, странно выдающихся посреди новыхъ, чуждыхъ имъ учрежденій.

Очень замѣчательно, что одну изъ такихъ стариннѣйшихъ развалинъ мы встрѣчаемъ въ Геттингенскомъ университетѣ, основанномъ въ 1733 году, слѣдовательно, относительно говоря, одномъ изъ новѣйшихъ. Здѣсь въ философскомъ факультетѣ состоятъ четыре приватъ-доцента въ качествѣ факультетскихъ ассессоровъ. Что̀ такое эти ассессоры, опредѣлить чрезвычайно трудно. Ассессорами назначаются теперь правительствомъ, по представленію факультета, тѣ изъ приватъ-доцентовъ, которыхъ не считаютъ еще достойными быть экстра-ординарными профессорами, но признаютъ, однако, достойными отличія и повышенія. Званіе ассессора теперь до того мало понятно, что его называютъ, въ шутку, званіемъ женатыхъ приватъ-доцентовъ, потому что женатые приватъ-доценты обыкновенно повышаются въ ассессоры. Единственное отличіе ассессоровъ отъ прочихъ приватъ-доцентовъ заключается въ томъ, что первые обязаны, по требованію факультета, быть оппонентами при публичныхъ диспутахъ; сверхъ того, они имѣютъ право объявлять курсы безъ предварительнаго разрѣшенія декана, которое непремѣнно должны испрашивать прочіе приватъ-доценты. Но въ старину званіе ассессоровъ философскаго факультета представлялось совсѣмъ въ другомъ видѣ. Они считались принадлежащими къ факультету, то-есть къ числу тѣхъ преподавателей, которые заправляли факультетскими дѣлами, хотя и не были профессорами въ полномъ смыслѣ слова; оттого они считались вы-

ше прочихъ магистровъ (докторовъ философскаго факультета), на диспутахъ являлись уполномоченными отъ факультета, принимали участіе въ факультетскихъ собраніяхъ, въ которыхъ происходили совѣщанія по научнымъ предметамъ; могли избираться въ общественныя должности по университету, участвовали въ торжественныхъ процессіяхъ, въ пиршествахъ по случаю удостоенія ученыхъ степеней и т. д. Словомъ, ассессоры были адъюнктами факультета, нѣчто среднее между имѣющими ученыя степени, подчиненными факультету, и профессорами, управлявшими факультетскимъ дѣломъ. Чтобы объяснить, какъ и по какому поводу возникло и образовалось званіе факультетскаго ассессора или адъюнкта, и почему оно существуетъ только въ философскомъ факультетѣ, а въ другихъ его нѣтъ, для этого нужно перенестись въ XIII и XIV вѣка, когда старинное университетское устройство по народностямъ стало мало-по-малу замѣняться устройствомъ по факультетамъ. Образцомъ для университетской организаціи въ Германіи служилъ, какъ извѣстно, Парижскій университетъ, а не италіянскіе. Въ Парижскомъ же, въ XIII вѣкѣ, гдѣ устройство по націямъ тоже лежало сперва въ основаніи университетской организаціи, старшіе три факультета, богословскій, юридическій и медицинскій, выдѣлились прежде всего; затѣмъ остальной, остававшійся устроеннымъ по національностямъ, составилъ четвертый факультетъ—философскій. Какъ мы уже замѣтили въ другомъ мѣстѣ, факультеты состояли въ то время изъ всѣхъ преподавателей и всѣхъ магистровъ или докторовъ, имѣющихъ право преподавать, хотя бы они на самомъ дѣлѣ были и не преподаватели. Въ философскомъ факультетѣ было то же самое, съ тою однако существенною разницей, что такъ какъ онъ заключалъ въ себѣ почти весь университетъ, устроенный по націямъ, то и все университетское управленіе, главнымъ образомъ, сосредоточивалось въ немъ; слѣдовательно, въ немъ находились должности по университету, приносившія доходъ, въ немъ были кассы, изъ которыхъ преподаватели получали выдачи. Другіе факультеты не имѣли этихъ преимуществъ; этимъ объясняется почему члены старшихъ факультетовъ желали и старались принадлежать вмѣстѣ и къ философскому. Чтобы достигнуть этой цѣли, они или преподавали на философскомъ факультетѣ, или пріобрѣтали по этому факультету ученыя

степени, то-есть право преподавать въ немъ, и такимъ образомъ становились его членами. Послѣдній способъ былъ для нихъ незатруднителенъ, потому что философскій факультетъ служилъ приготовленіемъ для поступленія въ высшіе факультеты; еще не такъ давно надобно было получить сперва степень магистра по философскому факультету, чтобы имѣть право искать ученой степени по одному изъ трехъ высшихъ факультетовъ. Эти-то магистры философіи, принадлежащіе къ бывшимъ факультетамъ, и допущены были въ философскій факультетъ въ качествѣ ассессоровъ, но не всѣ, а только въ опредѣленномъ числѣ отъ каждой изъ четырехъ народностей; въ Лейпцигскомъ университетѣ сначала — по шести, потомъ по пяти отъ каждой націи. Принятое въ Геттингенскомъ философскомъ факультетѣ число ассессоровъ (четыре), находится, повидимому, тоже въ связи съ издавна утвердившимся раздѣленіемъ всѣхъ древнѣйшихъ университетскихъ корпорацій на четыре націи, хотя въ этомъ университетѣ, основанномъ уже въ XVIII вѣкѣ, устройства по народностямъ никогда не существовало.

Дальнѣйшее развитіе факультетской организаціи опредѣлило послѣдующее положеніе и затѣмъ отмѣну ассессоровъ философскаго факультета, какъ мы видѣли. Число факультетскихъ членовъ, принимавшихъ участіе въ университетскихъ дѣлахъ мало-по-малу все ограничивалось. Сперва лишены были участія въ факультетскомъ и университетскомъ управленіи тѣ, которые имѣли право преподавать, но въ самомъ дѣлѣ не преподавали, потомъ исключены преподающіе, но не получающіе жалованья. Этимъ ассессоры, какъ посторонніе засѣдатели философскаго факультета, принадлежащіе къ другимъ факультетамъ, лишены права участвовать въ управленіи, должностяхъ и соединенныхъ съ ними доходахъ. Затѣмъ совершенная отмѣна устройства по народностямъ и исключительное устройство по факультетамъ повлекли за собою отмѣну ассессоровъ въ философскомъ факультетѣ. Случайно удержались они только въ Геттингенскомъ университетѣ.

Точно также и въ устройствѣ факультетовъ Лейпцигскаго университета сохранились слѣды стариннаго университетскаго быта. Въ юридическомъ факультетѣ существуетъ и теперь званіе *ординаріуса и перваго профессора правъ*; въ философскомъ факультетѣ званіе *проканцеллярія;* недавно еще

оно было и въ медицинскомъ, а прежде во всѣхъ четырехъ факультетахъ; наконецъ, во всѣхъ факультетахъ (кромѣ богословскаго) и теперь еще одинъ профессоръ зовется *старшимъ* (senior).

Званіе „ординаріуса и перваго профессора правъ" дается теперь королемъ (то-есть, именемъ короля, министрами, завѣдывающими всѣми дѣлами, которыя касаются протестантской вѣры и учебной части въ университетѣ, такъ какъ король католикъ). Ординаріусъ есть предсѣдатель юридическаго факультета, когда послѣдній является въ качествѣ судебнаго мѣста (Spruchcollegium); далѣе, въ засѣданіяхъ малаго академическаго сената, когда обсуждается какое-нибудь юридическое дѣло или юридическій вопросъ, предсѣдательствующій спрашиваетъ прежде всѣхъ мнѣнія ординаріуса, и только въ случаѣ его отсутствія обращается къ декану юридическаго факультета. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ординаріусъ теперь ничѣмъ не отличается отъ прочихъ профессоровъ, и званіе его есть не болѣе какъ почетный титулъ, съ которымъ можетъ-быть соединено какое-нибудь особое жалованье или содержаніе, хотя намъ и не удалось узнать.

Что̀ такое былъ ординаріусъ встарину? Объ этомъ мнѣнія различны. Одни думаютъ, что онъ былъ ординарнымъ преподавателемъ каноническаго права (декреталій папы Григорія IX), которое имѣло первенство передъ всѣми другими предметами юридическаго преподаванія, и поэтому получилъ такое названіе; другіе полагаютъ, что онъ былъ постояннымъ „ординарнымъ судьею." Съ распространеніемъ въ Германіи иностранныхъ правъ, съ которыми суды шёффеновъ были мало знакомы, вошло въ обычай обращаться за рѣшеніемъ къ докторамъ правъ; предсѣдатель ихъ, вначалѣ, давалъ рѣшеніе, вѣроятно, всего чаще одинъ, почему эта должность и сдѣлалась постоянною въ одномъ лицѣ; которое изъ этихъ двухъ мнѣній правдоподобнѣе трудно рѣшить, потому что въ пользу того и другаго есть много данныхъ. Въ XVI вѣкѣ, ординаріусъ объяснялъ на лекціяхъ начала каноническаго права, имѣющія примѣненіе къ судопроизводству, а въ XVII на него, въ качествѣ профессора декреталій, возложено преподаваніе теоріи судопроизводства. Ординаріусъ, онъ же и „первый профессоръ правъ", былъ вмѣстѣ и деканомъ факультета. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ, владѣтельный го-

сударь, равно какъ и университетъ, обращались къ ординаріусу за совѣтомъ. Городской совѣтъ платилъ ему даже гонорарій, съ тѣмъ чтобы въ трудныхъ вопросахъ онъ помогалъ шеффенамъ своими совѣтами; ординаріусъ бывалъ даже нерѣдко членомъ суда шеффеновъ, особливо когда онъ былъ бюргермейстеромъ. Наконецъ, ординаріусъ занималъ въ лейпцигскомъ обергофгерихтѣ первое мѣсто на скамьѣ докторовъ и распредѣлялъ дѣла. По важности всѣхъ этихъ должностей, онъ и назначался главою государства.

„Старшимъ" профессоромъ (senior) факультета считается старшій по вступленію въ число факультетскихъ членовъ. Съ этимъ званіемъ соединено право представлять къ стипендіямъ и разнымъ выдачамъ изъ доходовъ отъ фундушей, а также право пользоваться самому доходами отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такого рода права основаны на волѣ учредителей и жертвователей фундушей.

Наконецъ, „проканцеллярій" философскаго факультета существуетъ только для удостоенія ученыхъ степеней, и потому только въ этомъ отношеніи и имѣетъ значеніе. Онъ задаетъ ищущему ученой степени тему для разсужденія, экзаменуетъ его, разсматриваетъ диссертацію вмѣстѣ съ другими и предсѣдательствуетъ при публичномъ защищеніи диссертаціи и тезисовъ. Въ медицинскомъ факультетѣ нѣтъ проканцеллярія, но есть особый предсѣдатель публичнаго диспута. Какъ проканцеллярій, такъ и предсѣдатель диспутовъ, смѣняются въ извѣстной преемственности (turnus), первый погодно, второй при каждомъ диспутѣ на ученую степень. Проканцелляріемъ, равно какъ и предсѣдателемъ диспута, можетъ быть только тотъ профессоръ, который имѣетъ право быть деканомъ, а мы видѣли выше, что въ нѣкоторыхъ университетахъ это право, равно какъ и право производить въ ученыя степени, принадлежитъ не всѣмъ членамъ факультета, но только нѣкоторымъ.

Слово „проканцеллярій" есть латинское названіе проканцлера. Канцлеромъ Лейпцигскаго университета былъ встарину (вначалѣ XV вѣка) епископъ Мерзебургскій. Канцлеры не только имѣли высшій надзоръ надъ университетами и право присуждать взысканія и наказанія за болѣе важные проступки и преступленія ихъ членовъ, но въ особенности имѣли обязанность и право удостоивать ученыхъ степеней и устранять отъ нихъ недостойныхъ лицъ. Послѣднее право

поставляло канцлеровъ въ ближайшія отношенія и связь съ факультетами. Такъ какъ епископъ, по отдаленности и множеству занятій, не могъ самъ лично являться на экзамены и торжественные диспуты ищущихъ ученыхъ степеней, то онъ передавалъ это право другому, который заступалъ его мѣсто и былъ проканцлеромъ или вицеканцлеромъ, постоянно или временно, только на одинъ экзаменъ и диспутъ, смотря по смыслу полномочія, даваемаго канцлеромъ. послѣ реформаціи; право на Мерзебургское епископство, а съ нимъ и званіе канцлера, перешло къ свѣтскимъ владѣтелямъ Мерзебурга и наконецъ къ саксонскому курфирсту. Въ теченіе этого времени факультетамъ дано и подтверждено право самимъ избирать проканцлеровъ изъ числа профессоровъ факультета, въ извѣстномъ порядкѣ, однихъ послѣ другихъ. Теперь это правило и самая должность удержались только въ философскомъ и отчасти (но безъ названія) въ медицинскомъ факультетахъ; въ богословскомъ же и юридическомъ, съ отмѣною публичныхъ диспутовъ на ученыя степени, прекратилось и самое званіе проканцеллярія.

Кругъ административныхъ занятій факультетовъ всегда былъ очень разнообразенъ. Въ качествѣ административныхъ и юридическихъ единицъ, бывшихъ когда-то самостоятельными, автономическими корпораціями, факультеты управляли своими имуществами и своими внутренними дѣлами; въ качествѣ же собраній ученыхъ спеціялистовъ по той или другой отрасли знанія, они были высшими трибуналами науки, къ которымъ и частныя лица, и правительства обращались за совѣтомъ и помощью, когда нужно было рѣшить какой-нибудь трудный вопросъ или казусъ, и которымъ поручались дѣла, требующія спеціяльныхъ научныхъ свѣдѣній. Объ аттрибутахъ факультетовъ въ этомъ ихъ значеніи, насколько они удержались до сихъ поръ, мы уже говорили выше. Въ настоящее время факультеты, какъ и университеты вообще, обратились по преимуществу въ высшія учебныя заведенія, и въ этомъ качествѣ получили, главнымъ образомъ, педагогическій характеръ. Объ административной дѣятельности факультетскихъ коллегій, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, будемъ говорить въ слѣдующей статьѣ.

К. КАВЕЛИНЪ.

(До слѣдующаго №).

ЗЕМСКІЙ КРЕДИТЪ ВЪ БЕЛЬГІИ.

Вопросъ о земскихъ повинностяхъ стоитъ у насъ на очереди въ настоящее время: скоро онъ долженъ разъясниться трудами призываемыхъ къ дѣятельности земскихъ собраній. Изъ общихъ толковъ, и изъ собственнаго нашего знакомства съ положеніемъ дѣла, мы предвидимъ, что бо́льшая часть этихъ собраній остановится въ недоумѣніи предъ слѣдующимъ обстоятельствомъ: многія настоятельныя нужды земства не могутъ быть удовлетворены по недостатку средствъ, находящихся въ распоряженіи земства, и по невозможности вдругъ настолько увеличить земскіе сборы, чтобы на удовлетвореніе насущныхъ нуждъ возможно было произвести производительныя затраты. Какой же исходъ изъ этого печальнаго положенія? Единственный, возможный — обратиться къ *земскому кредиту.*

Да не подумаетъ кто-нибудь, что мы принадлежимъ къ числу людей, считающихъ кредитъ за какое-то всесильное, но слѣпое божество, къ которому слѣдуетъ только прибѣгнуть, и оно изъ массы выпущенныхъ имъ бумагъ создастъ средства для удовлетворенія самыхъ прихотливыхъ нуждъ запутавшагося и безразсчетнаго хозяина. Нѣтъ, *игра* въ кредитъ и для частнаго лица и для общества — дѣло опасное, грозящее банкротствомъ и разореніемъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ все дѣло могло бы обойдтись скоропреходящимъ колебаніемъ хозяйственнаго баланса. Но съ другой стороны, въ наше время смѣшно было-бы сомнѣваться въ могуществѣ

кредита тамъ, гдѣ онъ приложенъ вѣрно, разчетливо и добросовѣстно и служитъ для производительныхъ затратъ, то-есть такихъ, которыя обезпечиваютъ увеличеніе дохода въ размѣрѣ *выше* необходимаго погашенія капитала и процентовъ займа. А нѣтъ сомнѣнія, что такихъ *производительныхъ*, и въ то же время *неизбѣжно-необходимыхъ* затратъ много представится въ земскомъ нашемъ хозяйствѣ, и средство къ ихъ осуществленію все-таки останется одно — земскій кредитъ.

Скажутъ въ опроверженіе, что рынокъ нашъ и безъ того заваленъ кредитными знаками, и выпускъ новыхъ со стороны земства или не обѣщаетъ успѣха, или послужитъ ко всеобщему пониженію курса существующихъ доселѣ бумагъ; что, слѣдовательно, благоразумнѣе отложить самыя настоятельныя потребности земства (вѣдь обходились же безъ ихъ удовлетворенія), нежели рисковать неудачнымъ выпускомъ земскихъ облигацій, который былъ бы равносиленъ гласному заявленію земскаго банкротства и могъ бы распространить панику на денежномъ рынкѣ.

Неудача земскаго займа могла бы происходить отъ трехъ причинъ: отъ отсутствія свободныхъ капиталовъ, отъ недостаточности гарантіи займа, или, наконецъ, отъ невозможности со стороны земства предложить продавцамъ кредита такія же выгодныя условія, какія предлагаютъ другіе покупщики.

Что у насъ есть свободные капиталы, это показываетъ недавній опытъ внутренняго займа во сто милліоновъ, покрытаго въ короткое время.

Что земскій кредитъ гарантированъ достаточно, это ясно всякому кто приметъ въ соображеніе, что въ вѣрности его ручается *цѣлое* земство, что заключаетъ его то же самое земство, убѣдившееся *всѣмъ* своимъ составомъ въ производительности затраты занимаемаго капитала, что капиталъ этотъ употребляется гласно, предъ лицомъ общества, повѣряется всѣми заемщиками, призываемыми къ отвѣтственности, въ случаѣ замедленія платежа, чрезъ ихъ представителей. Спросилъ бы я, какой другой заемъ представляетъ *болѣе* гарантій, не исключая и государственнаго, ибо производительность послѣдняго не такъ непосредственно очевидна для всѣхъ гражданъ, въ немъ участвующихъ и его обезпечивающихъ, какъ производительность перваго, дѣйствующаго въ сравнительно маленькомъ и тѣсномъ кругу земства; да и употребленіе го-

сударственнаго займа, при самомъ широкомъ приложенiи общественнаго контроля, во всякомъ случаѣ менѣе очевидно.

Что касается до условiй прiобрѣтенiя кредита, то въ этомъ случаѣ нѣтъ никакого различiя между земствомъ и другими покупщиками. Земству ничто не мѣшаетъ предложить *самыя выгодныя* условiя, которыя въ данную минуту предлагаютъ другiе покупщики кредита, имѣющiе въ виду производительную его затрату. А если случатся конкурренты, желающiе занять *во что бы то ни стало*, то такiе конкурренты, очевидно, разорятся, и въ очень скоромъ времени, такъ что ихъ условiя не замедлятъ причинить утрату къ нимъ общественнаго довѣрiя.

Относительно боязни напуска денежныхъ знаковъ, спросимъ прежде всего, что такое эта боязнь? Напускъ денежныхъ знаковъ, если имъ не придано никакой внѣшней, обязательной силы, вовсе не такъ страшенъ. Если земство выпуститъ слишкомъ много своихъ облигацiй, то ихъ не разберутъ, и особенной бѣды для государства отъ этого не послѣдуетъ; а если земство выпуститъ свои облигацiи въ соразмѣрномъ числѣ, и всѣ онѣ будутъ разобраны, то появленiе этихъ новыхъ знаковъ не можетъ произвести сильныхъ колебанiй на денежномъ рынкѣ.

Вообще, съ теоретической стороны, мы не видимъ никакихъ существенныхъ возраженiй противъ *возможности* у насъ земскаго кредита; въ *необходимости* же его мы убѣждены, и, думаемъ, убѣдится всякiй, кто дастъ себѣ трудъ изучить нашъ земскiй бюджетъ. Что касается до того какъ лучше устроить у насъ этотъ земскiй кредитъ, и какiе онъ дастъ результаты, объ этомъ мы въ настоящее время разсуждать не будемъ, потому что предметъ этотъ для насъ самихъ не представляется достаточно яснымъ. Но такъ какъ вопросъ этотъ находится на очереди, и для рѣшенiя его необходима предварительная разработка, то мы считаемъ полезнымъ ознакомить съ одною мало извѣстною у насъ, но заслуживающею полнаго вниманiя, формою земскаго кредита на западѣ.

Форма эта встрѣчается въ Бельгiи, въ странѣ гдѣ земское самоуправленiе менѣе стѣснено нежели во Францiи и Германiи, отъ которыхъ мы заимствовали доселѣ наши образцы, хотя должно сказать, что теперешнiя наши земскiя учрежденiя все-

го сходнѣе съ бельгійскими. Послѣднее обстоятельство дѣлаетъ для насъ особенно интереснымъ тамошнее кредитное устройство и устраняетъ отговорку, которою часто отдѣлываются у насъ люди практическіе, говоря: все это хорошо, но только за границей, гдѣ совсѣмъ другое устройство, *другія учрежденія*, а не у насъ!... Приводимыя нами здѣсь свѣдѣнія мы собрали на мѣстѣ, изъ подлинныхъ отчетовъ и дѣлъ сообщенныхъ намъ обязательностію президента Бельгійскаго Кредитнаго Общества, г. Эрлиха.

Мысль объ устройствѣ земскаго кредита явилась въ Бельгіи въ 1860 г.

Поводомъ къ этому было то обстоятельство, что въ особенности мелкія городскія и сельскія общины вовсе не имѣли кредита, даже въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ. Большіе города давно уже дѣлали въ Бельгіи значительные займы: Брюссель, Антверпенъ, Люттихъ, Остенде, еще начиная съ 1843 года, * заключили свои займы выпускомъ городскихъ облигацій; Брюссель и Люттихъ выпускали облигаціи по два раза. Для мелкихъ общинъ заемъ былъ труднѣе нежели для частнаго лица, хотя бы состоятельность его представлялась самою сомнительною. Между тѣмъ и въ густо-населенной Бельгіи, гдѣ большіе города мелькаютъ по сторонамъ желѣзныхъ дорогъ чаще нежели у насъ деревни, масса населенія сосредоточена въ мелкихъ общинахъ.

Въ началѣ 1860 года въ министерство финансовъ поступило нѣсколько проектовъ отъ разныхъ банкирскихъ обществъ и фирмъ, предлагавшихъ проекты устройства мѣстнаго или земскаго кредита, на различныхъ основаніяхъ. Это подало поводъ одному изъ самыхъ практическихъ и дѣльныхъ публицистовъ въ Бельгіи, г. Гаку, напечатать свой проектъ, появившійся въ журналѣ: *Progrès International*, 5 и 19 февраля 1860 года и въ мартѣ представленный при прошеніи въ палату депутатовъ, откуда онъ былъ препровожденъ на разсмотрѣніе министра финансовъ. Сущность этого проекта чрезвычайно проста и удобопонятна.

Во время кризиса, въ 1848 году, въ Брюсселѣ составился банкъ, основанный на круговой порукѣ, подъ именемъ *Брюссельскаго соединеннаго кредита* (Union du credit de Bruxelles). Банкъ этотъ состоялъ въ томъ, что нѣсколько тамошнихъ

* Первый брюссельскій заемъ былъ въ 1843 году.

купцовъ и фабрикантовъ учредили между собою Общество, куда могли поступать всѣ желающіе, если наличные члены, на основаніи правилъ устава, допускали ихъ; по уставу Общества, члены его отвѣчаютъ другъ за друга и принимаютъ къ учету всѣ обязательства, выданныя каждымъ членомъ, въ размѣрѣ открытаго ему Обществомъ кредита. Банкъ этотъ оказалъ много услугъ странѣ поднятіемъ кредита въ эпоху кризиса, и успѣхъ его операцій былъ такъ очевиденъ, что скоро, по примѣру его, подобные банки начали возникать въ разныхъ городахъ (въ Гентѣ, Люттихѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Кёльнѣ, Амстердамѣ, Шамбери, Парижѣ, Петербургѣ и проч.). Въ самомъ дѣлѣ, рѣдко можно въ банковомъ дѣлѣ встрѣтить такой быстрый успѣхъ, соединенный съ такою прочностію операцій и такимъ общимъ довѣріемъ. Это видно изъ слѣдующей сравнительной таблицы дѣйствій Общества:

	въ 1848 г.	въ 1859 г.
Число членовъ	228	1.849
Ручательный капиталъ, находящійся въ распоряженіи Общества	2.049.000 фр.	18.412.200
Число обязательствъ предъявленныхъ къ учету	2.860	85.048
Сумма, на которую простираются предъявленныя къ учету обязательства	1.947.669	47.575.057

Этотъ блестящій успѣхъ внушилъ г. Гаку мысль устроить земскій кредитъ на подобныхъ основаніяхъ: то-есть, устранить всякихъ посредниковъ между общинами, какъ покупщиками кредита, и обществомъ, какъ продавцемъ его въ лицѣ желающихъ помѣстить свои капиталы. Гакъ предлагалъ желающимъ общинамъ соединиться въ одинъ большой союзъ, гдѣ онѣ связываются между собою взаимною солидарностію въ производствѣ и возвратѣ ссудъ и въ отношеніи къ кредитору представляютъ коллективное цѣлое, въ которомъ отдѣльныхъ общинъ какъ бы не существуетъ. Подробности составленнаго г. Гакомъ проекта мы излагать не будемъ, такъ какъ онѣ повторяются, съ небольшими измѣненіями, въ статутѣ утвержденнаго въ декабрѣ 1860 года верховною властію *Общества соединеннаго земскаго кредита.* Въ докладѣ королю министръ Фреръ д'Орбанъ, упомянувъ коротко о недостаточности и неприложимости разсмотрѣнныхъ имъ проектовъ устройства земскаго кредита, представилъ, не называя даже

имени Гака, подъ именемъ своего проекта измѣненный проектъ Гака, противъ чего послѣдній энергически протестовалъ въ упомянутомъ журналѣ письмомъ, помѣщеннымъ въ №№ 23-го декабря 1860 и 13-го января 1861 г., на которое отвѣта не послѣдовало. Измѣненія эти, какъ мы убѣдились изъ внимательнаго сравненія обоихъ проектовъ, состоятъ въ самыхъ мелочныхъ подробностяхъ, и не только не улучшаютъ проекта Гака, но во многихъ случаяхъ далеко ниже его.

Главныя основанія учрежденнаго въ 1860 г. и нынѣ дѣйствующаго *Общества земскаго кредита* въ Бельгіи суть слѣдующія:

1) Основанное въ Брюсселѣ Центральное Общество земскаго кредита имѣетъ цѣлію:

a) Облегчать обращающимся къ нему общинамъ, губерніямъ и учрежденіямъ производство займовъ, какъ вновь заключаемыхъ, такъ и старыхъ, обращаемыхъ въ разсроченные на продолжительное время.

b) Соединять мелкіе займы отдѣльныхъ обществъ въ крупные, съ выпускомъ однообразныхъ по всѣмъ облигацій.

2) Управленіе Общества рѣшаетъ тайною баллотировкою допущеніе общинъ, губерній и учрежденій, обратившихся къ нему за производствомъ займа; допускаются прямо только тѣ общины, которыя могутъ обезпечить платежъ опредѣленнымъ доходомъ, въ размѣрѣ достаточномъ для покрытія по срокамъ принятыхъ обязательствъ, и съ разрѣшенія подлежащихъ властей. Этотъ послѣдній путь составляетъ общее правило, и поэтому тайная баллотировка, представляющая одно изъ самыхъ существенныхъ *добавленій* министерскаго проекта, остается безъ послѣдствій.

3) Для производства ссудъ по займамъ Общество имѣетъ право выпускать облигаціи, именныя и на предъявителя, не ниже 100 франковъ, съ присоединеніемъ къ нимъ купоновъ на уплату процентовъ. Облигаціи эти погашаются тиражемъ и выпускаются или четырехъ-съ-половиною-процентныя или трехъ-процентныя съ преміей. Во время составленія проекта, трехъ-процентныя съ преміей облигаціи были въ сильномъ ходу на биржѣ, почему онѣ и внесены въ проектъ. Въ настоящее время общее правило составляютъ выпускъ четырехъ-съ-половиною-процентныхъ облигацій безъ премій, тѣмъ болѣе, что трехъ-процентныя съ преміею значительно упали въ цѣнѣ.

4) Для уплаты процентовъ и погашенія долга, общины вно-

сятъ за каждые три мѣсяца впередъ въ Общество ежегодные платежи, размѣръ которыхъ опредѣленъ уставомъ временно въ 5% со всей суммы произведеннаго займа: въ этихъ 5% заключается какъ уплата процентовъ кредиторамъ, такъ и погасительный процентъ и покрытіе издержекъ по управленію. Выпускъ облигацій не можетъ быть выше того номинальнаго капитала, на который причиталось бы процентовъ и погашенія больше суммы вносимыхъ общинами ежегодныхъ платежей, за вычетомъ ½ % на покрытіе издержекъ.

5) Облигаціи помѣщаются подпискою и публичною продажей: производящая заемъ община получаетъ ссуду, по мѣрѣ очищенія платежемъ выпущенныхъ облигацій, на условіяхъ, заключенныхъ Обществомъ съ ихъ пріобрѣтателями.

6) Для обезпеченія займовъ и покрытія чрезвычайныхъ и непредвидѣнныхъ расходовъ, недоимокъ и пр., Общество располагаетъ *общественнымъ капиталомъ* (capital social). Капиталъ этотъ составляется изъ взносовъ производящихъ заемъ общинъ, которыя обязаны съ этою цѣлію уплатить въ Общество единовременно, прежде заключенія займа, 5% со всей занимаемой суммы. На эту сумму община получаетъ отъ общества акціи, въ номинальной цѣнѣ по 1000 фр. каждая или отрѣзками по 100 франковъ. Акціи эти исключительно переходятъ въ собственность общинъ-заемщиковъ и могутъ быть передаваемы,—но не иначе какъ между ними,—съ разрѣшенія совѣта управленія Общества. Вся чистая прибыль Общества, за пополненіемъ необходимыхъ расходовъ, обращается на уплату дивиденда по этимъ акціямъ, въ размѣрѣ не свыше 5% на внесенный капиталъ. Все чтò свыше 5%, поступаетъ въ запасный капиталъ. Въ случаѣ если дивидендъ не достигаетъ до 5%, онъ пополняется изъ запаснаго капитала.

7) Свободныя суммы, находящіяся въ распоряженіи Общества, должны быть употребляемы на покупку фондовъ, выпущенныхъ или гарантированныхъ государствомъ, провинціями или общинами, или въ ссуду подъ залогъ означенныхъ обязательствъ. Временно, и не иначе какъ подъ вѣрное обезпеченіе, суммы эти могутъ быть обращаемы на текущіе счеты, открытые съ общественными учрежденіями, частными компаніями или банкирскими домами, указанными совѣтомъ управленія.

8) Управленіе Общества составляютъ:

а) *Совѣтъ управленія*, изъ пяти членовъ, назначенныхъ и смѣ-

няемыхъ общимъ собраніемъ. На первое время лица эти были назначены правительствомъ. Совѣтъ изъ среды своей избираетъ предсѣдателя и изъ лицъ посторонних опредѣляетъ дѣлопроизводителя (gérant), на обязанности котораго лежитъ производство текущихъ дѣлъ и операцій.

б) *Наблюдательный комитетъ*, изъ шести членовъ, избираемыхъ и смѣняемыхъ общимъ собраніемъ; обязанность комитета наблюдать за производствомъ операцій, разсматривать и повѣрять счеты и докладывать о томъ общему собранію.

c) *Общее собраніе*, состоящее изъ акціонеровъ или ихъ представителей(представителей общинъ, провинцій и учрежденій), далѣе изъ членовъ совѣта и наблюдательнаго комитета. Голоса въ немъ пропорціональны числу владѣемыхъ акцій Одна акція даетъ право на 1 голосъ, 10 на 2, 15 на 3, 20 на 4 и т. д. Одинъ и тотъ же акціонеръ не можетъ имѣть болѣе 10 голосовъ.

Правительство имѣетъ право назначить при Обществѣ *коммиссара*, контроль котораго не подлежитъ ограниченію.

Самое существенное различіе проектовъ г. Гака и министерскаго касается опредѣленія степени отвѣтственности общинъ въ случаѣ неплатежа. По проекту г. Гака, ручательствомъ состоятельности общинъ за произведенный заемъ должно было служить: a) заявленіе, при самой просьбѣ о заключеніи займа, вѣрныхъ и опредѣленныхъ источниковъ его ежегодной уплаты, въ размѣрахъ назначенныхъ Обществомъ, впредь до окончательнаго погашенія; b) отвѣтственность каждой общины пропорціонально принятому ею на себя обязательству. Съ этою цѣлью г. Гакъ полагалъ необходимымъ изданіе закона, по которому правительство имѣло бы право, въ случаѣ неуплаты земскаго долга общиною, прямо учредить для погашенія его налогъ на жителей, безъ согласія мѣстнаго земскаго совѣта, который въ подобныхъ случаяхъ иногда *съ крайнею недобросовѣстностію* отказываетъ вотированіе налога. Законъ этотъ былъ бы весьма полезенъ въ Бельгіи, гдѣ взысканіе съ общины, при отказѣ ею въ уплатѣ, вещь почти невозможная, и отсутствіе такого закона, по мнѣнію бельгійскихъ юристовъ, есть весьма важный пропускъ въ бельгійскомъ законодательствѣ. Замѣчательно, что несмотря на это земскій кредитъ процвѣтаетъ. Вмѣсто этихъ мѣръ, какъ мы видѣли, министръ вводитъ допущеніе общинъ, не имѣющихъ въ виду опредѣленныхъ средствъ къ погашенію долга, на осно-

ваніи *тайной* подачи голосовъ членовъ совѣта и управленія, и, не говоря ничего о степени отдѣльной отвѣтственности каждой общины, ограничивается, для обезпеченія вѣрности займовъ, учрежденіемъ пятипроцентнаго общественнаго фонда, такъ что, въ случаѣ недостаточности этого фонда на покрытіе недоимокъ одной неаккуратной общины, Общество должно прекратить платежи по всѣмъ обязательствамъ и объявить себя банкротомъ, не имѣя въ самомъ уставѣ никакихъ указаній, дающихъ ему право принудить, заблаговременно, мѣрами закона, виновную общину къ уплатѣ принятаго ею на себя обязательства. Предоставляемъ судить каждому, съ точки зрѣнія вѣрности займа, на сторонѣ котораго изъ двухъ проектовъ остается преимущество, и напомнимъ только ту общеизвѣстную истину, что степень выгодности заключаемаго займа для самого заемщика прямо пропорціональна суммѣ представляемыхъ имъ кредитору гарантій въ уплатѣ своего долга. Фондъ Общества, въ теченіе трехъ лѣтъ, при трехъ займахъ въ 20.000.000 фр., достигъ до 1.031.089, а запасный капиталъ, какъ увидимъ ниже, достигъ въ то же время четвертой его части. Этотъ запасный капиталъ служитъ отчасти, въ свою очередь, обезпеченіемъ для облигацій, на случай могущей встрѣтиться остановки платежей. Впрочемъ въ Бельгіи, по счастію, есть возможность покрытія земскихъ долговъ прямымъ удержаніемъ, чрезъ посредство правительства, слѣдующихъ общинамъ ежегодныхъ суммъ, по выкупу уничтоженныхъ правительствомъ заставныхъ пошлинъ (*octroi*), что составляетъ одинъ изъ существенныхъ источниковъ ихъ дохода (въ городахъ 30%, а въ сельскихъ общинахъ 10 % всѣхъ вообще доходовъ); иначе такое неточное опредѣленіе отвѣтственности общинъ имѣло бы вліяніе на цѣну облигацій и степень довѣрія къ нимъ.

Вотъ результаты дѣятельности Общества земскаго кредита, съ основанія его въ 1861 до 1864 года, по подлиннымъ отчетамъ.

Въ 1861 году былъ произведенъ первый заемъ въ 6.800.000 фр. въ пользу 47 городовъ и общинъ, выпущенный облигаціями въ 3% съ преміями и съ погашеніемъ въ 66 лѣтъ. Общины-заемщики обязаны платить по этому займу только 4½ % въ теченіе 66 лѣтъ, и несмотря на то, по счетамъ этого займа, онъ далъ Обществу чистой прибыли (за выче-

томъ издержекъ по управленію и уплатою дивиденда на акціи), 65.143 фр., отчисленныхъ въ запасный капиталъ.

Въ 1862 году 92 общины обратились съ просьбою о займѣ, и онъ произведенъ былъ на сумму 7.300.000 фр. Такъ какъ денежный рынокъ былъ слишкомъ заваленъ облигаціями въ 3% съ преміями, то заемъ произведенъ былъ за 4½ % на 66 лѣтъ, и ежегодный по оному платежъ общинъ возвышенъ до 5%. Этотъ новый заемъ далъ Обществу чистой прибыли 51.202 фр, такъ что, въ теченіе двухъ лѣтъ, запаснаго капитала Общества образовалось 116.345 фр. Въ 1863 г., новый заемъ открытъ былъ Обществомъ на 7.000.000 фр., также по 4½ % съ погашеніемъ въ 66 лѣтъ. Заемъ шелъ такъ хорошо, что почти половина его была разобрана по 95,75 фр., а другая половина выдана, по просьбѣ общинъ, имъ самимъ облигаціями. Многія общины помѣстили эти облигаціи за 96,75 фр., а нѣкоторыя даже отклонили предложенія по этой цѣнѣ на значительныя суммы. По третьему займу Общество получило чистой прибыли (вмѣстѣ съ другими операціями) 133.393 фр., такъ что по тремъ займамъ оно имѣетъ чистой прибыли почти 250.000 фр.

Въ теченіе трехъ лѣтъ Общество заплатило общинамъ-заемщикамъ дивиденда на принадлежащія имъ акціи, оплаченный капиталъ которыхъ къ 1-му января 1864 г. простирался до 1.031.800 фр., всего 67.561 фр.; а такъ какъ ежегодными платежами общины должны были уплатить Обществу, въ счетъ трехъ займовъ, 1.968.000 фр., то изъ этой послѣдней суммы почти 3½% вернулись къ нимъ въ видѣ дивиденда. Этотъ оивидендъ постоянно будетъ увеличиваться отъ обращенія вбщественнаго фонда съ причисленіемъ процентовъ на процзнты, и слѣдовательно возвратъ также будетъ соразмѣрно деорастать.

Кромѣ операцій займовъ, Общество открыло *текущіе счеты* разнымъ городамъ и общинамъ, на которые получило въ 1861 году 1.164.300 фр., въ 1862 г.—2.458.877 фр., въ 1863 г. 858,827 фр., и само кредитовало подъ залогъ процентныхъ бумагъ и на текущіе счеты въ 1861 г. 324.531 фр., а въ 1862 году 120.000 фр.

Издержки по управленію Общества были:

въ 1861	году	49.767	фр.
— 1862	—	34.850	—
— 1863	—	66.115	—

Издержки эти довольно значительны. Въ первый годъ, разумѣется, онѣ были высоки по случаю расходовъ на первоначальное обзаведеніе; но вообще значительную ихъ часть (а именно: въ 1861 г.—21.714 фр., а въ 1862 г.—17.067, слѣдовательно въ обоихъ случаяхъ около половины) поглащаютъ преміи въ пользу лицъ управленія и коммиссіонеровъ, что не совсѣмъ справедливо, ибо лица управленія не несутъ отвѣтственности и не обременены особыми трудами.

Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ значеніи такого соединеннаго земскаго кредита.

Важность кредита для земства вещь, полагаемъ, общеизвѣстная. Но въ чемъ именно состоятъ выгоды и преимущества *соединеннаго* земскаго кредита, или, другими словами, централизаціи его на началѣ взаимной солидарности отдѣльныхъ земствъ, какъ мы видимъ въ Бельгіи?

1) Соединеніе нѣсколькихъ мелкихъ земствъ или общинъ въ одну или нѣсколько * центральныхъ группъ позволяетъ производить заемъ на равно выгодныхъ основаніяхъ для всѣхъ, и такимъ образомъ уравнивается положеніе мелкихъ и крупныхъ земствъ. Это обстоятельство чрезвычайно важное. Большіе и промышленные центры всегда такъ или иначе могутъ найдти кредитъ для пріобрѣтенія капитала, необходимаго на единовременную затрату; но этой возможности не имѣютъ мелкія общества, и потому даже дѣйствительныя ихъ затраты и пожертвованія, вмѣсто пользы, часто представляютъ пустую потерю капитала. Положимъ, общество желаетъ завести школу и готово пожертвовать для этого 70 р. сер. въ годъ; для дѣйствительно хорошаго обзаведенія школы нужно, положимъ, единовременно 300 р. сер., но этихъ 300 руб. у общества нѣтъ: какое отсюда слѣдствіе? Или школа не существуетъ только по недостатку средствъ къ первоначальному обзаведенію, или устраивается кое-какъ на добровольныя пожертвованія, такъ что ежегодная ассигновка 70 р. сер. приноситъ только убытокъ, а отнюдь не пользу. Между тѣмъ на 300 р. причитается въ годъ, по 5%, всего 15 р., и слѣдовательно, при существованіи земскаго кредита, общество или можетъ

* Само собою разумѣется, что въ Россіи, напримѣръ немыслимо одно центральное Общество земскаго кредита въ Петербургѣ, но нѣсколько губерній, соединившись, могутъ составить центральную группу.

добавить эти 15 р. къ 70, что уже не такъ трудно, если послѣдствіемъ этой добавки будетъ хорошее устройство школы, или, въ крайнемъ случаѣ, вычесть ихъ изъ ассигнованныхъ 70, что опять гораздо полезнѣе, ибо здѣсь 55 рублей идутъ на дѣло, а безъ кредита 70 тратятся по-пустому. Такъ бываетъ во множествѣ случаевъ. Мы, напримѣръ, знаемъ земство, которое въ теченіе десяти лѣтъ платило 2.000 р. ежегоднаго ремонта на поддержаніе моста и гати только потому что у него не было 15.000, требовавшихся единовременно для настилки ихъ вновь, и по истеченіи десяти лѣтъ, то-есть по уплатѣ 20.000 р., мостъ все-таки провалился.

2) Выгода Общества соединеннаго кредита, составленнаго изъ самихъ *земщиковъ*, состоитъ въ устраненіи *посредствующихъ лицъ* (банкирскихъ фирмъ или компаній) между покупщиками и продавцами кредита (то-есть публикой). Посредствующія лица естественно заботятся главнымъ образомъ какъ бы возможно-*дешевле* купить облигаціи у заемщиковъ и возможно-*дороже* перепродать ихъ публикѣ. Извѣстно, что рѣдко, даже *государству*, банкиры даютъ въ долгъ *полною* суммой, и выгода ихъ состоитъ не въ процентныхъ купонахъ, а въ барышѣ отъ этой перепродажи. Если банкиръ пріобрѣлъ облигацію въ номинальной суммѣ 100 руб. за 60, а открылъ подписку по 65, то онъ уже въ барышахъ по 5 рублей на каждыя 100. Такъ напримѣръ, въ проектѣ займа, въ 20.000.000 фр., предположеннаго городомъ Брюсселемъ у Ротшильда, и потомъ отказаннаго, городъ отдавалъ свои облигаціи за 92, а банкиръ обязывался пустить ихъ при подпискѣ по 97. Но кромѣ того, въ первыя 7 лѣтъ поступало въ розыгрышъ преміями по тарифу по 172.000 фр. ежегодно, а въ слѣдующіе 58 лѣтъ по 56.000 фр., и другими словами, въ первые 7 лѣтъ, когда часть акцій хранилась бы еще въ портфелѣ дома Ротшильда, 1000 фр. давали бы 8 фр. 60 сант. преміи, а въ послѣдніе годы, когда съ приманкою высокихъ премій онѣ перешли бы въ руки публики, 1000 фр. давали бы 2 фр. 80 сант. преміи, и слѣдовательно, цѣна облигацій на биржѣ непремѣнно значительно бы упала. Вотъ одинъ изъ тѣхъ замысловатыхъ и не знакомыхъ для непосвященныхъ лицъ пріемовъ, которыми князья биржи незамѣтно эксплуатируютъ покупщиковъ и продавцевъ кредита. Ничего этого не существуетъ при

производствѣ займа чрезъ посредство Общества земскаго кредита.

3) Круговое ручательство общинъ или составленіе ими запаснаго капитала, представляющее дѣйствительную гарантію вѣрности платежей, понижаетъ процентъ займа, чего не существуетъ въ единичномъ займѣ, даже сравнительно болѣе богатой общины, чрезъ посредство банкира. Предразсудокъ, будто банкирская фирма способствуетъ сколько-нибудь тому, чтобы придать вѣрность выпущенной чрезъ его посредство облигаціи и поддержать ея высшую цѣну на биржѣ, могутъ раздѣлять только лица совершенно незнакомыя съ техникой финансовыхъ оборотовъ. Какъ скоро банкиръ продалъ пріобрѣтенную имъ облигацію, онъ о ней заботится столько же, сколько о своихъ старыхъ сапогахъ, и для меня, покупщика, все равно, получаю ли я проценты по облигаціи, выданной прямо городомъ Варнавинымъ или выпущенной банкирскимъ домомъ Ротшильда.

4) Успѣхъ и степень выгодности займа зависятъ отъ большей или меньшей обширности рынка, па которомъ обращаются облигаціи, и отъ болѣе или менѣе непосредственныхъ сношеній покупщиковъ облигацій съ мѣстами продажи и уплаты купоновъ. Соединеніе земскаго кредита, давая возможность каждой участвующей общинѣ открывать у себя конторы для продажи облигацій и платежа купоновъ, расширяетъ такимъ образомъ рынокъ сбыта, обыкновенно ограничивающагося большими центрами, и знакомя мѣстныхъ жителей съ выгодами помѣщенія капиталовъ въ процентныя бумаги и размѣна купоновъ на дому безъ всякихъ хлопотъ, — привлекаетъ мелкіе капиталы къ помѣщенію въ земскій заемъ, особенно когда каждый убѣдится въ его вѣрности.

5) Соединеніе нѣсколькихъ частныхъ займовъ въ одинъ заемъ позволяетъ Обществу не загромаживать вдругъ рынокъ выпускомъ облигацій на всю сумму предположеннаго займа, но сохраняя постепенность дѣйствительной нужды, этимъ поддерживать ихъ цѣну. Въ самомъ дѣлѣ, одни земства нуждаются непосредственно во всей суммѣ предположеннаго долга; другія, и это бо́льшая часть, предпринимая какое-нибудь общеполезное сооруженіе, могутъ получать капиталъ по частямъ, по мѣрѣ надобности. Подобныя комбинаціи невозможны при единичныхъ займахъ, ибо занимающая община, нисколько не участвующая въ выгодахъ займа, не имѣетъ

нужды разсрочивать его въ пользу банкира или кредиторовъ.

Вотъ причина, почему Бельгійское Общество соединеннаго земскаго кредита пошло такъ успѣшно съ самаго начала, несмотря на самыя ожесточенныя нападенія банкировъ, старавшихся повредить ему всѣми явными и тайными средствами, такъ что національный банкъ до сихъ поръ не принимаетъ его облигацій къ учету. За то правительство разрѣшило уплату купоновъ по этимъ облигаціямъ въ каждомъ мѣстномъ казначействѣ, пріемъ облигацій къ залогамъ во всѣхъ подрядахъ и поставкахъ и обращеніе всѣхъ общественныхъ капиталовъ, принадлежащихъ общинамъ и различнымъ учрежденіямъ, въ эти облигаціи, наравнѣ съ государственными. Въ настоящее время облигаціи земскаго займа стоятъ на биржѣ 95,60, а государственнаго—98,40,—вообще первыя всегда нѣсколькими процентами *ниже* послѣднихъ. Одною изъ самыхъ важныхъ мѣръ, принятыхъ Обществомъ въ 1863 г., былъ размѣнъ этихъ облигацій и пріемъ ихъ подъ залогъ въ кассѣ самого Общества.

Н. КОЛЮПАНОВЪ.

ТЫСЯЧА ВОСЕМЬСОТЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ.*

XXIX.

Въ то время какъ у Ростовыхъ танцовали въ залѣ шестой *англезъ* подъ звуки, отъ усталости, фальшивившихъ музыкантовъ, и усталые офиціанты и повара готовили ужинъ, разсуждая между собой какъ могутъ господа такъ безпрестанно кушать,—только что откушали чай, опять ужинать,—въ это время съ графомъ Безухимъ сдѣлался шестой уже ударъ; доктора объявили, что надежды къ выздоровленію нѣтъ, больному дана была глухая исповѣдь и причастіе, дѣлали приготовленія для соборованія, и въ домѣ была суетня и тревога ожиданія, обыкновенныя въ такія минуты. Внѣ дома, за воротами, толпились, скрываясь отъ подъѣзжавшихъ экипажей, гробовщики, ожидая богатаго заказа на похороны графа. Главнокомандующій Москвы, который безпрестанно присылалъ адъютантовъ узнавать о положеніи графа, въ этотъ вечеръ самъ пріѣзжалъ проститься съ однимъ изъ представителей вѣка Екатерины. Говорили, что больной кого-то искалъ глазами и требовалъ. И за Пьеромъ, и за Анной Михайловной былъ посланъ лакей верхомъ.

Великолѣпная пріемная комната была полна. Всѣ почтительно встали, когда главнокомандующій, пробывъ около получаса наединѣ съ больнымъ, вышелъ оттуда, слегка отвѣчая на поклоны и стараясь какъ можно скорѣе пройдти

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 1.

мимо устремленныхъ на него взглядовъ докторовъ, духовныхъ лицъ и родственниковъ. Князь Василій, похудѣвшій и поблѣднѣвшій за эти дни, шелъ съ нимъ рядомъ, и всѣ видѣли какъ главнокомандующій пожалъ ему руку и что-то нѣсколько разъ тихо повторилъ ему.

Проводивъ главнокомандующаго, князь Василій сѣлъ въ залѣ одинъ на стулъ, закинулъ высоко ногу на ногу, на колѣнку упирая локоть и рукою закрывъ глаза. Всѣ видѣли что ему тяжело, и никто не подходилъ къ нему. Посидѣвъ такъ нѣсколько времени, онъ всталъ, и непривычно-поспѣшными шагами, оглядываясь кругомъ не то сердитыми, не то испуганными глазами, пошелъ черезъ длинный корридоръ на заднюю половину дома, къ старшей княжнѣ.

Находившіеся въ слабо освѣщенной комнатѣ неровнымъ шопотомъ говорили между собой и замолкали каждый разъ, и полными вопроса и ожиданія глазами оглядывались на дверь, которая вела въ покои умирающаго и издавала слабый звукъ, когда кто-нибудь выходилъ изъ нея или входилъ въ нее.

— Предѣлъ человѣческій, говорилъ старичокъ, духовное лицо, дамѣ, подсѣвшей къ нему и наивно слушавшей его,— предѣлъ положенъ, его же не прейдеши.

— Я думаю не поздно ли соборовать, прибавляя духовный титулъ, спрашивала дама, какъ будто не имѣя на этотъ счетъ никакого своего мнѣнія.

— Таинство, матушка, великое, отвѣчало духовное лицо, проводя рукою по лысинѣ, по которой пролегало нѣсколько прядей зачесанныхъ полусѣдыхъ волосъ.

— Это кто же? самъ главнокомандующій былъ? спрашивали въ другомъ концѣ комнаты.— Какой моложавый!..

— А седьмой десятокъ! Что, говорятъ, графъ-то не узнаетъ ужъ? Хотѣли соборовать.

— Я одного зналъ: семь разъ соборовался.

Вторая княжна только вышла изъ комнаты больнаго съ заплаканными глазами и сѣла подлѣ Лоррена, молодаго, знаменитаго доктора, Француза, который въ граціозной позѣ сидѣлъ подлѣ портрета Екатерины, облокотившись на столъ.

— Très bien, говорилъ докторъ, отвѣчая на вопросъ о погодѣ,— très bien, Princesse, et puis, à Moscou, on se croit à la campagne.

— N'est-ce-pas? сказала княжна, вздыхая.— Такъ можно ему пить?

Лорренъ задумался.

— Онъ принялъ лѣкарство?

— Да.

Докторъ посмотрѣлъ на брегетъ.

— Возьмите стаканъ отварной воды и положите une pincée (онъ своими тонкими пальцами показалъ что̀ значитъ une pincée):—de cremor tartari....

— *Не пило случай*, говорилъ Нѣмецъ-докторъ адъютанту,—*чтопи съ третій ударомъ живъ остался.*

— А какой свѣжій былъ мущина! говорилъ адъютантъ.—И кому пойдетъ это богатство? прибавилъ онъ шопотомъ.

— *Окотникъ найдутся*, улыбаясь отвѣчалъ Нѣмецъ.

Всѣ опять оглянулись на дверь: она скрипнула, и вторая княжна, сдѣлавъ питье, показанное Лорреномъ, несла больному. Нѣмецъ-докторъ подошелъ къ Лоррену.

— Еще можетъ дотянется до завтрашняго утра? спросилъ Нѣмецъ, дурно выговаривая по-французски.

Лорренъ, поджавъ губы, строго и отрицательно помахалъ пальцемъ передъ своимъ носомъ.

— Сегодня ночью, не позже, сказалъ онъ тихо съ приличною улыбкой самодовольства въ томъ, что онъ ясно умѣетъ понимать и выражать положеніе больнаго, и отошелъ.

Между тѣмъ князь Василій отворилъ дверь въ комнату княжны.

Въ комнатѣ было полутемно, только двѣ лампадки горѣли передъ образами и хорошо пахло куреньемъ и цвѣтами. Вся комната была уставлена мелкою мебелью шифоньерокъ, шкапчиковъ, столиковъ. Изъ-за ширмъ виднѣлись бѣлыя покрывала высокой пуховой кровати. Собачка залаяла.

— Ахъ, это вы, mon cousin?

Она встала и оправила волосы, которые у нея всегда, даже и теперь, были такъ необыкновенно гладки, какъ будто они были сдѣланы изъ одного куска съ головой и покрыты лакомъ.

— Что̀, случилось что-нибудь? спросила она.—Я уже такъ напугалась.

— Ничего, все то же, я только пришелъ поговорить съ тобой, Катишь, о дѣлѣ, проговорилъ князь, устало садясь на

кресло, съ котораго она встала.—Какъ ты нагрѣла, однако, сказалъ онъ:—ну, садись сюда; causons.

— Я думала не случилось ли что? сказала княжна, и съ своимъ неизмѣннымъ, спокойнымъ и строгимъ каменнымъ приличіемъ сѣла противъ князя, готовясь слушать.

— Хотѣла уснуть, mon cousin, и не могу.

— Ну, что моя милая? сказалъ князь Василій, взявъ руку княжны и пригибая ее по своей привычкѣ къ низу.

Видно было, что это „ну что“ относилось ко многому такому, что, не называя, они понимали оба.

Княжна, съ своею несообразно длинною по ногамъ, сухою и прямою таліей, прямо и безстрастно смотрѣла на князя выпуклыми сѣрыми глазами. Она покачала головой, и вздохнувъ, посмотрѣла на образа. Жестъ ея можно было объяснить и какъ выраженіе печали и преданности, и какъ выраженіе усталости и надежды на скорый отдыхъ. Князь Василій объяснилъ этотъ жестъ какъ выраженіе усталости.

— А мнѣ-то, сказалъ онъ,—ты думаешь легче? je suis éreinté comme un cheval de poste, а все-таки мнѣ надо съ тобой поговорить, Катишь, и очень серіозно.

Князь Василій замолчалъ, и щеки его начали нервически подергиваться то на одну, то на другую сторону, придавая его лицу непріятное выраженіе, какое никогда не показывалось на лицѣ князя Василія, когда онъ бывалъ въ гостиныхъ. Глаза его тоже были не такіе какъ всегда: то они смотрѣли нагло-шутливо, то испуганно оглядывались.

Княжна, своими сухими, худыми руками придерживая на колѣняхъ собачку, внимательно смотрѣла въ глаза князю Василію; но видно было, что она не перерветъ молчанія вопросомъ, хотя бы ей пришлось молчать до утра. У княжны было одно изъ тѣхъ лицъ, которыхъ выраженіе остается неизмѣняемо и независимо отъ движеній, выражающихся на лицѣ собесѣдника.

— Вотъ видите ли, моя милая княжна и кузина, Катерина Семеновна, продолжалъ князь Василій, видимо, не безъ внутренней борьбы, приступая къ продолженію своей рѣчи:—въ такія минуты какъ теперь обо всемъ надо подумать. Надо подумать о будущемъ, о васъ.... я васъ всѣхъ люблю какъ своихъ дѣтей, ты это знаешь.

Княжна также тускло и неподвижно смотрѣла на него.

— Наконецъ, надо подумать и о моемъ семействѣ, сердито

отталкивая отъ себя столикъ и не глядя на нее, продолжалъ князь Василій:—ты знаешь, Катишь, что вы три сестры, Мамонтовы, да еще моя жена, мы одни прямые наслѣдники графа. Знаю, знаю, какъ тебѣ тяжело говорить и думать о такихъ вещахъ. И мнѣ не легче, но, другъ мой, мнѣ шестой десятокъ, надо быть ко всему готовымъ. Ты знаешь ли, что я послалъ за Пьеромъ, и что графъ, прямо указывая на его портретъ, требовалъ его къ себѣ?

Князь Василій вопросительно посмотрѣлъ на княжну, но не могъ понять, соображала ли она то что̀ онъ ей сказалъ, или просто смотрѣла на него.

— Я объ одномъ не перестаю молить Бога, mon cousin, отвѣчала она,—чтобъ онъ помиловалъ его и далъ бы его прекрасной душѣ спокойно покинуть эту....

— Да, это такъ, нетерпѣливо продолжалъ князь Василій, потирая лысину и опять съ злобой придвигая къ себѣ отодвинутый столикъ,—но наконецъ.... наконецъ дѣло въ томъ, ты сама знаешь, что прошлою зимой графъ написалъ завѣщаніе, по которому онъ все имѣніе, помимо прямыхъ наслѣдниковъ и насъ, отдавалъ Пьеру.

— Мало ли онъ писалъ завѣщаній! спокойно сказала княжна:—но Пьеру онъ не могъ завѣщать. Пьеръ незаконный.

— Ma chère, сказалъ вдругъ князь Василій, прижавъ къ себѣ столикъ, оживившись и начавъ говорить скорѣе:—но что ежели письмо написано государю, и графъ проситъ усыновить Пьера? Понимаешь, по заслугамъ графа, его просьба будетъ уважена...

Княжна улыбнулась, какъ улыбаются люди, которые думаютъ что знаютъ дѣло больше чѣмъ тѣ, съ кѣмъ разговариваютъ.

— Я тебѣ скажу больше, продолжалъ князь Василій, хватая ее за руку:—письмо было написано, хотя и не отослано, и государь зналъ о немъ. Вопросъ только въ томъ, уничтожено ли оно или нѣтъ. Ежели нѣтъ, то какъ скоро *все кончится*,—князь Василій вздохнулъ, давая этимъ понять *что̀* онъ разумѣлъ подъ словами *все кончится*,—и вскроютъ бумаги графа, завѣщаніе съ письмомъ будетъ передано государю, и просьба его навѣрно будетъ уважена. Пьеръ, какъ законный сынъ, получитъ все.

— А наша часть? спросила княжна, иронически улыбаясь такъ, какъ будто все, но только не это могло случиться.

— Mais, ma pauvre Catiche, c'est clair comme le jour. Онъ одинъ тогда законный наслѣдникъ всего, а вы не получите ни вотъ этого. Ты должна знать, моя милая, были ли написаны завѣщаніе и письмо, и уничтожены ли они. И ежели почему-нибудь они забыты, то ты должна знать гдѣ они, и найдти ихъ, потому что....

— Этого только не доставало! перебила его княжна, сардонически улыбаясь и не измѣняя выраженія глазъ.—Я женщина, по вашему мы всѣ глупы; но я настолько знаю, что незаконный сынъ не можетъ наслѣдовать.... Un bâtard, прибавила она, полагая этимъ переводомъ окончательно показать князю его неосновательность.

— Какъ ты не понимаешь, наконецъ, Катишь! Ты такъ умна: какъ ты не понимаешь, ежели графъ написалъ письмо государю, въ которомъ проситъ его признать сына законнымъ, стало-быть, Пьеръ ужь будетъ не Пьеръ, а графъ Безухой, и тогда онъ по завѣщанію получитъ все? И ежели завѣщаніе съ письмомъ не уничтожены, то тебѣ кромѣ утѣшенія, что ты была добродѣтельна, et tout ce qui s'en suit, ничего не останется. Это вѣрно.

— Я знаю, что завѣщаніе написано, но знаю тоже, что оно не дѣйствительно, и вы меня, кажется, считаете за совершенную дуру, mon cousin, сказала княжна съ тѣмъ выраженіемъ, съ которымъ говорятъ женщины, полагающія что онѣ сказали нѣчто остроумное и оскорбительное.

— Милая ты моя княжна, Катерина Семеновна, нетерпѣливо заговорилъ князь Василій.—Я пришелъ къ тебѣ не за тѣмъ чтобы пикироваться съ тобой, а за тѣмъ чтобы какъ съ родной, хорошею, доброю, истинною родной, поговорить о твоихъ же интересахъ. Я тебѣ говорю десятый разъ, что ежели письмо къ государю и завѣщаніе въ пользу Пьера есть въ бумагахъ графа, то ты, моя голубушка, и съ сестрами, не наслѣдница. Ежели ты мнѣ не вѣришь, то повѣрь людямъ знающимъ: я сейчасъ говорилъ съ Дмитріемъ Онуфріичемъ (это былъ адвокатъ дома), онъ то же сказалъ.

Видимо что-то вдругъ измѣнилось въ мысляхъ княжны: тонкія губы поблѣднѣли (глаза остались тѣ же), и голосъ, въ то время какъ она заговорила, прорывался такими раскатами, какихъ она, видимо, сама не ожидала.

— Это было бы хорошо, сказала она.—Я ничего не хотѣла и не хочу.

Она сбросила свою собачку съ колѣнъ и оправила складки платья.

— Вотъ благодарность, вотъ признательность людямъ, которые всѣмъ пожертвовали для него, сказала она. — Прекрасно! Очень хорошо! Мнѣ ничего не нужно, князь.

— Да, но ты не одна, у тебя сестры, отвѣтилъ князь Василій. — Но княжна не слушала его.

— Да, я это давно знала, но забыла, что кромѣ низости, обмана, зависти, интригъ, кромѣ неблагодарности, самой черной неблагодарности, я ничего не могла ожидать въ этомъ домѣ...

— Знаешь ли ты или не знаешь гдѣ это завѣщаніе? спрашивалъ князь Василій, еще съ большимъ чѣмъ прежде подергиваніемъ щекъ.

— Да, я была глупа, я еще вѣрила въ людей и любила ихъ, и жертвовала собой. А успѣваютъ только тѣ, которые подлы и гадки. Я знаю чьи это интриги.

Княжна хотѣла встать, но князь удержалъ ее за руку. Княжна имѣла видъ человѣка вдругъ разочаровавшагося во всемъ человѣческомъ родѣ; она злобно смотрѣла на своего собесѣдника.

— Еще есть время, мой другъ. Ты помни, Катишь, что все это сдѣлалось нечаянно, въ минуту гнѣва, болѣзни, и потомъ забыто. Наша обязанность, моя милая, исправить его ошибку, облегчить его послѣднія минуты, тѣмъ чтобы не допустить его сдѣлать этой несправедливости, не дать ему умереть въ мысляхъ, что онъ сдѣлалъ несчастными тѣхъ людей...

— Тѣхъ людей, которые всѣмъ пожертвовали для него, подхватила княжна, порываясь опять встать, но князь не пустилъ ее, — чего онъ никогда не умѣлъ цѣнить. Нѣтъ, mon cousin, прибавила она со вздохомъ,—я буду помнить, что на этомъ свѣтѣ нельзя ждать награды, что на этомъ свѣтѣ нѣтъ ни чести, ни справедливости. На этомъ свѣтѣ, надо быть хитрою и злою.

— Ну, voyons, успокойся; я знаю твое прекрасное сердце.

— Нѣтъ, у меня злое сердце.

— Я знаю твое сердце, повторилъ князь,—цѣню твою дружбу, и желалъ бы, чтобы ты была обо мнѣ того же мнѣнія. Успокойся и parlons raison, пока есть время — можетъ сутки, можетъ часъ; разкажи мнѣ все что̀ ты знаешь о завѣщаніи, и главное, гдѣ оно: ты должна знать. Мы теперь же возьмемъ его и покажемъ графу. Онъ вѣрно забылъ уже про него и

захочетъ его уничтожить. Ты понимаешь, что мое одно желаніе свято исполнить его волю; я за тѣмъ только и пріѣхалъ сюда. Я здѣсь только за тѣмъ, чтобы помогать ему и вамъ.

— Теперь я все поняла. Я знаю чьи это интриги. Я знаю, говорила княжна.

— Не въ томъ дѣло, моя душа.

— Это ваша protegée, ваша милая княгиня Друбецкая, Анна Михайловна, которую я не желала бы имѣть горничной, эту мерзкую, гадкую женщину.

— Ne perdons point de temps.

— Ахъ, не говорите! Прошлую зиму она втерлась сюда, и такія гадости, такія скверности наговорила графу на всѣхъ насъ, особенно на Sophie, — я повторить не могу, — что графъ сдѣлался боленъ и двѣ недѣли не хотѣлъ насъ видѣть. Въ это время, я знаю, что онъ написалъ эту гадкую, мерзкую бумагу, но я думала, что эта бумага ничего не значитъ.

— Nous y voilà, отчего же ты прежде ничего не сказала мнѣ?

— Въ мозаиковомъ портфелѣ, который онъ держитъ подъ подушкой. Теперь я знаю, сказала княжна не отвѣчая. — Да ежели есть за мной грѣхъ, большой грѣхъ, то это ненависть къ этой мерзавкѣ, почти прокричала княжна, совершенно измѣнившись. — И зачѣмъ она втирается сюда? Но я ей выскажу все, все. Придетъ время.

— Au nom du ciel, ma bonne, n'oubliez pas dans votre juste courroux, сказалъ князь Василій улыбаясь слегка, — que l'envie à mille yeux est là qui nous regarde. Nous devons agir mais...[1]

XXX.

Въ то время какъ такіе разговоры происходили въ пріемной и въ княжниной комнатахъ, карета съ Пьеромъ (за которымъ было послано) и съ Анною Михайловной (которая нашла нужнымъ ѣхать съ нимъ) въѣзжала во дворъ графа Безухаго. Когда колеса кареты мягко зазвучали по соломѣ, настланной подъ окнами, Анна Михайловна, обратившись къ своему спутнику съ утѣшительными словами, убѣдилась въ томъ, что онъ спитъ въ углу кареты и разбудила его. Очнувшись, Пьеръ за Анною Михайловной вышелъ изъ кареты и тутъ только подумалъ о томъ свиданіи съ умирающимъ

[1] Ради Бога не забудьте въ вашемъ справедливомъ гнѣвѣ, что тысячеглазая зависть слѣдитъ за нами. Мы должны дѣйствовать.

отцомъ, которое его ожидало. Онъ замѣтилъ, что они подъѣхали не къ парадному, а къ заднему подъѣзду. Въ то время какъ онъ сходилъ съ подножки, два человѣка въ мѣщанской одеждѣ торопливо отбѣжали отъ подъѣзда въ тѣнь стѣны. Пріостановившись, Пьеръ разглядѣлъ въ тѣни дома съ обѣихъ сторонъ еще нѣсколько такихъ же людей. Но ни Анна Михайловна, ни лакей, ни кучеръ, которые не могли не видѣть этихъ людей, не обратили на нихъ вниманія. Стало-быть, это такъ нужно, рѣшилъ самъ съ собой Пьеръ и прошелъ за Анною Михайловной. Анна Михайловна поспѣшными шагами шла вверхъ по слабо-освѣщенной, узкой, каменной лѣстницѣ, подзывая отстававшаго за ней Пьера, который хотя и не понималъ для чего ему надо было вообще идти къ графу и, еще меньше, зачѣмъ ему надо было идти по задней лѣстницѣ, судя по увѣренности и поспѣшности Анны Михайловны рѣшилъ про себя, что это было необходимо нужно. На половинѣ лѣстницы чуть не сбили ихъ съ ногъ какіе-то люди съ ведрами, которые, стуча сапогами, сбѣгали имъ навстрѣчу. Люди эти прижались къ стѣнѣ, чтобы пропустить Пьера съ Анною Михайловной и не показали ни малѣйшаго удивленія при видѣ ихъ.

— Здѣсь на половину княженъ? спросила Анна Михайловна одного изъ нихъ.

— Здѣсь, отвѣчалъ лакей смѣлымъ, громкимъ голосомъ, какъ будто теперь все уже было можно: — дверь налѣво, матушка.

— Можетъ-быть графъ не звалъ меня, сказалъ Пьеръ, въ то время какъ онъ вышелъ на площадку:—я пошелъ бы къ себѣ.

Анна Михайловна остановилась, чтобы поровняться съ Пьеромъ.

— Ah, mon ami! сказала она съ тѣмъ же жестомъ какъ утромъ съ сыномъ, дотрогиваясь до его руки:—croyez que je souffre autant que vous, mais soyez homme. [1]

— Право, я пойду, спросилъ Пьеръ, ласково черезъ очки глядя на Анну Михайловну.

— Ah, mon ami, oubliez les torts qu'on a pu avoir envers vous, pensez que c'est votre père.... peut-être à l'agonie.—Она вздохнула.—Je vous ai tout de suite aimé comme mon fils. Fiez vous à moi, Pierre. Je n'oublierai pas vos intérêts. [2]

[1] Повѣрьте, я страдаю не меньше васъ, но будьте мущиной.

[2] Забудьте, другъ мой, въ чемъ были противъ васъ не правы. Я тотчасъ полюбила васъ какъ сына. Довѣрьтесь мнѣ, Пьеръ. Я не забуду вашихъ интересовъ.

Пьеръ ничего не понималъ; опять ему еще сильнѣе показалось, что все это такъ должно быть, и онъ покорно послѣдовалъ за Анною Михайловной, уже отворявшею дверь.

Дверь выходила въ переднюю задняго хода. Въ углу сидѣлъ старикъ-слуга княжонъ и вязалъ чулокъ. Пьеръ никогда не былъ на этой половинѣ, даже не предполагалъ существованія такихъ покоевъ. Анна Михайловна спросила у обгонявшей ихъ, съ графиномъ на подносѣ, дѣвушки, назвавъ ее милой и голубушкой, о здоровьи княжонъ, и повлекла Пьера дальше по каменному корридору. Изъ корридора первая дверь налѣво вела въ жилыя комнаты княжонъ. Горничная, съ графиномъ, второпяхъ (какъ и все дѣлалось второпяхъ въ эту минуту въ этомъ домѣ) не затворила двери, и Пьеръ съ Анною Михайловной, проходя мимо, невольно заглянули въ ту комнату, гдѣ, разговаривая, сидѣли близко другъ отъ друга старшая княжна съ княземъ Васильемъ. Увидавъ проходящихъ, князь Василій сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и откинулся назадъ, княжна вскочила и отчаяннымъ жестомъ изо всей силы хлопнула дверью, затворяя ее.

Жестъ этотъ былъ такъ непохожъ на всегдашнее спокойствіе княжны, страхъ выразившійся на лицѣ князя Василья былъ такъ несвойственъ его важности, что Пьеръ, остановившись, вопросительно, черезъ очки, посмотрѣлъ на свою руководительницу. Анна Михайловна не выразила удивленія, она только слегка улыбнулась и вздохнула, какъ будто показывая, что всего этого она ожидала.

— Soyez homme, mon ami, c'est moi qui veillerais à vos intérêts, сказала она въ отвѣтъ на его взглядъ и еще скорѣе пошла по корридору.

Пьеръ не понималъ въ чемъ дѣло, и еще меньше, что̀ значило veiller à vos intérêts, но онъ понималъ, что все это такъ должно было быть. Корридоромъ они вышли въ полуосвѣщенную залу, примыкавшую къ пріемной графа. Это была одна изъ тѣхъ холодныхъ и роскошныхъ комнатъ, которыя зналъ Пьеръ, съ параднаго крыльца. Но и въ этой комнатѣ, по серединѣ, стояла пустая ванна и была пролита вода по ковру. Навстрѣчу имъ вышелъ на цыпочкахъ, не обращая на нихъ вниманія, слуга и причетникъ съ кадиломъ. Они вошли въ знакомую Пьеру пріемную съ двумя италіянскими окнами, выходомъ въ зимній садъ, съ большимъ бюстомъ и во весь ростъ портретомъ Екатерины. Все тѣ же люди, почти въ тѣхъ же

положеніяхъ, сидѣли, перешептываясь въ пріемной. Всѣ, смолкнувъ, оглянулись на вошедшую Анну Михайловну съ ея исплаканнымъ, блѣднымъ лицомъ, и на толстаго, большаго Пьера, который, опустивъ голову, покорно слѣдовалъ за нею.

На лицѣ Анны Михайловны выразилось сознаніе того, что рѣшительная минута наступила; она, съ пріемами дѣловой петербургской дамы, вошла въ комнату, не отпуская отъ себя Пьера, еще смѣлѣе чѣмъ утромъ. Она, видимо, чувствовала, что ведя за собою того кого желалъ видѣть умирающій, пріемъ ея былъ обезпеченъ. Быстрымъ взглядомъ оглядѣвъ всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ и замѣтивъ графова духовника, она не то что согнувшись, но сдѣлавшись вдругъ меньше ростомъ, мелкою иноходью подплыла къ духовнику и почтительно приняла благословеніе одного, потомъ другаго духовнаго лица.

— Слава Богу, что успѣли, сказала она духовному лицу:— мы всѣ, родные, такъ боялись. Вотъ этотъ молодой человѣкъ—сынъ графа, прибавила она тише. — Ужасная минута!

Проговоривъ эти слова, она подошла къ доктору. — Cher docteur, сказала она ему, — ce jeune homme est le fils du comte.... y a-t-il de l'espoir? [1]

Докторъ, молча, быстрымъ движеніемъ возвелъ кверху глаза и плечи. Анна Михайловна точно такимъ же движеніемъ возвела плечи и глаза, почти закрывъ ихъ, вздохнула и отошла отъ доктора къ Пьеру. Она особенно почтительно и нѣжно-грустно обратилась къ Пьеру.

— Ayez confiance en Sa miséricorde, сказала она ему, и указавъ ему диванчикъ, чтобы сѣсть подождать ее, сама неслышно направилась къ двери, на которую всѣ смотрѣли, и вслѣдъ за чуть-слышнымъ звукомъ этой двери скрылась за нею.

Пьеръ, рѣшившись во всемъ повиноваться своей руководительницѣ, направился къ диванчику, который она ему указала. Какъ только Анна Михайловна скрылась, онъ замѣтилъ, что взгляды всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ больше чѣмъ съ любопытствомъ и съ участіемъ устремились на него. Онъ замѣтилъ, что всѣ перешептывались, указывая на него глазами какъ будто съ страхомъ и даже съ подобострастіемъ. Ему оказывали уваженіе, какого прежде никогда не оказывали; неизвѣстная ему дама, которая говорила съ духовными лицами, встала съ своего мѣста и предложила ему

[1] Этотъ молодой человѣкъ — сынъ графа... Есть ли надежда?

сѣсть; адъютантъ поднялъ уроненную Пьеромъ перчатку и подалъ ему. Доктора почтительно замолкли, когда онъ проходилъ мимо ихъ, и посторонились, чтобы дать ему мѣсто. Пьеръ хотѣлъ сначала сѣсть на другое мѣсто, чтобы не стѣснять даму, хотѣлъ самъ поднять перчатку и обойдти докторовъ, которые вовсе и не стояли на его дорогѣ; но онъ вдругъ почувствовалъ, что это было бы неприлично, онъ почувствовалъ, что онъ въ нынѣшнюю ночь есть лицо, которое обязано совершить какой-то страшный и ожидаемый всѣми обрядъ, и что поэтому онъ долженъ былъ принимать отъ всѣхъ услуги. Онъ принялъ молча перчатку адъютанта, сѣлъ на мѣсто дамы, положивъ свои большія руки на симметрично выставленныя колѣни, въ наивной позѣ египетской статуи, и рѣшилъ про себя, что все это такъ именно должно быть, и что ему въ нынѣшній вечеръ, для того чтобы не потеряться и не надѣлать глупостей, не слѣдуетъ дѣйствовать по своимъ соображеніямъ, а надобно предоставить себя вполнѣ на волю тѣхъ, которые руководили имъ.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ князь Василій, въ своемъ кафтанѣ съ тремя звѣздами, величественно, высоко неся голову, вошелъ въ комнату. Онъ казался похудѣвшимъ съ утра; глаза его были больше обыкновеннаго, когда онъ оглянулъ комнату и увидалъ Пьера. Онъ подошелъ къ нему, взялъ руку (чего онъ прежде никогда не дѣлалъ) и потянулъ ее книзу, какъ будто онъ хотѣлъ испытать, крѣпко ли она держится.

— Courage, courage, mon ami. Il a demandé à vous voir. C'est bien....—и онъ хотѣлъ идти. Но Пьеръ почелъ нужнымъ спросить:

— Какъ здоровье.... — Онъ замялся, не зная прилично ли назвать умирающаго графомъ; назвать же отцомъ ему было совѣстно.

— Il a eu encore un coup, il y a une demi-heure. Еще былъ ударъ. Courage, mon ami....

Пьеръ былъ въ такомъ состояніи неясности мысли, что при словѣ ударъ, ему представился ударъ какого-нибудь тѣла. Онъ недоумѣвая посмотрѣлъ на князя Василія. И уже потомъ сообразилъ, что ударомъ называется болѣзнь. Князь Василій на-ходу сказалъ нѣсколько словъ Лоррену и прошелъ въ дверь на цыпочкахъ. Онъ не умѣлъ ходить на цыпочкахъ и неловко подпрыгивалъ всѣмъ тѣломъ. Вслѣдъ за нимъ прошла старшая княжна, потомъ прошли

духовныя лица и причетники, люди (прислуга) тоже прошли въ дверь. За этою дверью послышалось передвиженье, и наконецъ, все съ тѣмъ же блѣднымъ, но твердымъ въ исполненіи долга лицомъ, выбѣжала Анна Михайловна, и дотронувшись до руки Пьера, сказала:

— La bonté divine est inépuisable. C'est la cérémonie de l'extrême onction qui va commencer. Venez. [1]

Пьеръ прошелъ въ дверь, ступая по мягкому ковру, и замѣтилъ, что и адъютантъ, и незнакомая дама, и еще кто-то изъ прислуги, всѣ прошли за нимъ, какъ будто теперь ужъ не надо было спрашивать разрѣшенія входить въ эту комнату.

XXXI.

Пьеръ хорошо зналъ эту большую, раздѣленную колоннами и аркой комнату, всю обитую персидскими коврами. Часть комнаты за колоннами, гдѣ съ одной стороны стояла высокая краснаго дерева кровать, подъ шелковыми занавѣсами, а съ другой—огромный кіотъ съ образами, была красно и ярко освѣщена, какъ бываютъ освѣщены церкви во время вечерней службы. Подъ освященными ризами кіота стояло длинное вольтеровское кресло, и на креслѣ, обложенномъ вверху снѣжно-бѣлыми, не смятыми, видимо только-что перемѣненными подушками, укрытая до пояса ярко зеленымъ одѣяломъ, лежала знакомая Пьеру величественная фигура его отца, графа Безухаго, съ тою же сѣдою гривой волосъ, напоминавшихъ льва, надъ широкимъ лбомъ, и съ тѣми же характерно-благородными, крупными морщинами на красивомъ красно-желтомъ лицѣ. Онъ лежалъ прямо подъ образами; обѣ толстыя, большія руки его были выпростаны изъ-подъ одѣяла и лежали на немъ. Въ правую руку, лежавшую ладонью книзу, между большимъ и указательнымъ пальцами вставлена была восковая свѣча, которую, нагибаясь изъ-за кресла, придерживалъ въ ней старый слуга. Надъ кресломъ стояли духовныя лица въ своихъ величественныхъ, блестящихъ одеждахъ, съ выпростанными на нихъ длинными волосами, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, и медленно-торжественно служили. Немного позади ихъ стояли двѣ младшія княжны, съ

[1] Милосердіе Божіе неисчерпаемо. Соборованіе сейчасъ начнется. Пойдемте.

платкомъ въ рукахъ и у глазъ, и впереди ихъ старшая, Катишь, съ злобнымъ и рѣшительнымъ видомъ, ни на мгновеніе не спуская глазъ съ иконъ, какъ будто говорила всѣмъ, что не отвѣчаетъ за себя, если оглянется. Анна Михайловна, съ кроткою печалью и всепрощеніемъ на лицѣ, и неизвѣстная дама стояли у двери. Князь Василій стоялъ съ другой стороны двери, близко къ креслу, за рѣзнымъ, бархатнымъ стуломъ, который онъ поворотилъ къ себѣ спинкой, и облокотивъ на нее лѣвую руку со свѣчой, крестился правою, каждый разъ поднимая глаза кверху, когда приставлялъ персты ко лбу. Лицо его выражало спокойную набожность и преданность волѣ Божіей. „Ежели вы не понимаете этихъ чувствъ, то тѣмъ хуже для васъ", казалось, говорило его лицо.

Сзади его стоялъ адъютантъ, доктора и мужская прислуга; какъ бы въ церкви, мущины и женщины раздѣлились. Все молчало, крестилось, только слышны были церковное чтеніе, сдержанное, густое, басовое пѣніе и въ минуты молчанія перестановка ногъ и вздохи. Анна Михайловна, съ тѣмъ значительнымъ видомъ, который показывалъ, что она знаетъ что дѣлаетъ, перешла черезъ всю комнату къ Пьеру и подала ему свѣчу. Онъ зажегъ ее, и развлеченный наблюденіями надъ окружающими, сталъ креститься тою же рукой, въ которой была свѣча.

Младшая, румяная и смѣшливая княжна Софи, съ родинкою, смотрѣла на него. Она улыбнулась, спрятала свое лицо въ платокъ и долго не открывала его; но, посмотрѣвъ на Пьера, опять засмѣялась. Она, видимо, чувствовала себя не въ силахъ глядѣть на него безъ смѣха, но не могла удержаться чтобы не смотрѣть на него, и во избѣжаніе искушеній тихо перешла за колонну. Въ серединѣ службы голоса духовенства вдругъ замолкли, духовныя лица шепотомъ сказали что-то другъ другу; старый слуга, державшій руку графа, поднялся и обратился къ дамамъ. Анна Михайловна выступила впередъ, и нагнувшись надъ больнымъ изъ-за спины, пальцемъ поманила къ себѣ Лоррена. Французъ-докторъ, — стоявшій безъ зажженной свѣчи, прислонившись къ коллоннѣ, въ той почтительной позѣ иностранца, которая показываетъ, что несмотря на различіе вѣры, онъ понимаетъ всю важность совершающагося обряда и даже одобряетъ его,—неслышными шагами человѣка во всей силѣ возраста подошелъ къ боль-

ному, взялъ своими бѣлыми, тонкими пальцами его свободную руку съ зеленаго одѣяла, и отвернувшись, сталъ щупать пульсъ и задумался. Больному дали чего-то выпить, зашевелились около него, потомъ опять разступились по мѣстамъ, и богослуженіе возобновилось. Во время этого перерыва Пьеръ замѣтилъ, что князь Василій вышелъ изъ-за своей спинки стула, и съ тѣмъ же видомъ, который показывалъ что онъ знаетъ что̀ дѣлаетъ, и что тѣмъ хуже для другихъ ежели они не понимаютъ его, не подошелъ къ больному, а пройдя мимо его, присоединился къ старшей княжнѣ и съ нею вмѣстѣ направился въ глубь спальни, къ высокой кровати подъ шелковыми занавѣсами. Отъ кровати и князь и княжна оба скрылись въ заднюю дверь, но передъ концомъ службы одинъ за другимъ возвратились на свои мѣста. Пьеръ обратилъ на это обстоятельство не болѣе вниманія какъ и на всѣ другія, разъ навсегда рѣшивъ въ своемъ умѣ, что все что̀ совершалось передъ нимъ нынѣшній вечеръ, было такъ необходимо нужно.

Звуки церковнаго пѣнія прекратились, и послышался голосъ духовнаго лица, которое почтительно поздравляло больнаго съ принятіемъ таинства. Больной лежалъ все также безжизненно и неподвижно. Вокругъ него все зашевелилось, послышались шаги и шепоты, изъ которыхъ шепотъ Анны Михайловны выдавался рѣзче всѣхъ.

Пьеръ слышалъ какъ она сказала:

— Непремѣнно надо перенести на кровать, здѣсь никакъ нельзя будетъ....

Больнаго такъ обступили доктора, княжны и слуги, что Пьеръ уже не видалъ той красно-желтой головы, съ сѣдою гривой, которая, несмотря на то что онъ видѣлъ и другія лица, ни на мгновеніе не выходила у него изъ вида во все время службы. Пьеръ догадался по осторожному движенію людей, обступившихъ кресло, что умирающаго поднимали и переносили.

— *За мою руку держись, уронишь такъ*, послышался ему испуганный шепотъ одного изъ слугъ,—снизу.... еще одинъ, говорили голоса, и тяжелыя дыханія, и переступанья ногами людей стали торопливѣе, какъ будто тяжесть, которую они несли, была сверхъ силъ ихъ.

Несущіе, въ числѣ которыхъ была и Анна Михайловна, поровнялись съ молодымъ человѣкомъ, и ему на мгновеніе, изъ-за спинъ и затылковъ людей, показалась высокая, жирная, открытая грудь, тучныя плечи больнаго, приподня-

тыя кверху людьми державшими его подъ мышки, и сѣдая, курчавая, львиная голова. Голова эта съ необычайно широкимъ лбомъ и скулами, красивымъ чувственнымъ ртомъ и величественнымъ холоднымъ взглядомъ, была не обезображена близостью смерти. Она была такая же, какою зналъ ее Пьеръ назадъ тому три мѣсяца, когда графъ отпускалъ его въ Петербургъ. Но голова эта безпомощно покачивалась отъ неровныхъ шаговъ несущихъ, и холодный, безучастный взглядъ не зналъ на чемъ остановиться.

Прошло нѣсколько минутъ суетни около высокой кровати; люди, несшіе больнаго, разошлись; Анна Михайловна дотронулась до руки Пьера и сказала ему: „Venez.“ Пьеръ вмѣстѣ съ нею подошелъ къ кровати, на которой, въ праздничной позѣ, видимо имѣвшей отношеніе къ только-что совершенному таинству, былъ положенъ больной. Онъ лежалъ, высоко опираясь головой на подушки. Руки его были симметрично выложены на зеленомъ шелковомъ одѣялѣ ладонями внизъ. Когда Пьеръ подошелъ, графъ глядѣлъ прямо на него, но глядѣлъ тѣмъ взглядомъ, котораго смыслъ и значеніе нельзя понять человѣку. Или этотъ взглядъ ровно ничего не говорилъ, какъ только то, что покуда есть глаза, надо же глядѣть куда-нибудь, или онъ говорилъ слишкомъ многое. Пьеръ остановился, не зная что̀ ему дѣлать, и вопросительно оглянулся на свою руководительницу, Анну Михайловну. Анна Михайловна сдѣлала ему торопливый жестъ глазами, указывая на руку больнаго и губами посылая ей воздушный поцѣлуй. Пьеръ, старательно вытягивая шею, чтобъ не зацѣпить за одѣяло, исполнилъ ея совѣтъ, и приложился къ ширококостной и мясистой рукѣ. Ни рука, ни одинъ мускулъ лица графа не дрогнули. Пьеръ опять вопросительно посмотрѣлъ на Анну Михайловну, спрашивая теперь что̀ ему дѣлать. Анна Михайловна глазами указала ему на кресло стоявшее подлѣ кровати. Пьеръ покорно сталъ садиться на кресло, глазами продолжая спрашивать, то ли онъ сдѣлалъ что̀ нужно. Анна Михайловна одобрительно кивнула головой. Пьеръ принялъ опять симметрично-наивное положеніе египетской статуи, видимо соболѣзнуя о томъ, что неуклюжее и толстое тѣло его занимало такое большое пространство, и употребляя всѣ душевныя силы, чтобы казаться какъ можно меньше. Онъ смотрѣлъ на графа. Графъ смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ находилось лицо Пьера

въ то время какъ онъ стоялъ. Анна Михайловна являла въ своемъ выраженіи сознаніе трогательной важности этой послѣдней минуты свиданія отца съ сыномъ. Это продолжалось двѣ минуты, которыя показались Пьеру часомъ. Вдругъ, въ крупныхъ мускулахъ и морщинахъ лица графа, появилось содроганіе. Содроганіе усиливалось, красивый ротъ покривился (тутъ только Пьеръ понялъ до какой степени отецъ его былъ близокъ къ смерти), изъ перекривленнаго рта послышался неясный хриплый звукъ. Анна Михайловна старательно смотрѣла въ глаза больному, и стараясь угадать чего было нужно ему, указывала то на Пьера, то на питье, то шепотомъ вопросительно называла князя Василія, то указывала на одѣяло. Глаза и лицо больнаго выказывали нетерпѣніе. Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы взглянуть на слугу, который безотходно стоялъ у изголовья постели.

— На другой бочокъ перевернуться хотятъ, прошепталъ слуга, и поднялся, чтобы переворотить лицомъ къ стѣнѣ тяжелое тѣло графа.

Пьеръ всталъ, чтобы помочь слугѣ.

Въ то время какъ графа переворачивали, одна рука его безпомощно завалилась назадъ, и онъ сдѣлалъ напрасное усиліе, чтобы перетащить ее. Замѣтилъ ли графъ тотъ взглядъ ужаса, съ которымъ Пьеръ смотрѣлъ на эту безжизненную руку, или какая другая мысль промелькнула въ его умирающей головѣ въ эту минуту, но онъ посмотрѣлъ на непослушную руку, на выраженіе ужаса въ лицѣ Пьера, опять на руку, и на лицѣ его явилась такъ не шедшая къ его чертамъ слабая, страдальческая улыбка, выражавшая какъ бы насмѣшку надъ своимъ собственнымъ безсиліемъ. Неожиданно, при видѣ этой улыбки, Пьеръ почувствовалъ содроганіе въ груди, щипанье въ носу, и слезы затуманили его зрѣніе. Больнаго перевернули на бокъ къ стѣнѣ. Онъ вздохнулъ.

— Il est assoupi, сказала Анна Михайловна, замѣтивъ приходившую на смѣну княжну.—Allons.

Пьеръ вышелъ.

XXXII.

Въ пріемной никого уже не было кромѣ князя Василія и старшей княжны, которые, сидя подъ портретомъ Екатерины, о чемъ-то оживленно говорили. Какъ только они увида-

ли Пьера съ его руководительницей, они замолчали. Княжна что-то спрятала, какъ показалось Пьеру, и прошептала:

— Не могу видѣть эту женщину.

— Catiche a fait donner du thé dans le petit salon, сказалъ князь Василій Аннѣ Михайловнѣ.—Allez, ma pauvre, Анна Михайловна, prenez quelque chose, autrement vous ne suffirez pas. [1]

Пьеру онъ ничего не сказалъ, только пожалъ съ чувствомъ его руку пониже плеча. Пьеръ съ Анной Михайловной прошли въ petit salon.

— Il n'y a rien qui restaure comme une tasse de cet excellent thé russe après une nuit blanche, [2] говорилъ Лорренъ, съ выраженіемъ сдержанной оживленности, отхлебывая изъ тонкой, безъ ручки, китайской чашки, стоя въ маленькой, круглой гостиной передъ столомъ, на которомъ стоялъ чайный приборъ и холодный ужинъ. Около стола собрались, чтобы подкрѣпить свои силы, всѣ бывшіе въ эту ночь въ домѣ графа Безухаго. Пьеръ хорошо помнилъ эту маленькую круглую гостиную, съ зеркалами и маленькими столиками. Во время баловъ въ домѣ графа, Пьеръ, не умѣвшій танцовать, любилъ сидѣть въ этой маленькой зеркальной и наблюдать, какъ дамы, въ бальныхъ туалетахъ, брилліантахъ и жемчугахъ на голыхъ плечахъ, проходя черезъ эту комнату, оглядывали себя въ ярко освѣщенныя зеркала, нѣсколько разъ повторявшія ихъ отраженія. Теперь та же комната была едва освѣщена двумя свѣчами, и среди ночи на одномъ маленькомъ столикѣ безпорядочно стояли чайный приборъ и блюда, и разнообразные, непраздничные люди, шепотомъ переговариваясь, сидѣли въ ней, каждымъ движеніемъ, каждымъ словомъ показывая, что никто не забываетъ того что дѣлается теперь и имѣетъ еще совершиться въ спальнѣ. Пьеръ не сталъ ѣсть, хотя ему и очень хотѣлось. Онъ оглянулся вопросительно на свою руководительницу, и увидѣлъ, что она на цыпочкахъ выходила опять въ пріемную, гдѣ остался князь Василій съ старшею княжной.

---

[1] Катишь велѣла подать чаю въ маленькой гостиной. Вы бы пошли, бѣдная Анна Михайловна, подкрѣпили себя, а то васъ не хватитъ.

[2] Ничто такъ не возстановляетъ послѣ безсонной ночи какъ чашка этого превосходнаго русскаго чаю."

Пьеръ полагалъ, что и это было такъ нужно, и помедливъ немного, пошелъ за ней. Анна Михайловна стояла подлѣ княжны, и обѣ онѣ въ одно время говорили взволнованнымъ шепотомъ:

— Позвольте мнѣ, княгиня, знать что̀ нужно и что̀ ненужно, говорила княжна, видимо находясь въ томъ же взволнованномъ состояніи, въ какомъ она была въ то время какъ захлопывала дверь своей комнаты.

— Но, милая княжна, кротко и убѣдительно говорила Анна Михайловна, заступая дорогу отъ спальни и не пуская княжну,—не будетъ ли это слишкомъ тяжело для бѣднаго дядюшки въ такія минуты, когда ему нуженъ отдыхъ? Въ такія минуты разговоръ о мірскомъ, когда его душа уже приготовлена.....

Князь Василій сидѣлъ на креслѣ, въ своей фамиліярной позѣ, высоко заложивъ ногу на ногу. Щеки его сильно перепрыгивали и, опустившись, казались толще внизу; но онъ имѣлъ видъ человѣка мало занятаго разговоромъ двухъ дамъ.

— Voyons, ma bonne, Анна Михайловна, laissez faire Catiche. Вы знаете, какъ графъ ее любитъ.

— Я и не знаю что̀ въ этой бумагѣ, говорила княжна, обращаясь къ князю Василью, и указывая на мозаиковый портфель, который она держала въ рукахъ.—Я знаю только, что настоящее завѣщаніе у него въ бюро, а это забытая бумага... — Она хотѣла обойдти Анну Михайловну, но Анна Михайловна, подпрыгнувъ опять, загородила ей дорогу.

— Я знаю, милая, добрая княжна, сказала Анна Михайловна, хватаясь рукой за портфель и такъ крѣпко, что видно было она не скоро его пуститъ. — Милая княжна, я васъ прошу, я васъ умоляю, пожалѣйте его. Je vous en conjure...

Княжна молчала. Слышны были только звуки усилій борьбы за портфель. Видно было, что ежели она заговоритъ, то заговоритъ не лестно для Анны Михайловны. Анна Михайловна держала крѣпко, но несмотря на то, голосъ ея удерживалъ всю свою сладкую тягучесть и мягкость.

— Пьеръ, подойдите сюда, мой другъ. Я думаю, что онъ не лишній въ родственномъ совѣтѣ, не правда ли, князь?

— Что же вы молчите, mon cousin, вдругъ вскрикнула княжна такъ громко, что въ гостиной услыхали и испугались ея голоса?—Что вы молчите, когда здѣсь Богъ знаетъ

кто позволяетъ себѣ вмѣшиваться и дѣлать сцены на порогѣ комнаты умирающаго. Интриганткa! прошептала она злобно и дернула портфель изо всей силы, но Анна Михайловна сдѣлала нѣсколько шаговъ, чтобы не отстать отъ портфеля, и перехватила руку.

— Oh! сказалъ князь Василій, укоризненно и удивленно. Онъ всталъ.—C'est ridicule. Voyons, пустите. Я вамъ говорю.

Княжна пустила.

— И вы.

Анна Михайловна не послушалась его.

— Пустите, я вамъ говорю. Я беру все на себя. Я пойду и спрошу его. Я.... довольно вамъ этого.

— Mais, mon prince, говорила Анна Михайловна, — послѣ такого великаго таинства, дайте ему минуту покоя. Вотъ, Пьеръ, скажите ваше мнѣніе, обратилась она къ молодому человѣку, который, вплоть подойдя къ нимъ, удивленно смотрѣлъ на озлобленное, потерявшее все приличіе лицо княжны и на перепрыгивающія щеки князя Василья.

— Помните, что вы будете отвѣчать за всѣ послѣдствія, строго сказалъ князь Василій:—вы не знаете что̀ вы дѣлаете.

— Мерзкая женщина, вскрикнула княжна, неожиданно бросаясь на Анну Михайловну и вырывая портфель. Князь Василій опустилъ голову и развелъ руками.

Въ эту минуту дверь, та страшная дверь, на которую такъ долго смотрѣлъ Пьеръ, и которая такъ тихо отворялась, быстро, съ шумомъ, откинулась, стукнувъ объ стѣну, и средняя княжна выбѣжала оттуда и всплеснула руками.

— Что̀ вы дѣлаете! отчаянно проговорила она:—il s'en va et vous me laissez seule.

Старшая княжна выронила портфель. Анна Михайловна быстро нагнулась, и подхвативъ спорную вещь, побѣжала въ спальню. Старшая княжна и князь Василій, опомнившись, пошли за ней. Черезъ нѣсколько минутъ, первая вышла оттуда старшая княжна, съ блѣднымъ и сухимъ лицомъ и прикушенною нижнею губой. При видѣ Пьера, лицо ея выразило неудержимую злобу.

— Да, дуйтесь теперь, сказала она,—вы этого ждали.—И зарыдавъ, закрыла лицо платкомъ и выбѣжала изъ комнаты.

За княжной вышелъ князь Василій. Онъ, шатаясь, дошелъ до дивана, на которомъ сидѣлъ Пьеръ, и упалъ на него, закрывъ глаза рукой. Пьеръ замѣтилъ, что онъ былъ

блѣденъ, и что нижняя челюсть его прыгала и тряслась какъ въ лихорадочной дрожи.

— Ахъ, мой другъ! сказалъ онъ, взявъ Пьера за локоть; и въ голосѣ его была искренность и слабость, которыя Пьеръ никогда прежде не замѣчалъ въ немъ.—Сколько мы грѣшимъ, сколько мы обманываемъ, и все для чего? Мнѣ шестой десятокъ, мой другъ.... вѣдь мнѣ.... Все кончится смертью, все. Смерть ужасна. — Онъ заплакалъ.

Анна Михайловна вышла послѣдняя. Она подошла къ Пьеру тихими, медленными шагами.

— Пьеръ!.. сказала она.

Пьеръ вопросительно смотрѣлъ на нее. Она поцѣловала въ лобъ молодаго человѣка, увлажая его слезами. Она помолчала.

— Il n'est plus....

Пьеръ смотрѣлъ на нее черезъ очки.

— Allons, je vous reconduirai. Tâchez de pleurer. Rien ne soulage comme les larmes. [1]

Она провела его въ темную гостиную, и Пьеръ радъ былъ, что никто тамъ ни видѣлъ его лица. Анна Михайловна ушла отъ него, и когда она вернулась, онъ, подложивъ подъ голову руку, спалъ крѣпкимъ сномъ.

На другое утро Анна Михайловна говорила Пьеру:

— Oui, mon cher, c'est une grande perte pour nous tous, je ne parle pas de vous. Mais Dieu vous soutiendra, vous êtes jeune et vous voilà à la tête d'une immense fortune je l'espère. Le testament n'a pas été encore ouvert. Je vous connais assez pous savoir que cela ne vous tournera pas la tête, mais cela vous impose des devoirs, et il faut être homme. [2]

Пьеръ молчалъ.

— Peut-être plus tard je vous dirai, mon cher, que si je n'avais pas été là, Dieu sait ce qui serait arrivé. Vous savez, mon oncle, avant-hier encore me promettait de ne pas oublier

---

[1] Его не стало.... Пойдемте, я васъ провожу. Старайтесь плакать; ничто такъ не облегчаетъ какъ слезы.

[2] Да, мой другъ, это великая потеря для всѣхъ насъ, не говоря о васъ. Но Богъ васъ поддержитъ, вы молоды, и вотъ теперь, надѣюсь, обладатель огромнаго богатства. Завѣщаніе еще не вскрыто. Я довольно васъ знаю и увѣрена, что это не вскружитъ вамъ голову, но это налагаетъ на васъ обязанности, и надо быть мущиной.

Boris. Mais il n'a pas eu le temps. J'espère, mon cher ami, que vous remplirez le désir de votre père.[1]

Пьеръ ничего не понималъ, и молча, застѣнчиво краснѣя, что съ нимъ рѣдко бывало, смотрѣлъ на княгиню Анну Михайловну. Переговоривъ съ Пьеромъ, Анна Михайловна уѣхала къ Ростовымъ и легла спать. Проснувшись, утромъ, она разказывала Ростовымъ и всѣмъ знакомымъ подробности смерти графа Безухаго. Она говорила, что графъ умеръ такъ какъ и она желала бы умереть, что конецъ его былъ не только трогателенъ, но и назидателенъ; послѣднее же свиданіе отца съ сыномъ было до того трогательно, что она не могла вспомнить его безъ слезъ, и что она не знаетъ кто лучше велъ себя въ эти страшныя и торжественныя минуты: отецъ ли, который такъ все и всѣхъ вспомнилъ въ послѣднія минуты и такія трогательныя слова сказалъ сыну, или Пьеръ, на котораго жалко было смотрѣть, какъ онъ былъ убитъ и какъ, несмотря на это, старался скрыть свою печаль, чтобы не огорчить умирающаго отца. „C'est pénible, mais cela fait du bien; ça éleve l'ame de voir des hommes comme le vieux comte et son digne fils,“[2] говорила она. О поступкахъ княжны и князя Василья она, не одобряя ихъ, тоже разказывала, но подъ большимъ секретомъ и шепотомъ.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

XXXIII.

Въ Лысыхъ Горахъ, имѣніи князя Николая Андреевича Болконскаго, ожидали съ каждымъ днемъ пріѣзда молодаго князя Андрея съ княгиней, но ожиданіе не нарушало стройнаго порядка, по которому шла жизнь въ домѣ стараго князя. Генералъ-Аншефъ, князь Николай Андреевичъ,

---

[1] Послѣ я, можетъ-быть, разкажу вамъ, что еслибъ я не была тамъ, то Богъ знаетъ что бы случилось. Вы знаете, что дядюшка третьяго дня обѣщалъ мнѣ не забыть Бориса, но не успѣлъ. Надѣюсь, мой другъ, вы исполните желаніе отца.

[2] Это тяжело, но это здорово; душа возвышается когда видишь такихъ людей какъ старый графъ и его достойный сынъ.

по прозванію въ обществѣ le roi de Prusse, съ того времени какъ при Павлѣ былъ сосланъ въ деревню, жилъ безвыѣздно въ своихъ Лысыхъ Горахъ съ дочерью, княжною Марьей, и при ней компаньйонкою Mlle Bourienne. И въ нынѣшнее царствованіе, хотя ему и былъ разрѣшенъ въѣздъ въ столицы, онъ также продолжалъ безвыѣздно жить въ деревнѣ, говоря, что ежели кому его нужно, то тотъ и отъ Москвы полтораста верстъ доѣдетъ до Лысыхъ Горъ, а что ему никого и ничего не нужно. Онъ говорилъ, что есть только два источника людскихъ пороковъ: праздность и суевѣріе, и что есть только двѣ добродѣтели: дѣятельность и умъ. Онъ самъ занимался воспитаніемъ своей дочери, и чтобы развивать въ ней обѣ главныя добродѣтели, до двадцати лѣтъ давалъ ей уроки алгебры и геометріи, и распредѣлялъ всю ея жизнь въ безпрерывныхъ занятіяхъ. Самъ онъ постоянно былъ занятъ то писаніемъ своихъ мемуаровъ, то выкладками изъ высшей математики, то точеніемъ табакерокъ на станкѣ, то работой въ саду и наблюденіемъ надъ постройками, которыя не прекращались въ его имѣніи, то чтеніемъ любимыхъ авторовъ. Такъ какъ главное условіе для дѣятельности есть порядокъ, то и порядокъ въ его образѣ жизни былъ доведенъ до послѣдней степени точности. Его выходы къ столу совершались при однихъ и тѣхъ же неизмѣнныхъ условіяхъ, и не только въ одинъ и тотъ же часъ, но и минуту. Съ людьми окружавшими его, отъ дочери до слугъ, князь былъ рѣзокъ и неизмѣнно требователенъ, и потому, не бывъ жестокимъ, онъ возбуждалъ къ себѣ страхъ и почтительность, какихъ не легко могъ бы добиться самый жестокій человѣкъ. Несмотря на то что онъ былъ въ отставкѣ и не имѣлъ теперь никакого значенія въ государственныхъ дѣлахъ, каждый начальникъ той губерніи, гдѣ было имѣніе князя, считалъ своимъ долгомъ являться къ нему, и точно такъ же какъ архитекторъ, садовникъ или княжна Марья, дожидался назначеннаго часа выхода князя въ высокой официантской. И каждый въ этой официантской испытывалъ то же чувство почтительности и даже страха, въ то время какъ отворялась громадная, высокая дверь кабинета, и показывалась въ напудренномъ парикѣ невысокая фигурка старика, съ маленькими, сухими ручками и сѣрыми, висячими бровями, иног-

да, когда онъ насупливался, застилавшими блескъ умныхъ и точно молодыхъ блестящихъ глазъ.

Въ день пріѣзда молодыхъ, утромъ, по обыкновенію, княжна Марья въ урочный часъ входила для утренняго привѣтствія въ офиціантскую и со страхомъ крестилась и читала внутренно молитву. Каждый день она входила и каждый день молилась о томъ, чтобъ это ежедневное свиданіе сошло благополучно.

Сидѣвшій въ офиціантской пудреный старикъ-слуга тихимъ движеніемъ всталъ и шепотомъ доложилъ: „Пожалуйте."

Изъ-за двери слышались равномѣрные звуки станка. Княжна робко потянула за легко и плавно отворяющуюся дверь и остановилась у входа. Князь работалъ за станкомъ, и оглянувшись, продолжалъ свое дѣло.

Огромный кабинетъ былъ наполненъ вещами, очевидно, безпрестанно употребляемыми. Большой столъ, на которомъ лежали книги и планы, высокіе, стеклянные шкафы библіотеки, съ ключами въ дверцахъ, мраморный столъ для писанія, въ стоячемъ положеніи, на которомъ лежала открытая тетрадь, токарный станокъ съ разложенными инструментами и съ разсыпанными кругомъ стружками,—все выказывало постоянную, разнообразную и порядочную дѣятельность. По движеніямъ небольшой ноги, обутой въ татарскій, шитый серебромъ, сапожокъ, по твердому налеганію жилистой, сухощавой руки видна была въ князѣ еще упорная и много выдерживающая сила свѣжей старости. Сдѣлавъ нѣсколько круговъ, онъ снялъ ногу съ педали станка, обтеръ стамеску, кинулъ ее въ кожаный карманъ, придѣланный къ станку, и подойдя къ столу, подозвалъ дочь. Онъ никогда не благословлялъ своихъ дѣтей, и только подставивъ ей щетинистую, еще не бритую нынче щеку, сказалъ строго и вмѣстѣ съ тѣмъ внимательно-нѣжно, оглядѣвъ ее: „Здорова?.. ну такъ, садись!" Говорилъ онъ, какъ всегда, коротко и отрывисто, раскрывая тетрадь геометріи, писанную его рукой, и подвигая ногой свое кресло.

— Назавтра! сказалъ онъ, быстро отыскивая страницу и отъ параграфа до другаго отмѣчая жесткимъ ногтемъ. Княжна пригнулась къ столу надъ тетрадью.—Постой, письмо тебѣ, вдругъ сказалъ старикъ, доставая изъ придѣланнаго надъ столомъ кармана конвертъ, надписанный женскою рукой и кидая его на столъ.

Лицо княжны покрылось красными пятнами при видѣ письма. Она торопливо взяла его и пригнулась къ нем у.

— Отъ Элоизы? спросилъ князь, холодною улыбкой выказывая еще крѣпкіе, но рѣдкіе и желтоватые зубы.

— Да, отъ Жюли Ахрасимовой, сказала княжна, робко взглядывая и робко улыбаясь.

— Еще два письма пропущу, а третье прочту, строго сказалъ князь: — боюсь, много вздору пишете. Третье прочту.

— Прочтите хоть это, mon père, отвѣчала княжна, краснѣя еще болѣе и подавая ему письмо.

— Третье, я сказалъ, третье, коротко крикнулъ князь, отталкивая письмо, и облокотившись на столъ, пододвинулъ тетрадь съ чертежами геометріи.

— Ну, сударыня, началъ старикъ, пригнувшись близко къ дочери надъ тетрадью и положивъ одну руку на спинку кресла, на которомъ сидѣла княжна, такъ что княжна чувствовала себя со всѣхъ сторонъ окруженною тѣмъ табачнымъ и старчески-ѣдкимъ запахомъ отца, который она такъ давно знала.—Ну, сударыня, треугольники эти подобны; изволишь видѣть, уголъ *abc*.....

Княжна испуганно взглядывала на близко отъ нея блестящіе глаза отца; красныя пятна переливались по ея лицу, и видно было, что она ничего не понимаетъ и такъ боится, что страхъ помѣшаетъ ей понять всѣ дальнѣйшія толкованія отца, какъ бы ясны они ни были. Виноватъ ли былъ учитель, или виновата была ученица, но каждый день повторялось одно и то же: у княжны мутилось въ глазахъ, она ничего не видѣла, не слышала, только чувствовала близко подлѣ себя сухое лицо строгаго отца, чувствовала его дыханье и запахъ, и только думала о томъ какъ бы ей уйдти поскорѣе изъ кабинета и у себя на просторѣ понять задачу. Старикъ выходилъ изъ себя: съ грохотомъ отодвигалъ и придвигалъ кресло, на которомъ самъ сидѣлъ, дѣлалъ усилія надъ собой, чтобы не разгорячиться и почти всякій разъ горячился, бранился, а иногда швырялъ тетрадью.

Княжна ошиблась отвѣтомъ. „Ну какже не дура!“ крикнулъ князь, оттолкнувъ тетрадь и быстро отвернувшись; но тотчасъ же всталъ, прошелся, дотронулся руками до волосъ княжны и снова сѣлъ. Онъ придвинулся и усиленно успокоеннымъ голосомъ продолжалъ толкованіе.

— Нельзя, княжна, нельзя, сказалъ онъ, когда княжна, взявъ

и закрывъ тетрадь съ заданными уроками, уже готовилась уходить:—математика великое дѣло, моя сударыня. А чтобы ты была похожа на нашихъ глупыхъ барынь, я не хочу. Стерпится-слюбится. Онъ потрепалъ ее рукой по щекѣ. Дурь изъ головы выскочитъ.—Она хотѣла выдти, онъ остановилъ ее жестомъ и досталъ съ высокаго стола новую неразрѣзанную книгу.

— Вотъ еще какой-то *Ключъ таинства*, который тебѣ твоя Элоиза посылаетъ. Религіозная. А я ни въ чью вѣру не вмѣшиваюсь.... Просмотрѣлъ. Возьми. Ну, ступай, ступай!

Онъ потрепалъ ее по плечу, и самъ заперъ за нею дверь.

XXXIV.

Княжна Марья возвратилась въ свою комнату съ грустнымъ, испуганнымъ выраженіемъ, которое рѣдко покидало ее и дѣлало ея некрасивое, болѣзненное лицо еще болѣе некрасивымъ, сѣла за свой письменный столъ, уставленный миніатюрными портретами и заваленный тетрадями и книгами. Княжна была столь же безпорядочна, какъ отецъ ея порядоченъ. Она положила тетрадь геометріи и нетерпѣливо распечатала письмо. Когда, не читая еще, но только какъ будто взвѣшивая предстоящее удовольствіе, она перевернула листики письма, лицо ея перемѣнилось: она видимо успокоилась, сѣла въ свое любимое кресло въ углу комнаты, подлѣ огромнаго трюмо, и начала читать. Письмо было отъ ближайшаго съ дѣтства друга княжны; другъ этотъ была та самая Жюли Ахрасимова, которая была на именинахъ у Ростовыхъ. Марья Дмитріевна Ахрасимова была сосѣдка по имѣнью съ княземъ, и два лѣтніе мѣсяцы проводила въ деревнѣ. Князь уважалъ Марью Дмитріевну, хотя и подтрунивалъ надъ нею. Марья Дмитріевна одному только князю Николаю говорила „вы“ и ставила его въ примѣръ всѣмъ нынѣшнимъ людямъ.

Жюли писала: [1]

„Chère et excellente amie, quelle chose terrible et effrayante que l'absence! J'ai beau me dire que la moitié de mon existence et de mon bonheur est en vous, que malgré

[1] „Милый и безцѣнный другъ, какая страшная и ужасная вещь разлука! Сколько ни твержу себѣ, что половина моего существованія и моего счастія въ васъ, что несмотря на разстояніе, которое насъ разлучаетъ, сердца наши соединены неразрывными узами, мое

la distance qui nous sépare, nos coeurs sont unis par des liens indissolubles; le mien se révolte contre la destinée, et je ne puis, malgré les plaisirs et les distractions qui m'entourent, vaincre une certaine tristesse cachée que je ressens au fond du coeur depuis notre séparation. Pourquoi ne sommes nous pas réunis comme cet été dans votre grand cabinet sur le canapé bleu, le canapé à confidences? Pourquoi ne puis-je, comme il y a trois mois, puiser de nouvelles forces morales dans votre regard si doux, si calme et si pénétrant, regard que j'aimais tant et que je crois voir devant moi quand je vous écris."

Прочтя до этого мѣста, княжна Марья вздохнула и оглянулась въ трюмо, которое стояло направо отъ нея. Зеркало отразило некрасивое, слабое тѣло и худое лицо. Глаза, всегда грустные, теперь особенно безнадежно смотрѣли на себя въ зеркало. Она мнѣ льститъ, подумала княжна, отвернулась и продолжала читать. Жюли однако не льстила своему другу: дѣйствительно, глаза княжны, большіе, глубокіе и лучистые (какъ будто лучи теплаго свѣта иногда снопами выходили изъ нихъ), были такъ хороши, что очень часто, несмотря на некрасивость всего лица, глаза эти дѣлались привлекательнѣе красоты. Но княжна никогда не видала хорошаго выраженія своихъ глазъ, того выраженія, которое они принимали въ тѣ минуты, когда она не думала о себѣ. Какъ и у всѣхъ людей лицо ея принимало натянуто-неестественное, дурное выраженіе, какъ скоро она смотрѣлась въ зеркало. Она продолжала читать: [1]

„Tout Moscou ne parle que guerre. L'un de mes deux frères est déjà à l'étranger, l'autre est avec la garde, qui se met en marche vers la frontière. Notre cher empereur a

сердце возмущается противъ судьбы, и, несмотря на удовольствія и разсѣянія, которыя меня окружаютъ, я не могу подавить нѣкоторую скрытую грусть, которую испытываю въ глубинѣ сердца со времени нашей разлуки. Отчего мы не вмѣстѣ какъ въ прошлое лѣто, въ вашемъ большомъ кабинетѣ, на голубомъ диванѣ, на диванѣ „признаній." Отчего я не могу, какъ три мѣсяца тому назадъ, почерпать новыя нравственныя силы въ вашемъ взглядѣ, кроткомъ, спокойномъ и проницательномъ, который я такъ любила, и который я вижу передъ собой въ ту минуту какъ пишу вамъ?

[1] „Вся Москва только и говоритъ что о войнѣ. Одинъ изъ моихъ двухъ братьевъ уже за границей, другой съ гвардіей, которая выступаетъ въ походъ къ границѣ. Нашъ милый государь оставляетъ Петербургъ, и какъ предполагаютъ, намѣренъ самъ подвергнуть свое драгоцѣн-

quitté Pétersbourg, et, à ce qu'on prétend, compte lui-même exposer sa précieuse existence aux chances de la guerre. Dieu veuille, que le monstre corsicain, qui détruit le repos de l'Europe, soit terrassé par l'ange que le Tout-Puissant, dans sa miséricorde, nous a donné pour souverain. Sans parler de mes frères, cette guerre m'a privé d'une relation des plus chères à mon coeur. Je parle du jeune Nicolas Rostoff, qui avec son enthousiasme n'a pu supporter l'inaction et a quitté l'université pour aller s'enrôler dans l'armée. Eh bien, chère Marie, je vous avouerai, que, malgré son extrême jeunesse, son départ pour l'armée a été un grand chagrin pour moi. Le jeune homme, dont je vous parlais cet été, a tant de noblesse, de véritable jeunesse qu'on rencontre si rarement dans le siècle où nous vivons parmi nos vieillards de vingt ans. Il a surtout tant de franchise et de coeur. Il est tellement pur et poétique, que mes relations avec lui, quelques passagères qu'elles fussent, ont été l'une des plus douces jouissances de mon pauvre coeur, qui a déjà tant souffert. Je vous raconterai un jour nos adieux et tout ce qui s'est dit en partant. Tout cela est encore trop frais. Ah! chère amie, vous êtes heureuse de ne pas connaître ces jouissances et ces peines si poignantes. Vous êtes heureuse, puisque les dernières sont ordinairement les plus fortes! Je sais fort bien que le comte Nicolas est trop jeune pour pouvoir jamais devenir pour moi quelque chose de plus qu'un ami, mais cette douce amitié, ces relations si poétiques et si pures ont été un besoin

---

ное существованіе случайностямъ войны. Дай Богъ, чтобы корсиканское чудовище, которое возмущаетъ спокойствіе Европы, было низвергнуто ангеломъ, котораго Всемогущій въ своей благости поставилъ надъ нами повелителемъ. Не говоря уже о моихъ братьяхъ, эта война лишила меня одного изъ отношеній самыхъ близкихъ моему сердцу. Я говорю о молодомъ Николаѣ Ростовѣ, который, при своемъ энтузіазмѣ, не могъ переносить бездѣйствія и оставилъ университетъ, чтобы поступать въ армію. Признаюсь вамъ, милая Марія, что несмотря на его чрезвычайную молодость, отъѣздъ его въ армію былъ для меня большимъ горемъ. Въ молодомъ человѣкѣ, о которомъ я говорила вамъ прошлымъ лѣтомъ, столько благородства, истинной молодости, которую встрѣчаешь такъ рѣдко въ нашъ вѣкъ между двадцатилѣтними стариками. У него особенно такъ много откровенности и сердца. Онъ такъ чистъ и полонъ поэзіи, что мои отношенія къ нему, при всей мимолетности своей, были одною изъ самыхъ сладостныхъ отрадъ моего бѣднаго сердца, которое уже такъ много страдало. Я вамъ разкажу когда-нибудь наше прощанье и все что говорилось при прощаніи. Все это еще слишкомъ свѣжо.... Ахъ! милый другъ, вы счастливы, что не знаете этихъ жгучихъ на-

pour mon coeur. Mais n'en parlons plus. La grande nouvelle du jour qui occupe tout Moscou est la mort du vieux comte Безухой et son héritage. Figurez-vous, que les trois princesses n'ont reçu que très peu de chose, le prince Basile rien, et que c'est M. Pierre qui a tout herité, et qui par dessus le marchè a été reconnu pour fils légitime, par conseqent comte Безухой et possesseur de la plus belle fortune de la Russie. On prétend que le prince Basile a joué un très vilain rôle dans toute cette histoire et qu'il est reparti tout penaud pour Pétersbourg.

„Je vous avoue que je comprends très peu toutes ces affaires de legs et de testament; ce que je sais, c'est que depuis que le jeune homme que nous connaissions tous sous le nom de M. Pierre tout court, est devenu comte Безухій et possesseur de l'une des plus grandes fortunes de la Russie, je m'amuse fort à observer le changement de ton et des manières des mamans accablées de filles à marier et des demoiselles ellesmêmes à l'égard de cet individu, qui, par parenthèse, m'a paru toujours être un pauvre sire. Il n'y a que maman qui continue à le traiter avec sa rudesse habituelle. Comme on s'amuse depuis deux ans à me donner des promis que je ne connais pas, le plus souvent la chronique matrimoniale de Moscou me

---

слажденій, этихъ жгучихъ горестей. Вы счастливы, потому что послѣднія обыкновенно сильнѣе первыхъ. Я очень хорошо знаю, что графъ Николай слишкомъ молодъ для того чтобы сдѣлаться для меня чѣмъ-нибудь кромѣ какъ другомъ. Но эта сладкая дружба, эти столь поэтическія и столь чистыя отношенія были потребностью моего сердца. Но довольно объ этомъ.

„Главная новость, занимающая всю Москву,—смерть стараго графа Безухаго и его наслѣдство. Представьте себѣ, три княжны получили какую-то малость, князь Василій ничего, а Пьеръ—наслѣдникъ всего, и сверхъ того признанъ законнымъ сыномъ и потому графомъ Безухимъ и владѣльцемъ самаго огромнаго состоянія въ Россіи. Говорятъ, что князь Василій игралъ очень гадкую роль во всей этой исторіи, и что онъ уѣхалъ въ Петербургъ очень сконфуженный. Признаюсь вамъ, я очень плохо понимаю всѣ эти дѣла по духовнымъ завѣщаніямъ; знаю только, что съ тѣхъ поръ какъ молодой человѣкъ, котораго мы всѣ знали подъ именемъ просто Пьера, сдѣлался графомъ Безухимъ и владѣльцемъ одного изъ лучшихъ состояній Россіи,—я забавляюсь наблюденіями надъ перемѣной тона маменекъ, у которыхъ есть дочери-невѣсты, и самихъ барышень, въ отношеніи къ этому господину, который (въ скобкахъ будь сказано) всегда казался мнѣ очень ничтожнымъ. Только одна маменька продолжаетъ трактовать его съ своею обычною рѣзкостью. Такъ какъ уже два года всѣ забавляются тѣмъ

fait comtesse Безухій. Mais vous sentez bien que je ne me souçis nullement de le devenir. A propos de mariage, savez-vous que tout dernièrement *la tante en général*, Анна Михайловна, m'a confié sous le sceau du plus grand secret un projet de mariage pour vous. Ce n'est ni plus, ni moins, que le fils du prince Basile, Anatole, qu'on voudrait ranger en le mariant à une personne riche et distinguée, et c'est sur vous qu'est tombé le choix des parents. Je ne sais comment vous envisagerez la chose, mais j'ai cru de mon devoir de vous en avertir. On le dit très beau et très mauvais sujet; c'est tout ce que j'ai pu savoir sur son compte.

„Mais assez de bavardage comme cela. Je finis mon second feuillet, et maman me fait chercher pour aller diner chez les Apraksines. Lisez le livre mystique que je vous envoie, et qui fait fureur chez nous. Quoiqu'il y ait des choses dans ce livre difficiles à atteindre avec la faible conception humaine, c'est un livre admirable dont la lecture calme et élève l'âme. Adieu. Mes respects à monsieur votre père et mes compliments à Mlle Bourienne. Je vous embrasse comme je vous aime. Julie.

„P. S. Donnez moi des nouvelles de votre frère et de sa charmante petite femme.“

Княжна подумала, задумчиво улыбаясь, причемъ лицо ея, освѣщенное ея лучистыми глазами, совершенно преобразилось,

---

чтобы пріискивать мнѣ жениховъ, которыхъ я большею частью не знаю, то брачная хроника Москвы дѣлаетъ меня графинею Безуховой. Но вы понимаете, что я нисколько этого не желаю. Кстати о бракахъ. Знаете ли вы, что недавно *всеобщая тетушка*, Анна Михайловна, довѣрила мнѣ, подъ величайшимъ секретомъ, замыселъ устроить ваше супружество. Это ни болѣе ни менѣе какъ сынъ князя Василія, Анатоль, котораго хотятъ пристроить, женивъ его на богатой и знатной дѣвицѣ, и на васъ палъ выборъ родителей. Я не знаю какъ вы посмотрите на это дѣло, но я сочла своимъ долгомъ предувѣдомить васъ. Онъ, говорятъ, очень хорошъ и большой повѣса. Вотъ все что я могла узнать о немъ.

„Но будетъ болтать. Кончаю мой второй листокъ, а маменька прислала за мной, чтобы ѣхать обѣдать къ Апраксинымъ.

„Прочитайте мистическую книгу, которую я вамъ посылаю; она имѣетъ у насъ огромный успѣхъ. Хотя въ ней есть вещи, которыя трудно понять слабому уму человѣческому, но это превосходная книга; чтеніе ея успокоиваетъ и возвышаетъ душу. Прощайте. Мое почтеніе вашему батюшкѣ и мои привѣтствія Mlle Бурьенъ. Обнимаю васъ отъ всего сердца. Юлія.

„PS. Извѣстите меня о вашемъ братѣ и о его прелестной женѣ.“

и вдругъ поднявшись, тяжело ступая, перешла къ столу. Она достала бумагу, и рука ея быстро начала ходить по ней. Такъ писала она въ отвѣтъ: [1]

„Chère et excellente amie.—Uotre lettre du 13 m'a causé une grande joie. Vous m'aimez donc toujours, ma poétique Julie. L'absence, dont vous dites tant de mal, n'a donc pas eu son influence habituelle sur vous. Vous vous plaignez de l'absence—que devrai je dire moi, si *j'osais* me plaindre, privée de tous ceux qui me sont chers? Ah! si nous n'avions pas la religion pour nous consoler, la vie serait bien triste. Pourquoi me supposez vous un regard sévère, quand vous me parlez de votre affection pour le jeune homme? Sous ce rapport je ne suis rigide que pour moi. Je me connais assez bien, pour être convaincu, que sans être ridicule jamais je ne pourrais éprouver ces sentiments d'amour qui vous semblent être si doux. Je comprends ces sentiments chez les autres et si je ne puis les approuver ne les ayant jamais ressenti, je ne les condamne pas. Il me parait seulement que l'amour chrétien, l'amour du prochain, l'amour pour ses ennemis est plus méritoire, plus doux et plus beau, que ne le sont les sentiments que peuvent inspirer les beaux yeux d'un jeune homme à une jeune fille poétique et aimante comme vous.

„La nouvelle de la mort du comte Безухій nous est parvenue avant votre lettre et mon père en a été très affecté. Il dit que

---

[1] „Милый и безцѣнный другъ. Ваше письмо отъ 13-го доставило мнѣ большую радость. Вы все еще меня любите, моя поэтическая Юлія. Разлука, о которой вы говорите такъ много дурнаго, видно не имѣла на васъ своего обычнаго вліянія. Вы жалуетесь на разлуку, что же я должна была бы сказать, еслибы смѣла,—я, лишенная всѣхъ тѣхъ, кто мнѣ дорогъ. Ахъ, ежели бы не было у насъ религіи для утѣшенія, жизнь была бы очень печальна. Почему приписываете вы мнѣ строгій взглядъ, когда говорите о вашей склонности къ молодому человѣку? Въ этомъ отношеніи я строга только къ себѣ. Я знаю себя достаточно и очень хорошо понимаю, что не сдѣлавшись смѣшною, не могу испытывать тѣхъ чувствъ любви, которыя вамъ кажутся такъ сладки. Я понимаю эти чувства у другихъ, и если не могу одобрять ихъ, никогда не испытавши, но и не осуждаю ихъ. Мнѣ кажется только, что христіанская любовь, любовь къ ближнему, любовь къ врагамъ, достойнѣе, слаще и лучше чѣмъ тѣ чувства, которыя могутъ внушить прекрасные глаза молодаго человѣка молодой дѣвушкѣ, поэтической и любящей какъ вы.

„Извѣстіе о смерти графа Безухова дошло до насъ прежде вашего письма, и мой отецъ былъ очень тронутъ имъ. Онъ говоритъ, что

c'était l'avant-dernier représentant du grand siècle, et qu' à présent c'est son tour; mais qu'il fera son possible pour que son tour vienne le plus tard possible. Que Dieu nous garde de ce terrible malheur! Je ne puis partager votre opinion sur Pierre que j'ai connu enfant. Il me paraissait toujours avoir un coeur excelent, et e'est la qualité que j'estime le plus dans les gens. Quant à son héritage et au rôle qu'y a joué le prince Basile, c'est bien triste pour tous les deux. Ah! chère amie, la parole de notre divin Sauveur qu'il est plus aisé à un chameau de passer par le trou d'une aiguille, qu'il ne l'est à un riche d'entrer dans le royaume de Dieu, cette parole est terriblement vrai; je plains le prince Basile et je regrette encore davantage Pierre. Si jeune et accablé de cette richesse, que de tentations n'aura-t-il pas à subir! S'il ne me demandait ce que je désirerais le plus au monde, ce serait d'être plus pauvre que le plus pauvre des mendiants. Mille grâces, chère amie, pour l'ouvrage que vous m'envoyez, et qui fait si grande fureur chez vous. Cependant puisque vous me dites qu'au milieu de plusieurs bonnes choses il y en a d'autres que la faible conception humaine ne peut atteindre, il me parait assez inutile de s'occuper d'une lecture inintelligible, qui par là même ne pourait être d'aucun

---

это былъ предпослѣднiй представитель великаго вѣка, и что теперь чередъ за нимъ, но что онъ сдѣлаетъ все зависящее отъ него, чтобы чередъ этотъ пришелъ какъ можно позже. Избави насъ Боже отъ этого несчастія.

„Я не могу раздѣлять вашего мнѣнія о Пьерѣ, котораго знала еще ребенкомъ. Мнѣ казалось, что у него было всегда прекрасное сердце, а это то качество, которое я болѣе всего цѣню въ людяхъ. Что касается до его наслѣдства и до роли, которую игралъ въ этомъ князь Василій, то это очень печально для обоихъ. Ахъ, милый другъ, слова нашего Божественнаго Спасителя, что легче верблюду пройдти въ игляное ухо, чѣмъ богатому войдти въ царствіе Божіе, — эти слова страшно справедливы. Я жалѣю князя Василія и еще болѣе Пьера. Такому молодому, быть отягощеннымъ такимъ огромнымъ состояніемъ,—черезъ сколько искушеній надо будетъ пройдти ему! Еслибъ у меня спросили чего я желаю болѣе всего на свѣтѣ,—я желаю быть бѣднѣе самаго бѣднаго изъ нищихъ. Благодарю васъ тысячу разъ, милый другъ, за книгу, которую вы мнѣ посылаете, и которая дѣлаетъ столько шуму у васъ. Впрочемъ, такъ какъ вы мнѣ говорите, что въ ней между многими хорошими вещами есть такія, которыхъ не можетъ постигнуть слабый умъ человѣческій, то мнѣ кажется излишнимъ заниматься непонятнымъ чтеніемъ, которое по этому самому не могло бы принести никакой пользы. Я никогда не могла понять страсть, которую

fruit. Je n'ai jamais pu comprendre la passion qu'ont certaines personnes de s'embrouiller l'entendement, en s'attachant à des livres mystiques qui n'élèvent que des doutes dans leurs esprits, exaltant leur imagination et leur donnent un caractère d'exagération tout-à-fait contraire à la simplicité chrétienne. Lisons les Apôtres et l'Evangile. Ne cherchons pas à'pénétrer ce que ceux-là renferment de mystérieux, car comment oserions nous, misérables pêcheurs que nous sommes, prétendre à nous initier dans les secrets terribles et sacrés de la Providence tant que nous portons cette dépouille charnelle qui élève entre nous et l'Eternel un voile impénétrable? Bornons nous donc à étudier les principes sublimes que notre divin Sauveur nous a laissé pour notre conduite ici-bas, cherchons à nous y conformer et à les suivre, persuadons-nous que moins nous donnons d'essor à notre faible esprit humain et plus il est agréable à Dieu qui rejette toute science ne venant pas de Lui; que moins nous cherchons à approfondir ce qu'il Lui a plu de dérober à notre connaissance, et plutôt il nous en accordera la découverte par Son divin esprit.

„Mon père ne m'a pas parlé du prétendant, mais il m'a dit seulement qu'il a reçu une lettre et attendait une visite du prince Basile. Pour ce qui est du projet de mariage qui me regarde, je vous dirai, chère et excellente amie, que le mariage selon moi est une institution divine à laquelle il faut se con-

---

имѣютъ нѣкоторыя особы, путать себѣ мысли, пристращаясь къ мистическимъ книгамъ, которыя возбуждаютъ только сомнѣнія въ ихъ умахъ, раздражаютъ ихъ воображеніе и даютъ имъ характеръ преувеличенія, совершенно противный простотѣ христіанской. Будемъ читать лучше Апостоловъ и Евангеліе. Не будемъ пытаться проникнуть то что̀ въ этихъ книгахъ есть таинственнаго, ибо какъ можемъ мы, жалкіе грѣшники, познать страшныя и священныя тайны Провидѣнія, до тѣхъ поръ пока носимъ на себѣ ту плотскую оболочку, которая воздвигаетъ между нами и Вѣчнымъ непроницаемую завѣсу. Ограничимся лучше изученіемъ великихъ правилъ, которыя нашъ Божественный Спаситель оставилъ намъ для нашего руководства здѣсь на землѣ, будемъ стараться слѣдовать имъ и постараемся убѣдиться въ томъ, что чѣмъ меньше мы будемъ давать разгула нашему уму, тѣмъ мы будемъ пріятнѣе Богу, который отбрасываетъ всякое знаніе, исходящее не отъ Него, и что чѣмъ меньше мы углубляемся въ то что̀ Ему угодно было скрыть отъ насъ, тѣмъ скорѣе дастъ Онъ намъ это открытіе своимъ божественнымъ умомъ.

„Отецъ мнѣ ничего не говорилъ о женихѣ, но сказалъ только, что получилъ письмо и ждетъ посѣщенія князя Василія; что ка-

former. Quelque pénible que cela soit pour moi, si le Tout-Puissant m'impose jamais les devoirs d'épouse et de mère, je tâcherai de les remplir aussi fidèlement que je le pourrai, sans m'inquiéter de l'examen de mes sentiments à l'égard de celui qu'il me donnera pour époux.

„J'ai reçu une lettre de mon frère, qui m'annonce son arrivée à Лысыя Горы avec sa femme. Ce sera une joie de courte durée, puisqu'il nous quitte pour prendre part à cette malheureuse guerre, à laquelle nous sommes entraînés Dieu sait comment et pourquoi. Non seulement chez vous au centre des affaires et du monde on ne parle que de guerre, mais ici, au milieu de ces travaux champêtres et de ce calme de la nature, que les citadins se représentent ordinairement à la campagne, les bruits de la guerre, se font entendre et sentir péniblement. Mon père ne parle que marche et contremarche, choses auxquels je ne comprends rien; et avant-hier, en faisant ma promenade habituelle dans la rue du village, je fus témoin d'une scéne déchirante. C'était un convoi des recrues enrôlées chez nous et expediées pour l'armée. Il fallait voir l'état dans lequel se trouvaient les mères, les femmes, les enfants des hommes qui partaient et entendre les sanglots des uns et des autres! On dirait que l'humanité a oublié les lois de son divin Sauveur, qui prêchait l'amour et le pardon

---

сается до плана супружества относительно меня, я вамъ скажу, милый и безцѣнный другъ, что бракъ, по моему, есть божественное установленіе, которому нужно подчиняться. Какъ бы то ни было тяжело для меня, но если Всемогущему угодно будетъ наложить на меня обязанности супруги и матери, я буду стараться исполнять ихъ такъ вѣрно какъ могу, не заботясь объ изученіи своихъ чувствъ въ отношеніи того кого Онъ мнѣ дастъ супругомъ.

Я получила письмо отъ брата, который мнѣ объявляетъ о своемъ пріѣздѣ съ женой въ Лысыя Горы. Радость эта будетъ непродолжительна, такъ какъ онъ оставляетъ насъ, для того чтобы принять участіе въ этой войнѣ, въ которую мы втянуты, Богъ знаетъ какъ и зачѣмъ. Не только у васъ, въ центрѣ дѣлъ и свѣта, но и здѣсь, среди этихъ полевыхъ работъ и этой тишины, какую горожане обыкновенно представляютъ себѣ въ деревнѣ, отголоски войны слышны и даютъ себя тяжело чувствовать. Отецъ мой только и говоритъ что о походахъ и переходахъ, въ чемъ я ничего не понимаю, и третьяго дня, дѣлая мою обычную прогулку по улицѣ деревни, я видѣла раздирающую душу сцену. Это была партія рекрутъ, набранныхъ у насъ и посылаемыхъ въ армію. Надо было видѣть состояніе, въ которомъ находились матери, жены и дѣти тѣхъ, которые уходили, и слышать рыданія тѣхъ и другихъ. Подумаешь, что человѣчество забыло законы своего Божественнаго Спасителя, учившаго

des offences, et qu'elle fait consister son plus grand mérite dans l'art de s'entretuer.

„Adieu, chère et bonne amie, que notre divin Sauveur et Sa très Sainte Mère vous aient en leur sainte et puissante garde.

„Marie.“

— Ah, vous expédiez le courrier, princesse, moi j'ai déjà expédié le mien. J'ai écris à ma pauvre mère, [1] заговорила быстро-пріятнымъ, сочнымъ голоскомъ вѣчно улыбающаяся Mlle Bourienne, картавя на *р* и внося съ собой въ сосредоточенную, грустную и пасмурную атмосферу княжны Маріи совсѣмъ другой, легкомысленно-веселый и самодовольный міръ.

— Princesse, il faut que je vous prévienne, прибавила она понижая голосъ,—le prince a eu une altercation, altercation, сказала она особенно грассируя и съ удовольствіемъ слушая себя,—une altercation avec Michel Ivanoff. Il est de très mauvaise humeur, très morose. Soyez prévenue,vous savez [2]....

— Ah! chère amie, отвѣчала княжна Марія, — je vous ai prié de ne jamais me prévenir de l'humeur dans laquelle se trouve mon père. Je ne me permets pas de le juger, et je ne voudrais pas que les autres le fassent. [3]

Княжна взглянула на часы, и замѣтивъ что она уже пять минутъ пропустила то время, которое должна была употреблять для игры на клавикордахъ, съ испуганнымъ видомъ пошла въ диванную. Между 12 и 2 часами, сообразно съ заведеннымъ порядкомъ дня, князь отдыхалъ, а княжна играла на клавикордахъ.

насъ любви и прощенію обидъ, и что оно полагаетъ главное достоинство свое въ искусствѣ убивать другъ друга.

„Прощайте, милый и добрый другъ. Да сохранитъ васъ нашъ Божественный Спаситель и Его Пресвятая Матерь подъ своимъ святымъ и могущественнымъ покровомъ. „Марія.“

[1] А, вы отправляете письмо, я ужъ отправила свое. Я писала моей бѣдной матери.

[2] Надо предупредить васъ, княжна, что князь разбранился съ Михаиломъ Иванычемъ. Онъ очень не въ духѣ, такой угрюмый. Предупреждаю васъ, знаете....

[3] Ахъ, милый другъ мой! Я просила васъ никогда не говорить мнѣ въ какомъ расположеніи духа батюшка. Я не позволяю себѣ судить его, и не желала бы чтобъ и другіе судили.

XXXV.

Сѣдой камердинеръ сидѣлъ дремля и прислушивался къ храпѣнію князя въ огромномъ кабинетѣ. Изъ дальней стороны дома, изъ-за затворенныхъ дверей, слышались по двадцати разъ повторяемые трудные пассажи Дюссековой сонаты.

Въ это время подъѣхала къ крыльцу карета и бричка, и изъ кареты вышелъ князь Андрей, который учтиво, но холодно какъ и всегда, высадилъ свою маленькую жену и пропустилъ ее впередъ. Сѣдой Тихонъ, въ парикѣ, высунувшись изъ двери офиціантской, шепотомъ доложилъ, что князь почиваютъ, и торопливо затворилъ дверь. Тихонъ зналъ, что ни пріѣздъ сына, и ни какія необыкновенныя событія не должны были нарушать порядка дня. Князь Андрей видимо зналъ это такъ же хорошо какъ и Тихонъ; онъ посмотрѣлъ на часы, какъ будто для того чтобы повѣрить не измѣнились ли привычки отца за то время, въ которое онъ не видалъ его, и убѣдившись что онѣ не измѣнились, обратился къ женѣ.

— Черезъ двадцать минутъ онъ встанетъ. Пройдемъ къ княжнѣ Марьѣ, сказалъ онъ.

Маленькая княгиня измѣнилась за это время. Возвышеніе ея таліи сдѣлалось значительно больше, она больше перегибалась назадъ и чрезвычайно потолстѣла, но глаза и короткая губка съ усиками и улыбкой поднимались также весело и мило, когда она заговорила:

— Mais c'est un palais, сказала она мужу, оглядываясь кругомъ съ тѣмъ выраженіемъ, съ какимъ говорятъ похвалы хозяину бала.—Allons, vite, vite.

Она, оглядываясь, улыбалась и Тихону, и мужу, и офиціанту провожавшему ихъ.

— C'est Marie qui s'exerce? Allons doucement, il faut la surprendre. [1]

Князь Андрей шелъ за ней съ учтивымъ и грустнымъ выраженіемъ.

— Ты постарѣлъ, Тихонъ, сказалъ онъ, проходя, старику, цѣловавшему его руку, и обтеръ ее батистовымъ платкомъ.

Передъ комнатою, въ которой слышны были клавикорды,

[1] Это Мари разыгрываетъ? Тише, застанемъ ее врасплохъ.

изъ боковой двери выскочила хорошенькая, бѣлокурая Француженка. Mlle Bourienne казалась обезумѣвшею отъ восторга.

— Ah! quel bonheur pour la princesse, заговорила она:— Enfin! Il faut que je la prévienne. [1]

— Non, non, de grâce... Vous êtes Mlle Bourienne, je vous connais déjà par l'amitié que vous porte ma belle soeur, говорила княгиня, цѣлуясь съ Француженкой.—Elle ne nous attend pas. [2]

Они подошли къ двери диванной, изъ которой слышался опять и опять повторяемый пассажъ. Князь Андрей остановился и поморщился, какъ будто ожидая чего-то непріятнаго.

Княгиня вошла. Пассажъ оборвался на серединѣ; послышался крикъ, тяжелыя ступни княжны Маріи и звуки поцѣлуевъ и мычанія. Когда князь Андрей вошелъ, княжна и княгиня, только разъ на короткое время видѣвшіяся во время свадьбы князя Андрея, обхватившись крѣпко руками, крѣпко прижимались губами къ тѣмъ мѣстамъ, на которыя попали въ первую минуту. Mlle Bourienne стояла около нихъ, прижавъ руки къ сердцу и набожно улыбаясь, очевидно, столько же готовая заплакать, сколько и засмѣяться. Князь Андрей пожалъ плечами и поморщился, какъ морщатся любители музыки услышавъ фальшивую ноту. Обѣ женщины отпустили другъ друга, потомъ опять, какъ будто боясь опоздать, схватили другъ друга за руки, стали цѣловать и отрывать руки, и потомъ опять стали цѣловать другъ друга въ лицо, и совершенно неожиданно для князя Андрея обѣ заплакали и опять стали цѣловаться. Mlle Bourienne тоже заплакала. Князю Андрею было, очевидно, неловко и совѣстно, но для двухъ женщинъ казалось такъ естественно что онѣ плакали, казалось онѣ и не предполагали чтобы могло иначе совершиться это свиданіе.

— Ah! chère!.. Ah! Marie!.. вдругъ заговорили обѣ женщины и засмѣялись.—J'ai rêvé cette nuit...—Vous ne nous attendiez donc pas?... Ah! Marie, vous avez maigri.... — Et vous avez repris.... [3]

[1] Ахъ, какая радость для княжны! Наконецъ! Надо ее предупредить.

[2] Нѣтъ, нѣтъ, пожалуста... Вы Mlle Бурьенъ; я уже знакома съ вами по той дружбѣ, какую имѣетъ къ вамъ моя невѣстка. Она не ожидаетъ насъ.

[3] Ахъ милая!... Ахъ Мари!—А я видѣла во снѣ.—Такъ вы насъ не ожидали?... Ахъ, Мари, вы такъ похудѣли.—А вы такъ пополнѣли...

— J'ai tout de suite reconnu madame la princesse, [1] вставила Mlle Бурьенъ.

— Et moi, qui ne me doutais pas!.. восклицала княжна Марія.—Ah! André, je ne vous voyais pas. [2]

Князь Андрей поцѣловался съ сестрою рука въ руку, и сказалъ ей, что она такая же pleurnicheuse, какъ всегда была. Княжна Марія повернулась къ брату, и сквозь слезы любовный, теплый и кроткій взглядъ ея прекрасныхъ, въ ту минуту большихъ, лучистыхъ глазъ, остановился на лицѣ князя Андрея, такъ что, всегда дурная, сестра его показалась ему хороша въ эту минуту. Но она въ ту же минуту обратилась опять къ belle soeur и молча стала пожимать ея руку. Княгиня говорила безъ умолку. Короткая, верхняя губка съ усиками то и дѣло, на мгновеніе, слетала внизъ, притрогивалась, гдѣ нужно было, къ румяной, нижней губкѣ, и вновь открывалась блестѣвшая зубами и глазами улыбка. Княгиня разказывала случай, который былъ съ ними на Мценской горѣ, грозившій ей опасностію въ ея положеніи, и сейчасъ же послѣ этого сообщила, что она всѣ платья свои оставила въ Петербургѣ, и здѣсь будетъ ходить Богъ знаетъ въ чемъ, и что Андрей совсѣмъ перемѣнился, и что Китти Одынцова вышла замужъ за старика, и что есть женихъ для княжны Маріи pour tout de bon, но что объ этомъ поговоримъ послѣ. Княжна Марія все еще молча смотрѣла на свою невѣстку, и въ прекрасныхъ глазахъ ея была и любовь и грусть, какъ будто она жалѣла эту молодую женщину и не могла ей высказать причину своего сожалѣнія. Видно было, что въ ней установился теперь свой ходъ мысли, независимый отъ рѣчей невѣстки. Она, въ срединѣ ея разказа о послѣднемъ праздникѣ въ Петербургѣ, обратилась къ брату:

— И ты рѣшительно ѣдешь на войну, André? сказала она вздохнувъ. Lise вздохнула тоже.

— Даже завтра, отвѣчалъ братъ.

— Il m'abandonne ici, et Dieu sait pourquoi, quand il aurait pu avoir de l'avancement... [3] Княжна Марія не дослушала, и

---

[1] Я тотчасъ узнала княгиню.

[2] А я и не подозрѣвала... Ахъ, André, я и не видѣла тебя.

[3] Онъ покидаетъ меня здѣсь, и Богъ знаетъ зачѣмъ, тогда какъ онъ могъ бы получить повышеніе.

продолжая нить своихъ мыслей, обратилась къ невѣсткѣ, ласковыми глазами указывая на ея животъ:

— И скоро? сказала она.

Лицо княгини измѣнилось. Она вздохнула. — Два мѣсяца, сказала она.

— И ты не боишься? сказала княжна Марія, опять цѣлуя ее. Князь Андрей поморщился при этомъ вопросѣ. Губка Лизы опустилась. Она приблизила свое лицо къ лицу золовки и опять неожиданно заплакала.

— Ей надо отдохнуть, сказалъ князь Андрей.—Не правда ли, Лиза? Сведи ее къ себѣ, а я пойду къ батюшкѣ. Что̀ онъ, все тоже?

— Тоже, тоже самое, не знаю какъ на твои глаза, отвѣчала радостно княжна.

— И тѣ же часы, и по аллеямъ прогулки? Станокъ? спрашивалъ князь Андрей съ чуть замѣтною улыбкой, показывавшею, что несмотря на всю свою любовь и уваженіе къ отцу, онъ понималъ его слабости.

— Тѣ же часы, и станокъ, еще математика и мои уроки геометріи, радостно отвѣчала княжна Марья, какъ будто ея уроки изъ геометріи были однимъ изъ самыхъ радостныхъ воспоминаній ея жизни.

XXXVI.

Когда прошли тѣ двадцать минутъ, которыя нужны были для срока вставанья стараго князя, Тихонъ пришелъ звать молодаго князя къ отцу. Старикъ сдѣлалъ исключеніе въ своемъ образѣ жизни въ честь пріѣзда сына; онъ велѣлъ впустить его въ свою половину, во время одѣванья, передъ обѣдомъ. Князь ходилъ, по-старинному, въ кафтанѣ и пудрѣ. И въ то время какъ князь Андрей,—не съ тѣмъ брюзгливымъ выраженіемъ лица и манерами, которыя онъ напускалъ на себя въ гостиныхъ, а съ тѣмъ оживленнымъ лицомъ, которое у него было когда онъ разговаривалъ съ Пьеромъ, входилъ къ отцу,— старикъ сидѣлъ въ уборной на широкомъ, сафьяномъ обитомъ креслѣ, въ пудромантѣ, предоставляя свою голову рукамъ Тихона.

— А! воинъ! Бонапарте завоевать хочешь?

Такъ встрѣтилъ старикъ сына. Онъ тряхнулъ напудренною

головой, сколько позволяла это заплетаемая коса, находившаяся въ рукахъ Тихона.

— Примись хоть ты за него хорошенько, а то онъ, эдакъ, скоро и насъ своими подданными запишетъ.

— Здорово, и онъ выставилъ свою щеку.

Старикъ находился въ хорошемъ расположеніи духа послѣ дообѣденнаго сна. (Онъ говорилъ, что послѣ обѣда серебряный сонъ, а до обѣда золотой.) Онъ радостно, изъ-подъ своихъ густыхъ, нависшихъ бровей, косился на сына. Князь Андрей подошелъ и поцѣловалъ отца въ указанное имъ мѣсто. Онъ не отвѣчалъ на любимую тему разговора отца—подтруниванье надъ теперешними военными людьми, а особенно надъ Бонапартомъ.

— Да, пріѣхалъ къ вамъ, батюшка, и съ беременною женой, сказалъ князь Андрей, слѣдя оживленными и почтительными глазами за движеніемъ каждой черты отцовскаго лица. Какъ здоровье ваше?

— Нездоровы, братъ, бываютъ только дураки да развратники, а ты меня знаешь, съ утра до вечера занятъ, воздерженъ, ну и здоровъ.

— Слава Богу, сказалъ сынъ, улыбаясь.

— Богъ тутъ не при чемъ. Ну, разказывай, продолжалъ онъ, возвращаясь къ своему любимому коньку,—какъ васъ Нѣмцы съ Бонапартомъ сражаться по вашей новой наукѣ, стратегіей называемой, научили.

Князь Андрей улыбнулся.

— Дайте опомниться, батюшка, сказалъ онъ съ улыбкою, показывавшею, что слабости отца не мѣшаютъ ему уважать и любить его.—Вѣдь я еще и не размѣстился.

— Врешь, врешь, закричалъ старикъ, встряхивая косичкою, чтобы попробовать крѣпко ли она была заплетена, и хватая сына за руку.—Домъ для твоей жены готовъ. Княжна Марья сведетъ ее и покажетъ, и съ три короба наболтаетъ. Это ихъ бабье дѣло. Я ей радъ. Сиди, разказывай. Михельсона армію я понимаю, Толстаго тоже... высадка единовременная... Южная армія что̀ будетъ дѣлать? Пруссія, нейтралитетъ... это я знаю. Австрія что̀? Такъ онъ говорилъ, вставъ съ кресла и ходя по комнатѣ съ бѣгавшимъ и подававшимъ часть одежды Тихономъ.—Швеція что̀? Какъ Померанію перейдутъ?

Князь Андрей, видя настоятельность требованія отца,

сначала неохотно, но потомъ все болѣе и болѣе оживляясь и невольно посреди разказа, по привычкѣ, перейдя съ русскаго на французскій языкъ, началъ излагать операціонный планъ предполагаемой кампаніи. Онъ разказалъ какъ девяносто-тысячная армія должна была угрожать Пруссіи, чтобы вывести ее изъ нейтралитета и втянуть въ войну, какъ часть этихъ войскъ должна была въ Штральзундѣ соединиться съ шведскими войсками, какъ двѣсти двадцать тысячъ Австрійцевъ, въ соединеніи со ста тысячами Русскихъ, должны были дѣйствовать въ Италіи и на Рейнѣ, и какъ пятьдесятъ тысячъ Русскихъ и пятьдесятъ тысячъ Англичанъ высадятся въ Неаполѣ, и какъ въ итогѣ пятисотъ-тысячная армія должна была съ разныхъ сторонъ сдѣлать нападеніе на Французовъ. Старый князь не выказалъ ни малѣйшаго интереса при разказѣ, какъ будто не слушалъ, и продолжая на ходу одѣваться, три раза неожиданно перервалъ его. Одинъ разъ онъ остановилъ его и закричалъ:

— Бѣлый! бѣлый!

Это значило, что Тихонъ подавалъ ему не тотъ жилетъ, который онъ хотѣлъ. Другой разъ онъ остановился, спросивъ:—И скоро она родитъ? и получивъ отвѣтъ, что скоро, съ упрекомъ покачалъ головой и сказалъ:—Не хорошо! Продолжай, продолжай.

Въ третій разъ, когда князь Андрей оканчивалъ описаніе, старикъ запѣлъ, фальшивымъ и старческимъ голосомъ: „Malbroug s'en va-t-en guerre. Dieu sait quand reviendra.“ Сынъ только улыбнулся.

— Я не говорю, чтобъ это былъ планъ, который я одобряю, сказалъ сынъ:—я вамъ только разказалъ что есть. Наполеонъ уже составилъ свой планъ нехуже этого.

— Ну, новенькаго ты мнѣ ничего не сказалъ.—И онъ задумчиво проговорилъ про себя скороговоркой: „Dieu sait quand reviendra.“

— Иди въ столовую.

Князь Андрей вышелъ. О своихъ дѣлахъ отецъ съ сыномъ ничего не говорили.

Въ назначенный часъ, напудренный, свѣжій, выбритый, князь вышелъ въ столовую, гдѣ ожидала его невѣстка, княжна Марья, Mlle Бурьенъ и архитекторъ князя, по странной прихоти его допускаемый къ столу, хотя по своему положенію незначительный человѣкъ этотъ никакъ не могъ разчи-

тывать на такую честь. Князь, твердо державшійся въ жизни различія состояній и рѣдко допускавшій къ столу даже важныхъ губернскихъ чиновниковъ, вдругъ на архитекторѣ Михайлѣ Ивановичѣ, сморкавшемся въ углу въ клѣтчатый платокъ, доказывалъ, что всѣ люди равны, и не разъ внушалъ своей дочери, что Михайла Ивановичъ ничѣмъ не хуже насъ съ тобой. За столомъ, когда онъ излагалъ свои, иногда, странныя идеи, онъ чаще всего обращался къ безсловесному Михайлѣ Ивановичу.

Въ столовой, громадно-высокой какъ и всѣ комнаты въ домѣ, ожидали выхода князя домашніе и офиціанты, стоявшіе за каждымъ стуломъ; дворецкій, съ салфеткой на рукѣ, оглядывалъ сервировку, мигая лакеямъ и постоянно перебѣгая безпокойнымъ взглядомъ отъ стѣнныхъ часовъ къ двери, изъ которой долженъ былъ появиться князь. Князь Андрей глядѣлъ на огромную, новую для него, золотую раму съ изображеніемъ генеалогическаго дерева князей Болконскихъ, висѣвшую напротивъ такой же громадной рамы съ дурно-сдѣланнымъ (видимо рукою домашняго живописца) изображеніемъ владѣтельнаго князя въ коронѣ, который долженъ былъ происходить отъ Рюрика и быть родоначальникомъ рода Болконскихъ. Князь Андрей смотрѣлъ на это генеалогическое дерево, покачивая головой, и посмѣивался съ тѣмъ видомъ, съ какимъ смотрятъ на похожій до смѣшнаго портретъ.

— Какъ я узнаю его всего тутъ, сказалъ онъ княжнѣ Марьѣ, подошедшей къ нему.

Княжна Марья съ удивленіемъ посмотрѣла на брата. Она не понимала чему онъ улыбался. Все сдѣланное ея отцомъ возбуждало въ ней благоговѣніе, которое не подлежало обсужденію.

— У каждаго своя Ахиллесова пятка, продолжалъ князь Андрей.—Съ *его* огромнымъ умомъ donner dans ce ridicule.

Княжна Марья не могла понять смѣлости сужденія своего брата и готовилась возражать ему, какъ послышались изъ кабинета ожидаемые шаги: князь входилъ быстро, безпорядочно, весело, какъ онъ и всегда ходилъ, какъ будто умышленно, своими торопливыми манерами, представляя противоположность строгому порядку дома. Въ то же мгновеніе большіе часы пробили два, и тонкимъ голоскомъ отозвались въ гостиной другіе; князь остановился; изъ-подъ висячихъ, густыхъ бровей, оживленные, блестящіе, строгіе глаза огля-

дѣли всѣхъ и остановились на молодой княгинѣ. Молодая княгиня испытывала въ то время то чувство, какое испытываютъ придворные на царскомъ выходѣ, то чувство страха и почтенія, которое возбуждалъ этотъ старикъ во всѣхъ приближенныхъ. Онъ погладилъ княгиню по головѣ и потомъ потрепалъ ее по затылку неловкимъ движеніемъ, но такимъ, которому она чувствовала себя обязанною подчиняться.

— Я радъ, я радъ, проговорилъ онъ, и пристально еще взглянувъ ей въ глаза, быстро отошелъ и сѣлъ на свое мѣсто.

— Садитесь, садитесь! Михаилъ Иванычъ, садитесь.

Онъ указалъ невѣсткѣ мѣсто подлѣ себя, офиціантъ отодвинулъ для нея стулъ. Ей было тѣсно отъ беременности.

— Го, го! сказалъ старикъ, оглядывая ея округленную талію. — Поторопилась, не хорошо.

Онъ засмѣялся сухо, холодно, непріятно, какъ онъ всегда смѣялся однимъ ртомъ, а не глазами.

— Ходить надо, ходить какъ можно больше, какъ можно больше, сказалъ онъ.

Маленькая княгиня не слыхала или не хотѣла слышать его словъ. Она молчала и казалась смущенною. Князь спросилъ ее объ отцѣ, и княгиня заговорила и улыбнулась. Онъ спросилъ ее объ общихъ знакомыхъ, княгиня еще болѣе оживилась и стала разказывать, передавая князю поклоны и городскія сплетни. Какъ только разговоръ касался того что было, княгинѣ видимо становилось легко и ловко.

— La comtesse Apraksine, la pauvre, a perdu son mari, et elle a pleuré les larmes de ses yeux, говорила она, все болѣе и болѣе оживляясь.

По мѣрѣ того какъ она оживлялась, князь все строже и строже смотрѣлъ на нее, и вдругъ какъ будто достаточно изучивъ ее и составивъ себѣ ясное о ней понятіе, отвернулся отъ нея и обратился къ Михайлу Ивановичу.

XXXVII.

— Ну что, Михала Иванычъ, Буонапарте-то нашему плохо приходится. Какъ мнѣ князь Андрей (онъ всегда такъ называлъ сына въ третьемъ лицѣ) поразказалъ, какія на него силы собираются! А мы съ вами все его пустымъ человѣкомъ считали.

Михаилъ Ивановичъ, рѣшительно не знавшій, когда это *мы съ вами* говорили такія слова о Бонапарте, но понимавшій, что онъ былъ нуженъ для вступленія въ любимый разговоръ, удивленно взглянулъ на молодаго князя, самъ не зная что̀ изъ этого выйдетъ.

— Онъ у меня тактикъ великій! сказалъ князь сыну, указывая на архитектора, и разговоръ зашелъ опять о войнѣ, о Бонапарте и нынѣшнихъ генералахъ и государственныхъ людяхъ. Старый князь, казалось, былъ убѣжденъ не только въ томъ, что всѣ теперешніе дѣятели были мальчишки, не смыслившіе и азбуки военнаго и государственнаго дѣла, и что Бонапарте былъ ничтожный Французишка, имѣвшій успѣхъ только потому, что уже не было Потемкиныхъ и Суворовыхъ противупоставить ему; но онъ былъ убѣжденъ даже, что никакихъ политическихъ затрудненій не было въ Европѣ, не было и войны, а была какая-то кукольная комедія, въ которую играли нынѣшніе люди, притворяясь что дѣлаютъ дѣло. Князь Андрей весело выдерживалъ насмѣшки отца надъ новыми людьми, и съ видимою радостью вызывалъ отца на разговоръ и слушалъ его.

— Все кажется хорошимъ что̀ было прежде, сказалъ онъ;— а развѣ тотъ же Суворовъ не попался въ ловушку, которую ему поставилъ Моро, и не умѣлъ изъ нея выпутаться?

— Это кто тебѣ сказалъ? Кто сказалъ? крикнулъ князь.— Суворовъ!—И онъ отбросилъ тарелку, которую живо подхватилъ Тихонъ, — Суворовъ!.. Подумавши, князь Андрей. Два, Фридрихъ и Суворовъ... Моро! Моро былъ бы въ плѣну, коли бы у Суворова руки свободны были, а у него на рукахъ сидѣли хофсъ - кригсъ - вурстъ - шнапсъ - ратъ. Ему чортъ не радъ. Вотъ пойдете, эти хофсъ - кригсъ - вурстъ - раты узнаете. Суворовъ съ ними не сладилъ, такъ ужъ гдѣ жь Михайлѣ Кутузову сладить? Нѣтъ, дружокъ, продолжалъ онъ,— вамъ съ своими генералами противъ Бонапарте не обойдтись, надо Французовъ взять, чтобы своя своихъ не познаша, и своя своихъ побиваша. Нѣмца Палена въ Новый-Йоркъ, въ Америку, за Французомъ Моро послали, сказалъ онъ, намекая на приглашеніе, которое въ этомъ году было сдѣлано Моро вступить въ русскую службу. — Чудеса!!.. Что Потемкины, Суворовы, Орловы, развѣ Нѣмцы были? Нѣтъ, братъ, либо вы всѣ тамъ съ ума сошли, либо я изъ ума выжилъ. Дай вамъ

Богъ, а мы посмотримъ. Бонапарте у нихъ сталъ полководецъ великій! Гм!....

— Я ничего не говорю, чтобы всѣ распоряженія были хороши, сказалъ князь Андрей:—только я не могу понять, какъ вы можете такъ судить о Бонапарте. Смѣйтесь какъ хотите, а Бонапарте величайшій полководецъ!

— Михала Иванычъ! закричалъ старый князь архитектору, который, занявшись жаркимъ, надѣялся, что про него забыли.—Я вамъ говорилъ, что Бонапарте великій тактикъ? Вонъ и онъ говоритъ.

— Какже, ваше сіятельство, отвѣчалъ архитекторъ.

Князь опять засмѣялся своимъ холоднымъ смѣхомъ.

— Бонапарте въ рубашкѣ родился. Солдаты у него прекрасные. Это такъ.

И князь началъ разбирать всѣ ошибки, которыя, по его понятіямъ, дѣлалъ Бонапарте во всѣхъ своихъ войнахъ и даже въ государственныхъ дѣлахъ. Сынъ не возражалъ, но видно было, что какіе бы доводы ему не представляли, онъ также мало способенъ былъ измѣнить свое мнѣніе, какъ и старый князь. Князь Андрей слушалъ, удерживаясь отъ возраженій и невольно удивляясь, какъ могъ этотъ старый человѣкъ, сидя столько лѣтъ одинъ безвыѣздно въ деревнѣ, въ такихъ подробностяхъ и съ такою тонкостью знать и обсудить всѣ военныя и политическія обстоятельства Европы послѣднихъ годовъ.

— Ты думаешь я, старикъ, не понимаю настоящаго положенія дѣлъ? заключилъ онъ.—А мнѣ оно вотъ гдѣ. Я ночей не сплю. Ну гдѣ же этотъ великій полководецъ, твой-то, гдѣ онъ показалъ себя?

— Это длинно было бы, отвѣчалъ сынъ.

— Ступай же ты къ Буонапарте своему. Mlle Bourienne, voilà encore un admirateur de votre goujat d'empereur! закричалъ онъ отличнымъ французскимъ языкомъ.

— Vous savez que je ne suis pas bonapartiste, mon prince.

— „Dieu sais quand reviendra".... пропѣлъ князь фальшиво, еще фальшивѣе засмѣялся и вышелъ изъ-за стола.

Маленькая княгиня во все время спора и остальнаго обѣда молчала и испуганно поглядывала то на княжну Марію, то на свекра. Когда они вышли изъ-за стола, она взяла за руку золовку и отозвала ее въ другую комнату.

— Comme c'est un homme d'esprit votre père, сказала она,— c'est à cause de cela peut-être qu'il me fait peur.

— Ахъ, онъ такъ добръ! сказала княжна.

XXXVIII.

Князь Андрей уѣзжалъ на другой день вечеромъ. Старый князь, не отступая отъ своего порядка, послѣ обѣда ушелъ къ себѣ. Маленькая княгиня была у золовки. Князь Андрей, одѣвшись въ дорожный сюртукъ безъ эполетъ, въ отведенныхъ ему покояхъ укладывался съ своимъ камердинеромъ. Самъ осмотрѣвъ коляску и укладку чемодановъ, онъ велѣлъ закладывать. Въ комнатѣ оставались только тѣ вещи, которыя князь Андрей всегда бралъ съ собой: шкатулка, большой серебряный погребецъ, два турецкихъ пистолета и шашка, подарокъ отца, привезенная изъ-подъ Очакова. Всѣ эти дорожныя принадлежности были въ большомъ порядкѣ у князя Андрея; все было ново, чисто, въ суконныхъ чахлахъ, старательно завязано тесемочками.

Въ минуты отъѣзда и перемѣны жизни, на людей способныхъ обдумывать свои поступки, обыкновенно находитъ серіозное настроеніе мыслей. Въ эти минуты, обыкновенно, повѣряется прошедшее и дѣлаются планы будущаго. Лицо князя Андрея было очень задумчиво и нѣжно. Онъ, заложивъ руки назадъ и поворачиваясь съ несвойственнымъ ему искреннимъ жестомъ, быстро ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ; глядя впередъ себя, онъ задумчиво покачивалъ головой. Страшно ли ему было идти на войну, грустно ли бросить жену,—можетъ быть и то, и другое. Только, видимо, не желая чтобъ его видѣли въ такомъ положеніи, онъ остановился когда услыхалъ шаги въ сѣняхъ, торопливо высвободилъ руки, остановился у стола, какъ будто увязывалъ чахолъ шкатулки, и принялъ свое всегдашнее спокойное и непроницаемое выраженіе. Это были тяжелые шаги княжны Маріи.

— Мнѣ сказали, что ты велѣлъ закладывать, сказала она запыхавшись (она видно бѣжала),—а мнѣ такъ хотѣлось еще поговорить съ тобой наединѣ. Богъ знаетъ на сколько времени опять разстаемся. Ты не сердишься, что я пришла? Ты очень перемѣнился, Андрюша, прибавила она, какъ бы въ объясненіе такого вопроса.

Она улыбнулась, произнося слово „Андрюша.“ Видно ей

самой было странно подумать, что этотъ строгій красивый мущина былъ тотъ самый Андрюша, курчавый шаловливый мальчикъ, товарищъ дѣтства.

— А гдѣ Lise? спросилъ онъ, только улыбкой отвѣчая на ея вопросъ.

— Она такъ устала, что заснула у меня въ комнатѣ на софѣ. Ахъ, Adnré! quel trésor de femme vous avez, сказала она, усаживаясь на диванъ противъ брата. — Она совершенный ребенокъ, такой милый, веселый ребенокъ. Я такъ ее полюбила.

Князь Андрей молчалъ, но княжна замѣтила ироническое и презрительное выраженіе, появившееся на его лицѣ.

— Но надо быть снисходительнымъ къ маленькимъ слабостямъ; у кого ихъ нѣтъ, André! Ты не забудь, что она воспитана и выросла въ большомъ свѣтѣ. И потомъ ея положеніе теперь не розовое. Надобно входить въ положеніе каждаго. Tout comprendre, c'est tout pardonner. Ты подумай, каково ей бѣдняжкѣ послѣ жизни, къ которой она привыкла, разстаться съ мужемъ и остаться одной въ деревнѣ и въ ея положеніи? Это очень тяжело.

Князь Андрей улыбался, глядя на сестру, какъ мы улыбаемся слушая людей, которыхъ, намъ кажется, что мы насквозь видимъ.

— Ты живешь въ деревнѣ и не находишь эту жизнь ужасною, сказалъ онъ.

— Я другое дѣло. Что обо мнѣ говорить? Я не желаю другой жизни, да и не могу желать, потому что не знаю никакой другой жизни. А ты подумай, André, для молодой и свѣтской женщины похорониться въ лучшіе годы жизни въ деревнѣ, одной, потому что папенька всегда занятъ, а я.... ты меня знаешь..... какъ я бѣдна en ressources для женщины, привыкшей къ лучшему обществу. Mlle Bourienne одна....

— Она мнѣ очень не нравится ваша Bourienne, сказалъ князь Андрей.

— О, нѣтъ! она очень милая и добрая, а главное, жалкая дѣвушка. У нея никого, никого нѣтъ. По правдѣ сказать, мнѣ она не только не нужна, но стѣснительна. Я, ты знаешь, и всегда была дикарка, а теперь еще больше. Я люблю быть одна.... Mon père ее очень любитъ. Она и Михаилъ Иванычъ, два лица, къ которымъ онъ всегда ласковъ и добръ, потому что они оба облагодѣтельствованы имъ; какъ говоритъ

Стернъ: „мы не столько любимъ людей за то добро, которое они намъ сдѣлали, сколько за то добро, которое мы имъ сдѣлали.“ Mon père взялъ ее сиротой sur le pavé, и она очень добрая. И mon père любитъ ея манеру чтенія. Она по вечерамъ читаетъ ему вслухъ. Она прекрасно читаетъ.

— Ну, а по правдѣ, Marie, тебѣ, я думаю, тяжело иногда бываетъ отъ характера отца? вдругъ спросилъ князь Андрей.

Княжна Марія сначала удивилась, потомъ испугалась этого вопроса.

— Мнѣ?... Мнѣ?!... Чего же мнѣ желать? сказала она, видимо, отъ всей души.

— Онъ и всегда былъ крутъ, а теперь тяжелъ становится, я думаю, сказалъ князь Андрей, видимо, нарочно, чтобъ озадачить или испытать сестру, такъ легко отзываясь объ отцѣ.

— Ты всѣмъ хорошъ, André, но у тебя есть какая-то гордость мысли, сказала княжна, какъ всегда больше слѣдуя за своимъ ходомъ мыслей, чѣмъ за ходомъ разговора, — и это большой грѣхъ. Развѣ возможно судить объ отцѣ? Да, ежели бы и возможно было, какое другое чувство, кромѣ vénération, можетъ возбудить такой человѣкъ какъ mon père? И я такъ довольна и счастлива съ нимъ. Я только желала бы, чтобы вы всѣ были счастливы какъ я.

Братъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Одно что тяжело для меня, — я тебѣ по правдѣ скажу, André,—это образъ мыслей отца въ религіозномъ отношеніи. Я не понимаю, какъ человѣкъ съ такимъ огромнымъ умомъ не можетъ видѣть того что ясно какъ день, и можетъ такъ заблуждаться? Вотъ это составляетъ одно мое несчастіе. Но и тутъ въ послѣднее время я вижу тѣнь улучшенія. Въ послѣднее время его насмѣшки не такъ язвительны, и есть одинъ монахъ, котораго онъ принималъ и долго говорилъ съ нимъ.

— Ну, мой другъ, я боюсь, что вы съ монахомъ даромъ растрачиваете свой порохъ, Marie, насмѣшливо, но ласково сказалъ князь Андрей.

— Ah! mon ami. Я только молюсь Богу и надѣюсь, что Онъ услышитъ меня. André, сказала она робко послѣ минуты молчанія,—у меня къ тебѣ есть большая просьба.

— Что мой другъ?

— Нѣтъ, обѣщай мнѣ, что ты не откажешь. Это тебѣ не будетъ стоить никакого труда, и ничего недостойнаго тебя въ этомъ не будетъ. Только ты меня утѣшишь. Обѣщай,

Андрюша, сказала она всунувъ руку въ ридикюль и въ немъ держа что-то, но еще не показывая, какъ будто то что̀ она держала и составляло предметъ просьбы, и что прежде полученія обѣщанія въ исполненіи просьбы она не могла вынуть изъ ридикюля это *что-то*. Она робко, умоляющимъ взглядомъ, смотрѣла на брата.

— Ежели бы это и стоило мнѣ большаго труда..., какъ будто догадываясь въ чемъ было дѣло, отвѣчалъ князь Андрей.

— Ты что̀ хочешь думай. Я знаю, ты такой же какъ и mon père. Что̀ хочешь думай, но для меня это сдѣлай. Сдѣлай пожалуста! Его еще отецъ моего отца, нашъ дѣдушка, носилъ во всѣхъ войнахъ... Она все еще не доставала того, что̀ держала, изъ ридикюля.—Такъ ты обѣщаешь мнѣ?

— Конечно, въ чемъ дѣло?

— André, я тебя благословлю образомъ, и ты обѣщай мнѣ, что никогда его не будешь снимать. Обѣщаешь?

— Ежели онъ не въ два пуда и шеи не оттянетъ... Чтобы тебѣ сдѣлать удовольствіе.... сказалъ князь Андрей, но въ ту же секунду, замѣтивъ огорченное выраженіе, которое приняло лицо сестры при этой шуткѣ, онъ раскаялся. — Очень радъ, право очень радъ, мой другъ, прибавилъ онъ.

— Противъ твоей воли Онъ спасетъ и помилуетъ тебя и обратитъ тебя къ Себѣ, потому что въ Немъ одномъ и истина и успокоеніе, сказала она дрожащимъ отъ волненія голосомъ, съ торжественнымъ жестомъ держа въ обѣихъ рукахъ передъ братомъ овальный, старинный образокъ Спасителя съ чернымъ ликомъ, въ серебряной ризѣ на серебряной цѣпочкѣ мелкой работы. Она перекрестилась, поцѣловала образокъ и подала его Андрею.

— Пожалуста, André, для меня....

Изъ большихъ глазъ ея свѣтились лучи добраго и робкаго свѣта. Глаза эти освѣщали все болѣзненное, худое лицо и дѣлали его прекраснымъ. Братъ хотѣлъ взять образокъ, но она остановила его. Андрей понялъ, перекрестился и поцѣловалъ образокъ. Лицо его въ одно и то же время было нѣжно (онъ былъ тронутъ), любовно, ласково и насмѣшливо.

— Merci, mon ami, она поцѣловала его въ чистый коричневатый лобъ и опять сѣла на диванъ. Они помолчали.

— Такъ я тебѣ говорила, André, будь добръ и великодушенъ, какимъ ты всегда былъ. Не суди строго Lise, начала

она.—Она такъ мила, такъ добра, и положеніе ея очень тяжело теперь.

— Кажется, я ничего не говорилъ тебѣ, Маша, чтобъ я упрекалъ въ чемъ-нибудь свою жену, или былъ недоволенъ ею. Къ чему ты все это говоришь мнѣ?

Княжна Марія покраснѣла пятнами и замолчала, какъ будто она чувствовала себя виноватою.

— Я ничего не говорилъ тебѣ, а тебѣ ужъ *говорили.* И мнѣ это грустно.

Красныя пятна еще сильнѣе выступили на лбу, шеѣ и щекахъ княжны Марьи. Она хотѣла сказать что-то и не могла выговорить. Братъ угадалъ. Маленькая княгиня послѣ обѣда плакала, говорила что предчувствуетъ несчастные роды, боится ихъ, и жаловалась на свою судьбу, на свекра и на мужа. Послѣ слезъ она заснула. Князю Андрею жалко стало сестру.

— Знай одно, Маша, я ни въ чемъ не могу упрекнуть, не упрекалъ и никогда не упрекну *мою жену,* и самъ ни въ чемъ себя не могу упрекнуть въ отношеніи къ ней, и это всегда такъ будетъ въ какихъ бы я ни былъ обстоятельствахъ. Но ежели ты хочешь знать правду.... хочешь знать счастливъ ли я? Нѣтъ. Счастлива ли она? Нѣтъ. Отчего это? Не знаю....

Говоря это онъ всталъ, подошелъ къ сестрѣ, и нагнувшись, поцѣловалъ ее въ лобъ. Прекрасные глаза его свѣтились умнымъ и добрымъ непривычнымъ блескомъ, но онъ смотрѣлъ не на сестру, а въ темноту отворенной двери, черезъ ея голову.

— Пойдемъ къ ней, надо проститься. Или иди одна, разбуди ее, а я сейчасъ приду. Петрушка! крикнулъ онъ камердинеру: — поди сюда, убирай. Это въ сидѣнье, это на правую сторону.

Княжна Марія встала и направилась къ двери. Она остановилась.

— André, si vous aviez la foi, vous vous seriez adressé à Dieu, pour qu'il vous donne l'amour que vous ne sentez pas, et votre prière aurait été exaucée. [1]

---

[1] Еслибы ты имѣлъ вѣру, то обратился бы къ Богу съ молитвою, чтобъ Онъ даровалъ тебѣ любовь, которую ты не чувствуешь, и молитва твоя была бы услышана.

— Да, развѣ это? сказалъ князь Андрей. — Иди, Маша, я сейчасъ приду.

По дорогѣ къ комнатѣ сестры, въ галлереѣ, соединявшей одинъ домъ съ другимъ, князь Андрей встрѣтилъ мило улыбавшуюся Mlle Bourienne, уже въ третій разъ въ этотъ день съ восторженною и наивною улыбкой попадавшуюся ему въ уединенныхъ переходахъ.

— Ah! je vous croyai chez vous, сказала она почему-то краснѣя и опуская глазки. Князь Андрей строго посмотрѣлъ на нее. — Moi j'aime cette galerie, c'est si mystérieux. [1]

На лицѣ князя Андрея вдругъ выразилось озлобленіе, какъ будто она и ей подобныя были виною какого-нибудь несчастія въ его жизни. Онъ ничего не сказалъ ей, но посмотрѣлъ на ея лобъ и волосы, не глядя въ глаза, такъ презрительно, что француженка покраснѣла и ушла ничего не сказавъ. Когда онъ подошелъ къ комнатѣ сестры, княгиня уже проснулась, и ея веселый голосокъ, торопившій одно слово за другимъ, послышался изъ отворенной двери. Она говорила, какъ будто послѣ долгаго воздержанія ей хотѣлось вознаградить потерянное время.

— Non, mais figurez-vous, la vieille comtesse Zouboff avec de fausses boucles et la bouche pleine de fausses dents comme si elle voulait défier les années.... [2] Ха, ха, ха, Marie!

Точно ту же фразу о графинѣ Зубовой и тотъ же смѣхъ уже разъ пять слышалъ при постороннихъ князь Андрей отъ своей жены. Онъ тихо вошелъ въ комнату. Княгиня, толстенькая, румяная, съ работой въ рукахъ, сидѣла на креслѣ и безъ умолку говорила, перебирая петербургскія воспоминанія и даже фразы. Князь Андрей подошелъ, погладилъ ее по головѣ и спросилъ, отдохнула ли она отъ дороги. Она отвѣтила и продолжала тотъ же разговоръ.

Коляска шестерикомъ стояла у подъѣзда. На дворѣ была теплая осенняя ночь. Кучеръ не видалъ дышла коляски. На крыльцѣ суетились люди съ фонарями. Красивый огромный домъ горѣлъ огнями сквозь свои большія окна. Въ передней толпились дворовые, желавшіе проститься съ

---

[1] Ахъ, я думала вы у себя. А я люблю эту галерею, здѣсь такъ таинственно,

[2] Нѣтъ, представьте себѣ, старая графиня Зубова съ фальшивыми локонами, съ фальшивыми зубами, какъ будто издѣваясь надъ временемъ и надъ годами....

молодымъ княземъ; въ залѣ стояли всѣ домашніе: Михаилъ Ивановичъ, Mlle Bourienne, княжна Марія и княгиня. Князь Андрей былъ позванъ въ кабинетъ къ отцу, который съ глазу на глазъ хотѣлъ проститься съ нимъ. Всѣ ждали ихъ выхода.

Когда князь Андрей вошелъ въ кабинетъ, старый князь въ стариковскихъ очкахъ и въ своемъ бѣломъ халатѣ, въ которомъ онъ никого не принималъ кромѣ сына, сидѣлъ за столомъ и писалъ. Онъ оглянулся:

— Ѣдешь? и онъ опять сталъ писать.

— Пришелъ проститься.

— Цѣлуй сюда,—онъ показалъ щеку:—спасибо, спасибо.

— За что вы меня благодарите?

— За то что не просрочиваешь, за бабью юбку не держишься. Служба прежде всего. Спасибо, спасибо!—И онъ продолжалъ писать, такъ что брызги летѣли съ трещавшаго пера.—Ежели нужно сказать что̀, говори. Эти два дѣла могу дѣлать вмѣстѣ, прибавилъ онъ.

— О женѣ.... Мнѣ и такъ совѣстно, что я вамъ на руки оставляю беременную....

— Что врешь? Говори что̀ нужно.

— Когда женѣ будетъ время родить, въ послѣднихъ числахъ ноября, пошлите въ Москву за акушеромъ.... Чтобъ онъ тутъ былъ.

Старый князь остановился, и какъ бы не понимая, уставился строгими глазами на сына.

— Я знаю, что никто помочь не можетъ коли натура не поможетъ, говорилъ князь Андрей, видимо смущенный;—я согласенъ, что и изъ милліона случаевъ одинъ бываетъ несчастный, но это ея и моя фантазія. Ей наговорили, она во снѣ видѣла, и она боится.

— Гм... гм... проговорилъ про себя старый князь, продолжая дописывать.—Сдѣлаю.—Онъ расчеркнулъ подпись, вдругъ быстро повернулся къ сыну и засмѣялся.—Плохо дѣло, а?

— Что плохо, батюшка?

— Жена! коротко и значительно сказалъ старый князь.

— Я не понимаю, сказалъ князь Андрей.

— Да нечего дѣлать, дружокъ, сказалъ князь:—онѣ всѣ такія, не разженишься. Ты не бойся, никому не скажу, а ты самъ знаешь.

Онъ схватилъ его за руку своею костлявою маленькою кистью, потресъ ее, взглянулъ прямо въ лицо сына своими

быстрыми глазами, которые, какъ казалось, насквозь видѣли человѣка, и опять засмѣялся своимъ холоднымъ смѣхомъ.

Сынъ вздохнулъ, признаваясь этимъ вздохомъ въ томъ, что отецъ понялъ его. Старикъ, продолжая складывать и печатать письма, съ своею привычною быстротой, схватывалъ и бросалъ сургучъ, печать и бумагу.

— Что дѣлать? Красива! Я все сдѣлаю. Ты будь покоенъ, говорилъ онъ отрывисто, во время печатанія.

Андрей молчалъ; ему пріятно было, что отецъ понялъ его. Старикъ всталъ и подалъ письмо сыну.

— Слушай, сказалъ онъ,—о женѣ не заботься: что возможно сдѣлать, то будетъ сдѣлано. Теперь слушай: письмо Михайлу Иларіоновичу отдай. Я пишу, чтобъ онъ тебя въ хорошія мѣста употреблялъ, и долго адъютантомъ не держалъ. Скверная должность. Скажи ты ему, что я его помню и люблю. Да напиши какъ онъ тебя приметъ. Коли хорошъ будетъ, служи. Николая Андреича Болконскаго сынъ изъ милости служить ни у кого не будетъ. Ну, теперь поди сюда.

Онъ говорилъ такою скороговоркой, что не доканчивалъ половины словъ, но сынъ привыкъ понимать его. Онъ подвелъ сына къ бюро, откинулъ крышку, выдвинулъ ящикъ и вынулъ исписанную его крупнымъ, длиннымъ и сжатымъ почеркомъ тетрадь.

— Должно-быть мнѣ прежде тебя умереть. Знай, тутъ мои записки, ихъ государю передать послѣ моей смерти. Теперь здѣсь, вотъ ломбардный билетъ и письмо. Это премія тому, кто напишетъ исторію суворовскихъ войнъ. Переслать въ академію. Здѣсь мои ремарки, послѣ меня читай для себя, найдешь пользу.

Андрей не сказалъ отцу, что вѣрно онъ проживетъ еще долго. Онъ понималъ, что этого говорить не нужно.

— Все исполню, батюшка, сказалъ онъ.

— Ну, теперь прощай.—Онъ далъ поцѣловать сыну свою руку и обнялъ его.—Помни одно, князь Андрей, коли тебя убьютъ, мнѣ старику больно будетъ....—Онъ неожиданно замолчалъ и вдругъ крикливымъ голосомъ продолжалъ:—а коли узнаю, что ты повелъ себя не какъ сынъ Николая Болконскаго, мнѣ будетъ стыдно.

— Этого вы могли бы не говорить мнѣ, батюшка, улыбаясь сказалъ сынъ.

Старикъ замолчалъ.

— Еще я хотѣлъ просить васъ, продолжалъ князь Андрей,— ежели меня убьютъ, и ежели у меня будетъ сынъ, не отпускайте его отъ себя, какъ я вамъ вчера говорилъ, чтобъ онъ выросъ у васъ, пожалуста.

— Женѣ не отдавать? сказалъ старикъ и радостно засмѣялся.

Они молча стояли другъ противъ друга. Быстрые глаза старика прямо были устремлены въ глаза сына. Что-то дрогнуло въ нижней части лица стараго князя.

— Простись ступай, вдругъ заговорилъ онъ.—Ступай! закричалъ онъ сердитымъ и громкимъ голосомъ, отворяя дверь кабинета.

— Что̀ такое, что̀? спрашивали княгиня и княжна, увидѣвъ князя Андрея и на минуту высунувшуюся фигуру кричавшаго сердитымъ голосомъ старика въ бѣломъ халатѣ, безъ парика и въ стариковскихъ очкахъ.

Князь Андрей вздохнулъ во всю грудь и ничего не отвѣчалъ.

— Ну, сказалъ онъ обратившись къ женѣ, и это „ну" звучало холодною насмѣшкой, какъ будто онъ говорилъ: теперь продѣлывайте вы ваши штуки.

— André, déjà, сказала маленькая княгиня, блѣднѣя и со страхомъ глядя на мужа. Онъ обнялъ ее. Она вскрикнула и безъ чувствъ упала на его плечо.

Онъ осторожно отвелъ плечо, на которомъ она лежала, заглянулъ въ ея лицо и бережно посадилъ ее на кресло.

— Adieu, Marie, сказалъ онъ тихо сестрѣ, поцѣловался съ нею рука въ руку и скорыми шагами вышелъ изъ комнаты.

Княгиня лежала въ креслѣ, Mlle Бурьенъ терла ей виски. Княжна Марія, поддерживая невѣстку, съ заплаканными прекрасными глазами, все еще смотрѣла въ дверь, въ которую вышелъ князь Андрей, и крестила его. Изъ кабинета слышны были, какъ выстрѣлы, часто повторяемые, сердитые звуки стариковскаго сморканія. Только-что князь Андрей вышелъ, дверь кабинета быстро отворилась и выглянула строгая фигура старика въ бѣломъ халатѣ.

— Уѣхалъ? ну и хорошо, сказалъ онъ, сердито посмотрѣвъ на безчувственную маленькую княгиню, укоризненно покачалъ головою и захлопнулъ дверь.

ГРАФЪ Л. ТОЛСТОЙ.

ГРАФЪ ЯКОВЪ СИВЕРСЪ *

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

III. Обозрѣніе губерніи. **

Однимъ изъ первыхъ проектовъ новгородскаго губернатора было новое областное подраздѣленіе его губерніи, такъ какъ старое заключало въ себѣ нѣсколько явныхъ несообразностей. *** Сиверса поражало ненормальное отношеніе

* Продолж. См. № 1.

** Эта глава, какъ отрывокъ, была уже напечатана въ *Русск. Вѣст.* 1863 г. № 12. Помѣщаемъ ее здѣсь, въ ряду остальныхъ главъ, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, сдѣланными авторомъ.

*** Извѣстно, что Петръ I вмѣсто московской областной системы раздѣлилъ Россію на восемь „губерній", въ 1708 г. Потомъ это дѣленіе нѣсколько разъ измѣнялось. Въ 1719 году Петръ передѣлалъ государство на одиннадцать губерній, и подраздѣлилъ ихъ на „провинціи", а провинціи на уѣзды. Преемники Петра не разъ производили новыя измѣненія въ ихъ составѣ, такъ что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, число губерній возрасло до двадцати. Новгородская губернія имѣла въ длину 1.150 верстъ, а въ ширину 600. Населеніе ея однако не превышало 850.000 душъ. Она дѣлилась на пять провинцій: Новгородскую, Тверскую, Псковскую, Бѣлозерскую и Великолуцкую, которыя заключали въ себѣ до 34-хъ городовъ и пригородковъ. Распредѣленіе населенія по уѣздамъ было чрезвычайно неравномѣрно. Вѣроятно не безъ связи съ представленіями Сиверса появился указъ 11 октября 1764 года, который произвелъ нѣкоторыя сокращенія въ числѣ штатныхъ уѣздныхъ городовъ; въ

губернскаго города къ своимъ провинціямъ и уѣздамъ: этотъ административный и судебный центръ нерѣдко отстоялъ отъ нихъ гораздо дальше чѣмъ главные города другихъ губерній. Отсюда проистекали понятныя неудобства для жителей отдаленныхъ краевъ: дѣла поневолѣ терпѣли застой, мѣстный произволъ не стѣснялся высшимъ надзоромъ, а судейскія злоупотребленія давали полную возможность обижать людей смирныхъ. Губернаторъ провелъ нѣсколько ночей надъ сочиненіемъ новаго областнаго дѣленія. Новгородскій уѣздъ онъ предполагалъ раздробить на нѣсколько уѣздовъ; между прочимъ, совѣтовалъ образовать новые уѣздные города изъ двухъ значительныхъ селъ, Валдая и Вышняго-Волочка, обративъ крестьянъ и ямщиковъ въ горожанъ и прибавивъ къ нимъ нѣсколько иностранныхъ колонистовъ для развитія ремеслъ и фабрикъ.

Сиверсъ, и послѣ того, довольно долго и усердно работалъ надъ своимъ планомъ областнаго дѣленія, сообщая императрицѣ время отъ времени его измѣненія и дополненія. Наконецъ, онъ дошелъ до того, что началъ отнимать всякое значеніе у своего губернскаго города. Онъ напалъ на Новгородъ, по поводу своихъ размышленій о сообщеніи между Москвою и Петербургомъ. Вотъ его мысли. Очень далекое разстояніе столицъ другъ отъ друга есть большое неудобство для государства. Надобно провести между ними дорогу по прямой линіи. Выгоды отъ этого будутъ такъ велики, что передъ ними ничего не значитъ вредъ причиненный одному городу, „который даже и имени города болѣе не заслуживаетъ.“ Обращенный изъ губернскаго въ провинціяльный, вдали отъ большой дороги, Новгородъ останется при своемъ уксусѣ и лукѣ и, конечно, потеряетъ всякое значеніе; но о возстановленіи его не стоитъ хлопотать. Легче построить два новыхъ города тамъ, гдѣ дорога пересѣчетъ Волховъ и Мсту, нежели поднять Новгородъ. Провинціи тогда будутъ ближе къ надзору верховной власти, и все пойдетъ лучше; жители будутъ больше заниматься дѣломъ и менѣе заводить тяжбъ; сообщеніе съ столичными

Новгородской губерніи, кромѣ пяти провинціяльныхъ, такихъ городовъ положено было 15. Интересно, что въ Новгородской провинціи все еще встрѣчается старинное дѣленіе на пятины, а въ Псковской провинціи уѣзды подраздѣляются на губы (*Топографич. извѣстія о Россіи.* Бакмейстера. 1771 г.).

обитателями смягчить ихъ нравы; а теперь они изъ своихъ угловъ смотрятъ на Петербургъ какъ на конецъ свѣта, и т. п.

Въ связи съ планами областнаго передѣла (которые большею частью потомъ осуществились) мы встрѣчаемъ и первыя попытки новгородскаго губернатора къ болѣе близкому знакомству съ своими провинціями, особенно съ ихъ путями сообщенія.

Уже съ первыхъ мѣсяцевъ своего губернаторства онъ жаловался императрицѣ, что еще не знаетъ ввѣреннаго ему края. Наконецъ, лѣтомъ 1766 года, ему удалось совершить большое путешествіе, для обозрѣнія сѣверо-восточной полосы Новгородской губерніи. Путешествіе это Сиверсъ предпринялъ изъ столицы, гдѣ онъ получилъ отъ Екатерины личныя наставленія. 24 іюня онъ откланялся ей въ Петергофѣ, а на слѣдующій день выѣхалъ по петербургско-архангельской большой дорогѣ. Отчетъ о своей поѣздкѣ онъ посылалъ императрицѣ въ видѣ дневника; постараемся дать понятіе о его содержаніи, насколько это позволяютъ отрывочныя выдержки, приведенныя въ книгѣ Блума.

Въ Новой-Ладогѣ Сиверсъ осмотрѣлъ работы по каналу, который имѣлъ такое важное значеніе для государства. Иностранная торговля Россіи и самое существованіе Петербурга, по его замѣчанію, зависятъ отъ извѣстнаго уровня воды въ Ладогѣ, безъ котораго ни одна барка не дойдетъ до Петербурга. Тамъ же, въ Новой-Ладогѣ, онъ полюбовался прекрасною полковою церковью и двумя школами, заведенными при Суздальскомъ полку его знаменитымъ командиромъ Суворовымъ. Одна школа назначена была для дворянскихъ дѣтей, другая для солдатскихъ; ученики дворянской школы дали въ честь губернатора представленіе какой-то комедіи. Подобными упражненіями Суворовъ старался развить въ нихъ ловкость и хорошія манеры. Путешественникъ осмотрѣлъ также полковую конюшню и садъ; Суворовъ сумѣлъ развести его на песчаной, безплодной почвѣ.

29-го числа Сиверсъ переправился черезъ Волховъ и поѣхалъ вдоль новаго Сясскаго канала, который долженъ былъ соединить Сясь съ Волховомъ, чтобъ облегчить доставку строительныхъ матеріяловъ въ Петербургъ. Дневникъ нашего путешественника добросовѣстно исчисляетъ рѣчки, переправы и свойства почвы, но, къ сожалѣнію, скупъ на замѣтки о

населеніи. Достигнувъ береговъ Свири, губернаторъ заѣхалъ въ Александро-Свирскій монастырь и посѣтилъ тамъ епископа олонецкаго и каргопольскаго. „Монастырь лежитъ на красивомъ озерѣ съ очень извилистыми берегами. Прекрасно насаженная березовая роща и сосновый боръ, гдѣ святой покоится въ маленькой обители, по моему мнѣнію, составляютъ одно изъ чудесъ его наслѣдниковъ. Здѣсь живетъ на покаяніи графъ Бестужевъ, сынъ недавно умершаго канцлера; думаютъ, что на него уже начала дѣйствовать сила святыни, потому что онъ стыдится показываться людямъ.“ *

Изъ монастыря губернаторъ съѣздилъ въ Олонецъ; потомъ вмѣстѣ съ флотскимъ капитаномъ, начальникомъ Лодейнопольской верфи, онъ въ лодкѣ поднялся по Свири до Лодейнаго Поля, и съ удовольствіемъ увидалъ здѣсь въ бухтѣ 12 судовъ, пришедшихъ сверху.

Отсюда дорога шла параллельно съ рѣкою Свирью, по песчаной, холмистой и лѣсистой мѣстности, оживляемой свѣтлыми озерами. Иногда открывались превосходные виды, и нашъ путешественникъ не разъ припоминалъ Швейцарію и Италію. Но сторона эта довольно пустынна; лишь изрѣдка встрѣчались деревеньки и обработанныя поля. Около южнаго прибрежья Онежскаго озера деревеньки сдѣлались чаще и почва болѣе обработана. На рѣкѣ Оштѣ губернаторъ останавливался у одного олонецкаго мѣщанина, который, „хотя былъ раскольникъ, выстроилъ себѣ, однако, красивый новомодный домикъ.“

6-го іюля Сиверсъ достигъ станціи Вытегры, лежавшей на рѣкѣ того же имени. „Тутъ живутъ многіе мѣщане, занимающіеся земледѣліемъ. Послѣ обѣда я сѣлъ въ лодку и проплылъ пять верстъ внизъ до Вянгинской пристани, гдѣ находится также верфь и строятся гальоты; здѣсь ведется довольно живая торговля, потому что грузятъ многіе товары для Петербурга, особенно хлѣбъ. Я даже нашелъ тамъ полотняную фабрику въ 32 ткацкіе станка, которая заведена назадъ тому три года. Кромѣ того есть два свѣчные завода. Пристань находится въ пятнадцати верстахъ отъ

* Въ *Магазинѣ* Бюшинга, въ статьѣ *Жизнь прежняго канцлера графа Алексѣя Бестужева-Рюмина*, упоминается о томъ, что канцлеръ незадолго передъ смертію заключилъ своего сына въ монастырь за его неразумное поведеніе и хотѣлъ лишить его наслѣдства (II. 432).

Онежскаго озера; южные берега его, также какъ и Ладожскаго, низменны, болотисты и часто подвергаются наводненіямъ.

„Такъ какъ въ Вытегрѣ, по моему предложенію, должна быть учреждена канцелярія, чтобъ облегчить судопроизводство для жителей этого отдаленнаго края, то я думаю, что лучшимъ мѣстопребываніемъ для судьи была бы пристань. Въ такомъ случаѣ надобно перевести сюда и станцію архангельской дороги; это мѣсто лежитъ почти на половинѣ пути между Ладогой и Каргополемъ, слѣдовательно здѣсь можно было бы учредить и почтамтъ. * Какъ жаль, что Вытегра имѣетъ такое быстрое теченіе. Петръ Великій думалъ провести чрезъ нее сообщеніе между государствомъ и столицей; но онъ нашелъ, что теченіе Вытегры слишкомъ сильно и мелководно.

„7-го іюля въ Вытегрѣ я былъ задержанъ до обѣда многими жалобами.“

Слова эти очень естественно затрогиваютъ любопытство читателя; онъ ожидаетъ узнать какія-либо подробности о жалобахъ, въ которыхъ, конечно, отражались интересы и нужды мѣстнаго населенія. Но подобное обстоятельство, очевидно, было для путешественника не на первомъ планѣ. Главное вниманіе его обращено на водяныя сообщенія и особенно на тѣ сообщенія, которыя имѣлъ въ виду еще Петръ Великій. Тутъ образъ Петра постоянно носится передъ глазами нашего губернатора, и его слова проникнуты благоговѣніемъ къ памяти преобразователя. Онъ съ умиленіемъ разказываетъ, что въ Вытегрѣ обѣдалъ въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ Петръ бывалъ до семи разъ, между прочимъ и тогда, когда ѣздилъ съ Екатериною на Олонецкія желѣзныя воды.

Достигнувъ Бадожской пристани, на р. Ковжѣ, Сиверсъ остановился здѣсь на нѣкоторое время для осмотра мѣстности, интересной по отношенію къ водянымъ сообщеніямъ. Изъ разказовъ жителей онъ узналъ, что прежде за четыре версты выше на рѣкѣ была другая пристань, но что теперь она оставлена, вслѣдствіе притѣсненій одного майора гвардіи, предъявившаго притязанія на сосѣднюю землю. Далѣе,

* Спустя нѣсколько лѣтъ, именно Вянгинская пристань и была обращена въ городъ Вытегру.

онъ узналъ, что страна, лежащая по сосѣдству, ровная, низменная и болотистая, что рѣчки имѣютъ здѣсь чрезвычайно тихое теченіе, и слѣдовательно мѣстность эта очень удобна для проведенія каналовъ, которые должны соединить Бѣлое озеро съ Онежскимъ. * Объ этомъ думалъ еще и Петръ Великій; самые пожилые изъ окрестныхъ обитателей признались Сиверсу, что сельскіе старшины въ тѣ времена отклонили офицеровъ, посланныхъ для изслѣдованій, частію ложными показаніями, а частію денежными приношеніями: крестьяне боялись, „что ихъ будутъ употреблять на работы безплатно."

Посѣтивъ окрестности озера Ковжи, въ сопровожденіи одного помѣщика, майора Алексѣева, губернаторъ отправился далѣе. Такъ какъ предстояла самая дурная, каменистая часть дороги, то онъ послалъ свой экипажъ въ объѣздъ; а самъ пустился верхомъ на лошади, которою снабдилъ его Алексѣевъ. Сиверсъ проѣхалъ до слѣдующей станціи около 20 верстъ, одинъ, по непрерывному бору, служившему въ старыя времена весьма удобнымъ притономъ для разбойниковъ. „Около полуночи, пишетъ онъ, я былъ пріятно пробужденъ изъ своихъ размышленій, въ тишинѣ мрачнаго лѣса, журчаніемъ воды въ порогахъ рѣки Кемы. Почва здѣсь удивительно камениста, однако хорошо обработана; на поляхъ лежатъ цѣлые холмы камней, кромѣ тѣхъ, которыми обложены полевыя межи. Эта мѣстность заселена маленькими деревнями и извѣстна подъ именемъ Слободской."

Вечеромъ 9-го іюля онъ достигъ Каргополя. Еще на послѣдней станціи губернаторъ былъ встрѣченъ воеводой и почетнѣйшими гражданами, а на полѣ передъ городомъ его ожидали всѣ жители. Но городъ представлялъ печальное зрѣлище мусора и запустѣнія, вслѣдствіе недавняго пожара (По ходатайству губернатора императрица назначила 10.000 руб. для вспоможенія городу. П. С. З. 12.565). Сиверсъ остановился въ домѣ бургомистра. На слѣдующій день онъ созвалъ погорѣвшихъ жителей, и показавъ имъ высочайше утвержденный планъ новой постройки города съ нумерованными домами, предоставилъ выбирать нумера и записываться на постройку, пока онъ съѣздитъ въ Онежскую гавань. Граждане единодушно отвѣчали, что они не въ состояніи

* Тамъ проходитъ теперь Маріинская система каналовъ.

выводить каменные подвалы со сводами, а также платить деньги за наемъ каменныхъ лавокъ, потому что торговля ихъ для этого слишкомъ ничтожна. Губернаторъ нашелъ ихъ представленія основательными, и разрѣшилъ ограничиваться однимъ фундаментомъ изъ бѣлыхъ плитъ, на аршинъ отъ земли; отложилъ также и вопросъ о каменныхъ лавкахъ. Екатерина и Сиверсъ, возобновляя города, потерпѣвшіе отъ пожаровъ, старались при этомъ какъ можно болѣе распространять каменныя постройки. Но исполненіе ихъ плана находило большія препятствія въ бѣдности городовъ и, по всей вѣроятности, еще не меньшія въ самыхъ привычкахъ жителей.

Въ Каргополѣ Сиверсъ оставилъ почтовую дорогу, и поплылъ по рѣкѣ Онегѣ къ ея устью. Онъ хотѣлъ взглянуть на вновь открытую тамъ гавань и на заведенія англичанина Гома, придворнаго петербургскаго банкира, получившаго привилегію на лѣсную торговлю.

Плаваніе по Онегѣ было безпокойно, по причинѣ мельничныхъ плотинъ и множества пороговъ. Изъ послѣднихъ самыми опасными считаются Бирючевскіе пороги. Теченіе рѣки между ними весьма извилистое и стремительное; дно ея усѣяно камнями, а берега высокіе, обрывистые и заросшіе лѣсомъ. Въ два часа Сиверсъ проплылъ 28 верстъ.

„Отъ Бирючева рѣка еще на 25 верстъ очень быстра; потомъ она идетъ безъ особенной быстрины до мѣста, называемаго Порожки. На половинѣ этой дороги я проѣхалъ мимо погоста Турчесова, гдѣ прежде былъ городокъ, отъ котораго осталась деревянная башня, если только разказъ о ней жителей справедливъ: почти невѣроятно, чтобъ она могла сохраниться со времени литовскаго разоренія, то-есть съ эпохи самозванцевъ. Я всходилъ на колокольню, и смѣло могу сказать, что окрестности очень красивы. Весною рѣка выходитъ изъ своихъ высокихъ береговъ и оплодотворяетъ луга; а отъ ихъ качества зависитъ и плодородіе полей, потому что безъ скотоводства и большаго удобренія поля, начиная отъ Каргополя, ничего бы не производили. Между тѣмъ, я долженъ сознаться, что нигдѣ почти не видалъ такихъ хорошихъ хлѣбовъ какъ вдоль Онеги; берега ея, за исключеніемъ части занятой Бирючевскими порогами и Порожками, почти всѣ обработаны, и деревни по самой наружности своей показываютъ достаточное со-

стояніе жителей. У многихъ крестьянъ я нашелъ бумажныя обои. Порожки не такъ опасны какъ Бирючевскіе пороги, однако суда много страдаютъ при неискусныхъ лоцманахъ. Это я испыталъ на себѣ, когда лоцманъ посадилъ насъ на камень, отчего сдѣлалась течь; лодка съ остальными моими людьми налетѣла на нашу, и опрокинулась, такъ что люди были спасены съ трудомъ.

„Не доѣзжая верстъ десять до Устьянскаго,—послѣднее поселеніе на Онегѣ, за пять верстъ отъ ея устья,—я почувствовалъ отливъ Бѣлаго моря. Такъ какъ было уже темно, а вода низка, то я былъ принужденъ дожидаться дня и вмѣстѣ прилива; а 15-го числа поплылъ далѣе и счастливо достигъ Онежской гавани. Я съ большимъ удовольствіемъ увидалъ три большіе трехъ-мачтовые корабля, только-что оснащенные; они выстроены здѣсь вмѣстѣ съ другими тремя, стоявшими уже на рейдѣ и нагружавшимися. На лѣвой рукѣ устроены стапели, а на правой лежитъ село Устьянское, обитатели котораго, конечно по собственной винѣ, живутъ бѣдно. * Подлѣ него находятся зданія Гомовой конторы; они представляютъ рядъ хорошихъ деревянныхъ домовъ. Къ нимъ примыкаетъ устроенный Гомомъ заводъ для приготовленія корабельныхъ снастей, состоящій подъ управленіемъ отличнаго англійскаго мастера. Этотъ заводъ можетъ изготовлять до 30.000 пудъ въ годъ. Половина матеріяла получается изъ Вологды. На другомъ берегу, позади стапелей, стоятъ двѣ Гомовы лѣсопильныя мельницы, каждая въ восемь рамъ; еще мельница въ четыре рамы находится выше на томъ же притокѣ. Доски выпиливаются не очень большія; сравнительно онѣ довольно дороги, и повидимому сдѣлаются еще дороже. Крестный островъ, гдѣ собственно находится гавань или рейдъ, и гдѣ грузятся корабли, лежитъ въ 10 верстахъ отъ Онежскаго устья и слѣдовательно въ 15 отъ будущаго города Онеги.“

Коммиссіонеръ Гома, Бокъ, проживавшій лѣтомъ на островѣ, при извѣстіи о прибытіи губернатора, немедленно явился къ нему, и они вмѣстѣ поплыли на рейдъ.

---

* По какой именно винѣ, губернаторъ не говоритъ. По всей вѣроятности, онъ подразумѣваетъ здѣсь пресловутую русскую безпечность. Изъ этого села Устьянскаго образовался потомъ городъ Онега.

Сиверсъ пріятно пораженъ былъ видомъ флота болѣе чѣмъ изъ 30 трехъ-мачтовыхъ кораблей. Самый островъ оказался живописною скалой, на которой расположенъ небольшой монастырь, окруженный еловою рощей; * подлѣ него виднѣлось нѣсколько домовъ и магазиновъ Гома. На одной сторонѣ острова находилась бухта, представлявшая хорошую якорную стоянку, защищенную съ моря цѣпью маленькихъ островковъ; она наполнялась водой только во время прилива, и была вообще дорогимъ подаркомъ для сосѣдняго края, потому что безъ нея невозможно было бы грузить корабли и сплавлять лѣсъ.

Губернаторъ ужиналъ въ обществѣ тридцати корабельныхъ капитановъ; они были по большей части Англичане, и съ удовольствіемъ видѣли въ немъ своего полуземляка (по его привязанности къ Англіи и знанію англійскаго языка). На слѣдующее утро онъ всходилъ на бортъ трехъ кораблей; потомъ воротился на островъ, и отсюда предпринялъ обратное плаваніе въ устье Онеги. Прибытіе и отъѣздъ губернатора корабли салютовали дюжиной пушечныхъ залповъ.

На другой день (17-го іюля), Сиверсъ еще разъ объѣхалъ верхомъ окрестности, чтобъ изслѣдовать мѣстность будущаго города. Съ наступленіемъ прилива онъ поднялся на семь верстъ вверхъ по рѣкѣ до вновь строющейся лѣсопильной мельницы, въ сопровожденіи всей англійской колоніи. Тутъ онъ пообѣдалъ, простился съ Англичанами, и поѣхалъ верхомъ до лодки, ожидавшей его за Порожками. „Я долженъ былъ проскакать 18 верстъ по дорогѣ, по которой никогда не проходило колесо. Время отъ времени долетавшій до меня рокотъ быстрины производилъ пріятное впечатлѣніе.“ Очевидно губернаторъ возвращался изъ своего далекаго путешествія въ хорошемъ настроеніи, которое навѣяли на него дикія красоты нашихъ сѣверныхъ пустынь и цвѣтущій видъ англійской колоніи Гома.

„19-го вечеромъ. Бирючево. Между тѣмъ какъ работники (тянувшіе лодку) отдыхали, я наслаждался зрѣлищемъ богатой природы; тутъ росли черная и красная смородина,

---

* Этотъ Крестный монастырь основанъ патріархомъ Никономъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ нѣкогда поставилъ крестъ послѣ своего спасенія отъ бури, застигшей его во время плаванія изъ Анзерскаго скита.

малина, дикія розы, отличная трава, красивыя березы и лиственница. Изъ послѣдняго дерева я вырѣзалъ себѣ трость; его запрещено рубить, потому что оно сохраняется адмиралтействомъ для кораблестроенія. Стволъ его очень высокъ, прямъ и толстъ, какъ ель, и имѣетъ такія же шишки, которыя зимой опадаютъ; оно цѣнится почти какъ дубъ. За 110 верстъ отъ Каргополя эта порода прекращается. Она растетъ на влажной, жирной почвѣ, пускаетъ глубокіе корни и посредствомъ сѣянія могла бы хорошо размножаться въ нашихъ странахъ.“ Остальную часть обратной дороги до Каргополя Сиверсъ проѣхалъ также отчасти въ лодкѣ, а отчасти верхомъ или на саняхъ; колеса въ томъ краю не употребляются, по причинѣ гористой почвы.

Въ Каргополѣ, какъ и въ первый пріѣздъ, онъ занятъ былъ преимущественно планомъ города. Въ письмѣ своемъ къ императрицѣ Сиверсъ замѣчаетъ, что знакомство съ мѣстностію, жителями и ихъ средствами подало ему поводъ произвести нѣкоторыя перемѣны въ одобренномъ ею планѣ, и онъ надѣется на подтвержденіе этихъ перемѣнъ, предпринятыхъ ради общественнаго блага. Онъ увѣренъ, что, благодаря щедрости императрицы, черезъ три года въ Каргополѣ не останется и слѣдовъ пожара, и сожалѣетъ только о томъ, что здѣсь, посреди лѣта, приходится потирать руки отъ холода и топить камины.

Изъ Каргополя путешественникъ проѣхалъ по озерамъ Лаче и Воже, посѣтилъ Бѣлозерскъ, Устюжну, и находился въ Боровичахъ въ то время, когда услыхалъ о пожарѣ въ Торжкѣ. Онъ тотчасъ поспѣшилъ на мѣсто бѣдствія, и нашелъ обгорѣлою всю середину города, то-есть лучшія улицы, съ ратушей и гостиными дворами. „Усердіе жителей, пишетъ онъ, слѣдовать желаніямъ Вашего Величества въ планѣ новыхъ построекъ усугубило мою горесть, возбужденную видомъ дымящихся развалинъ. Какъ скоро планъ будетъ готовъ, я представлю его на утвержденіе сената, и нисколько не сомнѣваюсь въ щедромъ вспоможеніи отъ моей монархини. Этотъ городъ тѣмъ болѣе достоинъ такой милости, что я нашелъ въ немъ предпочтительно передъ другими духъ порядка, согласія и промышленности. Въ хорошіе годы онъ посылаетъ до 200 барокъ въ Петербургъ.“

Замѣчательно здѣсь, по нашему мнѣнію, то обстоятельство, что послѣ большихъ пожаровъ одинъ изъ лучшихъ государ-

ственныхъ людей своего времени хлопочетъ только о планѣ новыхъ построекъ и о вспоможеніи для нихъ изъ казны. Мы не видимъ, чтобъ его занимали вопросы о причинахъ столь частыхъ пожаровъ, то-есть были ли они постоянно слѣдствіемъ неосторожности и несчастныхъ случайностей, или дѣло не обходилось безъ поджоговъ; а въ такомъ случаѣ, кто были поджигатели и какія побужденія руководили ими? Второе обстоятельство, бросающееся въ глаза,—это преобладающая забота о столицѣ и опасеніе, чтобы, воздвигнутая въ отдаленномъ пустынномъ краѣ, она не очутилась въ затруднительномъ положеніи. Провинціи оцѣниваются прежде всего по отношенію къ Петербургу, то-есть по скольку онѣ доставляютъ ему хлѣба и другихъ необходимыхъ матеріяловъ. Этой заботѣ, какъ извѣстно, мы обязаны нашею системой каналовъ.

Проѣзжая Валдай, Сиверсъ полюбовался красивымъ положеніемъ будущаго города, а Вышній Волочокъ, конечно, занялъ его какъ узелъ водянаго сообщенія Балтійскаго моря съ Каспійскимъ.

Въ концѣ августа того же года мы находимъ губернатора въ Твери. Онъ восхищается новыми зданіями, которыя возникли послѣ большаго пожара, бывшаго предъ тѣмъ года за три. Сиверсъ пишетъ императрицѣ, что къ нимъ остается прибавить еще зданія школъ и академій, такъ какъ нѣжныя попеченія о воспитаніи составляютъ наибольшую славу ея царствованія. Подъ ея благословеннымъ правленіемъ будутъ образовываться и совершенствоваться въ Россіи ученые и государственные мужи, полководцы и художники; только гражданинъ остается еще безъ образованія и безъ надежды его достигнуть. Какъ было бы хорошо, еслибы Тверь, сдѣлавшаяся уже образцовымъ городомъ по своей постройкѣ, получила бы и зданіе гражданскаго училища, первое въ этомъ необъятномъ государствѣ! Такой памятникъ говорилъ бы отдаленнѣйшему потомству громче нарядныхъ монументовъ! А въ Каргополѣ можно воздвигнуть каменную колонну, которая, подобно Трояновой колоннѣ, „спустя 2.000 лѣтъ будетъ возвѣщать потомкамъ, что Екатерина II царствовала человѣколюбиво и славно отъ Балтійскаго моря до предѣловъ Китая, и что городъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые она подняла изъ пепла. Скромность моей государыни да проститъ мнѣ это отступленіе.“ Сиверсъ не-

рѣдко увлекается подобными отступленіями, но къ чести его надобно прибавить, что онъ прибѣгаетъ къ деѳирамбамъ особенно тогда, когда ищетъ покровительства императрицы для достиженія какой-либо общеполезной цѣли.

Изъ Твери Сиверсъ отправляется опять въ Торжокъ и Вышній Волочокъ. „Оттуда, пишетъ онъ, я поплыву внизъ по Мстѣ, и утомленный продолжительнымъ путешествіемъ по столь многимъ и разнообразнымъ краямъ, постараюсь достигнуть вашихъ петербургскихъ галлерей, чтобы представить вамъ отчетъ.“

Въ Петербургѣ онъ остался большую часть зимы, и конечно, волею-неволею, принималъ участіе въ удовольствіяхъ столицы, гдѣ въ то время праздники слѣдовали за праздниками. Роскошью и разнообразіемъ ихъ Екатерина старалась возвысить блескъ своего двора. Праздники, впрочемъ, не мѣшали обычному теченію дѣлъ и составленію преобразовательныхъ плановъ, которыми такъ богата первая половина Екатерининскаго царствованія. Въ эту зиму императрица по преимуществу была занята задуманнымъ ею созваніемъ законодательной коммиссіи. На аудіенціяхъ, данныхъ новгородскому губернатору, предметъ этотъ, по всей вѣроятности, служилъ главною темой для бесѣды. Блумъ усиливается доказать, что и самая мысль о законодательной коммиссіи явилась не безъ участія Сиверса: она была въ связи съ его стремленіями облегчить участь земледѣльческаго класса и ослабить гнетъ крѣпостнаго права и бюрократіи, главнымъ представителемъ которыхъ онъ считалъ сенатъ. Къ послѣднему губернаторъ питалъ очевидное нерасположеніе, такъ какъ въ своихъ административныхъ начинаніяхъ по большей части встрѣчалъ непреоборимую преграду въ медленности сенатскихъ рѣшеній. Насколько Сиверсъ участвовалъ въ самомъ планѣ законодательной коммиссіи, по недостатку данныхъ, рѣшить трудно. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что онъ относится къ этому предпріятію съ большимъ сочувствіемъ.

Въ февралѣ 1767 г. Екатерина предприняла путешествіе въ Москву. Новгородскій губернаторъ поспѣшилъ въ Тверь, и встрѣтилъ здѣсь императрицу при ея проѣздѣ. Выборы тверскихъ депутатовъ въ коммиссію, по донесенію Сиверса, были встрѣчены общею радостію. „Нашлось только одно благородное или скорѣе неблагородное существо, которое дало

отвѣтъ, что въ силу именнаго указа (Петра III) оно свободно отъ всякой службы. Надъ нимъ много смѣялись." Изъ Твери Сиверсъ переѣхалъ въ Торжокъ, гдѣ ожидали его дворяне, собравшіеся для той же цѣли. Затѣмъ послѣдовали выборы въ самомъ Новгородѣ. * Здѣсь новая мѣра была встрѣчена дворянствомъ съ такимъ энтузіазмомъ, что рѣшено построить тріумфальную арку въ честь Екатерины-законодательницы. Сиверсъ передалъ императрицѣ просьбу дворянъ о позволеніи поставить этотъ монументъ, и уже сочинилъ въ общихъ чертахъ его планъ. Онъ долженъ возвышаться въ Новгородскомъ Кремлѣ противъ большаго Волховскаго моста, чтобы быть на виду у всѣхъ, проѣзжающихъ сухимъ путемъ или водою. Сиверсъ болѣе всего заботится о прочности монумента и сохраненіи имени Екатерины; поэтому предлагаетъ поставить массивную каменную арку, не обременяя ее излишними украшеніями; а въ примѣръ не забываетъ привести римскіе памятники, изъ которыхъ наиболѣе украшенные наименѣе сохранились до нашего времени.

При проѣздѣ черезъ Тверь императрица, конечно не безъ участія губернатора, оказала городу милость: позволила жителямъ строить каменные дома въ меньшихъ размѣрахъ противъ утвержденнаго плана; такъ какъ при тѣхъ размѣрахъ, которые были назначены въ этомъ планѣ, улицы обстраивались очень медленно. Весною, когда Екатерина опять посѣтила Тверь, предпринимая свое извѣстное путешествіе въ Казань, она разрѣшила выдать заимообразно 50.000 рублей на вспоможеніе погорѣвшему Торжку. Тогда до сорока торжковскихъ гражданъ изъявили желаніе начать постройку каменныхъ домовъ, и 17-го мая Сиверсъ съ торжественнымъ молебствіемъ заложилъ здѣсь первый камень того дома, который долженъ былъ послужить образцомъ для другихъ. Губернаторъ наблюдалъ при этомъ, чтобы новыя улицы были шире прежнихъ и вытягивались „по шнурку."

Лѣтомъ 1767 года Сиверсъ предпринялъ второе большое путешествіе въ юго-западную половину своей губерніи.

Предварительно онъ сдѣлалъ поѣздку въ Эстляндію, и тамъ

* По его представленію императрица разрѣшила въ Новгородской губерніи производить выборы депутатовъ не съ уѣздовъ, а съ пятинъ. (П. С. З. 12.819).

провелъ нѣсколько дней въ помѣстьѣ дяди, подлѣ своей кузины и невѣсты, Елизаветы Сиверсъ. (Старый оберъ-гофмаршалъ въ началѣ этого года оставилъ службу и удалился отъ двора.) Отсюда Яковъ отправился въ Ригу для заказа водки, въ которой открылся недостатокъ по его губерніи потомъ проѣхалъ въ родной Бауенхофъ, чтобы повидаться съ отцомъ, и затѣмъ уже продолжалъ обозрѣніе своей губерніи.

Первый городокъ, встрѣтившійся при переѣздѣ изъ Лифляндіи въ Псковскую провинцію, былъ Печоры, извѣстный только по монастырю и тремъ ярмаркамъ. Сиверсъ называетъ его „жалкимъ." „Монастырь разрушается; часть галлерей, ископанныхъ въ песчаныхъ холмахъ, уже обвалилась; но остается еще довольно мѣста, чтобы выманивать деньги у простодушія и суевѣрія для погребенія въ такъ-называемыхъ Святыхъ мѣстахъ." Далѣе онъ миновалъ Изборскія развалины. Стѣны и башни древняго замка мѣстами обвалились. Во внѣшней стѣнѣ былъ еще виденъ рядъ печей, въ которыхъ во времена непріятельскаго нашествія пекли хлѣбъ жители, собиравшіеся сюда изъ окрестныхъ селеній. Въ замкѣ жили еще пять священнослужителей, очень бѣдныхъ, потому что число ихъ прихожанъ состояло едва изъ 20 крестьянскихъ семей. Отъ Изборска дорога идетъ холмами до одного возвышеннаго пункта, съ котораго за 30 слишкомъ верстъ открывается все зданіе Псковскаго собора. Отсюда до Пскова путешественникъ ѣхалъ посреди плодоносныхъ полей.

Около этого времени Сиверсъ былъ обрадованъ слѣдующимъ письмомъ императрицы:

„Господинъ Новгородскій губернаторъ!

„Я получила ваши оба письма. Въ одномъ вы увѣдомляете, что граждане Торжка хотя и не очень спѣшатъ постройками, однако уже взяли 40 нумеровъ. Читая это извѣстіе, я сказала про себя: вотъ ужь почти половина Нарвы (въ которой было до 100 каменныхъ домовъ); остальное придетъ современемъ. Второе ваше письмо сообщаетъ, что жатва будетъ обильная; это меня очень радуетъ. Со времени моего отъѣзда изъ Ярославля въ Москву сухимъ путемъ, я нигдѣ не находила недостатка въ хлѣбѣ; есть деревни, въ которыхъ собраны запасы на два и на три года, и настоящій

урожай вездѣ хорошъ. Желаю вамъ во время вашего долгаго путешествія найдти много отрадныхъ вещей и изобиліе водки, за которою вы ѣдете въ Лифляндію; желаю также найдти легко исполнимымъ извѣстный вамъ Кутузовскій проектъ (водяныхъ) сообщеній, но прежде всего здоровья и спокойствія. Смотрите, не забудьте жениться. Москва 1 іюля 1767.

„Екатерина."

Въ отвѣтѣ своемъ губернаторъ говоритъ, что „такія письма и лѣнивому даютъ крылья," и продолжаетъ описывать свои путевыя впечатлѣнія. Онъ осмотрѣлъ Псковъ; полюбовался изъ кремля красивымъ видомъ на городъ и окрестности; взглянулъ на гробницу и мечъ князя Всеволода-Гавріила, хранящіеся въ Троицкомъ соборѣ, и посѣтилъ семинарію, имѣвшую до 120 воспитанниковъ. Онъ упоминаетъ еще о прекрасномъ зданіи въ восемь комнатъ, которое комендатъ, генералъ-майоръ фонъ-Хиршгеймъ, построилъ для школы, гдѣ завелъ хорошіе порядки. Къ сожалѣнію, никакихъ подробностей объ этихъ порядкахъ мы не находимъ. Вообще Сиверсъ хвалитъ мѣстоположеніе Пскова посреди большой равнины, на берегу прекрасной рѣки въ 10 верстахъ отъ озера. Но внутреннее состояніе этого славнаго въ древности города, увы, подобно Новгороду, представляло только упадокъ и разрушеніе. Число гражданъ уменьшалось съ каждою новою ревизіей, и по послѣдней простиралось только до 450. А между тѣмъ край славился своимъ отличнымъ льномъ, который могъ бы сдѣлаться неисчерпаемымъ источникомъ выгодной промышленности. „Очевидно, замѣчаетъ дневникъ, существуютъ физическія, политическія и моральныя причины такого упадка." Но въ изысканіе этихъ причинъ онъ не вдается.

1 августа, путешественникъ оставилъ Псковъ и направился къ югу, параллельно съ рѣкою Великой. Дорогой онъ останавливался у майора Назимова и осматривалъ его сельско-хозяйственныя заведенія, устроенныя отчасти на лифляндскій образецъ. Майоръ имѣлъ до десяти ткацкихъ станковъ, которые работали прекрасную холстину; ленъ его слылъ за лучшій въ цѣломъ краѣ и отличался своею вышиной (аршинъ шесть вершковъ).

На слѣдующій день путешественникъ прибылъ въ Островъ. Около этого города виднѣлись остатки валовъ, кото-

рые тянулись на многія версты; они служили прежде защитою противъ литовскихъ набѣговъ. Слѣды старыхъ литовскихъ разореній губернаторъ находитъ почти во всѣхъ городахъ Псковской провинціи, и простодушно считаетъ ихъ одною изъ главныхъ причинъ настоящей бѣдности! Островъ онъ изображаетъ очень несчастнымъ городомъ: его старый замокъ теперь только груда мусора; соборъ похожъ на часовню, а канцелярія и домъ воеводы представляютъ какія-то полуразвалившіяся хижины. Въ городѣ 120 гражданъ и столько же разночинцевъ, всего 150 домовъ. Однако есть значительные купцы, которые ведутъ торговлю льномъ и пенькой, доставляютъ ихъ въ Нарвскую гавань и пользуются тамъ кредитомъ. Въ канцеляріи не нашлось ни однаго гражданскаго процесса, никакихъ недоимокъ, и очень мало денегъ, потому что по полученіи онѣ немедленно отправляются въ Псковъ. Арестантовъ, ожидавшихъ рѣшенія при канцеляріи, оказалось трое. Уѣздный воевода не задолго умеръ. Магистратъ помѣщался подъ соломенною кровлей. Въ городѣ не было ни рынка, ни лавокъ. Сиверсъ назначилъ для нихъ мѣсто, и велѣлъ открыть воскресные базары. У жителей нѣтъ ни полей, ни луговъ. Многіе изъ нихъ нанимаютъ сосѣднія помѣщичьи или экономическія земли.

Губернаторъ дорожилъ временемъ, и спѣшилъ все осмотрѣть въ Островѣ въ тотъ же вечеръ, чтобы на другой день ѣхать далѣе; но простудился, и долженъ былъ остаться здѣсь цѣлые восемь дней. Часть этого времени онъ прогостилъ у генерала Валуева, котораго помѣстье лежало въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ города.

10 числа Сиверсъ распростился съ Валуевымъ и поѣхалъ далѣе на югъ, вдоль рѣки Великой. Въ семи верстахъ отъ Острова онъ завернулъ къ богатому помѣщику Тимашеву, извѣстному ростовщику, который нажился, ссужая островскихъ обитателей по 12 и 15 процентовъ; при этомъ онъ отличался большою набожностью, и выстроилъ на свой счетъ прекрасную каменную церковь.

Опочку Сиверсъ нашелъ лучше Острова; но замѣчаетъ, что напрасно старались сдѣлать изъ нея крѣпость, чему мѣстоположеніе совсѣмъ не благопріятствуетъ, ибо надъ нею господствуютъ сосѣдніе холмы. Здѣсь кончались тогда русскія владѣнія. Изъ Опочки Сиверсъ направился къ юго-востоку, вдоль польской границы, и доѣхалъ до Великихъ

Лукъ, которыя, въ качествѣ пограничнаго города, также имѣли крѣпость. „Благодаря этой крѣпости и хорошо выбѣленнымъ церквамъ, Великія Луки выглядываютъ очень недурно.“ Отсюда онъ хотѣлъ продолжать путь на Торопецъ, но потомъ передумалъ, и отправился внизъ по теченію Ловати. Водяныя сообщенія и доставка по нимъ областныхъ продуктовъ въ Петербургъ, какъ мы знаемъ, болѣе всего занимали губернатора во время его путешествія. Вмѣстѣ съ дорожными впечатлѣніями онъ не упускаетъ случая время отъ времени сказать императрицѣ нѣсколько словъ и о московской законодательной коммиссіи. „Извѣстіе о ея открытіи, пишетъ онъ, было праздникомъ для вашихъ вѣрныхъ подданныхъ здѣшней провинціи, которые не всѣ сутяги, однако бо́льшая часть. Долженъ ли я признаться моей монархинѣ? Съ тѣхъ поръ, какъ ожидаю новыхъ законовъ, болѣе мягкихъ, болѣе соотвѣтствующихъ гуманности и просвѣщенному вѣку Вашего Величества, рука моя дрожитъ теперь при подписаніи приговоровъ сильнѣе чѣмъ прежде.“

Сиверсъ проплылъ по Ловати до Холма и добросовѣстно изслѣдовалъ ея теченіе. По ней каждую весну отправлялось въ Петербургъ до 200 барокъ, полубарокъ и полуводовиковъ съ кожами, овсомъ и сѣномъ; а еслибъ очистить русло, то навѣрно отправлялось бы болѣе. Ближе къ Холму берега рѣки становятся очень высоки и обрывисты. Сиверсъ всходилъ на возвышенность, на которой былъ построенъ старый за̀мокъ; но отъ него оставался только валъ, образующій четырехъ-угольникъ. Въ мѣстечкѣ Холмъ, лежащемъ при впаденіи Куньи въ Ловать, считалось до 700 обывателей, но на лицо оказалось гораздо меньше; изъ нихъ нашелся только одинъ умѣвшій писать. Они занимались земледѣліемъ, разсѣянные по пятнадцати окрестнымъ деревнямъ, или отправлялись зарабатывать хлѣбъ на баркахъ и другихъ подобныхъ промыслахъ. Тутъ не было ни ремесленниковъ, ни чиновниковъ. А между тѣмъ положеніе превосходное и очень выгодное для торговли, такъ какъ отсюда шло прямое водяное сообщеніе съ Старою Русой, Новгородомъ и Петербургомъ. Причины упадка и печальнаго состоянія жителей Сиверсъ, по своему обыкновенію, не ищетъ въ болѣе близкой къ нему исторіи, а объясняетъ ихъ отчасти старинными литовскими опустошеніями и междуусобными войнами, отчасти же собственною безпечностью жителей; сюда „можетъ-

быть присоединяется и недостатокъ поощренія.“ Онъ предлагаетъ обратить обывателей въ горожанъ, отдѣливъ отъ нихъ коренныхъ земледѣльцевъ. Школа, прядильная фабрика и нѣсколько привилегій могли бы, по его мнѣнію, значительно оживить будущій городъ. Любопытна замѣтка путешественника о томъ, что онъ нашелъ здѣсь цѣлые магазины наворованной соли.

Изъ Холма губернаторъ направился сухимъ путемъ на югъ, въ Торопецъ. Почва этой мѣстности, образующая водораздѣлъ между Ловатью и Западною Двиной, мало обработана и очень холмиста; дорога весьма плоха, а помѣщики нисколько не заботятся о ея поддержкѣ, что „ясно указываетъ на ихъ малую общительность.“ За четырнадцать верстъ отъ Торопца губернаторъ ночевалъ въ имѣніи майора Лопухина, гдѣ встрѣтили его воевода съ магистратомъ и значительными гражданами.

Торопецъ, по словамъ путешественника, „безъ сомнѣнія, богатѣйшій городъ Новгородской губерніи.“ Онъ занимаетъ прекрасное положеніе на берегу озера, черезъ которое протекаетъ рѣка Торопа, впадающая въ Западную Двину. Городъ построенъ очень хорошо, имѣетъ много красивыхъ каменныхъ домовъ, и въ этомъ отношеніи уступаетъ только Твери, благодаря попеченіямъ о ней императрицы. Отъ Торопца идетъ прямое водяное сообщеніе съ Ригой, и его заграничная торговля довольно значительна, впрочемъ съ примѣсью контрабанды. Отсюда Сиверсъ проѣхалъ на Старую Русу, въ которой соляное дѣло „подвигалось очень медленно впередъ, несмотря на его старанія.“ Онъ завернулъ не надолго въ свою резиденцію, Новгородъ, и былъ пріятно пораженъ появленіемъ въ немъ двухъ новыхъ каменныхъ домовъ. Изъ Новгорода губернаторъ снова отправился на югъ, и на этотъ разъ спеціяльно для изслѣдованія предполагаемаго соединенія озера Ильменя съ верховьями Волги. Съ планомъ Кутузова въ рукахъ, онъ поднялся вверхъ по рѣкѣ Полѣ, проѣхалъ озеро Селигеръ, и поплылъ внизъ по Волгѣ. Онъ нашелъ, что осуществленіе Кутузовскаго плана возможно, но требуетъ слишкомъ много денегъ на шлюзы. Въ эту поѣздку путешественникъ посѣтилъ село Осташково, которое очень понравилось ему превосходнымъ мѣстоположеніемъ и промышленнымъ духомъ жителей. „Одинъ

почеркъ высочайшаго пера сдѣлаетъ изъ него вскорѣ значительный городъ.“

28 сентября Сиверсъ достигъ Зубцова, у котораго Волга дѣлаетъ поворотъ съ востока на сѣверъ, принявъ рѣку Вазузу; послѣдняя, съ своимъ притокомъ Гжатью, доставляетъ сюда произведенія Украйны. Городъ вообще расположенъ очень выгодно для торговли; но мало ею пользуется. Бѣдность его объясняется все тѣми же причинами, то-есть собственною апатіей и старыми литовскими опустошеніями, до которыхъ, по преданію, онъ имѣлъ 72 церкви. Если немного помочь жителямъ деньгами и дать имъ клочокъ земли, которую у нихъ отняли казенные крестьяне, то нагрузка судовъ съѣстными припасами (для Петербурга) пойдетъ живѣе, и городъ легко достигнетъ прежняго своего благосостоянія.

29-го Сиверсъ поѣхалъ вдоль береговъ Вазузы, чтобъ осмотрѣть ея теченіе. Онъ нашелъ его довольно быстрымъ, однако безъ значительныхъ пороговъ. Берега холмисты, но хорошо обработаны, и часто встрѣчались помѣщичьи домики; губернаторъ обѣдалъ у майора Кудрявцева, а ночевалъ у помѣщика Чашникова. На слѣдующій день онъ достигъ устья рѣки Гжати. Здѣсь была граница Зубцовскаго уѣзда, слѣдовательно кончалась губернія Сиверса. Но интересъ къ водянымъ сообщеніямъ увлекъ его далѣе, именно въ Вяземскій уѣздъ (Смолен. губ.). Онъ оставилъ Вазузу, и пустился параллельно съ берегомъ Гжати; тутъ мѣстность была ровнѣе, открытѣе, лучше обработана и гуще населена чѣмъ предыдущая. Съ вершины нѣкоторыхъ холмовъ путешественникъ съ удовольствіемъ насчитывалъ на горизонтѣ до двадцати деревень.

1-го октября Сиверсъ миновалъ село Пречистое, расположенное въ пятнадцати верстахъ отъ Гжатской пристани. Отсюда до самой пристани тянулись по берегу длинные ряды амбаровъ и сараевъ; въ нихъ складывались разныя туземныя произведенія, которыя купцы привозили сухимъ путемъ изъ сосѣднихъ краевъ для нагрузки на барки, а именно: пенька, тульское желѣзо, украинскій медъ и пр. Вообще путешественникъ съ похвалою отзывается о промышленномъ духѣ и смѣтливости мѣстныхъ купцовъ. Гжатская пристань расположена по обоимъ берегамъ рѣки и имѣетъ до 300 домовъ; изъ нихъ нѣсколько каменныхъ; но селеніе

лежитъ чуть не на болотѣ, „потому что никто не понуждаетъ жителей провести хотя маленькую канавку для стока воды.“

Любопытство Сиверса все еще не было вполнѣ удовлетворено. Онъ проѣхалъ далѣе Гжатской пристани, и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ источниковъ Гжати и холмовъ, которые служатъ для нея водораздѣломъ отъ рѣки Угры. Въ донесеніи императрицѣ онъ проситъ извиненія, что заѣхалъ въ чужой уѣздъ; при чемъ не упускаетъ случая немного помечтать о томъ, какъ современемъ, когда устранятся нѣкоторыя препятствія, по этому пути потянутся на сѣверъ съ юга, изъ Украйны и сосѣднихъ земель, шелкъ и вино на многіе милліоны!

Отсюда Сиверсъ воротился назадъ, и тѣмъ закончилъ обзоръ своей губерніи, сдѣлавъ 9.000 верстъ въ сѣверной ея половинѣ и около 7.000 въ южной.

Послѣдняя часть его путешествія совершалась подъ благопріятными впечатлѣніями: изъ Москвы приходили извѣстія о торжественныхъ засѣданіяхъ законодательной коммиссіи, и Сиверсъ заранѣе восхищался ея результатами. Извѣстный *Наказъ* Екатерины, конечно, вызвалъ восторженныя похвалы у новгородскаго губернатора. „Отъ господина Кузьмина, пишетъ онъ, я получилъ эту книгу, которую будущіе вѣка назовутъ золотою буллой Россіи. Пусть тѣ счастливые смертные, которымъ Ваше Величество поручили это доброе дѣло и сообщили Ваши воззрѣнія на благо человѣчества, пусть они покажутъ себя достойными такого прекраснаго подвига.“ Не одна Россія, но цѣлая Европа съ любопытствомъ слѣдила тогда за намѣреніемъ Екатерины создать новое законодательство, съ помощію всѣхъ сословій и всѣхъ племенъ, населявшихъ Россію. Краснорѣчивый *Наказъ* былъ переведенъ на многіе языки. Сиверсъ въ послѣдствіи такъ писалъ объ этомъ предпріятіи: „Собраніе работало съ жаромъ и очевиднымъ успѣхомъ; но въ плохомъ помѣщеніи и безъ надлежащаго поощренія. Императрица уступила разнымъ домогательствамъ и интригамъ старыхъ и знатныхъ чиновниковъ. Послѣдніе говорили о членахъ коммиссіи: „пожалуй, эти господа пошлютъ насъ въ школу.“ Князю Вяземскому, и безъ того обремененному занятіями въ качествѣ генералъ-прокурора и министра финансовъ, поручено было соглашеніе коммиссіонныхъ работъ и составленіе новаго законодательнаго свода. Онъ, съ своей

стороны, поручилъ это дѣло нѣсколькимъ опытнымъ секретарямъ, которые отлично знали на память старые законы, но не имѣли никакого понятія ни о Римскомъ правѣ, ни о правѣ современныхъ цивилизованныхъ народовъ; а во главѣ ихъ поставленъ былъ Нѣмецъ, искатель приключеній, который совсѣмъ не зналъ русскаго языка.“

Въ началѣ зимы мы застаемъ Якова Ефимовича, уже женатаго, въ Москвѣ, куда онъ отправился, конечно, по желанію императрицы, чтобы лично отдать ей отчетъ въ своемъ путешествіи. Здѣсь онъ принялся хлопотать о совершенномъ уничтоженіи пытокъ, которыя въ первой инстанціи были уже отмѣнены Екатериной. Большое количество арестантовъ, ожидавшихъ пристрастныхъ допросовъ, лежало тяжелымъ бременемъ на сердцѣ благодушнаго губернатора. Сиверсъ зналъ какія препятствія полагались для этой реформы со стороны закоренѣлаго чиновничества, и потому пользовался всякимъ случаемъ расположить императрицу къ окончательной отмѣнѣ пытки. Въ числѣ процессовъ, подлежавшихъ пристрастнымъ допросамъ, у него нашлось нѣчто похожее на одно старое дѣло, рѣшенное при отцѣ Григорія Орлова. (Отецъ его занималъ мѣсто новгородскаго губернатора во времена Елизаветы). Въ протоколѣ записано было, что судьи и прокуроръ опредѣлили произвести пытку, но губернаторъ отвергнулъ ее. Сиверсъ разказалъ этотъ случай императрицѣ и Григорію Орлову. Оба они были тронуты; Орловъ даже обнялъ Сиверса со слезами на глазахъ, и съ тѣхъ поръ постоянно находился съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Но все чего послѣдній могъ добиться, была тайная инструкція губернаторамъ: въ уголовныхъ дѣлахъ, требующихъ по законамъ пытки, сообразоваться съ IX главой *Наказа*, которая признавала пытку безполезною. Екатерина написала эту инструкцію въ присутствіи Якова Ефимовича, и онъ на колѣнахъ принялъ бумагу еще съ незасохшими чернилами. Узнавъ о томъ, нѣкоторые сенаторы и придворные, если вѣрить Сиверсу, замѣтили, что теперь никто, ложась спать, не можетъ до утра ручаться за свою жизнь. Несмотря на свой секретный характеръ, инструкція скоро сдѣлалась почти всѣмъ извѣстною, и вызвала общую радость.

IV. Перемѣны въ политикѣ.—Извѣстія изъ столицы.—Карантины.

Въ январѣ 1768 года Екатерина оставила Москву, не совсѣмъ довольная результатами своей поѣздки и въ особенности духомъ оппозиціи, который она встрѣтила въ московскихъ жителяхъ. Немного времени спустя, мы видимъ уже явную перемѣну въ настроеніи нашего губернатора: отъ своихъ многочисленныхъ плановъ и свѣтлыхъ надеждъ онъ довольно быстро переходитъ къ разочарованію и жалобамъ на внѣшнія, неодолимыя преграды для его дѣятельности. Главное мѣсто между этими преградами занималъ сенатъ, который представлялъ собою центръ тяжести въ государственномъ механизмѣ: къ нему со всѣхъ сторонъ стекались просьбы, донесенія и проекты, административные, судебные и хозяйственные; но здѣсь нерѣдко и прекращалось ихъ дальнѣйшее движеніе. Въ мартѣ Сиверсъ доноситъ императрицѣ о своемъ затруднительномъ положеніи: ему нуженъ еще одинъ членъ для его канцеляріи, особый секретарь и нѣсколько писцовъ, и онъ безпокоитъ этимъ дѣломъ прямо императрицу, потому что „безполезно было бы обращаться опять къ сенату, куда онъ уже много разъ о томъ писалъ.“ Между тѣмъ дѣла едва подвигаются впередъ, или рѣшаются наскоро безъ надлежащаго разсмотрѣнія. „Уже идетъ четвертый годъ моего управленія, говоритъ онъ, а я еще никогда не имѣлъ удовольствія при концѣ своего рабочаго дня сказать самому себѣ: „смотри, вотъ твои работы совершенно окончены;“ напротивъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе растутъ передо мною бумаги.“

Другимъ предметомъ жалобы въ томъ же письмѣ являются собственныя финансовыя обстоятельства Сиверса. Губернаторское жалованье составляло 2.500 руб.; кромѣ того, ему ассигнована была 1000 руб. изъ коростинскихъ доходовъ. Но путешествія по губерніи запутали губернатора въ долги. Интересно его откровенное сознаніе въ томъ, что онъ могъ бы легко обогатиться, если бы захотѣлъ. „Одно вино могло бы доставить мнѣ на покупку 20 гаковъ земли. Я отвергъ это средство, и кредитъ мой теперь истощается.“ Далѣе встрѣча-

емъ признаніе, бросающее не совсѣмъ романтическій свѣтъ на его недавнюю женитьбу. „Не имѣя особыхъ корыстныхъ цѣлей, я однако надѣялся найдти въ женитьбѣ новые источники существованія. Но совершенное разстройство дѣлъ моего тестя слишкомъ поздно вывело меня изъ заблужденія. Мнѣ не остается иного прибѣжища, какъ упасть къ стопамъ Вашего Величества, открывъ мое настоящее положеніе. Соблаговолите, Ваше Величество, назначить другую тысячу изъ коростинскихъ доходовъ.“ Не извѣстно, что̀ отвѣчала на это императрица.

При дворѣ, очевидно, уже подулъ другой вѣтеръ. Польскія дѣла начинаютъ увлекать Екатерину во внѣшнюю политику; вниманіе къ начатымъ внутреннимъ вопросамъ замѣтно слабѣетъ. Императрица еще занимается планомъ полицейскихъ, губернскихъ и судебныхъ учрежденій; иногда много работаетъ надъ ними вмѣстѣ съ Сиверсомъ, но уже не съ такимъ одушевленіемъ какъ въ первые годы, а главное, не приходитъ ни къ какимъ рѣшеніямъ. Напрасно Сиверсъ опять возстаетъ противъ сената, который отвѣчаетъ молчаніемъ на его представленія о новомъ раздѣленіи губерніи, объ открытіи новыхъ городовъ, о необходимыхъ мѣрахъ для путей сообщенія. Такъ, его предложеніе объ усиленіи воды въ Тверцѣ и Мстѣ осталось безъ вниманія, и вслѣдствіе того, слѣдующею осенью до двухъ сотъ барокъ застряло въ порогахъ. Та же участь постигла его предложенія о городскихъ школахъ, о губернскомъ банкѣ и пр.

Конецъ 1768 года былъ ознаменованъ важнымъ правительственнымъ актомъ—учрежденіемъ ассигнаціоннаго банка. Сиверсъ, по его собственнымъ словамъ, былъ главнымъ виновникомъ этого учрежденія. На мысль о банкѣ навело его огромное количество мѣдной монеты; подати, оброки, регаліи уплачивались преимущественно мѣдью, и эти груды мѣди въ извѣстные сроки доставлялись въ Новгородъ цѣлыми транспортами, иногда за 800 или 900 верстъ; такая доставка стоила много времени, большихъ издержекъ и всякаго рода неудобствъ, при нашихъ первобытныхъ путяхъ сообщенія. Сиверсъ вспомнилъ о датскихъ и англійскихъ вексельныхъ банкахъ, съ которыми познакомился во время своей дипломатической службы за границей. Онъ предложилъ императрицѣ основать подобное учрежденіе въ Россіи, оградивъ его необходимыми мѣрами предосторожности. Мысль ей понравилась; но князь

Вяземскій, графъ Панинъ, князь Голицынъ и другіе министры нашли затрудненія, и потому прошелъ годъ въ обсужденіи и спорахъ. Наконецъ, Екатерина рѣшилась. Но оказался недостатокъ въ хорошей бумагѣ для билетовъ; во дворцѣ собрали старыя скатерти и салфетки и отдали для выдѣлки бумаги на Красносельскую фабрику графа Карла, то-есть дяди нашего губернатора. Послѣдній сочинилъ штемпель, и для возбужденія бо́льшаго довѣрія, предложилъ, чтобы на билетахъ подписались четыре сенатора. Пока дѣло было окончено, прошелъ еще годъ. 29 декабря 1768 года изданъ манифестъ о двухъ вексельныхъ банкахъ, Московскомъ и Петербургскомъ. По смыслу манифеста банки выпустили на 1.000.000 рублей безпроцентныхъ векселей, пріемъ которыхъ не былъ обязателенъ; постоянный исправный размѣнъ ихъ обезпечивался императорскимъ словомъ. Сиверсъ взялся начать обращеніе билетовъ съ своей губерніи, и успѣхъ превзошелъ ожиданія. *

„Немного лѣтъ спустя, разказываетъ онъ, въ банкахъ было сложено на 24 милліона мѣди; на такую же сумму находилось въ обращеніи билетовъ, и они стояли пари съ серебромъ до 1781 года, когда я оставилъ службу. Но скоро возникли несогласія между начальникомъ банка, графомъ Шуваловымъ, и княземъ Вяземскимъ. Убѣдили императрицу учредить банкъ на 20 лѣтъ и заразъ выпустить билетовъ на 34 милліона безъ всякаго фонда, а только съ обѣщаніемъ брать ихъ для казенныхъ платежей. Наставшія войны скоро принудили взять милліоны, служившіе первоначальнымъ фондомъ.“

Между тѣмъ главныя заботы Екатерины обратились на отношенія польскія и на войну съ Турціей. Въ иностранной исторической литературѣ очень распространено мнѣніе (которое отразилось и въ книгѣ Блума), что война была нужна Екатеринѣ по ея личнымъ обстоятельствамъ, и что диссидентскій вопросъ въ Польшѣ послужилъ ей только благовиднымъ предлогомъ. Около этого времени расшевелились многія страсти, что̀ доказываютъ многочисленные заговоры въ первые годы Екатерининскаго царствованія; реформаціонныя по-

---

* Интересно слѣдить по послѣдующимъ указамъ, какъ количество этихъ билетовъ постепенно растетъ, и какъ они мало-по-малу принимаютъ характеръ бумажныхъ денегъ. *П. С З.* №№ 13. 227, 13. 314, 13. 385, 13. 563, и проч.

пытки еще болѣе усилили волненіе умовъ. Все это, утверждаютъ Нѣмцы, побуждало Екатерину броситься во внѣшнюю политику, чтобы побѣдами и завоеваніями занять общественное вниманіе. Такое мнѣніе, очевидно, преувеличено, хотя и подкрѣпляется внѣшнимъ сочетаніемъ фактовъ. Если и допустить въ данномъ случаѣ вліяніе личныхъ побужденій, то необходимо прибавить, что обстоятельства гармонировали съ ними какъ нельзя лучше. Польскія и турецкія отношенія были дѣломъ наслѣдственной политики. Россія не могла успокоиться, пока не возвратила западно-русскія области и берега Чернаго моря; они были необходимы для нашего дальнѣйшаго развитія, государственнаго и національнаго.

Въ октябрѣ 1768 года новгородскій губернаторъ въ письмахъ къ императрицѣ горько сѣтуетъ на приближающуюся войну, которая отодвигаетъ на задній планъ дѣло законодательной коммиссіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ старается предупредить слишкомъ тяжелый рекрутскій наборъ, совѣтуетъ брать не болѣе одного съ 300 и послѣдовать примѣру императрицы Анны, которая приказывала отдавать въ рекруты излишнихъ церковнослужителей. Послѣдняя мѣра дѣйствительно принята Екатериною; но наборъ произведенъ все-таки не съ 300, а со 150.* Сиверсъ разказывалъ въ послѣдствіи, что первая Турецкая кампанія, продолжавшаяся около шести лѣтъ, съ одной его губерніи взяла до 50.000 рекрутъ; изъ нихъ 20.000 онъ принялъ лично. „Рекрутскій наборъ, прибавляетъ Сиверсъ, производитъ всегда родъ лихорадки въ умахъ крестьянъ и горожанъ. Всѣ хотятъ или избѣжать его, или за деньги откупиться отъ вѣчной разлуки съ мѣстомъ, гдѣ они впервые увидѣли дневной свѣтъ; даже тѣ, которые нанялись за другихъ, проживаютъ свои деньги и бѣгутъ при первомъ удобномъ случаѣ. Лучшій способъ набора когда производятъ его по мірскому приговору; тогда бываетъ менѣе угнетенія, обмана и насилія. Но какихъ слезъ, какихъ стоновъ не приходилось мнѣ видѣть и слышать при словѣ: „лобъ!“ Какая радость, если кричали: „затылокъ!“ **

* Въ октябрѣ объявленъ наборъ по одному съ 300, а въ ноябрѣ вмѣстѣ съ тѣмъ же наборомъ приказано произвести новый, такой же; слѣдовательно въ результатѣ пришлось по одному со 150. *П. С З.* № 13.195.

** Рекрутамъ брили лбы и не позволяли отращивать волосы, пока не прибудутъ въ свои полки, съ тою цѣлью чтобы затруднить

Въ системѣ наборовъ, подобно тому какъ и въ другихъ частяхъ администраціи, Сиверсъ предлагаетъ нѣкоторыя частныя улучшенія. Мнѣнія свои онъ изложилъ отчасти въ особой запискѣ, лично поданной императрицѣ лѣтомъ 1769 года. Тутъ онъ говоритъ, что удобнѣе всего выдавать указъ о наборѣ въ сентябрѣ, чтобы не помѣшать уборкѣ хлѣба. Но, спустя два года, онъ убѣдительно проситъ императрицу, въ случаѣ новаго набора, не производить его ранѣе ноября, потому что сентябрскіе опыты имѣли печальные результаты, и помѣщики охотнѣе дали бы одного рекрута со ста душъ въ ноябрѣ, нежели со 150 въ сентябрѣ. Губернаторъ, по его мнѣнію, долженъ лично присутствовать при пріемѣ; если мало офицеровъ и солдатъ для караула рекрутъ, то пріемъ надобно производить въ немногихъ пунктахъ; за просрочку, вмѣсто тѣлеснаго наказанія, назначить пять рублей штрафу въ мѣсяцъ.

Однимъ изъ важныхъ затрудненій во время пріема служили разчеты за тѣхъ рекрутъ, вмѣсто которыхъ вносились деньги, такъ какъ квитанціи должны были выправляться въ три дня. Сиверсъ, благодаря своей неутомимой дѣятельности и личному надзору за всѣми подробностями, успѣвалъ преодолѣвать подобныя затрудненія; онъ съ гордостію вспоминаетъ объ этомъ въ послѣдствіи, прибавляя, что въ одинъ день онъ принялъ до 800 человѣкъ, и что изъ рекрутъ его губерніи никто не былъ возвращенъ назадъ. Между злоупотребленіями, сопровождавшими наборъ, онъ особенно указываетъ на стачку пріемщиковъ съ винными откупщиками. Вслѣдствіе этой стачки офицеры, провожавшіе большія партіи рекрутъ, съ намѣреніемъ медлили въ городахъ для оживленія питейной торговли. Въ то время, по замѣчанію Сиверса, офицеръ растерявшій на дорогѣ половину своей партіи, оставался безнаказаннымъ, а доставлявшій ихъ всѣхъ въ исправности—не награждаемымъ. Зло еще болѣе увеличивалось тѣмъ, что въ сборныхъ пунктахъ накоплялось иногда чрезвычайно большое количество рекрутъ, и они долго ожидали конвойныхъ отрядовъ, которые разводили ихъ по полкамъ.

Далѣе, Сиверсъ жалуется императрицѣ на вопіющій про-

укрывательство въ случаѣ побѣга. (См. *Генеральное учрежденіе о рекрутскомъ наборѣ*, 1766 г. 29 сентября).

изволъ помѣщиковъ. Они могли ссылать своихъ крѣпостныхъ на поселеніе, не давая никакого отчета судебнымъ властямъ, и за каждаго ссыльнаго получали рекрутскую квитанцію. Поэтому передъ наборомъ они пользовались своею привилегіей, и безпрерывно ссылали людей негодныхъ въ рекруты. „Признаюсь, пишетъ онъ, дня не проходитъ, чтобы сердце мое не возмущалось противъ такой привилегіи. Какая потеря для военной службы и земледѣлія! А Сибирь выигрываетъ оттого сравнительно немного, если взять въ разчетъ огромное разстояніе и убыль во время дороги.“ Онъ предлагаетъ, оставивъ дворянамъ право ссылки, отмѣнить ихъ привилегію на рекрутскія квитанціи.

Рекрутскій наборъ и другія дѣла собрали значительное число уѣздныхъ дворянъ въ Новгородъ, въ декабрѣ 1769 года. Сиверсъ воспользовался случаемъ и предложилъ имъ слѣдующія мѣры. Вопервыхъ, выбрать изъ своей среды для Новгородскаго уѣзда особаго коммиссара, положивъ ему жалованье, съ тѣмъ чтобъ онъ наблюдалъ за порядкомъ, за исполненіемъ указовъ и т. п. Дворяне охотно согласились и назначили на жалованье сборъ по копейкѣ съ души. Въ этомъ коммиссарѣ мы узнаемъ будущаго земскаго исправника, а въ совѣщаніи дворянъ о мѣстныхъ нуждахъ—будущее организованное дворянское собраніе. Второй пунктъ, также охотно принятый, касался большихъ дорогъ изъ Новгорода въ Псковъ и Смоленскъ. Губернаторъ предложилъ выбрать для нихъ особаго смотрителя и назначить на исправленіе ихъ постоянный сборъ въ нѣсколько копѣекъ; между тѣмъ, прежде дороги обходились отъ 20 до 30 коп. на душу, и все-таки были дурны. Третье предложеніе относилось къ размежеванію, отсутствіе котораго стоило владѣльцамъ столькихъ ссоръ, процессовъ и убытковъ. Губернаторъ совѣтовалъ не дожидаться казеннаго размежеванія, которое должно исполниться въ теченіе многихъ лѣтъ, а предпринять его на собственный счетъ. И это предложеніе встрѣчено было общимъ одобреніемъ.

Въ началѣ 1770 года Яковъ Ефимовичъ получилъ эстафету о близкой кончинѣ своего отца. Онъ тотчасъ поскакалъ на родину, пославъ императрицѣ просьбу простить ему поспѣшность, которая не дозволяла ожидать высочайшаго разрѣшенія на временную отлучку. Въ апрѣлѣ этого года мы встрѣчаемъ Сиверса въ Петербургѣ; но по первому

извѣстію о наводненіи, угрожавшемъ Новгороду, онъ спѣшитъ въ свою губернію. Вслѣдъ затѣмъ онъ уже опять въ Петербургѣ, и по обыкновенію, представляетъ императрицѣ множество дѣлъ на разрѣшеніе. Тутъ снова встрѣчаются вопросы объ учрежденіи городовъ въ Вышнемъ Волочкѣ, Боровичахъ и Осташковѣ, о заведеніи городскихъ училищъ, о строящемся въ Новгородѣ дворцѣ, который уже превысилъ смѣту на 4.000 руб. и требуетъ прибавить къ нимъ еще 12.000.* Въ то же время Сиверсъ предлагаетъ обратить въ каналъ такъ-называемый Ѳедоровъ ручей, протекающій через Новгородъ, и хлопочетъ о назначеніи новыхъ суммъ на улучшеніе солянаго дѣла въ Старой Русѣ. Новыя издержки по этому поводу навѣрно устрашили бы сенатъ, и потому губернаторъ обращается прямо къ императрицѣ. Между прочимъ, онъ не забываетъ вычислить свои долги и вообще пожаловаться на разстроенныя дѣла. Хотя въ началѣ этого года Сиверсъ былъ награжденъ чиномъ генералъ-поручика, однако доходы его не умножились; отъ отца онъ наслѣдовалъ значительное помѣстье, но не свободное отъ долговъ; самъ онъ готовился вскорѣ быть отцомъ, и слѣдовательно расходы его должны были увеличиться. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній губернаторъ пишетъ императрицѣ: „Мой тесть владѣетъ по залогу имѣніемъ Остроминскимъ; залогъ по счету, утвержденному сенатомъ, обошелся въ 8.000 талеровъ; имѣніе стóитъ вдвое. Соблаговолите, Ваше Величество, подарить его мнѣ; тесть откажется отъ своихъ правъ, или я обязываюсь его удовлетворить. Остроминское лежитъ подлѣ моего имѣнія (Бауенхофа). Это было бы большою помощью для моихъ домашнихъ дѣлъ, которымъ я не могу посвящать ни минуты времени.“ Кромѣ того Сиверсъ проситъ императрицу отдѣлить отъ его губерніи два уѣзда, Олонецкій и Каргопольскій; первый присоединить къ Петербургской, а второй къ Архангельской губерніи: съ такимъ раздѣленіемъ согласны сенатъ и законодательная коммиссія; жители будутъ болѣе довольны, а нов-

* Сначала предположено воздвигнуть въ Новгородѣ царскій дворецъ и губернаторскій домъ. Послѣ многихъ плановъ и соображеній наконецъ дѣло уладилось тѣмъ, что императрица разрѣшила вмѣсто двухъ отдѣльныхъ зданій, построить каменный губернаторскій домъ, въ которомъ были бы особыя комнаты для пріѣзда членовъ царской фамиліи.

городскій губернаторъ получилъ бы значительное облегченіе Екатерина, повидимому, уклонилась пока отъ исполненія этихъ просьбъ. Ея вниманіе было поглощено извѣстіями съ театра войны.

Дворъ и столица въ то время предавались празднествамъ, по случаю блистательныхъ побѣдъ надъ Турками, каковы: Ларгская, Кагульская, Чесменская и взятіе Бендеръ. (При этомъ замѣтимъ мимоходомъ, что иностранные писатели, и въ томъ числѣ Блумъ, главную честь нашихъ побѣдъ приписываютъ талантливымъ иностраннымъ офицерамъ, которыхъ Екатерина умѣла завербовать въ свою службу.)

Между тѣмъ губернаторъ находился въ безпрерывныхъ разъѣздахъ; даже довольно трудно понять, какимъ образомъ свои частыя поѣздки, особенно въ Петербургъ, онъ умѣлъ согласовать съ управленіемъ такой обширной губерніи какъ Новгородская. Осенью 1770 года мы опять находимъ его въ столицѣ, въ семейномъ кругу; жена его только - что разрѣшилась отъ бремени. Внезапный высочайшій указъ прерываетъ его отдыхъ: въ пограничныхъ польскихъ областяхъ показалась моровая язва; губернатору предписывается собрать о ней точныя свѣдѣнія и немедленно принять мѣры предосторожности, то-есть учредить карантины. Въ самое дурное время года, въ разгаръ придворныхъ празднествъ, Сиверсъ покидаетъ новорожденную дочь и еще не совсѣмъ оправившуюся жену. Послѣдняя шлетъ ему изъ Петербурга длинный рядъ посланій, которыя наполнены трогательными жалобами на разлуку и самыми нѣжными опасеніями за здоровье супруга. По временамъ ея письма сообщаютъ любопытныя извѣстія о высшемъ столичномъ обществѣ.

„Такъ ужь устроенъ свѣтъ, пишетъ она мужу на другой день его отъѣзда, никогда не бываютъ всѣ довольны: одинъ смѣется, другой плачетъ, третій свирѣпствуетъ. Но меня мало печалитъ все остальное; была бы я только подлѣ моего дорогаго родственника, который называется Яковъ. Но этотъ родственникъ измѣняетъ своимъ клятвамъ. Да, это такъ, мой другъ. Сколько разъ ты обѣщалъ мнѣ и клялся никогда меня не покидать! Ужасный годъ съ этими разъѣздами; я горячо желаю, чтобъ онъ наконецъ прошелъ." И подобныя письма отправлялись къ нашему губернатору чуть ли не каждый день. „Я думаю, говорится въ одномъ изъ нихъ, ты теперь уже не далеко отъ Новгорода, этого милаго горо-

да, въ которомъ господствуетъ нечистота въ высшей степени, вмѣстѣ съ разными кознями и буйствами. Однако, какъ ни отвратителенъ этотъ такъ-называемый городъ, останься въ немъ, не ѣзди дальше, заклинаю тебя, вспомни иногда о моихъ слезахъ.“

„Велика была радость, читаемъ въ другомъ посланіи, которую, мой дорогой другъ, возбудилъ во мнѣ видъ твоего письма; но она тотчасъ исчезла, какъ только я дошла до того мѣста, гдѣ ты пишешь о необходимости ѣхать въ несчастныя Великія Луки. Такимъ-то образомъ, мой любезный губернаторъ, вы поступаете со мной? Таковы то ваши обѣщанія сохранить себя единственно для другой половины вашего существованія, которая, какъ вы говорите, вамъ такъ дорога? Эта новость сильно опечалила моихъ родителей; они сказали, что вы не должны были бы жениться. Я говорю то же самое, и повторяю: придетъ время, когда совѣсть ваша будетъ васъ упрекать за меня; да помочь будетъ ужь поздно. Ваше усердіе просто смѣшно; почему не могли бы вы послать генералъ-майора Штирхейта и поручить ему принятіе мѣръ?... Я могу ожидать извѣстія, что вы пожалуй сами подаете лѣкарство больнымъ. Вы на все способны, только не на то чтобы сохранять себя для тѣхъ, которые должны быть вамъ дороже другихъ и которые въ васъ потеряютъ все.“ Тѣ же жалобы и упреки повторяются въ слѣдующихъ письмахъ. „Я думаю, замѣчаетъ г-жа Сиверсъ, это послѣдняя разлука, которую я терплю; случись еще подобная, перестану быть твоею женой. Со времени нашей свадьбы, большую часть этихъ трехъ лѣтъ мы жили врозь.“ Въ другомъ мѣстѣ она спрашиваетъ себя, зачѣмъ такъ тоскуетъ о мужѣ, и отвѣчаетъ: „Да, ты заслуживаешь этого, мой милый Емми; у тебя такая прекрасная душа, что она разтрогаетъ каждаго, кто ее узнаетъ.“

Какъ ни краснорѣчивы эти письма, въ данномъ случаѣ мы не можемъ принять сторону нѣжной супруги. Если Сиверсъ считалъ своимъ долгомъ ставить безопасность ввѣреннаго края выше своей личной безопасности, то конечно тутъ обнаруживается одна изъ наиболѣе достойныхъ сторонъ его служебной дѣятельности.

Около того времени при Петербургскомъ дворѣ появился прусскій принцъ Генрихъ, братъ Фридриха II. Подъ предлогомъ путешествія въ Стокгольмъ къ сестрѣ своей, швед-

ской королевѣ, онъ, будто мимоходомъ, посѣтилъ и русскую столицу. Но мы знаемъ теперь, что эта поѣздка имѣла очень важныя политическія цѣли. Фридрихъ съ безпокойствомъ слѣдилъ за успѣхами Россіи въ Турціи и Польшѣ, и спѣшилъ воспользоваться случаемъ округлить собственныя владѣнія насчетъ своихъ сосѣдей. Во время роскошныхъ празднествъ, которыми Екатерина почтила своего гостя, былъ условленъ первый раздѣлъ Польши.

„Вчера, сообщаетъ Елизавета Карловна, отецъ мой пріѣхалъ въ городъ, былъ при дворѣ, и оттуда отправился обѣдать къ графу Алексѣю Разумовскому.“ Тамъ онъ узналъ о штурмѣ Бендеръ, и былъ сильно встревоженъ неизвѣстностію, живъ ли его сынъ, находившійся въ дѣйствующей арміи. По порученію отца, губернаторша тотчасъ написала къ полковнику Броуну, который прискакалъ въ Петербургъ курьеромъ. Вечеромъ Броунъ посѣтилъ ее, и объявилъ, что братъ ея совершенно здоровъ. „Отецъ, продолжаетъ губернаторша, переночевалъ у меня, и сегодня рано представлялся принцу (Генриху), имѣя на груди портретъ короля; потомъ поѣхалъ во дворецъ, гдѣ его оставили обѣдать; оба курьера также обѣдали тамъ. Наша добрая государыня, кажется, очень весела и довольна послѣдними извѣстіями, и весь свѣтъ радуется, особенно добрый мой папа; я была такъ счастлива видѣть его со мной и веселымъ, что печаль, въ которой я находилась со времени твоего отъѣзда, нѣсколько облегчилась.“

Оправясь отъ родовъ, г-жа Сиверсъ начала показываться при дворѣ. Блестящія празднества мало-по-малу увлекаютъ молодую женщину, и жалобы на отсутствіе мужа слышатся рѣже чѣмъ въ началѣ.

„11-го октября 1770 г. Въ пятницу я писала тебѣ, что послѣ стола буду благодарить императрицу (которая была крестною матерью новорожденной); что̀ мы и сдѣлали всѣ вмѣстѣ, то-есть я и родители мои. Императрица сказала мнѣ любезность: будто совсѣмъ и не замѣтно что я недавно покинула постель. Я послѣдовала за нею въ театръ и помѣстилась въ ложѣ твоей кузины. Принцъ Генрихъ былъ въ ложѣ государыни, и я видѣла его профиль; онъ одѣтъ въ черное по случаю смерти принца Брауншвейгскаго, который умеръ въ нашей арміи. Сколько я могла замѣтить, въ продолженіе всего спектакля онъ говорилъ очень мало. Въ субботу З. Чернышевъ далъ роскошный ужинъ; отецъ былъ тамъ, а меня

не пригласили; думали, что я еще не выхожу изъ комнаты. Отъ отца слышала я о великолѣпіи ужина. Дессертъ представлялъ крѣпости, взятыя во время послѣдняго похода, между прочимъ Бендеры. Тутъ былъ изображенъ и графъ Панинъ (завоеватель Бендеръ) съ полковникомъ Броуномъ, который присутствовалъ за ужиномъ. Онъ пользуется теперь большимъ вниманіемъ; государыня говоритъ ему много любезностей. Вчера, въ воскресенье, по случаю куртага, я не могла благодарить великаго князя (повидимому бывшаго крестнымъ отцомъ). А сегодня послѣ обѣда мы были тамъ, и ждали его; онъ прислалъ намъ чаю, потомъ вышелъ самъ, и принялъ насъ очень ласково.

„18-го октября 1770 г. Твое описаніе города Заволочья живописно. Конечно, пріятно проѣзжать по такимъ хорошо обстроеннымъ и населеннымъ городамъ, какъ въ твоей губерніи. Я никогда не забуду Старой Русы, которая оставила во мнѣ глубокое впечатлѣніе, хотя улицы ея имѣютъ чуть не полтора аршина ширины.

„Вчера я во второй разъ ѣздила на куртагъ; собраніе было многочисленное. Я продолжаю носить трауръ (по свекрѣ), и потому съ головы до ногъ одѣта была въ черное, съ бриллiантами. Я видѣла принца вблизи. Признаюсь, онъ некрасивъ собою, даже очень дуренъ: ужасно разкосъ, очень малъ и худъ, каблуки страшно высоки, такъ же какъ и напудренное тупе; но, говорятъ, онъ очень уменъ, и это дѣлаетъ его красивымъ въ глазахъ тѣхъ, которые не смущаются наружностію. Онъ получилъ въ подарокъ дорогую соболью шубу, кромѣ того великолѣпную андреевскую ленту, звѣзду всю въ бриллiантахъ и такія же эполеты, — всего болѣе чѣмъ на 30.000 руб. Третьяго дня принцъ посѣтилъ монастырь (Смольный) и, говорятъ, въ восхищеніи отъ этого прекраснаго института; вообще онъ, должно-быть, всѣмъ очень доволенъ. Замѣтили, что въ началѣ онъ едва отвѣчалъ на поклоны, а теперь сдѣлался любезнѣе и кланяется ниже.

„Я болѣе не желаю, милый другъ, пріобрѣсти на мои деньги помѣстье, а предпочла бы домъ; въ такомъ случаѣ не нужно будетъ одолжаться квартирою, когда случится пріѣхать въ Петербургъ.“

Въ слѣдующихъ письмахъ г-жа Сиверсъ продолжаетъ извѣщать о принцѣ Генрихѣ, о его поѣздкѣ въ Кронштадтъ, несмотря на дурную погоду; о томъ что его манеры сдѣла-

лись утонченнѣе и пріятнѣе; о маскарадѣ, иллюминаціи и фейерверкѣ въ Царскомъ Селѣ, о затѣйливомъ освѣщеніи дороги при проѣздѣ туда императрицы. Сообщаетъ, что сама она обѣдаетъ всегда у родителей, а дома приказываетъ готовить только для людей. Описываетъ спектакль въ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ Бецкій устроилъ изъ кадетъ представленіе морской побѣды графа Орлова; за спектаклемъ слѣдовалъ маскарадъ и т. п.

Нашъ губернаторъ между тѣмъ осмотрѣлъ юго-западныя границы своей губерніи, и устроилъ мѣры предосторожности. Но въ своемъ донесеніи императрицѣ онъ не ручается за послѣдствія, потому что съ 400-мя инвалидовъ и 200 драгунъ невозможно запереть границу въ 612 верстъ, не считая ея изгибовъ. Къ солдатамъ онъ присоединилъ караулы изъ крестьянъ, и поручилъ начальство отставнымъ офицерамъ. Хотя переговоры съ принцемъ Генрихомъ о Польшѣ производились въ глубокой тайнѣ, однако слухи очевидно предупреждали событіе. По крайней мѣрѣ Сиверсъ въ донесеніи своемъ выражается такимъ образомъ: „сосѣди наши (Поляки) время отъ времени совершаютъ на границѣ большія буйства; надѣюсь, что при слѣдующемъ трактатѣ этимъ провинціямъ Вашего Величества будутъ даны другія, болѣе естественныя границы."

Губернаторъ сдѣлалъ 2.000 верстъ и благополучно воротился въ Новгородъ. Жена его обрадована этимъ возвращеніемъ, но въ то же время опечалена извѣстіемъ мужа о предстоявшей ему поѣздкѣ въ Олонецъ.

Дѣло въ томъ, что между крестьянами, приписанными къ желѣзнымъ Петровскимъ заводамъ, произошли безпорядки, и сенатъ еще до поѣздки Сиверса на границу предписалъ ему лично возстановить спокойствіе въ Олонецкомъ уѣздѣ. По просьбамъ жены или по собственному нерасположенію къ этому дѣлу, только губернаторъ дѣйствительно донесъ императрицѣ, что онъ очень ослабѣлъ отъ дороги и не можетъ предпринять новое путешествіе въ такое позднее время года. Однако, нѣсколько дней спустя, онъ уже опять въ Петербургѣ, а отсюда поспѣшно скачетъ въ Новгородъ съ дядею своимъ Крузе, чтобы встрѣтить тамъ принца Генриха при проѣздѣ его въ Москву. Но поспѣшность оказалась излишнею: длинный рядъ торжественныхъ обѣдовъ и ужиновъ разстроилъ желудокъ принца; онъ заболѣлъ, и только въ кон-

цѣ декабря пустился въ дорогу. Вообще расточительность придворныхъ праздниковъ, сюрпризовъ и подарковъ достигла въ то время чрезвычайныхъ размѣровъ. Ей подражало, конечно, и все высшее общество. Въ этотъ водоворотъ увлеклась и супруга новгородскаго губернатора. Факты скоро обнаруживаютъ, что экономія далеко не составляла принадлежности ея характера; тоска о разлукѣ съ мужемъ смѣняется уже мечтами о путешествіи за границу. „У меня только и въ головѣ, пишетъ она, что наши несчастные долги, путешествіе въ Италію и на воды. Я постоянно разчитываю что бы могла продать. Но итогъ всегда выходитъ ничтожный сравнительно съ нашими долгами. Иногда я рѣшаюсь продать всѣ мои брилліанты, но потомъ думаю, что это намъ не поможетъ; къ тому же я съ дѣтства къ нимъ привыкла, и мнѣ было бы тяжело отъ нихъ отказаться."

Послѣ проѣзда принца Генриха, мы опять встрѣчаемъ Сиверса въ Петербургѣ, а нѣсколько недѣль спустя въ Новгородѣ, откуда онъ предпринимаетъ поѣздку въ Старую Русу. Императрица передала управленіе соляными заводами генералу Боуру, и вѣроятно не безъ особыхъ представленій со стороны губернатора, который находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ генераломъ. Въ отчетѣ о своей поѣздкѣ въ Старую Русу онъ говоритъ, что Боуръ такой же знатокъ въ соляномъ дѣлѣ, какъ и въ военномъ искусствѣ. Вскорѣ потомъ (въ мартѣ 1771 года) Сиверсъ принималъ въ Новгородѣ турецкаго сераскира, который отправлялся въ Петербургъ для переговоровъ о мирѣ. Вслѣдъ затѣмъ черезъ Новгородъ проскакалъ чесменскій герой, Алексѣй Орловъ, чтобы лично пожать въ столицѣ лавры за свои подвиги. Съ его прибытіемъ возобновились роскошныя празднества.

При внѣшнихъ войнахъ, Россія испытывала въ эту эпоху и другія физическія бѣдствія: чума уже проникла внутрь государства, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнаружился недостатокъ хлѣба.

Въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ Сиверсъ лично доноситъ императрицѣ о дороговизнѣ въ провинціяхъ, пограничныхъ съ Польшей. Но посреди разсужденій объ этомъ вопросѣ онъ внезапно получаетъ приказаніе скакать въ свою губернію и учредить карантины въ Боровичахъ, Старой Русѣ и Тихвинѣ, чтобы предохранить Петербургъ отъ чумы. Едва губернаторъ занялся своимъ порученіемъ, какъ не замедлило новое бѣдствіе.

Сильный весенній разливъ произвелъ наводненіе; отъ него пострадали особенно городъ Тверь и гжатскія барки съ хлѣбомъ; многіе мосты на большихъ дорогахъ снесены водой. Волховскій мостъ въ Новгородѣ удержался только тяжестью старыхъ пушекъ и большихъ камней. Сиверсъ вездѣ хлопочетъ, всюду старается помочь горю. Между прочимъ во Псковѣ, Великихъ Лукахъ и Опочкѣ онъ велѣлъ раздать казеннымъ экономическимъ крестьянамъ остатокъ хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ, всего 1.300 четвертей. „Это небольшая поддержка, доноситъ онъ, но для жителей утѣшительно видѣть, какъ правительство отдаетъ имъ все что имѣетъ.“

Ко всѣмъ упомянутымъ бѣдствіямъ присоединились еще внутренніе мятежи. На востокѣ бунтовали казаки, и приближалась Пугачевщина; въ Москвѣ готовился вспыхнуть бунтъ черни. Во многихъ мѣстахъ замѣчались крестьянскія движенія. Къ числу такихъ движеній принадлежали и упомянутые безпорядки на казенныхъ заводахъ Олонецкой провинціи. * Они причинили много непріятностей новгородскому губернатору. Мы видѣли, что вмѣсто Олонца онъ, по высочайшему повелѣнію, поѣхалъ на польскую границу. Въ то же время Сиверсъ представилъ сенату свое мнѣніе о мѣрахъ, которыми можно успокоить умы заводскихъ крестьянъ. Но сенатъ не обратилъ особаго вниманія на эти мѣры, и отвѣчалъ губернатору только короткимъ извѣщеніемъ, что на мѣсто дѣйствія посылается генералъ Лыкошинъ. Каково же было его огорченіе, когда онъ вскорѣ узналъ, что генералъ Лыкошинъ успокоиваетъ умы крестьянъ огнемъ и мечемъ; а сенатъ, то-есть генералъ-прокуроръ Вяземскій, обвиняетъ губернатора передъ верховною властію въ томъ, что онъ уклонился отъ личнаго исполненія своего долга. Сиверсъ горько жалуется императрицѣ на интриги своихъ враговъ, и старается раскрыть ей дѣло заводскихъ крестьянъ въ настоящемъ свѣтѣ.

„Главный предметъ волненія этихъ несчастныхъ, пишетъ онъ, была работа, которую мраморная коммиссія налагала на нихъ произвольно. Едва эта послѣдняя образумилась, какъ другая коммиссія, литейная, обременила ихъ еще болѣе произвольнымъ образомъ, и бѣдствіе крестьянъ достигло высшей степени. Вначалѣ нельзя было обвинить ихъ въ не-

* Въ П. С. З. см. о томъ №№ 13.589 и 13.712.

повиновеніи; въ короткое время они выполнили очень большую работу. Но тяжести, вмѣсто того чтобъ облегчаться, возрастали. Когда, между прочимъ, отъ крестьянъ потребовали 1.000 кучъ угля, хотя они знали, что только треть этого количества можетъ быть потреблена въ будущемъ году, когда ихъ начали принуждать къ постройкѣ еще четырехъ заводовъ, хотя на этотъ годъ для нихъ не имѣлось никакой руды, тогда рвеніе смѣнилось отчаяніемъ. Къ великому ихъ несчастію, тутъ еще случился одинъ пройдоха, по имени Иванъ Елагинъ, извѣстный Вашему Величеству, негодяй и банкрутъ. Онъ увѣрилъ крестьянъ, что если они подадутъ просьбу и соберутъ по три рубля съ души, то будутъ уволены отъ работы. Мое мнѣніе, основанное на здравой государственной политикѣ (по которой не слѣдуетъ обременять подданнаго свыше его силъ и сверхъ потребностей государства), было слѣдующее: налагать работы только полезныя и необходимыя, а за оставшіяся неисполненными взыскивать деньги. Сенатъ не принялъ этого мнѣнія подъ тѣмъ предлогомъ, что я не былъ самъ на мѣстѣ. Крайности, употребленныя генераломъ Лыкошинымъ, доказываютъ, что предложенное мною средство было самое лучшее.“ Въ заключеніе Сиверсъ пользуется случаемъ снова заявить императрицѣ, что Олонецкій уѣздъ надобно причислить къ Петербургской губерніи, потому что жители тянутъ къ Петербургу своими промыслами и торговлей.

Весну и лѣто 1771 года Сиверсъ провелъ опять въ безпрерывныхъ разъѣздахъ по своей губерніи, и особенно въ попеченіяхъ о благополучномъ проходѣ барокъ, нагруженныхъ хлѣбомъ. Въ Твери и Торжкѣ онъ былъ пріятно удивленъ новыми красивыми зданіями, о которыхъ весьма обстоятельно извѣщаетъ императрицу, вполнѣ раздѣляя съ нею пристрастіе къ постройкамъ всякаго рода. Съ особымъ удовольствіемъ онъ доноситъ о томъ, что хутынскій архимандритъ Лаврентій освятилъ только-что оконченный новгородскій дворецъ и благословилъ всѣ его углы.

Лѣто этого года прошло въ немалыхъ хлопотахъ и со стороны юго-западной границы: отъ начальниковъ пограничныхъ командъ присылаются частыя донесенія о движеніяхъ польскихъ конфедератовъ въ сосѣднихъ воеводствахъ. Губернаторъ дѣлаетъ соотвѣтственныя тому распоряженія, направляетъ подкрѣпленія на пункты, наиболѣе въ нихъ нуж-

дающіеся, и ведетъ о пограничныхъ отношеніяхъ дѣятельную переписку съ коллегіей иностранныхъ дѣлъ. * Во время своего пребыванія въ Торжкѣ Сиверсъ вдругъ получаетъ извѣстіе о появленіи вооруженной банды на нашей границѣ, недалеко отъ Великихъ Лукъ. Онъ спѣшитъ въ Новгородъ, и готовится, въ случаѣ серіозной опасности, лично предпринять походъ на конфедератовъ; причемъ заранѣе подсмѣивается (въ донесеніи императрицѣ) надъ своимъ превращеніемъ изъ мирнаго губернатора въ воинственнаго.

Изъ Москвы приходили все болѣе и болѣе грозныя извѣстія: чума свирѣпствовала тамъ съ полною силой. Въ половинѣ сентября этотъ городъ, покинутый своими главными начальниками, сдѣлался жертвою буйной черни. Убитъ архіепископъ Амвросій. Только энергическія мѣры генерала Еропкина остановили дальнѣйшее развитіе мятежа. Тогда Екатерина отправляетъ графа Григорія Орлова въ зачумленную столицу, для водворенія спокойствія и принятія гигіеническихъ мѣръ. Въ помощники ему назначены сенаторъ Волковъ и докторъ Тоде, которому въ особенности поручено было заботиться о драгоцѣнной жизни графа.

Орловъ прибылъ съ своею свитой въ Новгородъ ночью. Въ домѣ губернатора, по случаю дня коронаціи, происходило большое празднество, на которое было приглашено все лучшее общество города. Графъ закусилъ, и немедленно поѣхалъ далѣе. Вскорѣ затѣмъ прибыло крымское посольство съ Калгой-султаномъ; губернаторъ задержалъ его, и подвергъ всей строгости карантинныхъ правилъ. Въ это время онъ получилъ высочайшее повелѣніе спѣшить въ Тверь, чтобы принять тамъ всѣ возможныя мѣры противъ чумы, такъ какъ этотъ городъ очень важенъ: сюда отряжены изъ Москвы экспедиціи отъ разныхъ правительственныхъ мѣстъ; множество частныхъ лицъ также искало здѣсь убѣжища отъ

---

* *Архивъ М. Ин. Д.* „Сношенія коллегіи съ Новгородскою губерніей." Между прочимъ, см. тамъ рапортъ подполковника пограничнаго батальйона, Раздеришина, о бывшемъ ночномъ собраніи шляхты у пана Куницкаго, 14-го іюля, верстахъ въ трехъ отъ границы. Собравшіеся заперлись въ особую комнату и завязали конфедерацію; причемъ каждый разрѣзалъ у себя палецъ и подписалъ своею кровью. Ксендзъ-пробощъ далъ панамъ много денегъ; они раздѣлили ихъ между собою; потомъ отправили жида и подводы закупать оружіе, порохъ и свинецъ въ Ригѣ и Митавѣ.

чумы, которая уже проникла въ Клинскій и Дмитровскій уѣзды. Однако Сиверсъ не тотчасъ могъ отправиться въ дорогу: сенатскій курьеръ привезъ множество указовъ относительно принятыхъ и вновь предпринимаемыхъ мѣръ. „Хотя, доноситъ губернаторъ отъ 3 ноября, я заперъ всѣхъ канцелярскихъ писцовъ, числомъ 80, по только сегодня поздно окончатъ они бумаги; послѣ того я проведу цѣлую ночь въ ихъ подписи, и завтра выѣду съ разсвѣтомъ." Спустя три дня, онъ уже доноситъ императрицѣ изъ Твери, что тамъ пока нѣтъ никакихъ признаковъ заразы; тѣмъ не менѣе онъ старается запереть всѣ дороги изъ Московской губерніи въ Петербургскую, и учредилъ уже столько карантиновъ, что не въ состояніи запомнить ихъ число.

Губернаторша извѣщаетъ мужа изъ Новгорода объ отъѣздѣ Калги-султана въ Петербургъ и о его любезности: по поводу ея нездоровья, Калга прислалъ къ ней троихъ Татаръ съ изъявленіемъ своего сожалѣнія о томъ, что онъ уѣзжаетъ не видавъ ея. Калгу-султана сопровождалъ князь Путятинъ, который игралъ потомъ важную роль въ жизни Елизаветы Сиверсъ. Интересны, между прочимъ, ея извѣстія о губернскомъ обществѣ, о его неизбѣжныхъ интригахъ и мелочныхъ ссорахъ. Особенное сожалѣніе возбуждаетъ въ ней жена прокурора, которая страдаетъ ревностію, и не безъ основанія, а мужъ обращается съ нею очень дурно. Потомъ занимаютъ ее два совѣтника, весьма враждебные другъ другу: одинъ изъ нихъ обладаетъ несноснымъ самолюбіемъ, и постоянно не доволенъ, что ему не оказываютъ достаточнаго уваженія; а другой не можетъ укрощать своего злаго языка; отсюда у нихъ вѣчная распря. „Весь городъ до послѣдняго крестьянина желаетъ твоего возвращенія," пишетъ губернаторша. „Со всѣхъ сторонъ кричатъ: дай Боже, чтобы пріѣхалъ нашъ губернаторъ! Это настоящая комедія смотрѣть на обоихъ совѣтниковъ при пріемѣ рекрутъ; скажетъ одинъ, что рекрутъ хорошъ, другой тотчасъ встаетъ и восклицаетъ: „стойте! я не принимаю." Тогда всѣ говорятъ: „былъ бы тутъ губернаторъ, онъ бы принялъ." Однимъ словомъ, все находится въ разладѣ."

22 ноября графъ Орловъ проскакалъ черезъ Тверь обратно въ Петербургъ. Поѣздка его, какъ извѣстно, имѣла цѣлью принять энергическія мѣры противъ мятежа и чумы, и слѣдовательно строго наблюдать за исполненіемъ этихъ мѣръ

Это обстоятельство не помѣшало ему, впрочемъ, проѣзжая Тверь, не обратить никакого вниманія на карантинную заставу. Донося императрицѣ о проѣздѣ графа въ благополучномъ здоровьѣ, Сиверсъ слегка замѣчаетъ, что путешественникъ сдѣлалъ маленькую брешь въ карантинахъ; что относительно графа онъ увѣренъ, но безпокоится за его свиту. Въ столицѣ ожидали Орлова великолѣпныя награды; между прочимъ, въ честь его воздвигнута тріумфальная арка, и выбита медаль съ изображеніемъ римскаго всадника Курціуса, который бросился въ пропасть для спасенія роднаго города. Дѣйствительно, Григорій Орловъ показалъ въ Москвѣ много рѣшимости и мужества. Блумъ не оспариваетъ у него главной чести подвига (какъ это дѣлаетъ съ братомъ его Алексѣемъ относительно Чесменской побѣды); но весьма досадуетъ на несправедливость, оказанную его помощнику, нѣмцу Тоде, который будто бы остался ненагражденнымъ.

Изъ Твери Сиверсъ отправился осматривать карантины и по другимъ частямъ своей губерніи. Но производившійся въ то время рекрутскій наборъ (по одному со ста душъ) помѣшалъ ему продолжать путешествіе, и заставилъ поспѣшить въ Новгородъ.

Отдавая за истекшій годъ отчетъ о подушномъ сборѣ въ своей губерніи, Сиверсъ старается обратить вниманіе императрицы на постоянное уменьшеніе доходовъ съ экономическихъ крестьянъ. Управленіе ими такъ дурно, и отличается такими притѣсненіями, что оно должно быть совершенно преобразовано; хотя чиновниковъ, завѣдывающихъ сборами съ этихъ крестьянъ, и отставляютъ иногда отъ должности, но плоды ихъ грабительства остаются при нихъ. Губернаторъ не упускаетъ случая снова напомнить о своемъ предложеніи раздать экономическія имущества въ аренду дворянству, по примѣру Лифляндіи. Для наступающаго (1772) года Сиверсъ болѣе всего желаетъ императрицѣ заключить миръ; тогда „онъ снова оживетъ, и опять начнетъ хлопотать о новыхъ городахъ, о размежеваніи, экономіи, каналахъ, большихъ дорогахъ, каменныхъ зданіяхъ“ и т. п. Въ этихъ словахъ ясно выразилось хозяйственное и строительное направленіе его губернаторской дѣятельности.

Какъ неутомимо трудился Сиверсъ, показываютъ отчасти упреки его жены, уѣхавшей съ дочерью въ Петербургъ для безопасности отъ чумы. „Говорятъ, пишетъ она, что ты

работаешь отчаянно, безъ отдыха, что ты до четырехъ, до пяти часовъ остаешься въ правленіи. Можно ли такъ дѣлать? Еслибъ я была тамъ, то не допустила бы до этого. Вчера мнѣ сказали, что императрица тобой довольна и даже тронута усердіемъ, которое ты всюду показываешь. Еслибъ она пожелала, то пора бы тебя наградить. Пріѣзжай сюда и куй желѣзо пока горячо.“ Мужъ спрашиваетъ Елизавету Карловну, вступаетъ ли съ ней въ разговоръ государыня, на придворныхъ балахъ? Нѣтъ, отвѣчаетъ жена: императрица, какъ извѣстно, мало разговариваетъ съ дамами; а можетъ-быть она не совсѣмъ довольна пребываніемъ въ Петербургѣ г-жи Сиверсъ, которая тянетъ сюда и мужа. На третій день святокъ при дворѣ былъ балъ. „Я танцовала, пишетъ Елизавета, и всѣ съ удовольствіемъ смотрѣли на губернаторшу; государыня бросила на меня благосклонный взглядъ; даже Татары (Калга-султанъ со свитой), кажется, замѣтили, что я танцую нѣсколько лучше другихъ.“ Вскорѣ она присылаетъ мужу радостное извѣстіе: миръ уже близокъ, потому что на конгрессъ, въ Молдавію, отправляется главнымъ посломъ графъ Григорій Орловъ. Его сопровождаютъ Обрѣзковъ и Боуръ; первый получилъ въ подарокъ 60.000 руб., а Левашовъ 30.000. „Что ты скажешь? прибавляетъ губернаторша. Вѣдь это очень пріятныя суммы?“

Въ январѣ 1772 года былъ совершенъ благодарственный молебенъ о прекращеніи бѣдствія въ старой столицѣ. Однако мѣры противъ чумы все еще продолжали соблюдаться, хотя и въ менѣе строгой формѣ. Сиверсъ снова предпринялъ поѣздку по городамъ для осмотра карантиновъ. Наступившая оттепель не помѣшала ему доѣхать до Каргополя. Здѣсь ожидали его пріятныя впечатлѣнія: вмѣсто обгорѣлыхъ развалинъ, оставшихся послѣ 1766 года, онъ нашелъ правильно выстроенный городъ и красивыя, по шнурку вытянутыя, улицы; лучшая изъ нихъ, Екатерининская, пересѣкала весь городъ. Жители стеклись къ нему на встрѣчу, и вмѣсто слезъ горести, видѣнныхъ имъ въ первое посѣщеніе, они проливали теперь слезы благодарности, которыя (такъ же какъ и прежнія) раздѣлилъ съ ними благодушный губернаторъ. „Въ эту минуту, доноситъ онъ, я забылъ свои собственныя обстоятельства, свое нездоровье и своихъ завистниковъ.“

Губернаторъ воротился въ Новгородъ совсѣмъ больной.

Но тутъ его порадовали извѣстія о началѣ мирныхъ переговоровъ съ Турціей и давно желанный высочайшій указъ объ учрежденіи четырехъ новыхъ городовъ въ его губерніи. Указъ этотъ имѣлъ для Сиверса видъ награды за его неутомимые труды, и конечно вызвалъ съ его стороны горячую благодарность. Жена поспѣшила изъ Петербурга на помощь къ больному мужу, и вмѣстѣ съ тѣмъ для встрѣчи ихъ покровителя Григорія Орлова, на его пути въ Молдавію. Это посольство приписываютъ интригамъ графа Панина, который пользовался случаемъ удалить своего соперника отъ двора. Орловъ отправился съ большою и блестящею свитой. 26 апрѣля онъ достигъ Новгорода, переночевалъ у Сиверса, и на другой день послѣ завтрака поѣхалъ далѣе.

Оказывая знаки преданности сильному любимцу, нашъ осторожный губернаторъ, кажется, не упускалъ изъ виду непрочности его счастія, и умѣлъ въ то же время пріобрѣсти расположеніе противной партіи. Елизавета Карловна послѣ проѣзда Орлова воротилась въ столицу. Между прочими мелочами, которыя обыкновенно такъ плавно текутъ подъ женскимъ перомъ, въ ея письмахъ мы читаемъ разказы о дружескихъ отношеніяхъ къ Панину. Чаще другихъ она встрѣчаетъ его у Талызиной, одного или съ сестрой, старою княгиней Куракиной, и съ племянницею, княгиней Рѣпниной. Чтобы доставить удовольствіе Панину, губернаторша играетъ для него на фортепьяно, а онъ при случаѣ показываетъ ей драгоцѣнные подарки, получаемые отъ императрицы.

V. Новые города. Водяныя сообщенія. Тревожное время.

Въ іюнѣ 1772 года Сиверсъ отправился приводить въ исполненіе указъ 2-го апрѣля объ открытіи четырехъ новыхъ городовъ своей губерніи, именно: Валдая, Боровичей, Вышняго Волочка и Осташкова.

Изъ Петербурга опять сыплются горькія жалобы супруги на его безконечные труды, безсонныя ночи и постоянныя заботы. Она живо воображаетъ себѣ, какъ ея мужъ осажденъ толпою крестьянъ, отнынѣ называющихся „гражданами“, какъ онъ все устраиваетъ и всѣхъ оставляетъ довольными. Въ одномъ письмѣ она разказываетъ о томъ, что читала сво-

имъ родителямъ въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* описаніе открытія города въ Валдаѣ, и какъ они при этомъ были тронуты. Рядомъ съ жалобами, въ ея письмахъ, по обыкновенію, сообщались мужу и разныя придворныя новости, напримѣръ: о Калгѣ-султанѣ, получившемъ въ подарокъ перстень въ 10.000 рублей и коробочку съ брилліантами; потомъ о поѣздкѣ императрицы на финскіе водопады; о куртагѣ, на которомъ губернаторша слушала дивную италіянскую пѣвицу Габріели. „Въ тотъ же вечеръ, пишетъ она, я ужинала съ госпожею Талызиной у великаго князя. Спрашивали про тебя. Господинъ Панинъ говорилъ о тебѣ въ такихъ выраженіяхъ, которыхъ ты заслуживаешь. Черезъ день потомъ былъ маскарадъ. Я рѣшилась было не танцовать. Но великій князь какъ только увидѣлъ меня, поспѣшно подошелъ и взялъ на танецъ. Потомъ онъ еще разъ вызвалъ меня изъ угла на польскій. Иллюминація по причинѣ дождя не состоялась. Также не было никакихъ производствъ, никакихъ подарковъ и знаковъ милости."

Вообще г-жа Сиверсъ весьма охотно распространяется о придворныхъ удовольствіяхъ. Особенно ей понравился праздникъ, данный Львомъ Нарышкинымъ. „Послѣ ужина сожженъ великолѣпный фейерверкъ. Государыня переодѣвалась три раза. Было болѣе двухъ тысячъ масокъ. Я такъ устала, что сегодня едва могу двигаться. Танцовали мало; я прошлась только минуэтъ. Императрица сѣла на ту же софу, на которой я отдыхала. Я хотѣла встать; но она приказала мнѣ остаться; спрашивала много объ отцѣ, и говорила разныя незначительныя вещи о праздникѣ, о паркѣ и т. п. Я оставалась до двухъ часовъ."

Между тѣмъ какъ жизнь въ столицѣ текла посреди увеселеній, губернаторъ нашъ въ потѣ лица трудился надъ устройствомъ новыхъ городовъ. * Онъ началъ съ Валдая, и работалъ здѣсь десять дней. О своемъ процессѣ посвященія крестьянъ въ граждане онъ доносилъ слѣдующее: Вопервыхъ, всѣ обыватели *единогласно* изъявили желаніе записаться въ число гражданъ. Начальникъ губерніи раздѣлилъ ихъ на три гильдіи. Въ воскресенье, послѣ обѣдни, которую служилъ иверскій архимандритъ, былъ торжественно прочтенъ указъ. Потомъ святили воду, ходили съ образами вокругъ город-

* См. *Петербургскія Вѣдомости* 1772 года, №№ 52, 56, 57 и 65.

ской черты, воротились въ соборъ и пропѣли благодарственный молебенъ. Далѣе, подъ руководствомъ губернатора, происходило баллотированіе выборныхъ властей: городскаго головы, бургомистра, двухъ ратмановъ, словеснаго судьи и городскаго старосты. Наконецъ, онъ открылъ присутствіе въ двухъ главныхъ органахъ уѣздной администраціи, то-есть въ воеводской канцеляріи и городскомъ магистратѣ. Въ то же время губернаторъ вмѣстѣ съ тверскимъ архитекторомъ, Никитинымъ, и двумя чиновниками путей сообщенія работалъ надъ планомъ, въ которомъ положеніе города потребовало нѣкоторыхъ перемѣнъ. Главной улицѣ во всѣхъ новыхъ городахъ давалось названіе „Екатерининской.“ „Всѣ, кажется, довольны, пишетъ Сиверсъ, отъ 20-го іюня, и я не менѣе другихъ. Сегодня же вечеромъ уѣзжаю въ Боровичи.“

Въ Боровичахъ тотъ же самый процессъ; но радости и торжества, повидимому, было еще болѣе. Благодарственный молебенъ пѣли при громѣ маленькихъ мортиръ и безчисленныхъ ура. Самый значительный гражданинъ далъ обѣдъ на 105 приборовъ для дворянъ, собравшихся изъ уѣзда, а вечеромъ того же дня новый городъ былъ иллюминованъ. Губернаторъ увѣдомляетъ, что при отъѣздѣ онъ видѣлъ какъ „многіе проливали слезы благодарности и безпрерывно раздавалось имя матери отечества.“ Такое же умиленіе и въ Вышнемъ Волочкѣ. Здѣсь ямская канцелярія успѣла было распространить въ народѣ какіе-то неблагопріятные слухи о новыхъ повинностяхъ, но торжественное чтеніе указа тотчасъ ихъ разсѣяло.

Во время пребыванія губернатора въ Боровичахъ случился день восшествія на престолъ (28 іюня). Сиверсъ не нашелъ ничѣмъ лучшимъ заявить свою преданность императрицѣ въ этотъ день, какъ сѣсть на барку съ „главнымъ командиромъ Боровицкихъ пороговъ,“ генераломъ Муравьевымъ, и осмотрѣть его работы по водянымъ сообщеніямъ. Губернаторъ остался ими очень доволенъ. Но вслѣдъ затѣмъ одинъ изъ шлюзовъ надѣлалъ ему много хлопотъ. Вода испортила часть фундамента, и требовалось нѣсколько недѣль на починку, прежде нежели барки могли проходить свободно. Вышневолоцкій каналъ служилъ тогда единственнымъ сообщеніемъ Волги съ Петербургомъ, и одинъ испорченный шлюзъ не на шутку испугалъ Сиверса: его воображенію представлялась уже вся русская торговля въ застоѣ и сто-

лица умирающею съ голоду. Пользуясь случаемъ, онъ напоминаетъ императрицѣ свои прежніе планы о проведеніи двухъ боковыхъ путей: одного на Вытегру и Бѣлое озеро, а другаго на Селигеръ и рѣку Полу.

Изъ Вышняго Волочка Сиверсъ спустился по Тверцѣ до самой Твери, и полюбовался постройками въ своемъ любимомъ городѣ. „Тверь, замѣчаетъ онъ, хорошѣетъ съ каждымъ днемъ.“ Точно также порадовала его строительная дѣятельность въ промышленномъ Торжкѣ. Здѣсь воздвигались: соляной магазинъ, новыя каменныя лавки и двѣ каменныя больницы. Довольный начальникъ мечтаетъ уже о двухъ небольшихъ водопроводахъ, которымъ положеніе города очень благопріятствуетъ. Первый бассейнъ, по его разчету, можетъ быть устроенъ въ одномъ углу рынка, и будетъ стоить не дороже 300 рублей. „Въ Царскомъ Селѣ, замѣчаетъ Сиверсъ, онъ стоилъ бы три тысячи. Понравится жителямъ это полезное сооруженіе и вмѣстѣ украшеніе для города, тогда я построю имъ и второй бассейнъ съ такими же небольшими издержками.“

Послѣднимъ изъ вновь открытыхъ городовъ былъ Осташковъ. Населеніемъ своимъ онъ превосходилъ три другіе; число гражданъ въ немъ простиралось до 2.600. Положеніе Осташкова рѣшительно плѣняло нашего губернатора; особенно нравилось ему озеро съ чрезвычайно-извилистыми берегами и многочисленными островками, заросшими кустарникомъ. „Я долженъ сознаться, прибавляетъ онъ, что во всѣхъ моихъ путешествіяхъ не видалъ болѣе красиваго мѣста. Еслибы удалось посредствомъ рѣки Полы соединить Селигеръ съ Ильменемъ, то Осташковъ по своему положенію сдѣлался бы второю Венеціей.“

Блумъ съ гордостью указываетъ на города, основанные Сиверсомъ; онъ отдаетъ имъ предпочтеніе передъ остальными изъ двухъ сотъ городовъ, открытыхъ въ царствованіе Екатерины II. Его сравненіе особенно не лестно для Потемкина, какъ новороссійскаго генералъ-губернатора, „истратившаго милліоны на возведеніе каменныхъ громадъ, которыя большею частію лежатъ теперь въ развалинахъ.“

Воротясь въ Новгородъ, Сиверсъ нашелъ здѣсь архитектора, присланнаго адмиралтействомъ розыскать мѣсто, гдѣ можно было бы завести парусную фабрику. Губернаторъ очень радъ, и пишетъ императрицѣ, что эта фабрика бу-

детъ благодѣяніемъ для мѣстной промышленности. Вообще, по его словамъ, такъ-называемый великій Новгородъ только великодушіемъ Екатерины выведенъ изъ совершеннаго упадка, и на будущее время существованіе его главнымъ образомъ обезпечено большою царскосельскою или московско-петербургскою дорогой, объ улучшеніи которой онъ прилагалъ всевозможныя старанія. Мы уже знаемъ, какъ новгородскій губернаторъ любилъ разсыпать въ своихъ донесеніяхъ цвѣты краснорѣчія. „Еслибы мнѣ было позволено, пишетъ онъ, то я бы эту дорогу, которая не будетъ имѣть равной себѣ въ Европѣ, назвалъ бы Екатерининскою. Все мое честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобы увѣковѣчить священное имя посредствомъ прочныхъ монументовъ, которые говорили бы потомству о счастіи вашихъ народовъ.“

Спустя нѣсколько дней, губернаторъ по этой самой дорогѣ спѣшилъ въ Петербургъ, чтобы, по обыкновенію, лично отдать императрицѣ отчетъ въ своей послѣдней поѣздкѣ по губерніи. Но два мѣсяца, проведенные въ столицѣ, повидимому, прошли для него не совсѣмъ пріятно. Время случилось довольно тревожное; при дворѣ было не до Сиверса и его новыхъ городовъ. Наступило совершеннолѣтіе великаго князя Павла Петровича. Панинъ, какъ его воспитатель, пріобрѣлъ еще болѣе вѣсу, и ускорилъ паденіе своего недруга, Григорія Орлова. Послѣдній безпечно проводилъ время за мирными переговорами въ Фокшанахъ, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что его мѣсто при дворѣ уже занято Васильчиковымъ. Орловъ бросилъ переговоры, и немедленно поскакалъ въ Петербургъ, не отдыхая ни днемъ, ни ночью. Но недалеко отъ столицы его остановили, и показали высочайшій приказъ ѣхать въ свое гатчинское имѣнье. Поведеніе его при этомъ случаѣ произвело не малое безпокойство. Рѣшительность Орловыхъ была еще въ свѣжей памяти. Но безпокойство оказалось излишнимъ: Григорій утѣшился большими денежными подарками, а Алексѣй не переставалъ выражать самую неограниченную преданность своей благодѣтельницѣ. Незамѣтно, чтобы Сиверсъ принималъ какое-нибудь дѣятельное участіе въ этихъ придворныхъ интересахъ. Мы видимъ только, что онъ умѣлъ сохранить пріязнь обоихъ противниковъ, павшаго Орлова и торжествующаго Панина. Въ концѣ октября онъ покинулъ столицу: вновь объявленный наборъ призывалъ его въ Новгородъ. Губернаторша попрежнему осталась въ Петербургѣ.

„Какъ ни мала моя комната, пишетъ она мужу, но она кажется мнѣ большою пустыней. Въ ней уже нѣтъ бумагъ, которыя ее наполняли, или лучше сказать, я бы желала, чтобы въ ней опять былъ губернаторъ, несмотря на всѣ его планы и бумаги.“

Затѣмъ опять слѣдуетъ рядъ писемъ съ извѣстіями въ томъ же родѣ: о балахъ, объ аріяхъ Габріели и пируэтахъ Сантини, которая „танцуетъ какъ ангелъ,“ о дорогихъ подаркахъ, которыми императрица осыпаетъ заѣзжихъ артистовъ и поэтовъ; о томъ, что дѣвицы Озерова и Бёмъ произведены во фрейлины, что графъ Иванъ Чернышевъ каждый понедѣльникъ даетъ концертъ и ужинъ на 30 особъ; о томъ, какъ она, Елизавета Сиверсъ, обѣдала у графини Брюсъ, проводила вечеръ у Марьи Ст. (Строгановой?). На послѣднемъ вечерѣ общество танцовало подъ игру губернаторши на фортепьяно; при этомъ она подсмѣивается надъ своею тяжелою фигурой. Между прочимъ одинъ вечеръ общество собралось у нея; тутъ былъ и неизбѣжный Калгасултанъ съ своимъ приставомъ, княземъ Путятинымъ. Софья Ст. плѣнила всѣхъ своею граціей, и Татаринъ смотрѣлъ на нее пылающими взорами; съ нею танцовалъ ея двоюродный братъ, Путятинъ, который умѣлъ развеселить все общество. „Нашъ добрый князь Путятинъ уѣзжаетъ, пишетъ она 20-го ноября. И такъ цѣлый годъ онъ ежедневно проводилъ время въ нашемъ обществѣ. Папа и мама жалѣютъ его какъ собственнаго сына; но уже назначенъ день для отъѣзда Калги. Онъ собираетъ здѣсь всѣхъ плѣнныхъ Татаръ, которыхъ ему позволено взять съ собой. Не спѣши очень съ лошадьми; ему было бы лучше ѣхать по зимнему пути.“ Спустя двадцать дней, мы узнаемъ изъ ея писемъ, что Калга все еще въ Петербургѣ, частію вслѣдствіе оттепели, а частію вслѣдствіе долговъ, которые онъ здѣсь надѣлалъ, несмотря на роскошные подарки императрицы. Замедленію его не мало способствовало, повидимому, и нежеланіе молодаго Путятина разстаться съ семействомъ Сиверсовъ, гдѣ онъ такъ пришелся по вкусу. Губернаторъ между тѣмъ выходитъ изъ себя отъ этого замедленія. Онъ жалуется Панину, и наконецъ обращается къ самой императрицѣ; поздравляя ее съ заключеніемъ выгоднаго Крымскаго трактата онъ проситъ ускорить отъѣздъ султана: съ 30-го ноября его ожидало на станціяхъ 2.500 лошадей, а содержаніе каждой лошади стои-

ло бѣднымъ крестьянамъ 25—30 коп. Спустя еще нѣсколько дней Калга и Путятинъ выѣхали изъ Петербурга.

Послѣ ихъ отъѣзда главный интересъ въ письмахъ губернаторши сосредоточивается на извѣстіяхъ о павшемъ любимцѣ, Григоріи Орловѣ.

Когда Орловъ принужденъ былъ удалиться въ Гатчину, съ нимъ завязали переговоры чрезъ посредство графа Захара Чернышева, одного изъ его явныхъ непріятелей. Слѣдствіемъ этихъ переговоровъ было то, что Орловъ взялъ годовой отпускъ отъ своихъ должностей „по разстроенному здоровью;“ за нимъ утверждено полученное отъ австрійскаго двора достоинство имперскаго князя съ титуломъ свѣтлости, назначены, конечно, и соотвѣтственныя суммы на его содержаніе. Для жительства себѣ онъ выбралъ Царское Село, и поселился здѣсь съ своею свитой, состоявшею большею частію изъ Нѣмцевъ, каковы: Пальманъ, фонъ-Лёве и фонъ-Тизенгаузенъ. Скоро однако Царское Село ему наскучило, и остзейскіе пріятели убѣдили его переселиться въ Ревель.

„Князь Григорій четыре дня какъ въ городѣ, пишетъ г-жа Сиверсъ 28-го декабря. Каждый день онъ бываетъ при дворѣ и всѣмъ дѣлаетъ визиты. Третьяго дня былъ у меня; нѣсколько разъ горячо обнималъ меня; сказалъ, что чувствуетъ ко мнѣ большую дружбу и уваженіе, и по обыкновенію, говорилъ много пустяковъ. Князь разыгрываетъ веселаго человѣка; только соотвѣтствуетъ ли тому сердечное его расположеніе? Онъ похудѣлъ, что къ нему очень идетъ. Вчера при дворѣ былъ балъ; я не поѣхала. Отецъ сказывалъ мнѣ, что князь затмилъ собой всѣхъ кавалеровъ.“

„Вчера (читаемъ нѣсколько дней спустя) при дворѣ былъ концертъ, на которомъ Габріели пропѣла нѣсколько арій. Князь явился осыпанный съ головы до ногъ бриллiантами. Съ нимъ ласково разговаривали, потомъ сѣли за карты. Богъ вѣсть, куда все это должно повести; но вѣрно то, что дѣла идутъ очень странно.“

Наконецъ Орловъ уѣхалъ въ Ревель. Извѣстія о немъ однако не прекращаются. Младшій братъ Сиверса, находившійся въ Ревелѣ, описываетъ губернатору нѣсколько маскарадовъ, которые были устроены сначала городомъ въ честь Орлова, а потомъ Орловымъ въ честь мѣстнаго дворянства и почетнѣйшихъ бюргеровъ. На одномъ изъ нихъ остзейская изобрѣтательность приготовила для князя слѣдующій

сюрпризъ: 17 дворянскихъ паръ въ костюмѣ эстонскихъ поселянъ, съ старостой и волынщикомъ впереди, явились въ маскарадъ подъ именемъ крестьянъ замка Лоде, принадлежавшаго Орлову. Женщины поднесли ему цвѣты и другіе сельскіе подарки. У каждаго крестьянина на спинѣ оказалось по одной крупной буквѣ; за ужиномъ они сѣли отдѣльно отъ другихъ, въ такомъ порядкѣ, что составилась фраза: Es lebe Prinz Orlow! Дня три спустя Орловъ далъ особый пиръ для этихъ мнимыхъ крестьянъ. Послѣ стола для крестьянокъ была устроена лотерея: каждому билету соотвѣтствовали разные подарки, цѣною отъ 60 до 80 руб. Между прочими благодѣяніями, которыя князь расточалъ мѣстнымъ обитателямъ, братъ Сиверса упоминаетъ о томъ, что ландратъ Тизенгаузенъ получилъ анненскій орденъ. Старикъ отъ радости и неожиданности чуть не упалъ въ обморокъ.

Въ Новгородѣ зима также не обошлась безъ баловъ и маскарадовъ, которые явились здѣсь въ подражаніе столичнымъ увеселеніямъ. Сиверсъ собственнымъ примѣромъ усердно поощрялъ свѣтскія удовольствія съ участіемъ дамскаго общества: они способствовали развитію общежитія и смягченію нравовъ. „Браво, господинъ губернаторъ, пишетъ жена. Вы танцуете, и даже много. Я удивляюсь издали вашимъ баламъ. Самое лучшее при этомъ, что они доставляютъ тебѣ развлеченіе. Но не могу похвалить тебя за то, что ты не садишься за обѣдъ ранѣе четырехъ или пяти часовъ.“

Въ январѣ 1773 года она опять подарила губернатору маленькую дочку. Обрадованный супругъ послалъ эстафету въ Петербургъ съ извѣстіемъ, что онъ самъ вскорѣ пріѣдетъ.

Лѣтніе мѣсяцы этого года Сиверсъ провелъ въ обычныхъ разъѣздахъ по губерніи. Онъ посѣтилъ, между прочимъ, городъ Порховъ, обстраивавшійся послѣ пожаровъ, которые въ то лѣто съ большою силою свирѣпствовали по цѣлому краю. Многіе уѣздные дворяне изъявили желаніе поселиться въ Порховѣ и построить тамъ дома, чѣмъ губернаторъ очень доволенъ. „Смѣшеніе сословій, доноситъ онъ, способствуетъ лучшему обращенію денегъ, оживляетъ торговлю и ремесла; нравы также выигрываютъ.“ Въ августѣ онъ объѣхалъ города, открытые въ прошломъ году; нашелъ тамъ, судя по его донесенію, хорошій порядокъ и благодарность императрицѣ за ея благодѣянія. Онъ тщательно вычисляетъ сколько въ

Вышнемъ Волочкѣ и Боровичахъ строится каменныхъ домовъ или по крайней мѣрѣ на каменномъ фундаментѣ; но валдайскіе обыватели по своимъ средствамъ отстали отъ другихъ, и довольствуются только деревянными постройками. Въ ту же поѣздку губернаторъ открылъ воеводскую канцелярію въ Тихвинскомъ посадѣ, и переименовалъ его въ городъ; * а каргопольскаго воеводу отставилъ отъ службы, за казнокрадство.

Осмотръ водяныхъ сообщеній возбудилъ новыя жалобы губернатора на медленность сената въ принятіи необходимыхъ мѣръ: пороги и неисправные шлюзы причинили много вреда торговлѣ. „Какая польза ихъ осматривать и разспрашивать пострадавшихъ! восклицаетъ Сиверсъ. Сенатъ все-таки будетъ думать, что онъ издалека лучше видитъ чѣмъ я своими собственными глазами.“ Особенное негодованіе возбудили въ немъ злоупотребленія надворнаго совѣтника Писарева, который своею небрежностью въ работахъ совсѣмъ разорилъ Сердюковыхъ. ** Губернаторъ самъ распорядился очисткой двухъ порожистыхъ мѣстъ въ рѣкѣ Тверцѣ; изъ устья ея онъ приказалъ вынуть огромный камень, и затопилъ двѣ барки, чтобы сузить ея фарватеръ при впаденіи въ Волгу.

Въ октябрѣ Сиверсъ лично отдаетъ императрицѣ отчетъ въ своихъ поѣздкахъ. Въ столицѣ тогда только-что окончились празднества по случаю бракосочетанія великаго князя съ гессенскою принцессой Вильгельминою. Губернаторъ воспользовался наступившимъ при дворѣ затишьемъ, чтобы возобновить свои представленія объ администраціи водяныхъ сообщеній, объ уничтоженіи дворянской привилегіи представлять вмѣсто рекрутъ квитанціи за ссыльныхъ въ Сибирь,

* Указъ 21-го марта 1773 года. Открытіе новыхъ городовъ способствовало дробленію Новгородскаго уѣзда, на несоразмѣрную величину котораго постоянно жаловался Сиверсъ.

** Петръ I поручилъ производство работъ и содержаніе Вышневолоцкихъ шлюзовъ одному купцу калмыцкаго происхожденія, Сердюкову, на его собственныя средства, и за это далъ ему привилегію на 50 лѣтъ съ правомъ взимать въ свою пользу извѣстную плату съ проходящихъ барокъ. Елизавета возвела его въ дворянское достоинство. По смерти Сердюкова каналъ перешелъ къ его наслѣдникамъ; сенатъ назначилъ при нихъ особаго чиновника для завѣдыванія каналомъ (Писарева).

объ отчисленіи Олонецкаго уѣзда къ Петербургской губерніи и пр. Изъ этихъ представленій только одно увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Указомъ 22-го ноября 1773 года водяныя сообщенія Новгородской губерніи наконецъ были изъяты изъ непосредственнаго вѣдомства сената и поручены „въ главную дирекцію“ новгородскому губернатору (кромѣ Ладожскаго канала). * Сиверсъ принялъ указъ съ живѣйшею благодарностью; онъ теперь могъ вполнѣ предаться этому любимому занятію. Его заботы совершенно соотвѣтствовали важности предмета: въ Новгородской губерніи находился главный узелъ водяныхъ сообщеній между столицей и областями государства; черезъ эту губернію направлялась почти вся наша внутренняя торговля.

Первымъ дѣломъ Сиверса послѣ того была просьба къ императрицѣ о присылкѣ ему на помощь Гергарда. Этотъ превосходный инженеръ долго находился въ австрійской службѣ. Но Марія Терезія, какъ извѣстно, не отличалась большою вѣротерпимостью; Гергардъ, какъ протестантъ, подвергся религіознымъ преслѣдованіямъ, и даже попалъ въ тюрьму. Отсюда ему удалось бѣжать. Сиверсъ узналъ его во время своего заграничнаго путешествія, и имѣлъ случай удивляться его работамъ, особенно прекрасному мосту въ Тріестѣ. По указанію того же Сиверса, Екатерина пригласила Гергарда въ свою службу. Губернаторъ проситъ теперь прислать его для совѣтовъ и указаній относительно испорченныхъ Вышневолоцкихъ шлюзовъ и двухъ другихъ проектированныхъ путей, то-есть на Селигеръ и Бѣлое озеро. Особенно много ожидаетъ онъ отъ послѣдняго пути: съ открытіемъ его усилится судоходное движеніе по Онежско-ладожской водной системѣ, и адмиралтейство можетъ-быть найдетъ выгоднымъ въ мирное время отпускать сюда морскіе чины для заработокъ и упражненій въ судоходствѣ. При этомъ Сиверсъ проситъ императрицу сказать генералъ-прокурору два слова о томъ, чтобы сенатъ поскорѣе передалъ ему бумаги и планы, относящіеся къ Вышневолоцкой системѣ.

Прошло нѣсколько недѣль въ ожиданіи отвѣта. Наконецъ

---

* П. С. З. 14.070. Въ слѣдующемъ 1774 году указомъ 1-го декабря Вышневолоцкіе шлюзы отобраны у наслѣдниковъ Сердюкова и отданы въ казенное содержаніе.

Гергардъ явился и вручилъ губернатору короткую записку императрицы: она требовала не задерживать долго ея инженера. Губернаторъ былъ нѣсколько смущенъ сухостью записки. Но вслѣдъ затѣмъ почта принесла ему другое письмо, которое своимъ игривымъ тономъ и содержаніемъ совершенно разсѣяло недоумѣнія губернатора. Екатерина замедлила отвѣтомъ, потому что прежде надобно было справиться въ адмиралтействѣ и у генерала Боура, можно ли въ настоящую минуту обойдтись безъ Гергарда. „Однако, писала она, между прочимъ, не льстите себя надеждой похитить его у насъ навсегда. Онъ можетъ осмотрѣть ваши шлюзы, можетъ составить вамъ планы, пріѣзжать и уѣзжать. Но мы не отдадимъ вамъ его совершенно, потому что всѣ требуютъ Гергарда, и я первая, для моего бѣднаго Царскаго Села, гдѣ ему надобно время отъ времени бросить взглядъ на безчисленныя плотины, которыя тамъ строятся.“ Относительно новыхъ водяныхъ путей, замышляемыхъ Сиверсомъ и требующихъ большихъ издержекъ, Екатерина замѣчаетъ, что теперь для нихъ время совсѣмъ неблагопріятное. (То была эпоха Пугачевщины).

Письмо было собственноручное и написано по-французски какъ большая часть писемъ Екатерины къ Сиверсу; изрѣдка писала она ему по-нѣмецки и еще рѣже по-русски. Обрадованный губернаторъ отвѣчаетъ въ томъ же тонѣ. „Мои шлюзы и плотины совершенно гармонируютъ съ тѣми, посреди которыхъ отдыхаетъ благодѣтельная фея Царскаго Села. Я ласкаю себя надеждою, что послѣ вашихъ необъятныхъ трудовъ журчаніе фонтановъ и водопадовъ покажется еще привлекательнѣе Вашему Величеству, если во время прогулки Вы вспомните, что пороги сдѣлались менѣе шумны, и что хорошее распредѣленіе водъ приводитъ въ цвѣтущее состояніе торговлю Вашего неизмѣримаго государства.“

Сиверсъ и Гергардъ дѣятельно принялись за работу. Они скачутъ въ Вышній Волочекъ, осматриваютъ тамъ разрушившійся Цнинскій шлюзъ; сочиняютъ планы какъ поправить его до начала навигаціи; на обратномъ пути осматриваютъ Боровицкіе пороги. Гергардъ спѣшитъ въ Петербургъ, но въ мартѣ опять возвращается въ Новгородъ. Губернаторъ изслѣдуетъ съ нимъ устья Мсты, изъ которой задумалъ провести каналъ въ Волховъ, чтобъ обойдти озеро Ильмень. Онъ очень доволенъ своимъ изслѣдованіемъ и до-

носитъ, что каналъ, по причинѣ ровной мѣстности, не потребуетъ никакой обшивки, а просто составитъ рукавъ рѣки; большая дорога между Боровичами и Новгородомъ пойдетъ по плотинѣ канала, чѣмъ будетъ выиграно до 14 верстъ. Но прошло еще много лѣтъ прежде нежели осуществился планъ этого новаго канала (Сиверсова). Въ началѣ апрѣля Гергардъ энергически принялся за Вышневолоцкіе шлюзы, потому что наступало уже время навигаціи. Онъ трудился день и ночь съ 200 работниковъ; но весенняя пора много замедляла работу; вода не разъ прорывала плотины.

Губернаторъ по Тверцѣ спустился до Твери навстрѣчу баркамъ, которыя уже собрались тамъ въ числѣ 1000; онѣ начали проходить вверхъ, пользуясь полою водой. Къ несчастью, вскорѣ наступили сильные жары, и вода стала быстро падать. Въ добавокъ, въ Старорусскомъ уѣздѣ открылось моровое повѣтріе; надобно было запереть сообщенія съ сосѣдними мѣстностями. Болѣе 800 барокъ рисковало подвергнуться той же участи, если не успѣютъ пройдти вовремя Боровицкіе пороги. Губернаторъ лично распоряжается ихъ движеніемъ, и наблюдаетъ за ихъ проходомъ въ каждомъ опасномъ мѣстѣ. Благодаря своей усердной дѣятельности, онъ благополучно провелъ и другіе подоспѣвшіе караваны; затѣмъ побывалъ въ Старой Русѣ, гдѣ мимоходомъ осмотрѣлъ заводы Боура, которые начали вываривать соли отъ 50 и до 60.000 пудъ въ лѣто. Потомъ онъ опять вернулся къ каналу; здѣсь работы Гергарда, при всей его неутомимости медленно подвигались впередъ и были окончены только въ іюнѣ. За то Цнинскій шлюзъ, занимавшій главное мѣсто въ системѣ Вышневолоцкаго канала, получилъ теперь улучшенное русло и двойную каменную обшивку, такъ что многіе годы могъ оставаться безъ поправокъ.

Въ началѣ весны 1774 года, когда Сиверсъ поспѣшилъ на водяныя сообщенія, жена его снова покинула Новгородъ и отправилась въ Петербургъ. Отсюда она попрежнему сообщаетъ мужу придворныя новости, которыя не могли не интересовать его, такъ какъ положеніе государственнаго человѣка прежде всего обусловливалось придворными отношеніями. Именно въ это время въ столицѣ совершалась важная перемѣна: Потемкинъ былъ пожалованъ генералъ-адъютантомъ и мало-по-малу начиналъ забирать въ свои руки преобладающее вліяніе. Не надобно думать, чтобъ это вліяніе

досталось ему безъ большихъ усилій; напротивъ, вначалѣ встрѣтились разные авторитеты, которые одолѣть было не легко. На переднемъ планѣ стоялъ Панинъ; онъ сильно противился вмѣшательству генералъ-адъютантовъ въ государственныя дѣла, и старался сдѣлать ихъ простымъ орудіемъ въ своихъ рукахъ. Потемкинъ, судя по письмамъ г-жи Сиверсъ, на первыхъ порахъ оказывалъ полное уваженіе Панину, какъ своему прежнему покровителю, и вообще былъ со всѣми любезенъ и привѣтливъ. „Иногда, пишетъ Елизавета, я вижу любимца проѣзжающаго по улицѣ въ шесть лошадей крупною рысью; онъ что-то высматриваетъ."

Время отъ времени губернаторша продолжаетъ сѣтовать на разлуку съ мужемъ и на его вѣчныя работы, или рисуетъ ему семейныя сцены. Напримѣръ: „завтра мы отправляемся къ причастію съ добрымъ папа; я только-что оставила его послѣ того какъ мы вмѣстѣ молились Богу. Катишь, которая была съ нами, сказала, что я должна ее также выучить молиться. Когда папа читалъ, она сидѣла совершенно спокойно на колѣняхъ у бабушки. Папа произносилъ ту самую молитву, которую онъ прочелъ въ минуту кончины твоего отца: воспоминаніе о немъ растрогало его до слезъ." Тесть Сиверса самъ замѣтно слабѣетъ и приближается къ гробу. Къ своему племяннику и зятю онъ продолжалъ питать вполнѣ отеческія чувства, и часто поручалъ дочери передавать ему благословеніе и совѣты беречь свое здоровье.

Безпрерывные труды нашего губернатора, особенно по воднымъ сообщеніямъ, возбуждали немалое безпокойство въ его женѣ, которая пишетъ къ нему, что не можетъ равнодушно слышать слово „барка." „Вѣчные пороги, болота, шлюзы, вѣчныя работы! восклицаетъ она. Никогда покоя, никогда денегъ!" Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторша сообщаетъ мужу и разныя извѣстія о Пугачевѣ, о пораженіи его княземъ Голицинымъ, о смерти генерала Бибикова, послѣ котораго остались жена и дѣти въ жалкомъ положеніи, съ долгами на рукахъ, и т. п. Тяжелая эпоха для Россіи продолжалась; но въ столицѣ пиры и увеселенія не прерывались. Тутъ дѣйствовалъ искусный политическій разчетъ: роскошь питала столичную промышленность, а непрерывныя награды, наружная безпечность и увеселенія поддерживали спокойствіе въ умахъ. Но Екатерина очевидно переживала весьма тревожныя минуты, особенно безпокоила ее мысль, что̀ скажетъ Европа?

Въ этомъ отношеніи интересно то собственноручное письмо ея къ Сиверсу (отъ 10 декабря 1773 года), о которомъ мы упоминали, по поводу присылки Гергарда. „Назадъ тому два года, пишетъ императрица, у меня была чума въ самомъ сердцѣ имперіи. Въ настоящую минуту на границахъ Казанскаго царства у меня чума политическая; она задаетъ намъ трудную задачу (qui nous donne du fil à retordre). Вашъ любезный и достойный собратъ, Рейнсдорпъ (оренбургскій губернаторъ), уже два мѣсяца осажденъ шайкою разбойниковъ, производящею страшныя жестокости и опустошенія. Генералъ Бибиковъ отправляется туда съ войсками черезъ вашу губернію, чтобы усмирить этотъ ужасъ XVIII столѣтія, который не принесетъ Россіи ни чести, ни славы, ни пользы. Но, наконецъ, съ Божьёю помощью, надѣюсь взять надъ нимъ верхъ, потому что на сторонѣ его сволочи (ses canailles) нѣтъ ни ума, ни порядка, ни искусства; это сбродъ нищихъ, а во главѣ ихъ стоитъ самозванецъ, равно дерзкій и невѣжественный. По всей вѣроятности дѣло кончится висилицами; но какая перспектива, господинъ губернаторъ, для меня, которая ненавидитъ висилицы! Мнѣніе Европы отнесетъ насъ ко временамъ царя Ивана Васильевича: вотъ какая честь ожидаетъ Имперію отъ этого несчастнаго событія! Я приказала не дѣлать болѣе тайны изъ этой исторіи: пусть люди высказываютъ о ней свои мнѣнія и свои чувства.“

Сиверсъ въ своемъ отвѣтѣ выражаетъ полную увѣренность въ способностяхъ дѣйствующихъ генераловъ. „Я подалъ Бибикову мысль, доноситъ онъ, отъ Бронницъ отправить первый гренадерскій батальйонъ на саняхъ. По его требованію я велѣлъ выдать 2.200 руб. прогонныхъ денегъ, и послалъ впередъ чиновника, чтобы приготовить 200 подставныхъ лошадей. Они будутъ дѣлать по 80 верстъ въ день. Второй батальйонъ съ военными снарядами отправился вчера на 150 лошадяхъ. Гусары уже далеко ушли впередъ. Рота Вятскаго полка, выступившая отсюда перваго декабря, должна быть около Казани; въ два дня она сдѣлала 250 верстъ. Жду кирасировъ, которые не могутъ идти такъ скоро. Съ восхищеніемъ читалъ я превосходныя слова манифеста. Какія истины насчетъ междуусобной войны! Смѣю ли говорить о томъ? но уже время объявить манифестъ. Народъ жаждетъ извѣстій: за недостаткомъ настоящихъ онъ ихъ выдумываетъ. Мнѣ приходится оспаривать многія забавныя новости.

Въ сущности опасаюсь не столько за Оренбургъ, потому что знаю Рейнсдорпа, сколько за Астрахань, которая нѣкогда служила убѣжищемъ Стенькѣ Разину и мятежнымъ стрѣльцамъ.“

Очевидно, пока продолжалась Турецкая война, и провинціи, гдѣ дѣйствовали мятежники, имѣли слишкомъ мало войскъ, трудно было справиться съ этимъ бѣдствіемъ восточной Россіи. Наконецъ, давно желанный миръ съ Турціей заключенъ въ Кучукъ-Кайнарджи. Но почти въ самый день его заключенія Пугачевъ сжегъ Казань, и крестьянское волненіе достигало уже до самаго центра Россіи. Сиверсъ совѣтуетъ императрицѣ немедленно праздновать миръ, и съ возможно бо́льшимъ великолѣпіемъ, чтобы произвести успокоительное впечатлѣніе на умы. Это празднованіе Екатерина отложила до возвращенія Румянцева съ частью его арміи, а главное, до окончанія Пугачевскаго мятежа; на первое время ограничились пока благодарственнымъ молебномъ въ Казанскомъ соборѣ. Такой же молебенъ, въ присутствіи Сиверса, отслужилъ въ Твери архіепископъ Платонъ (потомъ извѣстный митрополитъ московскій). Между тѣмъ черезъ Новгородскую губернію скакали на почтовыхъ полки, вновь отправляемые противъ Пугачева. Дѣло это требовало самыхъ энергическихъ мѣръ. Несмотря на пораженіе, понесенное имъ отъ Михельсона на берегахъ Казанки, паника между помѣщиками усиливалась. Многіе дворяне изъ Москвы бѣжали въ Тверь, и произвели было здѣсь тревогу. Пріѣздъ губернатора, вооружившагося самымъ безпечнымъ видомъ, способствовалъ нѣсколько сохраненію спокойствія въ этомъ городѣ. „Ложные слухи о самозванцѣ продолжаются на-ряду съ настоящими, доноситъ губернаторъ. Народъ толкуетъ, а дворянство смущено. Я стараюсь принудить къ молчанію однихъ и успокоить другихъ. Я желалъ бы, если нѣтъ препятствій, чтобы Вятскій полкъ остался въ Новгородѣ, хотя бы только для вида. Единственный батальйонъ и двѣ гарнизонныя роты на такую губернію, какъ моя, и однако доброе населеніе остается спокойно!“ Далѣе Сиверсъ умоляетъ императрицу отсрочить рекрутскій наборъ, пока волненіе, уже ослабленное славнымъ миромъ, окончательно успокоится съ прекращеніемъ политической язвы. Въ одномъ изъ слѣдующихъ донесеній губернаторъ говоритъ, что посылка князя Рѣпнина въ Турцію породила тревожный слухъ, будто султанъ отказывается под-

писать Кайнарджійскій миръ; извѣстія съ береговъ Волги также поддерживаютъ безпокойство, и многія толпы бурлаковъ, провожавшихъ барки до Петербурга или до Новгорода, отказались подрядиться на новую работу подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ надобно побывать домой; а они большею частію изъ Московской провинціи."

Екатерина отвѣчала губернатору собственноручно и самымъ успокоительнымъ образомъ. Рѣпнинъ отправленъ въ Константинополь посломъ; на случай болѣзни Румянцева, онъ уполномоченъ принять начальство надъ арміей; но Румянцевъ уже оправился, а относительно мира Порта изъявляетъ полную готовность подтвердить его. „Маркизъ Пугачевъ, продолжаетъ она, 25-го августа, во ста верстахъ за Царицынымъ, разбитъ на-голову нашимъ героемъ Михельсономъ. Донскіе казаки преслѣдуютъ злодѣя по пятамъ, и майоръ, привезшій это извѣстіе, не сомнѣвается въ его скорой поимкѣ. Впрочемъ, не надобно продавать шкуру медвѣдя, пока онъ не пойманъ. Но вѣрно то, что его пушки, добыча, люди, скотъ, — все въ рукахъ Михельсона. Злодѣй во весь опоръ поскакалъ съ шайкой изъ пятидесяти яицкихъ казаковъ къ Астрахани по этой сторонѣ Волги; тамъ на низу онъ не замутитъ воды. 1.500 донскихъ казаковъ преслѣдуютъ его на свѣжихъ коняхъ, и подаютъ надежду видѣть его у насъ въ плѣну."

Надежда эта, какъ извѣстно, исполнилась. Измѣна собственныхъ товарищей отдала бѣглеца въ руки правительства.

Тревожное время и усиленныя работы по воднымъ сообщеніямъ не мѣшали однако Сиверсу заботиться и о другихъ предметахъ государственнаго быта. Чрезвычайная скудость образованія въ дворянскомъ сословіи поражала его и наводила постоянно на мысль о школахъ. Въ февралѣ 1774 года, онъ представилъ проектъ о заведеніи дворянскихъ школъ въ каждой губерніи. Проектъ его пока не былъ осуществленъ, но губернаторъ и въ послѣдствіи не упускалъ случая возвращаться къ тому же предмету. На Тверскую семинарію, по его ходатайству, императрица приказала отпускать еще до 1.000 руб. въ годъ. Онъ вмѣстѣ съ архіепископомъ Платономъ составилъ планъ новаго семинарскаго зданія; но расходы военнаго времени заставили отложить исполненіе этого плана, и семинарія пока помѣстилась въ нижнемъ этажѣ архіерейскаго дома.

Губернаторъ, между прочимъ, обращаетъ вниманіе императрицы на исправленіе купола въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, для чего онъ потребовалъ 500 руб. изъ коллегіи экономіи. Съ изображеніемъ Спасителя, находящимся внутри купола, издавна соединена была слѣдующая легенда: „когда благословляющая рука образа раскроется, тогда произойдетъ разрушеніе Новгорода водами озера Ильменя." „Сквозь чудотворную руку, доноситъ губернаторъ, показалась трещина, которая способствуетъ тому, что пальцы удлиняются. Архитекторъ сообщилъ мнѣ это открытіе съ чрезвычайно смущеннымъ видомъ. Однако я не буду нисколько имъ смущаться, и только прикажу исправить стѣнки купола. Осматривая колокольню собора, которая стоитъ отдѣльно отъ него и будитъ меня каждое утро, я чуть не сломилъ себѣ шею. На поправку ея я потребовалъ изъ коллегіи экономіи 400 руб. Если Ваше Величество будете читать мое донесеніе въ свободную минуту, то соблаговолите сказать слово коллегіи, чтобъ она за одинъ разъ выдала всю сумму (900 руб). или полную тысячу."

Далѣе, по поводу колебанія хлѣбныхъ цѣнъ, Яковъ Ефимовичъ указываетъ императрицѣ вообще на тѣ затрудненія, которыя терпитъ наша хлѣбная торговля. „Какія злоупотребленія, какую небрежность открываю я каждый день!" восклицаетъ онъ. Между прочимъ, состояніе Ладожскаго канала такъ дурно, что одинъ проходъ барокъ по этому каналу увеличиваетъ цѣну куля съ мукой на 25—30 коп. Купцы иногда предпочитаютъ продать хлѣбъ дорогой или перезимовать, чѣмъ пускаться лѣтомъ или осенью въ Ладожскій каналъ. Для устраненія вреднаго колебанія цѣнъ, у нашего губернатора готовъ уже и новый проектъ: объ учрежденіи въ Петербургѣ запасныхъ полицейскихъ магазиновъ. Сущность проекта заключалась въ томъ, чтобы правительство покупало для этихъ магазиновъ хлѣбъ, когда онъ очень дешевъ, и отпускало бы его во время дороговизны.

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

I.

Весь день она лежала въ забытьи —
И всю ее ужъ тѣни покрывали —
Лилъ теплый, лѣтній дождь—его струи
По листьямъ весело звучали.

И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться къ шуму,
И долго слушала,—увлечена,
Погружена въ сознательную думу...

И вотъ, какъ бы бесѣдуя съ собою,
Сознательно она проговорила:
(Я былъ при ней, убитый, но живой)
О, какъ все это я любила!..

. . . .
. . . .

Любила ты и такъ какъ ты любить,
Нѣтъ, никому еще не удавалось,
О Господи!... и это пережить!..
И сердце на клочки не разорвалось!

II.

Женева, 11-го (23-го) октября 1864 г.

Утихла буря.... легче дышетъ
Лазурный сонмъ женевскихъ водъ —
И лодка вновь по нимъ плыветъ,
И снова лебедь ихъ колышетъ.

Весь день, какъ лѣтомъ, солнце грѣетъ —
Деревья блещутъ пестротой,
И воздухъ ласковой волной
Ихъ пышность ветхую лелѣетъ.

А тамъ, въ торжественномъ покоѣ,
Разоблаченная съ утра,
Сіяетъ бѣлая гора,
Какъ откровенье неземное.

Здѣсь сердце такъ бы все забыло,
Забыло бъ муку всю свою, —
Когда бы тамъ въ родномъ краю
Одной могилой меньше было....

III.

Ницца, декабрь.

О, этотъ югъ, о эта Ницца!
О, какъ ихъ блескъ меня тревожитъ!
Жизнь, какъ подстрѣленная птица,
Подняться хочетъ — и не можетъ:
Нѣтъ ни полета, ни размаху,
Висятъ поломанныя крылья,
И вся она, прижавшись къ праху,
Дрожитъ отъ боли и безсилья.

IV.

Ницца 2-го (14-го) января 1865 г.

Какъ хорошо ты, о море ночное,
Здѣсь лучезарно, тамъ сизо-темно...
Въ лунномъ сіяніи, словно живое,
Ходитъ, и дышетъ, и блещетъ оно...

На безконечномъ, на вольномъ просторѣ,
Блескъ и движеніе, грохотъ и громъ.
Тусклымъ сіяньемъ облитое море,
Какъ хорошо ты въ безлюдьи ночномъ!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздникъ такъ празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая;
Чуткія звѣзды глядятъ съ высоты.

Въ этомъ волненіи, въ этомъ сіяньи,
Весь какъ во снѣ, я потерянъ стою.
О, какъ охотно бы въ ихъ обаяньи
Всю потопилъ бы я душу свою!

Т....

АРМАДЕЛЬ.*

РОМАНЪ ВИЛЬКИ КОЛЛИНЗА.

КНИГА ВТОРАЯ.

IV. Тѣнь прошлаго.

Одинъ скрываясь за бортомъ, другой смѣло выдѣляясь въ желтоватомъ сіяніи мѣсяца, оба пріятеля молча посмотрѣли другъ другу въ лицо. Но врожденная безпечность Аллана тотчасъ же указала ему смѣшную сторону ихъ положенія. Онъ сѣлъ верхомъ на бортъ и залился громкимъ, задушевнымъ смѣхомъ.

— Во всемъ виноватъ я одинъ, сказалъ онъ;—но помочь этому горю уже поздно. Вотъ мы и сиди теперь въ собственной западнѣ, а докторскую шлюпку поминай какъ звали! Да покажитесь же изъ мрака, Мидвинтеръ! Я почти васъ не вижу, а между тѣмъ мнѣ нужно потолковать съ вами о томъ что̀ бы такое предпринять намъ теперь?

Мидвинтеръ ничего не отвѣчалъ и даже не шевельнулся. Алланъ оставилъ бортъ, и взобравшись на бакъ, сталъ внимательно смотрѣть на воду Зунда.

— Одно только вѣрно, сказалъ онъ,—что тутъ съ одной стороны у насъ теченіе, съ другой подводные камни, и что мы никакъ уже не можемъ пуститься вплавь, чтобы вы-

---

* См. *Русск. Вѣстн.* 1864 г. №№ 10 и 11 и 1865 г. № 1.

браться изъ этой западни. Спереди положеніе дѣлъ незавидно. Посмотримъ каково будетъ съ кормы. Да проснись же, товарищъ! весело крикнулъ онъ, проходя мимо Мидвинтера.— Пойдемъ взглянуть на эту старую бочку съ кормы. И опустивъ руки въ карманы, онъ пошелъ впередъ, подпрыгивая и напѣвая мотивъ хора изъ какой-то комической оперы.

Звуки его голоса не произвели никакого видимаго дѣйствія на его друга; но когда рука его дотронулась мимоходомъ до плеча Мидвинтера, послѣдній вздрогнулъ, и медленно выступилъ изъ темнаго круга, образуемаго тѣнью борта.

— Да ну, иди же! крикнулъ Алланъ, прерывая на минуту свое пѣніе, и оборачиваясь назадъ.

Мидвинтеръ слѣдовалъ за нимъ въ ненарушимомъ молчаніи. Прежде нежели достигнуть кормы, онъ трижды остановился: въ первый разъ, для того чтобы сбросить шляпу и откинуть назадъ волосы, висѣвшіе на лбу и на вискахъ; во второй разъ (почувствовавъ головокруженіе), чтобъ ухватиться рукою за рымъ; * а въ третій разъ (хотя Алланъ шелъ впереди его лишь на разстояніи нѣсколькихъ ярдовъ), чтобъ оглянуться украдкою назадъ, съ робкимъ любопытствомъ человѣка, которому кажется будто чьи-то шаги слѣдятъ за нимъ во мракѣ.

— Нѣтъ еще! прошепталъ онъ про себя, между тѣмъ какъ глаза его зорко вопрошали пустое пространство.—Я увижу его на кормѣ запирающимъ дверь каюты.

Кормовая сторона разбитаго судна не была загромождена мусоромъ, наваленнымъ въ другихъ его частяхъ. Здѣсь единственнымъ предметомъ, возвышавшимся надъ гладкою поверхностью палубы, было низкое деревянное строеніе, вмѣщавшее въ себѣ дверь каюты, и каютный трапъ. Крыша съ него была снята, а съ нею и нактоузъ; но входъ въ каюту и всѣ прочія принадлежности оставались неприкосновенными. Люкъ былъ на мѣстѣ, и каютная дверь заперта.

Достигнувъ задней части корабля, Алланъ прямо пошелъ къ кормѣ, и посмотрѣлъ черезъ гакабортъ на море. На гладкой поверхности освѣщенныхъ луною водъ не видно было ни малѣйшаго признака лодки. Зная что зрѣніе Мид-

---

* Скоба въ борту.

винтера гораздо лучше его собственнаго, онъ закричалъ своему другу:

— Подите-ка сюда, да посмотрите, нѣтъ ли здѣсь по близости рыбака, который могъ бы насъ услышать.

Но не получивъ отвѣта, молодой человѣкъ обернулся назадъ и увидалъ, что Мидвинтеръ послѣдовалъ за нимъ лишь до каюты, у которой онъ и остановился. Алланъ окликнулъ его еще громче, сопровождая свой зовъ нетерпѣливымъ жестомъ руки. На этотъ разъ Мидвинтеръ, вѣроятно, услыхалъ его, потому что онъ поднялъ глаза, но попрежнему остался неподвиженъ, какъ будто достигнулъ крайнихъ предѣловъ корабля и не могъ идти далѣе.

Тогда Алланъ вернулся назадъ, и самъ подошелъ къ нему. Трудно было различить на что̀ смотрѣлъ Мидвинтеръ, такъ какъ онъ стоялъ спиною къ свѣту; но, повидимому, глаза его устремлены были съ страннымъ, пытливымъ выраженіемъ на дверь каюты.

— Ну, на что̀ тутъ смотрѣть? спросилъ его Алланъ.—Лучше попробовать не заперта ли она.

Въ ту минуту какъ молодой человѣкъ сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобъ отворить дверь каюты, рука Мидвинтера внезапно схватила его за воротъ и оттащила назадъ; но вскорѣ, ослабѣвъ, хотя и не выпуская Аллана, она сильно задрожала, подобно рукѣ человѣка совершенно изнуреннаго.

— Ужь не арестовать ли вы меня хотите? спросилъ Алланъ, полусмѣясь, полуудивляясь. — Скажите ради Бога, что вы такъ уставились на дверь каюты? Не слышите ли вы тамъ внизу какого-нибудь подозрительнаго шума? Но если вы намѣрены тревожить крысъ, то совѣтую вамъ этого не дѣлать, вѣдь съ нами нѣтъ собаки! Люди, думаете вы? Живыхъ людей тутъ быть не можетъ, потому что они, заслышавъ насъ, ужь давно вышли бы на палубу. Мертвецы? Совершенно невозможно! Никакой экипажъ въ мірѣ не могъ бы утонуть въ виду самихъ береговъ, еслибы только подъ нимъ не разсѣлся корабль, а вы видите, что корабль твердъ какъ скала, и самъ говоритъ за себя. Но, Боже мой, какъ дрожитъ ваша рука! Да что̀ можетъ такъ пугать васъ въ этой старой, гнилой каютѣ? Отчего вы такъ трясетесь и содрогаетесь? Ужь не мерещатся ли вамъ сверхъестественныя существа? Наше мѣсто свято! какъ говорятъ старухи. Не видите ли вы тутъ какого-нибудь призрака?

— *Я вижу ихъ два!* отвѣчалъ Мидвинтеръ, невольно поддаваясь безумному искушенію открыть всю истину.—Два призрака! повторилъ онъ, едва переводя дыханіе, и тщетно стараясь не давать исхода этимъ ужаснымъ словамъ:—призракъ человѣка подобнаго вамъ, который утопаетъ въ каютѣ, и призракъ человѣка подобнаго мнѣ, который запираетъ его на ключъ!

Еще разъ задушевный смѣхъ молодаго Армаделя прокатился звучнымъ и протяжнымъ эхомъ посреди ночной тишины.

— Запираетъ на ключъ дверь каюты! проговорилъ Алланъ, какъ только смѣхъ далъ ему произнести слово. — А вѣдь это дьявольскій поступокъ, мистеръ Мидвинтеръ, со стороны вашего призрака. Послѣ этого, мнѣ остается только выпустить на волю *мою* тѣнь и дать ей прогуляться по кораблю.

Будучи гораздо сильнѣе своего друга, Алланъ легкимъ движеніемъ плеча освободился отъ уцѣпившагося за него Мидвинтера.

— Эй, кто тамъ внизу! весело закричалъ онъ, налегая своею мощною рукой на дряхлый замокъ и настежъ растворяя дверь.—Призракъ Аллана Армаделя, выходи сюда на палубу!

Въ своемъ ужасномъ невѣдѣніи истины онъ просунулъ голову въ каюту и смѣясь посмотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ его погибшій отецъ испустилъ послѣднее дыханіе.

— Уфъ! воскликнулъ онъ, внезапно отступая назадъ съ невольнымъ отвращеніемъ.— Воздухъ уже зараженъ и каюта полна воды!

Это было совершенно справедливо. Подводные камни, о которые разбился корабль, просадили нижнія части кормы, и такимъ образомъ вода прососалась сквозь образовавшіяся трещины. Здѣсь, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ совершилось нѣкогда преступленіе, между прошедшимъ и настоящимъ было ужасное, роковое сходство. Чѣмъ каюта была при отцахъ, тѣмъ она была и въ настоящее время при дѣтяхъ.

Алланъ захлопнулъ дверь ногою, немного удивленный внезапнымъ молчаніемъ, которое, повидимому, овладѣло его другомъ съ той минуты, какъ онъ положилъ свою руку на замокъ каюты. Обернувшись назадъ, онъ тотчасъ же понялъ причину этого молчанія. Мидвинтеръ безъ чувствъ лежалъ на палубѣ передъ дверями каюты; лицо его, обращенное

вверхъ, блѣдное и неподвижное, казалось при свѣтѣ луны лицомъ мертвеца.

Въ одну минуту Алланъ былъ подлѣ него. Положивъ къ себѣ на колѣни голову Мидвинтера, онъ напрасно смотрѣлъ кругомъ, отыскивая взоромъ помощи тамъ, гдѣ не было никакой надежды на помощь.

— Что мнѣ дѣлать? проговорилъ онъ самъ съ собою, въ первую минуту тревоги.—Ни капли свѣжей воды подъ рукою, кромѣ этой гнилой воды въ каютѣ. Но вотъ въ головѣ его промелькнуло внезапное воспоминаніе; лицо его снова оживилось румянцемъ, и онъ вынулъ изъ кармана оплетенную флягу съ виномъ.

— Богъ да благословитъ доктора, за то что онъ далъ мнѣ это на дорогу! воскликнулъ онъ въ порывѣ благодарности, вливая въ горло Мидвинтеру нѣсколько капель чистаго виски.

Возбуждающая жидкость немедленно подѣйствовала на чувствительные органы лежавшаго въ обморокѣ Мидвинтера. Онъ слабо вздохнулъ и медленно раскрылъ глаза.

— Не сонъ ли это? проговорилъ онъ, безсмысленно глядя въ лицо Аллану.

Потомъ глаза его поднялись вверхъ и остановились на обнаженныхъ мачтахъ корабля, которыя, какъ роковые призраки, мрачно рисовались въ ночномъ небѣ. При этомъ видѣ онъ содрогнулся и припалъ лицомъ къ колѣнямъ Аллана.

— Нѣтъ, это не сонъ! прошепталъ онъ про себя печально.— Увы! это не сонъ!

— Вы слишкомъ утомились сегодня, сказалъ ему Алланъ,— а тутъ еще это дьявольское приключеніе окончательно сбило васъ съ ногъ. Отвѣдайте-ка немного виски; я увѣренъ, что оно принесетъ вамъ пользу. Скажите, можете ли вы сидѣть одни, если я прислоню васъ къ борту, вотъ такъ?

— Но для чего мнѣ сидѣть одному? Развѣ вы хотите оставить меня? спросилъ Мидвинтеръ.

Алланъ указалъ такелажъ бизань-мачты разбитаго корабля, до сихъ поръ еще остававшійся на мѣстѣ.

— Вы не настолько крѣпки, сказалъ онъ, чтобы провести здѣсь всю ночь до утра въ ожиданіи работниковъ. Намъ нужно какъ можно скорѣй выбраться отсюда на берегъ, и я сейчасъ же отправлюсь на рекогносцировку, чтобы осмотрѣть, нѣтъ ли тутъ по близости какого-нибудь дома, на разстояніи человѣческаго голоса.

Въ ту минуту какъ Алланъ произносилъ эти немногія слова, глаза Мидвинтера недовѣрчиво устремились на роковую дверь каюты.

— Не подходите къ ней! прошепталъ онъ.—Ради Бога не пытайтесь болѣе отворять ее!

— Да нѣтъ, нѣтъ, не буду, отвѣчалъ Алланъ, ублажая его какъ ребенка.—Спустившись со снастей, я снова приду къ вамъ. Онъ произнесъ эти слова съ нѣкоторымъ смущеніемъ, въ первый разъ подмѣтивъ, во время ихъ настоящаго разговора, какую-то затаенную скорбь на лицѣ Мидвинтера,— скорбь, которая огорчила и встревожила Аллана.

— Скажите, вы не сердитесь на меня? спросилъ онъ съ своимъ обычнымъ, кроткимъ добродушіемъ.—Я хорошо знаю, что кругомъ виноватъ, что я поступилъ какъ скотина и глупецъ, смѣясь надъ вами въ то время, когда можно было бы замѣтить что вы больны. Мнѣ такъ досадно на себя, Мидвинтеръ. Не сердитесь же на меня!

Мидвинтеръ медленно поднялъ голову. Глаза его съ грустью и нѣжнымъ участіемъ остановились на озабоченномъ лицѣ Аллана.

— Сердиться? повторилъ онъ мягко,—сердиться на *васъ*? О, мой бѣдный другъ, развѣ можно было порицать васъ за ваше участіе ко мнѣ, когда я лежалъ больной въ старомъ сельскомъ трактирѣ? И развѣ можно порицать меня за мою признательность къ вамъ? Виноваты ли мы оба, что никогда не сомнѣвались другъ въ другѣ, ни мало не подозрѣвая, что мы слѣпо идемъ по тому пути, который долженъ былъ привести насъ сюда? Уже приближается то горькое время, Алланъ, когда мы будемъ оплакивать день нашей встрѣчи. Дай же руку, братъ, на краю пропасти, дай руку, покамѣстъ мы еще братья!

Алланъ быстро отвернулся отъ него, вполнѣ убѣжденный, что Мидвинтеръ еще не совершенно пришелъ въ себя послѣ обморока.

— Не позабудьте же виски! сказалъ онъ весело, взбираясь по вантамъ на топъ бизань-мачты. *

Былъ уже третій часъ ночи; мѣсяцъ садился, и мракъ, предшествующій разсвѣту, начиналъ сгущаться около разбитаго корабля. Позади Аллана, смотрѣвшаго съ высоты би-

* Топъ—верхняя оконечность мачтъ.

зань-мачты, разстилалось широкое, пустынное море. Впереди его выглядывали изъ-подъ воды низкіе черные утесы, и крутились пѣнистыя волны канала, сердито катившіяся въ спокойную пучину Атлантическаго океана. По правую руку, величественно вздымаясь надъ водой, виднѣлись утесы и пропасти, съ небольшими промежуточными площадками зелени, покатые берега и холмистые, покрытые верескомъ пустыри острова Мана. По лѣвую руку возвышались скалистые берега островка Телецъ, въ иныхъ мѣстахъ представлявшіе черныя, глубокія разсѣлины, въ другихъ—низкія покатости, также поросшія травою и верескомъ. Ни на томъ, ни на другомъ берегу не слышно было ни малѣйшаго звука, не видно было ни малѣйшаго огонька. Черныя линіи мачтовыхъ топовъ почти стушевались въ таинственной темнотѣ неба; береговой вѣтеръ стихъ; легкія волны безшумно катились къ берегу: ни вблизи, ни вдали не слышно было другаго звука кромѣ однообразнаго клокотанія водоворотовъ, нарушавшихъ то страшное затишье, посреди котораго земля и океанъ ожидали разсвѣта.

Даже безпечная натура Аллана почувствовала на себѣ торжественное вліяніе этой тишины. Даже звукъ его собственнаго голоса заставилъ его содрогнуться, когда, нагнувшись внизъ, онъ окликнулъ Мидвинтера, сидѣвшаго на палубѣ.

— Мнѣ кажется, я вижу домъ, сказалъ онъ, — вотъ тутъ, на право, на материкѣ.

Чтобъ еще болѣе убѣдиться въ этомъ предположеніи, онъ сталъ всматриваться въ небольшое бѣловатое пятно, съ едва замѣтными позади его бѣлыми очертаніями, виднѣвшееся на главномъ островѣ, въ поросшей травою впадинѣ.

— Это какъ будто каменный домъ и ограда, продолжалъ онъ.—Попробую закричать на авось!

Для большей безопасности онъ обмоталъ локоть веревкой, приставилъ руки къ губамъ въ видѣ рупора, и вдругъ опустилъ ихъ внизъ, не издавъ ни малѣйшаго звука.

— Въ воздухѣ такая страшная тишина, прошепталъ онъ,— что мнѣ какъ-то жутко кричать.

Онъ опять посмотрѣлъ внизъ на палубу.

— Вѣдь я не испугаю васъ, Мидвинтеръ, нѣтъ? спросилъ онъ съ принужденнымъ смѣхомъ, и еще разъ взглянулъ на едва замѣтное бѣловатое пятно на лужайкѣ.—Не даромъ же я влѣзъ сюда, подумалъ онъ, и опять приставилъ руки къ губамъ въ

видѣ рупора. На этотъ разъ онъ сдѣлалъ окликъ полною грудью.

— Эй! кто тамъ на берегу! громко закричалъ онъ, обернувшись лицомъ къ главному острову.—Айо-йо-йоо!

Послѣдніе звуки его голоса замерли въ воздухѣ и исчезли, не вызвавъ другаго отвѣта кромѣ однообразнаго журчанія крутившейся впереди воды.

Онъ опять посмотрѣлъ внизъ, и увидалъ какъ темная фигура Мидвинтера, выпрямившись во весь ростъ, стала ходить взадъ и впередъ по кормѣ, ни на минуту не выпуская изъ виду каюты.

— Его разбираетъ нетерпѣніе уйдти отсюда поскорѣе, подумалъ Алланъ. — Попробую опять, и онъ еще разъ сдѣлалъ окликъ, въ направленіи къ берегу, изъ всѣхъ силъ напрягая грудь и легкія.

На этотъ разъ ему отвѣтилъ уже другой звукъ кромѣ журчанія воды. Изъ строенія, на зеленой лужайкѣ, раздался ревъ испуганной скотины и уныло пронесся въ предразсвѣтной тишинѣ. Алланъ сталъ прислушиваться. Если въ этомъ строеніи помѣщалась ферма, то ревъ скотины долженъ былъ разбудить людей. Если же тутъ находится только хлѣвъ для помѣщенія скота, то тѣмъ все и должно было кончиться. Мычаніе испуганныхъ животныхъ опять уныло пронеслось и замерло въ воздухѣ; время шло, тишина не нарушалась.

— Попробую еще разъ! сказалъ Алланъ, взглянувъ на безпокойную фигуру, ходившую взадъ и впередъ по палубѣ. И онъ въ третій разъ окликнулъ берегъ, и въ третій разъ сталъ прислушиваться.

Во время небольшой паузы, когда на минуту прекратилось мычаніе скота, ему послышался на противоположномъ берегу канала, въ уединенной пустоши островка Телецъ, слабый и отдаленный, но въ то же время отчетливый и внезапный звукъ, похожій на стукъ тяжелаго двернаго засова. Быстро обернувшись въ этомъ направленіи, онъ напрягъ свое зрѣніе, стараясь различить нѣтъ ли тутъ дома. Послѣдніе трепетные лучи садившагося мѣсяца слабо освѣщали вершины утесовъ и наиболѣе возвышенные пункты мѣстности; но въ промежуточныхъ углубленіяхъ мракъ лежалъ густыми полосами, и въ этомъ-то мракѣ, должно-быть, скрывался домъ.

— Наконецъ я разбудилъ кого-то, одобрительно закричалъ Алланъ Мидвинтеру, все еще продолжавшему свою ходьбу

по палубѣ, безъ малѣйшаго вниманія ко всему происходившему надъ нимъ и вокругъ него.—Слушайте, не будетъ ли отвѣта! проговорилъ онъ, и обернувшись лицомъ къ островку, сталъ громко звать на помощь.

Отвѣта не послѣдовало, но крикъ его былъ повторенъ съ рѣзкимъ, пронзительнымъ смѣхомъ, съ неистовыми возгласами, которые все громче и громче раздавались изъ отдаленнаго мрака, представляя страшную смѣсь человѣческаго голоса съ дикимъ ревомъ животнаго. Въ умѣ Аллана промелькнуло внезапное подозрѣніе, отъ котораго голова его закружилась и кровь застыла въ жилахъ. Молча, затаивъ дыханіе, онъ посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда впервые раздались дикіе звуки, вторившіе его голосу. Черезъ минуту крики возстановились и стали приближаться. И вдругъ какая-то черная фигура, повидимому фигура мущины, вскочила на вершину утеса, и начала скакать и вопить въ угасавшемъ сіяніи мѣсяца. Вслѣдъ затѣмъ вопли испуганной женщины смѣшались съ криками существа скакавшаго на утесѣ. Въ темнотѣ изъ какого-то невидимаго окна блеснула искра отъ зажигаемой свѣчи, и посреди всей этой возни и шума раздался хриплый и сердитый голосъ мущины. Вслѣдъ затѣмъ на утесъ вскочила другая черная фигура; она стала бороться съ первою, и вмѣстѣ съ нею исчезла во мракѣ. Крики стали постепенно ослабѣвать, вопли женщины затихли; хриплый голосъ мущины одинъ окликнулъ разбитый корабль; словъ нельзя было различить по дальности разстоянія, но они ясно звучали страхомъ и бѣшенствомъ. Минуту спустя, снова брякнулъ дверной засовъ; огненная искра погасла, и на островкѣ опять воцарились тишина и мракъ. Ревъ скотины на берегу смолкъ; потомъ снова раздался, и опять смолкъ. И тогда посреди наступившаго молчанія послышалось холодное, однообразное, вѣчное журчаніе водоворота, единственный звукъ, нарушавшій таинственную тишину ранняго утренняго часа, которая быстро спустилась съ высоты небесъ и окутала разбитый корабль своимъ непроницаемымъ покровомъ.

Алланъ сошелъ съ своего обсерваціоннаго пункта и присоединился къ Мидвинтеру, все еще ходившему по палубѣ.

— Намъ нужно дожидаться работниковъ, сказалъ онъ.—Послѣ всего случившагося, признаюсь, у меня пропала охота окликать берегъ. Подумайте только, что я, быть-можетъ, раз-

будилъ въ этомъ домѣ сумасшедшаго! Вѣдь это ужасно, не правда ли?

Мидвинтеръ остановился на минуту, и посмотрѣлъ на Аллана, съ разсѣяннымъ видомъ человѣка, къ которому вы обратились бы съ изложеніемъ обстоятельствъ для него совершенно чуждыхъ. Казалось, если только возможно было подобное предположеніе, что онъ даже совершенно не замѣтилъ всего происшедшаго на островкѣ Тѣлецъ.

— *Внѣ* этого корабля нѣтъ ничего ужаснаго, сказалъ онъ наконецъ.—Все ужасное заключается *въ немъ*.

Сказавъ эти странныя слова, онъ снова повернулся и продолжалъ свою прогулку.

Алланъ поднялъ флягу виски, лежавшую близь него на палубѣ и освѣжилъ себя глоткомъ.

— Вотъ вамъ первая вещь на кораблѣ, которая далеко не ужасна, весело возразилъ онъ, закупоривая флягу пробкой,—а вотъ и другая, прибавилъ онъ, закуривая сигару.—Ужь три часа! продолжалъ молодой человѣкъ, посмотрѣвъ на часы, и спокойно усѣлся на палубѣ, прислонившись спиною къ борту.—Скоро начнетъ свѣтать, и птицы развеселятъ насъ своимъ чириканьемъ. Послушайте, Мидвинтеръ, вы, кажется, совершенно оправились отъ вашего несчастнаго обморока. Но зачѣмъ вы такъ маршируете? Подите-ка лучше сюда, возьмите сигару и усядьтесь вотъ тутъ рядомъ со мною, да покойнѣе. Что за радость сновать изъ угла въ уголъ безъ всякаго толку?

— Я жду, сказалъ Мидвинтеръ.

— Ждете? Чего?

— Того что̀ должно случиться съ вами или со мной, или съ нами съ обоими, прежде нежели мы оставимъ этотъ корабль.

— Преклоняясь предъ вашею проницательностью, мой дорогой товарищъ, я полагаю, вполнѣ довольно съ насъ и того что̀ уже случилось. Не худо было бы, еслибы приключенія наши на томъ и остановились; идти далѣе я вовсе не желаю.

Алланъ еще разъ потянулъ изъ фляги, и покуривая сигару, продолжалъ болтать всякій вздоръ съ своею обычною безпечностью.

— У меня нѣтъ вашего пылкаго воображенія, говорилъ онъ,—и я надѣюсь, что слѣдующимъ событіемъ будетъ про-

сто появленіе лодки съ рабочими. Воображаю, какъ разыгрывалась ваша фантазія, покамѣстъ вы расхаживали здѣсь одни по палубѣ. Ну, признайтесь, о чемъ думали вы въ то время, пока я сидѣлъ на бизань-топѣ и пугалъ коровъ?

Мидвинтеръ внезапно остановился.

— Положимъ, я скажу вамъ, о чемъ, сказалъ онъ.

— Положимъ, вы скажете мнѣ? повторилъ Алланъ.

Мучительное поползновеніе открыть всю истину, поползновеніе, уже возбужденное въ немъ однажды безпощадною веселостью его товарища, еще разъ овладѣло Мидвинтеромъ. Онъ прислонился во мракѣ къ высокому борту корабля, и молча посмотрѣлъ на фигуру Аллана, спокойно протянувшагося по палубѣ. „Смути, шепталъ ему лукавый, это невинное самообладаніе, этотъ безжалостный покой. Покажи ему то мѣсто, гдѣ совершено было преступленіе; пусть онъ узнаетъ его, какъ ты его знаешь; пусть онъ страшится его, какъ ты его страшишься. Разкажи ему о сожженной рукописи и о словахъ, которыя не могутъ быть уничтожены никакимъ огнемъ, и которыя до сихъ поръ живутъ въ твоей памяти. Разкажи ему о твоемъ вчерашнемъ состояніи, когда, чтобы поддержать свою шаткую вѣру въ собственныя убѣжденія, ты бросилъ взглядъ на прошедшее и восхищался мыслію, что во время всѣхъ твоихъ морскихъ странствій, ты ни разу не попалъ на этотъ корабль. Открой ему и настоящее состояніе твоей души, когда корабль настигъ тебя на распутьи новой жизни, въ самомъ началѣ твоей дружбы съ тѣмъ самымъ человѣкомъ, противъ котораго предостерегалъ тебя твой отецъ. Вспомни объ его предсмертныхъ словахъ, и прошепчи ихъ твоему другу, чтобъ и онъ также задумался о нихъ. Прошепчи ему эти слова: *Скрывайся отъ него подъ вымышленнымъ именемъ. Огради себя отъ него горами и морями. Будь неблагодаренъ, будь злопамятенъ, словомъ, будь всѣмъ что окажется противнымъ твоей собственной мягкой натурѣ, только не живи подъ одною съ нимъ кровлей, не дыши однимъ воздухомъ съ этимъ человѣкомъ.*“ Такъ соблазнялъ его искуситель. Такъ, подобно вредному испаренію изъ отцовской могилы, вліяніе отца тлетворнымъ образомъ дѣйствовало на умъ сына

Внезапно наступившее молчаніе удивило Аллана, и онъ сонливо посмотрѣлъ черезъ плечо на своего товарища.

— Опять задумался! воскликнулъ онъ, зѣвая.

Тогда Мидвинтеръ выступилъ изъ мрака, и подошелъ къ Аллану гораздо ближе нежели онъ подходилъ къ нему до сихъ поръ.

— Да! сказалъ онъ,—я задумался о прошедшемъ и о будущемъ.

— О прошедшемъ и о будущемъ! повторилъ Алланъ, перемѣняя положеніе.—Что до меня касается, то я умалчиваю о прошедшемъ. Съ нимъ соединяется для меня весьма непріятный случай—я разумѣю гибель докторской шлюпки. Поговоримъ лучше о будущемъ. Посмотрѣли ли вы на него съ практической точки зрѣнія? какъ говоритъ старый, милый Брокъ. Обсудили ли вы слѣдующій серіозный вопросъ, равно касающійся до насъ обоихъ, когда мы вернемся въ гостиницу,—вопросъ о завтракѣ?

Послѣ минутнаго колебанія, Мидвинтеръ еще ближе подвинулся къ Аллану.

— Я думалъ о своей и о вашей будущности, сказалъ онъ,—я думалъ о томъ времени, когда наши жизненныя дороги, разъединясь, пойдутъ въ разныя стороны.

— Вотъ и свѣтать начинаетъ! воскликнулъ Алланъ.—Взгляните-ка на мачты: онѣ опять начинаютъ выясняться. Но извините, Мидвинтеръ, я перебилъ васъ, вы, кажется, что-то говорили?

Мидвинтеръ ничего не отвѣчалъ. Борьба между наслѣдственнымъ суевѣріемъ, которое побуждало его къ признанію, и непобѣдимою любовью къ Аллану, которая сдерживала его безумные порывы, остановила на нѣсколько минутъ слова, готовыя слетѣть съ его устъ. Онъ отвернулся молча, въ невыразимой душевной мукѣ. „О отецъ мой! подумалъ онъ,—не лучше ли было убить меня въ тотъ день, какъ я спалъ на груди твоей невиннымъ ребенкомъ, нежели оставить мнѣ жизнь для такого страданія!“

— Что вы тамъ говорили о будущемъ? настаивалъ Алланъ.—Я заглядѣлся на разсвѣтъ и не разслышалъ.

Мидвинтеръ сдѣлалъ надъ собою усиліе:

— Разчитывая взять меня съ собою въ Торпъ-Амброзъ, вы поступили съ вашею обычною добротой, сказалъ онъ.— Но обсудивъ этотъ вопросъ серіозно, я нахожу, что мнѣ лучше не навязываться тѣмъ кто меня не знаетъ и не ожидаетъ.

Голосъ его задрожалъ, и онъ снова остановился. Чѣмъ

упорнѣе отказывался онъ отъ этой привлекательной будущности, тѣмъ ярче рисовалась въ его воображеніи картина счастливой жизни, которой онъ добровольно лишалъ себя. Аллану вдругъ пришла въ голову мистификація о новомъ управляющемъ, съ помощью которой онъ потѣшался надъ своимъ другомъ, во время ихъ совѣщанія на яхтѣ.

— Ужь не объ этомъ ли онъ думалъ? мысленно спрашивалъ себя Алланъ,—и не начинаетъ ли онъ смекать въ чемъ дѣло? Нужно попытать его.—Толкуйте себѣ, пожалуй, всякій вздоръ, если это вамъ нравится, продолжалъ онъ вслухъ,—но не забывайте, любезный другъ, что вы обѣщали присутствовать при моемъ переселеніи въ Торпъ-Амброзъ, и высказать мнѣ ваше мнѣніе о новомъ управляющемъ.

Мидвинтеръ внезапно придвинулся къ Аллану.

— Мнѣ нѣтъ дѣла ни до вашего управляющаго, ни до вашего помѣстья, сказалъ онъ запальчиво.—Я говорю о себѣ. Слышите ли, о себѣ! Я не гожусь вамъ въ товарищи. Вы еще не знаете кто я таковъ.

И онъ также быстро удалился во мракъ борта, какъ быстро вышелъ изъ него.

— О Боже! Для чего не могу я открыть ему всего? прошепталъ Мидвинтеръ.

Алланъ былъ пораженъ, но это продолжалось не болѣе минуты.

— Я не знаю кто вы? повторилъ онъ съ своимъ обычнымъ веселымъ добродушіемъ.

Онъ взялъ флягу и многозначительно тряхнулъ ею.

— Послушайте, продолжалъ онъ, — а много ли вы отпили докторскаго лѣкарства, покамѣстъ я сидѣлъ на бизаньтопѣ?

Шутливый тонъ, не измѣнявшій Аллану, окончательно взбѣсилъ Мидвинтера. Онъ опять выступилъ изъ мрака, и сердито топнулъ ногою объ палубу.

— Выслушайте меня! сказалъ онъ. — Вамъ неизвѣстна и половина тѣхъ унизительныхъ занятій, къ которымъ я прибѣгалъ въ продолженіе своей жизни. Я былъ слугою у купца; я мелъ лавку и открывалъ ставни; я разносилъ тюки по улицамъ, и ждалъ у дверей покупателей покамѣстъ мнѣ вышлютъ хозяйскія деньги.

— Что жь! Я и въ половину никогда не былъ такъ полезенъ, возразилъ Алланъ спокойно.—Ахъ, дружище, дружище,

да вы были, какъ я вижу, преработящій малый въ свое время!

— Я былъ бродягою и негодяемъ, отвѣчалъ тотъ съ бѣшенствомъ:—я былъ уличнымъ скоморохомъ, гаеромъ, слугою цыгана! Я пѣлъ и плясалъ за полпенса на большой дорогѣ вмѣстѣ съ танцующими собаками! Я носилъ лакейскую ливрею и служилъ за столомъ! Я былъ поваренкомъ у простыхъ матросовъ и работникомъ у голодныхъ моряковъ! Что можетъ быть общаго у джентльмена въ вашемъ положеніи съ человѣкомъ подобнымъ мнѣ? Можете ли вы ввести меня въ общество, живущее въ Торпъ-Амброзѣ? Да одно имя мое будетъ уже колоть вамъ глаза. Вообразите себѣ физіономіи вашихъ новыхъ сосѣдей, когда слуги ихъ доложатъ въ одно и то же время объ Осіи Мидвинтерѣ и Алланѣ Армаделѣ!

Онъ разразился жесткимъ смѣхомъ, и снова повторилъ эти два имени съ горькимъ презрительнымъ выраженіемъ, которое должно было выставлять на видъ яркій контрастъ между ними.

Нѣчто болѣзненное въ этомъ смѣхѣ покоробило даже безпечную натуру Аллана. Онъ привсталъ съ палубы, и въ первый разъ заговорилъ серіозно.

— Шутка—вещь хорошая, Мидвинтеръ, сказалъ онъ,—но подъ условіемъ не доводить ее до крайности. Я помню, какъ вы сказали мнѣ однажды что-то въ этомъ же родѣ, когда я ухаживалъ за вами въ Соммерсетширѣ. Вы принудили меня спросить у васъ, заслуживаю ли я того чтобы вы, именно *вы*, такъ отдаляли меня отъ себя. Не заставляйте же меня повторить теперь этотъ вопросъ. Шутить со мною можете сколько душѣ вашей угодно, дружище, но только иначе. Подобныя шутки оскорбляютъ меня.

Какъ ни простъ былъ тонъ и значеніе этихъ словъ, они произвели, повидимому, мгновенный переворотъ въ умѣ Мидвинтера. Его впечатлительная натура подалась какъ бы подъ вліяніемъ внезапнаго удара. Молча, не промолвивъ ни единаго слова, онъ удалился на переднюю часть корабля. Тамъ онъ сѣлъ на груду досокъ, сложенныхъ между мачтами, и провелъ рукою по головѣ съ какимъ-то растеряннымъ, безумнымъ видомъ. Хотя отцовская вѣра въ силу рока снова сдѣлалась его убѣжденіемъ, хотя онъ ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что женщина, которую мистеръ Брокъ встрѣтилъ въ Соммерсетширѣ, и женщина, покушавшаяся на

самоубійство въ Лондонѣ, была однимъ и тѣмъ же существомъ, хотя ужасъ, овладѣвшій имъ при чтеніи письма изъ Вильдбада, снова овладѣлъ имъ въ настоящую минуту, однако обращеніе Аллана къ ихъ прошедшей дружбѣ тронуло его сердце еще съ большею силой, нежели сила самого суевѣрія. Онъ сталъ искать теперь предлога, который внушилъ бы ему смѣлость пожертвовать всякимъ, менѣе великодушнымъ побужденіемъ одному преобладающему опасенію — оскорбить чувство своего друга.

— Зачѣмъ огорчать его? прошепталъ онъ. — Конецъ еще впереди — позади насъ еще скрывается во мракѣ женщина. Для чего противиться дружбѣ, когда зло уже сдѣлано, и предостереженіе отца моего пришло слишкомъ поздно? Чему быть того не миновать. Что̀ намъ за дѣло до будущаго, и мнѣ, и ему?

Онъ вернулся къ Аллану, сѣлъ подлѣ него и взялъ его за руку.

— Простите меня, сказалъ онъ кротко:—я оскорбилъ васъ, но это не повторится болѣе. И не давъ ему времени отвѣчать, онъ схватилъ лежавшую на палубѣ флягу.

— Ба! воскликнулъ онъ съ внезапнымъ усиліемъ поддѣлаться подъ веселость своего друга,—если *вы* отвѣдали докторскаго лѣкарства, то почему же не попробовать его и мнѣ?

Алланъ былъ въ восхищеніи.

— Вотъ это похоже на дѣло, сказалъ онъ:—Мидвинтеръ опять становится самимъ собою... Чу! вотъ и птицы встрепенулись. *Утро весело сіяетъ! Пойте пташки, пойте!* Онъ пропѣлъ эти слова своимъ прежнимъ веселымъ голосомъ, и попрежнему дружески ударилъ Мидвинтера по плечу.

— Какъ это вамъ удалось выкинуть изъ головы всю эту проклятую дребедень? Знаете ли, вы вѣдь въ самомъ дѣлѣ были страшны съ вашими предчувствіями чего-то недобраго, могущаго приключиться со мною или съ вами до нашего отъѣзда съ этого корабля?

— Пустяки! отвѣчалъ Мидвинтеръ презрительно. — Мнѣ кажется, мозгъ мой еще и до сихъ поръ не оправился отъ той ужасной горячки; у меня въ головѣ пчела жужжитъ, какъ говорятъ у насъ на сѣверѣ. Потолкуемъ лучше о чемъ-нибудь другомъ. Ну хоть о вашихъ новыхъ жильцахъ! Какъ вы думаете, можно ли положиться на слова агента о семействѣ майора Мильроя? Почему знать, можетъ-быть кромѣ

жены и дочери у него въ домѣ есть и еще какая-нибудь женская личность?

— Ого! воскликнулъ Алланъ,—теперь и *вы* начинаете мечтать о нимфахъ, порхающихъ между деревьями, и о любовныхъ проказахъ во фруктовомъ саду? А? Нѣтъ ли еще женской личности — каковъ? Но положимъ, что въ семействѣ майора не окажется другой: чтòжь намъ дѣлать въ такомъ случаѣ? Тогда мы снова обратимся къ полкронѣ, и пусть судьба рѣшитъ, кому первому ухаживать за миссъ Мильрой.

На этотъ разъ Мидвинтеръ увлекся безпечностію и легкомысліемъ Аллана.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ:—домохозяину должно принадлежать первое право на вниманіе майорской дочки. Я отступаю на задній планъ, и буду ждать появленія новой женщины въ Торпъ-Амброзѣ.

— Прекрасно. А я съ этою цѣлію развѣшу въ паркѣ пригласительный адресъ ко всѣмъ норфокскимъ женщинамъ, сказалъ Алланъ.—Можетъ быть, вы разборчивы относительно роста и цвѣта лица? Какой вашъ любимый возрастъ?

Мидвинтеръ игралъ своимъ собственнымъ суевѣріемъ, какъ играетъ иногда человѣкъ съ заряженнымъ ружьемъ, которое можетъ убить его, или съ дикимъ звѣремъ, могущимъ изуродовать его на всю жизнь. Онъ назвалъ возрастъ женщины въ черномъ платьѣ и красной шали, опредѣленный имъ по его собственному соображенію.

— Тридцать пять, отвѣчалъ онъ.

Не успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ искусственная веселость его мгновенно исчезла. Онъ всталъ съ своего мѣста, не обращая ни малѣйшаго вниманія на усилія Аллана осмѣять его странный отвѣтъ, и въ глубокомъ молчаніи возобновилъ свою безпокойную ходьбу по палубѣ. Еще разъ неотвязчивая мысль, гонявшаяся за нимъ во мракѣ ночи, стала неотступно преслѣдовать его и теперь въ часъ разсвѣта. Еще разъ овладѣло имъ убѣжденіе, что съ нимъ или съ Алланомъ должно случиться что-нибудь недоброе, прежде нежели они выберутся съ разбитаго корабля. Заря на востокѣ съ каждою минутой разгаралась все ярче и ярче; тѣни сбѣгали съ палубы, и при свѣтѣ дня открылась пустынная нагота разбитаго судна. По мѣрѣ того какъ усиливался вѣтерокъ, море просыпалось въ сіяньи утра. Даже холодное клокотанье воворотовъ перемѣнило с вой однообразный, унылый ропотъ,

и перешло въ какое-то ласкающее журчанье подъ вліяніемъ мягкихъ, теплыхъ лучей восходящаго солнца. Мидвинтеръ остановился у передней части корабля и сосредоточилъ свое вниманіе на настоящемъ. Все кругомъ его имѣло такой одобряющій, радостный видъ. Веселая, утренняя улыбка лѣтняго неба, такъ ярко блиставшая надъ старою утомленною землей, расточала свои всеобъединяющія ласки даже бѣдному, разбитому кораблю! Роса, сверкавшая на прибрежныхъ поляхъ, сверкала и на палубѣ; ветхія, ржавыя снасти корабля усыпаны были такими же драгоцѣнными блестками какъ и свѣжіе, зеленые листья деревъевъ на берегу. Мысли Мидвинтера незамѣтно перешли на товарища его ночныхъ приключеній. Онъ вернулся къ кормѣ, и еще подходя къ ней, сталъ говорить съ Алланомъ. Не получивъ отвѣта, онъ приблизился къ лежавшей на полу фигурѣ, и посмотрѣлъ на нее ближе. Предоставленный самому себѣ, Алланъ былъ совершенно побѣжденъ усталостью. Голова его опрокинулась назадъ, шляпа свалилась; онъ лежалъ, вытянувшись во весь ростъ, на палубѣ корабля, въ глубокомъ и крѣпкомъ снѣ.

Мидвинтеръ снова принялся за свою прогулку; въ умѣ его зашевелилось сомнѣніе; его собственныя прошедшія мысли вдругъ показались ему странными и дикими. Съ какимъ мрачнымъ предчувствіемъ ожидалъ онъ наступающаго дня, и какъ невинно было его наступленіе! Солнце поднималось надъ горизонтомъ, часъ освобожденія подходилъ все ближе и ближе, а изъ двухъ Армаделей, заключенныхъ на этомъ роковомъ кораблѣ, одинъ убивалъ время сномъ, между тѣмъ какъ другой спокойно наблюдалъ за наступленіемъ новаго дня.

Солнце продолжало подниматься все выше и выше; время шло. Чувствуя все то же затаенное недовѣріе къ разбитому кораблю, Мидвинтеръ вопросительно посматривалъ то на тотъ, то на другой берегъ, въ надеждѣ подмѣтить какіе-нибудь слѣды пробуждающейся человѣческой жизни. На землѣ все еще было пусто и безмолвно. Клубы дыма, которые скоро должны были подняться изъ трубъ сельскихъ хижинъ, еще не поднимались.

Подумавъ немного, онъ снова вернулся къ кормѣ, чтобы посмотрѣть нѣтъ ли позади ихъ рыбачьей лодки, которую можно было бы окликнуть. Весь занятый этою новою мыслію, онъ поспѣшно прошелъ мимо Аллана, едва замѣтивъ

что тотъ еще спитъ. Одинъ шагъ впередъ, и онъ очутился бы у гакаборта, еслибы позади его не раздался звукъ подобный слабому стону. Обернувшись, онъ посмотрѣлъ на Аллана, спавшаго на палубѣ; потомъ тихо опустился подлѣ него на колѣни.

— Пришелъ таки! прошепталъ онъ.—Но не ко *мнѣ*, а къ *нему*.

Да, призракъ пришелъ посреди ясной прохлады утра; онъ пришелъ среди таинственныхъ ужасовъ сна. Лицо, которое Мидвинтеръ еще недавно видѣлъ совершенно спокойнымъ, было теперь искажено страданіемъ. Потъ крупными каплями выступилъ на лбу Аллана и увлажилъ его кудрявые волосы. Изъ-подъ полуоткрытыхъ вѣкъ сверкали одни незрячіе бѣлки глазъ. Распростертыя руки съ судорожными движеніями скребли палубу. По временамъ онъ стоналъ и бормоталъ что-то невнятное; но вырывавшіяся у него слова заглушены были скрежетомъ зубовъ. Освѣщенный утренними лучами восходящаго солнца, съ выраженіемъ душевной муки на лицѣ, онъ лежалъ тутъ такъ близко отъ наклонившагося надъ нимъ друга и въ то же время такъ далеко отъ него, что оба, быть-можетъ, находились въ это время въ двухъ совершенно различныхъ мірахъ.

Лишь одинъ вопросъ возникъ въ эту минуту въ умѣ Мидвинтера. Какой именно сонъ судилъ Аллану увидѣть рокъ, заключившій его теперь на разбитомъ кораблѣ? Не открылась ли замогильная тайна тому изъ двухъ Армаделей, отъ котораго другой скрывалъ ее? Не представилась ли сыну страшная смерть отца — тутъ же, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ совершилось нѣкогда преступленіе?

Весь занятый этимъ вопросомъ, сынъ убійцы опустился на колѣни, и сталъ внимательно смотрѣть на сына человѣка, убитаго рукою его отца. Борьба между усыпленнымъ тѣломъ и бодрствующею душой ежеминутно усиливалась. Безпомощныя стенанія охваченнаго сномъ молодаго человѣка становились все громче и громче; руки его поднимались и ловили пустой воздухъ. Одержимый невольнымъ страхомъ, Мидвинтеръ тихо положилъ свою руку на лобъ Аллана. Но какъ ни легко было это прикосновеніе, спящій отвѣчалъ на него таинственнымъ сочувствіемъ: руки его медленно опустились, и онъ пересталъ стонать.

Во время наступившей паузы Мидвинтеръ еще ближе придвинулся къ Аллану, такъ что дыханіе его коснулось лица спящаго. Но не успѣлъ онъ во второй разъ перевести духъ, какъ молодой Армадель внезапно вскочилъ на ноги, какъ будто пробужденный трубнымъ звукомъ.

— Вамъ что-то приснилось, сказалъ ему Мидвинтеръ, между тѣмъ какъ Алланъ дико смотрѣлъ на него, еще не совершенно опомнившись отъ сна.

Глаза его стали блуждать по кораблю сначала безсмысленно, а потомъ съ выраженіемъ недовольства и удивленія.

— Развѣ мы все еще здѣсь? спросилъ онъ, между тѣмъ какъ Мидвинтеръ помогалъ ему держаться на ногахъ.—Что̀ бы ни пришлось мнѣ дѣлать на этомъ проклятомъ кораблѣ, прибавилъ онъ черезъ минуту,—а ужь спать здѣсь не стану.

При этихъ словахъ глаза Мидвинтера устремились на него съ вопрошающимъ выраженіемъ. Оба пріятеля стали вмѣстѣ ходить по палубѣ.

— Разкажите мнѣ вашъ сонъ, сказалъ Мидвинтеръ страннымъ, подозрительнымъ голосомъ и съ внезапною рѣзкостью въ обращеніи.

— Теперь не могу, отвѣчалъ ему Алланъ.—Дайте мнѣ хоть немного придти въ себя.

Сдѣлавъ еще одинъ кругъ, Мидвинтеръ остановился, и опять заговорилъ.

— Поглядите на меня Алланъ, сказалъ онъ.

На лицѣ Аллана, обернувшагося къ Мидвинтеру, вмѣстѣ съ неизгладившимся еще впечатлѣніемъ сна, отразилось и естественное удивленіе, вызванное странною просьбой его друга; но ни тѣни недовольства или тайнаго недовѣрія нельзя было подмѣтить на немъ. Мидвинтеръ быстро отвернулся отъ него, едва скрывая неудержимый порывъ восторга.

— Что, у меня очень смущенный видъ? спросилъ Алланъ, взявъ его подъ руку, и продолжая идти впередъ.—Если такъ, то пожалуста не тревожьтесь обо мнѣ. Голова моя еще совсѣмъ въ туманѣ, но это скоро пройдетъ.

Нѣсколько минутъ они молча ходили взадъ и впередъ по палубѣ,—одинъ, стараясь прогнать тяжелое впечатлѣніе сна, другой, пытаясь догадаться что̀ это былъ за сонъ, такой ужасный. Отдѣлавшись отъ мучительнаго страха за прошедшее, суевѣрная натура Мидвинтера однимъ скачкомъ перешла къ новому предположенію: а что если Аллану

приснилось будущее? Что если сновидѣніе раскрыло передъ нимъ таинственную книгу судебъ, въ которой онъ прочелъ свою будущую жизнь? Одно ужь это подозрѣніе въ десять разъ увеличивало желаніе Мидвинтера проникнуть тайну своего друга.

— Успокоились ли вы немного? спросилъ онъ его.—Можете ли вы разказать мнѣ теперь вашъ сонъ?

Въ то время какъ Мидвинтеръ предлагалъ этотъ вопросъ, наступила послѣдняя минута ихъ приключенія на кораблѣ.

Они достигли кормы и поворачивали уже назадъ, когда Алланъ, собираясь отвѣчать своему другу, машинально взглянулъ на море. Вмѣсто отвѣта, онъ вдругъ побѣжалъ къ гакаборту и съ радостнымъ восклицаніемъ замахалъ шляпою.

Мидвинтеръ также присоединился къ нему и увидалъ большую шестивесельную шлюпку, плывшую прямо въ Зундскій проливъ. Какая-то фигура, показавшаяся знакомою обоимъ пріятелямъ, быстро встала съ кормоваго сидѣнья и отвѣчала на привѣтствіе Аллана. Лодка приблизилась, рулевой весело ихъ окликнулъ, и они узнали голосъ доктора.

— Ну, слава Богу, оба цѣлы и невредимы! сказалъ мистеръ Гаубери, когда молодые люди встрѣтили его на палубѣ.—Скажите пожалуста, какой вѣтеръ занесъ васъ сюда?

Вопросъ этотъ онъ предложилъ Мидвинтеру, но отвѣтилъ на него Алланъ, и онъ же потребовалъ у доктора объясненій взамѣнъ разказа о своихъ ночныхъ похожденіяхъ. Весь поглощенный одною мыслію проникнуть тайну сновидѣнія, Мидвинтеръ во все время хранилъ молчаніе. Не замѣчая ничего происходившаго вокругъ него, онъ подобно собакѣ не сводилъ глазъ съ Аллана, и неотступно слѣдилъ за нимъ, до тѣхъ поръ пока не пришло время садиться въ лодку. Мистеръ Гаубери съ любопытствомъ физіолога наблюдалъ за его безпрестанно мѣнявшимся лицомъ и безпокойнымъ подергиваньемъ его рукъ. „Ни за какія блага въ мірѣ не помѣнялся бы я съ этимъ господиномъ моею нервною системой,“ подумалъ докторъ, принимаясь за румпель, и отдавая приказаніе гребцамъ отчаливать отъ разбитаго судна.

Отложивъ всякія дальнѣйшія объясненія до возвращенія въ портъ Св. Маріи, мистеръ Гаубери прежде всего взялся удовлетворить любопытству Аллана. Обстоятельства, побудившія доктора поспѣшить на выручку своихъ гостей, были весь-

ма просты. Нѣсколько рыбаковъ изъ порта Ирина, на западной сторонѣ острова, повстрѣчавъ оторвавшуюся лодку въ морѣ, тотчасъ же узнали въ ней собственность доктора, и немедленно отрядили къ нему посланныхъ для наведенія справокъ. Извѣстіе о случившемся встревожило мистера Гаубери насчетъ Аллана и его друга. Онъ вызвалъ между лодочниками охотниковъ, и по совѣту ихъ прямо отправился въ самое опасное, и притомъ единственное мѣсто у этихъ береговъ, гдѣ въ такую тихую погоду могло приключиться несчастіе съ лодкой, управляемою двумя опытными моряками, а именно въ Зундскій проливъ. Объяснивъ такимъ образомъ свое появленіе на мѣстѣ дѣйствія, докторъ, какъ добрый хозяинъ, сталъ упрашивать своихъ гостей минувшаго вечера, чтобъ они приняли также и его утреннее приглашеніе. Было еще слишкомъ рано, чтобы, вернувшись въ гостиницу, найдти прислугу уже на ногахъ, и потому онъ предложилъ имъ у себя постель и завтракъ.

При первой паузѣ, наступившей въ разговорѣ Аллана съ докторомъ, Мидвинтеръ, который все время оставался чуждъ этому разговору, слегка дотронулся до плеча своего друга.

— Лучше ли вамъ? спросилъ онъ шепотомъ.—Скоро ли вы въ состояніи будете разказать мнѣ то что̀ я желаю знать?

Брови Аллана сердито сдвинулись: содержаніе сна и настойчивость, съ которою Мидвинтеръ возвращался къ этому предмету, казались ему равно непріятными. Онъ едва могъ сохранить свое обычное добродушіе.

— Кажется, вы рѣшились надоѣдать мнѣ до тѣхъ поръ пока я всего не разкажу вамъ, сказалъ онъ,—такъ ужь лучше разомъ отъ васъ отдѣлаться.

— Нѣтъ! возразилъ Мидвинтеръ, бросивъ взглядъ на доктора и на гребцовъ.—Здѣсь насъ могутъ слышать посторонніе люди; вы мнѣ разкажете это наединѣ.

— Теперь, господа, если хотите въ послѣдній разъ взглянуть на вашу ночную квартиру, вмѣшался докторъ,—то совѣтую вамъ не терять времени. Черезъ минуту корабль скроется отъ насъ за берегомъ.

Оба Армаделя молча бросили прощальный взглядъ на роковое судно. Унылымъ и одинокимъ нашли они его въ таинственномъ полусвѣтѣ лѣтней ночи. Унылымъ и одинокимъ покидали они его и теперь въ роскошномъ сіяніи лѣтняго утра.

Часъ спустя, докторъ отвелъ своихъ гостей въ приготовленныя для нихъ спальни, и предложилъ имъ отдохнуть въ ожиданіи завтрака.

Но не успѣлъ онъ съ ними проститься, какъ двери обѣихъ комнатъ тихо растворились, и Алланъ столкнулся съ Мидвинтеромъ въ корридорѣ.

— Можете ли вы спать послѣ всего случившагося? спросилъ Алланъ.

Мидвинтеръ отрицательно покачалъ головой.

— Вы шли въ мою комнату, не такъ ли? сказалъ онъ.

— Да; я хотѣлъ просить васъ посидѣть со мною. А вы для чего шли ко мнѣ?

— Чтобы попросить васъ разказать мнѣ сонъ.

— Провалъ его возьми этотъ сонъ! Мнѣ хотѣлось бы лучше позабыть его.

— *А мнѣ* хотѣлось бы знать его со всѣми подробностями.

Оба замолчали; оба инстинктивно сдерживали себя, чтобы не сказать лишняго слова. Въ первый разъ со времени ихъ дружбы они готовы были поссориться, и за что же? За пустякъ, за сонъ. Но мягкій нравъ Аллана во-время предотвратилъ грозу.

— Вы величайшій упрямецъ въ мірѣ, сказалъ онъ Мидвинтеру;—но если ужь вы такъ настаиваете, то пусть будетъ по вашему. Пойдемте въ мою комнату, я разкажу вамъ все.

Алланъ пошелъ впередъ, Мидвинтеръ послѣдовалъ за нимъ. Дверь затворилась, и они остались вдвоемъ.

V. Тѣнь будущаго.

Когда мистеръ Гаубери присоединился къ своимъ гостямъ въ столовой, странная противоположность характера, уже подмѣченная имъ однажды въ молодыхъ людяхъ, поразила его теперь еще болѣе. Одинъ изъ нихъ сидѣлъ за накрытымъ столомъ, голодный и довольный, переходя отъ одного блюда къ другому, и говоря, что онъ еще никогда такъ хорошо не завтракалъ. Другой сидѣлъ одинъ у окна, съ недопитою чашкою чая, съ недоѣденнымъ кускомъ мяса на тарелкѣ. Въ утреннемъ привѣтствіи доктора, обращенномъ къ обоимъ друзьямъ, ясно выражались различныя

впечатлѣнія, произведенныя на него каждымъ изъ молодыхъ людей отдѣльно. Аллана онъ дружески потрепалъ по плечу, привѣтствуя его какою-то шуткой; Мидвинтеру же принужденно поклонился, прибавивъ:

— Вы, кажется, еще не совершенно оправились отъ утомленія прошедшей ночи?

— Нѣтъ, докторъ! виновата не ночь, сказалъ Алланъ.— Онъ хмурится отъ одной вещи, которую я разказалъ ему. Но замѣтьте, что и моей вины тутъ также нѣтъ. Знай я напередъ, что онъ вѣритъ снамъ, я конечно не заикнулся бы объ этомъ.

— Снамъ? повторилъ докторъ, и не понявъ настоящаго значенія словъ Аллана, обратился прямо къ Мидвинтеру:— При вашемъ темпераментѣ, вамъ давно уже пора бы привыкнуть къ сновидѣніямъ.

— Да нѣтъ, докторъ, вы не туда обращаетесь, воскликнулъ Алланъ:—сонъ видѣлъ я, а не онъ. Что же тутъ удивительнаго? Вѣдь это случилось не здѣсь, не въ вашемъ уютномъ домикѣ, а на проклятомъ кораблѣ. Дѣло въ томъ, что передъ самымъ вашимъ появленіемъ туда, я заснулъ, и дѣйствительно увидалъ прескверный сонъ. Что же бы вы думали? Не успѣли мы вернуться сюда....

— Зачѣмъ безпокоить мистера Гаубери разговоромъ о предметѣ, который никакъ не можетъ интересовать его? съ нетерпѣніемъ замѣтилъ Мидвинтеръ, въ первый разъ открывая ротъ.

— Извините, возразилъ докторъ довольно рѣзко,—судя по тому что я уже слышалъ, этотъ вопросъ чрезвычайно интересуетъ меня.

— Вотъ это я люблю, докторъ! сказалъ Алланъ.—Пожалуйста интересуйтесь, прошу васъ: мнѣ хочется чтобы вы помогли ему освободиться отъ того вздора, который онъ забралъ себѣ въ голову. Какъ бы вы думали? хочетъ убѣдить меня, что сонъ мой предостерегаетъ меня относительно нѣкоторыхъ людей, причемъ онъ настойчиво утверждаетъ, что одинъ изъ этихъ людей не кто другой какъ онъ самъ! Слыхали ли вы что-нибудь подобное? Ужь я бился, бился, доказывая ему противное. Къ чорту, говорю, предостереженіе: всему причиной дурное пищевареніе! Вѣдь вы не знаете что я съѣлъ и выпилъ за ужиномъ у доктора, а я знаю! Что же, вы думаете, послушался онъ меня? Какъ бы не такъ!

Примитесь-ка теперь вы за него; вы человѣкъ ученый, и онъ долженъ васъ послушаться. Ну, пожалуста, докторъ, будьте умницей, дайте мнѣ свидѣтельство въ испорченномъ пищевареніи; я съ удовольствіемъ покажу вамъ свой языкъ.

— Довольно взглянуть на ваше лицо, сказалъ мистеръ Гаубери.—Я, не вставая съ этого мѣста, готовъ засвидѣтельствовать, что вы никогда не страдаете дурнымъ пищевареніемъ. Посмотримъ лучше что̀ это за сонъ, и какое заключеніе можно вывести изъ него,—если только вы согласны посвятить меня въ вашу тайну.

Алланъ указалъ вилкою на Мидвинтера.

— Обратитесь къ моему другу, который передастъ вамъ это гораздо лучше меня, сказалъ молодой Армадель.—Повѣрите ли, онъ списалъ этотъ разказъ съ моихъ словъ, и заставилъ меня выставить подъ нимъ мое имя, какъ будто это были мои послѣднія слова и моя предсмертная исповѣдь передъ отправленіемъ на висѣлицу. Подавайте-ка его сюда, дружище,—вѣдь я видѣлъ, какъ вы спрятали его въ вашъ бумажникъ,—подавайте-ка его сюда!

— Неужели вы не шутите? спросилъ Мидвинтеръ, доставая свой бумажникъ, съ явнымъ неудовольствіемъ, которое должно было показаться весьма оскорбительнымъ для доктора, такъ какъ въ его же собственномъ домѣ относились къ нему съ такимъ недовѣріемъ.

Мистеръ Гаубери вспыхнулъ.

— Прошу васъ, не показывайте мнѣ этой рукописи, если вы чувствуете хотя малѣйшее къ тому нерасположеніе, сказалъ онъ съ изысканною вѣжливостью оскорбленнаго человѣка.

— Вздоръ, пустяки! воскликнулъ Алланъ: — перебросьте-ка ее сюда поскорѣе!

Вмѣсто того чтобы повиноваться этому безцеремонному требованію, Мидвинтеръ вынулъ рукопись изъ своего бумажника, и вставъ съ своего мѣста подошелъ къ мистеру Гаубери:

— Извините меня, сэръ, сказалъ онъ, подавая ему рукопись, причемъ глаза его опустились въ землю и лицо нахмурилось.

— Скрытное, мрачное существо, подумалъ мистеръ Гаубери, благодаря его съ церемонною вѣжливостію, — какъ можно сравнить съ нимъ его друга!

Мидвинтеръ возвратился къ окну и молча сѣлъ на свое

мѣсто, съ тою же непроницаемою покорностью, которая нѣкогда озадачивала мистера Брока.

— Читайте, докторъ, сказалъ Алланъ, когда мистеръ Гауберн развернулъ рукопись. — Слогъ принадлежитъ не мнѣ, это не похоже на мою безсвязную рѣчь; но содержаніе осталось вполнѣ вѣрнымъ; нѣтъ ничего ни прибавленнаго, ни убавленнаго. Здѣсь вы узнаете именно то что̀ я видѣлъ во снѣ, и что̀ я написалъ бы самъ, еслибы, вопервыхъ, считалъ нужнымъ излагать все это на бумагѣ, а вовторыхъ, еслибъ имѣлъ даръ слова, котораго, заключилъ Алланъ, спокойно размѣшивая свой кофе,—у меня нѣтъ, кромѣ какъ въ переписке; но ужь за то *письма* я валяю въ одинъ мигъ.

Мистеръ Гауберн развернулъ рукопись и прочелъ слѣдующія строки:

Сонъ Аллана Армаделя.

„Рано утромъ 1-го іюня 1851 года я очутился (вслѣдствіе обстоятельствъ, о которыхъ считаю лишнимъ упоминать здѣсь) съ моимъ другомъ, молодымъ человѣкомъ одного со мною возраста, на французскомъ кораблѣ *La Grâce de Dieu*, который лежалъ разбитый въ Зундскомъ проливѣ, между берегами острова Мана и островкомъ Телецъ. Не спавъ всю предшествовавшую ночь, и изнемогая отъ усталости, я наконецъ заснулъ на палубѣ корабля. Я чувствовалъ себя въ то время по обыкновенію совершенно здоровымъ, и солнце должно уже было находиться надъ горизонтомъ. При такихъ обстоятельствахъ, въ упомянутый періодъ дня, я перешелъ отъ сна къ грезамъ. Насколько могу теперь припомнить, по прошествіи уже нѣсколькихъ часовъ времени, сновидѣнія представлялись мнѣ въ слѣдующемъ порядкѣ:

„1. Первымъ фактомъ, въ которомъ я могъ отдать себѣ отчетъ, было появленіе моего отца. Онъ молча взялъ меня за руку, и мы очутились въ каютѣ какого-то корабля.

„2. Вода въ каютѣ медленно поднималась, и наконецъ, совершенно насъ затопила.

„3. Затѣмъ все смѣшалось, и я остался одинъ во мракѣ.

„4. Я ждалъ.

„5. Мракъ разсѣялся, и я увидалъ, какъ бы на картинѣ, широкій, уединенный прудъ, окруженный со всѣхъ сторонъ

открытымъ полемъ. На горизонтѣ за прудомъ видно было безоблачное небо, охваченное краснымъ заревомъ заката.

„6. На берегу пруда стояла тѣнь Женщины.

„7. То была одна лишь тѣнь. Въ ней не было никакого видимаго признака, по которому ее можно было бы отождествить или сравнить съ какимъ-либо живымъ существомъ. Одно только длинное платье показывало мнѣ, что это тѣнь женщины, вотъ и все.

„8. Опять все смѣшалось: я остался на нѣкоторое время во мракѣ, потомъ мракъ вторично разсѣялся.

„9. Я очутился въ какой-то комнатѣ передъ высокимъ окномъ. Сколько могу припомнить, единственнымъ предметомъ, замѣченнымъ мною изъ находившейся тамъ мебели или украшеній, была маленькая статуэтка, стоявшая по лѣвую отъ меня руку. Окно было отъ меня направо; оно выходило на лужайку и въ небольшой цвѣтникъ; помню, что въ стекла хлесталъ проливной дождь.

„10. Въ этой комнатѣ я былъ не одинъ. Насупротивъ меня у окна стояла тѣнь Мущины.

„11. Она представлялась мнѣ такъ же неясно какъ и тѣнь Женщины. Но вотъ тѣнь Мущины пришла въ движеніе. Она протянула руку къ статуэткѣ, и статуэтка упала на полъ и разбилась въ дребезги.

„12. Съ какимъ-то неопредѣленнымъ чувствомъ, не то гнѣва, не то отчаянія, я нагнулся, чтобы посмотрѣть на ея обломки. Когда же я поднялся, тѣнь исчезла, и все смѣшалось снова.

„13. Въ третій разъ разсѣялся мракъ, и предо мною предстали вмѣстѣ тѣнь Женщины и тѣнь Мущины.

„14. Никакой внѣшней обстановки не было видно, а можетъ-быть я не могу ее теперь припомнить.

„15. Тѣнь Мущины стояла ко мнѣ ближе; тѣнь Женщины находилась поодаль. Съ того мѣста, гдѣ она стояла, послышался звукъ какъ бы отъ наливаемой жидкости. Я увидалъ, какъ тѣнь Женщина одною рукой коснулась тѣни Мущины, а другою подала ему стаканъ. Онъ принялъ у нея изъ рукъ стаканъ и подалъ его мнѣ. Въ ту минуту, какъ я поднесъ его къ моимъ губамъ, мною овладѣла смертельная слабость, отъ головы до ногъ. И когда я снова пришелъ въ чувство, Тѣни исчезли, и третье видѣніе кончилось.

„16. Опять все смѣшалось, и наступилъ періодъ забвенія.

„17. Далѣе я уже ничего не помню; въ этомъ безсознательномъ забытьѣ я оставался до тѣхъ поръ пока не почувствовалъ на своемъ лицѣ лучей утренняго солнца, и не услыхалъ голоса моего друга, возвѣстившаго мнѣ, что я только-что освободился отъ тяжелаго сна."

Внимательно прочитавъ до конца рукопись (подписанную Аллахомъ), докторъ посмотрѣлъ черезъ столъ на Мидвинтера, и съ насмѣшливою улыбкой забарабанилъ пальцами по бумагѣ.

— У всякаго свое мнѣніе, сказалъ онъ.—Но я не согласенъ ни съ однимъ изъ васъ насчетъ этого сна. Что касается до вашей теоріи, прибавилъ онъ, съ улыбкою глядя на Аллана, то она уже опровергнута мною: ужинъ, котораго вы не въ состояніи были бы переварить, существуетъ покамѣстъ только въ вашемъ воображеніи. Мою собственную теорію я объясню вамъ сейчасъ, но сперва позвольте мнѣ заняться теоріей вашего друга.

Онъ снова обернулся къ Мидвинтеру, заранѣе торжествуя надъ человѣкомъ, для него антипатичнымъ, и не скрывая этого торжества ни въ лицѣ, ни въ обращеніи.

— Вы, если не ошибаюсь, продолжалъ онъ, считаете этотъ сонъ сверхъестественнымъ предостереженіемъ, ниспосланнымъ мистеру Армаделю относительно угрожающихъ ему событій и неблагонамѣренныхъ людей, находящихся въ связи съ этими событіями, которыхъ ему слѣдуетъ избѣгать. Позвольте же узнать, какимъ образомъ дошли вы до подобнаго заключенія: вслѣдствіе ли простаго обыкновенія вѣрить снамъ, или вслѣдствіе какого-нибудь особеннаго повода, который заставляетъ васъ придавать такое значеніе именно этому сну?

— Вы совершенно угадали мое настоящее убѣжденіе, отвѣчалъ Мидвинтеръ, взбѣшенный взглядами и тономъ доктора.— Извините, если я попрошу васъ довольствоваться этимъ признаніемъ, и позвольте мнѣ умолчать объ этихъ особенныхъ причинахъ.

— Вотъ, вотъ, то же самое онъ сказалъ и мнѣ, вмѣшался Алланъ.—Только я не вѣрю, чтобъ у него были какія-нибудь особенныя причины.

— Не горячитесь, не горячитесь! возразилъ мистеръ Гауберн.—Можно разсуждать о предметѣ, не проникая въ чужія тайны. Позвольте мнѣ приступить теперь къ моему собственному методу относительно сновъ. Мистеръ Мидвинтеръ вѣ-

роятно не удивится тому, что я смотрю на нихъ съ чисто практической точки зрѣнія.

— Вы ни въ какомъ случаѣ не удивите меня, возразилъ Мидвинтеръ. — Извѣстно, что при разрѣшеніи любой проблеммы въ человѣческой природѣ медикъ рѣдко смотритъ далѣе тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ дѣйствуетъ его анатомическій ножъ.

Докторъ въ свою очередь былъ задѣтъ за живое.

— Наши предѣлы далеко не такъ ограничены, какъ вы думаете, сказалъ онъ;—но я готовъ съ вами согласиться, что въ вашихъ вѣрованіяхъ есть нѣсколько пунктовъ, которыхъ мы, доктора, не признаемъ и не допускаемъ. Такъ напримѣръ, мы не допускаемъ, чтобы разумный человѣкъ имѣлъ право объяснять сверхъестественнымъ образомъ какое-либо явленіе, подлежащее его чувствамъ, пока онъ вполнѣ не убѣдится въ невозможности дать ему естественное объясненіе.

— Браво! вотъ это отличное возраженіе! воскликнулъ Алланъ. — Мидвинтеръ крѣпко задѣлъ васъ своимъ *анатомическимъ ножемъ*, докторъ, не такъ ли? Но за то и вы теперь побили его вашимъ *естественнымъ* объясненіемъ. Давайте же его намъ сюда, это естественное объясненіе.

— Извольте, сказалъ мистеръ Гаубери,—вотъ оно: въ моей теоріи о снахъ нѣтъ ничего необыкновеннаго; ее раздѣляетъ большинство людей моей профессіи. Сонъ есть воспроизведеніе, въ усыпленномъ состояніи мозга, картинъ и впечатлѣній, отразившихся на немъ во время бдѣнія; это воспроизведеніе бываетъ болѣе или менѣе запутано, болѣе или менѣе несовершенно и сбивчиво, смотря потому, насколько вліяніе сна подѣйствовало на ту или на другую душевную способность спящаго. Не вникая глубже въ этотъ последній, весьма интересный вопросъ, возьмемъ лишь въ общихъ чертахъ изложенную мною теорію, и примѣнимъ ее къ настоящему сну.

Докторъ взялъ со стола рукопись и затѣмъ оставилъ свой форменный тонъ (тонъ профессора, обращающагося къ своимъ слушателямъ), въ который онъ незамѣтно началъ было впадать.

— Вотъ уже я вижу здѣсь одно явленіе, продолжалъ онъ, которое считаю не болѣе какъ воспроизведеніемъ впечатлѣнія, полученнаго мистеромъ Армаделемъ въ моемъ присутствіи. А если только онъ пороется немного въ своихъ воспоминаніяхъ, то я не отчаяваюсь прослѣдить и весь рядъ

изложенныхъ здѣсь грезъ, и непремѣнно отыскать связь между ними и его словами, мыслями, впечатлѣніями и дѣйствіями въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ, предшествовавшихъ сну на палубѣ корабля.

— Память моя къ вашимъ услугамъ, сказалъ Алланъ.—Съ чего же мы начнемъ?

— А съ того что вы разкажете мнѣ, какъ провели вы вчерашній день до той минуты, когда мы встрѣтились съ вами на дорогѣ сюда, отвѣчалъ мистеръ Гаубери.—Поутру вы, конечно, встали и позавтракали. Затѣмъ что̀?

— Затѣмъ мы наняли съ Мидвинтеромъ экипажъ, сказалъ Алланъ, и поѣхали изъ Кассльтоуна въ Дугласъ, чтобы проводить моего стараго друга, мистера Брока, отправлявшагося на пароходѣ въ Ливерпуль. Возвратившись назадъ въ Кассльтоунъ, мы разстались у дверей гостиницы. Мидвинтеръ вошелъ въ домъ, а я отправился въ гавань посмотрѣть на свою яхту... Кстати, докторъ, не забудьте, что вы обѣщали мнѣ покататься съ нами на яхтѣ до нашего отъѣзда отсюда.

— Очень вамъ благодаренъ. Но не будемъ удаляться отъ нашего предмета. Что̀ же случилось потомъ?

Алланъ молчалъ. Онъ мысленно разгуливалъ уже по морю.

— Что̀ дѣлали вы на яхтѣ? повторилъ докторъ.

— О, я очень хорошо помню что̀ тамъ дѣлалъ: убиралъ каюту. Даю вамъ честное слово, докторъ, что я все перевернулъ вверхъ дномъ. А другъ мой, котораго вы видите передъ собою, явился ко мнѣ на помощь... Ахъ, да чтожь это я до сихъ поръ не спрошу у васъ о здоровьѣ вашей шлюпки. Если она повреждена, то я требую, чтобы мнѣ дозволено было привести ее въ порядокъ.

Докторъ въ отчаяніи отказался отъ всякой дальнѣйшей попытки упражнять память Аллана.

— Я сомнѣваюсь, чтобы мы достигли этимъ путемъ до нашей цѣли, сказалъ онъ. — Лучше брать по порядку каждое отдѣльное явленіе сна и постепенно разрѣшать вопросы, которые будутъ сами собою возникать на нашемъ пути. Возьмемъ для начала два первые факта. Вы видѣли, что вамъ явился вашъ отецъ, что вы очутились съ нимъ въ каютѣ какого-то корабля и вмѣстѣ затоплены были наполнявшею ее водою. Спускались ли вы въ каюту разбитаго корабля, позвольте васъ спросить?

— Я не могъ туда спуститься, отвѣчалъ Алланъ,—потому

что, когда я заглянулъ въ нее, она была наполнена водою, и поспѣшилъ снова затворить ее.

— Прекрасно, сказалъ мистеръ Гаубери.—Кажется, здѣсь какъ нельзя болѣе вѣрно отразилось впечатлѣніе, полученное вами въ бодрствующемъ состояніи. Засыпая, вы имѣли въ головѣ каюту, воду, а послѣднимъ звукомъ въ вашихъ ушахъ (этого мнѣ не нужно у васъ и спрашивать) было, конечно, журчаніе канала. Считаю лишнимъ доказывать вамъ теперь, что мысль объ утопленіи могла естественно возникнуть изъ подобныхъ впечатлѣній. Но прежде чѣмъ идти впередъ, посмотримъ, не нужно ли намъ еще чего уяснить себѣ? Конечно нужно: есть еще одно темное обстоятельство.

— И самое важное изъ всѣхъ, замѣтилъ Мидвинтеръ, вмѣшиваясь въ разговоръ, но не покидая своего мѣста у окна.

— Вы разумѣете появленіе отца мистера Армаделя? Я именно шелъ къ этому, отвѣчалъ мистеръ Гаубери.—Живъ ли вашъ отецъ? прибавилъ онъ, обращаясь еще разъ къ Аллану.

— Отецъ мой умеръ до моего появленія на свѣтъ Божій.

Докторъ вздрогнулъ.

— Это нѣсколько запутываетъ вопросъ, сказалъ онъ.—Почему же вы узнали, что лице, явившееся вамъ во снѣ, былъ вашъ отецъ!

Алланъ сталъ въ тупикъ; Мидвинтеръ отодвинулъ немного свой стулъ отъ окна, и въ первый разъ внимательно посмотрѣлъ на доктора.

— Думали ли вы, засыпая, о вашемъ отцѣ? продолжалъ мистеръ Гаубери.—Нѣтъ ли у васъ какого-нибудь портрета, который могъ въ эту минуту прійдти вамъ на мысль?

— Конечно, есть! воскликнулъ Алланъ, внезапно хватаясь за послѣднее воспоминаніе.—Мидвинтеръ! помните вы миніатюру, которую вы нашли на полу каюты, когда мы приводили ее въ порядокъ? Вы еще замѣтили, будто я не дорожу этою вещью, а я сказалъ вамъ, что напротивъ весьма дорожу ею, потому что это портретъ моего отца.

— А было ли сходство между миніатюрой и лицемъ, явившимся вамъ во снѣ? спросилъ мистеръ Гаубери.

— Поразительное! Право, докторъ, это становится интереснымъ!

— Что̀ вы на это скажете? спросилъ мистеръ Гаубери, снова обращаясь къ окну.

Мидвинтеръ поспѣшно оставилъ свое мѣсто и сѣлъ ря-

домъ съ Алланомъ. Подобно тому какъ нѣкогда спасался онъ отъ тираніи своего суевѣрія подъ сѣнію здраваго смысла мистера Брока, такъ и въ настоящую минуту, съ тою же опрометчивою поспѣшностью, съ тою же неподдѣльною искренностью намѣреній, искалъ онъ спасенія въ теоріи доктора о снахъ.

— Я скажу вмѣстѣ съ моимъ другомъ, отвѣчалъ онъ съ внезапнымъ увлеченіемъ,—что это становится интереснымъ. Продолжайте, прошу васъ, продолжайте.

Докторъ посмотрѣлъ на своего страннаго гостя съ большимъ противъ прежняго снисхожденіемъ.

— Я встрѣчаю въ васъ перваго мистика, сказалъ онъ, — который допускаетъ справедливые доводы. Прежде нежели кончится наше изслѣдованіе, я не отчаяваюсь убѣдить васъ въ истинѣ моихъ словъ. Теперь, продолжалъ онъ, справляясь съ рукописью,—перейдемъ къ слѣдующему ряду явленій. Промежутокъ забвенія, послѣ первыхъ грезъ, объясняется весьма легко. Въ переводѣ на простой англійскій языкъ, это означаетъ минутное прекращеніе умственной дѣятельности мозга, подъ вліяніемъ болѣе глубокаго сна, между тѣмъ какъ слѣдующее за тѣмъ чувство одиночества во мракѣ обозначаетъ возобновленіе этой дѣятельности, предшествующее воспроизведенію другаго ряда образовъ. Теперь разсмотримъ эти впечатлѣнія. Уединенный прудъ, окруженный со всѣхъ сторонъ открытымъ полемъ; солнечный закатъ за прудомъ; тѣнь женщины на берегу. Прекрасно; объясняйте же, мистеръ Армадель, какимъ образомъ этотъ прудъ попалъ въ ваше воображеніе? Открытое поле вы видѣли по дорогѣ изъ Кассльтоуна сюда. Но у насъ въ окрестностяхъ нѣтъ ни прудовъ, ни озеръ, и вы нигдѣ не могли встрѣтить ихъ въ послѣднее время, потому что прибыли на нашъ островъ послѣ продолжительной прогулки по морю. Не припомните ли вы какой-нибудь картины, книги, или разговора на этотъ счетъ съ вашимъ другомъ?

Алланъ взглянулъ на Мидвинтера.

— Я не помню, чтобы мы говорили о прудахъ или озерахъ, сказалъ онъ.—А вы?

Вмѣсто отвѣта Мидвинтеръ внезапно обратился къ доктору.

— Нѣтъ ли у васъ послѣдняго нумера здѣшней газеты? спросилъ онъ.

Докторъ вынулъ его изъ шкафа. Мидвинтеръ отыскалъ

страницу, заключавшую въ себѣ извлеченіе изъ вновь напечатанныхъ путешествій по Австраліи, которыя наканунѣ такъ сильно заинтересовали Аллана, и такъ усыпительно подѣйствовали на его друга. Здѣсь, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ описывались страданія путешественниковъ, умиравшихъ отъ жажды, и гдѣ говорилось о чудесномъ ихъ спасеніи,— здѣсь, въ самомъ патетическомъ мѣстѣ разказа, являлся широкій прудъ, воспроизведенный сномъ Аллана!

— Не убирайте газеты, сказалъ докторъ, когда Мидвинтеръ указалъ ему на это мѣсто съ надлежащими объясненіями.— Прежде нежели мы окончимъ наши изслѣдованія, весьма можетъ быть, что намъ снова понадобится это извлеченіе. Теперь прудъ объясненъ. Но чѣмъ объяснить закатъ солнца? Ни о чемъ подобномъ не упоминается въ газетѣ. Поройтесь-ка въ вашихъ воспоминаніяхъ, мистеръ Армадель: намъ нужно впечатлѣніе солнечнаго заката, полученное вами во время бдѣнія.

Еще разъ Алланъ замялся, и еще разъ проворная память Мидвинтера вывела его изъ этого затрудненія.

— Мнѣ кажется, я могу отыскать причину этого впечатлѣнія, такъ же какъ отыскалъ причину перваго, сказалъ онъ, обращаясь къ доктору.—Пріѣхавъ сюда вчера вечеромъ, мы съ Алланомъ долго гуляли по холмамъ.....

— Такъ, такъ, такъ! Вспомнилъ теперь, перебилъ его Алланъ.—Солнце уже садилось, когда мы возвращались назадъ въ гостиницу, и закатъ былъ такъ хорошъ, что мы оба остановились полюбоваться имъ. Тутъ мы потолковали о мистерѣ Брокѣ, разсуждая о томъ гдѣ бы онъ могъ быть въ это время. Память мою трудно разшевелить, докторъ; но ужь разъ какъ она пошла гулять, такъ вы ее ничѣмъ не удержите! Да я еще не передалъ вамъ и половины того что̀ вспомнилъ.

— Изъ состраданія къ памяти мистера Мидвинтера и къ своей собственной, погодите минутку, сказалъ докторъ.—Мы отыскали въ вашихъ воспоминаніяхъ впечатлѣнія открытаго поля, пруда и солнечнаго заката. Но тѣнь женщины остается еще не объясненною. Не можете ли вы указать намъ оригиналъ этой таинственной фигуры?

Алланъ погрузился въ прежнее раздумье, а Мидвинтеръ, не сводя глазъ съ доктора, нетерпѣливо ждалъ что̀ будетъ дальше. Въ комнатѣ въ первый разъ водворилось ненару-

шимое молчаніе. Мистеръ Гаубери вопросительно посматривалъ то на Аллана, то на его друга. Но ни тотъ, ни другой не отвѣчали ему. Между тѣнью и ея плотью находилась цѣлая бездна тайны, равно непроницаемая для всѣхъ троихъ.

— Терпѣніе, сказалъ докторъ спокойно.—Оставимъ покамѣстъ таинственную фигуру на берегу пруда, и посмотримъ, не попадется ли она намъ гдѣ-нибудь опять, по мѣрѣ того какъ мы будемъ идти впередъ. Позвольте мнѣ замѣтить вамъ, мистеръ Мидвинтеръ, что отождествить тѣнь задача немаловажная, но мы все-таки не отчаяваемся разрѣшить ее. Эта неосязаемая фея озера можетъ при вторичной встрѣчѣ принять болѣе дѣйствительныя формы.

Мидвинтеръ ничего не отвѣчалъ. Съ этой минуты участіе, которое онъ принималъ въ изслѣдованіи, начало ослабѣвать.

— Теперь что слѣдуетъ? продолжалъ мистеръ Гаубери, опять свѣряясь съ рукописью. — Мистеръ Армадель видитъ себя въ какой-то комнатѣ. Онъ стоитъ передъ большимъ окномъ, выходящимъ на лужайку и цвѣтникъ, между тѣмъ какъ дождь хлещетъ въ стекла. Единственная вещь въ комнатѣ небольшая статуэтка, а единственное живое существо тѣнь мущины, стоящая насупротивъ мистера Армаделя. Тѣнь протягиваетъ свою руку, статуэтка падаетъ и разбивается въ дребезги. А сновидецъ въ досадѣ и отчаяніи (замѣтьте, господа, что здѣсь уже мыслящая способность спящаго начинаетъ дѣйствовать, и сонъ на минуту весьма раціонально переходитъ отъ причины къ слѣдствію),—сновидецъ, повторяю я, нагибается, чтобы посмотрѣть на обломки статуи. Но въ ту минуту, какъ онъ встаетъ, все снова исчезаетъ. Это значитъ, что въ колебательномъ движеніи сна наступило время прилива, и мозгъ отдыхаетъ немного. Что съ вами, мистеръ Армадель, ужь не унеслись ли вы куда-нибудь опять съ вашею непослушною памятью?

— Да, сказалъ Алланъ.—Я несусь во весь духъ, такъ что наткнулся даже на разбитую статуэтку; это ни что иное какъ китайская пастушка, которую я уронилъ въ кофейной съ каминной полки, потянувшись за сонеткой, чтобы заказать себѣ ужинъ. Какъ мы быстро идемъ впередъ, докторъ! Не правда ли? Точно загадку разгадываемъ. Ну, Мидвинтеръ, теперь вашъ чередъ.

— Нѣтъ! сказалъ докторъ.—Чередъ мой, если позволите. Я предъявляю свои права на большое окно, на цвѣтникъ и

на лужайку; это моя неотъемлемая собственность. Большое окно вы найдете въ слѣдующей комнатѣ, мистеръ Армадель. Изъ него вы увидите цвѣтникъ и лужайку, а если вамъ угодно будетъ утрудить немного вашу удивительную память, вы вспомните, что сами же имѣли любезность похвалить мои красивыя французскія окна и мой опрятный цвѣтничекъ, когда я привезъ васъ вчера вечеромъ въ портъ Св. Маріи.

— Совершенно справедливо, отвѣчалъ Алланъ: — я именно хвалилъ ихъ. Но чѣмъ вы объясните дождь, видѣнный мною во снѣ? Я ни капли дождя не видалъ въ продолженіе послѣдней недѣли.

Мистеръ Гаубери задумался. Глаза его остановились на мѣстной газетѣ, лежавшей на столѣ.

— Если мы не можемъ сами ничего придумать, сказалъ онъ,—то посмотримъ, не найдется ли впечатлѣніе дождя тамъ, гдѣ мы нашли впечатлѣніе пруда.

Онъ внимательно сталъ просматривать газету.

— Нашелъ! воскликнулъ онъ.—Вотъ здѣсь именно описывается ливень, который освѣжилъ этихъ несчастныхъ, жаждущихъ путешественниковъ до открытія ими пруда. Вотъ вамъ и впечатлѣніе дождя, мистеръ Армадель, запавшее въ вашъ мозгъ въ то время, какъ вы читали вчера вашему другу выдержки изъ путешествія по Австраліи! А вотъ вамъ, мистеръ Мидвинтеръ, и объясненіе сна, въ которомъ по обыкновенію сливаются всѣ отдѣльные образы, воспринятые нами въ бодрствующемъ состояніи!

— Можете ли вы, однако, объяснить человѣческую фигуру, стоявшую у окна? спросилъ Мидвинтеръ:—или мы должны обойдти и тѣнь мущины, такъ же какъ обошли тѣнь женщины?

Онъ сдѣлалъ этотъ вопросъ съ безукоризненною вѣжливостью въ обращеніи, но съ легкимъ оттѣнкомъ сарказма, который, впрочемъ, не ускользнулъ отъ тонкаго слуха доктора, и немедленно разшевелилъ въ немъ полемическій задоръ.

— Когда ищутъ раковинъ на взморьѣ, мистеръ Мидвинтеръ, то всегда начинаютъ съ ближайшихъ, возразилъ онъ.— Мы теперь собираемъ факты, и прежде всего беремся за тѣ, которые кажутся намъ наиболѣе понятными. Пусть тѣнь мущины и тѣнь женщины удалятся вдвоемъ на время; но не безпокойтесь, мы не упустимъ ихъ изъ виду. На все свое время, мой любезный мистеръ Мидвинтеръ, на все свое время!

Несмотря на изысканную вѣжливость, голосъ мистера Га-

убери также звучалъ сарказмомъ. Краткое перемиріе, заключенное между обоими антагонистами, уже окончилось. Мидвинтеръ многозначительно возвратился на свое прежнее мѣсто у окна, а докторъ еще многозначительнѣе повернулся къ нему спиною. Алланъ, который никогда не возставалъ ни противъ чьего-либо мнѣнія, никогда не вникалъ серіозно въ чьи-либо поступки, весело забарабанилъ по столу черенкомъ своего ножа.

— Продолжайте, докторъ! воскликнулъ онъ, — моя удивительная память свѣжа попрежнему.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ мистеръ Гаубери, снова принимаясь за рукопись.—Помните ли вы что̀ случилось, когда мы болтали съ хозяйкой гостиницы, сидя у ея прилавка?

— Конечно, помню! Вы были такъ добры, что подали мнѣ стаканъ водки съ водой, которую хозяйка только-что приготовила для васъ самихъ. А я принужденъ былъ отказаться отъ нея; потому что, какъ я уже говорилъ вамъ однажды, вкусъ этого напитка всегда производитъ во мнѣ тошноту и головокруженіе, съ чѣмъ бы вы ни смѣшали его.

— Совершенно такъ, отвѣчалъ докторъ.—Ну, вотъ вамъ и еще одно обстоятельство, воспроизведенное сномъ. На этотъ разъ вы видите уже вмѣстѣ тѣнь мущины и тѣнь женщины. Вы слышите наливаніе жидкости (водки изъ бутылки, и воды изъ кувшина гостиницы); стаканъ передается тѣнью женщины (т.-е. хозяйкой) тѣни мущины (т.-е. мнѣ); тѣнь мущины передаетъ его вамъ (именно то, что̀ я и сдѣлалъ); а затѣмъ слѣдуетъ смертельная слабость, о которой вы мнѣ разказывали. Мнѣ, право, стыдно, мистеръ Мидвинтеръ, отождествлять таинственныя видѣнія, съ такими не романическими оригиналами, каковы содержательница гостиницы и окружной сельскій медикъ. Но другъ вашъ можетъ повторить вамъ, что питье изъ водки съ водой было дѣйствительно приготовлено въ его присутствіи хозяйкой гостиницы, и что оно достигло до него черезъ мои руки. Вотъ, видите, намъ удалось, наконецъ, поймать и тѣни, точь въ точь какъ я предсказывалъ; а теперь остается лишь объяснить,—что̀ можно будетъ сдѣлать въ двухъ словахъ,—какимъ образомъ онѣ появились во снѣ. Попытавшись воспроизвести порознь образъ доктора и образъ хозяйки гостиницы въ связи не съ тѣми обстоятельствами, при которыхъ они предстали ему во время бдѣнія, дремлющій умъ прямо идетъ къ

третьему, и воспроизводитъ образъ доктора и образъ хозяйки, обоихъ вмѣстѣ и въ связи съ надлежащимъ порядкомъ обстоятельствъ. Ну, вотъ вамъ и весь сонъ объясненъ, какъ на ладонкѣ! Позвольте же мнѣ, любезный мистеръ Мидвинтеръ, возвратить вамъ рукопись, съ моею живѣйшею признательностію за находящееся въ ней полное и энергическое подтвержденіе раціональной теоріи о снахъ.

Сказавъ эти слова, мистеръ Гаубери подалъ рукопись Мидвинтеру съ безпощадною вѣжливостью торжествующаго противника.

— Удивительно! необыкновенно! Ни одинъ фактъ не пропущенъ съ самаго начала и до конца, клянусь Юпитеромъ! воскликнулъ Алланъ съ поспѣшнымъ благоговѣніемъ профана.—Что значитъ наука-то, а!

— Ни одинъ фактъ не пропущенъ, говорите вы, замѣтилъ докторъ самодовольно, — а между тѣмъ намъ, кажется, не удалось убѣдить вашего друга.

— Да, вы не убѣдили меня, отвѣчалъ Мидвинтеръ.—Но я не хочу этимъ сказать чтобы вы были не правы.

Онъ говорилъ спокойно, почти грустно. Грозное убѣжденіе въ сверхъестественномъ происхожденіи этого сна,—убѣжденіе, отъ котораго онъ старался освободиться, снова овладѣло имъ въ настоящую минуту. Все его участіе къ спору миновало; вся его воспріимчивость къ раздражающему вліянію этого разговора исчезла безъ слѣда. Будь на мѣстѣ Мидвинтера какой-либо другой человѣкъ, мистера Гаубери вѣроятно смягчила бы уступка, сдѣланная его противникомъ; но Мидвинтеръ слишкомъ не нравился доктору, чтобъ онъ рѣшился оставить его въ покоѣ.

— Допускаете ли вы, спросилъ докторъ еще придирчивѣе прежняго,—что я объяснилъ каждое сновидѣніе тѣми впечатлѣніями, которыя отразились въ умѣ мистера Армаделя въ его бодрствующемъ состояніи?

— Я ничуть не желаю отрицать справедливости вашихъ словъ, сказалъ Мидвинтеръ съ покорностью.

— Отождествилъ ли я тѣни съ ихъ живыми оригиналами?

— Да, вы отождествили ихъ на вашъ собственный взглядъ и на взглядъ моего друга, но не на мой.

— Не на вашъ? Но развѣ *вы сами* можете отождествить ихъ?

— Нѣтъ. Я могу лишь ждать, покамѣстъ живые оригиналы предстанутъ мнѣ въ будущемъ.

— Вы говорите какъ настоящій оракулъ, мистеръ Мидвинтеръ! Имѣете ли вы въ настоящую минуту какое-либо понятіе о томъ, кто могутъ быть эти живые оригиналы?

— Имѣю. Я полагаю, что будущее отождествитъ тѣнь женщины съ одною особой, которую другъ мой еще до сихъ поръ не встрѣчалъ, а тѣнь мущины со мной самимъ.

Алланъ хотѣлъ было что-то возразить, но докторъ остановилъ его.

— Дайте намъ хорошенько уяснить это, сказалъ онъ Мидвинтеру.—Оставляя на минуту въ сторонѣ вопросъ о вашей собственной личности, могу ли я спросить у васъ, какимъ образомъ тѣнь, не имѣющая никакого отличительнаго признака, можетъ быть отождествлена съ живою женщиной, которой вашъ другъ еще не знаетъ?

Мидвинтеръ слегка покраснѣлъ. Онъ начиналъ чувствовать язвительную колкость логики своего противника.

— Внѣшняя обстановка сновидѣнія имѣла свои отличительныя черты, отвѣчалъ онъ.—Въ этой обстановкѣ появится въ первый разъ и живой оригиналъ тѣни.

— То же самое, я полагаю, должно случиться и съ тѣнью мущины, въ которой вы такъ настойчиво узнаете самого себя, продолжалъ докторъ.—Стало-быть, вы также явитесь въ будущемъ въ связи съ статуэткой, которая разобьется въ присутствіи вашего друга, въ связи съ окномъ, выходящимъ въ садъ, и съ проливнымъ дождемъ, который будетъ хлестать въ стекла? Вы утверждаете все это, не такъ ли?

— Да, я утверждаю это.

— Вѣроятно, такъ же объясняете вы и слѣдующее за тѣмъ видѣніе? Вы сойдетесь съ таинственною женщиной въ какомъ-либо неизвѣстномъ доселѣ мѣстѣ, и подадите мистеру Армаделю стаканъ съ какою-то неизвѣстною доселѣ жидкостью, отъ которой ему сдѣлается дурно? Не такъ ли? Но неужели вы не шутите, говоря, что вѣрите этому?

— Да, я нисколько не шучу, говоря вамъ, что вѣрю этому.

— Стало-быть, согласно съ вашимъ взглядомъ на этотъ счетъ, исполненіе этого сна будетъ сопровождаться наступленіемъ извѣстныхъ событій, которыя подвергнутъ большой опасности счастіе или безопасность мистера Армаделя?

— Да, я въ этомъ твердо убѣжденъ.

Докторъ всталъ, бросилъ свой нравственный анатомическій ножъ, подумалъ немного и снова взялся за него.

— Еще одинъ вопросъ, сказалъ онъ:—имѣете ли вы какую-либо особенную причину, чтобы вдаваться въ подобный мистицизмъ, когда передъ вами лежитъ неопровержимое и раціональное объясненіе сна?

— Ни вамъ, ни моему другу, возразилъ Мидвинтеръ,—я не могу объяснить этой причины.

Докторъ посмотрѣлъ на часы съ видомъ человѣка, которому вдругъ вспало на умъ что онъ напрасно теряетъ время.

— Мы расходимся въ главныхъ основаніяхъ, сказалъ онъ,—и еслибы споръ нашъ продолжался до втораго пришествія, то и тутъ мы навѣрное не убѣдили бы другъ друга. Извините меня, если я прощусь съ вами немного поспѣшно. Теперь ужь позднѣе чѣмъ я думалъ, и моя утренняя коллекція больныхъ вѣроятно дожидается меня въ операторской. *Васъ*, по крайней мѣрѣ, я убѣдилъ, мистеръ Армадель; такимъ образомъ время, употребленное нами на этотъ диспутъ, можно считать не совсѣмъ еще потеряннымъ. Прошу васъ, останьтесь у меня, и выкурите по сигарѣ. А я черезъ часъ снова буду къ вашимъ услугамъ. Онъ дружески кивнулъ головой Аллану, церемонно поклонился Мидвинтеру, и вышелъ изъ комнаты.

Какъ только дверь затворилась за нимъ, Алланъ всталъ изъ-за стола и обратился къ своему другу съ тою неотразимою искренностью обращенія, которая всегда трогала сердце Мидвинтера съ перваго дня ихъ встрѣчи въ Соммерсетширскомъ трактирѣ.

— Теперь, когда вашъ поединокъ съ докторомъ кончился, сказалъ Алланъ,—я имѣю сказать вамъ нѣсколько словъ отъ себя. Сдѣлаете ли вы ради меня то, чего бы вы не сдѣлали ради самого себя?

Лицо Мидвинтера мгновенно просвѣтлѣло.

— Я готовъ сдѣлать все, о чемъ бы вы ни попросили меня, сказалъ онъ.

— Прекрасно. Итакъ, обѣщайте мнѣ никогда болѣе не упоминать объ этомъ снѣ?

— Пожалуй, если вы этого желаете.

— Не сдѣлаете ли вы еще одну уступку? Не перестанете ли вы вовсе думать о немъ?

— Это довольно трудно, Алланъ. Но я попытаюсь.

— Вотъ такъ умница! Теперь подайте мнѣ сюда эту дрянную бумажку, разорвемъ ее, и дѣло съ концемъ.

Онъ попробовалъ было вырвать рукопись изъ рукъ своего друга, но Мидвинтеръ предупредилъ его, держа ее на извѣстномъ разстояніи.

— Ну, пожалуста! отдайте! умолялъ Алланъ. —Мнѣ такъ хочется зажечь ею сигару.

Мидвинтеръ колебался съ грустнымъ чувствомъ. Трудно было ему бороться съ Алланомъ; однако на этотъ разъ онъ устоялъ въ борьбѣ.

— Прежде нежели вы зажжете ею вашу сигару, сказалъ онъ,—я хочу подождать немного.

— А какъ долго? до завтра?

— Подолѣе.

— До нашего отъѣзда съ острова Мана?

— Подолѣе.

— Чортъ возьми! Отвѣчайте мнѣ прямо на прямой вопросъ: до которыхъ именно поръ намѣрены вы ждать?

Мидвинтеръ тщательно спряталъ рукопись въ свой бумажникъ.

— Я подожду, сказалъ онъ, — покамѣстъ мы пріѣдемъ въ Торпъ-Амброзъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I. Скрытое зло.

1. *Отъ Озіи Мидвинтера къ мистеру Броку.*

„Торпъ-Амброзъ, 15-го іюня 1851 года.

„Любезный мистеръ Брокъ, мы пріѣхали сюда часъ тому назадъ, въ то время какъ слуги запирали уже двери на ночь. Алланъ, утомленный продолжительною ѣздой, отправился спать, оставивъ меня одного въ библіотекѣ, чтобы сообщить вамъ подробности нашего путешествія въ Норфокъ. Болѣе его пріученый ко всевозможнымъ трудностямъ, я чувствую въ себѣ настолько бодрости, чтобы написать письмо, хотя часы на каминѣ показываютъ уже полночь, и мы безостановочно ѣхали съ десяти часовъ утра.

„Въ послѣдній разъ Алланъ писалъ вамъ съ острова Мана, и если не ошибаюсь, онъ сообщилъ вамъ о приключеніи нашемъ на разбитомъ кораблѣ. Простите мнѣ, любезный мистеръ Брокъ, если я ничего не скажу вамъ на этотъ счетъ до тѣхъ поръ, пока время не успокоитъ мои мысли. Мнѣ снова приходится начинать тяжелую борьбу съ самимъ собой; но съ Божіею помощью я надѣюсь выйдти изъ нея побѣдителемъ, и непремѣнно выйду.

„Считаю лишнимъ утомлять васъ разказомъ о нашихъ поѣздкахъ въ сѣверныя и западныя части Острова, равно какъ и о тѣхъ небольшихъ прогулкахъ по морю, которыя мы предпринимали по окончаніи починки яхты. Гораздо лучше будетъ если я прямо перейду къ описанію вчерашняго утра, то-есть къ четырнадцатому числу. Мы вошли въ Дугласскую гавань во время ночнаго прилива, и какъ скоро отперли почтовую контору, Алланъ, по моему совѣту, послалъ на берегъ за письмами; но посланный вернулся лишь съ однимъ письмомъ, которое, какъ оказалось, шло отъ бывшей владѣтельницы Торпъ-Амброза, мистрисъ Бланшардъ.

„Я полагаю, что вамъ непремѣнно нужно знать содержаніе этого письма, потому что оно имѣло серіозное вліяніе на предположенія и разчеты Аллана въ будущемъ. Такъ какъ онъ обыкновенно все теряетъ, то успѣлъ уже потерять и это письмо. Я постараюсь, впрочемъ, какъ можно проще и яснѣе изложить вамъ сущность того что̀ пишетъ ему мистрисъ Бланшардъ.

„Первая страница письма извѣщала его объ отъѣздѣ этихъ да̀мъ изъ Торпъ-Амброза. Онѣ уѣхали третьяго-дня, то-есть тринадцатаго числа, рѣшившись, послѣ долгаго колебанія, на поѣздку въ Италію, чтобы посѣтить своихъ старинныхъ друзей, живущихъ гдѣ-то въ окрестностяхъ Флоренціи. Повидимому, мистрисъ Бланшардъ и ея племянница готовы были бы остаться тамъ навсегда, еслибы нашелся имъ для найма приличный домъ съ землею. Обѣ онѣ любятъ Италію и Италіянцевъ, и имѣютъ настолько средствъ, чтобы жить какъ имъ нравится. Старшая изъ двухъ дамъ получила свою вдовью часть, а младшая—все состояніе отца своего.

„Слѣдующая затѣмъ страница не понравилась Аллану. Изъявивъ ему свою искреннюю благодарность, за то что онъ предоставилъ ей и племянницѣ право не торопиться выѣздомъ изъ Торпъ-Амброза, мистрисъ Бланшардъ прибавля-

ла, что деликатный поступокъ Аллана произвелъ такое благопріятное впечатлѣніе на друзей ея семейства и на всѣхъ жителей околотка, что они пожелали устроить для него торжественную встрѣчу по пріѣздѣ его въ Торпъ-Амброзъ. Въ сосѣднемъ городѣ уже происходило предварительное собраніе фермеровъ помѣстья и главныхъ лицъ города, для обсужденія программы этой встрѣчи, а въ скоромъ времени должно придти и письмо отъ мѣстнаго священника съ освѣдомленіемъ, когда мистеру Армаделю угодно будетъ лично и торжественно вступить во владѣніе своимъ Норфокскимъ помѣстьемъ.

„Вы догадаетесь теперь о причинѣ нашего внезапнаго отъѣзда съ острова Мана. Первою и главнѣйшею мыслію вашего бывшаго воспитанника, какъ только онъ узналъ о рѣшеніи митинга, было отдѣлаться отъ торжественнаго пріема, а единственнымъ средствомъ къ тому былъ немедленный отъѣздъ въ Торпъ-Амброзъ до полученія письма священника. Напрасно пытался я внушить ему, что нужно серіозно обдумать это внезапное рѣшеніе, прежде нежели приступать къ его исполненію; онъ преспокойно продолжалъ укладывать свой чемоданъ съ своею необыкновенною, непроницаемою и неподатливою шутливостью. Въ десять минутъ весь багажъ былъ уложенъ, а еще минутъ черезъ пять Алланъ уже отдавалъ приказанія экипажу яхты ѣхать обратно въ Соммерсетширъ. Пароходъ, отправлявшійся въ Ливерпуль, стоялъ съ нами рядомъ, но мнѣ не было другаго выбора какъ ѣхать съ Алланомъ на яхтѣ, или отпустить его одного. Не стану разказывать вамъ о нашемъ бурномъ переѣздѣ, о задержкѣ въ Ливерпулѣ, и о всѣхъ пропущенныхъ нами поѣздахъ желѣзной дороги во время путешествія во внутренности страны. Довольно вамъ знать, что мы пріѣхали сюда благополучно, вотъ и все. Пусть здѣшніе слуги думаютъ что имъ угодно о внезапномъ появленіи ихъ новаго помѣщика, который не предупредилъ ихъ даже ни единымъ словомъ о своемъ пріѣздѣ; ихъ мнѣніе еще не важно. Но какъ посмотритъ на это комитетъ, приготовлявшій ему торжественную встрѣчу, когда распространится завтра слухъ о его прибытіи, вотъ что мнѣ кажется гораздо посеріознѣе.

„Кстати о слугахъ. Я долженъ сказать вамъ, что конецъ письма мистрисъ Бланшардъ посвященъ былъ разнымъ сообщеніямъ объ устройствѣ ея прежняго хозяйственнаго быта. Повидимому, всѣ служители, какъ при самомъ домѣ, такъ и

внѣ его (за исключеніемъ трехъ), остаются покамѣстъ здѣсь, въ надеждѣ, что Алланъ удержитъ ихъ на прежнихъ мѣстахъ. Изъ числа трехъ людей, выбывшихъ изъ дома: двѣ горничныя, одна мистрисъ Бланшардъ, другая ея племянницы, уѣхали съ своими госпожами за границу; третья же личность — старшая горничная была внезапно уволена за проступокъ, который мистрисъ Бланшардъ таинственно называетъ „легкимъ и неосторожнымъ поведеніемъ въ отношеніи къ какому-то незнакомцу.

„Я боюсь, что вы станете смѣяться надо мною, но я долженъ сказать вамъ всю правду. Я сдѣлался до такой степени недовѣрчивымъ (послѣ нашего приключенія на островѣ Манѣ), даже по отношенію къ самымъ ничтожнымъ непріятностямъ, имѣющимъ хотя какое-либо отношеніе ко вступленію Аллана въ его новую жизнь, что я уже разспросилъ одного изъ здѣшнихъ слугъ объ этомъ, повидимому, столь маловажномъ обстоятельствѣ, каково увольненіе горничной. Я узналъ только, что какой-то подозрительный незнакомецъ безпрестанно шатался вокругъ дома, что, судя по безобразію горничной, въ ухаживаньи его крылась какая-нибудь другая цѣль, и что со дня ея увольненія, его уже не видали болѣе въ окрестностяхъ помѣстья. Вотъ вамъ исторія одного изгнанія изъ Торпъ-Амброза. Я желаю только, чтобъ Алланъ не впутался въ это дѣло. Что касается до прочей прислуги, какъ мужской, такъ и женской, то мистрисъ Бланшардъ отзывается о ней съ похвалою, и всѣ они безъ сомнѣнія останутся на своихъ настоящихъ мѣстахъ.

„Покончивъ съ письмомъ мистрисъ Бланшардъ, я считаю своею ближайшею обязанностью передать вамъ отъ имени Аллана, вмѣстѣ съ его дружескимъ привѣтствіемъ, просьбу пріѣхать къ нему въ Торпъ-Амброзъ, какъ только вамъ можно будетъ оставить Соммерсетширъ. Хотя я не позволяю себѣ думать, чтобы мои собственныя желанія могли вліять на ваше рѣшеніе, однако я долженъ сознаться вамъ, что имѣю особенную причину нетерпѣливо желать вашего пріѣзда сюда. Алланъ совершенно невинно внушилъ мнѣ новое опасеніе насчетъ нашихъ будущихъ съ нимъ отношеній, и я крайне нуждаюсь въ вашемъ совѣтѣ, который указалъ бы мнѣ настоящее средство къ устраненію этого безпокойства.

„Меня затрудняетъ въ настоящее время мѣсто управляющаго въ Торпъ-Амброзѣ. До нынѣшняго дня я зналъ только,

что Алланъ имѣетъ какой-то особенный планъ относительно этого вопроса, такъ какъ, между прочимъ, онъ принялъ довольно странное рѣшеніе отдать внаймы домъ, занимаемый прежнимъ управляющимъ, а для новаго назначилъ помѣщеніе въ большомъ домѣ. Ѣдучи сюда, Алланъ случайно проговорился мнѣ на этотъ счетъ, и къ моему величайшему удивленію я узналъ, что этимъ новымъ управляющимъ, имя котораго такъ тщательно скрывалось отъ меня, долженъ быть не кто другой какъ я самъ!

„Считаю лишнимъ говорить вамъ, какъ принялъ я это новое доказательство дружбы Аллана. Удовольствіе слышать изъ его собственныхъ устъ, что я заслужилъ такое сильное доказательство его довѣрія ко мнѣ, было вскорѣ отравлено горькимъ чувствомъ, которое обыкновенно примѣшивается къ каждому нашему удовольствію, или, по крайней мѣрѣ, примѣшивалось ко всѣмъ радостямъ моей жизни. Никогда не казалось мнѣ такъ грустно оглядываться на свое прошедшее какъ въ настоящую минуту, когда я чувствую всю свою неспособность къ выполненію этой должности. Вооружившись мужествомъ, я сказалъ ему, что не имѣю ни знанія, ни опытности, необходимыхъ для того чтобы быть хорошимъ управляющимъ. Онъ великодушно возразилъ мнѣ на это, что я могу научиться, и обѣщалъ послать въ Лондонъ за какимъ-то опытнымъ человѣкомъ, исправлявшимъ нѣкогда эту должность, и который, слѣдовательно, въ состояніи будетъ руководить меня своими совѣтами. Думаете ли вы, что я въ самомъ дѣлѣ могу научиться? Если да, то я стану работать день и ночь, чтобы пріобрѣсти надлежащія познанія. Но если, какъ мнѣ кажется, обязанности управляющаго слишкомъ важны, чтобъ ихъ могъ усвоить на скорую руку неопытный юноша, подобный мнѣ, въ такомъ случаѣ, прошу васъ, поторопитесь вашимъ пріѣздомъ въ Торпъ-Амброзъ и употребите ваше личное вліяніе на Аллана. Лишь одно это можетъ измѣнить его рѣшеніе и заставить его взять другаго управляющаго, который былъ бы дѣйствительно полезенъ на этомъ мѣстѣ. Убѣдительно прошу васъ поступить въ этомъ дѣлѣ по вашему собственному усмотрѣнію, единственно въ интересахъ Аллана. Какое бы разочарованіе ни пришлось испытать мнѣ, онъ этого не замѣтитъ.

„Вѣрьте, любезный мистеръ Брокъ, чувствамъ глубокой признательности преданнаго вамъ „*Озіи Мидвинтера.*

„P. S. Открываю письмо, чтобы прибавить еще нѣсколько словъ. Если со дня возвращенія вашего въ Соммерсетширъ вамъ пришлось видѣть или слышать что-нибудь о женщинѣ въ черномъ платьѣ и въ красной шали, то надѣюсь, что вы не забудете извѣстить меня объ этомъ. *О М.*"

2. *Отъ мистрисъ Ольдершо къ миссъ Гуильтъ.*

Дамская уборная, улица Діаны, Пимлико; середа.

„Милая Лидія, чтобы не пропустить почты, пишу вамъ на бланковой бумагѣ послѣ длиннаго, утомительнаго дня, проведеннаго въ моемъ магазинѣ, потому что со времени послѣдняго нашего свиданія я получила извѣстіе, которое считаю нужнымъ немедленно сообщить вамъ.

„Начнемъ съ начала. Серіозно обсудивъ ваше положеніе, я пришла къ тому заключенію, что вы поступите весьма благоразумно въ отношеніи къ молодому Армаделю, если попридержите вашъ язычекъ насчетъ Мадеры и всего случившагося тамъ. Ваше положеніе относительно его матери было конечно весьма непріятное. Вы помогли ей ввести въ обманъ ея собственнаго отца. Затѣмъ, когда цѣль была достигнута, васъ безжалостно выпроводили вонъ, безъ вниманія къ вашему юному возрасту, а когда вы внезапно явились къ ней опять, послѣ двадцатилѣтней разлуки, вы нашли ее больною, имѣющею взрослаго сына, отъ котораго она тщательно скрыла настоящую исторію своего замужества. Имѣете ли вы подобныя преимущества на своей сторонѣ относительно ея сына? Если только онъ не идіотъ, то онъ не повѣритъ вашимъ возмутительнымъ клеветамъ на его мать, а такъ какъ, по прошествіи многихъ лѣтъ, у васъ не осталось въ рукахъ доказательствъ, которыя вы могли бы ему представить, въ подтвержденіе своихъ словъ, то вотъ и конецъ вашей разработкѣ золотыхъ рудниковъ мистера Армаделя. Помните, однако, что я ничуть не отрицаю, что долгъ покойницы относительно васъ, послѣ всего сдѣланнаго для нея на островѣ Мадерѣ, еще не уплаченъ, и что сыну ближе всего расквитаться съ вами, когда мать уже ускользнула изъ вашихъ рукъ. Объ одномъ только прошу васъ, моя милая, выжмите его настоящимъ образомъ, настоящимъ образомъ выжмите его.

„А что̀ значитъ настоящимъ образомъ? спросите вы. Вопросъ этотъ приводитъ меня къ тому извѣстію, которое я

хотѣла сообщить вамъ. Возвращались ли вы къ своей другой мысли попробовать свои силы на этомъ счастливомъ молодчикѣ одними только обворожительными свойствами вашей наружности и вашего ума? Эта мысль такъ неотвязчиво преслѣдовала меня послѣ вашего ухода, что я наконецъ послала записку къ моему стряпчему, прося его дать законникамъ разсмотрѣть завѣщаніе, по которому молодой Армадель получилъ наслѣдство. Результатъ оказался гораздо благопріятнѣе, нежели мы съ вами могли бы ожидать. Послѣ всего сообщеннаго мнѣ стряпчимъ, вы не должны ни минуты колебаться насчетъ плана вашихъ дѣйствій. Словомъ, Лидія, хватайте быка за рога—выходите за него замужъ!!!

„Я говорю съ вами совершенно серіозно. Дѣло гораздо серіознѣе чѣмъ вы предполагаете, и очень стоитъ о немъ позаботиться. Уговорите только г. Армаделя сдѣлать васъ своею женой, а тамъ вы можете смѣло презирать всѣ могущія послѣдовать за этимъ открытія. Въ продолженіе его жизни вы сами будете заключать съ нимъ какія угодно условія, а въ случаѣ его смерти, завѣщаніе даетъ вамъ право, — все равно будутъ у васъ дѣти или нѣтъ, — на *пожизненный доходъ въ тысячу двѣсти фунтовъ стерлинговъ* изъ суммъ, приносимыхъ помѣстьемъ, и совешенно независимо отъ согласія или несогласія самого г. Армаделя. На этотъ счетъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, потому что стряпчій собственными глазами видѣлъ завѣщаніе. Конечно, дѣлая это условіе, мистеръ Бланшардъ имѣлъ въ виду своего сына и его вдову. Но такъ какъ условіе, не связанное съ именемъ одного какого-нибудь наслѣдника, въ послѣдствіи отмѣнено не было, то оно также обязательно теперь для молодаго Армаделя, какъ при другихъ обстоятельствахъ оно было бы обязательно для сына мистера Бланшарда. Какое счастіе было бы для васъ, послѣ всѣхъ перенесенныхъ вами бѣдъ и треволненій, стать хозяйкою Торпъ-Амброза, если онъ будетъ жить, а въ случаѣ его смерти получать пожизненный доходъ въ тысячу двѣсти фунтовъ! Поймайте же его, моя милая бѣдняжка, поймайте его во что бы то ни стало!

„Я увѣрена, что вы встрѣтите мое письмо тѣмъ же возраженіемъ, которое вы уже сдѣлали на дняхъ, толкуя со мною объ этомъ дѣлѣ,—я разумѣю вашъ возрастъ. Но выслушайте меня, моя прелесть. Вопросъ не въ томъ, стукнуло ли вамъ тридцать пять лѣтъ; положимъ, мы допустимъ эту

ужасную истину и скажемъ *да*, но дѣло все-таки будетъ не въ этомъ, а въ томъ, можно ли узнать по вашему лицу вашъ настоящій возрастъ. Мое мнѣніе на этотъ счетъ есть и должно быть одно изъ самыхъ основательныхъ мнѣній въ цѣломъ Лондонѣ. Моя двадцатилѣтняя опытность въ украшеніи прекраснаго пола, въ поновленіи старыхъ изношенныхъ лицъ и физіономій что-нибудь да значитъ, и я положительно увѣряю васъ, что никто не дастъ вамъ болѣе тридцати лѣтъ. Если вы послѣдуете моимъ совѣтамъ насчетъ вашего туалета и употребите тайкомъ одно или два изъ моихъ средствъ, то я ручаюсь скинуть вамъ еще три года съ костей. Я готова прозакладывать всѣ деньги, которыя дамъ вамъ впередъ на это дѣло, если, пройдя чрезъ мои руки, вы покажетесь хоть кому-нибудь мущинѣ старше двадцати семи лѣтъ, исключая, конечно, то время когда вы будете просыпаться на разсвѣтѣ отъ какой-нибудь заботы; но вѣдь вы будете тогда, моя милая, стары и дурны въ уединеніи вашей собственной комнаты, а это, согласитесь, бѣда еще небольшая.

„Но вы мнѣ скажете, можетъ-быть, что со всѣми этими прикрасами вы все-таки на цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ старше его, и что это обстоятельство прямо говоритъ противъ васъ, съ самаго начала. Но такъ ли это? Подумайте хорошенько. Вамъ вѣроятно извѣстно по опыту, что самая обыкновенная изъ всѣхъ слабостей, свойственныхъ молодымъ людямъ, въ возрастѣ Армаделя, состоитъ именно въ томъ, чтобы влюбляться въ женщинъ гораздо старше ихъ самихъ. Гдѣ найдете вы мущинъ, которые дѣйствительно цѣнили бы насъ въ полномъ цвѣтѣ нашей юности (Надѣюсь, что я имѣю причину хорошо отзываться о цвѣтѣ юности; я пріобрѣла сегодня пятьдесятъ гиней за поновленіе поблекшихъ прелестей женщины, которая годилась бы вамъ въ матери.)? Кто они, эти мущины, спрашиваю я васъ, которые готовы преклоняться передъ нами, когда намъ не болѣе семнадцати лѣтъ? Молодые, веселые джентльмены, во цвѣтѣ своей собственной юности, думаете вы? Совсѣмъ нѣтъ! Коварные бездѣльники, которымъ перевалило за сорокъ.

„Какую же мораль вывести изъ всего этого, какъ говорится въ сказкахъ? А ту, что съ такою головой на плечахъ, какъ у васъ, всѣ шансы на вашей сторонѣ. Если вы чувствуете, въ чемъ я и не сомнѣваюсь, ваше безвыходное положеніе; если вы сознаете, какою привлекатель-

ною женщиной вы еще можете быть въ глазахъ мущины, когда захотите; и если послѣ того ужаснаго порыва отчаянія на пароходѣ (порыва весьма естественнаго, если принять въ разчетъ сдѣланный вамъ ужасный вызовъ), къ вамъ дѣйствительно вернулась ваша прежняя рѣшимость, то мнѣ не нужно болѣе убѣждать васъ, чтобы вы прибѣгли къ этому опыту. Подумайте только, какъ все удивительно устроилось! Еслибы *тотъ* молодой олухъ не прыгнулъ за вами въ рѣку, *этотъ* молодой олухъ никогда не получилъ бы наслѣдства. Право, подумаешь, будто сама судьба рѣшила, чтобы вы сдѣлались мистрисъ Армадель, владѣтельницею Торпъ-Амброза! А кто можетъ бороться противъ своей судьбы, какъ говорятъ поэты?

„Напишите мнѣ *да* или *нѣтъ*, и считайте меня всегда вашимъ старымъ, преданнымъ другомъ.

„Маріей Ольдершо."

3. *Отъ миссъ Гуильтъ къ мистрисъ Ольдершо.*

„Ричмондъ, четвергъ.

„Ахъ, вы, старая плутовка, я не скажу вамъ ни *да*, ни *нѣтъ* до тѣхъ поръ, пока не нагляжусь на себя въ зеркало. Еслибы вы дѣйствительно чувствовали къ кому-нибудь расположеніе помимо вашей собственной, негодной и старой личности, то вы поняли бы, что при одной мысли о вторичномъ вступленіи въ бракъ, послѣ всего перенесеннаго мною, волосы поднимаются у меня дыбомъ.

„Впрочемъ, пока я не рѣшилась еще ни на что, вамъ не мѣшаетъ снабжать меня кое-какими свѣдѣніями. У васъ еще осталось двадцать фунтовъ стерлинговъ, вырученныхъ отъ продажи моихъ вещей: перешлите мнѣ сюда по почтѣ десять фунтовъ на мои издержки, а остальные десять употребите на наведеніе справокъ въ Торпъ-Амброзѣ. Мнѣ хочется знать, когда уѣдутъ обѣ Бланшардъ, и когда молодой Армадель переселится въ замокъ предковъ. Совершенно ли вы увѣрены въ томъ, что этимъ юношею дѣйствительно будетъ такъ легко управлять какъ вамъ кажется? Если онъ пойдетъ по слѣдамъ своей лицемѣрки-матушки, то я могу сказать вамъ лишь одно: Іуда Искаріотскій воскресъ.

„Я помѣстилась здѣсь весьма удобно. Въ саду растутъ очаровательные цвѣты, а птицы будятъ меня поутру своимъ восхи-

тительнымъ пѣніемъ. Я взяла на прокатъ порядочное фортепіано. Единственный мущина, развлекающій меня немного,—не тревожьтесь, онъ уже давно положенъ въ сырую землю подъ именемъ Бетховена,—бесѣдуетъ со мною въ моемъ уединеніи. Хозяйка моя также желала бы навѣщать меня, еслибъ я только пускала ее къ себѣ, но я ненавижу женщинъ. Вчера новый священникъ приходилъ сюда къ другому жильцу, моему сосѣду, и возвращаясь домой по лужайкѣ прошелъ мимо меня. Хоть мнѣ и тридцать пять лѣтъ, но глаза мои дѣйствительно не утратили еще своего блеска: бѣднякъ вспыхнулъ, когда я взглянула на него! Желаю знать, какого цвѣта сдѣлалось бы его лицо, еслибъ одна изъ маленькихъ птичекъ въ саду шепнула ему потихоньку о настоящей исторіи прелестной миссъ Гуильтъ?

„Прощайте, тетушка Ольдершо! Я сомнѣваюсь, чтобъ я могла назвать себя вашею или чьею бы то ни было преданною особой; но вѣдь мы всѣ лжемъ и притворяемся въ нашихъ письмахъ, не такъ ли? И потому, если вы называете себя моимъ старымъ, преданнымъ другомъ, то и я, конечно, должна назвать себя искренно преданною вамъ

Лидіей Гуильтъ.

„P. S. Берегите ваши отвратительные порошки, притиранья и румяна для поблекшихъ прелестей вашихъ покупательницъ; будьте увѣрены, что ни одно изъ этихъ снадобій не коснется моей кожи. Если вы дѣйствительно желаете быть мнѣ полезны, то постарайтесь найдти для меня какое-нибудь успокоительное питье, которое избавило бы меня отъ скрежета зубовъ по ночамъ, а то я когда-нибудь непремѣнно сломаю. Ихъ и что же станется тогда съ моею красотой, я васъ спрашиваю?“

4. *Отъ мистрисъ Ольдершо къ миссъ Гуильтъ.*

„Дамская уборная, вторникъ.

„Дорогая Лидія, какъ жаль, что письмо ваше не было адресовано къ мистеру Армаделю; ваши граціозныя дерзости привели бы его въ восторгъ. Меня же они нисколько не трогаютъ; вы знаете, что я давно къ нимъ привыкла. Скажите, моя милая, для чего упражняете вы ваше блестящее остроуміе на безчувственной Ольдершо? Оно разсыпается только какъ ракета, и исчезаетъ безъ слѣда. Прошу васъ, попытайтесь въ другой разъ быть посеріознѣе. Я имѣю сообщить

вамъ нѣчто изъ Торпъ-Амброза, чѣмъ вовсе не слѣдуетъ шутить.

„Черезъ часъ послѣ полученія вашего письма, я уже начала наводить справки. Не зная навѣрное, къ чему могли повести онѣ, я сочла за лучшее дѣйствовать втайнѣ. Вмѣсто того чтобъ употреблять кого-либо изъ людей, находящихся въ моемъ распоряженіи (которые знаютъ и васъ и меня), я отправилась въ справочную контору на площади Шедисайдъ, и поручила это дѣло самому инспектору, не сказавъ ему кто я, и вовсе не упомянувъ о васъ. Сознаюсь, что это былъ не самый дешевый способъ браться за дѣло, но за то самый вѣрный, что гораздо важнѣе.

„Не прошло десяти минутъ, какъ мы съ инспекторомъ совершенно поняли другъ друга, и онъ сейчасъ же представилъ мнѣ необходимое для моей цѣли лицо, самаго невиннаго, повидимому, юношу, какого вамъ когда-либо случалось видѣть въ вашу жизнь. Часъ спустя онъ уже ѣхалъ въ Торпъ-Амброзъ. Въ субботу послѣ обѣда, въ понедѣльникъ и сегодня я навѣдывалась въ контору, чтобъ узнать нѣтъ ли какихъ новостей. До нынѣшняго дня ихъ не было, но сегодня я нашла тамъ нашего агента, только-что вернувшагося въ городъ и ожидавшаго меня съ подробнымъ отчетомъ о результатахъ своей поѣздки въ Норфокъ.

„Прежде всего позвольте мнѣ успокоить васъ отвѣтомъ на оба ваши вопроса. Мистрисъ Бланшардъ и ея племянница уѣхали тринадцатаго числа за границу, а молодой Армадель въ настоящую минуту прогуливается гдѣ-то по морю на своей яхтѣ. Въ Торпъ-Амброзѣ толкуютъ объ устройствѣ для него торжественной встрѣчи и о созваніи митинга изъ мѣстныхъ аристократовъ для обсужденія программы этого торжества. Толки и споры въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно уносятъ много времени, и торжественная встрѣча, вѣроятно, готова будетъ не ранѣе конца нынѣшняго мѣсяца.

„Еслибы нашъ посланный узналъ только это, то и тогда его слѣдовало бы наградить. Но нашъ невинный юноша настоящій іезуитъ въ наведеніи тайныхъ справокъ, съ тѣмъ великимъ преимуществомъ передъ всѣми католическими попами, что лицо его не носитъ ни малѣйшаго отпечатка хитрости. Дѣйствуя по обыкновенію черезъ женскую прислугу, онъ съ удивительнымъ благоразуміемъ обратился къ самой безобразной служанкѣ въ домѣ. Когда эти особы красивы и

могутъ, какъ онъ выразился, выбирать своихъ обожателей, то онѣ тратятъ много драгоцѣннаго времени на выборъ любовника. Но когда онѣ дурны и не имѣютъ ни малѣйшей надежды на возможность выбора, то онѣ бросаются на перваго попавшагося обожателя, какъ голодныя собаки на кость. На основаніи этихъ отличныхъ правилъ, нашему агенту удалось послѣ нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ проволочекъ пробраться къ старшей горничной Торпъ-Амброза и съ перваго же свиданія совершенно овладѣть ея довѣренностью. Вѣрно исполняя данныя ему инструкціи, онъ заставилъ ее болтать и долженъ былъ выслушать цѣлую кучу лакейскихъ сплетень. Бо́льшая часть этой болтовни не имѣетъ никакого значенія. Но я слушала его терпѣливо и наконецъ вознаграждена была драгоцѣннымъ открытіемъ. Вотъ оно:

„Въ Торпъ-амброзскомъ помѣстьѣ есть маленькая красивая мыза, которую молодой Армадель, неизвѣстно по какой причинѣ, рѣшился отдать внаймы, и въ настоящую минуту въ нее уже переѣхалъ жилецъ. Это какой-то бѣдный армейскій майоръ, на половинномъ жалованьѣ, по имени Мильрой: судя по отзывамъ, смирный человѣкъ, съ наклонностью къ механикѣ, обремененный домашнею невзгодой въ лицѣ больной жены, которой еще никто и никогда не видалъ. Прекрасно! что же изъ этого слѣдуетъ? спросите вы съ вашимъ пылкимъ нетерпѣніемъ, которое придаетъ вамъ столько прелести. Не горячитесь, дорогая Лидія, не сверкайте вашими прекрасными глазами! Семейныя дѣла майора серіозно касаются насъ обѣихъ, потому что, къ несчастію, у него есть дочь!

„Можете вообразить себѣ, какъ разспрашивала я нашего агента, и какъ онъ напрягалъ свою память, когда я случайно напала на подобное открытіе. Если небо отвѣчаетъ за болтовню женщинъ, то да будетъ оно благословенно! Отъ миссъ Бланшардъ я перешла къ ея горничной, отъ горничной миссъ Бланшардъ къ горничной ея тетки, отъ горничной тетки миссъ Бланшардъ къ безобразной служанкѣ, отъ безобразной служанки къ молодому человѣку съ невиннымъ лицомъ, и такимъ образомъ потокъ болтовни попалъ, наконецъ, въ настоящій резервуаръ, и жаждущая тетка Ольдершо упилась имъ въ волю. Говоря простымъ англійскимъ языкомъ, дѣла, моя милая, находятся въ такомъ положеніи: дочь майора—безпутная дѣвчонка, которой только-что минуло

шестнадцать лѣтъ; живая и миловидная (этакая ненавистная дрянь!), неряшливая въ своемъ туалетѣ (слава Богу!) и съ весьма дурными манерами (еще разъ слава Богу!). Она получила домашнее воспитаніе. Гувернантка, занимавшаяся ею въ послѣднее время, оставила ихъ домъ передъ отъѣздомъ ихъ въ Торпъ-Амброзъ. Воспитаніе ея требуетъ окончательнаго усовершенствованія, и майоръ рѣшительно не знаетъ что ему теперь предпринять. Никто изъ его друзей не можетъ рекомендовать ему новой гувернантки, а ему не совсѣмъ-то хочется отдать ее въ школу. Въ такомъ положеніи находятся теперь дѣла, по собственному показанію майора, потому что именно такъ выразился онъ во время визита, сдѣланнаго имъ вмѣстѣ съ дочерью хозяйкамъ дома, то-есть мистрисъ и миссъ Бланшардъ, прежде чѣмъ тѣ выѣхали изъ помѣстья.

„Вотъ вамъ покамѣстъ обѣщанная мною новость, и вы, вѣроятно, согласитесь со мною, что дѣло съ Армаделемъ должно быть разомъ рѣшено тѣмъ или другимъ путемъ. Если, невзирая на ваше безнадежное положеніе и ваши фамильныя, можно сказать, права на этого молодаго человѣка, вы рѣшитесь отъ него отказаться, я буду имѣть удовольствіе возвратить вамъ оставшіеся за мною по разчету двадцать семь шиллинговъ, и сочту себя въ правѣ совершенно посвятить себя моимъ собственнымъ занятіямъ. Если же, напротивъ, вы рѣшитесь попробовать счастья въ Торпъ-Амброзѣ, въ такомъ случаѣ (такъ какъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что майорская вертушка разставитъ сѣти молодому помѣщику) я желала бы знать, какимъ способомъ надѣетесь вы разрѣшить эту двойную задачу, — воспламенить сердце мистера Армаделя и затмить въ его глазахъ миссъ Мильрой.

„Любящая васъ
Марія Ольдершо."

5. *Отъ миссъ Гуильтъ къ мистрисъ Ольдершо.* (Первый отвѣтъ.)

„Ричмондъ, среда, утро.

„Мистрисъ Ольдершо, возвратите мнѣ мои двадцать семь шиллинговъ и продолжайте заниматься вашими собственными дѣлами.

„Ваша Л. Г."

6. *Отъ миссъ Гуильтъ къ мистрисъ Ольдершо.* (Второй отвѣтъ.)

„Ричмондъ, среда, ночь.

„Дорогой, старый другъ, оставьте у себя мои двадцать семь шиллинговъ и сожгите мое первое письмо. Я перемѣнила свое рѣшеніе.

„Утромъ я писала вамъ подъ впечатлѣніемъ ужасной ночи. Теперь я проѣхалась верхомъ, выпила бокалъ бордо и съѣла кусокъ цыпленка. Удовлетворило ли васъ подобное объясненіе? Скажите *да*, мнѣ хочется поскорѣй сѣсть за фортепіано.

„Нѣтъ, я не могу еще играть; сперва я должна отвѣтить вамъ на вашъ вопросъ. Но скажите, неужели вы такъ простодушны, что предполагаете, будто я не пойму ни васъ, ни вашего письма? Вы не хуже моего знаете, что затруднительное положеніе майора намъ благопріятно, и вмѣстѣ съ тѣмъ хотите, чтобъ я приняла на себя отвѣтственность за первый шагъ. Положимъ, я стану говорить въ вашемъ духѣ, то-есть околичностями. Положимъ, я скажу вамъ:

„— Сдѣлайте милость, не спрашивайте у меня, какимъ образомъ я намѣрена воспламенить сердце мистера Армаделя и затмить въ его глазахъ миссъ Мильрой; вопросъ такъ возмутительно рѣзокъ, что я рѣшительно не могу отвѣчать на него. Спросите у меня лучше, не чувствую ли я въ себѣ скромнаго желанія сдѣлаться гувернанткою миссъ Мильрой?

„Точно такъ, мистрисъ Ольдершо, отвѣчу я, и попрошу васъ рекомендовать меня на эго мѣсто.

„Этимъ и оканчивается ваша обязанность. А если случится какое-нибудь важное несчастіе (что весьма возможно), то по крайней мѣрѣ меня будетъ утѣшать мысль, что я одна всему виною!

„Теперь, когда я исполнила ваше желаніе, скажите, готовы ли вы сдѣлать что-нибудь для меня? Мнѣ хотѣлось бы провести въ сладкихъ мечтахъ тѣ немногіе дни, которые мнѣ осталось пробыть здѣсь. Будьте сострадательны, тетушка Ольдершо, и не мучьте меня, выставляя передо мною всѣ стороны моего новаго предпріятія, все что говоритъ за и про-

тивъ него. Обдумывайте это дѣло за меня, до тѣхъ поръ пока я не принуждена буду заняться имъ сама.

„Лучше кончу письмо, а то, пожалуй, скажу вамъ какую-нибудь дичь, что-нибудь такое что̀ вамъ не понравится. Сегодня я въ ударѣ. Мнѣ хотѣлось бы имѣть теперь подъ рукою мужа, котораго можно было бы помучить, или ребенка, котораго можно было бы поколотить, словомъ какое-нибудь существо въ этомъ родѣ. Любите ли вы смотрѣть какъ насѣкомыя жгутся лѣтомъ на свѣчкѣ? Мнѣ иногда весело бываетъ смотрѣть на это. Прощайте, мистрисъ Іезавель. Чѣмъ долѣе вы оставите меня здѣсь, тѣмъ лучше будетъ для меня. Здѣшній воздухъ мнѣ очень полезенъ, и я опять расцвѣла.

„Л. Г.“

7. *Отъ мистрисъ Ольдершо къ миссъ Гуильтъ.*

„Четвергъ.

„Дорогая Лидія, другая на моемъ мѣстѣ обидѣлась бы тономъ вашего послѣдняго письма; но я такъ нѣжно люблю васъ! А разъ какъ я привяжусь къ кому, тому трудно обидѣть меня, моя дорогая! Въ другой разъ не ѣздите такъ далеко верхомъ и не пейте болѣе бордо. Вотъ все что̀ я вамъ скажу.

„Не оставить ли намъ въ сторонѣ нашъ предполагаемый бракъ, чтобъ обратиться теперь къ серіознымъ вопросамъ? Какъ трудно бываетъ женщинамъ понять другъ друга, особенно, когда онѣ взялись за перо! Но попробуемъ!

„Итакъ, начинаю. Я поняла изъ вашего письма, что вы весьма благоразумно рѣшились повести аттаку на Торпъ-Амброзъ и съ перваго же шага занять выгодную позицію, вступивъ, если это окажется возможнымъ, въ семейство майора Мильрой. Въ случаѣ неудачи, то-есть если кто-нибудь другой займетъ мѣсто гувернантки въ его домѣ (обстоятельство, о которомъ мнѣ сейчасъ нужно будетъ говорить съ вами подробнѣе), вамъ предстоитъ только одинъ выборъ—искать знакомства съ мистеромъ Армаделемъ при другихъ условіяхъ. Во всякомъ случаѣ вамъ моя помощь необходима, и потому, первый вопросъ, который намъ нужно порѣшить между собою, заключается въ томъ, что̀ именно я хочу и что̀ могу для васъ сдѣлать.

„Женщина съ вашею наружностію, съ вашими манерами, способностями и воспитаніемъ, дорогая Лидія, смѣло можетъ

появляться въ обществѣ, если только у нея есть деньги и связи, на которыя она могла бы разчитывать въ случаѣ надобности. Начнемъ съ денегъ. Я постараюсь добыть ихъ, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы вы, съ своей стороны, выигравъ ваше дѣло, вознаградили меня за мои услуги приличною суммой. Цифра обѣщаннаго вознагражденія должна быть точно обозначена въ условіи, составленномъ моимъ адвокатомъ, такъ чтобы при свиданіи нашемъ въ Лондонѣ мы могли въ одно время и порѣшить это дѣло, и скрѣпить условіе нашими подписями.

„Теперь поговоримъ о моей рекомендаціи. Въ этомъ случаѣ вы опять-таки можете смѣло разчитывать на меня, только на другомъ условіи. Вотъ оно: вы должны явиться въ Торпъ-Амброзъ подъ тѣмъ же именемъ, которое снова приняли послѣ вашего ужаснаго замужства, то-есть подъ вашимъ дѣвичьимъ именемъ *Гуильтъ*. На это я имѣю собственно только одну причину: я не хочу рисковать безъ всякой нужды. Пользуясь довѣріемъ лицъ, поставленныхъ разными романическими приключеніями въ особенно затруднительное положеніе, я по опыту знаю, что присвоеніе себѣ чужаго имени изъ десяти случаевъ девять разъ оказывается безполезнымъ и опаснымъ обманомъ. Ничто не могло бы оправдать принятія вами чужаго имени, кромѣ опасенія быть узнанною молодымъ Армаделемъ,—опасенія, отъ котораго мы, къ счастію, избавлены его матерью, сохранившею втайнѣ отъ сына и отъ всѣхъ вообще свое прежнее знакомство съ вами.

„Перехожу теперь къ послѣднему затруднительному пункту, къ вопросу о томъ, насколько вы окажетесь способною исполнить обязанность гувернантки въ домѣ майора Мильрой. Я увѣрена, что съ вашимъ музыкальнымъ талантомъ и знаніемъ языковъ, вы непремѣнно удержите за собою это мѣсто, если только сумѣете обуздать свой характеръ. Впрочемъ, я сомнѣваюсь, чтобы вы его получили.

„При затруднительномъ положеніи, въ которое поставленъ майоръ, относительно воспитанія своей дочери, вѣрнѣе всего, что онъ будетъ вызывать себѣ гувернантку по публикаціи. Стало-быть, весь вопросъ заключается въ томъ, какой адресъ назначитъ онъ желающимъ принять на себя эту должность. Въ этомъ вся суть дѣла. Если онъ попроситъ ихъ адресоваться въ Лондонъ, тогда прости всякая надежда на успѣхъ,

по той причинѣ, что намъ невозможно будетъ узнать его объявленія между объявленіями другихъ лицъ, которыя вызываютъ себѣ гувернантокъ, назначая имъ также лондонскіе адресы. Если же, съ другой стороны, онъ адресуетъ, на наше счастье своихъ корреспондентовъ въ какую-нибудь ближнюю почтовую контору или, наконецъ, прямо въ Торпъ-Амброзъ, тогда, конечно, онъ отъ насъ не уйдетъ. Въ послѣднемъ случаѣ я даже почти увѣрена, что съ моею рекомендаціей вы непремѣнно поступите въ домъ майора. За нами одно большое преимущество предъ всѣми прочими женщинами, которыя будутъ отвѣчать на его вызовъ. Я разузнала, что майоръ бѣденъ, и потому мы назначимъ такое жалованье, которое, по всей вѣроятности, соблазнитъ его. О слогѣ нашего письма къ нему я ужь и не говорю: если мы съ вами не сумѣемъ изложить въ простой и завлекательной формѣ вашу готовность принять предлагаемое имъ мѣсто,—скажите, кто же тогда сумѣетъ?

„Но, конечно, все это еще дѣло будущаго Въ настоящее же время я совѣтовала бы вамъ оставаться на мѣстѣ и мечтать сколько вашей душѣ угодно, до тѣхъ поръ пока я не извѣщу васъ вторично. Я аккуратно справляюсь съ *Times*, и вы можете быть увѣрены, что мой привычный глазъ не пропуститъ безъ вниманія нужнаго намъ объявленія. Къ счастію, интересы наши нисколько не пострадаютъ отъ медленности майора, ибо нѣтъ еще причины бояться, чтобы дѣвчонка успѣла ужь перебѣжать вамъ дорогу. Торжественный пріемъ состоится не раньше какъ въ концѣ текущаго мѣсяца, и мы можемъ быть увѣрены, что тщеславіе мистера Армаделя не допуститъ его поселиться въ своемъ новомъ жилищѣ, прежде чѣмъ вся толпа его поклонниковъ не соберется его привѣтствовать. Подождемъ объявленія еще дней десять, а тамъ, пожалуй, придется отказаться отъ этой мысли и придумать какой-нибудь другой планъ.

„Смѣшно подумать, какъ многое зависитъ теперь отъ рѣшенія бѣднаго офицера на половинномъ жалованьи! Что касается до меня, я буду теперь каждый день просыпаться съ одною и тою же мыслью: какой адресъ выставитъ майоръ въ своемъ объявленіи: Торпъ-Амброзъ, или Лондонъ?

„Всегда вамъ преданная „Марія Ольдершо.“

СОВРЕМЕННЫЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РАСКОЛѢ *

VIII.

Въ предыдущей статьѣ мы обѣщали сообщить подробности о томъ, какъ происходило поставленіе втораго Антонія на московскую каѳедру, и какъ уничтожилъ Кириллъ свою послѣднюю мирную „грамоту“ къ россійскимъ епископамъ. Обиліе накопившихся матеріяловъ даетъ намъ возможность подробно изложить не только эти, но и нѣкоторыя другія, тѣсно связанныя съ ними, обстоятельства, о которыхъ прежде или вовсе не говорили мы, или сказали слишкомъ кратко и неточно, по мѣстамъ даже не совсѣмъ вѣрно. Но, чтобъ изложить событія во всей ихъ послѣдовательности, къ чему имѣемъ теперь полную возможность, мы должны снова возвратиться нѣсколько назадъ.

I.

13-го сентября 1863 года, въ Бѣлую-Криницу пріѣхалъ давно знакомый тамъ гость, нѣкто Еѳимъ Ѳедорычъ Крючковъ, извѣстный больше подъ именеми Степнухи, или Степнухина, тотъ самый раскольничій дѣлецъ, о которомъ упомянули мы въ прошедшій разъ. Онъ, вмѣстѣ съ достойнымъ другомъ своимъ Иваномъ Тимоѳеевичемъ Пискаревымъ, слу-

* См. *Русск. Вѣст.* 1863 г. №№ 5, 7, 11, 12; 1864 г. №№ 1 и 2; 1865 № 1.

житъ неизмѣннымъ агентомъ собственно для партіи такъ-называемыхъ *крамольниковъ*, то-есть лицъ враждебныхъ *Окружному Посланію*, въ главѣ которыхъ постоянно находились и находятся до-нынѣ М. М—въ, Ѳ. В—въ, Е. Б—нъ, Ѳ. М—въ. Явившись къ Кириллу, по порученію этихъ коноводовъ крамольной партіи, Крючковъ приступилъ къ нему съ допросами, что̀ отвѣчалъ онъ на грамоту Московскаго Духовнаго Совѣта. Оказалось, что въ Бѣлой-Криницѣ никакой грамоты духовнаго совѣта не видали и никакого понятія о ней не имѣютъ.—„Ну, такъ, *значитъ мѣру*, * скоро получите,“ замѣтилъ на это Крючковъ, очень довольный что успѣлъ предупредить полученіе грамоты;—„я, *значитъ мѣру*, какъ тутъ во время пріѣхалъ.“ Онъ объяснилъ Кириллу, какого содержанія эта посланная московскимъ совѣтомъ грамота, и въ какомъ смыслѣ ему слѣдуетъ отвѣчать на нее.

Спустя недѣлю, именно 21 сентября, въ митрополію дѣйствительно пріѣхалъ іеродіаконъ Ипполитъ, въ качествѣ уполномоченнаго посла отъ московскаго духовнаго совѣта, и вручилъ Кириллу отъ имени совѣта грамоту. Грамота была не иное что какъ *донесеніе* митрополиту о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ въ Москвѣ послѣ извѣстнаго изгнанія его изъ Россіи. Именно совѣтъ доносилъ митрополиту, что 1) составившійся въ Москвѣ соборъ россійскихъ епископовъ возстановилъ уничтоженныя Кирилломъ, въ бытность его въ Москвѣ, 20-го февраля, довѣрительныя грамоты, данныя имъ епископу Онуфрію, и снялъ также съ Онуфрія, тогда же наложенное Кирилломъ, запрещеніе священнодѣйствовать; и 2) что Онуфрій, въ силу возстановленныхъ такимъ образомъ довѣрительныхъ грамотъ, какъ намѣстникъ митрополита, возвелъ Антонія на московскій престолъ и учинилъ его предсѣдателемъ учрежденнаго въ Москвѣ духовнаго совѣта. Теперь совѣтъ просилъ Кирилла ни больше ни меньше какъ утвердить всѣ эти распоряженія, и даже прислалъ ему подробное наставленіе, какъ и въ какомъ видѣ должно быть составлено это утвержденіе, въ чемъ Кириллъ очень справедливо нашелъ обидный для него намекъ, „что аки бы онъ не въ состояніи составить желаемаго духовнымъ совѣтомъ акта.“ Это московское донесеніе, подписанное 22-го іюля, очевидно было отправлено еще до полученія въ Москвѣ

---

* Нелѣпая поговорка, безпрестанно повторяемая Крючковымъ.

извѣстнаго „акта Бѣлокриницкаго собора," состоявшагося въ 20 день іюля и подписаннаго Амвросіемъ: онъ былъ отправленъ изъ Буковины по почтѣ чрезъ Варшаву, и дѣйствительно задержанъ былъ гдѣ-то по случаю господствовавшаго тогда польскаго мятежа. Такимъ образомъ донесеніе духовнаго совѣта было первымъ письменнымъ документомъ, посредствомъ котораго россійскіе епископы открывали сношеніе съ Кирилломъ, послѣ знаменитаго изгнанія его изъ Москвы. Надобно полагать, что отправляя этотъ документъ, они сильно разчитывали на уступчивость Кирилла послѣ всѣхъ невзгодъ, встрѣченныхъ имъ въ Россіи, надѣялись, что изъ опасенія совершеннаго разрыва митрополіи съ кормилицей-Москвой, онъ не задумается утвердить сдѣланныя московскихъ духовнымъ совѣтомъ распоряженія. Совѣтъ, безъ сомнѣнія, считалъ это нужнымъ въ видахъ примиренія враждующихъ партій въ старообрядчествѣ и особенно для успокоенія народа; въ самомъ же дѣлѣ онъ допустилъ здѣсь весьма важную ошибку, которой не сдѣлалъ бы, конечно, еслибы сейчасъ упомянутый нами актъ Бѣлокриницкаго собора полученъ былъ раньше: испрашивая у Кирилла утвержденія своихъ собственныхъ распоряженій, россійскіе епископы этимъ самымъ должны были подать ему мысль, что въ Россіи приписываютъ великую важность его утвержденіямъ или запрещеніямъ, что, однимъ словомъ, его особа, облеченная властію митрополита всей древне-православной церкви, совершенно необходима для россійскаго старообрядчества и безъ нея существовать оно не можетъ. Мысль эта дѣйствительно крѣпко засѣла съ тѣхъ поръ въ крѣпкую голову бѣлокриницкаго владыки, чему, безъ сомнѣнія, немало содѣйствовалъ и Евимъ Ѳедырычъ Крючковъ. Партія раздорниковъ, кажется, понимала, что духовный совѣтъ дѣлалъ именно ошибку, обращаясь въ митрополію за утвержденіемъ своихъ распоряженій; но съ другой стороны, хорошо зная всю ограниченность Кирилла и опасаясь, какъ бы онъ, подъ вліяніемъ воспоминаній объ испытанныхъ въ Москвѣ неудачахъ и въ надеждѣ тѣснѣйшаго союза съ Москвой, въ самомъ дѣлѣ не склонился на просьбу духовнаго совѣта и не призналъ законными его распоряженія,—что было бы для этой партіи, рѣшительнымъ ударомъ,—нашла необходимымъ отправить въ митрополію искуснаго человѣка, который могъ бы вразумить Кирилла и научить, какъ ему слѣдуетъ отвѣтить на

грамоту духовнаго совѣта. Выбрали человѣка самаго опытнаго и искуснаго, вышереченнаго Ѳеима Ѳедорыча Крючкова, который и прибылъ въ Бѣлую-Криницу, какъ сказали мы, цѣлою недѣлей раньше полученія самой грамоты.

Онъ исполнилъ порученіе съ свойственною ему ловкостью; вполнѣ убѣдилъ Кирилла, что ему слѣдуетъ твердо стоять за свои мнимыя права верховнаго святителя всей древне-православной церкви и сдѣланныя безъ его вѣдома распоряженія россійскихъ епископовъ осудить, какъ незаконныя и своевольныя. Особенно настаивалъ Крючковъ на томъ, чтобы Кириллъ отвергнулъ главное изъ этихъ распоряженій, возведеніе Антонія на московскую каѳедру: партія крамольниковъ не безъ основанія предполагала, что этимъ возведеніемъ защитники *Окружнаго Посланія* желали пріобрѣсти въ Антоніи поборника своему дѣлу и потому стремилась, во что бы ни стало, разрушить ихъ надежду на Антонія, надежду, увы! и безъ ихъ происковъ не оправдавшуюся. * Было и другое побужденіе, почему Крючковъ старался особенно вооружить Кирилла противъ назначенія Антонія въ московскіе архіепископы: говорятъ, что одинъ изъ раздорниковъ, нарядившихъ посольство Крючкова, за разныя злоупотребленія и именно по милости Антонія удаленный изъ попечителей Рогожскаго кладбища, далъ себѣ слово отмстить ему за это, и рано или поздно выжить его изъ московской епархіи; этою личною враждой, какъ слышно, объясняется многое въ существующемъ теперь раздѣленіи старообрядчества на партіи и въ ихъ взаимныхъ распряхъ. Крючковъ могъ, однакоже, представить весьма убѣдительныя причины, почему не слѣдуетъ Кириллу признавать Антонія въ санѣ московскаго архіепископа. Еще въ 1861 году возникло дѣло объ удаленіи Антонія изъ Москвы во Владиміръ за разныя, допущенныя имъ во время управленія общими раскольничьими дѣлами,

* Надобно замѣтить, впрочемъ, что нѣкоторые изъ защитниковъ *Окружнаго Посланія*, какъ напримѣръ, епископъ Онуфрій, при самомъ поставленіи Антонія въ архіепископы, хорошо знали его двуличный характеръ и мало надѣялись на его сочувствіе *Окружному Посланію*; рѣшились же на это поставленіе единственно съ тою цѣлію, чтобъ устранить Аѳанасія, епископа саратовскаго, которому Кириллъ вручилъ управленіе іерархическими дѣлами, и который былъ уже извѣстенъ какъ противникъ *Окружнаго Посланія*.

злоупотребленія и особенно вслѣдствіе возникшей у него распри съ епископомъ казанскимъ Пафнутіемъ. Въ то время Антоній, поставленный въ крайне затруднительное положеніе, самъ даже просилъ уволить его отъ управленія. Дѣло это было перенесено на рѣшеніе бѣлокриницкаго митрополита; чтобы рѣшить его и вообще устроить церковныя дѣла у россійскихъ старообрядцевъ, значительно „поизшатавшіяся", Кириллъ въ томъ же году и отправилъ въ Москву епископа Онуфрія, въ званіи своего намѣстника, снабдивъ его довѣрительными грамотами и довольно значительными полномочіями. Разныя обстоятельства, между которыми въ послѣдствіи первое мѣсто заняло изданіе *Окружнаго Посланія*, отвлекли Онуфрія отъ окончательнаго рѣшенія дѣла объ Антоніи. Онъ только устранилъ Антонія отъ управленія общими іерархическими дѣлами и до времени принялъ ихъ въ свое завѣдываніе, какъ намѣстникъ митрополита; но преемника Антонію, новаго епископа московскаго, не избралъ, хотя былъ уполномоченъ на то довѣрительною митрополичьею грамотой. Самъ Кириллъ, въ бытность свою въ Москвѣ, также не рѣшилъ дѣла о новомъ московскомъ епископѣ и также на время только вручилъ управленіе іерархическими дѣлами епископу саратовскому Аѳанасію. Понятно послѣ этого, что возведеніе Антонія на московскую архіепископскую каѳедру, сдѣланное духовнымъ совѣтомъ безъ предварительныхъ сношеній съ Кирилломъ, было для этого послѣдняго весьма чувствительнымъ оскорбленіемъ. И Крючковъ постарался, конечно, указать ему эту оскорбительную для него сторону дѣла. Впрочемъ не было и труда убѣдить Кирилла къ противодѣйствію распоряженіямъ московскаго духовнаго совѣта, послѣ того какъ онъ отправилъ уже въ Москву цѣлый актъ Бѣлокриницкаго собора, которымъ требовалъ отъ россійскихъ епископовъ полнаго себѣ подчиненія.

Такимъ образомъ, въ то время когда Ипполитъ съ подлинною грамотой московскаго духовнаго совѣта явился въ Бѣлую-Криницу, Кириллъ, благодаря Крючкову, не только зналъ о содержаніи этой грамоты, но былъ уже приготовленъ и отвѣчать на нее. Ипполиту ничего не удалось сдѣлать и пришлось уѣхать ни съ чѣмъ: Кириллъ сказалъ ему, что отвѣтъ духовному совѣту пошлетъ онъ съ своими нарочитыми посланниками. Нужно было теперь заняться составленіемъ этого отвѣта, уже рѣшеннаго на предварительныхъ совѣща-

ніяхъ съ Крючковымъ. Кириллъ поручилъ это дѣло человѣку наиболѣе способному по сочинительской части изъ всего бѣлокриницкаго братства, своему архидіакону Филарету, котораго, вмѣстѣ съ священноинокомъ Іоасафомъ, намѣренъ былъ въ качествѣ своихъ уполномоченныхъ посланниковъ отправить въ Москву для доставленія отвѣтной грамоты.

Читателямъ уже нѣсколько извѣстны оба, сейчасъ названныя нами, лица. Но такъ какъ въ дальнѣйшемъ ходѣ нашей исторіи они принимаютъ весьма важное участіе, то не излишне будетъ познакомить съ ними нѣсколько короче. Филаретъ, сынъ климоуцкаго священника Захаріи, * мальчикомъ поступилъ въ Бѣлокриницкій монастырь, и въ то уже время удивлялъ бѣлокриницкихъ монаховъ своимъ искусствомъ пѣнія и знаніемъ церковной службы. Замѣчательныя природныя дарованія и рѣдкая любознательность помогли ему не заглохнуть даже въ той мертвящей средѣ раскольничьяго пустыннаго монастыря, куда съ юныхъ лѣтъ забросила его непривѣтливая судьба. Среди невѣжественныхъ бѣлокриницкихъ монаховъ, молодой человѣкъ представлялъ рѣдкое явленіе: въ промежутки между монастырскими службами онъ занимался чтеніемъ и изученіемъ языковъ, греческаго, еврейскаго,—въ которыхъ, однакоже, безъ опытнаго руководителя ушелъ немного далѣе умѣнья читать,—и особенно нѣмецкаго, на которомъ выучился говорить совершенно свободно, благодаря, конечно, близкому сосѣдству Нѣмцевъ; онъ завязалъ знакомство съ профессорами и студентами Черновицкой академіи, которые поддерживали въ немъ эту страсть къ самообразованію; пріѣзжая иногда въ Вѣну, онъ познакомился тамъ и съ нашимъ посольскимъ священникомъ, который снабжалъ его русскими духовными журналами. Всѣ почти не богатыя средства свои онъ употреблялъ на покупку необходимыхъ книгъ, изъ которыхъ и составилъ себѣ небольшую избранную библіотеку. Понятно, что такой человѣкъ былъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для Кирилла. Съ тѣхъ поръ особенно какъ Онуфрій оставилъ Бѣлую-Криницу, Фила-

---

* Это тотъ самый Захарія, котораго посвящалъ Амвросій въ присутствіи московскихъ депутатовъ, пріѣзжавшихъ въ Бѣлую-Криницу за міромъ, о чемъ довольно подробно разказано въ статьѣ: *Поѣздка въ Бѣлокриницкій монастырь* (*Рус. Вѣст.* 1863 г. № 3 стр. 72—73).

ретъ дѣйствительно сдѣлался правою рукой и головой Кирилла въ тѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, когда жалкому бѣлокриницкому владыкѣ приходилось являться во всемъ величіи и блескѣ своего митрополичьяго сана или предстояла трудная непривычная работа разсудить и порѣшить какое-нибудь дѣло, выходившее за предѣлы церковнаго устава, знаніемъ котораго Кириллъ искони отличался. Нужно ли было, напримѣръ, разстаться на время съ родимою пасекой, гдѣ Кириллъ, по старой привычкѣ, ходилъ за пчелами и няньчилъ внучатъ, чтобъ ѣхать въ Соколинцы и Сочаву къ празднику Св. Іоанна, или въ Черновицъ для свиданія съ какимъ-нибудь важнымъ австрійскимъ сановникомъ,—Филаретъ снаряжалъ его, какъ слѣдуетъ, давалъ сколько-нибудь приличный видъ всей его мужиковатой особѣ и садился съ нимъ въ его парадную карету, запряженную цугомъ, чтобы при каждомъ нужномъ случаѣ снабжать его совѣтами.... Встрѣчалась ли надобность войдти въ сношенія съ мѣстными гражданскими властями: дѣло возлагалось обыкновенно на Филарета, которому въ такихъ случаяхъ особенную пользу приносило его знакомство съ нѣмецкимъ языкомъ. На него были возложены и всѣ вообще письменныя занятія по дѣламъ митрополіи. Вотъ почему Кириллъ не иначе рѣшился ѣхать и въ Москву какъ въ сопровожденіи Филарета, и вотъ почему всѣ распоряженія и дѣйствія Кирилла въ Москвѣ, столь враждебныя *Окружному Посланію*, защитниками этого послѣдняго были приписаны вліянію на него между прочимъ именно Филарета, который по сему случаю и подвергся многимъ тяжкимъ нареканіямъ. Это предположеніе и эти нареканія, какъ ни казались вѣроятными, были однакоже совершенно несправедливы. Человѣкъ умный и довольно образованный, хорошо понимающій всѣ слабыя стороны старообрядчества, Филаретъ не могъ не видѣть справедливости того что̀ высказано въ *Окружномъ Посланіи*, не могъ ему не сочувствовать и, безъ сомнѣнія, готовъ былъ располагать Кирилла въ пользу *Посланія*. Это сейчасъ же поняли московскіе „крамольники", встрѣтившіе Кирилла еще въ Петербургѣ, и немедленно по пріѣздѣ въ Москву поспѣшили разлучить митрополита съ такимъ опаснымъ спутникомъ. Кириллъ остался такимъ образомъ исключительно подъ ихъ вліяніемъ и дѣлалъ то что̀ имъ хотѣлось; а Филаретъ все время его пребыванія въ Москвѣ содержался въ неволѣ,

и долженъ былъ въ свою очередь исполнять всѣ ихъ требованія, составляя для Кирилла разнаго рода бумаги. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда ему удавалось видѣться съ самимъ Кирилломъ, онъ убѣждалъ его не идти противъ собора епископовъ и не слушаться противниковъ *Окружнаго Посланія;* но убѣжденія эти уже не дѣйствовали на старика, который вполнѣ поддался вліянію крамольной партіи. Когда Филаретъ возвратился въ Бѣлую-Криницу вмѣстѣ съ изгнаннымъ Кирилломъ, у него произошло здѣсь объясненіе съ священноинокомъ Мануиловскаго монастыря, Іоасафомъ, который самъ принадлежалъ къ защитникамъ *Окружнаго Посланія,* такимъ же зналъ Филарета, и потому никакъ не могъ ожидать, чтобъ онъ сталъ дѣйствовать въ Москвѣ противъ *Посланія:* онъ за тѣмъ и пріѣхалъ изъ Мануиловки, чтобы потребовать у него отчета въ его странномъ и недостойномъ поведеніи тамъ. Филаретъ объяснилъ ему въ какомъ стѣсненномъ положеніи его держали въ Москвѣ, и какъ были тщетны всѣ его представленія митрополиту не отступать отъ союза съ издавшими *Посланіе* епископами. Самъ Кириллъ на очной ставкѣ принужденъ былъ подтвердить Іоасафу справедливость всѣхъ показаній Филарета. Тогда и было написано извѣстное читателямъ объяснительное письмо Филарета къ Онуфрію, засвидѣтельствованное удостовѣрительною подписью Іоасафа.* Письмо это служило съ ихъ стороны какъ бы формальнымъ заявленіемъ предъ московскими защитниками *Окружнаго Посланія,* что они стоятъ и будутъ стоять всегда на ихъ сторонѣ. Письмо отправлено было изъ Мануиловскаго монастыря, куда вмѣстѣ съ Іоасафомъ уѣхалъ Филаретъ послѣ своего щекотливаго объясненія съ Кирилломъ. Въ его отсутствіе составленъ былъ въ Бѣлой-Криницѣ и тотъ пресловутый соборный актъ, подъ которымъ под-

* Эта подпись состояла въ слѣдующемъ: „О истинномъ содержаніи сего письма относительно невинности архидіакона Филарета, котораго господинъ митрополитъ въ бытность мою въ митрополіи, въ присутствіи моемъ во всѣхъ послѣдовавшихъ противныхъ происшествіяхъ конечно оправдалъ, съ сознаніемъ, что архидіаконъ все дѣлалъ единственно по приказанію, я съ моей стороны свидѣтельствую своеручнымъ подписомъ и съ замѣчаніемъ, что мы содержаніе *Окружнаго Посланія* всегда признаемъ за правильное, суевѣріе же безпоповцевъ и разнаго рода раздорниковъ и кривотолковъ отвергаемъ.“

писался Амвросій. Но когда явился туда Крючковъ хлопотать по дѣламъ крамольниковъ, оба они, и Филаретъ и Іоасафъ, находились уже въ митрополіи. Они ясно видѣли, что хлопоты московскаго гостя могутъ сильно повредить ихъ дѣлу, что нужно было бы разстроить планы крамольниковъ; но сдѣлать это, при томъ довѣріи, какое Крючковъ пріобрѣлъ у Кирилла, они не видѣли возможности. Нѣкоторая возможность къ тому представилась, когда Кириллъ предложилъ Филарету составить отвѣтную грамоту на донесеніе московскаго духовнаго совѣта. Филаретъ надѣялся написать ее въ смыслѣ благопріятномъ для *Окружнаго Посланія*, въ полной увѣренности, что Кириллъ по своей совершенной безграмотности и безтолковости не затруднится подписать ее.

Итакъ, Филаретъ принялъ на себя трудъ составить отъ имени Кирилла и по его порученію отвѣтную грамоту россійскимъ епископамъ, и дѣйствительно составилъ ее въ такомъ родѣ, что въ ней защищались и права бѣлокриницкаго митрополита и въ то же время удовлетворены были всѣ желанія московскаго духовнаго совѣта. Кириллъ по обычаю остался доволенъ сочиненіемъ и готовъ былъ подписать его, только нашелъ нужнымъ предварительно показать Крючкову, который именно того требовалъ. Этотъ, конечно, понялъ сейчасъ же, что грамота написана совсѣмъ не такъ какъ было ему нужно, объяснилъ это Кириллу и настаивалъ, чтобъ ее исправили. Филаретъ сдѣлалъ въ ней исправленія, сохранивъ однакожъ ея общій смыслъ благопріятный для духовнаго совѣта. Крючковъ остался недоволенъ исправленіями, сдѣлалъ замѣчанія и настойчиво требовалъ, чтобъ отвѣтъ написанъ былъ согласно съ этими замѣчаніями и именно такъ, какъ рѣшили они съ Кирилломъ. Пришлось повиноваться; но Филаретъ надѣялся по крайней мѣрѣ включить въ грамоту такіе пункты, которыми предоставлялась бы ему съ Іоасафомъ, какъ уполномоченнымъ посланникамъ митрополита, нѣкоторая свобода относительно приведенія въ исполненіе выраженныхъ въ ней митрополичьихъ распоряженій, что дало бы имъ возможность какъ-нибудь поправить дѣло. Новая редакція удовлетворила наконецъ Крючкова, и 2-го ноября грамота была подписана Кирилломъ.

Въ этой грамотѣ всѣ распоряженія московскаго духовнаго совѣта, о которыхъ совѣтъ прислалъ *донесеніе* митрополиту съ просьбой объ ихъ утвержденіи, признаны незакон-

ными и совершенно отвергнуты. Именно, незаконнымъ признано: 1) учрежденіе самого собора, составившагося въ Москвѣ безъ согласія митрополита; 2) сдѣланное на этомъ соборѣ возстановленіе уничтоженныхъ митрополитомъ довѣрительныхъ грамотъ Онуфрію; 3) данное тѣмъ же соборомъ разрѣшеніе Онуфрію отъ наложеннаго митрополитомъ запрещенія священнодѣйствовать. Въ этомъ пунктѣ грамоты сдѣлано было довольно любопытное изложеніе причинъ, побудившихъ Кирилла, въ бытность его въ Москвѣ, наложить запрещеніе на Онуфрія. Здѣсь именно говорилось: „Мы удѣлили ему (Онуфрію) довѣрительную грамоту отъ 16-го октября 1861 года, чтобъ а) учинить законное изслѣдованіе о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ архіепископа Антонія, по донесенію епископа Казанскаго Пафнутія, съ тѣмъ чтобы всѣ возникшіе церковные безпорядки и неправильности на основаніи церковныхъ правилъ исправить; б) разобрать приложенныя съ писемъ архіепископа Антонія копіи и спросить его: по какому праву онъ столь дерзко чернилъ наше смиреніе самыми неприличными и укорительными порицаніи, безъ всякаго доказательства, какъ насъ такъ и блаженнаго отца Павла, возстановившаго священную нашу іерархію; в) если архіепископъ Антоній не оправдится предъ соборомъ во всемъ, то принять отъ него данный ему на Владимірскую епархію всероссійскаго правленія уставъ, и передать его избранному вмѣсто архіепископа Антонія изъ среды россійскихъ епископовъ, кого Христосъ Богъ и Пречистая Богородица укажетъ, архіерею, котораго избраніе, пребываніе и существованіе да учредится согласно нашего опредѣленія; г) потребовать отъ архіепископа Антонія во всѣхъ дѣлахъ и распоряженіяхъ, произведенныхъ отъ него въ теченіе всероссійскаго правленія его, точный письменный отчетъ.... д) всѣ учиненныя вами (то-есть епископомъ Онуфріемъ) законныя постановленія утвердить, и по окончаніи такой нашей препорученности о всемъ учиненномъ для надлежащаго вѣдѣнія донести нашему смиренію и всему здѣшнему освященному собору. * Епископъ Онуфрій, получа отъ насъ съ вышепрописаннымъ порученіемъ довѣрительную грамоту, въ теченіе почти двухъ лѣтъ, не учинилъ никакихъ полезныхъ

* Все это подлинныя слова изъ довѣрительной грамоты Онуфрію, отъ 16-го октября 1861 года.

святой церкви распоряженій, или что-нибудь изъ нашихъ порученій, и не доносилъ намъ ничего до свѣдѣнія. Но вмѣсто того онъ, сдѣлавшись самъ предсѣдателемъ духовнаго совѣта, произвелъ только неукротимое всеобщее между нашими православными христіанами возмущеніе и привелъ всѣхъ въ конечное повреждение совѣсти и религіозныхъ понятій изданіемъ *Окружнаго Посланія*, что ему не было нами поручено. Потомъ, при личномъ нашемъ съ епископомъ Онуфріемъ свиданіи, мы предложили ему, что какъ мы сами прибыли въ Москву для возстановленія церковнаго мира, нарушеннаго отъ него посредствомъ изданія *Окружнаго Посланія*, то дабы предуготовлялся отправиться въ митрополію, ибо уже и правительство многократно безпокоило наше смиреніе, спрашивая, гдѣ онъ столь долгое время, будучи намѣстникомъ, находится; на такое наше востребленіе епископъ Онуфрій отвѣчалъ, что не можетъ скоро выѣхать... И наконецъ на первомъ соборномъ засѣданіи епископъ Онуфрій старался всячески защищать *Окружное Посланіе*, равно и касательно возведенія на московскій престолъ архіерея противорѣчилъ и считалъ невозможнымъ дѣломъ. По таковымъ обстоятельствамъ и за таковые незаконные епископа Онуфрія поступки мы принуждены были, для отклоненія дальныхъ противныхъ послѣдствій, уничтожить выданныя ему довѣрительныя грамоты... и за то, что произвелъ церковный раздоръ и неукротимый соблазнъ изданіемъ *Окружнаго Посланія*, разсудили положить ему запрещеніе въ Россіи священнодѣйствовать... и наконецъ удержали ему право (то-есть лишили его права) присутствовать болѣе на соборахъ, потому что, будучи издателемъ *Окружнаго Посланія*, стараясь всѣми силами защищать его, и на будущемъ собраніи, назначенномъ быть единственно ради *Окружнаго Посланія*, неоспоримо противорѣчилъ бы во всемъ. Итакъ, наложенное епископу Онуфрію запрещеніе учинено законно и правильно, и вторительно здѣшнимъ освященнымъ соборомъ отъ 20 іюня подтверждено. А потому, никто кромѣ нашего смиренія не вправѣ снять съ него запрещеніе, и епископъ Онуфрій остается присно и неизмѣнно въ запрещеніи, дондеже не принесетъ нашему смиренію съ чистосердечнымъ покаяніемъ прощеніе въ своемъ сопротивленіи." Затѣмъ, 4) признано незаконнымъ, какъ учиненное запрещеннымъ епископомъ, переведеніе и возве-

деніе на московскій престолъ архіепископа Антонія Владимірскаго... „Самъ возведенный на столь высокое достоинство архіепископъ Антоній,—сказано жежду прочимъ въ этомъ пунктѣ,—еще въ 1861 году подалъ всему освященному собору самопроизвольно письменное отказательство и сложеніе управленія всероссійскихъ церковныхъ дѣлъ: съ какою же совѣстію рѣшился онъ опять на принятіе его?“ Отвергнувъ такимъ образомъ всѣ распоряженія московскаго духовнаго совѣта, утвердить которыя просилъ его совѣтъ, Кириллъ предлагаетъ далѣе въ своей грамотѣ условія, на которыхъ единственно можетъ онъ заключить братскій союзъ съ россійскими епископами, и которыя проситъ ихъ принять ради умиренія церкви. Условія эти заключались въ слѣдующихъ пяти пунктахъ: 1) уничтоженіе *Окружнаго Посланія* должно быть принято въ полной его силѣ и всѣми безусловно подписано; 2) довѣрительныя грамоты Онуфрія должны быть признаны не дѣйствительными; 3) возстановленіе ихъ признать неправильнымъ; 4) возведеніе Антонія на московскій престолъ также—незаконнымъ и не дѣйствительнымъ; наконецъ, 5) соборъ, составившійся въ Москвѣ, вмѣнить за противозаконный и какъ бы не бывшій, равно и всѣ дѣйствія и распоряженія сего собора—за ничтожныя. Для заключенія на этихъ условіяхъ мира съ россійскими епископами и посылаются въ Москву нарочито уполномоченные послы отъ митрополита. Права и обязанности пословъ въ грамотѣ опредѣлены были слѣдующимъ образомъ: „находимъ себя вынужденными, нарочито уполномочивъ довѣрительною грамотою честныхъ отцевъ, священноинока Іоасафа и архидіакона Филарета, *послать къ вамъ для учиненія съ вами общебратскаго примиренія* и тѣмъ успокоить умы всѣхъ православныхъ христіанъ. Потому благоволите *принять ихъ вмѣсто нашего смиренія* и постараться устроить полезное для св. церкви... И если вы вышеупомянутые пять пунктовъ примете безъ малѣйшаго изъятія, то *поручаю нашимъ посланникамъ составить письменный миръ*, который заключить съ обѣихъ сторонъ своеручнымъ подписомъ и *принесть въ Христоподобномъ смиреніи другъ другу прощеніе*, дабы и самъ Богъ мира и любви пребылъ посредѣ насъ. Если же, въ противномъ случаѣ и паче чаянія, вы, конечно, увлекшись непокорностію и діавольскою гордостію, не восхощете по вышеприведеннымъ 5 пунктамъ устроить церковный миръ и от-

бросить преграду вражды, *то заповѣдаемъ нашимъ посланникамъ немедленно* приступить къ исполненію 4 пункта, состоящаго въ довѣрительной, удѣленной имъ грамотѣ, то-есть *съ волею и согласіемъ всѣхъ священныхъ лицъ и почетныхъ гражданъ Богохранимаго града Москвы и окрестностей ея, учинить, на основаніи священныхъ правилъ, избраніе на московскій престолъ законнаго архіерея, кого Христосъ Богъ и Пречистая Богородица укажетъ*, и наконецъ новопоставленному архіерею вручить управленіе всероссійскихъ іерархическихъ дѣлъ."

Такого содержанія была грамота, составленная Филаретомъ, одобренная Крючковымъ и подписанная Кирилломъ, которую самъ же Филаретъ вмѣстѣ съ Іоасафомъ долженъ былъ доставить въ московскій духовный совѣтъ. Крючковъ, дѣйствительно, могъ быть ею вполнѣ доволенъ: все что нужно было ему и тѣмъ отъ чьего имени онъ дѣйствовалъ, въ грамотѣ было сказано; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея чувствуется даже что она писана какъ будто со словъ самого Крючкова, какъ напримѣръ тамъ, гдѣ говорится, что посланники должны въ извѣстномъ случаѣ избрать новаго законнаго архіерея на московскій престолъ „съ волею и согласіемъ всѣхъ священныхъ лицъ и почетныхъ гражданъ Богохранимаго града Москвы и окрестностей ея:" подъ „окрестностью," конечно, слѣдуетъ разумѣть здѣсь Гуслицкую страну, въ которой процвѣтаетъ и самъ Еѳимъ Ѳедорычъ Крючковъ, пользуясь нѣкотораго рода авторитетомъ между своими знаменитыми соотечественниками. Но исполнивъ такимъ образомъ всѣ требованія настойчиваго московскаго агента, составитель грамоты умѣлъ въ то же время довольно искусно оградить въ ней и свободу дѣйствій для себя и своего будущаго спутника. Въ этомъ отношеніи важнымъ обстоятельствомъ было то, что въ грамотѣ главною цѣлью ихъ посольства въ Москву было поставлено „учиненіе съ россійскими епископами общебратскаго примиренія," и особенно то что избраніе новаго архіерея на московскій престолъ во всякомъ случаѣ не могло быть произведено безъ ихъ согласія, что дѣло это было исключительно предоставлено имъ.

Желая еще болѣе обезпечить за собою свободу дѣйствій, Іоасафъ и Филаретъ придумали и другое средство. Они старались объяснить Кириллу, что для успѣха дѣла, имъ порученнаго, весьма важно было бы, еслибы голосъ митрополита

поддержанъ былъ общимъ голосомъ старообрядцевъ, обитающихъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, что поэтому будетъ весьма полезно, если они на пути въ Москву посѣтятъ важнѣйшія старообрядческія поселенія, развѣдаютъ, какъ настроенъ народъ относительно *Окружнаго Посланія*, постараются разъяснить ему все дѣло надлежащимъ образомъ, словомъ, расположить его въ пользу митрополичьихъ распоряженій противъ *Посланія* и даже собрать подписки въ согласіи на эти распоряженія. Если можно будетъ достигнуть всего этого, то не останется никакого сомнѣнія въ успѣхѣ порученнаго имъ дѣла, и они смѣло могутъ приступить къ приведенію грамоты въ дѣйствіе; если же окажется, что народъ расположенъ въ пользу *Посланія* и сочувствуетъ распоряженіямъ московскаго духовнаго совѣта, то не было бы опасно одному митрополиту, при всей обширности его власти, идти противъ общаго мнѣнія, и не будетъ ли благоразумнѣе, если они воздержатся отъ объявленія данной имъ грамоты до полученія изъ митрополіи новыхъ распоряженій? Кириллъ долженъ былъ признать всю справедливость этихъ представленій, которыя имѣли видъ такой благоразумной предусмотрительности; онъ позволилъ, чтобы послы съ указанною ими цѣлію ѣхали въ Москву черезъ болѣе населенныя раскольниками мѣста, и для этого даже снабдилъ ихъ особымъ воззваніемъ къ народу, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что „честные отцы, священноинокъ Іоасафъ и архидіаконъ Филаретъ, посланы его смиреніемъ въ царствующій градъ Москву для возстановленія церковнаго мира, примиренія съ сопротивляющимися епископами и успокоенія возмутившагося христіанскаго народа чрезъ *Окружное Посланіе*, изданное московскимъ духовнымъ совѣтомъ, состоящимъ подъ предсѣдательствомъ епископа Онуфрія, что этимъ посланникамъ поручено посѣтить всѣхъ православныхъ христіанъ, гдѣ только возможно, и доставить имъ со всѣмъ грамотъ, касающихся до настоящаго теченія іерархическихъ дѣлъ, копіи для разсмотрѣнія и узнанія подробныхъ обстоятельствъ, и что онъ, Кириллъ митрополитъ, проситъ всѣхъ желающихъ пребывать съ нимъ въ единомысліи, каждаго порознь или совокупно отъ всего общества, дать письменное къ тому соизволеніе, которое послужитъ оружіемъ къ большему утвержденію древлеправославныя вѣры и къ примиренію съ сопро-

тивляющимися истинѣ.“ * Самъ Крючковъ не могъ ничего возразить противъ этой грамоты и вообще противъ предложеннаго Іоасафомъ и Филаретомъ плана, который въ сущности только развязывалъ имъ руки для болѣе свободной дѣятельности во время посольства.

Теперь имъ можно было отправиться и въ путь; оставалось только предупредить еще одну опасность. Крючковъ выѣзжалъ изъ митрополіи въ одно время съ ними; но отправляясь прямымъ путемъ, онъ долженъ былъ явиться въ Москву задолго до ихъ пріѣзда. Тамъ онъ постарается, конечно, разгласить объ успѣхахъ своей поѣздки въ митрополію, разкажетъ содержаніе митрополитовыхъ грамотъ, и вообще успѣетъ порядочно испортить ихъ дѣло. Нужно было позаботиться по крайней мѣрѣ, чтобъ онъ не имѣлъ копіи съ данной имъ грамоты и тѣмъ предупредить возможность ея обнародованія въ Москвѣ раньше ихъ пріѣзда. Оказалось, что и это было уже поздно. Крючковъ успѣлъ получить копіи со всѣхъ бумагъ, и они могли только просить его, чтобъ онъ подержалъ ихъ въ секретѣ и не объявлялъ прежде времени, зная какъ много вреда можетъ причинить чрезъ это дѣлу, которое поручено имъ и которое, по общему согласію, предположено вести со всѣмъ искусствомъ и осторожностью. На успѣхъ этой просьбы они, безъ сомнѣнія, мало надѣялись, хотя Крючковъ и обѣщалъ ее исполнить.

II.

Іоасафъ и Филаретъ ѣхали въ Москву черезъ Хотинъ, Кишеневъ, Одессу, Кременчугъ, Новочеркасскъ, Воронежъ. Вездѣ они входили въ сношенія съ раскольничьими обществами, прислушивались къ толкамъ о современныхъ событіяхъ въ старообрядствѣ, объ *Окружномъ Посланіи*, о распрѣ изъ-за него между митрополитомъ и членами московскаго духовнаго совѣта. Само собою разумѣется, что митрополичьяго воззванія они и не думали обнародовать; еще менѣе расположены были убѣждать народъ къ союзу съ Кирилломъ и партіей противниковъ *Окружнаго Посланія*. Напротивъ, они старались, гдѣ была къ тому возможность, расположить народъ въ пользу *Посланія*, разъясняя смыслъ его и цѣль, съ

* Воззваніе къ народу, подписанное Кирилломъ 2 ноября 1863 г.

которою оно издано. Въ то же время изъ разныхъ мѣстъ они посылали въ митрополію извѣстія, весьма неутѣшительныя для Кирилла, писали, что народъ настроенъ вовсе не противъ *Окружнаго Посланія*, что онъ сочувствуетъ распоряженіямъ московскаго совѣта и, напротивъ, недоволенъ митрополитомъ за вражду его къ россійскимъ епископамъ. На это путешествіе они употребили около двухъ мѣсяцевъ: въ Москву пріѣхали именно 9-го января прошедшаго 1864 года.

Здѣсь въ Москвѣ нашли они дѣла въ крайне невыгодномъ для нихъ положеніи. Крючковъ давно уже возвратился, и какъ слѣдовало ожидать, не преминулъ разгласить о всемъ что̀ сдѣлано было въ митрополіи въ его присутствіе и при его участіи. Надобно замѣтить, впрочемъ, что самъ Кириллъ отчасти уполномочивалъ его на эту откровенность. Еще 2-го октября, вскорѣ по пріѣздѣ Крючкова въ Бѣлую-Криницу, написалъ онъ грамоту „ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, священнослужителямъ и мірскимъ, обрѣтающимся въ Богоспасаемомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, ея окрестностяхъ и во всемъ Богохранимомъ государствѣ Россійскомъ“,— грамоту, въ которой извѣщалъ возлюбленныхъ чадъ своихъ, что дѣйствія московскаго духовнаго совѣта никогда не будутъ имъ признаны, и что въ такомъ смыслѣ будетъ послано имъ, спустя нѣсколько времени, *архипастырское распоряженіе*. Эта грамота для насъ любопытна, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что въ ней упоминается и даже поставлена однимъ изъ главныхъ побужденій къ ея написанію, первая наша статья *О современныхъ движеніяхъ въ расколѣ*, которая не задолго передъ тѣмъ напечатана была въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, и произвела въ старообрядческомъ обществѣ нѣкоторое впечатлѣніе. Вѣроятно по этой причинѣ и Крючковъ, пріѣхавъ въ Бѣлую-Криницу, не преминулъ донести объ ней митрополиту; онъ даже привезъ туда и самую книжку *Русскаго Вѣстника*, до крайности замазанную на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ напечатана статья *О современныхъ движеніяхъ въ расколѣ*. Кириллъ въ свою очередь нашелъ нужнымъ предохранить возлюбленныхъ чадъ своихъ отъ зловредной московской книжицы. Вотъ что̀ именно писано было въ грамотѣ Кирилла: „При семъ извѣщаю вы симъ начертаніемъ, что нынѣшнее время доходятъ до ушесъ моихъ не точію слухи, но даже нарочитіи посланницы, пришедше въ Богоспасаемую нашу митрополію, устно возвѣстиша ми, аки бы нѣцыи изъ

числа православныхъ христіанъ, одержими суще веліимъ сомнѣніемъ, еже или отъ самихъ себе произыде, или по лживому навѣту враговъ древняго благочестія и любителей новости сицевую вещь получивше, глаголютъ, аки бы уже и азъ согласихся воспріяти *Окружное Посланіе*, влечащее всѣхъ православныхъ христіанъ, не вмѣщающихъ содержаніе его, къ конечному повреждению совѣсти, нарушенію благочестивыя нашея вѣры и къ сближенію съ великороссійскою церковію, *яко же свидѣтельствуетъ самъ авторъ тупомъ новоизданной въ сіе лѣто книги, подъ названіемъ Русскій Вѣстникъ, сице:*" для насъ же то обстоятельство.....* тѣмъ болѣе „знаменательно, и заслуживаетъ вниманія, что одновременно съ протестомъ противъ австрійскаго владычества, старообряд„цы (россійскіе) сдѣлали весьма важный шагъ къ сближенію „съ православною церковью. „Явѣ есть, что сіе относитъ авторъ на соборъ, состоявшійся въ Москвѣ, по выѣздѣ моемъ, изъ епископовъ, защищающихъ *Окружное Посланіе* и старающихся прекратить мое вліяніе на россійскихъ православныхъ христіанъ. Сего ради азъ поспѣшаю возвѣстить вамъ, православніи христіане...." Слѣдуетъ въ пространныхъ и не совсѣмъ складныхъ выраженіяхъ (грамота писана, очевидно, не Филаретомъ) увѣдомленіе о томъ, что Кириллъ не признаетъ распоряженій московскаго собора. Приводимъ изъ него наиболѣе важное мѣсто: „О вышеупомянутомъ же, состоявшемся изъ защитниковъ *Окружнаго Посланія*, соборѣ буди вамъ извѣстно, что дѣйствія и распоряженія оного собора,— то-есть разрѣшеніе епископа Онуфрія, переведеніе архіепископа Антонія изъ владимірской епархіи и возведеніе его на московскій престолъ,—и прочія дѣйствія его признаю незаконными, а посему, по разсмотрѣніи доставленныхъ мнѣ отъ помянутаго собора актовъ о его дѣйствіяхъ, послѣдуетъ въ скоромъ времени особое отъ моего смиренія распоряженіе; до него же заповѣдаю всѣмъ священнослужителямъ не пріимати отъ новаго, не законно учрежденнаго московскаго правителя никакихъ приказаній, или распоряженій, въ молитвословіи же поминати, до возведенія на московскій престолъ,

* Здѣсь пропущены слова: „что въ послѣднее время нанесенъ (изгнаніемъ Кирилла изъ Москвы) такой чувствительный ударъ вліянію австрійской митрополіи, на наше старообрядческое общество...." (*Русск. Вѣстн.* 1863 г. № 5, стр. 393—397).

законнаго архіерея, имя верховнаго бѣлокриницкаго святителя". Доставить въ Москву эту грамоту поручено было нѣкоему Василію Шамаркину, который и довезъ ее благополучно до Кіева; но въ Кіевѣ онъ попалъ въ полицію и тамъ Кириллова грамота была у него отобрана. Однакоже къ пріѣзду Крючкова изъ Бѣлой-Криницы грамота въ спискахъ уже ходила въ Москвѣ по рукамъ. Она, очевидно, развязывала языкъ Крючкову. Онъ только подтверждалъ своими разказами то о чемъ писалъ въ Москву самъ Кириллъ, то-есть что всѣ распоряженія духовнаго совѣта дѣйствительно отвергнуты митрополитомъ, и что при немъ же была составлена такого-то содержанія грамота и вручена такимъ-то посламъ, которые въ непродолжительномъ времени должны пріѣхать въ Москву; но дѣло въ томъ, что Крючковъ не ограничился одними разказами; вездѣ, гдѣ ему нужно было, онъ показывалъ и копію съ самой грамоты, врученной посламъ, ѣздилъ по Гуслицамъ, собиралъ сходки и читалъ ее во всеуслышаніе, такъ что въ партіи, враждебной *Окружному Посланію*, заранѣе торжествовали побѣду и митрополичьихъ пословъ ждали только за тѣмъ, чтобы заставить ихъ, въ силу данныхъ имъ полномочій, приступить къ избранію новаго архіерея на московскую каѳедру. Къ тому же времени отношенія членовъ духовнаго совѣта къ митрополиту сдѣлались еще хуже. Обѣ стороны успѣли обмѣняться рѣзкими грамотами, по поводу извѣстнаго акта, изданнаго Бѣлокриницкимъ соборомъ 20-го іюня: въ отвѣтъ на него духовный совѣтъ послалъ къ Кириллу обличительную грамоту митрополита Амвросія, уничтожавшую всѣ постановленія Бѣлокриницкаго собора; а Кириллъ въ свою очередь отвѣтилъ на эту грамоту Амвросія новымъ укоризненнымъ посланіемъ духовному совѣту, въ которомъ опровергалъ ея подлинность. * Все это, питая въ членахъ совѣта раздраженіе противъ Кирилла, не внушало имъ, очевидно, особеннаго расположенія или довѣрія и къ посламъ его, а этихъ послѣднихъ затрудняло еще болѣе въ осуществленіи тѣхъ добрыхъ намѣреній относительно защитниковъ *Окружнаго Посланія*, съ которыми они пріѣхали въ Москву.

---

* Эта грамота Кирилла была написана уже по отъѣздѣ Іоасафа и Филарета изъ Бѣлой-Криницы, но въ Москвѣ получена прежде ихъ пріѣзда сюда.

Итакъ, по пріѣздѣ въ Москву, Іоасафъ и Филаретъ увидѣли себя среди двухъ враждующихъ сторонъ въ положеніи довольно затруднительномъ: та изъ нихъ, которой они принадлежали по обязанности, но въ пользу которой по своимъ убѣжденіямъ не могли и не расположены были дѣйствовать, ожидала отъ нихъ распоряженій въ Москвѣ и имѣла полное право ожидать своего рѣшительнаго торжества надъ противниками; другая же, интересы которой они именно желали поддерживать, вслѣдствіе усилившихся неудовольствій противъ Кирилла, а съ тѣмъ вмѣстѣ вслѣдствіе нѣкоторой недовѣрчивости и къ нимъ самимъ, представляла затрудненія для осуществленія ихъ благопріятныхъ для нея плановъ. Они однако не отступили отъ этихъ плановъ, успѣхъ которыхъ обезпечили для себя въ нѣкоторой степени тѣми выраженіями Кирилловой грамоты, которыми предоставлялась имъ въ извѣстныхъ случаяхъ свобода дѣйствій.

Грамоту Кирилла, какъ и слѣдовало, они доставили въ духовный совѣтъ, которому объяснили при этомъ, что вовсе не сочувствуютъ содержащимся въ ней распоряженіямъ Кирилла, напротивъ желали бы своимъ посольствомъ въ Москву послужить пользѣ *Окружнаго Посланія*, устроивъ на благопріятныхъ для него условіяхъ примиреніе членовъ духовнаго совѣта съ Бѣлокриницкимъ митрополитомъ; они предложили на общее обсужденіе и планъ, какъ, по ихъ мнѣнію, можно было бы достигнуть этого. Такъ какъ главною цѣлію ихъ посольства въ самой грамотѣ Кирилла поставлено заключеніе мира съ духовнымъ совѣтомъ, то еслибы совѣтъ попросилъ братскаго прощенія у Кирилла, нисколько однакоже не роняя своего достоинства, и выразилъ бы съ своей стороны искреннее желаніе мира, хоть вовсе не на тѣхъ условіяхъ, какія предписаны Кирилломъ, они были бы въ правѣ считать достигнутою цѣль своего посольства; а что при этомъ оставлены будутъ безъ вниманія ясно выраженныя въ грамотѣ требованія Кирилла относительно условій примиренія, то въ этомъ отношеніи для нихъ послужитъ оправданіемъ данное имъ самимъ же Кирилломъ порученіе—развѣдать предварительно настроеніе раскольничьихъ обществъ относительно *Окружнаго Посланія*, и относительно его собственныхъ дѣйствій противъ *Посланія*. Съ дороги они доносили уже Кириллу, что это настроеніе не въ его пользу; то же могутъ письменно засвидѣтельствовать собравшіеся въ Моск-

вѣ депутаты изъ разныхъ мѣстъ: все это будетъ для посланниковъ достаточнымъ оправданіемъ, почему они отступили отъ точныхъ предписаній грамоты. Притомъ же миръ не будетъ окончательно заключенъ ими въ Москвѣ; для этого они возвратятся въ митрополію, гдѣ самъ Кириллъ, по обсужденіи всѣхъ собранныхъ ими свѣдѣній, утвердитъ актъ примиренія своею архипастырскою властію. Въ ту пору для нихъ нужно было только одно: отстранить исполненіе Кирилловыхъ распоряженій, относительно уничтоженія *Окружнаго Посланія* и избранія новаго архіерея для Москвы вмѣсто Антонія, внесенныхъ въ грамоту и выраженныхъ въ ней такъ рѣшительно по настойчивому требованію Крючкова; а убѣдить Кирилла отступиться отъ этихъ требованій и подписать миръ съ духовнымъ совѣтомъ на благопріятныхъ для этого послѣдняго условіяхъ они надѣялись вполнѣ, хорошо зная характеръ и толкъ Бѣлокриницкаго владыки. Съ этимъ планомъ нельзя было не согласиться, и общимъ совѣтомъ рѣшили привесть его въ исполненіе.

Партія „раздорниковъ" съ своей стороны также не оставалась въ бездѣйствіи. Какъ только митрополичьи посланники пріѣхали въ Москву, отъ нихъ стали требовать объявленія Кирилловой грамоты и согласныхъ съ нею распоряженій. Іоасафъ и Филаретъ подъ разными благовидными предлогами уклонялись отъ рѣшительнаго отвѣта на эти требованія. Крючковъ скоро почуялъ что-то недоброе въ этой ихъ уклончивости и рѣшился добиться отъ нихъ прямаго объясненія. Съ этою-то цѣлью и было составлено 13-го января извѣстное рогожское сборище, о которомъ мы упоминали въ прежнихъ статьяхъ не одинъ разъ. Сюда приглашены были и митрополичьи послы; отъ нихъ хотѣли именно потребовать отчета, почему они доселѣ не приводятъ въ исполненіе Кириллову грамоту, уклоняются отъ избранія новаго епископа на московскую каѳедру. Послы отказались присутствовать на собраніи и только представили отъ себя объяснительную записку, почему доселѣ не могутъ привести митрополичью грамоту въ исполненіе. Въ объясненіи этомъ они писали, что такъ какъ уполномочены приступить къ избранію новаго московскаго епископа въ томъ только случаѣ, когда имъ будетъ извѣстно, что духовный совѣтъ не принимаетъ предложенныхъ Кирилломъ требованій и условій примиренія; а совѣтъ, за отсутствіемъ изъ Москвы епи-

скопа Пафнутія казанскаго (значитъ по благословной причинѣ) доселѣ не далъ имъ никакого отвѣта на митрополичью грамоту и они еще не знаютъ, принимаетъ ли совѣтъ прописанныя тамъ условія, или не принимаетъ: то и приступить къ избранію новаго архіерея для Москвы они не могутъ по смыслу самой Кирилловой грамоты, и избраніе это было бы съ ихъ стороны превышеніемъ данныхъ имъ правъ. Здѣсь такимъ образомъ они воспользовались другимъ важнымъ пунктомъ сочиненной ими Кирилловой грамоты, въ которомъ избраніе новаго московскаго архіепискова поставлено въ исключительную зависимость отъ ихъ согласія на то. Когда объясненіе митрополичьихъ пословъ было прочитано на рогожскомъ сборищѣ, раздорники пришли въ неописанное негодованіе; этимъ однако же нисколько не помогли дѣлу объ избраніи новаго московскаго епископа.

Въ духовномъ совѣтѣ, между тѣмъ, шли приготовленія къ осуществленію предположеннаго плана о заключеніи мира съ Кирилломъ, тѣ самыя, о которыхъ довольно подробно сказали мы въ предыдущей статьѣ, и значеніе которыхъ теперь становится для насъ яснѣе. 1) Собравшіеся въ Москвѣ депутаты представили духовному совѣту „заявленіе", въ которомъ требовали отъ него, чтобы никакъ не принималъ предложенныхъ Кирилломъ условій, напротивъ, чтобы предложилъ Кириллу свои, совершенно противоположныя условія; это заявленіе, какъ мы и прежде сказали, могло служить для духовнаго совѣта защитой отъ обвиненія въ самовольномъ непокореніи митрополиту. 2) Они же подписали „покорнѣйшее прошеніе" къ самому Кириллу, въ которомъ выражали свое сочувствіе къ *Окружному Посланію*, упрекали Кирилла за покровительство врагамъ *Посланія* и настоятельно требовали, чтобъ онъ принялъ тѣ самыя условія мира, о которыхъ писали и въ „заявленіи." Это прошеніе должно было служить для Кирилла дополненіемъ и подтвержденіемъ того что писали ему съ дороги его уполномоченные посланники. Подобнаго рода прошеніе къ Кириллу составлено было и отъ общества московскихъ сторонниковъ *Окружнаго Посланія*. 3) Іоасафъ и Филаретъ подали въ совѣтъ „объясненіе," въ которомъ объ исполненіи своего порученія выражались слѣдующимъ образомъ: „имѣя въ виду возложенную на насъ священную обязанность пещися о миротвореніи, видя же со стороны священныхъ лицъ вашего верховнаго совѣта смиреніе

и благопокореніе къ господину митрополиту Кириллу, мы, *почитая довѣренность нашу въ главномъ ея значеніи исполненною,* возвращаемся къ господину митрополиту Кириллу съ донесеніемъ о всемъ нами видѣнномъ и слышанномъ.“ 4) Члены совѣта подписали примирительное посланіе къ Кириллу, въ которомъ, испрашивая у него прощенія, въ общихъ выраженіяхъ просили его выслать и съ своей стороны „мирную грамоту“ съ подтвержденіемъ распоряженій московскаго собора: подробности относительно будущаго содержанія этой мирной грамоты предоставлялись благоразумію посланниковъ. Наконецъ, 5) они сдѣлали постановленіе и написали извѣстіе къ Кириллу о признаніи Сергія въ санѣ епископа: это сдѣлано было не столько въ угожденіе Кириллу (какъ мы сказали въ прошедшій разъ), сколько изъ желанія привлечь на свою сторону Сергія и пріобрѣсть въ его лицѣ новаго полезнаго человѣка въ Бѣлой-Криницѣ, и въ этихъ разчетахъ, какъ увидимъ, совѣтъ не обманулся.

Двѣ послѣднія бумаги подписаны были 29-го января и въ этотъ же день Іоасафъ и Филаретъ, снабженные всѣми нужными документами, выѣхали изъ Москвы. Въ Петербургѣ они должны были дождаться новаго спутника—особаго уполномоченнаго посла отъ имени всѣхъ россійскихъ епископовъ, котораго найдено нужнымъ вмѣстѣ съ ними отправить въ митрополію. Оказалось, что выбрать такого человѣка было не такъ легко, какъ думали, и Филаретъ съ Іоасафомъ ждали его въ Петербургѣ около двухъ недѣль. Хотѣли послать епископа Тульчинскаго Іустина; но опасаясь, чтобъ онъ по своему открытому и живому характеру не испортилъ дѣла, которое нужно было вести съ осторожностью, отложили это намѣреніе. Предложили ѣхать Иларіону Георгіевичу, автору *Окружнаго Посланія*, который въ то время жилъ уже въ Петербургѣ для занятій въ Публичной библіотекѣ; но Иларіонъ самъ отклонилъ отъ себя это назначеніе, благоразумно разсудивши, что его личное участіе въ дѣлѣ, касавшемся судьбы столь близкаго его сердцу *Окружнаго Посланія* можетъ поставить въ неловкое положеніе и Кирилла и его самого. Выбрали, наконецъ, Пафнутія, епископа казанскаго. Старецъ не бойкій на слово, но разсудительный, кроткаго и спокойнаго характера, притомъ же лицо почетное между старообрядцами,—онъ дѣйствительно могъ быть хорошимъ помощникомъ Іоасафу и Филарету въ переговорахъ съ Кирилломъ,

и ради общей пользы онъ не отказался исполнить порученіе духовнаго совѣта. Немедленно отправился онъ въ Петербургъ къ давноожидавшимъ его бѣлокриницкимъ посланникамъ. Впрочемъ, эти послѣдніе понапрасну не теряли здѣсь времени. Отъ петербургскаго старообрядческаго общества они успѣли получить увѣщательное посланіе къ Кириллу, подобное тому, какое вручено имъ было въ Москвѣ депутатами отъ разныхъ иногородныхъ обществъ. Здѣсь же, по общей просьбѣ и съ общаго совѣта, Иларіонъ Георгіевичъ составилъ, при участіи Филарета, „мирную грамоту" и „архипастырское посланіе," которыя Филаретъ долженъ былъ по пріѣздѣ въ митрополію предложить Кириллу для подписи. * Отсюда же, наконецъ, отправили телеграмму на имя Кирилла съ извѣстіемъ, что послы возвращаются въ митрополію, и съ просьбою не приступать ни къ какимъ новымъ распоряженіямъ до ихъ пріѣзда въ Бѣлую-Криницу, особенно остерегаться происковъ Крючкова и друзей его, которые, какъ слѣдовало предполагать, не останутся въ покоѣ послѣ устроенной послами непріятности.

Февраля 13-го всѣ трое, Пафнутій, Іоасафъ и Филаретъ, выѣхали изъ Петербурга по варшавской желѣзной дорогѣ. Пафнутій первый разъ пускался въ заграничное путешествіе и поэтому чувствовалъ себя въ немаломъ страхѣ; но его спутники были опытные люди въ этомъ отношеніи и благополучно доставили его въ Бѣлую-Криницу, употребивъ на весь проѣздъ съ небольшимъ недѣлю: 23-го числа они были уже въ митрополіи.

Но какъ ни спѣшили они на свиданіе съ Кирилломъ, нашелся человѣкъ, который успѣлъ побывать у него раньше: это все тотъ же многореченный Ѳвимъ Ѳедорычъ Крючковъ. Онъ и друзья его дѣйствительно не стерпѣли причиненной имъ митрополичьими послами непріятности. Какъ только сдѣлалось яснымъ, что Филаретъ съ Іоасафомъ вовсе не намѣрены приводить въ дѣйствіе Кириллову грамоту объ избраніи новаго московскаго епископа, что они вообще не

---

* Такимъ образомъ, мы не ошиблись, сказавши въ предыдущей статьѣ, что эти бумаги составлены не безъ участія Иларіона, о чемъ заключали единственно по складу рѣчи и вообще характеру грамотъ; мы несправедливо сказали только, что грамота писана въ Москвѣ.

сочувствуютъ распоряженіямъ противъ *Окружнаго Посланія*, напротивъ видимо склоняются на сторону духовнаго совѣта и ведутъ съ нимъ какія-то подозрительныя совѣщанія, „раздорники“ нашли нужнымъ, не теряя времени, и самымъ секретнымъ образомъ, отправить своего агента въ Бѣлую-Криницу, донести о всемъ этомъ Кириллу и настоять, чтобъ онъ сдѣлалъ новое, рѣшительное подтвержденіе своихъ прежнихъ распоряженій. Этимъ они надѣялись разстроить планы, замышляемые въ противномъ лагерѣ. Внезапный и таинственный отъѣздъ Крючкова былъ, конечно, замѣченъ московскими старообрядцами; но куда именно и зачѣмъ онъ уѣхалъ, это знали весьма немногіе. Между тѣмъ онъ живо покончилъ дѣло съ Кирилломъ, чему весьма много содѣйствовали привезенныя имъ отъ Е. Б—на 1.000 р. сер. на поминъ души скончавшейся передъ тѣмъ его супруги. Онъ изобразилъ предъ Кирилломъ, какъ ему нужно было, измѣну Филарета съ Іоасафомъ и козни, замышляемые духовнымъ совѣтомъ, доказалъ крайнюю необходимость безотлагательно избрать и посвятить на московскую каѳедру новаго архіерея и даже, что всего важнѣе, успѣлъ выпросить у Кирилла письменное порученіе (грамоту) произвести въ Москвѣ это избраніе будущаго архіерея и пріѣзжать съ нимъ въ Бѣлую-Криницу для посвященія: вся грамота состояла изъ двухъ многознаменательныхъ словъ, собственноручно начертанныхъ Кирилломъ на клочкѣ бумаги: „привози—поставлю.“ Лаконизмъ, достойный Бѣлокриницкаго владыки! Съ этимъ драгоцѣннымъ документомъ Крючковъ выѣхалъ изъ митрополіи 21-го или 22-го февраля, а на слѣдующій день, какъ сказано выше, прибыли туда и посланные отъ московскаго духовнаго совѣта.

Теперь, казалось бы, имъ трудно было разчитывать на какой-нибудь успѣхъ и можно было почитать свое дѣло проиграннымъ. Но Филаретъ съ Іоасафомъ такъ хорошо знали Кирилла и такъ умѣли съ нимъ обращаться, притомъ же привезли изъ Москвы такія убѣдительныя посланія къ нему, что нисколько не сомнѣвались въ успѣхѣ. Дѣло они начали съ того, что представили Кириллу отчетъ о своемъ путешествіи въ Москву, служившій какъ бы дополненіемъ къ письмамъ, которыя писали къ нему съ дороги, разказали какъ неблагопріятно старообрядцы разныхъ мѣстъ Россіи смотрятъ на враждебныя духовному совѣту распоряженія митро-

полита, и представили ему посланіе иногородныхъ депутатовъ, также отъ московскаго и петербургскаго обществъ, вполнѣ подтверждавшія все что̀ писали они съ дороги и разказывали теперь. Относительно главной цѣли своего путешествія въ Москву они объяснили митрополиту, что духовный совѣтъ, какъ сами они видѣли, раскаивается въ огорченіяхъ, какія причинилъ ему, и искренно желаетъ заключить съ нимъ братскій миръ, вслѣдствіе чего они и разсудили, что не имѣютъ права исполнить данное имъ порученіе объ избраніи новаго архіепископа на московскую каѳедру. Въ доказательство они представили Кириллу подлинное посланіе духовнаго совѣта и сослались на Пафнутія, который, въ качествѣ уполномоченнаго совѣтомъ посланника, могъ лично подтвердить Кириллу справедливость ихъ словъ. Пафнутій дѣйствительно объяснилъ митрополиту, что его собратія, россійскіе епископы, изъявляютъ искреннее раскаяніе въ причиненныхъ ему оскорбленіяхъ, просятъ у него прощенія и желаютъ, чтобъ онъ съ своей стороны забылъ всѣ неудовольствія и выслалъ имъ грамоту въ утвержденіе полнаго и окончательнаго мира между ними. Все это было представлено такъ ясно и обстоятельно, что и всякій другой на мѣстѣ Кирилла не могъ бы сдѣлать основательныхъ возраженій. Кириллъ на все былъ согласенъ. Слѣдовало написать теперь отвѣтъ на посланіе духовнаго совѣта, то-есть „мирную грамоту“ и „архипастырское посланіе“. Кириллъ, разумѣется, поручилъ это дѣло Филарету. Обѣ грамоты, какъ сказано выше, были готовы; но въ отклоненіе всѣхъ подозрѣній и приличія ради Филаретъ уединился въ свою келью, будто бы для составленія грамотъ. Потомъ, написанныя на черно бумаги онъ читалъ Кириллу, стараясь по возможности разъяснить ему каждый ихъ пунктъ въ отдѣльности. Кириллъ слушалъ; послѣ каждаго прочитаннаго и объясненнаго ему пункта повторялъ, по обычаю: *добре*, *я кажу*, *добре*, и велѣлъ переписать бумаги. 27-го февраля въ келью Филарета, болѣе опрятную и просторную чѣмъ помѣщеніе самого митрополита, собрались Пафнутій, Сергій, Мельхиседекъ, Климоуцкій попъ Степанъ и другіе; сюда явился и самъ Кириллъ, чтобы въ общемъ собраніи подписать грамоты. Послѣ многихъ и долгихъ усилій онъ нацарапалъ на нихъ съ свойственнымъ ему искусствомъ шесть буквъ своего имени, раскурилъ нѣсколько кусковъ ладону, накоптилъ надъ нимъ печать и соб-

ственноручно приложилъ ее къ обѣимъ грамотамъ; подписалъ и довѣрительную грамоту для Филарета съ Іоасафомъ, которые опять должны были отправиться съ ними въ Москву. Вручивъ по принадлежности всѣ эти бумаги, онъ замѣтилъ, что теперь чувствуетъ себя гораздо спокойнѣе и очень радъ, что примирился съ соборомъ боголюбивыхъ россійскихъ епископовъ. Такимъ образомъ, все было сдѣлано, повидимому, какъ нельзя лучше; Крючковъ точно и не былъ въ митрополіи и никакихъ бумагъ ему Кириллъ не давалъ... Подлинность Кирилловыхъ подписей тутъ же въ общемъ собраніи собственноручно засвидѣтельствовалъ и Сергій, который дѣйствительно былъ очень доволенъ, что московскій духовный совѣтъ призналъ его въ епископскомъ санѣ.

Теперь московскимъ посламъ нечего было дѣлать и незачѣмъ медлить въ митрополіи. Взявши всѣ нужныя бумаги, Пафнутій съ Іоасафомъ дѣйствительно отправились на другой же день въ Черновицъ, откуда переѣхали потомъ въ Яссы; а Филаретъ остался въ митрополіи, чтобъ отъ имени Кирилла написать къ разнымъ лицамъ извѣстительныя письма о заключеніи мира съ московскимъ духовнымъ совѣтомъ. Онъ приготовилъ такого рода письма къ попечителямъ Рогожскаго кладбища, къ главнымъ лицамъ между „раздорниками", къ бывшему петербургскому попечителю Г—ву, къ гуслицкимъ попамъ, къ попу Василью Садовницкому (извѣстному изувѣру) и къ самому Крючкову; тогда же приготовилъ онъ подтвердительную грамоту объ изверженіи Софронія. Надобно замѣтить, что такого рода грамота, съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ беззаконныхъ дѣяній Софронія, была составлена еще въ Москвѣ и послы предлагали ее Кириллу для подписанія вмѣстѣ съ „мирною грамотой" и „архипастырскимъ посланіемъ;" но Кириллъ въ то время отказался подписать ее, замѣтивши, что объ изверженіи Софронія достаточно сказано въ „мирной грамотѣ," и въ особомъ актѣ надобности не имѣется; теперь Филаретъ составилъ новую грамоту объ изверженіи Софронія, съ краткимъ изложеніемъ его дѣяній, и надѣялся убѣдить Кирилла подписать ее. Кириллъ дѣйствительно подписалъ и эту грамоту и всѣ составленныя Филаретомъ письма, такъ что 1-го марта этотъ послѣдній, откланявшись его высокопреосвященству, могъ отправиться къ ожидавшимъ его спутникамъ въ Яссы.

Между тѣмъ Іоасафъ успѣлъ съѣздить изъ Яссъ въ Тис-

скій и Мануиловскій монастыри къ архимандритамъ—Евфросину и Варсонофію, чтобы предложить имъ для подписи Кирилловы грамоты: оба подписали ихъ безпрекословно. Въ Яссахъ подписался подъ ними соборный протопопъ Георгій; здѣсь же, на общемъ совѣтѣ съ ясскими гражданами, рѣшено было напечатать Кирилловы грамоты для удобнѣйшаго распространенія ихъ между старообрядцами, о чемъ немедленно дали знать и въ Бѣлую-Криницу. Печатаніе шло, кажется, довольно медленно, а посламъ между тѣмъ слѣдовало поспѣшать въ Москву и на пути предстояло еще посѣтить нѣкоторыя мѣста. Поэтому, не дожидаясь окончанія книги, Пафнутій и Филаретъ 1-го апрѣля выѣхали изъ Яссъ, оставивъ тамъ Іоасафа наблюдать за дальнѣйшимъ ходомъ печатанія. *

Пафнутій и Филаретъ проѣхали сначала черезъ Васлуй и Кагулъ въ Измаилъ къ Аркадію Васлуйскому, объяснили ему весь ходъ дѣла, за которымъ пріѣзжали въ Бѣлую-Криницу, и представили митрополичьи грамоты: Аркадій скрѣпилъ ихъ своею подписью. Отъ него переправились въ Тульчу и оттуда въ Славскій скитъ къ другому Аркадію, который разспросивши обо всемъ и внимательно прочитавъ грамоты Кирилла также подписался подъ ними. Изъ Славскаго скита они ѣздили въ Журиловку къ Некрасовскому головѣ Гончарову, который пригласилъ ихъ служить въ недѣлю ваій: съ благословенія Аркадія Пафнутій служилъ у него соборно. Изъ Журиловки, чрезъ селеніе Серыкой, возвратились они въ Тульчу, гдѣ оба раза представлялись мѣстному пашѣ, который принималъ Пафнутія съ подобающимъ его званію почетомъ. Отсюда по Дунаю переправились въ Браиловъ, гдѣ въ первый день Пасхи (19 апрѣля) отправили службу. 21-го апрѣля снова сѣли на пароходъ и ѣхали Дунаемъ до Песта, откуда по желѣзной дорогѣ чрезъ Вѣну, Краковъ и Варшаву благополучно добрались до Петербурга.

* Ко времени ихъ отъѣзда было напечатано только 6 печатныхъ листовъ. Для наблюденія за печатаніемъ и чтенія корректуръ предполагалъ остаться Филаретъ, какъ болѣе способный къ этому дѣлу; но онъ еще болѣе необходимъ былъ Пафнутію во время путешествія: поэтому и оставили въ Яссахъ Іоасафа.

III.

Въ Петербургѣ ожидали Пафнутія съ Филаретомъ не очень пріятныя для нихъ извѣстія: они здѣсь только узнали, что Антоній, вскорѣ по отъѣздѣ ихъ изъ Москвы, издалъ извѣстное „объявленіе“ объ уничтоженіи *Окружнаго Посланія*, и были очень смущены этою неожиданною новостью. Правда, они хорошо знали характеръ Антонія и не должны были много удивляться этому наглому двоедушію, съ какимъ онъ въ одно и то же время отправлялъ ихъ въ Бѣлую-Криницу хлопотать въ пользу *Окружнаго Посланія* и издавалъ во всеобщее извѣстіе актъ объ уничтоженіи того же самаго *Посланія*; но ихъ смущало опасеніе, какъ бы этимъ послѣднимъ поступкомъ своимъ Антоній не повредилъ успѣху привезенныхъ ими грамотъ, ради которыхъ употреблено было столько труда и хлопотъ всякаго роди, отъ которыхъ, что всего важнѣе, они ожидали такихъ добрыхъ послѣдствій для старообрядчества. Цѣлую недѣлю прожили они въ Петербургѣ, раздумывая и совѣтуясь съ разными лицами что предпринять и какъ поступить. Наконецъ, въ половинѣ мая, спустя болѣе двухъ мѣсяцевъ по выѣздѣ изъ митрополіи, возвратились они въ Москву и явились въ духовный совѣтъ для врученія митрополичьихъ грамотъ. Предсѣдатель совѣта, Антоній, при встрѣчѣ съ ними, нисколько не смутился, принялъ ихъ очень спокойно, какъ будто ничего особеннаго не случилось въ ихъ отсутствіе.—„У насъ, говоритъ, *совершенно тово*,* все слава Богу хорошо; а вы благополучно ли, *совершенно тово*, съѣздѣли?“ Объ уничтоженіи *Окружнаго Посланія* не сказалъ ни слова; мирную грамоту Кирилла, какъ назначенную для однихъ епископовъ, велѣлъ объявить по принадлежности; но отъ обнародованія архипастырскаго посланія уклонился:—„надо, *совершенно тово*, повременить маленько: не было бы, *тово*, блазненно для народа, *совершенно*“... Онъ понималъ, очевидно какъ не соотвѣтствуетъ содержаніе этого посланія изданному имъ „объявленію“.

* Всегдашняя поговорка Антонія, въ родѣ Крючковскаго: *значитъ мѣру*.

Впрочемъ, главная опасность успѣху „мирной грамоты“ и „архипастырскаго посланія“ угрожала не отъ нелѣпыхъ распоряженій Антонія, а все оттуда же, изъ Бѣлой-Криницы, гдѣ Пафнутій съ Филаретомъ повидимому такъ успѣшно кончили дѣло. По отъѣздѣ ихъ изъ митрополіи и во время двухмѣсячнаго путешествія, тамъ совершились невѣроятныя событія, возможныя только для людей подобныхъ Кириллу.

Читатели вѣроятно не забыли, что за день передъ тѣмъ, какъ Пафнутій съ Іоасафомъ и Филаретомъ прибыли въ Бѣлую-Криницу, оттуда выѣхалъ Крючковъ, испросивши у Кирилла разрѣшеніе выбрать вмѣсто Антонія новаго епископа на московскую каѳедру и привесть въ митрополію для посвященія („привози—поставлю“). Въ Москвѣ съ этою радостною вѣстью явился онъ къ М—ву, В—ву и пр., составляющимъ тѣсный кружокъ главныхъ дѣятелей въ партіи „раздорниковъ“, по секретному порученію которыхъ и ѣздилъ въ Бѣлую Криницу. Общимъ совѣтомъ они порѣшили, секретнымъ же образомъ, не оглашая дѣла во избѣжаніе толковъ и всякаго рода затрудненій, отыскать гдѣ-нибудь человѣка годнаго въ архіереи и отправить потихоньку въ митрополію: то и другое, само собою разумѣется, поручено было привести въ исполненіе тому же неподражаемому мастеру подобныхъ дѣлъ, Еѳиму Ѳедорычу Крючкову. Онъ скоро отыскалъ подходящаго человѣка, который, по странному совпаденію, также носилъ имя Антонія, столь прославленное его доблестнымъ соименникомъ и единопрестольникомъ.... Это былъ одинъ старый, полуграмотный крестьянинъ, не задолго передъ тѣмъ постриженный въ монахи и имѣвшій пребываніе въ Гуслицахъ, въ небольшой раскольничей киновіи. * Еѳиму Ѳедорычу ничего не стоило сбить съ толку слабоумнаго старика и заставить дѣлать все что ему хотѣлось. М—въ и прочая братія съ своей стороны не имѣли ничего противъ этого выбора: для нихъ было все равно кѣмъ ни замѣнить стараго Антонія, лишь бы только за-

---

* Антоній, въ мірѣ Аѳанасій Климовъ, былъ именно крестьянинъ деревни Иванищева, Московской губерніи, Богородскаго уѣзда. Въ монахи постригъ его, въ ноябрѣ 1863 г., раскольничій священноинокъ Серапіонъ, вышедшій самовольно изъ епархіи Варлаама Балтовскаго и бродившій по Гуслицамъ, несмотря на предписанія духовнаго совѣта—возвратиться въ свою епархію.

мѣнить и лишь бы нанести какъ-нибудь пораженіе своимъ противникамъ, ратующимъ за *Окружное Посланіе.* Оставалось поискуснѣе взять старика изъ обители, въ которой онъ спасался и откуда, подозрѣвая умыселъ „раздорниковъ,“ не хотѣли его выпускать. Крючковъ успѣлъ и это устроить: онъ тайкомъ увезъ Антонія и спряталъ до времени въ укромномъ мѣстѣ; потомъ, взявши, отъ кого слѣдовало, порядочную сумму денегъ на дорожные и прочіе расходы, отправился съ нимъ въ хорошо знакомый ему путь „во Цесарскую страну, идѣже богоспасаемая обитель Бѣлокриницкая процвѣтаетъ.“

Онъ не рѣшился однакожь явиться прямо въ митрополію съ своимъ кандидатомъ въ архіереи, понимая, что нужно съ великою осторожностью и искусствомъ вести щекотливое дѣло, ради котораго пріѣхалъ теперь. Во время частыхъ путешествій своихъ въ Буковину онъ успѣлъ свести знакомство съ разными лицами, одинаковаго съ нимъ характера и образа мыслей. Однимъ изъ такихъ былъ нѣкто Филиппъ, протопопъ въ пограничномъ бессарабскомъ селеніи Грубномъ. Въ прежнее время, до учрежденія Балтовской епархіи, Филиппъ, по порученію Кирилла, управлялъ всѣми старообрядцами въ Бессарабской области; когда же посвященъ былъ для Балты особый епископъ, Варлаамъ, то вся Бессарабія перешла въ его управленіе и самъ Филиппъ поступилъ подъ его начальство безъ всякихъ особенныхъ правъ. Эта перемѣна до того оскорбила честолюбиваго Грубенскаго протопопа, что онъ сталъ считать Варлаама своимъ личнымъ врагомъ и рѣшился, во что бы то ни стало, отмстить ему. Удобный случай представился во время возникшихъ повсюду волненій изъ-за *Окружнаго Посланія.* Варлаамъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу искреннихъ и горячихъ защитниковъ *Посланія*; Филиппъ, натурально, присталъ къ противной сторонѣ. Этимъ заслужилъ онъ особенное расположеніе Кирилла и открылъ себѣ возможность низвергнуть Варлаама: когда произошли безпорядки въ Кореневскомъ монастырѣ, гдѣ жилъ Варлаамъ, безпорядки, къ которымъ быть-можетъ подстрекнулъ монаховъ самъ же Филиппъ, онъ донесъ митрополиту, будто Варлаамъ всякаго рода насиліями и угрозами принуждалъ Кореневскую братію къ принятію *Посланія*, и этимъ-то вооружилъ противъ себя монастырь и довелъ до открытаго возстанія. Кириллъ, не под-

вергая доноса никакому изслѣдованію, послалъ запрещеніе Варлааму, а Филиппу снова отдалъ подъ управленіе всѣхъ старообрядцевъ Бессарабской области. Такимъ образомъ Грубенской протопопъ былъ естественнымъ союзникомъ московскихъ ненавистниковъ *Окружнаго Посланія*, и Крючковъ, во время своихъ поѣздокъ въ Бѣлую-Криницу, успѣлъ войдти съ нимъ въ самыя интимныя отношенія. На этотъ разъ онъ также заѣхалъ въ Грубное къ своему пріятелю посовѣтоваться, какъ устроить дѣло новаго Антонія. Отъ Филиппа онъ получилъ первыя извѣстія о томъ, что въ митрополію пріѣзжали Пафнутій съ Іоасафомъ и Филаретомъ, и успѣли получить отъ Кирилла какія-то грамоты. Оба друга рѣшили поэтому, что Антоній на всякій случай останется до-времени въ Грубномъ у Филиппа, Крючковъ же сначала одинъ отправится въ Бѣлую Криницу, развѣдаетъ тамъ, въ какомъ положеніи дѣла, заберетъ въ свои руки Кирилла, вообще устроитъ все надлежащимъ образомъ, и тогда Филиппъ привезетъ къ нему Антонія для совершенія надъ нимъ хиротоніи.

Итакъ, Крючковъ явился сначала одинъ въ Бѣлую-Криницу. Здѣсь обыкновенно привиталъ онъ въ женскомъ монастырѣ у игуменіи Евпраксіи, такой же ненавистницы *Окружнаго Посланія* какъ и онъ самъ. Матушка-игуменья встрѣтила его подробнымъ и горестнымъ разказомъ что надѣлали въ митрополіи пріѣзжавшіе изъ Москвы посланники, какъ они склонили Кирилла заключить миръ съ духовнымъ совѣтомъ, какъ этотъ жалкій митрополитъ Кириллъ подписалъ и вручилъ имъ мирную грамоту.... Все это было крайне непріятно для Крючкова; но Ѳоимъ Ѳедорычъ не изъ такихъ людей, чтобы смущаться въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Если Филаретъ съ Іоасафомъ умѣли убѣдить Кирилла подписать что имъ хотѣлось, то Крючковъ могъ обойдти его почище всякаго другаго, и это онъ зналъ очень хорошо; притомъ же изъ Москвы онъ снабженъ былъ дѣйствительно „сребреники довольными“ (въ его распоряженіе дано было до 5.000 руб. сер.), что еще болѣе внушало ему смѣлости и надежды на успѣхъ. И вотъ началась новая аттака на бѣднаго Кирилла. Крючковъ напалъ на него смѣло, обличалъ его въ непостоянствѣ, недальновидности и слабости; упрекалъ, что онъ задаромъ взялъ отъ него Б—нскіе 1.000 руб. (Это вы, Ѳоимъ Ѳедорычъ, напрасно из-

воліли упрекать; вѣдь деньги были присланы на поминъ души....), что обманулъ его, приказавши привезти человѣка для посвященія въ епископы и этимъ ввелъ его въ напрасныя издержки и хлопоты:—„вѣдь я, *значитъ мѣру*, привезъ тебѣ ставленника; куда мнѣ его дѣвать-то, *значитъ мѣру?*“ Потомъ росписалъ какъ нужно Пафнутія и особенно Іоасафа съ Филаретомъ, увѣрялъ, что они обманули его, что грамоты, которыми онъ снабдилъ ихъ, будутъ приняты въ Москвѣ какъ нельзя хуже, что, однимъ словомъ, эти грамоты его погубятъ. Бѣлокриницкій владыка совсѣмъ потерялся, внимая ужасамъ, какія расписывалъ ему московскій гость. Что̀ онъ надѣлалъ, и что̀ ему оставалось теперь дѣлать? Гость указалъ и то что надобно дѣлать. Онъ предложилъ составить новую грамоту въ опроверженіе данныхъ Филарету съ Іоасафомъ, изложить въ ней, что эти послѣдніе обманули его, и что все, что̀ они заставили его подписать, незаконно и не должно быть принимаемо; потомъ, не отлагая далѣе, посвятить для Москвы вмѣсто стараго крамольнаго Антонія другаго, котораго онъ не замедлитъ ему представить, и который будетъ всегда покорнымъ слугою митрополіи. Однако всѣ эти совѣты показались Кириллу слишкомъ смѣлы и опасны: онъ не рѣшался принять ихъ. Тогда Крючковъ обратился за содѣйствіемъ къ Бѣлокриницкимъ друзьямъ своимъ. Кромѣ Евпраксіи у него былъ пріятель, депутатъ Бѣлокриницкій, Іоакинфъ, дерзкій и грубый мужикъ, который однакожь имѣлъ большое вліяніе на Кирилла. Крючковъ передалъ ему свои планы и при помощи московскихъ сребрениковъ убѣдилъ его посодѣйствовать ихъ осуществленію. Общими силами сдѣлано новое нападеніе на Кирилла, и старикъ сдался на все. Крючковъ самъ составилъ желаемую грамоту, истощивъ на нее весь запасъ своего краснорѣчія, и 8 мая Кириллъ подписалъ этотъ позорный документъ. Онъ изъявилъ согласіе и на посвященіе новаго Антонія въ московскіе епископы; дожидались только условленнаго времени, когда Филиппъ изъ Грубнаго долженъ былъ привезти его въ Бѣлую-Криницу.

Но какъ ни искусно, повидимому, велъ свое дѣло Крючковъ, ему встрѣтилось однакоже весьма серіозное затрудненіе, и притомъ откуда онъ совсѣмъ не ожидалъ его,—отъ того самаго Сергія, который нѣкогда былъ такимъ горячимъ сторонникомъ Кирилла, а теперь, по утвержденіи въ епископ-

скомъ санѣ, какъ справедливо ожидалъ Филаретъ, сдѣлался ревностнымъ защитникомъ интересовъ „духовнаго совѣта.“ Сергій обыкновенно живетъ въ Черновцѣ, гдѣ имѣетъ порядочный домикъ, доставляющій ему нѣкоторый доходъ. Крючковъ, кажется, забылъ и подумать о немъ, а онъ между тѣмъ, узнавши что въ митрополію прибылъ московскій гость, извѣстный ему по своимъ интригамъ, и сильно о чемъ-то хлопочетъ, донесъ о его пріѣздѣ и происках въ Серетъ мѣстному начальству. Форштееръ немедленно отправился въ Бѣлую-Криницу, и недавши времени укрыться Крючкову, потребовалъ его на-лицо. Крючковъ явился. На допросъ, кто онъ, зачѣмъ пріѣхалъ, форштееръ, разумѣется, не узналъ отъ него правды и ограничился тѣмъ, что приказалъ ему въ теченіе сутокъ выѣхать изъ митрополіи. Крючковъ изъявилъ согласіе и дѣйствительно уѣхалъ по направленію къ Черновцу, въ сопровожденіи своей пріятельницы Евпраксіи. Но это была извѣстная, хоть и опасная, раскольничья продѣлка: къ вечеру того же дня игуменья возвратилась въ свой монастырь, а въ повозкѣ ея, искусно прикрытый, преспокойно пріѣхалъ туда же и самъ Ѳоимъ Ѳедорычъ Крючковъ. Вскорѣ потомъ, въ тотъ же женскій монастырь и также секретно прибылъ и протопопъ Филиппъ со старикомъ Антоніемъ. Но пріѣздъ этихъ послѣднихъ, вопреки ихъ желанію, не остался въ тайнѣ. Когда ѣхали они черезъ Черновицъ, тамъ видѣли ихъ нѣкоторые изъ старообрядцевъ и не преминули донести Сергію, что Филиппъ съ какимъ-то старикомъ проѣхалъ черезъ городъ, очевидно, въ Бѣлую-Криницу. Филиппъ такого рода личность, что путешествіе его въ митрополію не могло не возбудить подозрѣній; и что это за старика провезъ онъ? не въ связи ли его поѣздка съ прибытіемъ Крючкова? Все это такъ сильно заняло Сергія, что онъ самъ рѣшился ѣхать вслѣдъ за ними, чтобы на мѣстѣ развѣдать что такое творится въ митрополіи. Въ монастырѣ, къ удивленію, ему сказали, что Филиппъ совсѣмъ не пріѣзжалъ, по крайней мѣрѣ никто изъ монаховъ не видалъ его.

Въ женскомъ монастырѣ между тѣмъ шли приготовленія къ посвященію Антонія на первую священнослужительскую степень—во діакона. Чтобы сохранить дѣло въ глубокой тайнѣ, игуменья подъ разными предлогами удалила изъ монастыря всѣхъ молодыхъ монахинь и крылошанокъ, на скром-

ность которыхъ не слишкомъ разчитывала; Филиппъ приготовился сослужить Кириллу; Крючковъ съ Іоакинфомъ приняли должность свидѣтелей и охранителей безопасности во время церемоніи. Трудно было только пробраться къ нимъ главному дѣйствующему лицу—митрополиту Кириллу: пріѣздъ и разспросы Сергія возбудили противъ него подозрѣніе и въ самихъ бѣлокриницкихъ монахахъ; за нимъ слѣдили. Однакоже старикъ успѣлъ таки уйдти изъ митрополіи: сказавши, что отправляется по обычаю къ дѣтямъ, онъ вмѣсто пасеки пробрался въ женскій монастырь. Тамъ все приготовлено было къ посвященію, и не теряя дорогаго времени онъ приступилъ къ дѣлу. О томъ, что въ женскомъ монастырѣ происходитъ какая-то таинственная церемонія, провѣдалъ однакожь одинъ изъ бѣлокриницкихъ жителей, которому сообщила о томъ родственница, молоденькая монахиня, на время удаленная игуменьей изъ монастыря въ числѣ другихъ нескромныхъ на языкъ юныхъ подвижницъ. Это нѣкто Аверкій, довольно извѣстный между старообрядцами, человѣкъ прямой, горячій и одаренный замѣчательною физическою силой. Онъ рѣшился непремѣнно дознаться что̀ такое происходитъ въ женскомъ монастырѣ: собралъ цѣлую громаду и отправился въ монастырь. Подходятъ къ церкви,—двери заперты; стучатъ, — не отпираютъ; въ сердцахъ онъ вышибъ двери, поналегши плечами, и увидѣлъ въ сборѣ всю знакомую ему почтенную публику и съ нею новопоставленнаго діакона: все было уже кончено. Правда, Кириллъ на разспросы Аверкія и всей громады не признался, что производилъ посвященіе; тѣмъ не менѣе однакожь дѣло было очень ясно. Сергій понималъ все безразсудство новыхъ подвиговъ Кирилла въ союзѣ съ Крючковымъ, послѣ недавно изданныхъ имъ же самимъ мирныхъ грамотъ, и какъ много этими безразсудными затѣями повредитъ онъ успѣху всего дѣла объ утвержденіи мира въ старообрядчествѣ. Теперь онъ почелъ себя еще болѣе обязаннымъ донести начальству, что подозрительный московскій выходецъ, съ другимъ не менѣе подозрительнымъ товарищемъ, опять явился въ митрополію и замышляетъ тамъ разныя противозаконныя дѣла. Проѣзжая чрезъ Серетъ онъ дѣйствительно донесъ объ этомъ форштееру, который и поспѣшилъ снова въ Бѣлую-Криницу: Крючковъ и Антоній были на-лицо. Какъ ни вертѣлся Евимъ Ѳедорычъ, а дѣло принимало дурной обо-

ротъ. Впрочемъ, форштееръ и на этотъ разъ былъ довольно снисходителенъ къ нему, требовалъ только, чтобъ онъ немедленно выѣхалъ изъ австрійскихъ владѣній вмѣстѣ съ своимъ новопоставленнымъ діакономъ. Пришлось повиноваться.

Но Крючковъ вовсе не думалъ бросать предпріятіе, которому, хотя не совсѣмъ удачно, успѣлъ таки положить начало; сдѣлавъ Антонія дьякономъ, онъ увѣренъ былъ, что сдѣлаетъ его и архіереемъ, и далъ себѣ слово не иначе привезти его въ Россію какъ епископомъ московскимъ. Въ Грубномъ онъ оставилъ своего будущаго архіерея на попеченіе Филиппа, поручивъ этому послѣднему вмѣстѣ съ Іоакинфомъ и игуменьей подготовить удобный случай и удобное мѣстечко для окончанія дѣла; а самъ поспѣшилъ въ Россію съ пріятными вѣстями о новопоставленномъ священнодіаконѣ Антоніѣ и, что собственно заставляло его спѣшить, съ драгоцѣнною грамотой Кирилла, отъ 8 мая, которая должна была, по его мнѣнію, нанести рѣшительный ударъ защитникамъ *Окружнаго Посланія*, несмотря на всѣ ихъ новые успѣхи въ митрополіи.

Въ Москву онъ пріѣхалъ спустя не болѣе недѣли послѣ того какъ туда прибыли Пафнутій и Филаретъ съ „мирною грамотой“ и „архипастырскимъ посланіемъ“ Кирилла. Духовный совѣтъ, или вѣрнѣе председатель его—владыка Антоній все еще раздумывалъ, надобно ли объявлять эти грамоты во всеобщее свѣдѣніе, не произведутъ ли онѣ соблазна въ народѣ своимъ содержаніемъ, слишкомъ благопріятнымъ для *Окружнаго Посланія*, не пождать ли покрайней мѣрѣ, когда Іоасафъ привезетъ печатные ихъ экземпляры и т. п. А Крючковъ между тѣмъ, не теряя времени, распространилъ въ множествѣ списковъ привезенную имъ новую, свѣженькую грамоту Кирилла; самъ ѣздилъ съ нею по гуслицкимъ селамъ и и весямъ и читалъ во всеуслышаніе, съ разнаго рода комментаріями. Эта грамота, какъ безтолково ни была составлена (а можетъ быть именно поэтому), произвела весьма сильное впечатлѣніе въ раскольничьемъ обществѣ,—особенно между противниками *Окружнаго Посланія*,—и возбудила рѣшительное недовѣріе къ тѣмъ грамотамъ, съ которыми пріѣхали изъ митрополіи Пафнутій и Филаретъ. Вся она направлена была именно противъ содержанія этихъ послѣднихъ. Кириллъ писалъ въ ней, что Онуфрія и не думалъ

разрѣшать отъ запрещенія, Антонія вовсе не признаетъ архіепископомъ московскимъ, учрежденный въ Москвѣ духовный совѣтъ считаетъ незаконнымъ и всѣ его дѣйствія неправильными, грамоту Амвросія попрежнему называетъ подложною, а *Окружное Посланіе* и всѣхъ пріемлющихъ его предаетъ проклятію, наконецъ послѣднія свои мирныя грамоты, которыя будто бы Филаретъ обманомъ заставилъ его подписать, уничтожаетъ какъ „обманныя и ложныя," напротивъ возстановляетъ въ полной силѣ всѣ свои прежніе акты, столь враждебные духовному совѣту.... Но больше всего говорилось въ ней противъ бывшихъ посланниковъ духовнаго совѣта, Пафнутія, Іоасафа и Филарета, виновниковъ изданной Кирилломъ „мирной грамоты" и „архипастырскаго посланія." Здѣсь пущены были въ ходъ самая наглая ложь и безсовѣстность, чтобы только очернить предъ раскольничьимъ обществомъ ихъ дѣйствія въ Бѣлой-Криницѣ. О Пафнутіѣ, напримѣръ, разказывается, будто имѣлъ онъ слѣдующій разговоръ съ Кирилломъ. Пафнутій говорилъ: „Владыко! мы теперь сознаемъ свою погрѣшность, что составили *Окружное Посланіе*, мы уничтожаемъ *Окружное Посланіе* и опровергаемъ." Кириллъ: „Нѣтъ, вы меня обманете!" Опять Пафнутій: „Владыко! я тебя завѣряю святымъ Евангеліемъ и крестомъ Христовымъ, что мы уничтожаемъ и опровергаемъ оное *Посланіе*." Никогда и нигдѣ Пафнутій не говаривалъ ничего подобнаго объ *Окружномъ Посланіи*. Далѣе, повѣствуется какъ Пафнутій, Іоасафъ и Филаретъ, безъ позволенія Кирилла и якобы тайкомъ отъ него, стали печатать въ Яссахъ его грамоты, въ которыхъ оказалось будто бы много такого что онъ и не думалъ утверждать. Этому извѣстію, очевидно, противорѣчило то обстоятельство, что грамоты скрѣплены собственноручною подписью Кирилла; но разказывается, будто бы Кирилла заставили подписываться ночью, и не дали порядкомъ выслушать содержаніе грамотъ: „которую строку читали, которую пропускали." Все это была совершенная ложь; мы разказали выше что происходило въ дѣйствительности. Въ заключеніе Кириллъ писалъ: „Посему азъ смиренный заповѣдую боголюбивымъ россійскимъ епископамъ и священнымъ лицамъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ, чтобы не принимали никто моихъ посланниковъ, священноинока Іоасафа и архидіакона Филарета, и отъ россійскихъ епископовъ посланнаго епископа

Казанскаго Пафнутія, и которыя у нихъ книжки и акты обманныя и ложныя, и печатка, которую я имъ не препоручалъ, * и чтобы никто не руководствовался и не принималъ за истину соблазна ради церковнаго, якобы сочинены отъ имени моего, но я этого никогда и въ умѣ не помышлялъ сочиненія и печатованія излагать, но и впредь не благословляю сему быть никогда церковному возмущенію, и отъ сего числа, по данной намъ благодати, священноиноку Іоасафу и архидіакону Филарету запрещаю отъ всякаго священнодѣйствія, дондеже обратятся въ Бѣлокриницкую митрополію; а россійскимъ епископамъ, Пафнутію Казанскому съ единомышленными его епископы, посланыя доселѣ правильныя запрещенія и паки подтверждаю.“

Такимъ образомъ, этою новою грамотой Кириллъ уничтожилъ всѣ свои недавнія распоряженія, и грамоты, съ которыми пріѣхали отъ него же Пафнутій и Филаретъ, оказались теперь не имѣющими никакого значенія, а сами они подъ его святительскимъ запрещеніемъ и клятвой. На запрещеніе и клятвы Кирилла они смотрѣли равнодушно (пора же въ самомъ дѣлѣ и привыкнуть къ нимъ); но нельзя было равнодушно перенесть того что онъ такъ нагло попиралъ эти „мирныя грамоты,“ ради которыхъ употребили они столько искусства и хлопотъ всякаго рода, и на которыя возлагалось столько отрадныхъ надеждъ.... Даже самъ архіепископъ Антоній, доселѣ не обнаружившій горячаго сочувствія къ трудамъ Іоасафа и Филарета, пришелъ теперь въ немалое волненіе, потому что дѣло касалось не *Окружнаго Посланія* только, но и его собственной драгоцѣнной особы. Вѣдь Кириллъ въ послѣдней грамотѣ не призналъ его архіепископомъ московскимъ (предметъ наиболѣе чувствительный для Антонія); кромѣ того дошли до него слухи, что крамольники даже отправили въ митрополію какого-то монаха для посвященія въ епископы, и тамъ его успѣли уже поставить въ дьяконы, что думаютъ на всякій случай послать и другаго кандидата на архіерейство... Вообще дѣла у

* Митрополичья печать, о которой здѣсь упоминается, дана была Кирилломъ Филарету, для того чтобъ онъ могъ воспользоваться ею въ Москвѣ при подписаніи акта объ окончательномъ примиреніи съ россійскими епископами, заключить который онъ его уполномочивалъ, какъ сказано объ этомъ въ „мирной грамотѣ“ (см. *Русскій Вѣстникъ* № 1, стр. 367).

московскихъ старообрядцевъ, по милости Еѳима Ѳедорыча, дошли до такого положенія, что нужно было подумать серіозно какъ ихъ поправить. Но какъ именно? это и самъ духовный совѣтъ съ своимъ велемудрымъ предсѣдателемъ затруднился рѣшить. Написали, по обычаю, увѣщательную грам ту къ Кириллу, чтобы опомнился, пересталъ дѣлать нелѣпости; но и сами не ждали успѣха отъ этой грамоты: мало ли въ самомъ дѣлѣ писали ихъ въ Бѣлую-Криницу, и все понапрасну! Рѣшили наконецъ обратиться за помощью къ заграничнымъ епископамъ, которые и сами участвовали въ подписаніи „мирныхъ грамотъ" Кирилла и о послѣдней, привезенной Крючковымъ, очевидно не имѣли понятія,—рѣшились просить ихъ, чтобъ они съ своей стороны приняли участіе въ дѣлѣ и вразумили Кирилла, имѣя къ тому болѣе удобства. Было дѣйствительно составлено письмо къ епископамъ АркадіюВаслуйскому и Аркадію Славскому, со всѣмъ ихъ священнымъ соборомъ; 3 іюля письмо было подписано членами совѣта и вручено епископу Іустину, который долженъ былъ доставить его по принадлежности. Вотъ что именно было писано:

„Имѣли мы душевную радость получить отъ архидіакона Филарета мирную грамоту Кирилла митрополита отъ 24 февраля, которую и ваше боголюбіе въ вящее увѣреніе потщалися утвердити своими подписы, за какое ваше братолюбное участіе въ дѣлѣ церковнаго умиренія приносимъ вамъ усердную нашу благодарность. Но не долго продолжалась радость наша. Еще не приступая къ формальному объявленію грамоты, въ ожиданіи прибытія другаго посланника, священноинока Іоасафа, мы были поражаны неожиданнымъ извѣстіемъ о появившейся въ народѣ другой бумагѣ противоположнаго направленія, изданной 8 мая все тѣмъ же Кирилломъ и привезенной сюда извѣстнымъ возмутителемъ церковнаго мира Еѳимомъ Крючковымъ, съ коей и намъ доставлена частная копія. Препровождаемъ таковую и къ вамъ съ епископомъ Іустиномъ. Каковъ правитель? Въ февралѣ мѣсяцѣ согласившись въ единомысліи, чрезъ два съ половиной мѣсяца возобновляетъ раздоръ. Говоритъ, что его обманули, а чѣмъ, неизвѣстно; на посланниковъ налагаетъ запрещеніе, а крамолящихся поповъ и мірскихъ, ратующихъ на церковь, именуетъ страдальцами и ревнителями по благочестію!... Также и Софронія, коему и есть особая грамота,

отъ 12 мая, разрѣшающая и благословляющая. Впрочемъ, сія послѣдняя обращается по народу только въ копіяхъ, а существуетъ ли подлинная, достовѣрно не знаемъ. Такой произошелъ чрезъ эти его бумаги всенародный позоръ, что и выразить невозможно. Всякій толкуетъ по своему и совершенно утрачивается всякое довѣріе и благоговѣніе къ священной нашей іерархіи. Что сотворимъ? недоумѣемъ. Но сего не довольно. Вышепомянутый Крючковъ привозилъ въ митрополію съ собою инока, чтобы поставить во епископа, и уже сдѣланъ былъ починъ—произвели во діакона, а дальнѣйшее дѣйствіе предостановлено, благодаря лишь настойчивому вмѣшательству въ это дѣло Аверкія. Теперь есть еще слухъ, что крамольники отправили туда на тотъ же предметъ запрещеннаго іеромонаха Пахомія. Мы послали письма къ Кириллу, дабы прекратилъ свое на насъ ратованіе: убѣждаемъ всячески и просимъ судомъ Божіимъ и церковнымъ; но по печальнымъ опытамъ уже и вѣрить сомнѣваемся въ дѣйствіе своихъ увѣщаній. Помогайте, братіе! Вамъ со стороны легче разсуждать и преподать намъ совѣтъ, какъ должно поступить въ такихъ затруднительныхъ и плача достойныхъ обстоятельствахъ; а мы истинно до того разстроились, что не придумаемъ какъ и быть. Ибо если дѣйствовать по буквальному смыслу священныхъ правилъ, слѣдовало бы приступить къ соборному суду надъ Кирилломъ; но съ народомъ ничего не сдѣлаешь. Крамольная партія, вооруженная все тѣмъ же давно извѣстнымъ орудіемъ, ссылкою на *Окружное Посланіе*, проповѣдуя митрополита и при немъ себя ревнителями благочестія, а насъ уклоняющимися отъ онаго, имѣетъ на своей сторонѣ большинство народа, и окончательный разрывъ съ митрополитомъ (если рѣшиться на него) поведетъ къ неминуемому отторженію отъ церковнаго единенія многочисленнаго народа. Вотъ какое наше положеніе! со всѣхъ сторонъ бѣда и тѣснота! Просимъ васъ, Бога ради, напишите вы еще Кириллу отъ себя соборное увѣщаніе о прекращеніи творимаго имъ церковнаго раздора, его же и мученическая кровь загладити не можетъ."

Въ первыхъ же числахъ іюля, вскорѣ послѣ того какъ было отправлено это письмо, въ Москву пріѣхалъ епископъ Сергій. Онъ предпринялъ это путешествіе собственно за тѣмъ, чтобы лично пересказать въ Москвѣ о продѣлкахъ Крючкова, о томъ, какъ по просьбѣ его, Кириллъ посвятилъ въ

дьяконы старика Антонія, и хочетъ даже поставить въ архіереи для Москвы,—о всемъ вообще что̀ случилось въ митрополіи по отъѣздѣ Пафнутія съ Филаретомъ. Совѣтъ былъ очень благодаренъ Сергію за эти извѣстія и за мѣры, принятыя имъ противъ Крючкова; но видя, какъ необходимо его присутствіе въ митрополіи, просилъ его поспѣшить возвращеніемъ туда, чтобы воспрепятствовать какими-либо мѣрами предполагаемому посвященію втораго Антонія. 8 іюля Сергій уѣхалъ обратно изъ Москвы и недѣли черезъ двѣ былъ уже дома въ Черновцѣ. Онъ пріѣхалъ во̀-время: Антоній былъ еще діакономъ. И все-таки Сергію не удалось помѣшать ему сдѣлаться епископомъ.

Случилось это слѣдующимъ образомъ. Сдѣлавъ свое дѣло въ Москвѣ, Крючковъ не замедлилъ возвратиться въ Бѣлую-Криницу. Здѣсь, благодаря усердію друзей, все было въ порядкѣ. Кириллъ попрежнему готовъ былъ во всякое время посвятить Антонія: посланіе духовнаго совѣта онъ оставилъ, очевидно, безъ всякаго вниманія. Пріискали и удобное мѣсто для посвященія, такъ какъ въ самой митрополіи совершить его находили невозможнымъ послѣ непріятныхъ событій, случившихся при поставленіи Антонія въ дьяконы: выбрали именно Соколинцы, селеніе неподалеку отъ Сочавы, близь Молдавской границы; предполагали даже, не заѣзжая далеко, совершить посвященіе въ Черновцѣ, пользуясь отсутствіемъ Сергія, въ которомъ вообще видѣли обстоятельство весьма благопріятное для ихъ дѣла, и именно въ самомъ домѣ Сергія, на каковый случай Филиппъ долженъ былъ привезти съ собою походную церковь со всѣми принадлежностями. Въ условленное время всѣ дѣйствующія лица должны были собраться въ Черновецъ. Это было именно на второй или на третій день по возвращеніи Сергія изъ Москвы, когда однакожь объ его пріѣздѣ не зналъ еще никто изъ этихъ дѣйствующихъ лицъ, желавшихъ, какъ мы сказали, именно воспользоваться его отсутствіемъ. Чтобы выѣхать изъ митрополіи не возбуждая подозрѣній, Кириллъ и на этотъ разъ прибѣгъ къ хитрости: онъ сказалъ монахамъ, что получилъ извѣстіе о возвращеніи Сергія изъ Москвы и ѣдетъ повидаться съ нимъ, побесѣдовать о московскихъ дѣлахъ. Въ Черновецъ онъ пріѣхалъ подъ вечеръ и, какъ всегда, прямо къ Сергіеву дому, въ полной увѣренности, что настоящаго хозяина тамъ не найдетъ и самъ расположится въ его ком-

натахъ полнымъ хозяиномъ. Постучали. Ихъ встрѣтила служанка съ половины занятой жильцами. „Кто дома?“ спросилъ Кириллъ. Она отвѣчала, что дома „панъ-бискупъ.“ Панабискупа, какъ мы сказали, Кириллъ совсѣмъ не ожидалъ и не желалъ найдти дома: не пускаясь въ дальнѣйшіе разспросы о немъ, повернули лошадей и не отдыхая поскакали въ Сокольницы. Туда же прибыло и прочее общество — Крючковъ съ Евпраксіей и Филиппъ съ Антоніемъ. Соколинскій попъ Сысой, за приличное вознагражденіе, отдалъ въ ихъ распоряженіе церковь, и здѣсь-то Кириллъ, въ сослуженіи Филиппа, рукоположилъ Антонія сначала во священника, а потомъ и во епископа богоспасаемаго града Москвы. Всѣ участники этого приснопамятнаго событія понимали однако, что одному архіерею, хоть бы и первенствующему, невозможно поставить епископа; для устраненія этого затрудненія они придумали, руководствуясь вѣроятно назидательнымъ примѣромъ старыхъ раскольничьихъ архіереевъ, Анѳима и Аѳиногена,—придумали, что Кириллу будутъ содѣйствовать въ поставленіи Антонія Софроній и Виталій, соприсутствуя его смиренію не тѣломъ, но духомъ, какъ во всемъ единомысленные ему епископы (ихъ нашлось такимъ образомъ всего лишь двое изъ многочисленнаго сонма раскольничьихъ архіереевъ, да и Софроній только недавно разрѣшенъ Кирилломъ отъ клятвы, вѣроятно съ тою именно цѣлію, чтобы могъ быть заочнымъ рукоположителемъ Антонія). Это мнимое соблюденіе правилъ и было прописано въ „увѣдомленіи“ о постановленіи новаго московскаго епископа. Посвященіе происходило 24 іюля 1864 года.

Итакъ, Божіимъ попущеніемъ, давно желанное и давно задуманное раздорниками, но столько времени не удававшееся, дѣло было кончено: старый Антоній низвергнутъ; на его мѣсто возведенъ новый московскій епископъ, и также Антоній! Да здравствуетъ новый Антоній! Ис-полла-эти-деспота! Крючковъ, герой всей этой удивительной исторіи, торжествовалъ вполнѣ и роздалъ награды всѣмъ своимъ сотрудникамъ, коемуждо по чину его и по мѣрѣ оказанныхъ заслугъ. И вопервыхъ, самъ владыка Кириллъ получилъ цѣлую тысячу цѣлковыхъ, да кромѣ того, обѣщаніе щедрой помощи изъ Россіи, по утвержденіи новаго Антонія на своей каѳедрѣ; Іоакинфъ — 200 р., попъ Сысой за церковь—30 руб. (*тридесять сребряницъ*, какъ говорятъ злые языки), митро-

поличій чтецъ Иванъ—15 р., староста—также 15 р., уставщикъ—10 руб.; преданный другъ Крючкова, протопопъ Филиппъ, еще ранѣе (именно 31 мая) получилъ за свои подвиги и „трудолюбное тщаніе" митрополичью одобрительную грамоту, которою признается онъ независящимъ отъ своего епископа Варлаама, и по всѣмъ духовнымъ дѣламъ велѣно ему относиться непосредственно къ самому митрополиту. Всѣ были довольны и благополучно отправились во свояси,— Кириллъ въ Бѣлую-Криницу, а Крючковъ съ новопоставленнымъ московскимъ епископомъ и матерью-игуменьей къ протопопу Филиппу въ Грубное, чтобъ оттуда направить путь свой въ Москву....

Н. СУББОТИНЪ.

(*До слѣд.* №.)

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ.

ЯНВАРЬ.

ФЕВРАЛЬ.

II. Тоже воспитательная.

Хозяйка дома, кукольная швея и производчица разукрашенныхъ кирпичиковъ и перочистокъ, сидѣла въ своемъ низенькомъ креслицѣ, распѣвая въ потемкахъ, пока не вернулась Лиза.

— Ну Лиза-Мыза-Киса, сказала она прервавъ пѣсню,—что̀ новаго на дворѣ?

— Что̀ новаго дома? отвѣтила Лиза, шутливо приглаживая густыя, длинныя, великолѣпныя волосы, что̀ такъ роскошно и красиво росли на головѣ кукольной швеи.

— Посмотримъ, сказалъ слѣпой. Ну, послѣдняя новость та что я не выйду за твоего брата.

— Нѣтъ?

— Нѣ-ѣтъ, качнула она головой и подбородкомъ: — мальчишка не по мнѣ.

— Что̀ ты скажешь объ его учителѣ?

— А вотъ что̀ я думаю, что у него кое-кто ужъ есть на примѣтѣ.

Лиза кончила, заботливо опустивъ волосы на сутуловатые плечики, и зажгла свѣчу; маленькая зала оказалась довольно темною, но въ порядкѣ и чистотѣ. Она поставила свѣчу на каминъ, поодаль отъ глазъ швеи; потомъ отворила дверь изъ комнаты и дверь на улицу, и повернула низенькое креслице съ его владѣлицею къ воздуху. Вечеръ былъ душный, и такъ всегда въ хорошую погоду устраивались онѣ послѣ дневной работы. Сама Лиза усѣлась рядомъ съ маленькимъ кресломъ, и взяла протянувшуюся къ ней маленькую руку съ видомъ покровительства.

— Вотъ это то самое время, которое любящая тебя Дженни Ренъ зоветъ лучшимъ временемъ дня и ночи, сказала хозяйка дома.

Настоящее имя ея было Фанни Кливеръ; но она прибрала себѣ имя миссъ Дженни Ренъ.*

— Я думала, продолжала Дженни, — сидя за работою сегодня, какъ бы это было хорошо еслибы мнѣ все съ тобою жить до тѣхъ поръ, пока я не выйду замужъ или пока не посва-

* Wren, названіе крошечной птички, царька, regulus.

таются за меня. Потому что когда за мною станутъ ухаживать, я заставлю *его* дѣлать многое, что ты для меня дѣлаешь; онъ не могъ бы расчесать мнѣ волосъ какъ ты, или подсобить мнѣ на лѣстницѣ какъ ты; но съ его грубыми ухватками онъ могъ бы носить закащикамъ мою работу или получать заказы. И онъ будетъ. Онъ у меня набѣгается.

У Дженни Ренъ было свое тщеславіе, но, къ счастію для нея, въ сердцѣ ея не было замысловъ болѣе серіозныхъ чѣмъ тѣ разнообразныя пытки и муки, которымъ въ свое время подвергнется *онъ*.

— Гдѣ бъ онъ теперь ни былъ и кто бъ онъ такой ни былъ, сказала миссъ Ренъ,—я знаю его плутни и ухватки, и онъ смотри у меня.

— Ты ужь не черезчуръ ли жестока къ нему? спросила ея подруга, улыбаясь и приглаживая ея волосы.

— Ни капельки, возразила мудрая миссъ Ренъ, съ видомъ обширной опытности. — Дружокъ, эти господа перестанутъ и думать о тебѣ, коли ты не будешь пожестче съ ними. Но я сказала, еслибы мнѣ все съ тобой жить!... Ахъ, какъ много въ этомъ еслибъ!.. Не правда ли?

— Я не намѣрена разлучаться съ тобою, Дженни.

— Не говори этого, а то ты сейчасъ же и уйдешь.

— Развѣ ты такъ мало полагаешься на меня?

— На тебя можно положиться больше чѣмъ на серебро и золото.

Сказавъ это, миссъ Ренъ, внезапно смолкла, подняла глаза и подбородокъ, и взглянула на нее съ видомъ лукаво-свѣдущимъ.—Ага!

Кто стучится?
Гренадеръ.
А чего ему угодно?
Кружку пива напримѣръ.

— И больше нечего, дружокъ!

Мужская фигура остановилась на мостовой у наружной двери.—Мистеръ Евгеній Рейборнъ, сказала миссъ Ренъ,— вы это?

— Звали такъ, былъ отвѣтъ.

— Коли добрый человѣкъ, такъ войдите.

— Хоть и не добрый, а войду, сказалъ Евгеній.

Онъ подалъ руку Дженни Ренъ, и подалъ руку Лизѣ, и

сталъ, прислонясь у дверей, возлѣ Лизы. Онъ сказалъ, что бродя съ сигарой (она докурилась и погасла между тѣмъ) забрелъ на возвратномъ пути въ эту сторону, и заглянулъ къ нимъ мимоходомъ. Не видалась ли она съ братомъ въ этотъ вечеръ?

— Да, сказала Лиза, немного смутившись.

— Милостивая снисходительность со стороны нашего братца! Мистеръ Евгеній Рейборнъ полагаетъ, что встрѣтилъ юнаго джентльмена тамъ на мосту. Кто такой шелъ съ нимъ вмѣстѣ?

— Школьный учитель.

— Должно-быть такъ. Похоже на то.

Лиза сидѣла такъ покойно, что трудно было сказать въ чемъ выражалось ея смущеніе, и однакожь смущеніе ея было очевидно. Евгеній былъ развязенъ, какъ всегда; но можетъ быть, въ то время какъ она сидѣла съ опущенными глазами, легко было замѣтить, что порой вниманіе его сосредоточивалось на ней болѣе чѣмъ на другихъ предметахъ, хоть на самое короткое время.

— Мнѣ нечего сообщить вамъ, Лиззи, сказалъ Евгеній.—Но обѣщавъ вамъ, что другъ мой Ляйтвудъ не будетъ спускать съ глазъ мистера Райдергуда, я хочу по временамъ возобновлять увѣреніе въ томъ что помню свое обѣщаніе, и не даю моему пріятелю остывать.

— Я не сомнѣвалась въ этомъ, сэръ.

— Вообще я признаю себя такимъ человѣкомъ, въ которомъ все-таки надо сомнѣваться, холодно отвѣтилъ Евгеній.

— Почему же такъ? спросила острая миссъ Ренъ.

— По той причинѣ, дружокъ, сказалъ повѣса,—что я дрянной, лѣнивый песъ.

— Зачѣмъ же вы не преобразитесь въ добраго пса? спросила миссъ Ренъ.

— По той причинѣ, дружокъ, отвѣтилъ Евгеній,—что не для кого. Обдумали ли вы мое предложеніе, Лиззи?

Онъ сказалъ это понизивъ голосъ, какъ бы по причинѣ особенной важности предмета, а не для того чтобы секретничать отъ хозяйки дома.

— Я думала о немъ, мистеръ Рейборнъ, но еще не могла рѣшиться принять его.

— Ложная гордость! сказалъ Евгеній.

— Не думаю, мистеръ Рейборнъ, не полагаю.

— Ложная гордость, повторилъ Евгеній.—Чтожь это еще можетъ быть? Дѣло само по себѣ ничего не стóитъ. Дѣло ничего не стóитъ для меня. Что̀ это можетъ стоить мнѣ? Я желаю быть кое-кому полезенъ, сдѣлать доброе дѣло въ первый разъ въ жизни, я хочу платить нѣкой способной особѣ вашего пола и возраста такое-то количество (или лучше сказать такую-то малость) презрѣнныхъ шиллинговъ, чтобъ она приходила сюда по такимъ-то вечерамъ въ недѣлю и давала бы вамъ уроки, въ которыхъ вы теперь не нуждались бы еслибы не были самоотверженною дочерью и сестрою. Вы знаете, какъ хорошо имѣть нѣкоторое образованіе, иначе вы никогда не посвятили бы себя такъ страстно на доставленіе его вашему брату. Отчегожь вамъ самимъ не имѣть его, въ особенности, если другъ нашъ, миссъ Ренъ, также имъ воспользуется? Еслибъ я предлагалъ себя въ учители, или хотѣлъ находиться при урокахъ, — что̀ было бы неловко — но это такое дѣло, что я могу быть на другой половинѣ земнаго шара, или даже вовсе не быть на земномъ шарѣ. Ложная гордость, Лиззи, потому что истинная гордость не стала бы стыдиться вашего неблагодарнаго брата. Истинная гордость не принимала бы здѣсь школмейстеровъ, будто докторовъ, для консультаціи въ опасномъ случаѣ. Истинная гордость принялась бы за дѣло, и сдѣлала бы его. Вы это очень хорошо знаете, потому что ваша истинная гордость завтра же сдѣлала бы это, еслибъ у васъ были средства, которыхъ ваша ложная гордость не позволяетъ мнѣ доставить вамъ. Хорошо же. Я ничего болѣе не скажу; скажу только то, что ваша ложная гордость вредитъ вамъ самимъ и памяти вашего покойнаго отца.

— Какъ отца, мистеръ Рейборнъ? спросила она съ тревогой въ лицѣ.

— Какъ? Можно ли спрашивать? Упрочивая послѣдствія его невѣжественнаго и слѣпаго упорства, не желая исправить зло, которое онъ вамъ причинилъ, дѣлая такъ чтобы лишеніе, на которое онъ осудилъ васъ, навсегда осталось на его душѣ.

Казалось, онъ задѣлъ чувствительную струну въ ней, за часъ только говорившей объ этомъ съ братомъ. Это звучало тѣмъ сильнѣе, что въ самомъ говорившемъ произошла на ту минуту перемѣна: въ немъ мелькнуло нѣчто похожее на живое чувство, на искреннее убѣжденіе, оскорбленное подозрѣніемъ,

на великодушное и безкорыстное участіе. Она почувствовала, что всѣ эти качества въ немъ, обыкновенно столь легкомъ и безпечномъ, были въ нѣкоторомъ соотношеніи съ противоположными чувствованіями, которыя боролись въ ея сердцѣ. Какъ она непохожа на него, какъ она ниже его, она, отвергнувшая это безкорыстное участіе, по суетному подозрѣнію, что онъ заискивалъ въ ней, что онъ увлекался какими-нибудь прелестями, которыя онъ могъ найдти въ ней.

Бѣдная дѣвушка, чистая сердцемъ и помысломъ, не могла перенесть этой мысли. Падая въ собственныхъ глазахъ, какъ только заподозрила себя въ этомъ, она опустила голову, какъ будто она нанесла ему какое-нибудь злостное и жестокое оскорбленіе, и залилась слезами.

— Полноте, нѣжно сказалъ Евгеній:—надѣюсь, что я не огорчилъ васъ. Я хотѣлъ только выставить вамъ это дѣло въ настоящемъ свѣтѣ, хотя, сознаюсь, я сдѣлалъ это довольно своекорыстно, потому что обманулся.

Обманулся? въ чемъ? Въ томъ что ему не удалось оказать ей услугу? Въ чемъ же еще могъ онъ обмануться?

— Это не разобьетъ моего сердца, смѣялся Евгеній, — не будетъ цѣлыхъ двое сутокъ томить меня; но я искренно досадую. Я мечталъ сдѣлать эту бездѣлицу для васъ и нашего друга, миссъ Дженни. Задумать и сдѣлать что-нибудь хоть немножко полезное, это было для меня новостью, и это имѣло для меня нѣкоторую прелесть. Я вижу теперь, что надо было лучше распорядиться. Надо бы притвориться, что я дѣлаю это для нашего друга миссъ Дженни. Я долженъ былъ нравственно подняться на ходули съ видомъ сэръ-Евгенія Щедраго. Но, клянусь душой, я не люблю ходуль; лучше ужь потерпѣть неудачу нежели взлѣзать на ходули.

Если онъ хотѣлъ подладиться къ тому что было въ мысляхъ у Лизы, такъ это было очень ловко сдѣлано. Если онъ попалъ въ ея мысль случайно, такъ это былъ несчастный случай.

— Это такъ просто давалось мнѣ, сказалъ Евгеній:—мячикъ, казалось, невзначай мнѣ въ руки попалъ! Мнѣ случилось довольно оригинально встрѣтиться съ вами, Лиззи, при извѣстныхъ вамъ обстоятельствахъ. Случилось, что я могъ обѣщать вамъ присмотрѣть за этимъ лжесвидѣтелемъ Рай-

дергудомъ. Случилось, что я могъ доставить вамъ маленькое утѣшеніе въ горькій часъ отчаянія, сказавъ вамъ, что не вѣрю ему. По тому же поводу, я вамъ говорилъ, что я самый лѣнивый и послѣдній изъ законовѣдовъ, но все лучше чѣмъ никто, и что вы можете вполнѣ надѣяться на мою, а также и на Ляйтвудову помощь вашимъ усиліямъ очистить отца. Такъ-то въ послѣдствіи я и забралъ себѣ въ голову, что могу помочь вамъ — и такъ легко! — очистить отца вашего отъ другаго нареканія, о которомъ я упоминалъ за нѣсколько минутъ, на этотъ разъ уже справедливаго и дѣйствительнаго. Надѣюсь, что дѣло теперь ясно; я душевно скорблю о томъ, что опечалилъ васъ. Я ненавижу хвастовства добрыми намѣреніями, но мои намѣренія были дѣйствительно честны и просты, и я желалъ бы, чтобы вы это знали.

— Я никогда не сомнѣваюсь въ томъ, мистеръ Рейборнъ, сказала Лиза, раскаиваясь тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе былъ онъ настойчивъ.

— Мнѣ очень пріятно слышать это. Даже еслибы вы сразу поняли все намѣреніе мое, такъ, полагаю, не отказали бы. Не такъ ли? какъ вы думаете?

— Я, я полагаю, что нѣтъ, мистеръ Рейборнъ.

— Хорошо! Зачѣмъ же отказываться теперь, когда вы это понимаете?

— Не легко мнѣ говорить съ вами, отвѣтила Лиза, немного смутясь, — потому что вы заранѣе знаете все что̀ изъ моихъ словъ должно слѣдовать, лишь только я скажу что-нибудь.

— Пусть же и послѣдуетъ то что̀ изъ вашихъ словъ слѣдуетъ, засмѣялся Евгеній, — и положите конецъ моему искреннему огорченію. Лиззи Гексамъ, какъ человѣкъ истинно уважающій васъ, какъ вашъ другъ, какъ бѣдный, но честный джентльменъ, клянусь, я совершенно не понимаю почему вы колеблетесь.

Въ манерѣ и словахъ проглядывала откровенность, довѣрчивость, возвышенное надъ всякою мнительностью великодушіе, и все это побѣдило бѣдную дѣвушку; и не только побѣдило, но снова дало ей почувствовать, что предъ симъ она находилась подъ вліяніемъ качествъ противуположныхъ, предводимыхъ тщеславіемъ.

— Я не стану колебаться, мистеръ Рейборнъ. Надѣюсь, вы не будете обо мнѣ дурнаго мнѣнія, за то что я сколько-ни-

будь колебалась. За себя и за Дженни... Позволишь мнѣ отвѣчать за тебя, милая Дженни?

Маленькое созданіе внимало, прислонясь спиной, опершись локтями на локотники кресла и подбородкомъ на руки. Не перемѣнивъ положенія, она сказала: „Да!“ такъ внезапно, какъ будто отрѣзала, а не выговорила это односложное слово.

— За себя и за Дженни съ благодарностью принимаю ваше доброе предложеніе.

— Рѣшено и кончено! сказалъ Евгеній, подавая Лизѣ руку, предварительно слегка махнувъ ей, какъ будто отмахнувъ прочь все дѣло.—Надѣюсь, впередъ не будете дѣлать изъ мухи слона.

Тутъ онъ принялся шутливо болтать съ Дженни Ренъ.

— Я хочу завести себѣ куклу, миссъ Дженни, сказалъ онъ.

— Лучше бы вамъ этого не дѣлать, возразила швея.

— Отчего же такъ?

— Вы навѣрно сломаете ее. Вы, дѣти, всѣ такъ дѣлаете.

— А знаете, отъ этого польза вашему ремеслу, миссъ Ренъ, отвѣтилъ Евгеній.—Такъ точно ломка обѣщаній, контрактовъ, условій всякаго рода обращается въ пользу моему ремеслу.

— Ничего этого я не знаю, возразила миссъ Ренъ,—а лучше бы вамъ заказать перочистку, да прилежнѣе дѣлами своими заниматься, и перечисткой перья обтирать.

— Ну, еслибы всѣ мы были такими прилежными какъ вы, хлопотунья, и принимались бы за работу какъ только могли бы ползать, такъ отъ этого вамъ же было бы вредно.

— Вы хотите сказать, отвѣтило крошечное созданіе, съ краской, выступившею на лицѣ: — вредно для спины и ногъ?

— Нѣтъ же, нѣтъ, сказалъ Евгеній, возмутившійся, надо отдать ему справедливость, при одной мысли о шуткѣ надъ ея калѣчествомъ: — вредно для вашего ремесла, для ремесла вашего вредно. Еслибы мы всѣ садились за работу, какъ только могли бы дѣйствовать руками, тогда прощай кукольныя швеи.

— Пожалуй, что и такъ, возразила миссъ Ренъ,— и у васъ, дѣти, иногда бываетъ кое-что похожее на мысль. — Потомъ вдругъ она перемѣнила тонъ. — Говоря о мысляхъ, Лиза (онѣ сидѣли рядомъ, какъ прежде), я удивляюсь отчего это, когда я тутъ работаю, работаю совершенно одна, въ лѣтнее время, я слышу запахъ цвѣтовъ?

— Да просто я думаю, вяло сказалъ Евгеній (ему надоѣла

уже хозяйка дома), — вы слышите запахъ цвѣтовъ, потому что слышите.

— Нѣтъ, сказало маленькое созданіе, оперевъ одну руку на ручку кресла, а подбородокъ на эту руку, и безцѣльно глядя впередъ:—тутъ нѣтъ по сосѣдству цвѣтовъ. Все что угодно, только не то. И однакожь, сидя за работой, я слышу цѣлыя поля цвѣтовъ. Я слышу запахъ розъ, такъ что, кажется, будто вижу на полу цѣлыя кучи розовыхъ лепестковъ.

— Пріятно имѣть такія мечты, милая Дженни, сказала ея пріятельница, взглянувъ на Евгенія, какъ будто спрашивая, не даны ли онѣ малюткѣ въ вознагражденіе.

— Я такъ и думаю. А птички что я слышу! О! вскрикнуло маленькое созданіе, протягивая руку и взглядывая вверхъ: — какъ онѣ поютъ!

Мгновенно, въ ея лицѣ и тѣлодвиженіи, появилось нѣчто истинно-прекрасное, нѣчто вдохновенное; но тотчасъ же подбородокъ задумчиво опустился на руку.

— Мои птицы поютъ лучше другихъ, и цвѣты мои лучше другихъ пахнутъ. Когда я была еще маленькимъ ребенкомъ (это было сказано такимъ тономъ, будто это было цѣлыя столѣтія тому назадъ), тѣ дѣти, которыхъ я видала по утрамъ, очень отличались отъ всѣхъ другихъ. Они не были похожи на меня. Они не зябли, не тревожились, не были оборваны, не были избиты; они никогда не страдали. Они не были похожи на сосѣдскихъ дѣтей. Они никогда не пугали меня пронзительнымъ крикомъ, никогда не насмѣхались надо мною. И сколько ихъ было! Всѣ въ бѣломъ, съ чѣмъ-то свѣтлымъ по краямъ одежды и на головѣ, чего я никогда не могла поддѣлать въ работѣ, хотя ужь такъ хорошо знаю это. Они спускались длинными свѣтлыми, покатистыми рядами, и говорили всѣ разомъ: „кто это страдаетъ! кто страдаетъ?“ А когда я говорила кто, они отвѣчали: „Пойдемъ, поиграемъ.“ Тутъ я говорила: „я никогда не играю! Я не могу играть!“ И они вились вокругъ меня, подхватывали меня, и мнѣ становилось легко. Какъ мнѣ было хорошо и покойно, пока они не спускали меня, говоря всѣ разомъ: „Потерпи, мы опять придемъ.“ Когда бы они ни появлялись, я обыкновенно узнавала что они близко, еще не видя длинныхъ лучистыхъ рядовъ, но ужь издали слыша какъ они спрашивали всѣ разомъ: „Кто тутъ страдаетъ? Кто страдаетъ?“Я бывало вскрикну: „Ахъ, милые, милые! это

я несчастная! сжальтесь надо мною. Возьмите меня, облегчите меня!“

Постепенно вдаваясь въ воспоминанія, она подняла руку, восторженный взоръ заблисталъ снова, и она стала вполнѣ прекрасною. Остановясь на мгновеніе, замолчавъ, прислушавшись съ улыбкою въ лицѣ, она оглядѣлась и пришла въ себя.

— Какою жалкою дурочкой вы меня считаете, не правда ли мистеръ Рейборнъ? Не даромъ я вамъ такъ надоѣла; ужь я это вижу; но сегодня суббота, и я не задерживаю васъ.

— То-есть, замѣтилъ Евгеній, вполнѣ готовый воспользоваться намекомъ,—вы хотите, чтобъ я ушелъ, миссъ Ренъ?

— Ну да, сегодня суббота, отвѣчала она,—дитя мое придетъ домой. А мое дитя безпокойное, злое дитя. Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы вы видѣли моего ребенка.

— Куклу? сказалъ Евгеній, не понимая и ожидая объясненія.

Но едва Лиза почти однѣми губами шевельнула два слова: „отецъ ея“,—онъ уже не медлилъ, и тотчасъ же распрощался. На углу улицы онъ остановился закурить другую сигару и можетъ-быть, задать себѣ вопросъ о томъ что̀ такое онъ дѣлаетъ. Если такъ, то отвѣтъ долженъ былъ выйдти самый неопредѣленный и смутный. Кто же знаетъ что̀ онъ дѣлаетъ, если самъ онъ не заботится о томъ что̀ дѣлаетъ!

Когда онъ поворачивалъ за уголъ, на него наткнулся человѣкъ, пробормотавшій извиненіе. Поглядѣвъ ему въ слѣдъ, Евгеній замѣтилъ, что тотъ пошелъ къ двери, изъ которой самъ онъ только-что вышелъ.

Какъ только человѣкъ ввалился въ комнату, Лиза встала и хотѣла уйдти.

— Не уходите, миссъ Гексамъ, почтительно сказалъ тотъ, растягивая слова и съ трудомъ выговаривая.—Не бѣгите несчастнаго человѣка съ разбитымъ здоровьемъ. Удостойте бѣднаго больнаго вашею компаніей. Это—это не пристанетъ.

Лиза пробормотала, что у нея есть кое-какое дѣло въ своей комнатѣ, и пошла наверхъ.

— Какъ поживаетъ моя Дженни? робко сказалъ человѣкъ:—какъ поживаетъ моя Дженни Ренъ, лучшее изъ дѣтей, предметъ нѣжнѣйшей привязанности разбитаго духомъ больнаго?

На это хозяйка дома, въ повелительной позѣ вытянувъ

руку, возразила съ безотвѣтственною ѣдкостью: — Иди, иди въ свой уголъ! Сейчасъ же иди въ свой уголъ!

Несчастное позорище будто собиралось предъявить возраженіе, но не осмѣливаясь противиться хозяйкѣ дома, одумалось, пошло и сѣло на особый позорный стулъ.

— О-о-о! крикнула хозяйка дома, уставясь на него пальчикомъ:—старый! О-о-о! Злой! Что̀ это такое?

Дрожащая фигура, разслабленная и разрушавшаяся съ головы до ногъ, протянула обѣ руки, будто открывая переговоры о мирѣ. Постыдныя слезы наполнили глаза и залили красныя пятна на щекахъ. Раздутая свинцоваго цвѣта нижняя губа затряслась съ плаксивымъ звукомъ. Вся невзрачная развалина, съ истоптанныхъ башмаковъ до преждевременно посѣдѣвшихъ рѣдкихъ волосъ, съежилась, — не отъ сознанія, достойнаго назваться сознаніемъ, этой ужасной перемѣны ролями, но жалко моля объ освобожденіи отъ выговора.

— Я знаю всѣ эти плутни и ухватки! кричала Дженни. — Я знаю гдѣ ты былъ! (Для этого открытія, впрочемъ, не требовалось проницательности.) О! противная, старая бочка!

Самое дыханіе этой фигуры было отвратительно, такъ какъ она совершала эту операцію съ усиліемъ и хрипомъ, будто попорченные часы.

— Рабъ, рабъ, рабъ съ утра до ночи, продолжала хозяйка дома, — и все для этого! Что̀ это такое?

Въ этомъ грозномъ *что̀* было нѣчто странно пугавшее это существо. Еще прежде чѣмъ она произносила это грозное слово, онъ уже предусматривалъ его, и съеживался до крайняго предѣла.

— Зачѣмъ тебя не схватили да не заперли? сказала хозяйка дома.—Въ темную яму бы запрятать, чтобы крысы съ пауками да тараканами бѣгали по тѣлу. Я знаю ихъ плутни и ухватки: они славно возудили бы тебя. Не стыдно ли вамъ самихъ себя?

— Да, дружокъ, пробормоталъ отецъ.

— Ну, сказала хозяйка дома, уничтожая его величественнымъ сосредоточеніемъ силы духа, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ сильному слову: *что̀* это такое?

— Обстоятельства, отъ меня не зависящія, оговорилось жалкое существо въ оправданіе себѣ.

— Я васъ пообстоятельствую, я вамъ покажу зависимость,

передразнила хозяйка дома съ необыкновенною энергіей:—поговорите еще у меня. Я васъ отдамъ въ полицію и заставлю оштрафовать на пять шиллинговъ; вы не можете заплатить, а я не заплачу за васъ денегъ, и васъ сошлютъ на всю жизнь. Какъ вамъ нравится ссылка на всю жизнь?

— Не нравится. Бѣдный, разбитый, больной! Не долго ужь мнѣ обременять, кричало несчастное существо.

— Ну-ка, ну! сказала хозяйка дома, ударяя по стулу съ озабоченнымъ видомъ, и качая головою и подбородкомъ. — Вы знаете что̀ надо дѣлать: выкладывайте ваши деньги сію минуту.

Послушное существо стало шарить въ карманахъ.

— Вѣрно промоталъ цѣлое состояніе изъ своего заработка, сказала хозяйка дома — Выкладывайте сюда! Все что̀ есть! Все до копѣйки!

Сколько хлопотъ собирать эти копѣйки по карманамъ похожимъ на уши лягавыхъ собакъ: ищешь ихъ въ этомъ карманѣ, и не находишь; не ждешь ихъ въ томъ, и минуешь; не находишь никакого кармана тамъ, гдѣ бы долженъ быть карманъ.

— Все ли это? спросила хозяйка дома, когда безпорядочная куча пенсовъ и шиллинговъ легла на столъ.

— Больше нѣту, было покаяннымъ отвѣтомъ съ утвердительнымъ кивкомъ головы.

— Посмотримъ. Ну, вы знаете что̀ надо дѣлать. Выворачивайте карманы на изнанку! крикнула хозяйка дома.

Онъ повиновался. И еслибы что-нибудь могло выказать его еще болѣе презрѣннымъ и болѣе жалко-смѣшнымъ чѣмъ прежде, такъ это такая выставка своей особы.

— Тутъ только семь шиллинговъ да восемь съ половиною пенсовъ, воскликнула миссъ Дженни, приведя кучу въ порядокъ.—У, старый, блудный сынъ! Съ голоду умрете...

— Нѣтъ, не мори меня, просилъ онъ, жалобно хныкая.

— Еслибы съ вами поступать какъ слѣдуетъ, сказала Дженни:—васъ бы надо кормить спичками съ кошачьею говядиной, * еще пожалуй однѣми спичками, когда кошки поѣли бы ужь говядину. Ну, пора спать!

* Въ Лондонѣ, по дороговизнѣ мяса, кошекъ кормятъ особенною, плохою говядиной изъ падали и т. п., продаваемою по порціямъ на спичкахъ уличными разнощиками. Еще издали, заслышавъ крикъ ихъ, кошки выбѣгаютъ на крыльцо и мурлычатъ. Замѣчательно, что онѣ предпочитаютъ это мясо обыкновенному.

Когда онъ шатнулся изъ угла, повинуясь ей, то опять протянулъ обѣ руки и промычалъ: — Обстоятельства, независящія... отъ власти...

— Да ступайте же спать, обрѣзала миссъ Ренъ,—не говорите со мной. Не прошу. Ступайте спать сію же минуту.

Видя впереди новое грозное *что*, онъ избѣгъ его повиновеніемъ, и слышно было, какъ онъ тяжело поднимался по лѣстницѣ, какъ онъ заперъ свою дверь и кинулся на постель. Немного спустя сошла Лиза.

— Что же, милая Дженни, будемъ ужинать?

— Ахъ! Господи спаси насъ и помилуй! Надо чѣмъ-нибудь на ногахъ себя поддержать, отвѣтила Дженни, пожимая плечами.

Лиза послала скатерть на скамеечку (болѣе сподручную хозяйкѣ дома чѣмъ обыкновенный столъ), поставила простое кушанье, какое обыкновенно бывало у нихъ, и придвинула къ себѣ скамейку.

— Вотъ и ужинъ! О чемъ же ты думаешь, милая Дженни?

— Я думала, отвѣтила она, выходя изъ глубокой задумчивости,—что бы я сдѣлала съ *нимъ*, еслибъ онъ сталъ пьяницею?

— О, *онъ* не станетъ пьяницей! сказала Лиза:—ты заранѣе позаботишься объ этомъ.

— Я заранѣе позабочусь объ этомъ, но онъ можетъ надуть меня. Ахъ, дружокъ, всѣ эти господа съ ихъ плутнями и ухватками такъ надуваютъ насъ! (Маленькій кулачокъ въ полномъ дѣйствіи.) А если такъ, я скажу тебѣ что бы я сдѣлала. Когда бъ онъ заснулъ, я раскалила бы ложку до красна, у меня былъ бы какой-нибудь кипятокъ изъ кострюльки, я взяла бы его, пока шипитъ, а другою рукой открыла бы ему ротъ,—а можетъ-быть онъ спалъ бы еще съ разинутымъ ртомъ,—и вылила бы ему въ глотку, вспузырила бы и задушила бы его.

— Я увѣрена, что ты не сдѣлала бы такой ужасной вещи, сказала Лиза.

— Не сдѣлала бы? Хорошо. Можетъ-быть и не сдѣлала бы. А желаніе было бы!

— Я увѣрена, что и желанія такого не было бы.

— Даже и желанія не было бы? Ну, тебѣ лучше знать. Только ты не жила съ ними цѣлый вѣкъ какъ я жила, и спина у тебя не болитъ, и ноги не отнялись.

Въ продолженіе ужина, Лиза старалась привести ее въ

прежнее лучшее состояніе духа. Но очарованіе исчезло. Хозяйка дома была хозяйкой дома, позорнаго, съ комнатою на верху, гдѣ презрѣнное существо отравляло и даже скверняло невинный сонъ своею скотскою чувственностью. Кукольная швея стала маленькою, старообразною ворчуньей. Въ мірѣ жить, мірское творить.

Бѣдная кукольная швея! Сколько разъ роняли ее тѣ самыя руки, которымъ надо было бы поднимать ее! Сколько разъ заводили ее въ трущобу, когда она нуждалась въ проводникѣ! Бѣдная крошка, бѣдная кукольная швея!

III. Хлопотливое дѣло.

Британія, въ одинъ прекрасный день, сидючи-размышлячи (можетъ-быть въ той самой позѣ, какъ изображается на мѣдныхъ монетахъ), внезапно находитъ, что ей нужно въ парламентъ Веніринга. Ей мнится, что Венірингъ есть „представительный человѣкъ“,—въ чемъ нѣтъ никакого сомнѣнія въ наше время,—и преданная Ея Величеству палата общинъ не полна безъ него; вотъ и внушаетъ Британія знакомому ей законовѣду, что если Венірингъ внесетъ пять тысячъ фунтовъ, то можетъ подписывать за своимъ именемъ пару заглавныхъ буквъ по необыкновенно дешевой цѣнѣ, въ двѣ тысячи пять сотъ за букву. * Между Британіей и законовѣдомъ вполнѣ подразумѣвается, что никто не возьметъ этихъ пяти тысячъ фунтовъ, но, будучи положены, они исчезнутъ сами собой силою колдовства.

Законовѣдъ, облеченный довѣріемъ Британіи, прямо отъ этой дамы пріѣзжаетъ къ Венірингу, и передаетъ порученіе. Венірингъ объявляетъ себя высоко-польщеннымъ, но проситъ дать ему время вздохнуть и увѣриться, сомкнутся ли вокругъ него друзья; важнѣе всего, говоритъ онъ, при такихъ важныхъ обстоятельствахъ увѣриться, сомкнутся ли вокругъ него друзья. Законовѣдъ въ интересѣ своего кліента не можетъ назначить ему большой отсрочки, такъ какъ Британія знакома съ кѣмъ-то готовымъ пожертвовать шесть тысячъ фунтовъ; но соглашается дать Венірингу четыре часа времени.

---

* Эти буквы суть M. P., *Membrum Parliamenti*, то-есть Членъ Парламента.

Тутъ Венирингъ говоритъ своей старухѣ: „надо хлопотать,“ и бросается въ Гансомовскій кябъ. * Мистрисъ Венирингъ въ ту же минуту вручаетъ ребенка кормилицѣ, прижимаетъ орлиныя руки ко лбу, чтобы привести въ порядокъ трепещущій умъ, велитъ готовить карету и твердитъ разсѣянно и преданно, подобно Офеліи смѣшанной съ какою-либо самоотверженною женой древности: „надо хлопотать.“

Венирингъ, приказавъ кучеру ринуться на уличную публику подобно лейбъ-гвардіи при Ватерлоо, бѣшено мчится въ Дюкстритъ, Сентъ-Джемсъ. Тамъ находитъ онъ Твемло на его квартирѣ, еще тепленькаго отъ рукъ тайнаго художника, который что-то дѣлалъ съ его волосами при помощи яичнаго желтка. Такъ какъ процессъ требуетъ, чтобы Твемло часа два послѣ операціи далъ волосамъ поторчать дыбомъ и постепенно высохнуть, то онъ находится въ состояніи весьма приличномъ для пріема поражающихъ извѣстій, и одинаково походитъ на монументъ на Фиш-Стрит-Гиллѣ ** и на царя Пріама при нѣкоторомъ пожарѣ, извѣстномъ какъ лучшее мѣсто изъ классиковъ.

— Любезный Твемло, говоритъ Венирингъ, захватывая у него обѣ руки,—будучи самымъ дорогимъ и стариннымъ другомъ моимъ (стало-быть теперь уже нечего сомнѣваться, думаетъ Твемло: это я!), полагаете ли вы, что двоюродный братъ вашъ лордъ Снигсвортъ согласится подписаться членомъ моего избирательнаго комитета? Я не простираю просьбы до самой особы его лордства. Я прошу только его имени... Дастъ онъ свое имя, какъ вы думаете?

Внезапно обезкураженный, Твемло возражаетъ:—Не думаю.

— Мои политическія убѣжденія, говоритъ Венирингъ, не справясь предварительно, есть ли еще они у него,—одинаковы съ убѣжденіями лорда Снигсворта, и можетъ-быть въ уваженіе общественныхъ чувствъ и общественныхъ принциповъ, лордъ Снигсвортъ дастъ мнѣ свое имя.

— Можетъ-быть, говоритъ Твемло, и въ отчаяніи чешетъ себѣ голову, забывъ объ яичномъ желткѣ и еще болѣе смущается, почувствовавъ, какъ волосы липки.

— Съ такимъ старымъ, закадычнымъ другомъ, какъ мы съ

* Двухмѣстный извощичій экипажъ, съ кучеромъ позади. *Гансомъ*—имя изобрѣтателя

** Въ память пожара 1666 г., съ развѣвающимся пламенемъ на колоннѣ.

вами, продолжаетъ Венирингъ, — нечего чиниться въ такомъ случаѣ. Обѣщайте мнѣ, если я попрошу васъ сдѣлать для меня что-нибудь такое, что если вамъ непріятно будетъ исполнить, или представится хотя малѣйшее затрудненіе въ исполненіи, вы прямо такъ и скажите.

Твемло такъ любезенъ, что тотчасъ же обѣщаетъ съ видомъ чистосердечнаго намѣренія сдержать слово.

— Можетъ-быть вы не откажетесь, если я попрошу васъ написать въ Снигсвортскій паркъ и испросить этой милости у лорда Снигсворта? Въ послѣдствіи, если это будетъ улажено, я буду помнить, что обязанъ этимъ единственно вамъ, между тѣмъ какъ вы представите это лорду Снигсворту единственно на общественномъ основаніи. Не можете ли вы сдѣлать это для меня?

Твемло подноситъ руку ко лбу и говоритъ:—Вы требовали у меня обѣщанія?

— Да, любезный Твемло.

— И ждете добросовѣстнаго исполненія?

— Точно такъ, любезный Твемло.

— Вообще, замѣтьте, произноситъ Твемло такъ отчетливо, какъ будто еслибъ оно было не вообще, а отчасти, то онъ сейчасъ же исполнилъ бы просьбу:—вообще я прошу уволить меня отъ письменныхъ сношеній съ лордомъ Снигсвортомъ.

— Благодарю, благодарю васъ. Господь благослови васъ, говоритъ Венирингъ, сильно обманувшійся въ надеждѣ, но все-таки хватая обѣ руки его съ особеннымъ рвеніемъ.

Нечему удивляться, если бѣдный Твемло уклоняется отъ наказанія письмомъ своего благороднаго двоюроднаго брата (подагрическаго характера), такъ какъ его благородный братъ удѣляющій ему небольшую пенсію, которою онъ живетъ, взамѣнъ того поступаетъ съ нимъ, какъ говорится, очень круто, подвергая его, во время посѣщеній Снигсвортскаго помѣстья, въ нѣкоторомъ родѣ военному положенію, заставляя его вѣшать шляпу на особый гвоздь, сидѣть на особомъ стулѣ, говорить объ особыхъ предметахъ съ особыми людьми, и исполнять особыя упражненія, какъ-то: восхвалять достоинства фамильныхъ холстовъ (чтобы не сказать портретовъ), и воздерживаться отъ избранныхъ фамильныхъ винъ, если только не будетъ особенно приглашенъ къ участію въ нихъ.

— Впрочемъ, одно я *могу* сдѣлать для васъ, говоритъ Твемло:—это похлопотать за васъ.

Веирингъ снова благословляетъ его.

— Вотъ я въ клубъ отправлюсь, говоритъ Твемло, вдохновляясь съ необычайною поспѣшностью;—посмотримъ, который часъ?

— Безъ двадцати минутъ одиннадцать.

— Я буду, говоритъ Твемло,—въ клубѣ безъ десяти въ двѣнадцать, и не выйду оттуда цѣлый день.

Венирингъ чувствуетъ, что друзья его смыкаются вокругъ него, и говоритъ:—Благодарю васъ, благодарю васъ. Я зналъ что на васъ можно положиться. Я сказалъ Анастасіи, выѣзжая изъ дому, прямо къ вамъ: вы первый другъ, котораго я вижу въ такую достопамятную для меня минуту, любезный Твемло; — я сказалъ Анастасіи: надо хлопотать.

— Правда ваша, правда ваша, отвѣчаетъ Твемло.—Скажите, хлопочетъ ли *она-то?*

— Хлопочетъ, говоритъ Венирингъ.

— Хорошо! восклицаетъ Твемло, этотъ вѣжливый, маленькій джентльменъ. — У женщинъ тактъ неоцѣненный. Если прекрасный полъ за насъ, значитъ все за насъ.

— Но вы еще не сообщили мнѣ, замѣчаетъ Венирингъ,— что вы думаете о моемъ вступленіи въ палату общинъ?

— Я думаю, прибавляетъ Твемло съ чувствомъ,—что это наилучшій въ Лондонѣ клубъ.

Венирингъ снова благословляетъ его, ныряетъ съ лѣстницы, бросается въ свой гансомъ, приказываетъ кучеру кинуться на британскую публику и ринуться въ Сити.

Между тѣмъ Твемло, съ возрастающими порывами духа, приглаживаетъ волосы какъ только можетъ получше, то-есть не совсѣмъ хорошо, потому что послѣ клейкой накладки они топырются, а поверхность ихъ похожа на пирожное, и спѣшитъ въ клубъ къ назначенному времени. Въ клубѣ онъ проворно завладѣваетъ большимъ окномъ, письменными снарядами и газетами, и устраивается такъ чтобы вся улица Пелъ-Мелъ почтительно созерцала его. Иногда, если кто-нибудь, войдя, кивнетъ ему головой, Твемло скажетъ: „знаете Веиринга?“ Тотъ скажетъ: „нѣтъ; членъ клуба?“ Твемло скажетъ: „да, вступаетъ въ палату членомъ за Покетъ-Бричезъ.“ Тотъ скажетъ: „а! денегъ что ли

ему некуда дѣвать!“ Зѣвнетъ и исчезнетъ къ шести часамъ пополудни. Твемло начинаетъ убѣждаться, что онъ положительно измученъ работой, и считаетъ весьма достойнымъ сожалѣнія, что онъ не по-профессіи избирательный агентъ.

Отъ Твемло Венирингъ мчится въ контору Подснапа, застаетъ Подснапа читающимъ газеты стоя и наклоннымъ ораторствовать по поводу удивительнаго открытія, что Италія вовсе не Англія. Почтительно испрашиваетъ Подснаповскаго извиненія въ томъ, что прерываетъ потокъ мудрыхъ рѣчей и увѣдомляетъ его, откуда вѣтеръ дуетъ. Говоритъ Подснапу, что политическія мнѣнія ихъ одни и тѣ же. Даетъ понять Подснапу, что Венирингъ составилъ свои политическія убѣжденія, сидя у ногъ Подснапа. Сильно желаетъ знать, примкнетъ ли къ нему Подснапъ. Подснапъ говоритъ съ нѣкоторою строгостью.

— Прежде всего, Венирингъ, скажите: совѣта моего вы желаете?

Венирингъ бормочетъ: — какъ старый и дорогой другъ....

— Да, да, все это хорошо, говоритъ Подснапъ: — но вы рѣшились принять это мѣстечко Покетъ - Бричезъ, или вы просите моего мнѣнія, принять ли вамъ его или нѣтъ?

Венирингъ повторяетъ, что сердце его ждетъ и душа жаждетъ, чтобы Подснапъ примкнулъ къ нему....

— Ну, такъ я пойду съ вами на чистоту, Венирингъ, говоритъ Подснапъ, сдвигая брови:—вы можете заключить, что я не забочусь о парламентѣ изъ того факта, что меня тамъ нѣтъ?

Конечно, Венирингу это извѣстно! Конечно, Венирингъ знаетъ, что еслибы Подснапъ пожелалъ только вступить туда, онъ былъ бы тамъ какъ разъ!

— Меня парламентъ нисколько не интересуетъ, продолжаетъ Подснапъ, значительно смягчаясь:—быть въ немъ или не быть, это ровно ничего не значитъ для моего положенія. Но я не хочу мѣшаться въ дѣла людей, находящихся не въ одинаковомъ со мною положеніи. *Вы* думаете, что вамъ нужно тратить время и что это важно для вашего положенія,—такъ что ли?

Все-таки полагая что Подснапъ примкнетъ къ нему, Венирингъ полагаетъ что это такъ.

— Стало-быть вы не просите моего совѣта, говоритъ Под-

снапъ:—хорошо! Такъ я вамъ и не буду давать его. Но вы просите моей помощи. Хорошо, я буду за васъ хлопотать.

Венирингъ мгновенно благословляетъ его и увѣдомляетъ, что Твемло уже хлопочетъ. Подснапу не совсѣмъ нравится, что кто-нибудь уже хлопочетъ; онъ находитъ это нѣсколько не позволительнымъ, но допускаетъ Твемло, и говоритъ, что эта старушка, съ хорошими связями, не повредитъ дѣлу.

— У меня нѣтъ никакихъ особенныхъ дѣлъ сегодня, прибавляетъ Подснапъ,—и я повидаюсь кое съ кѣмъ изъ вліятельныхъ. Я былъ приглашенъ сегодня на обѣдъ, но пошлю мистрисъ Подснапъ, а самъ отдѣлаюсь и буду обѣдать съ вами въ восемь. Весьма важно узнать, какъ подвигается дѣло и сравнить извѣстія. Посмотримъ. Вамъ надо пару дѣятельныхъ энергическихъ господъ, съ джентльменскими манерами, для разъѣзда.

Венирингъ, поразмысливъ, вспоминаетъ о Бутсѣ и Бруэрѣ.

— Съ которыми я встрѣчался у васъ въ домѣ? говоритъ Подснапъ.—Да. Они очень годятся. Пускай каждый изъ нихъ возьметъ кэбъ и разъѣзжаетъ.

Венирингъ немедленно упоминаетъ о блаженствѣ, которое онъ испытываетъ, обладая другомъ, способнымъ къ такимъ великимъ административнымъ внушеніямъ, и дѣйствительно восторгается разъѣздами Бутса и Бруэра, какъ идеей, имѣющею характеръ избирательной агитаціи и отчаянно похожею на серіозное должностное дѣло. Оставивъ Подснапа, онъ на всѣхъ рысяхъ налетаетъ на Бутса и Бруэра, которые съ восторгомъ примыкаютъ къ нему, и стремительно разъѣзжаются въ кэбахъ въ противуположныхъ направленіяхъ. Тутъ Венирингъ снова ѣдетъ къ законовѣду, облеченному довѣріемъ Британіи, и улаживаетъ съ нимъ кое-какія дѣла деликатнаго свойства, и составляетъ адресъ къ независимымъ избирателямъ Покетъ-Бричеза, возвѣщающій о его приходѣ къ нимъ за голосами, тому подобно какъ морякъ возвращается на пепелище своей ранней юности: фраза ничуть не теряющая цѣны, отъ того что онъ ни разу въ жизнь свою не бывалъ близь этого мѣстечка и даже теперь не совсѣмъ вѣрно знаетъ гдѣ оно находится.

Мистрисъ Венирингъ, въ продолженіе сихъ часовъ, полныхъ событій, также не лѣнится. Только-что карета подъѣзжаетъ, какъ она въѣзжаетъ въ нее и отдаетъ

приказъ „къ леди Типпинсъ". Эта очаровательница живетъ въ Белгревскихъ краяхъ, надъ корсетницей, съ моделью замѣчательной красавицы, въ естественный ростъ, на окнѣ перваго этажа, въ голубой юбкѣ съ корсетнымъ снуркомъ въ рукѣ, въ невинномъ удивленіи глядящей себѣ черезъ плечо на городъ. Да и есть чему подивиться, когда одѣваешься при такихъ обстоятельствахъ?

Дома леди Типпинсъ? Леди Типпинсъ дома, въ темненькой комнатѣ; ея спина (подобно красавицѣ въ окнѣ перваго этажа, хотя и по другой причинѣ) лукаво заслонила свѣтъ. Леди Типпинсъ такъ удивлена, видя дорогую мистрисъ Венирингъ въ такую рань, среди ночи, какъ выражается эта милашка, что рѣсницы ея такъ и поднимаются подъ вліяніемъ этого ощущенія.

Мистрисъ Венирингъ безсвязно сообщаетъ ей, какъ Вениринга предложили за Покетъ-Бричезъ, какъ настало время сомкнуться вкругъ него, какъ Венирингъ сказалъ: „Надо хлопотать;" какъ она, жена и мать, явилась просить леди Типпинсъ похлопотать; какъ ея карета въ распоряженіи леди Типпинсъ для хлопотъ; какъ она, владѣтельница сказаннаго, съ иголочки новаго, изящнаго экипажа, вернется домой на своихъ-на-двоихъ, даже окровавленныхъ, если надо хлопотать (не опредѣляя какъ) хотя бы до тѣхъ поръ, пока не свалится у люльки своего ребенка.

— Успокойтесь, моя милая, говоритъ леди Типпинсъ,—мы введемъ его.

Леди Типпинсъ дѣйствительно хлопочетъ, да и лошадямъ Венирынговъ достается. Она гремитъ по городу цѣлый день, взывая ко всѣмъ знакомымъ, выказывая въ лучшемъ видѣ свою способность *занимать* и зеленый вѣеръ, которымъ она помахиваетъ. Душа моя, какъ вы думаете? За кого вы меня принимаете? Не угадать вамъ. Я представляю собой избирательнаго агента. За какое мѣсто изъ всѣхъ на свѣтѣ? За Покетъ-Бричезъ. Почему? Потому что дражайшій другъ, какой только есть у меня въ цѣломъ свѣтѣ, пріобрѣлъ его. Кто этотъ дражайшій другъ въ цѣломъ свѣтѣ? Человѣкъ, именуемый Венирингомъ. Не забудьте жены его, другаго дражайшаго друга въ цѣломъ свѣтѣ; кромѣ того положительно объявляю вамъ, что забыла о ребенкѣ, что̀ составитъ третьяго. И вотъ мы всѣ играемъ въ этомъ водевилѣ для сохраненія приличій, не забавно ли это? Теперь, без-

цѣнное дитя, штука въ томъ, что никто не знаетъ этихъ Венирингевъ, и они никого не знаютъ, что у нихъ домъ изъ волшебной повѣсти, а обѣды какъ въ арабскихъ сказкахъ. Не интересно ли это посмотрѣть? Скажите, что вы познакомитесь. Поѣдемте къ нимъ обѣдать. Они вамъ не надоѣдятъ. Скажите, съ кѣмъ вы желаете быть? Мы составимъ свою партію, а я распоряжусь такъ, что они ни на минуту не заговорятъ съ вами. Право, надо вамъ взглянуть на ихъ золотыхъ и серебряныхъ верблюдовъ. Я называю обѣденный столъ караваномъ. Пріѣзжайте обѣдать къ моимъ Венирингамъ, моимъ собственнымъ Венирингамъ, моей исключительной собственности, дражайшимъ друзьямъ въ цѣломъ свѣтѣ; а главное, обѣщайте мнѣ навѣрное вашъ голосъ и участіе, и всѣ голоса за Покетъ-Бричезъ; потому что мы не можемъ и думать сдѣлать это за деньги, моя милая, мы можемъ только согласиться на вступленіе по просьбѣ этихъ неподкупныхъ обывателей мѣстечка Покетъ-Бричезъ?

Однако точка зрѣнія очаровательной Типпинсъ, что эти хлопоты дѣлаются для сохраненія приличій, отчасти, но не вполнѣ справедлива.

Гораздо больше сдѣлается или будетъ считаться сдѣланнымъ,—что̀ почти одно и то же,—взятіемъ кябовъ и разъѣздами, чѣмъ полагаетъ очаровательная Типпинсъ. Много великихъ смутныхъ репутацій было составлено единственно наймомъ кябовъ и разъѣздами. Преимущественно же достигаютъ этого въ парламентскихъ дѣлахъ. Будетъ ли очередное дѣло въ томъ, чтобы ввести человѣка или вытѣснить человѣка, или уговорить человѣка, или поощрить желѣзную дорогу, или подорвать желѣзную дорогу, или что̀ бы то ни было, и ничто не считается столь дѣйствительнымъ, какъ скачка Богъ вѣсть куда со всѣхъ ногъ — короче наемъ кябовъ и разъѣзды. Вѣроятно, потому что эта причина носится въ воздухѣ. Твемло далеко не единственный человѣкъ, убѣжденный въ томъ что работаетъ какъ Траянъ, оставленъ позади Подснапомъ, который въ свою очередь оставленъ позади Бутсомъ и Бруэромъ. Въ восемь часовъ, когда всѣ эти труженики собрались у Венирингевъ обѣдать, порѣшено, чтобы кябы Бутса и Бруэра не отлучались, чтобъ изъ ближайшей конюшни * были принесены ведра съ водой и тутъ же на мѣстѣ

* Въ Лондонѣ бо̀льшая часть домовъ не имѣетъ особенныхъ конюшенъ, а устраивается одна общественная на цѣлый кварталъ и болѣе.

вылиты на ноги лошадямъ, на случай еслибы Бутсу и Бруэру пришлось мгновенно сѣсть и уѣхать. Эти летучіе вѣстники приказываютъ Аналитику поглядѣть, чтобы шляпы ихъ были положены такъ, чтобъ ихъ можно было найдти по первому требованію; они обѣдаютъ (впрочемъ замѣчательно плотно) съ видомъ команды у трубы, ожидающей извѣстія объ ужасающемъ пожарѣ.

При началѣ обѣда, мистрисъ Венирингъ едва внятно замѣчаетъ, что не перенесетъ еще нѣсколькихъ такихъ дней.

— Да и всѣ мы не перенесемъ еще нѣсколькихъ такихъ дней, говоритъ Подснапъ:—но ужъ мы введемъ его.

— Мы введемъ его, говоритъ леди Типпинсъ, игриво помахивая зеленымъ вѣеромъ:—многія лѣта Венирингу!

— Мы введемъ его! говоритъ Твемло.

— Мы введемъ его! говорятъ Бутсъ и Бруэръ.

Говоря въ строгомъ смыслѣ, трудно было указать причину, почему бы они не ввели его, такъ какъ въ Покетъ-Бричезѣ оппозиціи не было. Какъ бы то ни было, рѣшено „хлопотать" до конца; а если не будутъ хлопотать, то можетъ случиться нѣчто непредвидѣнное. Точно также рѣшено, что всѣ они такъ измучены хлопотами бывшими, и требуютъ подкрѣпленія для хлопотъ предстоящихъ, что необходимо особенное крѣпительное изъ Венирингова погреба. Поэтому Аналитикъ получаетъ приказъ подать сливокъ своего подвала, наилучшихъ, и вслѣдствіе того слово *сомкнуться* стало камнемъ преткновенія во время бесѣды, и изъ него выходило то *смахнуться*, то *обмакнуться*.

Въ этотъ вдохновляющій мигъ Бруэръ выпускаетъ идею, величайшую идею этого дня. Онъ смотритъ на часы, и говоритъ (подобно Гай-Фоксу *), что теперь отправится въ палату общинъ и посмотритъ, какъ тамъ идутъ дѣла.

— Я похожу часикъ или около того по корридору, говоритъ Бруэръ съ видомъ глубокой таинственности,—и если дѣла идутъ хорошо, то ужъ не вернусь, а закажу кэбъ къ девяти утра.

— Какъ нельзя лучше, говоритъ Подснапъ.

Венирингъ выражаетъ свою неспособность достаточно оцѣнить подобную услугу. Слезы выступаютъ въ нѣжныхъ глазахъ мистрисъ Венирингъ. Бутсъ выказываетъ зависть. Всѣ

* Слуга зачинщиковъ пороховаго заговора.

толпятся у дверей, чтобы видѣть отъѣздъ Бруэра. Бруэръ говоритъ кучеру: хорошо ли освѣжилась лошадь? посматривая на животное съ критическою проницательностью. Кучеръ говоритъ, что она свѣжа какъ масло. „Ну, такъ живѣй“, говоритъ Бруэръ, въ палату общинъ. Кучеръ вскарабкивается, Бруэръ взлѣзаетъ, ему рукоплещутъ при отъѣздѣ, а Подснапъ говоритъ: „попомните мои слова, сэръ. Это человѣкъ со средствами. Этотъ человѣкъ пробьетъ себѣ дорогу въ жизни.“

Когда Венирингу наступаетъ время сказать приличную рѣчь гражданамъ Покетъ-Бричеза, лишь Подснапъ и Твемло сопровождаютъ его по желѣзной дорогѣ до этого уединеннаго мѣстечка. Законовѣдъ уже на станціи Покетъ-Брической вѣтви, въ открытой коляскѣ съ печатною вывѣской: „многія лѣта Венирингу“, прибитой на ней будто на стѣнѣ. И вотъ они торжественно шествуютъ, посреди зубоскальства черни, къ убогой, маленькой городской ратушѣ на костыляхъ, у подножія которой обрѣтается немного луку и башмачныхъ снурковъ, что̀, какъ говоритъ законовѣдъ, есть рынокъ. Изъ окна этого зданія Венирингъ гласитъ внимающей землѣ. Въ ту минуту, какъ онъ снимаетъ шляпу, Подснапъ, согласно уговору съ мистрисъ Венирингъ, телеграфируетъ этой женѣ и матери: „онъ взошелъ.“

Венирингъ путается въ обыкновенныхъ трущобахъ спича, а Подснапъ и Твемло восклицаютъ: „Слушайте! слушайте!“ А повременамъ, когда ему ужь никакъ нельзя выбраться изъ какой-нибудь особенно злосчастной трущобы: „Слу-у-ушайте! слу-у-ушайте!“ Однако Венирингъ особенно отличается въ двухъ пунктахъ, до того хорошихъ, что полагаютъ, будто они подсказаны ему законовѣдомъ, во время короткихъ переговоровъ на лѣстницѣ. Пунктъ первый слѣдующій. Венирингъ устанавливаетъ оригинальное сравненіе межь страной и кораблемъ, именно называя страну кораблемъ, а министра рулевымъ. Намѣреніе Вениринга — повѣдать Покетъ-Бричезу, что другъ его по правую руку (Подснапъ)—человѣкъ съ состояніемъ. Согласно этому, онъ говоритъ: „Итакъ, джентльмены, если борты корабля непрочны и рулевой неопытенъ, станутъ ли эти великіе морскіе страхователи, находящіеся въ рядахъ нашихъ, всему свѣту извѣстные, князья торговли,—станутъ ли они страховать его, джентльмены? Стали ли бы они подвергаться риску? Оказали ли бы довѣріе? Нѣтъ, джентльмены, еслибъ я

сослался на моего друга по правую руку, который самъ счи-
тается однимъ изъ величайшихъ и многоуважаемыхъ людей
этого великаго и многоуважаемаго класса, онъ отвѣчалъ бы:
нѣтъ!“

Второй пунктъ слѣдующій. Надо заявить краснорѣчивый
фактъ, что Твемло состоитъ въ родствѣ съ лордомъ Снигс-
вортомъ. Венирингъ предполагаетъ такое положеніе дѣлъ,
какому, по всему вѣроятію, никогда не представится ни ма-
лѣйшей возможности существовать (хотя это и не положи-
тельно вѣрно, потому что картина эта непонятна и ему
самому, а тѣмъ болѣе другимъ), и затѣмъ продолжаетъ: „Итакъ,
джентльмены, еслибъ я представилъ подобную програму
какому-нибудь классу общества, ее встрѣтили бы насмѣш-
ками, говорю я, съ презрѣніемъ указывали бы на нее паль-
цами. Еслибъ я представилъ подобную програму какому-
нибудь достойному и благоразумному торговцу вашего горо-
да—нѣтъ, я буду говорить опредѣленнѣе, и скажу: нашего го-
рода,—что бы онъ отвѣчалъ? Онъ отвѣчалъ бы: прочь ее!
Вотъ что отвѣчалъ бы онъ, джентльмены. Въ правдивомъ
негодованіи онъ отвѣчалъ бы: прочь ее! Но предположимъ,
что я поднялся бы выше по общественнымъ ступенямъ.
Предположимъ, я взялъ бы подъ руку моего друга по лѣ-
вую руку, и пройдя съ нимъ сквозь родовые лѣса его фа-
миліи, подъ развѣсистыми буками Снигсвортскаго парка, при-
близился бы къ благороднымъ палатамъ, прошелъ бы дворъ,
вошелъ бы въ дверь, поднялся бы по лѣстницѣ, и минуя комна-
ту за комнатой, очутился бы наконецъ въ августѣйшемъ при-
сутствіи близкаго родственника моего друга, лорда Снигсвор-
та. И положимъ, что я сказалъ бы этому именитому графу:
милордъ, я здѣсь предъ вашимъ лордствомъ, вмѣстѣ съ
ближайшимъ родственникомъ вашего лордства (моимъ дру-
гомъ по лѣвую руку), чтобы представить эту програму;
что отвѣтилъ бы его лордство? Онъ отвѣтилъ бы: прочь ее!
Вотъ что отвѣтилъ бы онъ, джентльмены: прочь ее! Безсозна-
тельно повторяя, въ своей высокой сферѣ, точное выраженіе
всякаго достойнаго и благоразумнаго торговца въ нашемъ го-
родкѣ, ближайшій и дорогой родственникъ моего друга по
лѣвую руку отвѣтилъ бы въ гнѣвѣ: прочь ее!“

Венирингъ оканчиваетъ этимъ послѣднимъ успѣхомъ, а
мистеръ Подснапъ телеграфируетъ мистрисъ Венирингъ:
„онъ сошелъ.“

Тутъ обѣдъ въ гостиницѣ съ законовѣдомъ, а тамъ въ

должной послѣдовательности назначеніе и объявленіе. Въ концѣ концовъ мистеръ Подснапъ телеграфируетъ мистрисъ Венирингъ: „мы ввели его.“

Другой великолѣпный обѣдъ ожидаетъ ихъ при возвращеніи въ Венеринговы залы, ожидаетъ ихъ леди Типпинсъ, ожидаютъ Бутсъ и Бруэръ. Тутъ скромные намеки со стороны каждаго на то, что каждый собственноручно ввелъ его. Но большею частію всѣ согласны въ томъ, что продѣлка со стороны Бруэра, который отправился ночью въ палату общинъ поглядѣть какъ тамъ идутъ дѣла, была мастерскою продѣлкой. Этотъ трогательный случай разказывается мистрисъ Венирингъ въ продолженіе цѣлаго вечера. Мистрисъ Венирингъ обыкновенно расположена къ слезамъ, и чувствуетъ необыкновенное расположеніе къ нимъ послѣ недавнихъ волненій. Прежде чѣмъ встать изъ-за стола съ леди Типпинсъ, она говоритъ съ видомъ душевнаго и тѣлеснаго разслабленія:

— Вы меня сочтете дурочкой, я это знаю, но я должна сказать: когда я сидѣла у люльки, въ ночь передъ выборами, ребенокъ спалъ очень безпокойно.

Аналитическій Химикъ, мрачно поглядывавшій на нихъ, ощущаетъ дьявольское желаніе подсказать: „просто вѣтры,“ и потерять мѣсто; но подавляетъ его.

— По прошествіи почти конвульсивнаго промежутка, продолжаетъ мистрисъ Венирингъ,—ребенокъ сложилъ ручонки и улыбнулся.

Такъ какъ мистрисъ Венирингъ пріостановилась, то Подснапъ полагаетъ, что ему необходимо сказать: — Удивительно! почему это?

— Неужели, спросила я себя, говоритъ мистрисъ Венирингъ, ища вокругъ своего платка: — неужели феи шепнули ребенку, что папа его скоро будетъ членъ парламента?

Мистрисъ Венирингъ такъ подавлена этимъ чувствомъ, что всѣ они сторонятся передъ Венирингомъ, который бѣжитъ вокругъ стола къ ней на помощь, и уноситъ ее навзничь, причемъ ноги ея тяжело тащатся по ковру: тревоги и хлопоты, значитъ, были свыше ея силъ. Однако никто не промолвитъ о томъ, не говорили ли феи чего-нибудь насчетъ пяти тысячъ фунтовъ, и не это ли разстроило желудокъ ребенку.

Бѣдный, маленькій Твемло, совсѣмъ готовый, разтроганъ и продолжаетъ быть разтроганнымъ, безопасно достигнувъ своего помѣщенія надъ конюшней въ Дьюкъ-Стритѣ, Сентъ-

Джемсѣ. Но тутъ, на диванѣ, ужасная мысль низвергается на кроткаго джентльмена, уничтоживъ до корня всѣ болѣе благодушныя соображенія.

— Праведное небо! Что приходитъ мнѣ въ голову! Вѣдь онъ ни разу въ жизни своей не видалъ ни одного изъ своихъ избирателей, пока мы вмѣстѣ не увидали ихъ!

Пройдя комнату въ разстройствѣ ума, съ приложенною ко лбу рукой, невинный Твемло возвращается на диванъ и стонетъ:

— Я или съ ума сойду, или умру отъ этого человѣка. Силъ моихъ не хватаетъ выносить его!

IV. Вспомоществуемый Амуръ.

Говоря холоднымъ языкомъ свѣта, мистрисъ Альфредъ Ламмль быстро скрѣпляла свое знакомство съ миссъ Подснапъ. Говоря теплымъ языкомъ мистрисъ Ламмль, она и ея милая Джорджіана скоро слились воедино: сердцемъ, умомъ, чувствомъ, душою.

Каждый разъ когда Джорджіана могла высвободиться изъподъ неволи Подснаповщины, когда могла сбросить съ себя одѣяло желтаго фаэтона и подняться на ноги, когда могла выбраться изъ сферы колыханія деревяной лошади, своей матушки, и выручить свои маленькія закоченѣлыя ноги изъ бѣды быть раздавленными этимъ колыханіемъ, она отправлялась къ своему другу, мистрисъ Альфредъ Ламмль. Мистрисъ Подснапъ отнюдь этому не препятствовала. Сознавая себя „великолѣпною женщиной,“ и привыкнувъ слышать, что ее такъ называютъ пожилые остеологи, занимающіеся своею наукой въ обѣденномъ обществѣ, мистрисъ Подснапъ могла обходиться и безъ своей дочери. Мистеръ Подснапъ, съ своей стороны, будучи извѣщенъ гдѣ обрѣталась Джорджіана, раздувался отъ мысли что онъ покровительствуетъ Ламмлямъ. Что они, не дерзая стать съ нимъ въ уровень, почтительно прикасаются къ краю его мантіи, что они, не имѣя возможности согрѣваться лучами его славы, славы солнца, довольствуются блѣднымъ отраженнымъ свѣтомъ жиденькой молодой луны, свѣтомъ его дочери, это казалось ему дѣломъ естественнымъ, приличнымъ и подобающимъ. Это рождало въ немъ лучшее мнѣніе о Ламмляхъ чѣмъ какое онъ до тѣхъ поръ имѣлъ о нихъ, и

показывало, что они постигаютъ цѣну своей связи съ нимъ. Когда Джорджіана отправлялась къ своей пріятельницѣ, мистеръ Подснапъ отправлялся на обѣдъ, на обѣдъ, и опять-таки на обѣдъ, рука объ руку съ мистрисъ Подснапъ, установивъ свою упрямую голову въ галстукѣ и воротничкахъ, какъ будто бы онъ наигрывалъ на Пандейской свирѣли, въ свое собственное прославленіе, торжественный маршъ: Се грядетъ побѣдоносный Подснапъ: звучите трубы, бейте барабаны! *

Отличительною чертою въ характерѣ мистера Подснапа (проявлявшеюся такъ или иначе, какъ вообще будетъ видно, во всѣхъ глубинахъ и отмеляхъ Подснапщины) было то, что онъ не могъ сносить даже намека на оскорбленіе кого-либо изъ его друзей или знакомыхъ. „Какъ вы смѣете?“ готовъ онъ былъ, повидимому, сказать въ подобныхъ случаяхъ.“ Что вы хотите сказать? Я даровалъ этому человѣку права. У этого человѣка есть отъ *меня* патентъ. Оскорбляя этого человѣка, вы оскорбляете меня, Подснапа Великаго. Мнѣ особеннаго дѣла нѣтъ до достоинства этого человѣка; но я какъ нельзя болѣе дорожу достоинствомъ Подснапа.“ Поэтому, еслибы кто-нибудь рѣшился въ его присутствіи усомниться въ состоятельности Ламмлей, тотъ былъ бы отдѣланъ жесточайшимъ образомъ. На это никто и не рѣшался, потому что Венирингъ, членъ парламента, всегда удостовѣрялъ, что они люди богатые, и можетъ-статься вѣрилъ этому. Почему же и не вѣрить, если это нравилось? Онъ вѣдь въ этомъ дѣлѣ ничего не зналъ.

Домъ мистера и мистрисъ Ламмль въ Саквилль-Стритѣ, въ Пиккадилли, служилъ имъ только временнымъ мѣстопребываніемъ. Онъ былъ довольно удобенъ, говорили они своимъ друзьямъ, пока мистеръ Ламмль жилъ холостякомъ; теперь же онъ имъ не годится. Поэтому они постоянно пріискивали себѣ великолѣпный домъ въ лучшихъ частяхъ города и всегда собирались или нанять или купить таковой, но никогда окончательно не заключали условія. Этимъ они составили себѣ блестящую репутацію, такъ что знакомые ихъ, видя гдѣ-нибудь незанятое великолѣпное зда-

---

* Англійскій военный маршъ, начинающійся словами:

See, the conquering Hero comes!
Sound the trumpets, bet the drums.

ніе, говорили: „Вотъ это какъ разъ годится для Ламмлей!“ и тотчасъ же писали объ этомъ Ламмлямъ, и Ламмли отправлялись осматривать его; но, къ несчастію, оно не вполнѣ соотвѣтствовало ихъ желаніямъ. Короче сказать, они потерпѣли въ этомъ столько неудачъ, что начинали помышлять о необходимости выстроить для себя великолѣпный домъ. Этимъ они составили себѣ другую блестящую репутацію, такъ что многіе изъ ихъ знакомыхъ уже заранѣе были недовольны своими собственными домами сравнивая ихъ съ будущимъ домомъ Ламмлей.

Красивое убранство и меблировка квартиры въ Саквилль-Стритѣ тяжело громоздились на скелетѣ ихъ верхняго жилья, и если этому скелету, изъ-подъ тяжелаго груза обойнаго и мебельнаго дѣла, приходилось шептать: вотъ я тутъ въ чуланѣ! то шепотъ этотъ доходилъ только до немногихъ ушей, и ужь, конечно, никогда не достигалъ ушей миссъ Подснапъ. Если миссъ Подснапъ чѣмъ-либо въ особенности восхищалась, кромѣ прелестей своей пріятельницы, такъ это счастіемъ супружеской жизни своей пріятельницы. Оно часто служило темою для ихъ бесѣдъ.

— Ну право, сказала миссъ Подснапъ,—мистеръ Ламмль точно влюбленный. По крайней мѣрѣ я — я готова думать, что онъ влюбленный.

— Джорджіана, душечка! сказала мистрисъ Ламмль, поднявъ указательный палецъ:—остерегитесь!

— Ахъ! Что̀ такое! воскликнула миссъ Подснапъ, краснѣя:— Что̀ я сказала?

— „Альфредъ“, помните, намекнула мистрисъ Ламмль, игриво покачивая головой. — Вы обѣщали не говорить „мистеръ Ламмль“, Джорджіана.

— Ахъ, да! Ну такъ „Альфредъ.“ Я рада, что не вышло чего-нибудь хуже. Я боялась, что сказала что-нибудь ужасное. Я всегда говорю что-нибудь не впопадъ ма.

— Что такое? Мнѣ не впопадъ, милая Джорджіана?

— Нѣтъ, не вамъ; вы не мамаша. А какъ бы я желала, чтобы вы были моею мамашей!

Мистрисъ Ламмль подарила свою пріятельницу сладостною и нѣжною улыбкой; миссъ Подснапъ отвѣчала тѣмъ же, какъ умѣла. Онѣ сидѣли за завтракомъ въ будуарѣ мистрисъ Ламмль.

— Итакъ, любезная Джорджіана, Альфредъ по вашему понятію походитъ на влюбленнаго?

— Я этого не говорю, Софронія, отвѣчала Джорджіана, начиная прятать свои локти.—Я не имѣю никакого понятія о влюбленныхъ. Тѣ страшные люди, которыхъ мамаша иногда отыскиваетъ, чтобы мучить меня, совсѣмъ ужь не влюбленные. Я только хочу сказать, что мистеръ....

— Опять, любезная Джорджіана?

— Что Альфредъ.

— Такъ-то лучше, душечка.

— Очень любитъ васъ. Онъ всегда такъ любезенъ и предупредителенъ въ обращеніи съ вами. Скажите, развѣ онъ не таковъ?

— Совершенно таковъ, душа моя, сказала мистрисъ Ламмль съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, мелькнувшимъ на ея лицѣ. — Мнѣ кажется, онъ любитъ меня столько же, сколько и я его.

— Ахъ, какое счастіе! воскликнула миссъ Подснапъ.

— Но знаете ли, моя Джорджіана, снова начала мистрисъ Ламмль:—что въ вашей восторженной симпатіи къ нѣжности Альфреда есть что-то подозрительное.

— Какъ это можно! Я надѣюсь, ничего нѣтъ.

— Не даетъ ли это поводъ думать, лукаво сказала мистрисъ Ламмль,—что сердечко моей Джорджіаны...

— Ахъ, не говорите! вспыхнувъ умоляла миссъ Подснапъ. Пожалуста, не говорите.—Увѣряю васъ, Софронія, я хвалю Альфреда, только потому что онъ вашъ мужъ, и такъ любитъ васъ.

Софронія взглянула такъ какъ будто бы для нея просіялъ новый свѣтъ. Потомъ она холодно улыбнулась, опустила глаза на завтракъ, приподняла брови и сказала:

— Вы совершенно ошибаетесь, моя милая, въ смыслѣ моихъ словъ. Я хотѣла только намекнуть, что сердечко моей Джорджіаны начинаетъ чувствовать пустоту.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, сказала Джорджіана.—Я ни за какія деньги не желала бы, чтобы кто-нибудь говорилъ мнѣ такія вещи.

— Какія вещи, моя неоцѣненная Джорджіана? спросила мистрисъ Ламмль, все также холодно улыбаясь, смотря на завтракъ и приподнявъ брови.

— Вы знаете, отвѣчала бѣдная, маленькая миссъ Подснапъ.— Мнѣ кажется, Софронія, я бы съ ума сошла отъ досады, отъ робости и отъ ненависти, еслибы кто-нибудь сдѣлалъ это. Для меня ужь и того достаточно, что я вижу какъ вы съ вашимъ мужемъ любите другъ друга. Это совсѣмъ иное дѣло. Я не могла бы вынести, еслибы что-нибудь, въ этомъ родѣ, со мной случилось. Я бы просила, я бы умоляла удалить отъ меня такого человѣка, даже раздавить его ногами.

— Вотъ и самъ Альфредъ.

Незамѣтно подкравшись, онъ облокотился на спинку кресла Софроніи, и въ то время какъ миссъ Подснапъ взглянула на него, взялъ одинъ изъ отбившихся локоновъ Софроніи, прижалъ его къ губамъ и отмахнулъ имъ поцѣлуй по направленію къ миссъ Подснапъ.

— Что̀ вы тутъ такое толкуете о мужьяхъ и о ненависти? спросилъ плѣнительный Альфредъ.

— Говорятъ, отвѣтила его супруга, — что кто подслушиваетъ, тотъ никогда ничего хорошаго о себѣ не слышитъ; хотя вы... Однако, скажите, давно ли вы здѣсь, сэръ?

— Сію секунду вошелъ, другъ мой.

— Слѣдовательно я могу продолжать; впрочемъ, еслибы вы были тутъ минутою или двумя раньше, вы услышали бы сами съ какими похвалами отзывалась о васъ Джорджіана.

— За вашу привязанность къ Софроніи, если можно назвать похвалами что̀ я сказала, съ трепетомъ объяснила миссъ Подснапъ.

— Софронія! прошепталъ Альфредъ.—Жизнь моя! и поцѣловалъ ея руку. Въ отвѣтъ на это, она поцѣловала его часовую цѣпочку.

— Но вы, надѣюсь, не меня хотѣли удалить и раздавить ногами? спросилъ Альфредъ, придвигая стулъ между ними.

— Спросите Джорджіану, душа моя, отвѣчала его супруга.

Альфредъ съ чувствомъ отнесся къ Джорджіанѣ.

— Ахъ, нѣтъ! Я ни о комъ не говорила, отвѣтила миссъ Подснапъ.—Это была глупость.

— Если вы непремѣнно желаете знать, любопытный мой баловень, сказала улыбаясь счастливая и любящая Софронія,— я скажу вамъ, что тутъ подразумѣвался тотъ кто осмѣлился бы вздыхать по Джорджіанѣ.

— Софронія, другъ мой! возразилъ мистеръ Ламмль, дѣлаясь серіознѣе:—вы шутите?

— Альфредъ, другъ мой, отвѣчала его супруга, — можетъ-быть Джорджiана шутитъ, а я не шучу.

— Это показываетъ, сказалъ мистеръ Ламмль,—какiя случайныя сочетанiя бываютъ иногда на свѣтѣ. Повѣрите ли, безцѣнная Софронiя, что я вошелъ сюда съ именемъ одного вздыхателя по Джорджiанѣ на языкѣ.

— Я, конечно, повѣрю, Альфредъ, сказала мистрисъ Ламмль, — всему что̀ вы мнѣ говорите.

— О, другъ мой! И я тоже повѣрю всему что̀ вы мнѣ говорите,

Какъ прiятенъ и этотъ обмѣнъ любезностей, и эти взоры ихъ сопровождающiе! Ну, что еслибы скелетъ верхняго жилья воспользовался, напримѣръ, этимъ случаемъ и вскрикнулъ: Вотъ я тутъ, задыхаюсь въ чуланчикѣ!

— Говорю по чести, моя любезная Софронiя.

— Я знаю какая святыня ваша честь, другъ мой, сказала мистрисъ Ламмль.

— Знаете, моя милая? Такъ я говорю вамъ по чести, что я, входя въ комнату, готовъ былъ произнесть имя молодаго Фледжби. Разкажите Джорджiанѣ, драгоцѣнная моя, о молодомъ Фледжби.

— Ахъ, нѣтъ, не разказывайте! Пожалуста не разказывайте! вскрикнула миссъ Подснапъ, затыкая себѣ пальцами уши.—Я не стану слушать.

Мистрисъ Ламмль весело засмѣялась и отводя несопротивляющiяся руки своей Джорджiаны, игриво вытянула ихъ во всю длину, и то сдвигая, то разводя ихъ врозь, начала разказъ.

— Вы должны знать, моя маленькая простушка, что когда-то жилъ-былъ нѣкоторый молодой человѣкъ по имени Фледжби. Этотъ молодой Фледжби, принадлежа къ прекраснѣйшей фамилiи и будучи богатъ, былъ извѣстенъ двумъ другимъ людямъ, искренно привязаннымъ другъ къ другу и извѣстнымъ подъ именемъ мистера и мистрисъ Ламмль. Молодой Фледжби, находясь однажды въ театрѣ, видитъ тамъ мистера и мистрисъ Ламмль и съ ними нѣкоторую героиню по имени...

— Пожалуста не скажите Джорджiану Подснапъ! умоляла молодая двѣушка почти со слезами.—Пожалуста ни слова обо мнѣ. Назовите другую кого-нибудь, только не Джорджiану Подснапъ. Меня не называйте, не называйте, не называйте!

— Кого же другаго? сказала мистрисъ Ламмль, съ веселымъ смѣхомъ и нѣжными ласками, раздвигая и сдвигая руки Джорджіаны будто какой-нибудь циркуль:—кого же какъ не мою маленькую Джорджіану Подснапъ? Этотъ молодой Фледжби обращается къ Альфреду и говоритъ ему....

— Ахъ, пожалуста не говорите! вскричала Джорджіана такъ, какъ бы эта просьба была выжата изъ нея какимъ-нибудь сильнымъ давленіемъ.—Я ненавижу его за то, что онъ говорилъ это!

— Что говорилъ, дорогая моя? смѣялась мистрисъ Ламмль.

— Ахъ, я не знаю что онъ говорилъ! дико воскликнула Джорджіана,—но я ненавижу его за то, что онъ говорилъ.

— Милая моя, сказала мистрисъ Ламмль, продолжая смѣяться самымъ очаровательнымъ образомъ:—бѣдняжка сказалъ только, что онъ въ лоскъ положенъ.

— Ахъ, что мнѣ теперь дѣлать! прервала Джорджіана.—Ахъ какой же онъ дуракъ долженъ быть!

— И умоляетъ, чтобъ его пригласили обѣдать и съ нимъ вчетверомъ поѣхали въ слѣдующій разъ въ театръ. Поэтому онъ завтра у насъ обѣдаетъ, и вмѣстѣ съ нами ѣдетъ въ оперу. Вотъ и все. Нѣтъ, вотъ еще что, моя дорогая Джорджіана,—какъ вы думаете что? Онъ несравненно болѣе васъ робокъ, и боится васъ какъ вы никогда никого не боялись всю свою жизнь.

Въ душевномъ безпокойствѣ, миссъ Подснапъ все еще продолжала конфузиться и слегка подергивать руками; но она не могла удержаться отъ смѣха при мысли, что есть человѣкъ, который ея боится. Пользуясь этимъ, Софронія льстила ей и съ успѣхомъ ободряла ее, а потомъ и самъ вкрадчивый Альфредъ тоже льстилъ ей, и ободрялъ ее, и даже обѣщалъ, во всякое время, когда она только пожелаетъ, взять молодаго Фледжби да растоптать его ногами. Такимъ образомъ было дружески рѣшено, что молодой Фледжби явится, чтобы восхищаться, а Джорджіана пожалуетъ, чтобы служить предметомъ его восхищенія. Затѣмъ Джорджіана, имѣя это въ виду, съ чувствомъ въ груди, совершенно для нея новымъ, отъ ожиданія предстоявшаго, и послѣ многихъ поцѣлуевъ со стороны дорогой Софроніи, отправилась въ жилище своего батюшки, предшествуя угрюмому, въ шесть футовъ съ однимъ дюймомъ, лакею — машинѣ тяжеловѣсной, постоянно являвшейся для сопровожденія ея домой.

Когда счастливая чета осталась одна, мистрисъ Ламмль сказала своему мужу:

— Если я хорошо понимаю эту дѣвочку, сэръ, то ваши опасныя любезности произвели на нее нѣкоторое дѣйствіе. Я говорю вамъ заранѣе объ этой побѣдѣ, ибо опасаюсь, что планъ вашъ гораздо важнѣе для васъ чѣмъ ваше тщеславіе.

На стѣнѣ передъ ними висѣло зеркало, и глаза ея встрѣтились въ немъ съ его осклабившимся лицомъ. Она устремила на отразившійся образъ взоръ исполненный презрѣнія, и образъ этотъ принялъ его на себя въ зеркалѣ. Въ послѣдовавшій за тѣмъ моментъ оба они спокойно смотрѣли другъ на друга, какъ будто бы они, главные дѣятели, вовсе не участвовали въ этомъ выразительномъ объясненіи.

Можетъ-статься, мистрисъ Ламмль хотѣла извинить въ своихъ глазахъ свое поведеніе, унижая цѣну бѣдной маленькой жертвы, о которой говорила съ язвительнымъ презрѣніемъ. Можетъ статься и то, что въ этомъ она не успѣла, потому что очень трудно защититься отъ довѣрія, которое намъ оказывается, а она знала, что Джорджіана вполнѣ довѣряетъ ей.

Больше этого ничего не было говорено между счастливыми супругами. Можетъ-быть, заговорщики, разъ согласившись между собою, не совсѣмъ любятъ повторять условія и цѣли своего заговора. На другой день явилась Джорджіана, явился и Фледжби.

Джорджіана къ этому времени достаточно видѣла и домъ Ламмлей, и тѣхъ кто посѣщалъ его. Въ немъ была извѣстная, красиво убранная комната, съ билліардомъ въ нижнемъ этажѣ, выдавшаяся на задній дворъ. Она могла быть конторою или библіотекою мистера Ламмля, хотя и не носила этого названія и была извѣстна только какъ комната мистера Ламмля; а потому для женской головы, даже болѣе выспренной чѣмъ голова Джорджіаны, трудно было рѣшить, къ какому классу людей принадлежали лица въ ней появлявшіяся,—къ числу ли людей ищущихъ удовольствія, или къ числу людей занятыхъ дѣломъ. Комната и люди, въ ней появлявшіеся, имѣли во многихъ чертахъ общее сходство. Какъ комната, такъ и эти люди были слишкомъ нарядны, слишкомъ пошлы, слишкомъ окурены сигарами, слишкомъ лошадники: послѣдняя черта замѣчалась въ комнатѣ по ея украшеніямъ, а въ людяхъ—по ихъ разговору. Длинноногія лошади, повидимому, были необходимостью для всѣхъ друзей мистера Ламмля,

точно такъ же какъ было для нихъ необходимостью сообща, на цыганскій манеръ, въ неуказные часы утра и вечера вести какія-то дѣла. Сюда являлись друзья, которые, казалось, безпрестанно взадъ и впередъ переплывали Британскій каналъ по биржевымъ дѣламъ, по греческимъ, испанскимъ, индійскимъ и мексиканскимъ фондамъ и альпари, и преміямъ, и учетамъ, и тремъ четвертямъ и семи восьмымъ. Сюда являлись другіе друзья, которые, казалось, постоянно таскались и мыкались то въ Сити, то изъ Сити по дѣламъ биржи, греческихъ, испанскихъ, индійскихъ и мексиканскихъ фондовъ, и альпари, и премій, и учетовъ, и трехъ четвертей и семи восьмыхъ. Всѣ они были въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, хвастливы и неизъяснимо распущенны; всѣ много ѣли и пили, и занятые ѣдой и питьемъ, всѣ бились объ закладъ. Всѣ они говорили о суммахъ денегъ, и всегда упоминали только суммы, а деньги подразумѣвали, напримѣръ: „сорокъ пять тысячъ, Томъ“ или „двѣсти двадцать два на каждую отдѣльную акцію Джо.“ Они, повидимому, раздѣляли свѣтъ на два класса людей: на людей страшно богатѣющихъ и на людей страшно разорившихся. Они постоянно были въ торопяхъ, и все-таки, повидимому, не имѣли никакого осязательнаго дѣла; за исключеніемъ немногихъ изъ нихъ (преимущественно одышливыхъ и толстогубыхъ), вѣчно доказывавшихъ съ золотымъ карандашикомъ въ рукѣ, который едва могли держать по причинѣ большихъ перстней на указательномъ пальцѣ, сколько можно нажить денегъ. Наконецъ, всѣ они ругали своихъ грумовъ, а грумы эти не совсѣмъ походили на респектабельныхъ грумовъ, какіе бываютъ у другихъ людей, да, повидимому, и вовсе не походили на грумовъ, такъ же какъ и господа ихъ не походили на господъ.

Молодой Фледжби не принадлежалъ къ ихъ числу. Молодой Фледжби имѣлъ персиковыя щеки, или щеки состоявшія изъ сочетанія персика съ красною-красною стѣной, на которой онъ растетъ,* и былъ юноша неуклюжій, желтоволосый, узкоглазый, тщедушный и наклонный къ самоизслѣдованію по части бакенбардъ и усовъ. Ощупывая бакенбарды, нетер-

* Фруктовые сады въ Англіи, въ мѣстахъ открытыхъ, окружены съ трехъ сторонъ, восточной, сѣверной и западной, кирпичными стѣнами, по которымъ распялены на рѣшеткахъ болѣе нѣжныя деревья, каковы напримѣръ персиковыя.

пѣливо имъ ожидаемыя, Фледжби испытывалъ глубокія колебанія духа, переходившаго всѣ степени ощущеній, отъ увѣренности до отчанія. Бывали минуты когда онъ, вздрогнувъ, вскрикивалъ; „Вотъ они наконецъ!“ Были и такія минуты когда, въ такой же степени скучный, онъ качалъ головою и терялъ всякую надежду. Печальное зрѣлище представлялъ онъ въ подобные періоды, когда облокотившись на наличникъ камина, будто на урну заключавшую прахъ его честолюбія, стоялъ онъ, склонивъ непроизводительную щеку на руку, которая только-что свидѣтельствовала именно эту самую щеку.

Но не такимъ являлся Фледжби въ настоящемъ случаѣ. Нарядившись въ превосходное платье, съ оперною шляпой подъ мышкою, онъ, окончивъ съ свѣтлыми надеждами самоизслѣдованіе, поджидалъ прибытія миссъ Подснапъ и велъ маленькую бесѣду съ мистрисъ Ламмль. Въ насмѣшку надъ разговоромъ и манерой Фледжби, знакомые его согласились придать ему (за спиною) почетный титулъ Обаятельнаго.

— Жаркая погода, мистрисъ Ламмль, сказалъ обаятельный Фледжби. Мистрисъ Ламмль полагала, что погода не такая жаркая какая была вчера.—Можетъ быть не такая, сказалъ обаятельный Фледжби торопливо, — но я думаю, что завтра будетъ дьявольски жарко.

Онъ выкинулъ еще маленькую блестку:—Выѣзжали сегодня мистрисъ Ламмль?

Мистрисъ Ламмль отвѣтила, что выѣзжала не надолго.

— Иныя, сказалъ обаятельный Фледжби,—имѣютъ привычку выѣзжать надолго, но мнѣ вообще кажется, что если кто слишкомъ это дѣлаетъ, такъ ужь это черезчуръ.

Будучи въ такомъ ударѣ, онъ могъ бы превзойдти самого себя въ новой вылазкѣ, еслибы не доложили о прибытіи миссъ Подснапъ. Мистрисъ Ламмль кинулась обнимать свою душечку, маленькую Джорджи, и когда миновали первые восторги, представила ей мистера Фледжби. Мистеръ Ламмль явился на сцену послѣ всѣхъ, потому что онъ всегда опаздывалъ какъ и всѣ его посѣтители всегда опаздывали, какъ будто всѣ они обязаны были опаздывать, вслѣдствіе секретныхъ извѣстій о биржѣ, греческихъ, испанскихъ, индійскихъ и мексиканскихъ фондахъ, альпари, преміяхъ, трехъ четвертяхъ и семи восьмыхъ.

Прекрасный обѣдецъ былъ поданъ немедленно, и мис-

теръ Ламмль сѣлъ, блистая, на своемъ концѣ стола; за нимъ, позади стула, сталъ его слуга, съ неотступными сомнѣніями насчетъ своего жалованья. Настоящій день требовалъ со стороны мистера Ламмля всѣхъ его способностей производить блескъ, потому что обаятельный Фледжби и Джорджіана не только поразили другъ друга до безгласности, но поразили себя взаимно еще и такъ, что оба приняли удивительныя положенія: Джорджіана, сидя противъ Фледжби, дѣлала усилія, чтобы спрятать свои локти до совершенной невозможности владѣть ножомъ и вилкой, а Фледжби, сидя противъ Джорджіаны, избѣгалъ встрѣчи съ ея лицомъ всѣми возможными способами и выказывалъ взволнованное состояніе своего ума тѣмъ, что ощупывалъ свои бакенбарды то ложкою, то рюмкою, то хлѣбомъ.

Мистеръ и мистрисъ Ламмль должны были оказать помощь, и вотъ какимъ образомъ они оказывали помощь.

— Джорджіана, сказалъ мистеръ Ламмль тихимъ голосомъ, улыбаясь и весь блистая, подобно арлекину,—вы сегодня не въ своей тарелкѣ. Отчего вы не въ своей тарелкѣ, Джорджіана?

Джорджіана пролепетала, что она совершенно такая же какъ всегда, и не замѣчаетъ въ себѣ никакой перемѣны.

— Вы не замѣчаете перемѣны? подхватила мистрисъ Альфредъ Ламмль.—Моя дорогая Джорджіана! Вы всегда были съ нами такая естественная, непринужденная! всегда были такою отрадой среди толпы! всегда являлись олицетворенною нѣжностью, простотою и реальностью!

Миссъ Подснапъ взглянула на дверь, какъ будто бы въ ней заваждались смутныя мысли спастись бѣгствомъ отъ комплиментовъ.

— Позвольте, я обращусь на судъ моего друга, Фледжби, сказалъ мистеръ Ламмль, нѣсколько возвышая голосъ.

— Ахъ, нѣтъ! слабо воскликнула миссъ Подснапъ; но тутъ вспомоществованіе приняла на себя мистрисъ Ламмль.

— Извини меня, мой другъ, Альфредъ, но я не могу еще разстаться съ мистеромъ Фледжби; тебѣ придется подождать его минутку. Мистеръ Фледжби занятъ со мною личнымъ разговоромъ.

Фледжби должно-быть велъ этотъ разговоръ съ своей стороны необыкновенно искусно, потому что не замѣтно было чтобъ онъ произнесъ хоть одно слово.

— Личнымъ разговоромъ, милая Софронія? Какимъ разговоромъ? Фледжби, я ревную. Какимъ разговоромъ Фледжби?

— Сказать ли мнѣ ему, мистеръ Фледжби? спросила мистрисъ Ламмль.

Придавая себѣ видъ какъ будто бы онъ зналъ что-нибудь, Обаятельный отвѣтилъ:

— Пожалуй, скажите ему.

— Мы разговаривали, сказала мистрисъ Ламмль,—если тебѣ знать это *нужно*, Альфредъ, о томъ, въ обыкновенномъ ли расположеніи духа находится мистеръ Фледжби.

— Ахъ, Софронія, да это тотъ же самый предметъ, о которомъ я разговаривалъ съ Джорджіаною относительно ея самой! Что̀ же говоритъ Фледжби?

— Неужели же вы думаете, сэръ, что я стану вамъ разказывать, когда вы сами ничего не разказываете? Что̀ Джорджіана говорила?

— Джорджіана говорила, что она сегодня совершенно такая же какъ обыкновенно, а я говорилъ, нѣтъ.

— Совершенно то же что̀ я говорила мистеру Фледжби, воскликнула мистрисъ Ламмль.

Однакоже дѣло все не подвигалось впередъ. Они никакъ не хотѣли взглянуть другъ на друга, не хотѣли даже и тогда, когда блестящій хозяинъ предложилъ выпить вчетверомъ блестящую рюмку вина. Джорджіана взглянула на свою рюмку, на мистера Ламмль и на мистрисъ Ламмль; но не смѣла, не умѣла, не желала, не хотѣла взглянуть на мистера Фледжби. Обаятельный взглянулъ на свою рюмку, на мистрисъ Ламмль, на мистера Ламмль, но не смѣлъ, не умѣлъ, не желалъ, не хотѣлъ взглянуть на Джорджіану.

Дальнѣйшее вспомоществованіе оказалось необходимымъ. Амуръ долженъ быть доведенъ до цѣли. Антрепренеръ назначилъ ему въ афишѣ роль, и онъ долженъ разыграть ее.

— Другъ мой, Софронія, сказалъ мистеръ Ламмль,—мнѣ не нравится цвѣтъ твоего платья.

— Я сошлюсь, сказала мистрисъ Ламмль, — на мистера Фледжби.

— А я, сказалъ мистеръ Ламмль,—на Джорджіану.

— Джорджи, душечка, тихо замѣтила мистрисъ Ламмль своей милой Джорджіанѣ,—я увѣрена, что вы не перейдете къ оппозиціи. Говорите, мистеръ Фледжби.

Обаятельный желалъ знать, не розовымъ ли называется этотъ цвѣтъ?

— Да, сказала мистрисъ Ламмль.

Повидимому, онъ это зналъ; цвѣтъ дѣйствительно былъ розовый. Обаятельный полагалъ, что розовый цвѣтъ значитъ цвѣтъ розъ (въ этомъ его горячо поддерживали мистеръ и мистрисъ Ламмль). Обаятельный слыхалъ, что выраженіе „царица цвѣтовъ" примѣнялось къ розѣ. Подобно этому можно сказать, что и это платье царственное платье (Очень удачно, Фледжби! со стороны мистера Ламмля). Несмотря на это Обаятельный былъ того мнѣнія, что у всякаго свой глазъ—или, по крайней мѣрѣ, большинство изъ насъ, и что онъ.... и что.... и.... и.... и.... дальнѣйшее мнѣніе его заключалось въ нѣсколькихъ *и*, за которыми ничего не послѣдовало.

— О, мистеръ, Фледжби! сказала мистрисъ Ламмль:—измѣнить мнѣ такимъ образомъ! О, мистеръ Фледжби, измѣнить такъ моему обиженному розовому платью и объявить себя за голубое!

— Побѣда, побѣда! вскричалъ Ламмль:—ваше платье осуждено, моя милая.

— Но, сказала мистрисъ Ламмль, украдкой протягивая дружескую руку своей дорогой пріятельницѣ:—что скажетъ Джорджи?

— Она говоритъ, сказалъ мистеръ Ламмль, объясняя за нее,—что въ ея глазахъ вы хороши во всякомъ цвѣтѣ, Софронія, и еслибъ она знала, что будетъ приведена въ смущеніе такимъ прекраснымъ комплиментомъ, какой предъ симъ былъ сказанъ ей, то сама одѣлась бы въ какой-нибудь иной цвѣтъ. Но я говорю ей въ отвѣтъ, что это не спасло бы ее, потому что въ какой бы цвѣтъ она ни одѣлась, тотъ и будетъ цвѣтомъ Фледжби. А что говоритъ Фледжби?

— Онъ говоритъ, отвѣчала мистрисъ Ламмль, прерывая его и похлопывая по рукѣ своей душечки, такъ какъ бы похлопывалъ по ней Фледжби,—что это былъ совсѣмъ не комплиментъ, а естественное выраженіе чувства, отъ котораго онъ не могъ воздержаться. И,—говоря съ большою чувствительностью, какъ будто бы эта чувствительность была со стороны Фледжби,—онъ не ошибся, онъ не ошибся!

Все-таки, даже и теперь, они не рѣшались взглянуть другъ на друга. Какъ бы скрежеща своими блестящими зубами, запонками, глазами и пуговицами, всѣмъ заразъ, мистеръ

Ламмль втайнѣ нахмурился на нихъ обоихъ, съ выраженіемъ сильнаго желанія стукнуть ихъ головами.

— Знаете вы оперу, которую даютъ сегодня, Фледжби? спросилъ онъ отрывисто, какъ бы для того чтобы съ языка у него не сорвалось: „Чортъ васъ возьми.“

— Нѣтъ, не совсѣмъ, сказалъ Фледжби.—Правду сказать, я ни одной ноты изъ нея не знаю.

— Вы также не знаете, Джорджи? сказала мистрисъ Ламмль.

— Нѣтъ, отвѣчала Джорджіана чуть слышнымъ голосомъ, подъ вліяніемъ симпатическаго соглашенія.

— Слѣдовательно, сказала мистрисъ Ламмль,—ни одинъ изъ васъ не знаетъ ея! Ахъ, какъ хорошо!

Тутъ даже и трусливый Фледжби почувствовалъ, что наступило время, нанесть ударъ, и онъ нанесъ ударъ, сказавъ, обращаясь частью къ мистрисъ Ламмль, частью къ окружающему воздуху:

— Я считаю себя очень счастливымъ, что мнѣ предоставлено....

Такъ какъ онъ тутъ же замолкъ, то мистеръ Ламмль, собравъ свои инбирныя бакенбарды кустомъ и выглядывая изъ него, подсказалъ ему искомое слово: „Провидѣніемъ.“

— Нѣтъ, я не это хотѣлъ сказать, продолжалъ Фледжби.—Я хотѣлъ сказать—судьбою. Я считаю себя очень счастливымъ, что судьба начертала въ книгѣ.... въ книгѣ, которая составляетъ ея собственность, чтобъ я отправился въ первый разъ въ оперу при достопамятномъ обстоятельствѣ сопровожденія миссъ Подснапъ.

На это Джорджіана отвѣтила, зацѣпивъ оба мизинчика свои одинъ за другой, и обращаясь къ скатерти:

— Благодарю васъ; но я обыкновенно ни съ кѣмъ не бываю въ оперѣ, кромѣ васъ, Софронія, и это мнѣ очень нравится.

Поневолѣ довольствуясь на это время такимъ успѣхомъ, мистеръ Ламмль выпустилъ миссъ Подснапъ изъ столовой, какъ будто отворивъ дверцы клѣтки, а за нею послѣдовала мистрисъ Ламмль. Когда наверху вслѣдъ заэтимъ подали кофе, мистеръ Ламмль сталъ караулить мистера Фледжби, пока миссъ Подснапъ не кончила пить, и потомъ указалъ ему пальцемъ (какъ будто бы молодой джентльменъ былъ ля-

гавая собака), чтобъ онъ пошелъ и нялъ отъ нея чашку. Фледжби совершилъ этотъ подвигъ не только безъ неудачи, но даже съ оригинальною прикрасою, состоявшею въ замѣчаніи обращенномъ къ миссъ Подснапъ, что зеленый чай считается вреднымъ для нервовъ. Но миссъ Подснапъ безнамѣренно заставила его тотчасъ же ретироваться, спросивъ едва внятно:

— Неужели въ самомъ дѣлѣ? Какъ же онъ дѣйствуетъ?

Этого молодой джентльменъ не могъ объяснить.

Когда было доложено, что карета готова, мистрисъ Ламмль сказала:

— Обо мнѣ не заботьтесь, мистеръ Фледжби, мое платье и мантилья заняли обѣ мои руки. Возьмите миссъ Подснапъ.

И онъ повелъ ее. За ними послѣдовала мистрисъ Ламмль; а мистеръ Ламмль шелъ послѣдній, свирѣпо слѣдуя за своимъ маленькимъ стадомъ, будто какой-нибудь погонщикъ.

Но за то онъ былъ весь блескъ и сіяніе въ ложѣ оперы. Тамъ онъ и его любезная супруга завели разговоръ между Фледжби и Джорджіаною слѣдующимъ замысловатымъ и искуснымъ образомъ. Всѣ они сидѣли въ такомъ порядкѣ: мистрисъ Ламмль, обаятельный Фледжби, Джорджіана, мистеръ Ламмль. Мистрисъ Ламмль дѣлала руководящія замѣчанія мистеру Фледжби, требовавшія только односложныхъ отвѣтовъ. Мистеръ Ламмль дѣлалъ то же самое съ Джорджіаною. Потомъ мистрисъ Ламмль наклонялась впередъ и говорила съ мистеромъ Ламмль.

— Альфредъ, мой другъ, мистеръ Фледжби совершенно справедливо думаетъ, по поводу послѣдней сцены, что истинное постоянство не требуетъ такихъ приманокъ, о какихъ идетъ рѣчь въ этой сценѣ.

На это мистеръ Ламмль отвѣчаетъ:

— Согласенъ, мой другъ Софронія; но Джорджіана полагаетъ, что дѣвушка не имѣла достаточныхъ причинъ узнать въ какомъ состояніи находились чувствованія джентльмена.

На это мистрисъ Ламмль замѣчаетъ:

— Совершенно справедливо, Альфредъ; но мистеръ Фледжби указываетъ то и то.

На это Альфредъ отзывается:

— Несомнѣнно, Софронія; но Джорджіана остроумно замѣчаетъ такъ и такъ.

При помощи такой уловки, молодые люди разговаривали очень долго и испытывали многое множество деликатнѣйшихъ ощущеній, почти ни разу не открывъ рта. Если они и произносили что-нибудь, такъ это только *да* или *нѣтъ*, не обращаясь одинъ къ другому.

Фледжби простился съ миссъ Подснапъ у каретной дверцы, а мистрисъ Ламмль завезла ее домой, и на пути лукаво подшучивала надъ нею ласкательнымъ и покровительственнымъ тономъ, отъ времени до времени приговаривая ей: „о, малютка Джорджіана, о! Джорджіана!“ Это было немного, но за то тонъ голоса добавлялъ: Вы плѣнили вашего Фледжби.

Наконецъ, Ламмли возвратились домой, и супруга сѣла, пасмурная и угрюмая, смотря на своего мрачнаго мужа, занявшагося насильственнымъ дѣломъ — откупориваніемъ бутылки съ содовою водой: онъ какъ будто бы отвертывалъ голову какой-нибудь злосчастной твари, и кровь ея лилъ себѣ въ горло. Отеревъ обмокшія бакенбарды, онъ посмотрѣлъ на свою супругу, помолчалъ и потомъ сказалъ не совсѣмъ нѣжнымъ голосомъ:

— Что̀ скажете?

— Неужели такой непроходимый олухъ необходимъ для вашей цѣли?

— Вы глумитесь, можетъ-статься, и вы смотрите на себя свысока, можетъ-статься! Но я вамъ скажу вотъ что̀: гдѣ замѣшаны выгоды этого молодаго негодяя, тамъ онъ присасывается какъ лошадиная піявка. Гдѣ у этого молодаго негодяя вопросъ коснется денегъ, тамъ онъ чорту пара.

— А вамъ онъ пара?

— Пара. Почти такая же хорошая, какою вы считали меня для себя. Въ немъ нѣтъ достоинствъ молодости, кромѣ тѣхъ, которыя вы видѣли сегодня; но поговорите съ нимъ о деньгахъ, и вы увидите, что онъ не олухъ. Во всемъ другомъ онъ, какъ мнѣ кажется, дѣйствительно дуракъ; но это не мѣшаетъ его главной цѣли.

— А у ней есть деньги слѣдующія ей по праву?

— Да! У ней есть деньги слѣдующія ей по праву. Вы сегодня вели дѣло хорошо, Софронія, поэтому я и отвѣчаю на вашъ вопросъ, хотя, какъ вамъ извѣстно, я не люблю отвѣчать ни на какіе подобные вопросы. Вы сегодня вели дѣло хорошо, Софронія, и потому вы устали. Отправляйтесь спать.

V. Вспомоществующій Меркурій.

Фледжби заслуживалъ похвалъ мистера Альфреда Ламмля. Онъ былъ самая подлая сабака изъ всѣхъ существующихъ съ одною парой ногъ. Инстинктъ (слово всѣми нами ясно понимаемое) преимущественно бѣгаетъ на четырехъ ногахъ, между тѣмъ какъ разсудокъ ходитъ только на двухъ; но подлость четвероногая никогда не достигаетъ до совершенства подлости двуногой.

Отецъ этого молодаго джентльмена былъ ростовщикъ и имѣлъ денежныя дѣла съ матерью этого молодаго джентльмена, когда онъ, то-есть послѣдній, поджидалъ въ обширныхъ и темныхъ переднихъ сего міра минуты чтобы родиться. Мать его, въ то время вдовица, не имѣвъ возможности уплатить долга ростовщику, вышла за него замужъ; и Фледжби въ надлежащій срокъ былъ вызванъ изъ обширныхъ и темныхъ переднихъ и предсталъ передъ генералъ-регистратора. Еслибъ этого не случилось, любопытно было бы знать, какимъ образомъ распорядился бы Фледжби своимъ досужнымъ временемъ до дня Страшнаго Суда.

Мать Фледжби оскорбила своихъ родныхъ выйдя замужъ за отца Фледжби. Это одинъ изъ легчайшихъ житейскихъ способовъ оскорбленія вашихъ родныхъ, когда ваши родные желаютъ отъ васъ избавиться. Родные матери Фледжби крайне оскорблялись тѣмъ, что она была бѣдна, и окончательно разсорились съ нею, когда она сдѣлалась сравнительно богата. Фамилія матери Фледжби была изъ рода Снигсвортовъ. Она даже имѣла честь быть роднею одного лорда Снигсворта на столько степеней отдаленною, что благородный графъ не задумался бы отдалить ее отъ себя еще на одну степень и даже выпроводить на-чисто изъ родни. Но все же она была ему сродни.

Къ числу досвадебныхъ дѣлъ матери Фледжби съ отцомъ Фледжби принадлежало то, что она заняла у него деньги за весьма высокіе проценты. Срокъ уплаты этихъ процентовъ пришелъ вскорѣ послѣ свадьбы, и тогда отецъ Фледжби завладѣлъ ея наличными деньгами въ свое исключительно пользованіе. Это повело къ субъективному разногласію

во мнѣніяхъ и къ объективному обмѣну сапожными щетками, шашечными досками и другими подобными домашними метательными снарядами, между отцомъ Фледжби и матерью Фледжби. Это повело къ тому что мать Фледжби начала тратить деньги какъ только могла, а отецъ Фледжби старался сдѣлать все чего не могъ сдѣлать чтобъ удержать ее. Вслѣдствіе этого, малолѣтство Фледжби было бурное; но вѣтры и волны улеглись въ могилу, и Фледжби разцвѣлъ одинъ.

Фледжби жилъ на квартирѣ въ Альбани, и старался блеснуть щегольствомъ. Но его юный огонь весь состоялъ изъ искръ точильнаго камня, которыя, отлетая, тотчасъ же угасали и ничего не согрѣвали.

Мистеръ Альфредъ Ламмль явился въ Альбани завтракать у Фледжби. На столѣ стоялъ маленькій чайничекъ, маленькій хлѣбецъ, маленькіе кружки масла, два маленькіе ломтика ветчины, два жалкія яйца и изобиліе прекраснаго фарфора, выгодно купленнаго изъ вторыхъ рукъ.

— Что вы думаете о Джорджіанѣ? спросилъ мистеръ Ламмль.

— Я вамъ скажу, отвѣтилъ Фледжби, растягивая слова.

— Скажите, мой любезный.

— Вы не совсѣмъ меня поняли, перебилъ Фледжби.—Этого я не намѣренъ вамъ сказать; я намѣренъ сказать вамъ кое-что другое.

— Скажите мнѣ что бы то ни было, мой другъ.

— Но вы все-таки не такъ меня понимаете, сказалъ Фледжби.—Я ничего не намѣренъ разказывать вамъ.

Мистеръ Ламмль блеснулъ на него и въ то же время нахмурился.

— Замѣтьте вотъ что, сказалъ Фледжби.—Вы скрытны и рѣшительны. Скрытенъ ли я или нѣтъ, объ этомъ не безпокойтесь. Я не рѣшителенъ, но я умѣю дѣлать вотъ что, Ламмль, я умѣю молчать, и я буду молчать.

— Вы человѣкъ разчетливый, Фледжби.

— Такъ ли, нѣтъ ли, только я умѣю молчать, а это пожалуй то же самое. Послушайте, Ламмль, я не намѣренъ ни въ какомъ случаѣ отвѣчать на разспросы.

— Мой любезный другъ, да вѣдь это былъ наипростѣйшій вопросъ въ мірѣ.

— Пусть такъ. Онъ кажется простъ; но вещи на дѣлѣ не

всегда таковы какъ кажутся. Я видѣлъ человѣка, отъ котораго отбирались свидѣтельскія показанія въ Вестминстеръ, Галлѣ. * Вопросы казались самыми простыми въ мірѣ; но когда онъ далъ на нихъ отвѣтъ, они оказались далеко не такими простыми. Такъ вотъ какъ. А ему бы лучше помолчать. Еслибъ онъ промолчалъ, такъ бы въ бѣду не попалъ.

— Еслибъ я также молчалъ, то вы никогда не увидѣли бы предмета, о которомъ я васъ спрашивалъ, замѣтилъ Ламмль принимая мрачный видъ.

— Послушайте, Ламмль, сказалъ Обаятель-Фледжби, спокойно ощупывая свои бакенбарды,—это ни къ чему не поведетъ. Вы меня на разговоръ не заманите. Я не умѣю вести разговоровъ, но умѣю держать языкъ на привязи.

— Умѣете? сказалъ мистеръ Ламмль заискивающимъ тономъ.—Полагаю, что умѣете! Когда наши общіе знакомые пьютъ, вы пьете съ ними вмѣстѣ; но по мѣрѣ того какъ они становятся разговорчивѣе, вы дѣлаетесь еще молчаливѣе. Чѣмъ болѣе они высказываются, тѣмъ болѣе вы затаиваетесь.

— Я ни сколько не противъ того чтобы меня понимали, Ламмль, отвѣчалъ Фледжби съ внутреннимъ смѣхомъ,—но я всегда противъ дѣлаемыхъ мнѣ вопросовъ. Я ужь всегда такой.

— Когда всѣ мы обсуживаемъ наши предпріятія, никто изъ насъ не знаетъ ни одного изъ вашихъ предпріятій.

— И никогда ни одинъ изъ васъ не узнаетъ, Ламмль, отвѣчалъ Фледжби, опять съ внутреннимъ смѣхомъ:—я ужь всегда такой.

— Правда, вы всегда такимъ образомъ дѣйствуете, я это знаю, отвѣчалъ Ламмль съ видомъ откровенности, смѣясь и протягивая руки, такъ какъ будто бы онъ указывалъ вселенной что за удивительный человѣкъ Фледжби.—Еслибъ я не зналъ что это водится за моимъ Фледжби, неужели я предположилъ бы маленькій выгодный договоръ нашъ моему Фледжби?

— А! замѣтилъ Фледжби, лукаво качая головою.—Меня—и этимъ способомъ не заманите. Я не тщеславенъ! Такого

* Westminster-Hall зданіе въ Лондонѣ, гдѣ помѣщаются суды.

рода тщеславіе барыша не приноситъ, Ламмль. Ни, ни, ни! Отъ комплиментовъ у меня языкъ еще крѣпче сидитъ за зубами.

Альфредъ Ламмль отодвинулъ отъ себя тарелку (жертва не великая, ибо на ней почти ничего не лежало), засунулъ руки въ карманъ, откинулся на спинку стула и принялся молча созерцать Фледжби. Потомъ онъ медленно вынулъ лѣвую руку изъ кармана и сдѣлалъ изъ своихъ бакенбардовъ кустъ, продолжая молча созерцать своего друга. Потомъ онъ медленно нарушилъ молчаніе и медленно сказалъ:—Что за чертовщину такую городитъ этотъ парень сегодня?

— Послушайте, Ламмль, сказалъ Обаятель-Фледжби, подлѣйшимъ образомъ мигая своими подлѣйшими глазами, которые, кстати сказать, были посажены слишкомъ близко одинъ къ другому:—послушайте, Ламмль, я очень хорошо понимаю, что вчера я не совсѣмъ въ выгодномъ свѣтѣ показалъ себя, и что, напротивъ, вы и супруга ваша, которую я считаю умною женщиной и пріятною женщиной, показали себя въ выгодномъ свѣтѣ. Я не созданъ показывать себя въ выгодномъ свѣтѣ при обстоятельствахъ такого рода. Я очень хорошо знаю, что вы показали себя выгодно, и вели дѣло превосходно. Но на основаніи этого вы, пожалуста, не говорите со мною такъ какъ будто я вамъ куклою или маріонеткою какою-нибудь достался, потому что я ни то, ни другое.

— И все это изъ-за того, крикнулъ Альфредъ, презрительно осматривая Фледжби,—и все это изъ-за того простаго, естественнаго вопроса!

— Вамъ бы подождать, пока я самъ счелъ бы за нужное сказать вамъ что-нибудь о ъ этомъ. Мнѣ очень не нравится, что вы обращаетесь ко мнѣ съ вашею Джорджіаною, какъ будто бы вы и ей, и мнѣ хозяинъ.

— Ну, хорошо! Когда вы въ милостивомъ расположеніи сами пожелаете разказать мнѣ объ этомъ, отозвался Ламмль, —то пожалуста разкажите.

— Я все разказалъ. Я сказалъ вамъ, что вы вели дѣло превосходно. И вы и супруга ваша. Если вы поведете дѣло далѣе такъ же превосходно, то и я буду продолжать свою роль. Только, пожалуста, не пойте кукуреку.

— Я кукуреку? воскликнулъ Ламмль, пожимая плечами.

— Или, продолжалъ Фледжби, — не забирайте себѣ въ голову, что другіе люди вамъ маріонетки, потому только что они не кажутся въ такомъ выгодномъ свѣтѣ въ извѣстные

моменты, какъ кажетесь вы при содѣйствіи весьма умной и пріятной супруги вашей. Всѣ дѣлаютъ свое дѣло, пусть и мистрисъ Ламмль дѣлаетъ свое дѣло. Видите ли я молчалъ, когда считалъ за нужное молчать, а потомъ высказался, когда счелъ за нужное высказаться,—вотъ вамъ конецъ всему. Теперь вопросъ въ томъ, продолжалъ Фледжби съ величайшею неохотой,—не хотите ли еще яичка?

— Нѣтъ, не хочу, сказалъ Ламмль отрывисто.

— Вы можетъ-статься правы, считая для себя полезнѣе не кушать его, отвѣчалъ Обаятель, значительно оживляясь.— Просить васъ скушать еще ломтикъ ветчины было бы неумѣстно, потому что это цѣлый день возбуждало бы въ васъ жажду. Не угодно ли еще хлѣба съ масломъ?

— Нѣтъ, не угодно, повторилъ Ламмль.

— Такъ мнѣ угодно, сказалъ Обаятель, и эти слова его были не пустымъ звукомъ, а выраженіемъ искренняго удовольствія, возбужденнаго отказомъ, потому что еслибы Ламмль снова взялся за хлѣбъ, то отдѣлилъ бы отъ него такую порцію, по мнѣнію Фледжби, которая потребовала бы съ его стороны воздержанія отъ хлѣба за завтракомъ, по крайней мѣрѣ, если не за обѣдомъ.

Соединялъ ли въ себѣ этотъ молодой джентльменъ (которому было только двадцать три года отъ роду) порокъ старческой скаредности съ порокомъ юношеской расточительности, это было дѣломъ нерѣшеннымъ: такъ благородно умѣлъ онъ хранить свои тайны. Онъ сознавалъ важность приличной наружности, и любилъ хорошо одѣваться; но онъ торговался до нельзя во всемъ, что составляло его движимость, отъ сюртука на плечахъ до фарфора на чайномъ столѣ, и каждое такимъ образомъ сдѣланное пріобрѣтеніе, представлявшее чье-либо разореніе или чье-либо лишеніе, пріобрѣтало въ глазахъ его особенную прелесть. Одержимый скаредностью, онъ любилъ осторожно держать неравные пари на скачкахъ, и если выигрывалъ, то рѣшался на пари бо́льшіе, а если проигрывалъ, то морилъ себя голодомъ до слѣдующаго выигрыша. Странно, почему деньги такъ драгоцѣнны для глупаго и презрѣннаго осла, не размѣнивающаго ихъ на другія потребности; а дѣйствительно, нѣтъ животнаго болѣе чѣмъ оселъ надежнаго подъ денежный вьюкъ. Лисица въ этомъ отношеніи уступитъ ослу.

Обаятель-Фледжби прикидывался молодымъ джентльме-

номъ, живущимъ своимъ капиталомъ; но былъ извѣстенъ втайнѣ какъ нѣкотораго рода разбойникъ, торгующій векселями и пускающій деньги въ оборотъ за огромные проценты различными способами. Кругъ его знакомыхъ, начиная съ Ламмля, имѣлъ тоже разбойническій характеръ, проявлявшійся въ ихъ прогулкахъ по привольнымъ просѣкамъ Барышнаго лѣса, растущаго по окраинамъ акціонернаго рынка и биржи.

— Я полагаю, Ламмль, сказалъ Фледжби, кушая свой ломоть хлѣба съ масломъ,—что вы всегда были человѣкомъ пріятнымъ въ дамскомъ обществѣ?

— Всегда, отвѣчалъ Ламмль, продолжая значительно хмуриться отъ предшествовавшаго съ нимъ обращенія.

— Это вамъ отъ природы далось, а? спросилъ Фледжби.

— Дамамъ было угодно обращать на меня вниманіе, сэръ, угрюмо сказалъ Ламмль, но съ видомъ человѣка, который не въ состояніи долѣе воздерживать себя.

— Хорошее дѣло сдѣлали, что женились, не такъ ли? спросилъ Фледжби.

Ламмль улыбнулся (скверною улыбкой) и ударилъ себя пальцемъ по носу.

— Мой покойный родитель сдѣлалъ изъ этого тюрю, сказалъ Фледжби. Но Джор—какъ бишь ея настоящее-то имя: Джорджина или Джорджіана?

— Джорджіана.

— Я вчера объ этомъ думалъ; не зналъ, что есть такое имя. Я думалъ оно должно кончаться на *ина.*

— Почему?

— Вотъ почему: у васъ, напримѣръ, консертина, и вы играете на ней, если только умѣете, отвѣчалъ Фледжби, соображая очень медленно. — У васъ, напримѣръ, скарлатина, если вы ее захватите. Для спуска съ аэростата вы употребляете параш — нѣтъ этого вы не употребляете. Такъ вотъ, Джорджіана....

— Вы хотѣли что-то замѣтить о Джорджіанѣ? угрюмо намекнулъ Ламмль, послѣ напраснаго ожиданія.

— Я хотѣлъ замѣтить о Джорджіанѣ, сэръ, сказалъ Фледжби, крайне недовольный напоминаніемъ,—что она, мнѣ кажется, не зла, не принадлежитъ къ числу бодливыхъ.

— У нея голубиная кротость, мистеръ Фледжби.

— Вы, конечно, скажете это, отвѣтилъ Фледжби, разгоря-

чаясь тотчасъ же какъ только другой человѣкъ коснулся его интереса.—Но вы знаете ли, дѣло вотъ въ чемъ: то, что я говорю, не то что вы говорите. Я, имѣя предъ глазами моего покойнаго родителя и мою покойную родительницу, говорю, что Джорджіана, кажется, не принадлежитъ къ числу бодливыхъ.

Достопочтеннѣйшій мистеръ Ламмль былъ нахалъ и по природѣ, и по житейскому навыку. Замѣтивъ, что оскорбленія со стороны Фледжби возрастаютъ, и что примирительный тонъ нисколько не достигаетъ цѣли, онъ направилъ суровый взглядъ на маленькіе глаза Фледжби съ намѣреніемъ дѣйствовать иначе. Удовлетворившись тѣмъ, что ему показалось въ этихъ глазахъ, онъ разразился гнѣвомъ и ударилъ рукою по столу, такъ что фарфоръ на немъ зазвенѣлъ и запрыгалъ.

— Вы крайне оскорбительный негодяй, милостивый государь, закричалъ мистеръ Ламмль, поднимаясь со стула.—Вы въ высшей степени оскорбительный мерзавецъ. Что вы хотите доказать мнѣ такого рода поведеніемъ вашимъ?

— Послушайте! отозвался Фледжби.—Не горячитесь.

— Вы крайне оскорбительный негодяй, сударь, повторилъ мистеръ Ламмль.— Вы въ высшей степени оскорбительный мерзавецъ.

— Послушайте, знаете.... произнесъ Фледжби робѣя.

— Что, негодяй и подлый бродяга? сказалъ мистеръ Ламмль, свирѣпо озираясь.—Еслибы вашъ слуга былъ здѣсь, чтобы послѣ вычистить мои сапоги, то я надавалъ бы вамъ пинковъ.

— Нѣтъ, вы этого не сдѣлали бы, жалобно произнесъ Фледжби.—Я увѣренъ, что вы не рѣшились бы на это.

— Я вамъ скажу вотъ что, мистеръ Фледжби, сказалъ Ламмль, приближаясь къ нему.—Такъ какъ вы осмѣливаетесь противорѣчить мнѣ, то я вамъ немного покажу себя. Дайте мнѣ вашъ носъ.

Фледжби прикрылъ носъ рукою, и отступая сказалъ:

— Нѣтъ, пожалуста!

— Дайте мнѣ вашъ носъ, сэръ, повторилъ Ламмль.

Мистеръ Фледжби, продолжая прикрывать эту часть своего лица, и отступая, повторилъ (повидимому, подъ вліяніемъ сильнаго насморка).—Нѣтъ, пожалуста, пожалуста!

— И этотъ негодяй, воскликнулъ Ламмль остановившись,

и по возможности болѣе выставляя свою грудь,—и этотъ негодяй воображаетъ, потому что я выбралъ его изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ молодыхъ людей для выгодной аферы, и этотъ негодяй воображаетъ, потому что въ конторкѣ у меня, на дому, есть написанная его грязною рукой бумажонка, съ обязательствомъ уплатить по ней ничтожную сумму денегъ, когда состоится одно дѣло, которое можетъ состояться не иначе какъ при содѣйствіи съ моей стороны и со стороны моей жены,—и этотъ негодяй, Фледжби, воображаетъ, что онъ можетъ дѣлать дерзости мнѣ, Ламмлю! Дайте мнѣ вашъ носъ, сэръ!

— Нѣтъ, постойте! Я прошу у васъ извиненія, сказалъ Фледжби униженно.

— Что̀ вы говорите, сэръ? спросилъ Ламмль, повидимому, не понявшій его отъ чрезмѣрнаго гнѣва.

— Я прошу у васъ извиненія, повторилъ Фледжби.

— Повторите ваши слова громче, сэръ. Справедливое негодованіе, свойственное всякому джентльмену, бросило мнѣ кровь въ голову; я не слышу что̀ вы говорите.

— Я говорю, повторилъ Фледжби, съ усиленно-пояснительною учтивостью,—что я прошу у васъ извиненія!

Мистеръ Ламмль остановился.

— Какъ человѣкъ честный, сказалъ онъ, бросаясь на стулъ,—я обезоруженъ.

Мистеръ Фледжби тоже сѣлъ, хотя не такъ рѣшительно, и мало-по-малу, медленно, отнялъ руку отъ своего носа. Нѣкотораго рода естественная робость препятствовала ему высморкаться, тотчасъ же послѣ того какъ носъ его принималъ столь деликатный, чтобы не сказать, публичный характеръ; но онъ постепенно превозмогъ это чувство.

— Ламмль, униженно сказалъ онъ, высморкавъ предварительно свой носъ,—надѣюсь, мы друзья попрежнему?

— Мистеръ Фледжби, отвѣтилъ Ламмль,—ни слова больше объ этомъ.

— Я должно-быть зашелъ слишкомъ далеко, и причинилъ вамъ неудовольствіе, сказалъ Фледжби,—но я сдѣлалъ это безъ всякаго умысла.

— Ни слова больше объ этомъ, ни слова, повторилъ мистеръ Ламмль величавымъ голосомъ.—Дайте мнѣ... (Фледжби вздрогнулъ) дайте мнѣ вашу руку.

Они пожали одинъ другому руку, и со стороны мистера

Ламмль проявилась большая радость. Это оттого, что онъ былъ такой же трусъ какъ и Фледжби, и находился въ равной опасности пострадать отъ него, еслибы не ободрился во-время и не рѣшился поступить сообразно съ тѣмъ что замѣтилъ въ глазахъ Фледжби.

Завтракъ окончился въ совершенномъ согласіи. Рѣшено было, чтобы мистеръ и мистрисъ Ламмль неослабно вели интригу, чтобъ они вели любовное дѣло за Фледжби, и упрочили ему побѣду. Онъ же, съ своей стороны, униженно допуская, что не обладаетъ искусствомъ быть пріятнымъ въ обществѣ, упрашивалъ, чтобъ оба искусные помощники его пособили ему.

Какъ мало зналъ мистеръ Подснапъ о ловушкахъ и козняхъ окружающихъ его „молодую особу“! Онъ считалъ ее совершенно безопасною въ храмѣ Подснаповщины, выжидающею исполненія того времени, когда она, Джорджіана, обратится къ нему, Фисъ-Подснапу, и когда онъ надѣлитъ ее всѣми мірскими благами. Краска выступила бы на лицѣ его образцовой „молодой особы“, еслибъ она рѣшилась поступить въ дѣлахъ подобнаго рода не такъ какъ ей указано, и воспользоваться мірскими благами не такъ какъ рѣшено заранѣе. Кто отдаетъ сію жену въ супружество за сего мужа? Я, Подснапъ. Да погибнетъ всякая дерзкая мысль, что какое-либо мелкое твореніе осмѣлится вмѣшаться въ это!

Въ этотъ день былъ народный праздникъ, и Фледжби до самаго полудня не могъ возстановить спокойствія своей души или обычной температуры своего носа. Въ Сити онъ отправился послѣ праздничнаго полудня, пошелъ противъ вытекавшаго оттуда живаго потока, и только повернувъ въ предѣлы Сентъ-Мери-Аксъ, нашелъ миръ и тишину. Стоявшій тамъ желтый домъ съ выдавшимся впередъ верхнимъ этажемъ, выштукатуреннымъ снаружи, былъ также тихъ. Сторы въ немъ были опущены, а надпись Побсей и К°, стоявшая на окнѣ конторы въ нижнемъ этажѣ, казалось, дремала, выглядывая на спящую улицу.

Фледжби постучалъ и позвонилъ. Фледжби позвонилъ и постучалъ, но никто не являлся. Фледжби перешелъ чрезъ узкую улицу и посмотрѣлъ вверхъ на окна дома; но изъ нихъ никто не посмотрѣлъ на Фледжби. Онъ разсердился, снова перешелъ черезъ улицу и снова дернулъ за ручку колокольчика, какъ будто бы она была носъ дома и какъ будто

бы напоминала ему то что̀ онъ самъ чуть-чуть испыталъ недавно. Затѣмъ ухо, приложенное къ замочной скважинѣ, повидимому, дало ему наконецъ возможность удостовѣриться, что внутри что-то движется. Глазъ, приложенный къ замочной скважинѣ, повидимому, подтвердилъ показаніе уха, потому что онъ снова сердито дернулъ за носъ дома и потомъ сталъ дергать, дергать и продолжалъ дергать до тѣхъ поръ, пока не показался человѣческій носъ изъ отворившагося темнаго входа.

— Что это вы, сэръ! закричалъ Фледжби.—Что это вы за штуки разыгрываете?

Онъ говорилъ старому Еврею, въ старомъ сюртукѣ съ длинными полами и широкими карманами. Почтенный человѣкъ имѣлъ плѣшивую голову съ свѣтящеюся маковкой и съ длинными сѣдыми волосами, спускавшимися по обѣ стороны и мѣшавшимися съ его бородой. Онъ съ выраженіемъ покорности, по восточному, преклонилъ голову и вытянулъ руки ладонями книзу, какъ бы умилостивляя гнѣвъ повелителя.

— Что̀ вы тамъ такое дѣлали? сказалъ Фледжби гнѣвнымъ голосомъ.

— Великодушный христіанинъ-хозяинъ, умолялъ Еврей,— по случаю праздника, я не ожидалъ никого.

— Пропади они, праздники! сказалъ Фледжби входя.—Вамъ какое дѣло до праздниковъ? Затворите дверь.

Съ прежнимъ выраженіемъ покорности старикъ повиновался. Въ передней висѣла его порыжѣлая шляпа съ большими полями и низкою тульею, столько же ветхая, какъ и его сюртукъ; въ углу, при ней, стоялъ его посохъ—не трость, а истинный посохъ. Фледжби вошелъ въ контору, усѣлся на свою дѣловую скамью и заломилъ свою шляпу на бекрень. На полкахъ конторы стояли разныя картонныя коробочки и висѣли нитки поддѣльныхъ бусъ. Тутъ стояли также образцы дешевыхъ стѣнныхъ часовъ, образцы дешевыхъ вазъ съ цвѣтами и всякія иностранныя игрушки.

Сидя на скамьѣ, въ шляпѣ на бекрень, и покачивая одною ногой, Фледжби представлялъ своею молодостью невыгодный для него контрастъ со старостью Еврея, стоявшаго съ обнаженною и наклоненною головой и съ опущенными глазами, поднимавшимися лишь тогда, когда онъ говорилъ. Одежда его была поношенная и приняла рыжій цвѣтъ, какъ и

шляпа въ передней; но онъ и оборванный не казался низкимъ, между тѣмъ какъ Фледжби, не бывъ оборванъ, все-таки казался низкимъ.

— Вы не сказали мнѣ, что̀ вы тамъ такое дѣлали, сэръ, сказалъ Фледжби, почесывая себѣ голову окраиною шляпы.

— Сэръ, я пользовался свѣжимъ воздухомъ.

— Въ погребѣ, а потому и не слыхали?

— На кровлѣ дома.

— Клянусь душой! Вотъ вамъ способъ вести торговлю!

— Сэръ, представлялъ старикъ почтительнымъ и спокойнымъ голосомъ,—чтобы вести тутъ торговлю, нужны два человѣка, а праздникъ оставилъ меня одного.

— А! то-есть покупщикъ не можетъ быть продавцомъ въ то же время. Такъ вѣдь, кажется, ваши-то Евреи говорятъ?

— Что жь? это правда, отвѣчалъ старикъ улыбаясь.

— Нельзя же чтобы вашъ братъ правду иногда не сказалъ, замѣтилъ очаровательный Фледжби.

— Сэръ, неправды много между людьми всѣхъ наименованій, отвѣтилъ старикъ съ спокойнымъ повышеніемъ въ голосѣ.

Нѣсколько озадаченный Обаятель-Фледжби опять почесалъ свою умную голову шляпою, чтобы выиграть время и оправиться.

— Напримѣръ, началъ онъ снова, какъ будто бы онъ предъ этимъ говорилъ послѣдній.—Кто, кромѣ васъ и меня, когда-нибудь слыхалъ о бѣдномъ Евреѣ?

— Евреи, сказалъ старикъ, поднимая глаза съ своею прежнею улыбкой,—часто слышатъ о бѣдныхъ Евреяхъ, и помогаютъ имъ.

— Не объ этомъ рѣчь! отвѣтилъ Фледжби.—Вы знаете что̀ я хочу сказать. Вы, пожалуй, станете увѣрять, что вы бѣдный Еврей. Желалъ бы я, чтобы вы сознались, сколько вы нажили отъ моего покойнаго родителя. Я тогда имѣлъ бы лучшее о васъ мнѣніе.

Старикъ только преклонилъ голову, и протянулъ руки попрежнему.

— Не принимайте позы какъ въ школѣ глухо-нѣмыхъ, сказалъ остроумный Фледжби,—но выражайтесь какъ христіанинъ, или подобно христіанину, насколько можете.

— Меня тогда посѣтили болѣзнь и несчастія, и я былъ такъ бѣденъ, сказалъ старикъ,—что безнадежно оставался въ долгу у вашего родителя, не выплачивая ни капитала, ни про-

центовъ. Сынъ его, получивъ наслѣдство, милосердо простилъ мнѣ то и другое и помѣстилъ меня сюда.

Онъ сдѣлалъ легкое движеніе, какъ бы цѣлуя край воображаемой одежды, прикрывавшей находившагося предъ нимъ благороднаго юношу. Сдѣлалъ это покорно, но картинно и не унизительно.

— Вы, я вижу, не хотите ничего сказать болѣе, сказалъ Фледжби, смотря на него какъ будто бы съ желаніемъ испытать эффектъ выдергиванія двухъ-трехъ коренныхъ зубовъ,— и потому нечего васъ допрашивать. Но сознайтесь, Райя, вотъ въ чемъ: кто говоритъ, что вы бѣдны теперь?

— Никто, сказалъ старикъ.

— Вотъ правду сказалъ, согласился Фледжби.

— Никто, повторилъ старикъ, печально и медленно покачивая головою.—Всѣ смѣются надъ этимъ какъ надъ сказкою. Когда я говорю: „Эта маленькая игрушечная торговля не моя“, (съ плавнымъ движеніемъ легко сгибающейся руки для указанія разныхъ предметовъ на полкахъ), эта маленькая торговля принадлежитъ молодому джентльмену христіанину, который почтилъ меня, слугу своего, довѣріемъ и поручилъ все это мнѣ, и я обязанъ дать ему отчетъ въ каждой бусинкѣ,“ всѣ надъ этимъ смѣются. Когда же, въ болѣе важныхъ денежныхъ дѣлахъ, я говорю заемщикамъ: „не могу обѣщать этого, я не могу отвѣчать за другаго, я долженъ переговорить съ хозяиномъ, денегъ у меня нѣтъ, я бѣдный человѣкъ и это не отъ меня зависитъ,“ — то они не вѣрятъ и до того сердятся, что проклинаютъ меня во имя Іеговы.

— Славно, славно! воскликнулъ Обаятель-Фледжби.

— Иногда же они говорятъ: „Неужели нельзя обойдтись безъ этихъ штукъ, мистеръ Райя! Полно, полно, мистеръ Райя, мы знаемъ продѣлки людей вашего племени. (Моего племени!) Если вы даете взаймы деньги, такъ давайте ихъ, давайте; если же взаймы не даете, такъ берегите ихъ, да ужь такъ и говорите.“ Они мнѣ не вѣрятъ.

— Это прекрасно, сказалъ Обаятель-Фледжби.

— Они говорятъ: „Мы знаемъ, мистеръ Райя, знаемъ. Стоитъ только взглянуть на васъ, и мы все знаемъ.“

„Хорошъ, хорошъ для этого мѣста,“ подумалъ Фледжби, „да и я-то молодецъ, что выбралъ такого на это мѣсто! Я, можетъ-быть и мѣшковатъ, да ужь за то я рѣдко ошибусь.“

Ни единаго звука изъ этого разсужденія не проскользнуло,

вмѣстѣ съ дыханіемъ Фледжби, чтобы не подать повода слугѣ возвысить себѣ цѣну. Несмотря на старика, спокойно стоявшаго съ преклоненною головой и опущенными глазами, онъ чувствовалъ, что убавить у него одинъ дюймъ его лысины, одинъ дюймъ его сѣдыхъ волосъ, одинъ дюймъ его сюртука, одинъ дюймъ полей его шляпы, одинъ дюймъ его посоха, значило бы убавить у себя сотню фунтовъ стерлинговъ.

— Слушайте, Райя, сказалъ Фледжби, смягченный такими соображеніями.—Я желаю дать бо́льшіе размѣры покупкѣ сомнительныхъ векселей. Займитесь-ка этимъ дѣломъ.

— Сэръ, будетъ исполнено.

— Просматривая счеты, я вижу, что эта отрасль торговаго дѣла приноситъ порядочный барышъ, и потому я намѣренъ расширить ее. Объявите, гдѣ будетъ нужно, что вы скупаете ненадежные векселя огуломъ, — на вѣсъ, если это можно,— предполагая при этомъ, что вы всегда найдете возможность заглянуть въ пачки. Кромѣ этого, вотъ еще одно дѣльце. Приходите ко мнѣ съ конторскими книгами въ восемь часовъ утра въ понедѣльникъ.

Райя вынулъ изъ-за пазухи складныя таблетки и записалъ на нихъ приказаніе для памяти.

— Вотъ все что я хотѣлъ вамъ сказать въ настоящую минуту, продолжалъ Фледжби скареднымъ голосомъ, слѣзая со скамьи.—Кромѣ этого, я желалъ бы, чтобы вы пользовались свѣжимъ воздухомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ могли бы слышать колокольчикъ или скобку,* то или другое, или и то и другое вмѣстѣ. Кстати, какъ это вы пользуетесь воздухомъ на крышѣ дома? Изъ трубы что ли выставляете голову?

— Сэръ, тамъ есть площадка, покрытая свинцомъ, и я устроилъ на ней маленькій садикъ.

— Въ которомъ вы хороните ваши деньги, старый скряга?

— Сокровище, которое я хороню, хозяинъ, помѣстилось бы въ садикъ съ наперстокъ величиною, сказалъ Райя.—Двѣнадцать шиллинговъ въ недѣлю, полагаемые въ жалованье даже старику, хоронятся сами собою.

— Желалъ бы я знать, чего вы въ самомъ дѣлѣ сто́ите?

* На входной двери домовъ въ Англіи нерѣдко придѣлывается подъемная мѣдная или чугунная скоба, которою приходящіе стучатъ о бляху подъ ней находящуюся.

выразился Фледжби.—Но пойдемте, дайте взглянуть на вашъ садъ на черепицахъ.

Старикъ сдѣлалъ шагъ назадъ и замялся.

— Правду сказать, сэръ, у меня тамъ гости.

— Гости! Клянусь Георгіемъ! сказалъ Фледжби.—Я полагаю, вы не забыли кому принадлежитъ этотъ домъ!

— Сэръ, онъ вашъ; а я, живущій въ немъ, вашъ слуга.

— О! Я ужь думалъ, что вы забыли это, проговорилъ Фледжби, смотря на бороду Райи и ощупывая свою собственную:—у васъ гости въ моемъ домѣ?

— Взойдите сэръ, и взгляните на гостей моихъ. Я надѣюсь, вы согласитесь, что они народъ безобидный.

Минуя его съ привѣтною почтительностью, старикъ началъ подниматься на лѣстницу. Взбираясь впереди, онъ придерживался рукою за перила, и въ долгой черной одеждѣ своей, будто въ рясѣ, прикрывавшей каждую ступеньку последовательно, казался вожакомъ пилигримовъ, набожно восходившихъ къ какой-нибудь гробницѣ пророка.

Нѣсколько послѣднихъ деревянныхъ ступенекъ вывели ихъ, согнувшихся подъ низкимъ навѣсомъ крыши, на вершину дома. Райя остановился, и обратившись къ своему хозяину, указалъ ему на своихъ гостей.

Лиза Гексамъ и Дженни Ренъ, для которыхъ добродушный Еврей, можетъ-статься, по старинному инстинкту своего племени, разостлалъ коверъ, сидѣли прислонившись не къ какому-нибудь романическому предмету, а къ почернѣвшей дымовой трубѣ, вокругъ которой обвивалось какое-то простое ползучее растеніе. Обѣ онѣ склонились надъ одною книгою,—Дженни съ лицомъ оживленнымъ, Лиза съ выраженіемъ нѣкотораго затрудненія на лицѣ. Еще одна или двѣ книжки лежали вблизи и тутъ же стояли двѣ корзинки, одна съ простыми фруктами, а другая наполненная нитками бусъ и мишурными обрѣзками. Нѣсколько ящиковъ, съ обыкновенными цвѣтами и вѣчнозеленѣющими кустиками, довершали садъ. Окружающая пустыня была обставлена одинокими старыми трубами, которыя повертывали своими дымовыми колпачками и размахивали своимъ дымомъ, и казалось вскидывали головки, обмахивались опахалами и смотрѣли вокругъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

Отведя глаза отъ книги, чтобъ испытать, удержала ли память прочитанное, Лиза первая замѣтила что на нее смот-

рятъ. Она встала, и въ это время миссъ Ренъ, тоже замѣтивъ что ее наблюдаютъ, сказала, непочтительно обращаясь къ великому обладателю дома:—Кто бы вы ни были, *я* не могу встать, потому что спина у меня не въ порядкѣ и ноги неисправны.

— Это мой хозяинъ, сказалъ Райя, выступая впередъ.

(На хозяина не походитъ, замѣтила про себя миссъ Ренъ, передернувъ глазами и подбородкомъ).

— Это, сэръ, продолжалъ старикъ,—маленькая портниха, шьетъ на маленькихъ людей. Объясните хозяину, Дженни.

— На куколъ, вотъ и все, сказала отрывисто Дженни.—Трудно потрафить на нихъ: фигурки такія неопредѣленныя. У нихъ никогда не отыщешь таліи.

— Это ея пріятельница, снова началъ старикъ, указывая на Лизу,—столько же трудолюбивая, сколько и добродѣтельная. Впрочемъ, онѣ обѣ таковы. Онѣ работаютъ съ ранняго утра до поздняго вечера, сэръ,—съ ранняго утра до поздняго вечера; а на досугѣ, какъ напримѣръ сегодня въ праздникъ, учатся грамотѣ.

— Изъ этого толку не много будетъ, замѣтилъ Фледжби.

— Все зависитъ отъ человѣка, сказала миссъ Ренъ, перерывая его.

— Я познакомился съ моими гостями, сэръ, продолжалъ Еврей, съ явнымъ намѣреніемъ выгородить портниху,—потому что онѣ приходятъ сюда для покупки нашего браку и обрѣзковъ, которые идутъ въ дѣло у миссъ Дженни. Нашъ поступаетъ на наряды самаго лучшаго общества, сэръ,—бракъ на наряды ея румяныхъ маленькихъ покупщицъ. Онѣ употребляютъ его на свои головные уборы и бальныя платья, и даже (какъ она разказываетъ мнѣ) на придворные балы.

— А! сказалъ Фледжби, въ умѣ котораго эта кукольная картина раждала сильныя надежды на сбытъ:—она, должно-быть, сегодня купила то что̀ въ этой корзинкѣ?

— Должно-быть она купила, прервала миссъ Дженни,—и заплатила за все, по всей вѣроятности.

— Дайте взглянуть что̀ тутъ такое, сказалъ подозрительный хозяинъ.

Райя подалъ ему корзинку.

— Сколько же за все за это?

— Два драгоцѣнныхъ серебряныхъ шиллинга, сказала миссъ Ренъ.

— Хорошо, сказалъ Фледжби, ковыряя указательнымъ пальцемъ лежавшее въ корзинкѣ.—Цѣна не дурная. Вамъ отмѣрили порядочное количество, миссъ, какъ-бишь-васъ.

— Попробуйте—Дженни, подсказала дѣвочка съ совершеннымъ спокойствіемъ.

— Вамъ отмѣрили порядочное количество, миссъ Дженни; но и цѣна не дурная. А вы, сказалъ Фледжби, обратившись къ другой посѣтительницѣ, — покупаете здѣсь что-нибудь, миссъ?

— Нѣтъ, сэръ.

— И ничего не продаете, миссъ?

— Нѣтъ, сэръ.

Косо взглядывая на вопросителя, Дженни протянула тихонько руку къ рукѣ своей пріятельницѣ и понудила свою пріятельницу сѣсть.

— Мы такъ рады, что можемъ иногда придти сюда отдохнуть, сэръ, сказала Дженни. — Вѣдь вы не знаете въ чемъ состоитъ нашъ отдыхъ. Вѣдь онъ не знаетъ, Лиза? Тишина да воздухъ.

— Тишина! повторилъ Фледжби, презрительно повернувъ голову къ сторонѣ городскаго шума. — Воздухъ — пфу! — и онъ кивнулъ на дымъ.

— Ахъ! сказала Дженни.—Но тутъ такъ высоко. Вы видите облака быстро несутся надъ узкими улицами и нисколько о нихъ не думаютъ; вы видите золотые шпицы указываютъ на горы небесные, откуда вѣтеръ приходитъ, и вы чувствуете, что вы будто умерли.

Маленькое созданіе взглянуло вверхъ, поднявъ надъ собою тонкую, прозрачную руку.

— Какъ же вы себя чувствуете умерши? спросилъ Фледжби, сильно смутившись.

— О, такъ спокойно, вскричало маленькое созданіе, улыбаясь, — такъ мирно, такъ благодарно! Слышишь какъ тамъ люди оставшіеся въ живыхъ будто плачутъ, и работаютъ, и зовутъ другъ друга, тамъ внизу, въ душныхъ, темныхъ улицахъ, и жалѣешь ихъ. Словно цѣпь спадаетъ съ тебя, и такое чувствуется странное, доброе и грустное счастіе....

Глаза ея опустились на старика, со сложенными руками, спокойно смотрѣвшаго.

— Только сейчасъ, сказало маленькое созданіе, указывая на него,—мнѣ казалось, я видѣла какъ онъ вышелъ изъ сво-

ей могилы! Онъ выходилъ изъ этой низкой двери, согнутый и изнуренный, потомъ вздохнулъ, выпрямился, взглянулъ на небо, вѣтеръ дунулъ ему въ лицо, и жизнь его тамъ внизу, во тьмѣ, окончилась! Вдругъ его снова призвали къ жизни, прибавила она обернувшись къ Фледжби и смотря на него пронзительно изъ подлобья:—Зачѣмъ вы призвали его?

— Какъ бы ни было, а онъ долго не являлся, пробормоталъ Фледжби.

— Но вотъ *вы* такъ не умерли, сказала Дженни Ренъ.— Ступайте внизъ живите!

Мистеръ Фледжби, казалось, счелъ это за хорошій намекъ, и кивнувъ головою, повернулся. Въ то время какъ Райя послѣдовалъ за нимъ внизъ по лѣстницѣ, маленькое созданіе крикнуло Еврею серебрянымъ голоскомъ: не оставайся тамъ долго. Возвратись и умри!—И потомъ, пока они спускались, имъ слышался тонкій пріятный голосъ все слабѣе и слабѣе раздававшійся полуговоромъ и полупѣснею: Возвратись и умри! Возвратись и умри!

Когда они сошли въ переднюю, Фледжби остановился подъ тѣнью широкой шляпы, и задумчиво приподнявъ посохъ, сказалъ старику:

— Красивая дѣвушка та что въ своемъ умѣ.

— И столько же добрая, сколько красивая, отвѣтилъ Райя.

— Во всякомъ случаѣ, замѣтилъ Фледжби и сухо свиснулъ,— я надѣюсь она не такъ дурна, чтобы подвести какого-нибудь парня къ нашимъ замкамъ и указать ему какъ забраться въ домъ. Смотрите зорко, глазъ не закрывайте и новыхъ знакомыхъ не пріобрѣтайте, какъ бы красивы они ни были. Вы, конечно, имени моего не упоминаете.

— Сэръ, положительно нѣтъ.

— Если будутъ спрашивать васъ объ этомъ, скажите Робсей, или скажите К°, или что угодно, только не настоящее имя.

Его признательный слуга, въ племени котораго признательность бываетъ глубока, сильна и продолжительна, склонилъ голову, и на этотъ разъ дѣйствительно приложилъ къ своимъ губамъ край его одежды; но такъ легко, что хозяинъ ничего не зналъ объ этомъ.

Обаятельный Фледжби пошелъ своею дорогой, радуясь ловкости своего ума, благодаря которой онъ держалъ у себя

подъ пальцемъ Еврея; а старикъ пошелъ иною дорогой, вверхъ по лѣстницѣ. По мѣрѣ того какъ онъ всходилъ, до слуха его началъ снова доноситься звукъ призыва или пѣсни, и онъ, взглянувъ вверхъ, увидѣлъ лицо маленькаго созданія, смотрящее внизъ изъ вѣнца своихъ длинныхъ, свѣтлыхъ, блестящихъ волосъ, и сладкозвучно повторяющее ему какъ видѣніе:

— Возвратись и умри! Возвратись и умри!

VI. Загадка безъ отвѣта.

Мистеръ Мортимеръ Ляйтвудъ и мистеръ Евгеній Рейборнъ опять сидѣли вмѣстѣ въ Темплѣ. Въ этотъ вечеръ, однакожь, они находились не въ конторѣ „высокодаровитаго“ солиситора, а насупротивъ ея, въ другихъ унылыхъ комнатахъ, въ томъ же второмъ этажѣ, гдѣ на черной входной двери, походившей на тюремную, являлась слѣдующая надпись:

Квартира
мистера Евгенія Рейборна
и
мистера Мортимера Ляйтвуда.
(*Контора мистера Ляйтвуда напротивъ.*)

Все въ этой квартирѣ показывало, что она была въ недавнее время отдѣлана заново. Бѣлыя буквы надписи были чрезвычайно бѣлы и чрезвычайно сильно дѣйствовали на чувство обонянія. Комплексія столовъ и стульевъ (подобно комплексіи леди Типпинсъ) была слишкомъ цвѣтуща, такъ что трудно было довѣриться ей; а ковры и ковровыя тропинки, казалось, такъ и поднимались къ лицу зрителя необычайною выпуклостью своихъ узоровъ.

— Ну вотъ, сказалъ Евгеній, сидя по одну сторону камина,— теперь я чувствую себя довольно въ хорошемъ расположеніи духа. Надѣюсь что и меблировщикъ нашъ чувствуетъ себя точно также.

— Почему же ему точно также себя и не чувствовать? спросилъ Ляйтвудъ, сидя по другую сторону камина.

— Конечно, продолжалъ Евгеній, размышляя: — онъ не посвященъ въ тайны нашихъ денежныхъ обстоятельствъ, а потому и можетъ пребывать въ этомъ хорошемъ и спокойномъ настроеніи духа.

— Мы ему заплатимъ, сказалъ Мортимеръ.

— Заплатимъ, въ самомъ дѣлѣ! отозвался Евгеній, безпечно удивленный. — Ты не шутя это говоришь?

— Я намѣренъ заплатить ему, Евгеній, за свою часть, сказалъ Мортимеръ слегка обиженнымъ тономъ.

— А! Я тоже намѣренъ заплатить ему, отвѣтилъ Евгеній. Но я намѣренъ лишь на столько, что я, — что я пожалуй и не намѣренъ.

— Не намѣренъ?

— Нѣтъ, я лишь только намѣренъ и всегда буду только намѣренъ, а больше ничего, мой любезнѣйшій Мортимеръ. Вѣдь это все то же.

Его пріятель, откинувшись назадъ на вольтеровскомъ креслѣ, внимательно посмотрѣлъ на него раскинувшагося тоже въ вольтеровскомъ креслѣ съ вытянутыми на предкаминный коврикъ ногами, и потомъ со смѣхомъ, который Евгеній Рейборнъ всегда могъ возбудить въ немъ безъ всякаго видимаго старанія и намѣренія, сказалъ ему:

— Какъ бы ни было, а твои причуды много увеличили счетъ.

— Домашнія добродѣтели называетъ причудами! воскликнулъ Евгеній, поднимая глаза къ потолку.

— Эта всѣмъ снабженная маленькая кухня наша, сказалъ Мортимеръ, — въ которой никогда ничего не будетъ готовиться.

— Мой любезный Мортимеръ, отвѣчалъ его другъ, лѣниво приподнимая свою голову, чтобы взглянуть на него, — какъ часто я объяснялъ тебѣ, что нравственное вліяніе кухни есть дѣло большой важности!

— Ея нравственное вліяніе на этого парня! воскликнулъ Ляйтвудъ смѣясь.

— Сдѣлай мнѣ одолженіе, сказалъ Евгеній, вставая съ кресла съ большою важностью, — пойдемъ и осмотримъ эту часть нашего хозяйства, которую ты такъ поспѣшно осуждаешь.

Сказавъ это онъ взялъ свѣчу и повелъ своего товарища въ четвертую комнату ихъ квартиры, небольшую, узкую комнату, которая была очень удобно и красиво отдѣлана подъ кухню.

— Смотри! сказалъ Евгеній, — миніатюрная мучная кадка, скалка, ящикъ для пряностей, полка муравленой посуды, доска для рубки мяса, кофейная мельница, шкафъ превосходно снабженный фаянсомъ, соусники, сковородки, пружинный

вертелъ, очаровательный котелокъ, и цѣлая оружейная палата покрышекъ для блюдъ. * Нравственное вліяніе этихъ предметовъ въ развитіи домашнихъ добродѣтелей имѣетъ на меня огромное вліяніе; не на тебя, потому что ты отпѣтый человѣкъ, а на меня. Дѣйствительно, мнѣ кажется, я чувствую, что во мнѣ начинаютъ зараждаться домашнія добродѣтели. Сдѣлай мнѣ еще одолженіе, войди въ мою спальню. Вотъ письменный столъ, видишь ты, съ прикрытымъ рядомъ разгородокъ, изъ краснаго дерева, по разгородкѣ на каждую букву азбуки. Для какого употребленія я назначаю ихъ? Получаю я вексель, скажемъ отъ Джонса. Я тщательно подписываю его на письменномъ столѣ „Джонсъ," и кладу въ разгородку подъ буквою Д. Это почти то же что росписка, и для *меня* столько же удовлетворительно. И я очень желалъ бы, Мортимеръ, продолжалъ Евгеній, садясь на кровать съ видомъ философа, поучающаго ученика,—чтобы мой примѣръ побудилъ тебя выработать въ себѣ привычку къ аккуратности и методѣ, и посредствомъ нравственныхъ вліяній, которыми я тебя окружилъ, поощрить къ развитію домашнихъ добродѣтелей.

Мортимеръ снова засмѣялся, съ своими обыкновенными замѣчаніями: „Какъ можешь ты быть до такой степени смѣшенъ, Евгеній! Какой ты чудакъ!" Но когда его смѣхъ прекратился, въ лицѣ его появилось что-то серіозное, если не безпокойное. Несмотря на пагубно привившіяся къ нему вялость и равнодушіе, сдѣлавшіяся его второю натурой, онъ былъ сильно привязанъ къ своему другу. Онъ сдружился съ Евгеніемъ когда они были еще мальчиками въ школѣ, и съ того времени подражалъ ему не менѣе, удивлялся ему не менѣе, любилъ его не менѣе чѣмъ въ тѣ минувшіе дни.

— Евгеній, сказалъ онъ,—еслибъ я могъ найдти тебя хотя на минуту серіознымъ, я бы попробовалъ серіозно поговорить съ тобою.

— Серіозно поговорить? повторилъ Евгеній.—Моральныя вліянія начинаютъ дѣйствовать. Говори.

— Хорошо. Я начну, отозвался Мортимеръ,—хотя ты пока еще не серіозенъ.

---

* Въ Англіи блюда подаются на столъ покрытыя металлическими колпаками изъ жести, апплике или серебра, смотря по состоянію хозяина дома.

— Въ этомъ желаніи серіозности, проговорилъ Евгеній, съ видомъ человѣка, глубоко размышляющаго,—я вижу счастливое вліяніе миніатюрной мучной кадки и кофейной мельницы на кухнѣ. Утѣшительно.

— Евгеній, снова началъ Мортимеръ, не обращая вниманіе на это небольшое замѣчаніе, и кладя руку на плечо Евгенія, въ то время, какъ онъ, Мортимеръ, стоялъ предъ нимъ, все еще сидѣвшимъ на своей кровати,—ты что-то скрываешь отъ меня.

Евгеній взглянулъ на него, но не сказалъ ни слова.

— Все прошлое лѣто ты что-то скрывалъ отъ меня. До наступленія нашей лодочной вакаціи ты такъ мечталъ о ней, какъ мнѣ никогда не случалось видѣть тебя съ тѣхъ поръ когда мы впервые вмѣстѣ съ тобой плавали въ лодкѣ. Когда же наступила вакація, то ты и думать забылъ о лодкѣ и безпрестанно отлучался. Хорошо было сказать мнѣ полдюжину разъ, дюжину разъ, двадцать разъ, по твоей причудливой привычкѣ, которую я такъ знаю и такъ люблю, что твои отлучки были внушаемы желаніемъ, чтобы мы не надоѣли другъ другу; но само собою разумѣется, по прошествіи короткаго времени, я началъ понимать, что онѣ прикрываютъ что-то. Я не спрашиваю что̀, такъ какъ ты самъ мнѣ ничего не говоришь; но это фактъ. Скажи, не такъ ли?

— Даю тебѣ честное слово, Мортимеръ, отвѣтилъ Евгеній, послѣ серіознаго молчанія, продолжавшагося нѣсколько мгновеній,—что я ничего не знаю.

— Не знаешь, Евгеній?

— Клянусь душой, не знаю. Я знаю о самомъ себѣ меньше чѣмъ обо многихъ людяхъ въ свѣтѣ, и опять скажу: ничего не знаю.

— Ты имѣешь какой-то планъ въ головѣ?

— Я имѣю? Мнѣ кажется, не имѣю.

— По крайней мѣрѣ, у тебя есть какой-то предметъ, тебя интересующій, чего прежде ты не имѣлъ?

— Я, право, не могу сказать, отвѣтилъ Евгеній, смущенно покачавъ головою, и снова помолчавъ, чтобы сообразиться съ мыслями.—По временамъ я думалъ *есть* и по временамъ думалъ *нѣтъ*. Иногда я былъ готовъ искать такого предмета, иногда же чувствовалъ, что это глупо, и что это утомляло и затрудняло меня. Рѣшительно я не могу сказать. Откровенно и искренно говорю, я сказалъ бы еслибы могъ.

Отвѣтивъ такимъ образомъ, онъ хлопнулъ рукою, въ свою очередь, по плечу друга, и вставая съ кровати, сказалъ:

— Ты долженъ понимать своего друга такимъ каковъ онъ есть. Ты знаешь каковъ я, мой любезный Мортимеръ. Ты знаешь какъ я ужасно чувствителенъ къ скукѣ. Ты знаешь, что я, сдѣлавшись настолько человѣкомъ чтобы сознать себя воплощенною загадкой, докучалъ самому себя до крайней степени, стараясь разгадать что̀ я такое. Ты знаешь, что я, наконецъ, отказался отъ этого и рѣшился больше не отгадывать. Стало-быть, какъ же могу я дать отвѣтъ, котораго я до сихъ поръ не пріискалъ? Старинная дѣтская прибаутка говоритъ: „Погадай, погадай, дитятко родное; а все-таки ты не отгадаешь что̀ это такое.“ Мой отвѣтъ говоритъ *нѣтъ*. Клянусь жизнью, не могу.

Въ этомъ отвѣтѣ было примѣшано столько причудливой правды извѣстной Мортимеру о безпечномъ Евгеніи, что слова его нельзя было принять за простую уклончивость. Кромѣ того, они были сказаны съ увлекательнымъ видомъ откровенности; очевидно, для единственнаго цѣнимаго имъ друга, онъ дѣлалъ исключеніе изъ своего обычнаго равнодушія и безпечности.

— Пойдемъ, любезный другъ, сказалъ Евгеній.—Попробуемъ какое дѣйствіе произведетъ куреніе. Если оно хоть сколько-нибудь просвѣтитъ меня по предмету этого вопроса, я скажу тебѣ все безъ утайки.

Они возвратились въ комнату, изъ которой вышли, и найдя что она слишкомъ нагрѣлась, открыли окно. Закуривъ сигары, они присѣли къ окну, и пуская дымъ, принялись смотрѣть внизъ на дворъ, находившійся подъ ними и освѣщенный луною.

— Нѣтъ, не просвѣщаетъ, началъ Евгеній послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.—Я искренно извиняюсь, мой другъ Мортимеръ, но изъ этого ничего не выходитъ.

— Если ничего не выходитъ, отозвался Мортимеръ,—такъ ничего не можетъ и выйдти изъ этого. Поэтому я могу быть спокоенъ. Ничего не выйдетъ, ничего вреднаго для тебя Евгеній, или...

Евгеній остановилъ его на мгновеніе, взявъ за руку, и въ то же время, вынувъ кусочекъ земли изъ цвѣточнаго горшка, стоявшаго на подоконникѣ, ловко угодилъ имъ въ небольшую

точку свѣта напротивъ. Сдѣлавъ это къ полному своему удовольствію, онъ сказалъ, „или?"

— Или вреднаго для кого-нибудь другаго.

— Какъ, сказалъ Евгеній, взявъ еще кусочекъ земли и бросивъ его чрезвычайно мѣтко въ ту же цѣль,—какъ вреднаго—для кого-нибудь другаго?

— Ужь не знаю.

— И, сказалъ Евгеній пуская въ то же время другой выстрѣлъ,—для кого же для другаго?

— Не знаю.

Взявъ въ руку еще кусочекъ земли, Евгеній взглянулъ вопросительно и отчасти подозрительно на своего друга. Въ лицѣ его не было ни затаенной, ни полувысказанной мысли.

— Два заблудшіе скитальца въ лабиринтѣ закона, сказалъ Евгеній, привлеченный звукомъ шаговъ и устремившій глаза внизъ,—вступаютъ во дворъ. Они осматриваютъ дверь подъ нумеромъ первымъ и ищутъ нужное для нихъ имя. Не находя его подъ первымъ нумеромъ, они переходятъ ко второму. Въ шляпу скитальца нумеръ второй, того который поменьше, я пускаю вотъ этотъ комочекъ. Попавъ ему въ шляпу, я спокойно продолжаю курить и погружаюсь въ созерцаніе неба.

Оба скитальца взглянули вверхъ на окно; но обмѣнявшись двумя или тремя словами. скоро обратились къ двери подъ окномъ. Тамъ, повидимому, они нашли что имъ требовалось, потому что вошли въ двери и скрылись изъ виду.

— Когда они снова покажутся, сказалъ Евгеній,—ты увидишь какъ я сшибу ихъ обоихъ,—и для этой цѣли онъ приготовилъ два комочка.

Онъ не подозрѣвалъ, что они искали его имени или имени Лайтвуда. Но имъ, повидимому, нужно было то или друго е ибо скоро раздался легкій стукъ въ дверь.

— Сегодня я дежурный, сказалъ Мортимеръ.—Евгеній, оставайся на своемъ мѣстѣ.

Не нуждаясь въ убѣжденіи, Евгеній остался на мѣстѣ, продолжая спокойно курить и нисколько не любопытствуя узнать кто постучался, пока Мортимеръ не заговорилъ съ нимъ и не тронулъ его. Тогда онъ выдвинулся изъ окна въ комнату и увидѣлъ, что посѣтители были Чарлей Гексамъ и его учитель. Они стояли противъ него и тотчасъ же узнали его.

— Ты помнишь этого молодца, Евгеній? сказалъ Мортимеръ.

— Дай-ка мнѣ взглянуть на него, отвѣтилъ хладнокровно Рейборнъ.—О, да, да! Помню!

Онъ не имѣлъ намѣренія приподнять его за подбородокъ, какъ сдѣлалъ прежде; но мальчикъ заподозрилъ въ немъ это намѣреніе и съ гнѣвнымъ движеніемъ поднялъ свою руку. Рейборнъ засмѣялся и взглянулъ на Ляйтвуда, какъ бы спрашивая поясненія этого страннаго визита.

— Онъ говоритъ, что имѣетъ что-то сказать тебѣ.

— Вѣроятно, это тебѣ, Мортимеръ.

— Такъ и я думалъ; но онъ говоритъ нѣтъ. Онъ говоритъ, что онъ къ тебѣ.

— Да, я дѣйствительно говорю это, подтвердилъ мальчикъ. — Я намѣренъ высказать то что̀ надобно высказать, мистеръ Евгеній Рейборнъ!

Миновавъ его глазами, какъ будто бы тамъ, гдѣ онъ стоялъ, ничего не было, Евгеній посмотрѣлъ на Брадлея Гедстона. Потомъ, съ совершенною безпечностью, обратился къ Мортимеру и спросилъ, кто этотъ другой человѣкъ?

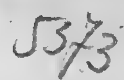
— Я другъ Чарльза Гексама, сказалъ Брадлей.—Я учитель Чарльза Гексама.

— Мой любезный сэръ, вамъ бы учить вашихъ учениковъ лучше держать себя, замѣтилъ Евгеній.

Спокойно продолжая курить, онъ облокотился на каминный наличникъ, у самаго огня, и смотрѣлъ на учителя. Онъ смотрѣлъ на него жестокими глазами, исполненными холоднаго презрѣнія, какъ на существо ничего не сто̀ящее. Учитель тоже смотрѣлъ на него жестокими глазами, но съ выраженіемъ иного рода: въ нихъ проглядывали и бѣшеная ревность, и пламенный гнѣвъ.

Замѣчательно, что ни Евгеній Рейборнъ, ни Брадлей Гедстонъ не смотрѣли на мальчика. Во все продолженіе послѣдовавшаго разговора между этими двумя лицами, кто бы изъ нихъ ни говорилъ, и къ кому бы ни обращались слова, они смотрѣли только другъ на друга. Между ними было какое-то тайное, но безошибочное взаимное пониманіе, которое во всѣхъ отношеніяхъ дѣлало ихъ врагами.

— Въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ, мистеръ Евгеній Рейборнъ, сказалъ Брадлей въ отвѣтъ, съ губами блѣдными

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1865 году.

Цѣна за РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ на 1865 годъ въ Москвѣ и Петербургѣ **тринадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ,** съ пересылкой въ другіе города и доставкой на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ **пятнадцать рублей.**

Подписка на *Русскій Вѣстникъ* принимается:

ВЪ МОСКВѢ

Въ Конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника* въ Москвѣ. Заграничные обращаются исключительно въ Берлинскій почтамтъ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1865 году.

Цѣна за *Московскія Вѣдомости* на 1865 годъ, съ казенными объявленіями и воскресными прибавленіями: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, **двѣнадцать рублей сер.;** съ доставкою на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой въ другіе города **пятнадцать рублей сер.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ бульварѣ, и въ газетныхъ экспедиціяхъ Московскаго и С.-Петербургскаго почтамтовъ. Въ Петербургѣ, кромѣ того, можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Дозволено цензурой. Москва, 16-го марта 1865 г.

